

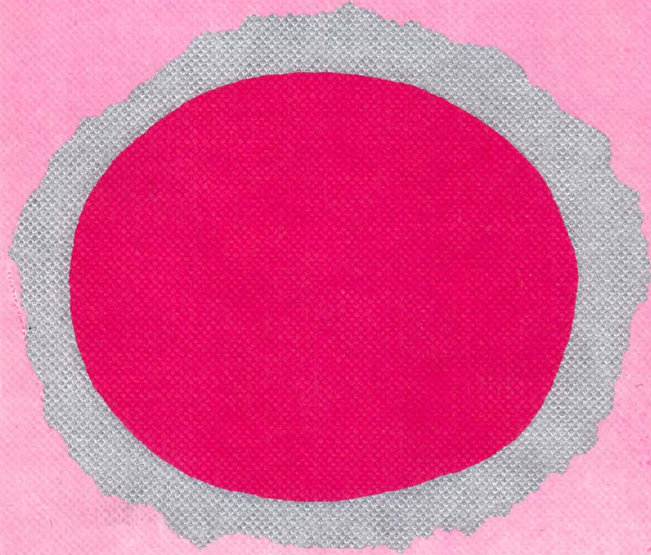
ЯСУНАРИ
КАВАБАТА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ЯСУНАРИ КАВАБАТА

小海峽

小海菜

ЯСУНАРИ КАВАБАТА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО

МОСКВА
«РАДУГА»
1986

**ББК 84.5Я
К12**

Составление **Б. Раскина**
Перевод **В. Гривнина, В. Марковой, Б. Раскина**
Послесловие **Н. Федоренко**

Кавабата Я.

К12 **Избранные произведения: Сборник. Пер. с япон. / Составл. Б. Раскина; Послесл. Н. Федоренко. — М.: Радуга, 1986. — 592 с.**

Ясунари Кавабата — один из крупнейших японских писателей старшего поколения, лауреат Нобелевской премии. Древние традиции японской культуры, самобытность мировосприятия японцев, сохранившаяся несмотря на влияние западной цивилизации, — вот главные темы его творчества.

В настоящий сборник помимо произведений, уже публиковавшихся на русском языке, — романов «Стон горы», «Старая столица» и повести «Танцовщица из Идзу», — вошли повесть «Озеро» и несколько рассказов, написанных Кавабата в последние годы жизни.

К $\frac{4703000000 - 257}{030(05) - 86}$ 40 — 86

**ББК 84.5Я
И (Япония)**

© Составление, послесловие и перевод на русский язык произведений, отмеченных в содержании знаком *, издательство «Радуга», 1986

ПОМАН

СТОН ГОРЫ

Перевод В. Гривнина

СТОН ГОРЫ

1

Синго Огата чуть нахмурился, чуть приоткрыл рот — похоже, он о чем-то задумался. Со стороны, может быть, и не видно, что он задумался. Кажется — он грустит.

Его сын, Сюити, сразу заметил это, но такое случилось часто, и он не встревожился.

Сюити понимал состояние отца — он не просто задумался. Он пытается что-то вспомнить.

Отец снял шляпу и опустил на колени, не выпуская ее из рук. Сюити молча взял у него шляпу и положил в багажную сетку.

— Э-эта, как ее... — В такие минуты Синго с трудом подыскивал слова. — Прислуга, которая недавно уехала в деревню, как ее звали?

— Каё, по-моему.

— Да, да, Каё. Когда она уехала?

— В четверг на прошлой неделе, значит, пять дней назад.

— Пять дней назад? Прислуга взяла расчет всего пять дней назад, а я уже не помню ни ее лица, ни как она была одета. Это ужасно.

Отец преувеличивает, подумал Сюити.

— Это случилось дня за два, за три до отъезда этой самой Каё. Я собрался на прогулку, стал надевать гэта¹ и говорю: «Что это у меня на ноге, уж не экзема ли?» А Каё отвечает: «Ну что вы, просто натерли любимый мозоль». Честно говоря, меня это даже тронуло. Я, видимо, действительно натер мозоль на прогулке. Так вот, я подумал, что «любимый» ко мне относится. И растрогался. А теперь понимаю, что она говорила о «любимой мозоли». Так что

© Перевод на русский язык издательство «Художественная литература», 1975

¹ Сандалии с деревянными подошвами на высоких опорах. — Здесь и далее примечания переводчиков.

умиляться было не от чего. Просто неграмотно выразилась. Это и сбило меня с толку. Я только сейчас сообразил, — сказал Синго. — Понимаешь мою ошибку?

— Понимаю.

— Ну да. Она просто неграмотно выразилась, и это сбило меня с толку.

Отец был из провинции и чувствовал себя в грамматике не слишком уверенно. А Сюити учился в Токио.

— Теперь я понял свою ошибку, а вот имени прислуги никак вспомнить не могу. Не помню ни лица ее, ни как она была одета. Каё прожила у нас, пожалуй, с полгода?

— Да.

Сюити давно привык к забывчивости отца и не выразил ему ни малейшего сочувствия.

А сам Синго, хоть уже и пора было привыкнуть, все же встревожился немного. Сколько он ни старался вспомнить Каё, ясно представить себе служанку не удавалось. Он пытался расшевелить свою память сентиментальными подробностями.

Вот и сейчас он вспоминает, как Каё, низко кланяясь, провожала его в прихожей. Вспоминает, как она сказала: «Ну что вы, просто натерли любимый мозоль».

Видя, как трудно восстановить в памяти один-единственный случай, когда прислуга, прожившая в доме полгода, провожала его в прихожей, Синго чувствует, что жизнь уходит.

2

Ясуко, жена Синго, старше его на год, ей шестьдесят три.

У них сын и дочь. Старшая — дочь, Фусако, у нее две девочки.

Ясуко выглядит молодо. Она не кажется старше мужа. И не потому, что Синго такой уж дряхлый, — просто считается, что жена обычно моложе мужа, и если она не выглядит старше его, то в этом нет ничего неестественного. К тому же она небольшого роста, плотная, крепко сбитая.

Ясуко никогда не была красавицей, а в молодости выглядела старше мужа и потому не любила выходить с ним на люди.

Синго, сколько ни думал, так и не вспомнил, с какого возраста исчезло ощущение, что жена старше его. По его

расчетам, после пятидесяти. Женщина, как правило, стареет раньше, а тут все наоборот.

В шестьдесят лет у Синго случилось кровотечение. Скорее всего легочное, но он не стал ни серьезно обследоваться, ни лечиться. Правда, больше оно не повторилось.

Болезнь не состарила Синго. Наоборот, кожа разгладилась. И за те полмесяца, что он лежал в постели, губы у него стали яркими, как в молодости.

Синго раньше не жаловался на легкие. И когда в шестьдесят лет у него вдруг пошла горлом кровь, он помрачнел, приуныл, но лечиться отказался. Сюити считал это старческим упрямством, хотя дело было в другом.

Ясуко спит хорошо, наверно, потому, что здорова. Иногда Синго кажется, что по ночам он просыпается только от храпа Ясуко. Она начала храпеть лет с пятнадцати, и родители без конца таскали ее по врачам, но после замужества это у нее прошло. И она снова стала храпеть лет десять назад.

Обычно Синго сжимает пальцами нос Ясуко и теребит. Если не помогает, он хватает ее за шею и трясет. Это когда он в хорошем расположении духа, а когда в дурном — еще и остро чувствует старческую немощь этого тела, многие годы лежащего рядом с ним.

В эту ночь Синго был в плохом настроении — он зажег свет и искоса взглянул на Ясуко. Потом схватил ее за шею и стал трясти. Шея в испарине.

Чтобы жена перестала храпеть, может быть, достаточно просто протянуть руку и дотронуться до нее, подумал Синго, неожиданно почувствовав к ней острую жалость.

Он взял лежавший у изголовья журнал, но было невыносимо душно и жарко; тогда он встал, вышел на веранду, широко раскрыл ставни и присел на корточки.

Была лунная ночь.

За ставнями висело платье Кикуко. Какого-то неопределенно-белого цвета. Наверно, выстирала его и забыла снять, подумал Синго, а может быть, нарочно оставила платье на улице, чтобы его вымыла ночная роса.

«Гья, гья, гья, гья», — послышался из сада стрекот. Это цикада, которая сидит на вишне, что растет слева, почти касаясь карниза. Неужели у цикады такой противный голос? — усомнился Синго. И все-таки это цикада.

Интересно, цикады тоже боятся страшных снов?

Цикада подлетела и опустилась на сетку от москитов.

Синго схватил ее, но она не стрекотала.

— Немая, — пробормотал Синго. — Это другая цикада, не та, что верещала «гья».

Чтобы ее снова не приманил свет, Синго с силой подбросил цикаду к самой макушке вишни. Цикада так и не застрекотала.

Взявшись за створки ставней, он перегнулся через перила веранды и стал осматривать вишню, но так и не определил, села на нее цикада или нет. Лунная ночь кажется глубокой. И эта глубина ощущается как бесконечность.

Еще далеко до десятого августа, а цикады уже стрекочут.

Кажется, будто с листа на лист падают капли ночной росы.

Потом Синго услышал стон горы.

Ветра нет. Вот-вот наступит полнолуние, все залито светом, и в сыром ночном воздухе чуть колышется тусклый контур деревьев, очерчивающий невысокую гору. Нет, колышется не от ветра.

Неподвижны и листья папоротника внизу под верандой, на которой стоит Синго.

В иные ночи слышен шум волн на болотистом побережье Камакура, и поэтому Синго подумал, не стон ли это моря, но нет, это был стон горы.

Он был похож на далекий стон ветра, и в нем чувствовалась глубоко скрытая мощь, как в подземном гуле. Казалось, стонет у тебя в голове, и Синго, проверяя, не шумит ли у него в ушах, помотал головой.

Стон прекратился.

Стон прекратился, но Синго охватил страх. Он похолодел — а вдруг это весть, что настал его смертный час?

Стон ветра? Стон моря? Звон в ушах? Синго нужно было все обдумать спокойно. Может быть, он слышал один из этих звуков, подумал он. Нет, то был в самом деле стон горы.

Точно пронесся дьявол и заставил гору застонать.

Оттого что ночной воздух был полон влаги, гора, и так-то крутая, казалась мрачной, неприступной стеной. Гора подступала почти вплотную к дому Синго и, хоть напоминала отвесную стену, походила скорее на половину огромного яйца.

Рядом с горой и за ней высятся другие горы, но застонала скорее всего именно эта гора, у дома Синго.

Из-за верхушек деревьев там и тут проглядывают звезды.

Задвигая ставни, Синго вспомнил один странный случай.

Дней десять назад он ждал приятеля в новом чайном домике. Того все не было, и гейша пришла пока только одна — две другие опаздывали.

— Снимите галстук. Жара невыносимая, — сказала гейша.

— Угу.

Синго позволил гейше снять с себя галстук.

Они не были близко знакомы, но, положив галстук в карман его пиджака, лежавшего у ниши, где висела картина, гейша начала рассказывать о себе.

Месяца два назад гейша и подрядчик, строивший этот чайный домик, полюбили друг друга и решили вместе покончить с собой. Но когда пришло время выпить цианистый калий, гейша засомневалась — хватит ли того количества, которое у них было, чтобы умереть без мучений.

— «Доза смертельная, это точно, — говорил мне тот человек. — Посмотри, каждая доза в отдельном пакетике, верно? Значит, насыпано сколько надо». Но я все равно не верила. Мои подозрения только усиливались. «Кто дал тебе порошки? Может быть, специально насыпали так мало, чтобы проучить нас обоих и заставить помучиться? Я тебя спрашиваю, какой врач или аптекарь дал тебе это, а ты твердишь одно — не могу сказать. Странно. Решили вместе умереть, а ты даже такого пустяка рассказать не можешь. Ведь потом я так и не узнаю».

«Просто фарс какой-то», — чуть не вырвалось у Синго, но он промолчал.

Гейша настояла на том, чтобы отложить самоубийство И совершить его только после того, как она попросит кого-нибудь взвесить цианистый калий.

— Вот тут он весь, я его с собой ношу.

Подозрительная история, подумал Синго. В памяти осталось, что речь шла именно о подрядчике, строившем этот чайный домик.

Гейша достала из сумочки пакетик и, развернув, показала содержимое.

— Хм, — пробормотал Синго, скользнув взглядом по пакетик. Он не мог определить, действительно ли это цианистый калий.

Задвигая ставни, он вспомнил ту гейшу.

Синго снова лег в постель, но не решился разбудить шестидесятирехлетнюю жену, чтобы рассказать ей о страхе, который нагнал на него стон горы.

Сюити служил в той же фирме, что и Синго, и, кроме того, выполнял обязанности «напоминателя» при отце.

Обязанности «напоминателя» взяли на себя также Ясуко, что было вполне естественно, и Кикуко — молодая жена Сюити. Так что три члена семьи восполняли угасавшую память Синго.

В фирме эта обязанность лежала на секретарше.

Сюити зашел в кабинет отца, вынул книгу из небольшого книжного шкафа в углу и начал перелистывать ее.

— Ой-ой-ой, — воскликнул он, подходя к столу секретарши и показывая ей открытую страницу.

— Что такое? — спросил, чуть улыбнувшись, Синго.

Сюити подал ему раскрытую книгу. Там было написано:

«Здесь не утрачена идея целомудрия. Видеть друг в друге не просто любовников — вот средство, которое позволяет мужчине не страдать от любви к женщине, а женщине — от любви к мужчине, позволяет им наслаждаться и дольше любить друг друга. Таков, в общем, способ сохранить внутреннюю гармонию...»

— Где это «здесь»? — спросил Синго.

— В Париже. Писатель путешествовал по Европе.

Мозг Синго стал слишком неповоротлив, чтобы воспринимать остроты и парадоксы, но то, что он прочел, показалось ему не остротой, не парадоксом, а прекрасным прозрением.

Вряд ли эти слова произвели такое уж сильное впечатление на Сюити. Ему просто нужен был повод, чтобы договориться с секретаршей вместе пойти домой. Синго сразу это понял.

Сойдя с электрички в Камакура, Синго подумал, что хорошо бы ему условиться с Сюити одновременно возвращаться домой или приходить позже Сюити.

Автобусы были переполнены, и Синго решил пройтись пешком.

У рыбной лавки он остановился и заглянул внутрь; хозяин поздоровался с ним, и он вошел. Вода в бочонке с креветками была мутно-белая. Синго потрогал кончиком пальца лангустов. Видно, еще живые, хотя и не двигаются. Лежала гора моллюсков, и Синго решил купить их.

— Вам сколько? — спросил хозяин.

Синго немного растерялся.

— И правда, сколько? Три. Покрупнее.

— Минутку, сейчас приготовим.

Синго были неприятны натужные звуки, с какими хозяин и его сын вскрывали неподатливые раковины концом кухонного ножа.

Когда мясо моллюсков было вымыто и хозяин проворно нарезал его, в лавку вошли две девушки.

— Что вам? — спросил он, продолжая нарезать моллюсков.

— Нам ставриды.

— Сколько?

— Одну.

— Всего одну?

— Да.

— Всего одну?

Ставрида была мелкая. Но девушки не обратили внимания на издевательский тон хозяина.

Хозяин завернул ставриду в обрывок бумаги и протянул им.

Девушка, стоявшая сзади, видимо, посмелее, тронула подругу за локоть.

— Может, возьмем еще и закуски, а?

Та, что была впереди и держала ставриду, все время разглядывала лангустов.

— Эти лангусты, верно, и в субботу еще будут? Мой их очень любит.

Вторая ничего не ответила.

Синго украдкой взглянул на девушку.

Современные проституточки. Спина голая, на ногах матерчатые тапочки. А сложены обе хорошо.

Хозяин сгреб нарезанное мясо моллюсков к середине кухонной доски и, раскладывая его снова в три раковины, бросил презрительно:

— Таких теперь и в Камакура развелось хоть пруд пруди.

— Ну и что же в этом плохого? Наоборот, прекрасно, — возразил Синго.

Хозяин небрежно раскладывал мясо моллюсков по раковинам, и Синго обратил внимание на такую, казалось бы, мелочь, что теперь все оно перемешалось и уже не попадет в свои раковины.

Сегодня четверг, и до субботы еще чуть ли не три дня, но в последнее время лангусты почти всегда бывают в рыбных лавках, подумал Синго. Неужели этим неотесан-

ным девицам удастся так искусно приготовить лангустов, что ими можно угощать гостей? Нет, лангусты, хоть жарь их, хоть парь, хоть вари, все равно остаются грубой, простой пищей.

Синго действительно думал о девушках с симпатией и даже потом вспоминал их с некоторой грустью.

В семье четыре человека, а он купил трех моллюсков. Просто Синго знал, что Сюити к ужину не придет, но он не сообразил, что поставит свою невестку Кикику в неловкое положение. Когда торговец спросил: «Сколько?» — Синго, не подумав, исключил Сюити.

По дороге он зашел в магазин и купил еще плодов гинкго.

4

То, что Синго пришел домой с покупками из рыбной лавки, было случаем беспримерным, но ни Ясуко, ни Кикику даже виду не подали, что удивлены.

Может быть, так они пытались скрыть свои чувства, не увидев Сюити, который должен был вернуться вместе с отцом.

Отдав Кикику моллюсков и гинкго, Синго направился на кухню.

— Чашечку подслащенной воды.

— Сейчас, минутку, — сказала Кикику, но Синго уже сам открыл водопроводный кран.

В мойке лежали лангусты и креветки. Какое совпадение. В рыбной лавке он колебался, не купить ли креветок. Но покупать и креветок и лангустов он, разумеется, не стал бы.

Посмотрев, какого цвета креветки, Синго сказал:

— Хорошие.

Они были еще живые и блестящие.

Кикику раскалывала гинкго тупой стороной кухонного ножа.

— На вид спелый, но все равно есть его будет нельзя.

— Ты думаешь? Мне, правда, тоже казалось, что в это время года гинкго несъедобны.

— Давайте позвоним в магазин.

— А, ладно. По вкусу моллюски, которых я купил, то же самое, что креветки. Я и решил — покупать еще и креветок совсем ни к чему.

— Удивительная предусмотрительность. — Кикику на мгновение высунула кончик языка. — Моллюсков мы сва-

рим прямо в раковинах, лангустов поджарим, а креветок запечем в тесте. Грибы я уже купила. Вы, отец, не сходите в огород за баклажанами?

– Хорошо.

– Помельче которые. И еще принесите немного молодой зелени. Может, действительно хватит одних креветок?

На ужин Кикуко подала двух вареных моллюсков.

Синго, немного поколебавшись, сказал:

– По-моему, должен быть еще один.

– Я подумала: у бабушки с дедушкой зубки слабые, и они с удовольствием поедят вдвоем без посторонних, – сказала Кикуко.

– Что?.. Не говори глупостей. В доме нет никаких внуков, а ты вдрут «дедушка».

Ясуко опустила голову и тихо засмеялась.

– Простите. – Кикуко легко поднялась и принесла еще одного вареного моллюска.

– Лучше бы мы поели вдвоем, как предлагала Кикуко, – сказала Ясуко.

Синго в душе восхитился словами Кикуко, он понимал, что они очень кстати. Ее слова помогали сгладить неловкость того, что он купил не четырех, а трех моллюсков. И с каким невинным видом она произнесла их, – нет, она далеко не глупа.

Может быть, Кикуко все время обдумывала, как лучше поступить: оставить моллюска Сюити и самой не есть или разделить с матерью одну порцию на двоих? Однако Ясуко не заметила, что творится в душе Синго.

– Все из-за того, что было только три моллюска. Нас четверо, а ты почему-то купил три штуки, – бестактно вернулась к старому Ясуко.

– Я знал, что Сюити не придет к ужину, зачем же было покупать для него?

Ясуко грустно улыбнулась. Но, может быть, благодаря ее возрасту улыбка не выглядела такой уж горькой.

Кикуко тоже не подала вида, что огорчена. И даже не спросила, куда пошел Сюити.

Кикуко была младшей в семье из восьми братьев и сестер.

Семеро старших давно женаты, и у всех дети.

Синго иногда думал об удивительной плодовитости родителей Кикуко.

Кикуко порой жаловалась, что Синго до сих пор не может запомнить имена ее братьев и сестер.

Она родилась, когда мать решила, что детей с нее хватит, и была уверена, что уже не сможет забеременеть. Она стыдилась рожать в таком возрасте, проклинала свое нестарееющее тело и пыталась выкинуть, но ничего не получилось. Роды были тяжелые — пришлось накладывать щипцы.

Кикуко говорила, что слышала об этом от самой матери, и рассказала Синго всю эту историю.

Синго не понимал, как может мать рассказывать такое дочери, не понимал, как может Кикуко рассказывать такое свекру.

Кикуко откинула тогда волосы со лба и показала тонкий шрам от щипцов.

Увидев этот чуть заметный шрам, Синго полюбил Кикуко еще сильнее.

В семье к Кикуко относилась, как обычно относятся к младшему ребенку. Правда, ее не столько баловали, сколько просто нежно любили. Она была не особенно крепкого здоровья.

Когда Кикуко пришла невесткой в дом Синго, он обратил внимание, что она, сама того не сознавая, как-то очень грациозно поводит плечами. Он чувствовал в ней чистое, наивное кокетство.

Глядя на стройную, белокожую Кикуко, Синго вспоминал иногда старшую сестру Ясуко.

В молодости Синго был влюблен в нее. После ее смерти Ясуко поселилась в доме зятя, чтобы присматривать за сиротами. Она работала, не жалея себя. Ясуко мечтала занять место старшей сестры. Она любила красавца зятя, да и память о сестре была ей дорога. Сестра была удивительно красива — просто не верилось, что их родила одна мать. Муж сестры представлялся Ясуко чуть ли не сказочным героем.

Ясуко была очень удобна и зятю и детям, но зять делал вид, что не понимает ее сокровенного желания. Он жил в свое удовольствие. Казалось, Ясуко уготовано судьбой навсегда остаться прислужницей в семье покойной сестры.

Узнав об этом, Синго решил жениться на Ясуко.

Сейчас, через тридцать лет, Синго не думает, что их брак был ошибкой. Многолетний брак не определяется тем, с чего он начался.

Но все равно образ сестры Ясуко прочно поселился в их сердцах. Ни Синго, ни Ясуко никогда не заговаривали о ней, но и забыть ее не могли.

Когда сын женился и в дом пришла Кикуко, воспоми-

нания Синго снова вспыхнули, словно их осветило молнией, но теперь они не были для него так уж болезненны.

Не прошло и двух лет с тех пор, как Сюити женился на Кикику, а уже завел себе женщину. Для Синго это было удивительно.

В отличие от Синго, выходца из деревни, которому пришлось много пережить в юные годы, Сюити никогда не страдал от любви, его не мучили страсти.

По нему никогда невозможно было заметить, что его что-то угнетает. Синго так и не удалось установить, когда Сюити впервые узнал женщину.

Сейчас Сюити определенно связался с какой-нибудь гейшей, а может быть, даже с проституткой, осуждал его Синго.

А эта секретарша из фирмы — с ней он, наверно, просто ходит на танцы, и не исключено, что она нужна ему лишь для того, чтобы усыплять отцовскую бдительность, думал Синго. Во всяком случае, его любовница не такая уж красавица. Красавицей Синго считал Кикику. С тех пор как у Сюити появилась женщина, их близость с Кикику, казалось, стала иной. Весь облик Кикику изменился.

Проснувшись среди ночи — это произошло, когда на ужин был вареный моллюск, — Синго услышал голос Кикику, такого голоса у нее еще не было никогда.

Кикику не знает, что у Сюити есть женщина, думал Синго.

— Неужели отец, купив на одного моллюска меньше, решил таким способом извиниться за тебя? — шептала она.

Нет, Кикику, разумеется, ничего не знает, но, может быть, она все же догадывается, что здесь замешана женщина?

Не успел он задремать, как наступило утро. Синго вышел взять газету. Луна стояла еще высоко. Наскоро просмотрев газету, он снова лег.

На вокзале в Токио Сюити быстро вскочил в электричку и занял место, а когда вслед за ним вошел Синго, он встал и уступил место отцу.

Потом достал из своего кармана очки отца и вместе с вечерним выпуском газеты протянул Синго. У Синго тоже были с собой очки, но обычно он их где-нибудь оставлял, и поэтому Сюити носил для него запасные.

Перегнувшись через газету к Синго, Сюити сказал:

— Сегодня я говорил с Танидзаки — у нее есть школь-

ная подруга, которая хочет пойти в прислуги. Нам ведь нужна.

— Да? А это ничего, что она подруга Танидзаки?

— А что тут такого?

— Эта прислуга все выпросит у Танидзаки и, чего доброго, расскажет о твоих делах Кикуко.

— Глупости. Что она может рассказать?

— Тебе бы надо знать, какого сорта эти девицы, что идут в прислуги. — Синго снова уткнулся в газету.

Когда они сошли в Камакура, Сюити сказал:

— Танидзаки рассказывала тебе что-нибудь обо мне?

— Ничего не рассказывала. Она со мной как немая.

— Правда? Это неприятно. Послушай, отец, я немного приударяю за твоей секретаршей, а ты недоволен, может быть, даже осуждаешь меня.

— Что ж тут удивительного. Во всяком случае, постарайся, чтобы Кикуко ничего не узнала.

Сюити, словно теперь-то уж скрывать нечего, сказал:

— Нет, все-таки Танидзаки что-то тебе рассказала.

— Неужели Танидзаки соглашается развлекаться с тобой, зная, что у тебя есть женщина?

— Да, пожалуй. Отчасти из ревности.

— Чепуха.

— Я ее брошу. Хочу бросить.

— Мне непонятны твои рассуждения. Раз уж на то пошло, давай поговорим откровенно.

— Когда брошу, все начистоту расскажу.

— Так или иначе, постарайся, чтобы Кикуко ничего не узнала.

— Хорошо. Но Кикуко, наверно, уже все знает.

— Ты думаешь?

Синго помрачнел.

Вернувшись домой, он все еще был мрачен, а после ужина молча встал из-за стола и ушел в свою комнату.

Кикуко принесла ему кусок арбуза.

— Кикуко, соль забыла, — вошла вслед за ней Ясуко.

Кикуко и Ясуко присели на корточки у двери.

— Ты не слышал, как Кикуко кричала: отец, арбуз, арбуз? — спросила Ясуко.

— Не слышал. Я знал, что его положили охладить.

— Кикуко, он не слышал, — обернулась к ней Ясуко.

— Отец почему-то сегодня сердитый.

Немного помолчав, Синго сказал:

— Что-то в последнее время у меня плохо с ушами. На

дней открыл ставни на веранде, чтобы проветрить комнату, и мне послышалось, будто стонет гора за домом. А бабушка спокойно спала себе.

Ясуко и Кикуко посмотрели на гору.

— Разве бывает, чтобы гора стонала? — удивилась Кикуко.

— Когда-то давно я спрашивала об этом у матери. И она мне сказала, что ее старшая сестра слышала стон горы перед смертью.

Синго вздрогнул. Забыть такое непростительно, подумал он. Как же он не вспомнил об этом, услышав стон горы?

Кикуко, взволнованная, тоже молчала, на этот раз она не повела своими красивыми плечами.

КРЫЛЬЯ ЦИКАДЫ

1

Приехала дочь, Фусако, с двумя детьми.

Старшей четыре года, младшей еще и года нет. Неужели Фусако и дальше будет рожать с такими интервалами? Конечно, о следующем ребенке говорить еще рано, но Синго все-таки спросил невзначай:

— Заведешь еще одного?

— Нет, отец, больше не хочу. Разве я тебе не говорила? — Фусако небрежно положила девочку и, распеленывая ее, спросила: — А ваша Кикуко еще не решила завести?

Она тоже сказала это невзначай, но лицо Кикуко, повернутое в сторону ребенка, застыло.

— Оставь, пусть девочка полежит так, — сказал Синго.

— Кунико, а не «девочка». Ты же знаешь, что имя ей дали по деду.

Каким стало лицо Кикуко, заметил, по-видимому, только Синго. Но и он не придавал этому значения и с нежностью следил, как сучит ножками освобожденный младенец.

— Оставь ее. Видишь, как ей хорошо. Раньше было, наверно, жарко, — сказала Ясуко, придвигаясь к ребенку и поглаживая ему животик и ножки. — Сейчас твоя мамочка и сестричка примут ванну и будут чистенькие.

— Дать полотенце? — вскочила Кикуко.

— Я привезла с собой, — сказала Фусако.

Значит, приехала не на один день.

Фусако стала вынимать из фурсики¹ полотенце и смену белья; к ее спине угрюмо прижалась старшая дочь Сатоко. С тех пор как они вошли, она не произнесла ни слова. У Сатоко были черные густые волосы.

Синго узнал этот фурсики, в котором Фусако принесла свои вещи; он даже вспомнил, что она взяла его из дому, когда выходила замуж.

Фусако с Кунико на спине, одной рукой волоча Сатоко, другой поддерживая тяжелый узел, пришла с вокзала пешком. Ну и дела, подумал Синго.

Противный ребенок эта Сатоко, которую нужно вот так тащить за собой. И капризная, а матери и без того нелегко, она из сил выбивается.

Интересно, думал Синго, ведь Ясуко, наверно, не особенно приятно, что Кикико всегда следит за собой?

Когда Фусако ушла в ванную, Ясуко стала поглаживать заправшие места на ножках девочки.

— По-моему, она покрепче Сатоко, тебе не кажется?

— Может быть, потому, что родилась, уже когда у родителей все наладилось и они перестали ругаться, — сказал Синго.

— А Сатоко родилась, когда у родителей как раз все стало разлаживаться, и это на нее повлияло.

— Что понимает четырехлетний ребенок?

— Все понимает. Это определено на нее повлияло.

— Нет. Сатоко с самого рождения...

Ребенок неожиданно проворно перевернулся на живот, пополз вперед и, ухватившись за сёдзи², встал на ножки.

— Ой-ой! — Кикико взяла девочку за руку и повела в соседнюю комнату.

Ясуко тоже встала. Подняла кошелек, лежавший рядом с вещами Фусако, и заглянула в него.

— Что ты делаешь? — Синго сказал это тихо, но он весь дрожал от возмущения. — Положи.

— Это еще почему? — спросила Ясуко.

— Говорю положи, значит, положи. Зачем ты его взяла? — У Синго дрожали руки.

— Во всяком случае, не для того, чтобы что-то украсть.

— Это хуже, чем воровство.

Ясуко положила кошелек на место. Но все же сказала:

— Чем это плохо, присмотреть за своей дочерью? Вер-

¹ Большой яркий платок, в котором носят вещи.

² Раздвижная перегородка в доме.

нется домой, а детям еды купить не на что, что она будет делать? Просто я хотела узнать, как у Фусако с деньгами.

Синго зло взглянул на Ясуко.

Фусако вернулась из ванной.

Ясуко, чтобы поскорей закончить неприятный ей разговор, сказала:

— Послушай, Фусако, я заглянула сейчас в твой кошелек, а дед изругал меня. Может, я и вправду плохо поступила. Ты уж меня прости.

— Да нет, что ж тут плохого?

Синго стало еще противнее оттого, что Ясуко рассказала обо всем Фусако.

По мнению Ясуко, между матерью и дочерью такие отношения вполне естественны, и, может быть, так оно и есть, думал Синго, а то, что он весь дрожит, — это, наверно, потому, что откуда-то из глубины у него поднимается старческая усталость.

Фусако заметила, как покраснел отец, и испугалась его гнева гораздо больше, чем материнского обыска.

— Пожалуйста, смотри сколько хочешь. Пожалуйста, — сказала она почти с отчаянием и положила кошелек перед матерью.

Это еще больше разозлило Синго.

Ясуко не притрагивалась к кошельку.

— Аихара уверен, что, если у меня не будет денег, я не смогу уйти из дому, поэтому в кошельке пусто, — сказала Фусако.

Девочка, которую вела Кикуко, потеряв вдруг равновесие, упала. Кикуко подхватила ее и подошла к ним.

Фусако, подняв кофту, дала дочери грудь.

Фусако никогда не отличалась красотой, но тело у нее приятное, и сложена она хорошо. Грудь еще не потеряла формы. Налитая молоком, она кажется большой и упругой.

— Воскресенье, а Сюити почему-то нет дома? — спросила о брате Фусако.

Но тут же поняла, что своим вопросом не улучшила настроения отца и матери.

2

Синго подошел уже почти к самому дому, но остановился и стал рассматривать подсолнухи, росшие в соседнем дворе.

Задрав голову, он приблизился к ним. Подсолнухи,

склонив макушки, высились по обе стороны калитки, и, когда между ними встал Синго, проход оказался загорожен.

Подошла девочка, жившая в этом доме. Она остановилась за спиной Синго и терпеливо ждала.

Она, конечно, могла пройти в калитку, протиснувшись боком между Синго и подсолнухом, но девочка узнала Синго и поэтому терпеливо ждала.

Наконец Синго заметил ее.

— Какой огромный цветок. И красивый, — сказал он. Девочка чуть смущенно улыбнулась.

— У каждого по одному цветку.

— По одному. Вот почему они такие большие. Давно расцвели?

— Да.

— Сколько дней, как расцвели?

Девочка, которой было лет двенадцать-тринадцать, не смогла ответить. Задумавшись, она посмотрела на Синго, потом вместе с ним снова уставилась на подсолнухи. Девочка была загорелая, круглолицая, а руки и ноги худые-прехудые.

Отступая, чтобы пропустить девочку, Синго посмотрел на другую сторону улицы — там, у домов, тоже росли подсолнухи.

На одном было даже три цветка. Правда, вдвое меньше, чем эти, у дома девочки, и все на самой верхушке.

Синго подошел к своему дому, все время оглядываясь на подсолнухи.

— Отец, — раздался голос Кикуко.

Кикуко стояла за спиной Синго. В руке у нее была корзина, из которой торчали стручки сои.

— Идете домой? И по дороге любуетесь подсолнухами?

Кикуко было неприятно — не оттого, что Синго разглядывает подсолнухи, а оттого, что он снова пришел без Сюити и как ни в чем не бывало смотрит на цветы.

— Какие великолепные, — сказал Синго. — Как головы великанов, правда?

Кикуко безучастно кивнула.

Слова «головы великанов» пришли ему на ум только сейчас. Раньше, глядя на них, он совсем так не думал.

Но сравнив цветы подсолнуха с головами великанов, Синго вдруг ощутил их мощь. И одновременно — поразительное их совершенство.

Лепестки как венец, а в центре, занимая большую часть круглого цветка, тычинки и пестики. Плотные пригнанные

друг к другу, они буквально усеивают цветок. Но нет и намека на борьбу — между ними царят мир и спокойствие. И бьющая через край мощь.

Цветы больше, чем голова человека. Поразительное совершенство этих цветов, которое так остро почувствовал Синго, связалось у него в мыслях с совершенством человеческого мозга.

В этом удивительном богатстве, созданном природой, есть могучее мужское начало, подумал Синго. Диск набит тычинками и пестиками — значит, в нем сразу оба начала: и мужское, и женское, но Синго ощущал в цветке лишь мужское.

Солнце садилось, и вместе с ним опускалась вечерняя тишина.

Лепестки вокруг диска, набитого тычинками и пестиками, казались девушками в желтых нарядах.

Рядом стояла Кикико, и ей могло показаться странным его поведение. Синго отвернулся от подсолнухов и направился домой.

— Знаешь, в последнее время у меня что-то с головой не в порядке. Может быть, поэтому, глядя на подсолнухи, я все время думаю о голове. Разве голова не так же прекрасна, как этот цветок? И раньше, в электричке, я думал, как хорошо было бы отдать голову в чистку или в починку. Конечно, отрубать голову чересчур жестоко, но осторожно снять ее с шеи и сдать, как белье в стирку, в университетскую клинику — разве это невыносимо? В клинике промывают мозги, починят неисправные части, а твое тело пока — три дня или, если нужно, неделю — будет спокойно спать. Спокойно, без всяких сновидений.

Кикико чуть опустила веки.

— Вы, наверно, устали, отец? — сказала она.

— Да. Сегодня в фирме отбоя от посетителей не было. Не успею затянуться сигаретой, тут же кладу ее в пепельницу. Снова закуриваю и снова кладу в пепельницу. Смотрю — лежат три одинаковых окурка и дымят. Мне даже неловко стало.

Синго и впрямь мечтал в электричке о промывке мозгов, но не столько о промытых мозгах, сколько о спокойно спящем теле. Как прекрасен сон тела, лишённого головы. Он устал, это верно.

Сегодня под утро он два раза видел сны, и в обоих снах появлялся покойник.

— Может быть, вам взять отпуск? — сказала Кикико.

— Я действительно думаю взять отпуск и поехать в горы. Ведь снять голову и сдать ее в ремонт невозможно. Хочу посмотреть горы.

— Хорошо, если бы вы в самом деле поехали, — сказала чуть кокетливо Кикуко.

— Да. Но ведь сейчас у нас Фусако. Она, наверно, тоже приехала, чтобы немного отдохнуть. Пожалуй, из-за Фусако мне лучше побыть дома? Или, может, наоборот, лучше не быть дома? Как ты думаешь?

— О, как я завидую Фусако — у нее такой хороший отец.

Кикуко сказала это странным тоном.

Не потому ли Синго рассказывал Кикуко всякие выдумки, морочил ей голову, чтобы невестка не заметила, как ему неприятно, что сын снова не пришел вместе с ним? Может быть, он делал это безотчетно, но такая причина все-таки тоже была.

— Ох, какая ты сегодня ехидная. — Синго сказал это без всякой злобы, но Кикуко удивилась. — Нет, если бы я был хорошим отцом, с Фусако всего этого не случилось бы.

Кикуко стало неловко. Щеки покраснели, покраснели даже уши.

— Нет, отец, это не ваша вина.

В голосе Кикуко Синго уловил нотки утешения.

3

Синго не любил холодных напитков даже летом. Это повелось издавна — Ясуко никогда не пила его холодным.

И утром, встав с постели, и вечером, вернувшись домой, он первым делом выпивал несколько чашек горячего чая — так было заведено, и Кикуко сразу усвоила это.

Вот и сейчас, не успел Синго прийти домой, полюбовавшись подсолнухами, как Кикуко уже подала ему чай. Отпив половину, Синго переделся в легкое кимоно и с чашкой в руках вышел на веранду. Прогуливаясь по ней, он прихлебывал чай.

Кикуко принесла ему влажное холодное полотенце и сигареты и снова наполнила чашку горячим чаем. Потом принесла вечерний выпуск газеты и очки.

Синго обер лицо холодным полотенцем, очки надевать не хотелось, и он стал осматривать сад.

Заросший зеленью сад. В дальнем углу беспорядочно разрослись кустистый клевер и пампасовая трава, уже почти одичавшие.

В зарослях клевера летали бабочки. Они мелькали между ярко-зелеными листьями, и казалось, что их там великое множество. Синго все ждал, что вот они взлетят над клевером или полетят прочь, но бабочки упорно порхали в зарослях.

Синго неотрывно глядел на них, и ему вдруг показалось, что там существует какой-то свой, крохотный мир. Показались загадочно-прекрасными крылья бабочек, мелькавшие между листьями. Синго неожиданно вспомнил, как однажды ночью, незадолго до полнолуния, между деревьями на горе мерцали звезды.

На веранду вышла Ясуко и опустилась на колени. Обмахиваясь веером, она сказала:

— Сюйти сегодня опять придет поздно?

Синго не повернул головы.

— Посмотри, в клевере летают бабочки. Видишь?

— Вижу.

Вдруг бабочки взлетели над зарослями, будто им стало неприятно, что Ясуко видит их. Бабочек было три.

— О, целых три.

Бабочки были маленькие и невзрачно-тусклые.

Прочертив на дощатом заборе косую линию, бабочки полетели к сосне у соседнего дома. Все три, одна за другой, четко сохраняя дистанцию, стремительно поднялись к самой верхушке сосны. Сосна не была ухоженным садовым уродцем — она взмывала высоко вверх.

Вскоре неизвестно откуда выпорхнула одна из бабочек, пересекла сад и снова закружилась над клевером.

— Сегодня утром, перед тем как проснуться, я дважды видел во сне покойников, — сказал Синго. — Тацумия угощал меня гречневой лапшой.

— И ты ел эту лапшу?

— А что, не надо было?

«Неужели можно умереть, поев во сне того, чем тебя кормит покойник?» — подумал Синго.

— Как же это было? Я вроде бы ее не ел. Но лапша была на вид вкусная.

Кажется, он действительно проснулся, так и не поев гречневой лапши.

Синго и сейчас помнит четырехугольный бамбуковый поднос с высокими бортами — черными снаружи и ярко-красными внутри, даже цвет лапши, которая лежала на нем, и то помнит.

Не знает только, видел ли эти цвета во сне или они появились в момент пробуждения. Во всяком случае, сей-

час он отчетливее всего представляет себе эту гречневую лапшу. Все остальное поблекло.

На циновке — поднос с лапшой. И перед ним как будто стоял Синго. А Тацумия и его семья как будто сидели. И как будто Синго не хватило подушки для сидения. Было странно, что Синго стоит, но он как будто остался стоять. Вот и все, что он помнит.

Этот сон пробудил Синго, но и проснувшись, он отчетливо помнил его. Утром еще помнил. А к вечеру почти совсем забыл. В памяти всплывала лишь сцена с гречневой лапшой, а все, что было до и после нее, — стерлось.

Тацумия — так звали умершего несколько лет назад столера, которому было за семьдесят. Синго любил этого мастера, работавшего в старой манере, и время от времени заказывал ему что-нибудь. Но Тацумия был ему не настолько близок, чтобы присниться через три года после смерти.

Лапша появилась во сне, наверно, потому, что мастерская соединялась со столовой и, находясь в мастерской, Синго нередко разговаривал со стариком, когда тот сидел в столовой, но в самой столовую Синго ни разу не заходил. Поэтому ему все-таки было удивительно, откуда взялся этот сон с лапшой.

У Тацумия было шестеро детей, все дочери.

Сейчас, вечером, Синго никак не может вспомнить, была ли эта девушка одной из дочерей Тацумия. Но во сне он дотрагивался до девушки.

Он точно помнит, что дотрагивался. А вот кто была эта девушка, никак не может вспомнить. Даже не представляет себе, что бы помогло ему вспомнить.

Проснувшись, он, кажется, прекрасно знал, кто эта девушка. И даже сегодня утром, задремав и снова пробудившись, отчетливо представлял себе, кто она. А вот сейчас, вечером, никак не может вспомнить.

Это было продолжение сна о Тацумия, и поэтому он предположил, что девушка — одна из его дочерей, но уверенности не было. Начать с того, что Синго просто не мог вспомнить лица ни одной из дочерей Тацумия.

Это, безусловно, было продолжением того сна, но он не помнил ничего, кроме лапши. Сейчас он припоминает, что, когда проснулся, отчетливее всего ему виделась именно гречневая лапша. Но не была ли суть сновидения в том, что оно должно было рассыпаться от страха прикоснуться к девушке?

Нет, страх этот не был столь велик, чтобы он проснулся от него.

Никаких обстоятельств, с которыми все это было связано, он тоже не помнил. И облик девушки исчез, и вспомнить его не удавалось. Единственное, что осталось в памяти Синго, — ощущение чего-то мягкого. Он только коснулся ее рукой, и она никак не ответила на его прикосновение. Она уклонилась.

Синго даже наяву не позволял себе так вольничать с женщинами. Это было тем более немыслимо, что ему приснилась молодая девушка.

Синго исполнилось уже шестьдесят два года, — странно, что ему снятся такие легкомысленные сны, собственно, даже не легкомысленные, а, скорее, бесконечно унылые, недоумевая, подумал он, когда проснулся.

Но сразу же заснул снова. И сразу же увидел еще один сон.

Толстый, обрюзгший Аита с графинчиком сакэ в руке вошел в дом Синго. Он, видимо, много выпил, лицо у него красное, как будто его ошпарили, и ведет себя как пьяный.

Из всего сна Синго помнит только это. Но он не представляет себе, где все это происходило — в теперешнем его доме или в том, где он жил раньше.

Аита лет десять назад был директором фирмы, где работает Синго. В конце прошлого года он умер от кровоизлияния в мозг. За несколько лет до смерти он сильно похудел.

— Я видел еще один сон. Это был Аита с графинчиком сакэ в руке. Он пришел к нам домой, — сказал Синго, обращаясь к Ясуко.

— Аита-сан? Если это действительно был Аита-сан, разве мог он напиться? Странно.

— Это верно. У него ведь была астма, и, когда у него случилось кровоизлияние в мозг, мокротой забило горло, и он задохнулся. Он действительно не пил. И всегда носил с собой пузырек с лекарством.

И все-таки во сне в мозгу Синго удивительно отчетливо всплыл облик Аита, широко шагающего пьяной походкой.

— Значит, вы с Аита устроили пирушку?

— Нет, совсем не пили. Аита только подошел ко мне, даже сесть не успел, как я проснулся.

— Плохо это. Покойники, да еще двое.

— Пришли, наверно, забрать меня с собой, — сказал Синго.

В этом году умерло много близких. Так что появление покойников во сне, пожалуй, вполне естественно.

Однако и столяр и Аита явились не покойниками. В снах Синго они были живыми людьми.

Лица Тацумия и Аита, да и облик каждого из них, как они предстали ему сегодня утром во сне, Синго видел вполне отчетливо. Гораздо отчетливее, чем если бы он вспоминал их. Пьяное красное лицо Аита — такого он никогда не видел в жизни, но сейчас помнит каждую черточку.

Так ясно стоят перед его глазами и Тацумия и Аита, а вот вспомнить лицо девушки, до которой он дотрагивался, никак не удается. Синго даже не знает, кто она. Почему? Непонятно.

Синго подумал: может быть, угрызания совести заставили его забыть девушку? Нет. Он ведь тогда еще спал, еще не проснулся как следует, как же он мог думать о нравственной стороне своего поступка? Он испытал лишь отчаяние.

Синго не удивило, почему он увидел во сне отчаяние. Ясуко об этом он, разумеется, ничего не сказал.

Из кухни доносились голоса Кикую и Фусако, готовивших ужин. Голоса были, пожалуй, слишком громкими.

Каждую ночь в дом залетают с вишни цикады.

Выйдя в сад, Синго подошел к вишне.

Со всех сторон засвистели крылья цикад, взлетающих с дерева. Синго поражало их количество, но еще больше поражал свист крыльев. Казалось, летят не цикады, а стая воробьев.

Синго снова и снова осматривал огромное дерево — цикады все еще взлетали с него.

Облака, сплошь заставшие небо, неслись на восток. Судя по погоде, двести десятый день не сулит бед¹. Но сегодня ночью подует, наверное, ветер с гор, и температура понизится, подумал Синго.

Пришла Кикую.

— Что случилось, отец? С чего это цикады так всполошились?

— Действительно, переполох такой, как будто стряслась страшная беда. Есть выражение «свистящие крылья уток», но я просто поразился, до чего пронзительно свистят крылья цикад.

¹ Двести десятый день от начала весны (примерно 1 сентября) считается несчастливym, так как в этот период часто случаются тайфуны, наводнения и другие стихийные бедствия.

Кикуко держала в руке иголку с красной ниткой.

— А меня не так поразил свист, как ужасный стрекот, который они подняли.

— Я как-то не обратил внимания на стрекот.

Синго посмотрел, что делала Кикуко. Она шила красное детское кимоно. Из старого нижнего кимоно Ясуко.

— Сатоко все еще забавляется с цикадами? — спросил Синго.

Кикуко кивнула. Потом сказала, почти не разжимая губ:

— Да.

Для Сатоко, которая жила в Токио, цикады были диковинкой, а может быть, таков уж был ее нрав, но первое время она их боялась, и тогда Фусако обрезала однажды ножницами крылья певчей цикаде и дала ее дочери. После этого Сатоко, стоило ей поймать цикаду, всегда просила Ясуко или Кикуко обрезать крылья.

Ясуко это было очень неприятно. Она говорила, что в детстве Фусако не была такой жестокой. Говорила, что такой жестокой сделал Фусако ее муж.

Ясуко прямо-таки побледнела, увидав, как певчую цикаду с обрезанными крыльями тащит полчище рыжих муравьев.

Синго был этим озадачен, даже поражен, — раньше никогда такой пустяк не вывел бы Ясуко из себя.

Но тут она разволновалась, вероятно, потому, что ее охватило дурное предчувствие. Синго прекрасно понимал, что дело совсем не в цикаде.

Девочка приставала до тех пор, пока взрослые не сдавались и не обрезали крылья цикаде, а Сатоко потом не знала, куда ее девать. Она притворялась, что собирается как следует спрятать цикаду, и с мрачным видом выбрасывала ее в сад. Понимая, что взрослые следят за тем, что она делает.

Фусако каждый день жаловалась Ясуко на свою жизнь, но не говорила, когда собирается вернуться домой, из чего можно было заключить, что самый важный для нее разговор еще впереди.

Ложась в постель, Ясуко пересказывала Синго жалобы дочери. Большую часть жалоб Фусако Синго пропускал мимо ушей, но чувствовал, что она рассказывает не все.

Конечно, она приехала, чтобы посоветоваться с родителями, но тридцатилетней женщине, имеющей собственную семью, делиться с родителями совсем не легко. И взять обратно в дом дочь с двумя детьми тоже нелегко. Так раз-

говор все откладывался со дня на день — событиям предоставляли идти своим чередом.

— Очень уж ласков отец с Кикику, — сказала однажды Фусако.

Это было во время ужина, когда за столом сидели и Сюити и Кикику.

— Конечно. Мы и должны быть ласковы с Кикику, — невозмутимо ответила Ясуко.

То, что сказала Фусако, не требовало ответа, но Ясуко все же ответила. Хотя она при этом улыбалась, слова ее были рассчитаны на то, чтобы одернуть Фусако.

— И в этом нет ничего удивительного — ведь Кикику тоже ласкова с нами.

Кикику покраснела от удовольствия.

Ясуко говорила как будто добродушно. Но в ее голосе слышалось и осуждение дочери.

Чувствовалось, что она любит счастливую на вид невестку и не любит несчастную на вид дочь. Казалось даже, что в ее словах таился жестокий, злой умысел.

Синго объяснил это тем, что Ясуко была недовольна собой. Нечто схожее испытывал и сам Синго. Но для Синго это все-таки было несколько неожиданно, он сомневался в том, пристало ли Ясуко, пожилой женщине, матери, обнаруживать свои чувства перед несчастной дочерью.

— Меня это не устраивает. Со мной, ее мужем, вы не так ласковы, — сказал Сюити, и это не было шуткой.

Что Синго трогательно относится к Кикику, прекрасно знала и сама Кикику, не только Сюити и Ясуко, и об этом уже никто не заговаривал, а Фусако вдруг взяла и заговорила, — Синго стало очень грустно.

Для него Кикику была единственным светлым оконцем в их угрюмом, мрачном доме. Дети Синго не такие, как ему хотелось бы, да и сами они не способны жить, как хотелось бы им, и от этого бремя кровного родства было для Синго еще невыносимее. Только молодая невестка радовала его.

Он действительно был с нею ласков — еще бы, она была светлым лучом во мраке его одиночества. Так он баловал себя — его трогательное отношение к Кикику было для него сладким бальзамом.

Психология Синго, связанная с его возрастом, несколько не волновала Кикику. Она его вовсе не остерегалась.

Слова Фусако как бы убивали маленькую тайну Синго.

Это было за ужином дня три-четыре назад.

И вот сейчас, стоя под вишней и вспоминая о цикадах Сатоку, он припомнил слова, сказанные тогда Фусако.

– Фусако решила поспать днем?
– Да, она укачивала Кунико и сама заснула вместе с ней, – ответила Кикуко, глядя в глаза Синго.
– Забавная эта Сатоко. Как только Фусако начинает укачивать Кунико, Сатоко тут как тут – прижмется к матери и тоже засыпает. Так приятно на них смотреть.

– Ласковая.
– Бабка не любит внучку, а ведь когда ей исполнится лет четырнадцать-пятнадцать, она будет очень похожа на нее – даже храпеть начнет, как она.

Кикуко растерялась.

Она вернулась в комнату, где до этого шила. Синго направился в другую, но она окликнула его:

– Отец, оказывается, вы ходите на танцы?

– Что? – Синго обернулся.

– Это уже всем известно. Я была так удивлена.

Синго действительно позавчера ходил со своей секретаршей в дансинг-холл.

Сегодня воскресенье. Значит, за вчерашний день эта Хидэко Танидзаки проболталась Сюити, а Сюити рассказал Кикуко – не иначе.

Уже много лет Синго не ходил на танцы. И когда он пригласил Хидэко, та была поражена. Сказала, что, если она пойдет с Синго, в фирме начнутся пересуды и ей это будет неприятно. А мы никому не скажем, предложил Синго. И вот на следующий же день она поспешила рассказать обо всем Сюити.

Все выведав у Хидэко, Сюити и вчера и сегодня делал вид, что ничего не знает. А сам тут же все разболтал жене.

Сюити, наверно, часто ходил с Хидэко на танцы, потому-то Синго и решил пригласить ее. Он надеялся, что в дансинг-холле, куда он пойдет с Хидэко, возможно, будет и женщина, с которой встречается Сюити.

Однако, придя туда, Синго не смог определить эту женщину по внешности, а спрашивать не стал.

У Хидэко, когда она оказалась с неожиданным для нее кавалером – Синго, словно бы закружилась голова, девушка стала вести себя неестественно, и Синго весь сжался, почувствовав в ней опасность для себя.

Хидэко всего двадцать два года, но ее грудь уже достаточно велика, чтобы наполнить ладонь. И Синго неожиданно стали вспоминаться порнографические открытки.

Вспоминать порнографические открытки в такой безумной толчее было смешно и даже как-то нелепо.

— В следующий раз пойду с тобой, Кикико, — сказал Синго.

— Правда? В самом деле, сводите меня.

Кикико раскраснелась.

Интересно, догадывается ли она, что он пошел на танцы только из-за любовницы Сюити?

Синго совсем не волновало, что дома узнали о его походе на танцы, и растерялся он только от неожиданности, испугавшись, что Кикико разгадает его тайное намерение увидеть любовницу Сюити.

Вернувшись на веранду, Синго прошел по ней в комнату Сюити и, стоя в дверях, сказал:

— Обо всем выведал у Танидзаки?

— Это ведь новость, которая касается нашего дома.

— Подумаешь, какая новость. Когда ты снова пойдешь с ней на танцы, купи ей приличное платье. Ладно?

— Ха-ха. Неужели, отец, тебе было стыдно?

— Оставь, пожалуйста. Просто она была в кофточке и юбке, а это не годится.

— У нее все есть. Только ты пригласил ее неожиданно, поэтому она была плохо одета. Если договориться с ней заранее, найдет что надеть, — сказал Сюити и отвернулся.

Пройдя мимо Фусако, спавшей с детьми, Синго вошел в столовую и посмотрел на большие настенные часы.

— Уже пять, — пробормотал он, словно бы проверяя время.

ПЛАМЯ ОБЛАКОВ

1

Газеты писали, что двести десятый день пройдет, по всей вероятности, благополучно, но как раз в ночь на двести десятый день разразился тайфун.

Синго уже давно забыл, что видел эту заметку. Да ее, собственно, и нельзя было назвать прогнозом погоды. Впрочем, когда тайфун стал приближаться, появились и прогнозы и предостережения.

— Давай вернемся сегодня домой пораньше, — торопил сына Синго.

Его секретарша Хидэко помогла ему одеться, а потом и сама стала поспешно собираться. Когда она надела белый

прозрачный плащ, грудь у нее исчезла, точно ее раздавили.

С тех пор как Синго заметил на танцах невзрачную грудь Хидэко, эта грудь все время привлекала его внимание.

Хидэко быстро сбежала вслед за Синго и Сюити по лестнице и теперь стояла вместе с ними у выхода. Шел такой проливной дождь, что страшно было даже выглянуть наружу.

— Тебе куда? — начал было Синго, и тут же осекся. Он задавал этот вопрос уже раз двадцать, но запомнить ответа не мог.

На вокзале в Камакура тоже стояли под навесом люди, сошедшие с поезда, и смотрели на бушующие потоки дождя.

Подойдя к дому, у которого росли подсолнухи, они услышали сквозь рев ветра и дождя песню из «Парижского праздника».

— Какая она легкомысленная, — сказал Сюити.

Они знали, что это пластинка Лиз Готи и поставила ее Кикико.

Песня кончилась и тут же началась снова.

Примерно в середине песни послышался шум закрываемых ставней.

Потом они услышали, как Кикико, захлопывая ставни, подпекает пластинке.

Из-за бури и песни Кикико не заметила, что они вошли в прихожую.

— Ужаскакой! Промочил ноги, — сказал Сюити, снимая в прихожей ботинки.

Прибежала Кикико.

— О, вы уже вернулись?! — Ее переполняла радость.

Сюити протянул ей ботинки.

— Наверно, отец тоже промок, — сказала Кикико.

Пластинка кончилась. Кикико опустила иглу снова и теперь стояла, держа в охапке мокрую одежду Синго и Сюити.

Завязывая пояс, Сюити сказал:

— Кикико, твой проигрыватель на улице слышен.

— Мне было страшно, вот я и сделала погромче. Я места себе не находила — так за вас беспокоилась.

Кикико действительно была весела и оживленна, словно в нее вселился тайфун.

Идя на кухню, чтобы налить Синго чаю, она все время напевала.

Сюити любил французских шансонье и покупал их пластинки.

Он знал французский. Кикико совсем не понимала по-французски, но Сюити научил ее произносить французские слова, и она пела, довольно хорошо подражая тем певцам. Например, Лиз Готи в «Парижском празднике» поет о девушке, которой так грустно, что она готова умереть. У Кикико и в мыслях не было умирать — она просто наслаждалась, неумело ведя песню своим слабым голоском.

Когда Кикико выходила замуж, школьные подруги подарили ей набор пластинок с колыбельными песнями мира. И она первое время без конца ставила их. Если не было никого поблизости, она подпевала пластинке.

Синго очень нравились эти песни. Они, казалось ему, созданы в честь женщины.

Кикико, слушая колыбельные песни, вспоминала свое девичество.

— Когда я умру, поставьте на моих похоронах пластинку с колыбельной песней. Ладно? И никаких молитв, никаких надгробных речей не нужно, — попросил однажды Синго невестку. Он говорил как бы шутя, но на глаза его навернулись слезы.

Кикико до сих пор не родила ребенка, и колыбельные песни ей, по-видимому, наскучили, — Синго давно их не слышал.

Песня из «Парижского праздника» уже кончалась, но вдруг стала еле слышна, а потом совсем умолкла.

— Отключили свет, — сказала из столовой Ясуко.

— Да, действительно, отключили. И сегодня света уже не будет. — Кикико сняла пластинку. — Мама, давайте поужинаем пораньше.

Во время ужина ветер, пробивавшийся в щели, три раза задувал тонкую свечу.

Сквозь бурю слышался рев моря, и этот рев взвинчивал страх еще сильнее, чем вой бури.

2

Синго преследовал запах погашенной свечи.

Дом содрогался под порывами ветра, Ясуко нащупала коробок спичек, заранее положенный около постели, и встряхнула его, чтобы убедиться, что он не пустой, и чтобы напомнить Синго, что спички приготовлены.

Потом она нашла руку Синго. Она не схватила ее, а лишь слегка прикоснулась к ней.

— Все в порядке?

— В порядке. В саду может что-нибудь унести ветром, но выйти все равно невозможно.

— Как ты думаешь, у Фусако тоже все в порядке?

— У какой Фусако?

Синго забыл, о ком речь.

— А-а, ну конечно, все в порядке. В такую бурю они с мужем, наверно, рано улеглись.

— Ладно, давай спать, — уклонилась от продолжения разговора Ясуко и замолчала.

Было слышно, как разговаривали Сюити и Кикую. Кикую ласкалась к Сюити.

Через некоторое время Ясуко заговорила снова:

— Двое маленьких детей. Не то что у наших.

— И у его матери с ногами плохо. Что-то нервное.

— Конечно, конечно, и если она уйдет от Аихара, все заботы о матери ему придется взять на себя.

— Она совсем не может ходить?

— Нет, кажется, немного передвигается. В такую бурю... Тоска там сейчас.

Синго было странно услышать от шестидесятитрехлетней Ясуко слово «тоска».

— Везде тоскливо, — сказал он.

— В течение жизни женщина делает себе множество самых разных причесок — об этом я прочла в одной газете. Это очень правильно.

— В какой газете?

По словам Ясуко, с этого начинался некролог, написанный одним художником, который рисовал красавиц, и посвященный художнице, которая тоже рисовала красавиц.

На самом деле в статье все было наоборот, в ней говорилось о художнице, всю жизнь не менявшей прически. С двадцати лет и до самой смерти в семьдесят пять, больше пятидесяти лет, она неизменно закручивала волосы пучком и закалывала их гребнем.

Ясуко, видимо, заинтересовалась: как это может быть, чтобы женщина всю жизнь носила одну и ту же прическу, — и, наверно, подумала, что, напротив, женщина делает себе множество самых разных причесок за жизнь.

Ясуко имела привычку складывать просмотренные газеты за несколько дней и потом перечитывать их. Поэтому, когда она пересказывала какую-нибудь статью, невоз-

можно было определить, в какой газете она ее прочитала. Кроме того, она самым внимательным образом слушала по радио вечерний обзор новостей и иногда отпускала поразительные замечания.

— Ты думаешь, Фусако тоже будет делать себе самые разные прически? — спросил Синго.

— Конечно. Она ведь женщина. Чем она хуже нас, которые носят старинную японскую прическу? Фусако тоже приятно менять прическу, — мол, чем я хуже Кикико?

— Когда Фусако была здесь, ты обходилась с ней очень уж бессердечно. Мне кажется, она уехала в полном отчаянии.

— Может быть, мне передалось твое настроение? Ведь это ты никого не любишь, кроме Кикико.

— Ничего подобного. Придумаешь какую-то чепуху и сама в нее веришь.

— Прекрасно знаю, что я права. Ты всегда был равнодушен к Фусако и любил одного Сюити. Будешь отрицать? Такой уж ты человек. Вот и сейчас — Сюити завел себе женщину на стороне, а ты ему и слова не скажешь. Жалеешь Кикико, а ей же делаешь только хуже. И она тоже, чтобы не огорчать отца, даже ревновать не смеет. Тоска. Хоть бы этот тайфун меня унес, что ли.

Синго был потрясен.

Но в ответ на слова все более распялявшейся Ясуко сказал только:

— Тайфун.

— Да, тайфун. Может быть, Фусако хотела, чтобы мы заговорили с ней о разводе, а мы повели себя с ней подло.

— Быть не может. Неужели у них уже дошло до развода?

— А я не думаю ни о разводе, ни о чем, я только представляю себе, какое ты сделаешь лицо, если на тебя свалится дочь с двумя детьми...

— А у тебя всегда такое лицо.

— И к тому же у тебя есть еще Кикико, которая тебе очень по душе. Ладно, оставим Кикико. Честно говоря, я тоже хороша. Стоит Кикико заговорить, на сердце сразу становится легко, а с Фусако одни неприятности. Тяжело это... До замужества она все-таки не была такой. Никогда не думала, что родители могут так относиться к своей дочери и внукам. Ужасно. Это ты во всем виноват.

— Значит, я еще хуже, чем Фусако.

— Вот и сейчас ты притворяешься. Когда я сказала,

что это ты во всем виноват, ты, наверно, ехидно показал мне язык, только в темноте я не разглядела.

— До чего же ты болтлива. Говоришь невесть что.

— Жалко Фусако. Тебе тоже ее жалко?

— Можно хоть сейчас забрать ее от мужа. — Потом Синго неожиданно вспомнил: — Ты видела фуросики, с которым Фусако приехала к нам?

— Фуросики?

— Да, фуросики. Мне тогда сразу показалось, что где-то я уже видел его, но никак не мог вспомнить где, — по моему, это наш старый фуросики.

— Не тот большой, хлопчатобумажный? Когда Фусако выходила замуж, мы, наверно, завернули в него зеркало от туалетного столика. Помнишь, зеркало было громадное.

— А-а, возможно.

— Мне тоже стало неприятно, когда я увидела, что она увязала свои вещи в тот самый фуросики. Я еще подумала, лучше б вместо фуросики упаковала вещи хоть в чемодан, с которым ездила в свадебное путешествие.

— Чемодан тяжелый. Да с ней еще двое детей. За модой она не гонится.

— Но ведь с нами живет Кикуюко, хоть бы ее постеснялась. К тому же это тот самый фуросики, в котором были мои вещи, когда я пришла в твой дом.

— Неужели?

— Ему еще больше лет. Это память о сестре. После ее смерти в этот фуросики увязали горшок с карликовым кленом и вернули нам.

— Вот оно что, — тихо сказал Синго.

Любимым занятием отца Ясуко — он жил в деревне — было выращивание карликовых деревьев. Особенно он любил выращивать карликовые клены. Сестра Ясуко всегда помогала отцу ухаживать за деревцами.

Лежа в постели, окруженный грохотом бури, Синго представил себе этого человека стоящим между двух карликовых кленов.

Отец подарил дочери деревце, когда она вышла замуж. Может быть, дочь сама попросила его об этом. А когда она умерла, ее муж, зная, как дорог отцу покойной этот клен, и не имея прислуги, которая ухаживала бы за деревцем, вернул его. Может быть, даже сам отец привез его обратно домой.

Сейчас этот краснолистый клен, поглотивший все мысли Синго, стоял у алтаря в деревенском доме Ясуко.

Кажется, сестра Ясуко умерла осенью, вспоминал Синго. В Синано осень наступает рано.

И как только она умерла, деревце вернули обратно. Листья на нем покраснели, и оно очень подходило, чтобы поставить его у алтаря. Может быть, Синго думал об этом, просто тоскуя по воспоминаниям о сестре Ясуко? Он не мог ответить с уверенностью.

Синго забыл, когда годовщина смерти сестры Ясуко.

Но у Ясуко не стал спрашивать.

— Я никогда не помогала отцу ухаживать за деревцами. Такой уж, наверно, у меня характер. К тому же мне всегда казалось, что отец любит только сестру. Я действительно во всем уступала ей, и мне было очень обидно, что я не могу делать все так, как делает она.

Именно эти слова Ясуко всегда мешали Синго спросить у нее о дне смерти сестры.

Когда же речь заходила о привязанности Синго к Сюити, она всегда говорила:

— Я, пожалуй, была похожа на Фусако.

Синго удивился — даже фурсосики и тот напоминает ему о сестре Ясуко — и промолчал.

— Давай спать. Трудно стало засыпать нам, старикам, — сказала Ясуко. — Такая буря, а эта Кикико смеется-заливается... А то без конца ставит свои пластинки. Жалко мне девочку.

— Ты сама себе противоречишь.

— В чем же противоречу?

— Только что сама говорила — давай спать, а стоило лечь пораньше — пристаешь с разговорами.

У Синго не выходил из головы карликовый клен.

Может быть, Синго думал об этом багровом клене потому, что и сейчас, через тридцать лет после женитьбы на Ясуко, любовь к ее сестре — все еще незажившая рана.

Синго, который лег в постель на час позже, чем Ясуко, проснулся от грохота.

— Что такое?

С веранды послышались шаги Кикико, ощупью пробравшейся в темноте.

— Вы проснулись? Кажется, с храма сорвало кровлю и листы железа занесло на нашу крышу, — сказала она.

С храма сорвало всю кровлю.

На крыше дома Синго и в саду валялись листы железа, и служители храма пришли рано утром, чтобы собрать их.

На следующий день Синго кружным путем, через Йокосука, добрался до Токио и появился в фирме.

— Ну как? Совсем, наверно, не спали?

Синго посмотрел на секретаршу, которая принесла ему чай:

— Да. Глаз не сомкнул.

Хидэко рассказала, что натворил тайфун, — она видела это из окна электрички, когда ехала на работу.

Выкурив две сигареты, Синго сказал:

— Сегодня на танцы пойти не смогу.

Хидэко подняла на него глаза и усмехнулась.

— На следующее утро после того, как мы с тобой танцевали, у меня болела поясница. Годы, — сказал Синго; по лицу Хидэко поползла озорная улыбка.

— Может, это потому, что вы слишком выгибались?

— Выгибался? Возможно. Ты хочешь сказать, нагибался?

— Когда мы с вами танцевали, то, прикоснувшись ко мне, вы каждый раз выгибались, как будто вам неприятно, как будто старались быть от меня подальше.

— Вот ты о чем. Это я нечаянно. Нет, нет, нарочно я этого не делал.

— И все же...

— Возможно, я просто старался держаться прямее. В общем, я не обратил на это внимания.

— В самом деле?

— Тебе так показалось потому, что вы, молодые, танцуете вульгарно, прилипнув друг к другу.

— О, как это ужасно.

Синго еще тогда подумал, что Хидэко возбуждена и танцует не в такт, но все равно танцевать с ней ему было очень приятно. Может быть, именно этим и объяснялась его скованность?

— Ну что ж, давай сходим еще раз — обещаю склониться к тебе и танцевать, прижавшись.

Хидэко опустила голову и тихонько засмеялась.

— Пойдемте. Только не сегодня. Никак не могу, вы уж меня простите.

— Разумеется, не сегодня.

Синго обратил внимание, что Хидэко в белой кофточке и волосы перехвачены белой лентой.

Белая кофточка — ничего особенного, но, видимо, белая лента подчеркивала ее белизну. Лента, довольно широкая, плотно охватывала волосы и сзади была завязана узлом. В общем, одежда для тайфуна.

За ушами волосы собраны, и у кромки туго стянутых прядей видна незагорелая кожа.

И еще на ней темно-синяя юбка из тонкой шерстяной ткани. Юбка старая.

— После этого Сюити тебя не приглашал?

— Нет.

— И тебе обидно, да? Отец с тобой танцует, а молодой сын держится на почтительном расстоянии. Бедняжка.

— Что поделаешь. Придется самой пригласить его.

— Хочешь сказать, не ваша, мол, забота?

— Будете издеваться, в следующий раз не пойду с вами на танцы.

— Не буду. Раз уж ты сама обратила внимание на Сюити, я склоняю голову.

Эти слова подействовали на Хидэко.

— Ты, наверно, знаешь женщину, с которой встречается Сюити?

Было заметно, что Хидэко почувствовала себя неудобно.

— Она из дансинг-холла?

Хидэко промолчала.

— Сколько ей лет?

— Сколько лет? Она старше его жены.

— Красивая?

— Да, очень красивая. — Хидэко запинаясь на каждом слове. — Правда, голос у нее хриплый. Даже не хриплый, а какой-то дребезжащий, надтреснутый. Она говорит, что у нее очень чувственный голос.

— Что это значит?

Хидэко разоткровенничалась, а у Синго появилось желание заткнуть уши.

Он почувствовал стыд, почувствовал брезгливость, когда понял, что представляет собой любовница Сюити да и сама Хидэко.

Синго был потрясен, услышав, что хриплый голос считается чувственным. В общем, Сюити есть Сюити, как, впрочем, и Хидэко есть Хидэко.

Увидев выражение лица Синго, Хидэко умолкла.

В тот день Сюити тоже вернулся домой рано, вместе с

Синго, и, заперев дом, они вчетвером, всей семьей, отправились смотреть фильм «Кандзинтё»¹.

Когда Сюити снял верхнюю рубашку и стал переодеваться, Синго заметил, что на груди и на плече у него красные пятна, и подумал, что, наверно, это следы от пальцев Кикико — она обнимала его тогда, во время бури.

Три актера, исполнявшие главные роли в «Кандзинтё» — Косиро, Удзаэмон и Кикугоро, — уже умерли.

Синго, Сюити и Кикико восприняли их игру по-разному.

— Ты не помнишь, сколько раз мы видели с тобой этого прославленного воина в исполнении Косиро? — сказала Ясуко, обращаясь к Синго.

— Забыл.

— Быстро же ты все забываешь!

Улица была освещена луной, и Синго посмотрел на небо.

Луна словно центр пламени. Так вдруг показалось Синго.

Облака вокруг луны были на редкость причудливой формы, и пламя казалось не то заревом, не то сиянием фейерверка.

Но это пламя облаков было холодным и бледным, и луна тоже была холодной и бледной, и на Синго вдруг пахнуло осенью.

Луна клонилась к востоку и была почти круглая. Одетая облаками, она воспламеняла их вокруг себя.

Кроме белопламенных облаков, окутавших луну, других поблизости не было видно, и небо после бури было непроглядно черным.

Все магазины и лавки закрыты — ночное запустение. Только возвращающиеся из кино, больше на улице ни души.

— Прошлую ночь не спали — сегодня давайте ляжем пораньше, — сказал Синго грустно.

Вот так приходит наконец в жизни решительная минута, подумал он. Неотвратимо надвигается необходимость принять решение.

¹ Одна из популярных пьес театра Кабуки.

КАШТАН

1

— Смотрите, на гинкго распустились почки.

— Неужели, Кикую, ты только что заметила? — сказал Синго. — Я уже давно их вижу.

— Ничего удивительного, ведь вы, отец, сидите так, что гинкго вам всегда виден.

Кикую, сидевшая напротив Синго, обернулась в сторону дерева.

В столовой у каждого свое постоянное место.

Синго сидит лицом к востоку. Слева от него Ясуко — лицом к югу. Справа — Сюити, лицом к северу. Кикую сидит лицом к западу и, значит, напротив Синго. Сад примыкает к южной и восточной сторонам дома — старики, можно сказать, занимают лучшие места. Что же касается мест двух женщин, то они сидят так, что во время еды им удобно ходить на кухню за кушаньями и расставлять их на столе.

Все четверо всегда занимают за столом одни и те же места, даже когда не едят, — это получается само собой.

Вот почему Кикую неизменно сидит спиной к гинкго.

И все же, видимо, с Кикую не все ладно, если она не заметила, что на огромном дереве не вовремя распустились почки. Синго забеспокоился.

— Неужели ты не обратила на это внимания? Ведь тебе приходится каждый день открывать ставни, подметать веранду, — сказал Синго.

— Так уж получилось.

— Странно. Начать хотя бы с того, что когда тыходишь во двор, то идешь к дому прямо в сторону гинкго, правда? Хочешь не хочешь, тебе приходится на него смотреть. Или, может быть, ты ходишь, опустив голову, погруженная в свои мысли?

— Не знаю даже, что сказать. — Кикую повела плечами. — Теперь буду всегда внимательно смотреть на то, на что смотрите вы, отец.

Синго ответил грустно:

— Никуда это не годится.

Ему хочется, чтобы она видела все, что видит он, — у Синго еще никогда в жизни не было такого любимого человека.

Кикую все смотрела на гинкго.

— Там, на горе, тоже есть деревья, на которых распустились листочки.

— Совершенно верно. Наверно, и с тех деревьев сорвало бурей листву, как ты думаешь?

Гора за домом Синго высится почти от самого храма. Ограда храма проходит прямо у ее подножия. И за оградой растут гинкго — из столовой их дома кажется, что эти деревья растут на горе.

Гинкго за одну ночь, когда бушевал тайфун, стали совсем голыми.

Бурей сорвало листья и с гинкго и с вишни. Это самые большие деревья у дома Синго, и им легче противостоять ветру, но листьям на сильном ветру все равно не удержаться.

После бури на вишне еще сохранилось немного пожухлых листьев, но потом и они опали, и теперь дерево тоже стоит голое.

Даже листья бамбука на горе сморщились. Может быть, оттого, что море близко и ветер пропитан соленой морской водой. У бамбука буря срезала верхушки и занесла их в сад — они там и сейчас валяются.

И вот на огромном гинкго распустились новые листья.

Поворачивая с улицы в переулок, Синго идет домой, а прямо перед ним это дерево, и он видит его каждый день. Видит и из столовой.

— Гинкго в чем-то сильнее вишни. Я смотрю на эти могучие деревья и думаю, чем отличаются они друг от друга, — сказал Синго.

— Какую силу должно иметь это старое дерево, чтобы уже осенью покрыться молодой листвой! Но все-таки листочки жалкие, правда?

— Да. Глядя на них, я думаю, могут ли они стать такими же большими, как листья, которые появляются весной, — нет, пожалуй, не могут.

Листья были не только маленькие, но и редкие. Их слишком мало, чтобы укрыть ветки. Они были какие-то жидкие. Чуть зеленоватые, почти желтые.

Когда утреннее осеннее солнце освещало гинкго, казалось, что дерево совсем голое.

Гора за храмом сплошь заросла вечнозелеными деревьями. Их листьям не страшна никакая буря.

Кое-где на макушках густо разросшихся вечнозеленых деревьев появились зеленоватые молодые листочки. Их-то и увидела Кикую.

Ясуко вошла, видимо, с черного хода. Послышался

звук льющейся из крана воды. Она что-то говорит, но из-за шума воды Синго не может ничего разобрать.

— Что? — громко кричит он.

— Мама говорит, красиво клевер цветет, — пояснила Кикико.

— А-а.

— Говорит, зацвела и пампасовая трава, — продолжала Кикико.

— А-а.

Ясуко все еще что-то говорила.

— Перестань, пожалуйста. Я ничего не слышу, — не выдержал наконец Синго.

Кикико опустила голову и улыбнулась украдкой.

— Я буду вам передавать.

— Передавать? Ни к чему. Просто бабка сама с собой разговаривает.

— Прошлой ночью она видела сон, что дом в деревне весь развалился.

— Хм.

— Что вы сказали, отец?

— Кроме «хм», мне нечего сказать.

Звук льющейся воды прекратился, и Ясуко крикнула:

— Кикико, поставь, пожалуйста, цветы в вазу. Красивые, я и решила срезать их. Поставь, пожалуйста.

— Сейчас. Только сначала покажу отцу.

Кикико принесла охапку клевера и пампасовой травы.

Ясуко помыла руки, налила воду в керамическую вазу из Сигараки и с вазой в руках тоже вошла в комнату.

— Очень красиво расцвел амарант рядом с домом.

С этими словами Ясуко села.

— Амарант есть и у того дома, где подсолнухи, — сказал Синго, вспомнив, что прекрасные цветы подсолнухов сорваны бурей.

Стебли были разломаны на мелкие кусочки и разбросаны по дороге. Несколько дней валялись и цветы.казалось, это валяются человеческие головы.

Лепестки на цветах увяли, толстые стебли ссохлись, поблекли — и все это вываляно в земле.

Возвращаясь домой, Синго поневоле наступал на них, но старался не смотреть.

Сломанные голые стебли с оторванными головами и без листьев по-прежнему торчали у ворот. Рядом с ними росло несколько гинкго со спелыми плодами на ветвях.

— И все-таки таких гинкго, как у соседей, ни у кого поблизости нет, — сказала Ясуко.

— Я видела сон, что дом в деревне весь развалился, — сказала Ясуко. Это был ее родной дом.

После смерти родителей Ясуко он уже много лет стоял пустой.

Отец собирался завещать дом Ясуко и поэтому отдал ее старшую сестру в дом мужа. Отец, любивший старшую дочь, поступил так просто потому, что пожалел Ясуко, понимая, что у ее красавицы сестры больше возможностей устроить свою жизнь.

Вот почему, наверно, он разочаровался в Ясуко, когда та после смерти сестры ушла в ее дом и стала работать изо всех сил, надеясь занять ее место. Может быть, Ясуко поступила так оттого, что испугалась ложившейся на нее ответственности за родителей и родительский дом, и отец раскаялся в своем решении.

Брак Ясуко и Синго как будто обрадовал отца.

Казалось, он примирился с тем, что после его смерти некому будет следить за домом.

Сейчас Синго больше лет, чем было отцу Ясуко, когда они поженились.

Мать Ясуко умерла первой, и ко времени смерти отца вся земля уже была продана, остался лишь небольшой участок леса и усадьба. Даже никаких ценных вещей не осталось.

Лес и усадьба были записаны на имя Ясуко, и она поручила присмотреть за ними деревенским родственникам. Чтобы выплачивать налоги, им, наверно, пришлось постепенно свести весь лес.

В течение многих лет Ясуко совсем не тратилась на дом в деревне, но зато и дохода никакого не получала.

Одно время, когда в годы войны в деревню приехали эвакуированные, на дом можно было найти покупателей, и Синго до сих пор жалеет, что Ясуко не проявила решительности.

Свадьбу Синго и Ясуко отпраздновали в ее доме. Бракосочетание единственной оставшейся в живых дочери устроили не у жениха, а в ее доме — такова была воля отца.

Синго помнит, что, когда они обменивались чашечками сакэ, упал каштан.

Ударившись о тяжелые каменные плиты садовой дорожки, он из-за ее крутизны отлетел далеко в сторону и

упал в быструю горную речку. Полет каштана, после того как он ударился о камень, был так удивительно красив, что Синго чуть не вскрикнул в восторге: «О-о». И тут же посмотрел на окружающих.

Никто из них, кажется, не обратил внимания на какой-то упавший каштан.

На следующее утро Синго спустился к горной речке. У самого берега он увидел каштан.

Каштаны падали поблизости все время, и это мог быть совсем не тот, что упал во время брачной церемонии, но Синго подобрал его и решил рассказать о случившемся Ясуко.

Но история с каштаном выглядела слишком по-детски. Поверит ли в нее Ясуко или кто-либо другой?

Синго выбросил каштан в прибрежную траву.

Он не столько боялся, что Ясуко не поверит ему, сколько стыдился мужа ее старшей сестры.

Если бы свояк не видел, как упал каштан, Синго еще во время вчерашней брачной церемонии смог бы рассказать об этом.

Присутствие свояка на свадьбе подавляло Синго, он чувствовал себя чуть ли не оскорбленным.

Синго, который и после свадьбы был влюблен в сестру Ясуко, чувствовал себя униженным и не мог относиться к этому человеку спокойно даже сейчас, когда старшая сестра умерла и он, Синго, женился на младшей — Ясуко.

Больше того, роль самой Ясуко была достаточно унижительной. Все время, пока Ясуко после смерти сестры жила в доме зятя, он делал вид, будто ему неведомы истинные ее намерения, и пользовался ею просто как добросовестной прислугой.

Было совершенно естественно пригласить его как близкого родственника на свадьбу Ясуко, но Синго испытывал такую неловкость, что даже старался не смотреть в его сторону.

Свояк по-прежнему был ослепительно красив — что правда, то правда. Синго казалось, что вокруг того места, где сидит свояк, разлито сияние.

Для Ясуко сестра и ее муж были людьми какой-то необыкновенной сказочной страны, и, женившись на Ясуко, Синго тоже уверовал, что свояк — человек, за которым ему никогда не угнаться.

Синго все время чувствовал, что с высоты своего величия он наблюдает за брачной церемонией холодно и презрительно.

И то, что Синго так и не рассказал тогда Ясуко о пустяке — упавшем каштане, — навсегда наложило мрачную тень на их супружескую жизнь.

Когда родилась Фусако, Синго втайне надеялся: вдруг она станет красавицей, похожей на старшую сестру Ясуко. Жене он, разумеется, не мог сказать об этом. Но Фусако выросла некрасивой, даже некрасивее, чем мать.

Как говорил Синго, кровь старшей сестры не возродилась через младшую. В душе он разочаровался в жене.

Через три-четыре дня после того, как Ясуко видела сон о своем доме, от родственников из деревни пришла телеграмма — они сообщали, что туда приехала Фусако с детьми.

Телеграмму получила Кикуюко и передала ее Ясуко, и та еле дождалась возвращения Синго.

— Мой сон о доме в деревне, наверно, и был предзнаменованием, — сказала Ясуко, но, глядя, с каким невозмутимым видом Синго читает телеграмму, она вдруг успокоилась.

— Хм, приехала в деревню?

Во всяком случае, жива-здорова — первое, о чем подумал Синго.

— Интересно, почему ей было не приехать к нам?

— Может быть, она подумала, что, если приедет сюда, это сразу же станет известно Аихара?

— А сам Аихара говорил тебе что-нибудь?

— Нет.

— Наверно, у них действительно полный разлад. Жена забирает детей и уходит из дому...

— Может быть, и самой Фусако не захотелось, как в прошлый раз, возвращаться к родителям. Да и Аихара тоже не очень-то ловко показываться в нашем доме.

— Все равно, не нравится мне это.

— Я просто поражена — как она смогла добраться до деревни?

— Лучше бы сюда приехала.

— «Лучше бы»... У тебя это звучит так безразлично. Мы сами виноваты в том, что Фусако не решилась вернуться домой и что она несчастна. Все это время я с грустью думала: неужели между родителями и дочерью возможны такие отношения?

Синго нахмурился и, выставив вперед подбородок, стал развязывать галстук.

— Ладно, потом. Где мое кимоно?

Кикуко принесла домашнюю одежду Синго. Взяв его костюм, она молча вышла.

Все это время Ясуко стояла потупившись, но когда Кикуко ушла, пробормотала:

— Не исключено, что Кикуко тоже уйдет из дому.

— Неужели родители до такой степени ответственны за семейную жизнь своих детей?

— Тебе не понять душевного состояния женщины... Женщина страдает совсем не от того, от чего страдает мужчина.

— Значит, по-твоему, любая женщина может легко понять душевное состояние другой?

— Сегодня Сюити снова не пришел вовремя. Почему он не может возвращаться вместе с тобой? Всегда ты приходишь без него. И Кикуко убирает только твой костюм.

Синго промолчал.

— Ты не хочешь посоветоваться с Сюити насчет Фусако? — сказала Ясуко.

— Нужно, наверно, просто послать Сюити в деревню. Пусть привезет ее сюда.

— Фусако может не понравиться, что приехал Сюити. Ведь Сюити всегда издевается над ней.

— Теперь не время об этом думать. В субботу и пошлем его.

— Опозорила нас на всю деревню. Сами мы ни разу туда не ездили, будто ни деревни, ни родных у нас нет, а Фусако, хотя там ей совсем не на кого рассчитывать, потащила в деревню.

— Кому она там нужна?

— Придется ей жить в нашем пустом доме. Тетка вряд ли сможет ее приютить.

Тетке Ясуко было уже за восемьдесят. С двоюродным братом, нынешним главой семьи, Ясуко тоже не поддерживала отношений. А Синго даже не мог вспомнить, сколько человек в семье Ясуко, оставшейся в деревне.

Синго было не по себе оттого, что Фусако убежала в деревню и теперь живет в доме, который привиделся Ясуко во сне совсем развалившимся.

3

Утром в субботу Сюити вышел из дому и вместе с Синго зашел в фирму. До отхода поезда еще оставалось время.

Сюити вошел в кабинет отца.

— Зонт я оставлю у тебя, — сказал он секретарше отца Хидэко.

Хидэко, чуть склонив голову набок, прищурилась:

— Едете в командировку?

— Да.

Сюити поставил чемодан и сел на стул напротив Синго.

Хидэко следила глазами за Сюити.

— Не простудись — как будто должно похолодать.

— Угу, ладно. — Сюити обратился к Синго, глядя на Хидэко: — Сегодня я обещал пойти с ней на танцы.

— Вот как?

— Пойди с ней ты, отец.

Хидэко покраснела.

Синго растерянно молчал.

Когда Сюити встал, чтобы уйти, Хидэко взяла чемодан, собираясь проводить его.

— Не надо. Зачем?

Сюити взял у нее чемодан и скрылся за дверью.

Хидэко, словно ее бросили, остановилась у двери, смущенно развела руками, а потом уныло вернулась на свое место.

Действительно ли ей было неловко, или она только притворялась? Синго не хотел в это вдаваться, но легкомысленный вид, который она напустила на себя, вселил и в него легкомыслие.

— Обещал тебе обязательно пойти — и вот... Жаль.

— В наше время обещания штука неверная.

— Я могу взять на себя обязанности его заместителя.

— Хм.

— Что, не гожусь?

— Почему же?

Хидэко удивленно вскинула на него глаза.

— Женщина, с которой встречается Сюити, тоже должна прийти на танцы, да?

— Нет.

О любовнице Сюити Синго знал от Хидэко, только что у нее хриплый чувственный голос. И ему не хотелось узнать о ней еще что-нибудь в этом роде.

Даже его, Синго, секретарша встречалась с этой женщиной, а семья Сюити с ней незнакома, — на свете всегда так, но принять это как должное Синго не мог.

Он не мог примириться с этим, в особенности сейчас, когда перед ним была Хидэко.

На вид Хидэко миниатюрная, легкая, а стоит перед Синго неприступно, словно тяжелым занавесом скрывая

жизнь человека. И ведь не узнаешь, о чем она думает.

— Ты встречалась с этой женщиной, когда он водил тебя на танцы? — сказал Синго, сделав вид, что ему это в общем-то безразлично.

— Да.

— И часто?

— Нет, нет.

— Сюити вас познакомил?

— Да нет, не то чтобы познакомил...

— Ничего не понимаю. Он для того и взял тебя с собой, чтобы ты встретила с этой женщиной? Зачем? Чтобы ревность в ней возбудить, что ли?

— Я не собираюсь им мешать, — сказала Хидэко, покачивая головой.

Синго понял, что Хидэко действительно по-дружески относится к Сюити, но все-таки немного ревнует.

— Лучше бы уж помешала.

— Вам бы этого хотелось? — Хидэко, опустив голову, засмеялась. — Она тоже приходит не одна.

— Что? Эта женщина приходит с мужчиной?

— Зачем же с мужчиной? С другой женщиной.

— Вот оно что! В таком случае я спокоен.

— Дело в том, — Хидэко выразительно посмотрела на Синго, — что они и живут вместе.

— Живут вместе? Две женщины вместе снимают одну комнату?

— Нет. Снимают домик, хоть и совсем маленький.

— Что ты говоришь? Ты к ним ходила?

— Да. — Хидэко замялась.

Синго снова удивился. И несколько поспешно сказал:

— Где этот дом?

Хидэко вспыхнула.

— Не знаю, как мне поступить, — прошептала она.

Синго молчал.

— В Хонго, недалеко от университета.

— А-а.

Хидэко, чтобы отвязаться от него, продолжала:

— Узенькая улочка, там всегда полумрак, но домик симпатичный. Вторая по-настоящему красивая, мне она больше нравится.

— Вторая — это подруга женщины, с которой встречается Сюити?

— Да. Она такая приятная.

— Странно. И что же делают эти две женщины? Они обе одинокие?

— Да. Хотя точно не знаю.

— Две женщины живут вместе — странно.

Хидэко кивнула.

— Такой приятной женщины я еще в жизни не видела. Я готова хоть каждый день с ней встречаться, — сказала она чуть кокетливо. Хидэко говорила так, словно приятность той женщины освобождала ее от скованности.

Синго не переставал удивляться.

Ему даже стало казаться, что Хидэко хвалит эту женщину, чтобы косвенно очернить любовницу Сюити, но до конца понять истинные намерения Хидэко ему не удалось.

Хидэко посмотрела в окно.

— Как будто выглядывает солнце.

— Да, похоже. Открой окошко.

— Когда Сюити-сан оставил зонтик, я подумала: как он обойдется без него? Хорошо, что погода разгулялась, как раз когда он поехал в командировку.

Хидэко думает, что Сюити уехал в командировку по делам фирмы.

Она подняла оконную раму и замерла, не опуская рук. Подол платья с одной стороны приподнялся. Казалось, она задумалась. Потом, опустив голову, отошла от окна.

Вошел посыльный и принес несколько писем.

Хидэко взяла их у него и положила на стол Синго.

— Опять панихида. Надоело. Кто на этот раз? Торияма? — бормотал Синго, просматривая почту. — Сегодня в два часа. Все-таки его женушка добила своего.

Хидэко привыкла, что Синго разговаривает сам с собой, и лишь украдкой наблюдала за ним.

Синго сидел с отсутствующим видом, приоткрыв рот.

— Сегодня не удастся пойти на танцы. Панихида, — сказал он. — Жена этого человека, когда у нее начался климакс, стала со света его сживать. Даже кормить перестала. Действительно перестала кормить. Только утром ему удавалось что-нибудь перехватить, да и то еда эта предназначалась не ему. Украдкой от жены он ел то, что она готовила детям. Вечерами, боясь жены, он допоздна не возвращался домой. Слонялся по городу, смотрел кино, бывал даже в кабаре и приходил домой, лишь когда жена и дети уже уgomонятся и заснут. Дети тоже помогали своей мамаше — попросту издевались над отцом.

— Как же все это случилось?

— Без всякой причины. Всею виной климакс. Страшная штука этот климакс.

Хидэко, казалось, решила, что Синго смеется над ней.

- Может быть, виноват был сам муж?
 - Когда-то он был образцовым чиновником. Потом перешел в частную фирму. Во всяком случае, панихиду служат вполне пристойно, в храме. В бытность чиновником он тоже вел себя скромно.
 - И семью свою прилично содержал, наверно?
 - Естественно.
 - Ничего не понимаю.
 - Да. Таким, как ты, не понять. Но есть сколько угодно уважаемых людей лет пятидесяти-шестидесяти, которые до смерти боятся своих жен и, стараясь меньше времени проводить дома, бродят по улицам до поздней ночи.
- Синго попытался вспомнить лицо Торияма, но ему это не удалось. Ведь лет десять уже не виделись.
- Интересно, Торияма умер у себя дома?

4

Придя на панихиду, Синго зажег ароматическую палочку и остановился у ворот храма в надежде встретить кого-нибудь из своих однокурсников, но никого не было видно.

Не появлялся никто в возрасте Синго.

Видимо, он опоздал.

Заглянув внутрь храма, Синго увидел, что люди, стоявшие у входа, сломали стройный ряд и пришли в движение.

Члены семьи умершего находились в глубине храма.

Жена покойного, по всей вероятности, еще жива, подумал Синго, и точно: у гроба стоит худая женщина – видимо, это она.

Волосы крашеные, но, кажется, уже давно не была в парикмахерской – у корней они совсем белые.

Поклонившись этой пожилой женщине, Синго подумал: Торияма, наверно, очень долго болел и, ухаживая за ним, она не успевала покраситься. Но, выпрямившись после поклона и зажигая у гроба еще одну ароматическую палочку, он прошептал про себя: «Кто может знать?»

Поднимаясь по лестнице и входя внутрь храма, Синго низко кланяясь членам семьи покойного, совсем забыл, что жена Торияма жестоко обращалась с мужем. Но сейчас, склонившись в поклоне у гроба, он вспомнил об этом. Синго был потрясен.

Он вышел из храма, чтобы не видеть вдову.

Потрясла Синго его поразительная забывчивость, а

совсем не Торияма и его жена, и обратно к воротам храма по вымощенной камнем дорожке он шел в отвратительном настроении.

Все будет забыто, все пойдет прахом, стучало в висках Синго.

Мало осталось людей, которые знают, какие были отношения у Торияма с женой. И даже если они и проживут еще немного, ничего не изменится — все уже ушло в прошлое. И придется полагаться лишь на воспоминания жены. Не останется никого, кто бы мог честно и непредвзято оглянуться назад.

Когда собирались однокурсники Синго и заходила речь о Торияма, никто из них не говорил о нем всерьез. Все только смеялись. И тот, кто рассказывал, стремился к одному — изобразить Торияма покомичнее.

Из тех, кто обычно собирался, двое умерли раньше, чем Торияма. Синго вдруг пришло в голову, что ни сам Торияма, ни его жена просто не в состоянии были понять, почему она издевается над ним и почему Торияма позволяет издеваться.

Торияма так и сошел в могилу, ничего не поняв. А для жены, оставшейся в живых, все это превратилось в прошлое, в прошлое, в котором уже нет Торияма. Жена его тоже умрет, так ничего и не поняв.

В доме человека, который рассказывал о Торияма, когда собрались однокурсники, было пять-шесть старых масок Но. Однажды к нему зашел Торияма, и он показал их ему. Торияма засиделся тогда допоздна и, рассматривая маски, никак не уходил. По словам этого человека, Торияма не уходил не потому, что так заинтересовался масками, которых он прежде никогда не видел, а просто ему нужно было убить время, пока не уснет жена, чтобы можно было спокойно вернуться домой.

Интересно, подумал Синго, какие мысли обуревали главу семьи, которому перевалило за пятьдесят, когда ему приходилось каждый день допоздна бродить по городу.

Висевшая над гробом фотография Торияма была сделана на Новый год или в какой-то другой праздничный день — на ней был изображен умиротворенный круглолицый человек в парадной одежде. Ретушь фотографа не оставила на его лице и тени мрачности.

Этот благообразно-умиротворенный Торияма такой молодой — не чета стоявшей у гроба жене. Казалось даже — жена так состарилась оттого, что всю жизнь Торияма издевался над ней.

Жена Торияма невысокого роста, и поэтому Синго видел ее белые у корней волосы даже на макушке; плечи у нее были покатые, и чувствовалось, что она очень худа.

Сын и дочь, не оставляя мать, стояли рядом с ней, но Синго они были плохо видны.

«Как дома?» Синго стоял у ворот храма, готовясь задать этот вопрос, если встретит кого-нибудь из своих старых приятелей.

А если и его об этом спросят, он ответит: «Пока все как будто в порядке, но, к сожалению, и в семье дочери, и в семье сына не все благополучно».

Это если ему уж очень захочется с кем-нибудь поделиться.

Но этого не будет — никакая сила не заставит старых приятелей быть откровенными. Да и вмешиваться в чужие дела они не привыкли. Они дойдут, переговариваясь, до трамвайной остановки и расстанутся.

А как, наверно, приятен был бы Синго такой разговор: «Вот и Торияма мертв, и теперь, глядя на фотографию, не скажешь, что жена издевалась над ним, правда?» — «Сын и дочь Торияма прекрасно устроили свою жизнь — в этом, пожалуй, заслуга его жены, ты согласен?» — «В наш век за семейную жизнь детей ответственны в первую очередь родители».

Эти слова Синго приготовил, чтобы переброситься ими со своими старыми приятелями. Эти слова без конца вертелись у него в голове, — откуда они взялись?

На крыше храмовых ворот галдела сая воробьев.

Они опускались на резко выступающий карниз, потом взлетали на конек крыши, потом снова опускались на карниз.

5

Когда он вернулся из храма в фирму, его ждали два посетителя.

Синго попросил Хидэко достать виски из шкафчика, стоявшего позади стола, и налил немного в чай. Виски помогало восстановить память.

Принимая посетителей, Синго почему-то вспомнил воробьев, которых он видел у дома вчера утром.

Они сидели на пампасовой траве, что росла за домом. Интересно, клюют они там что-нибудь или ловят насекомых? — думал Синго и вдруг, присмотревшись, увидел, что

в стайке, которую он считал воробьиной, есть и овсянки.

Разглядев среди воробьев овсянок, Синго стал присматриваться еще внимательнее.

Несколько птичек беспрерывно перелетали с колоска на колосок, пригибая их своей тяжестью к самой земле. Овсянок всего три. Они приятнее. Овсянки не суетливы, как воробьи. Перелетают редко.

Глянцевые блестящие крылья, яркая грудка, — овсянки выглядели очень празднично. Воробьи рядом с ними казались вывалявшимися в пыли.

Синго нравились овсянки — их свист отличался от чириканья воробьев, отличались они и повадками.

Синго некоторое время смотрел, не вспыхнет ли ссора между воробьями и овсянками.

Но воробьи, точно сговорившись, вспархивали все вместе, и овсянки тоже собирались отдельной стайкой — и те и другие чувствовали себя независимо, но даже если они и сбивались в одну кучу, ничего похожего на ссору не возникало.

Синго пришел в восторг. Это случилось утром, когда он умывался.

Видимо, ему напомнили этот случай воробьи на воротах храма.

Проводив посетителей, Синго прикрыл за ними дверь и, обернувшись к Хидэко, сказал:

— Ты мне не покажешь дом, где живет женщина, с которой встречается Сюити?

Синго решил попросить ее об этом, когда еще разговаривал с посетителями, но для Хидэко его вопрос был неожиданным.

Всем своим видом Хидэко выражала протест, она побледнела, но сдалась сразу же. И все же сказала сдержанно звенящим голосом:

— Что вы собираетесь там сделать?

— Тебе я никаких неприятностей не доставлю.

— Хотите встретиться с ней?

Синго еще не думал о том, встретится он сегодня с этой женщиной или нет.

— Разве вы не можете пойти туда вместе с Сюити, когда он вернется? — уже более спокойно сказала Хидэко.

Синго заметил, что Хидэко натянуто улыбнулась.

Подавленность не покинула Хидэко и в машине.

У Синго тоже было тяжело на душе оттого, что он унижает Хидэко, топчет ее. Своей просьбой он унижил не

только Хидэко, но и самого себя, и своего сына Сюити.

У Синго была надежда покончить с этим делом в отсутствие Сюити. Но он чувствовал, что надежда его так и не сбудется.

— Если вы хотите поговорить, то, я думаю, лучше с той женщиной, которая живет вместе с ней, — сказала Хидэко.

— С той, которая тебе симпатична?

— Да. Давайте я приглашу ее к нам, в фирму, там и поговорите.

— Ну что ж, пожалуй, — сказал Синго нерешительно.

— Однажды Сюити много выпил и, сильно опьянев, начал буйствовать. Приказал этой женщине — пой, и, когда та запела приятным голосом, Кинуко заплакала. А уж если Кинуко заплакала от пения этой женщины, значит, она ей во всем подчинится.

Странная у нее манера рассказывать. Кто же эта Кинуко? Наверно, любовница Сюити.

Синго и в голову не приходило, что Сюити так ведет себя, когда выпьет.

Возле университета они вышли из машины и свернули в узкую улочку.

— Если Сюити узнает, что я натворила, мне лучше уйти из фирмы, он никогда мне этого не простит, — тихо сказала Хидэко.

Синго стало не по себе.

Хидэко остановилась.

— Нужно свернуть у той каменной ограды, оттуда четвертый дом, на нем табличка с именем Икэда. Я не пойду — они знают меня.

— На сегодня хватит — и так я доставил тебе массу хлопот.

— Но почему? Мы ведь уже почти пришли... Разве плохо, если вам удастся восстановить мир в семье?

Хидэко уговаривала его, но чувствовалось, что вся эта история ей неприятна.

Синго обогнул угол дома, обнесенного бетонной оградой, — Хидэко назвала ее каменной, — за которой в саду возвышался огромный клен, четвертым в ряду стоял совсем неприметный маленький старый домик, принадлежащий Икэда. Вход, обращенный к северу, выглядел мрачно, стеклянная дверь на втором этаже, выходящая на веранду, закрыта, никаких звуков из дома не доносится.

Синго прошел мимо. Ничто не привлекло его внимания.

Проходя мимо дома, Синго приуныл. Что скрывает этот

дом в жизни его сына? Но Синго не считал себя вправе вторгаться в него.

Он вернулся другой дорогой.

На прежнем месте Хидэко не было. Не оказалось ее и на широкой улице, где они вышли из машины.

Вернувшись домой, Синго, стараясь не смотреть в глаза Кикуко, сказал:

— Сюити на минутку заглянул в фирму и сразу же уехал. Хорошо, что погода улучшилась.

Он чувствовал себя совсем разбитым и рано лег спать.

— На сколько дней Сюити взял отпуск? — спросила из столовой Ясуко.

— Знаешь, я его не спросил. Но у него всего и дел-то — привезти сюда Фусако, наверно, дня на два, на три, — ответил он, уже лежа в постели.

— Сегодня Кикуко с моей помощью простегала ватное одеяло.

Приезжает Фусако с двумя детьми — сколько забот свалится на Кикуко, думал Синго.

А что, если придется поселить Сюити отдельно? — подумал Синго, и сразу же в памяти всплыл дом любовницы Сюити, который он видел в Хонго.

Синго вспомнил, как противилась его просьбе Хидэко. Каждый день она работает с ним рядом, но он ни разу не видел, чтобы она так возмущалась.

Может быть, ему никогда не придется увидеть, как возмущается Кикуко. Однажды Ясуко сказала Синго, что Кикуко старается не ревновать, чтобы не огорчить отца.

Синго, разбуженный храпом Ясуко, зажал ей нос.

Ясуко, словно она и не думала еще спать, сказала бодро:

— Как ты думаешь, Фусако снова приедет с тем самым фуросики?

— Наверно.

Они замолчали.

СОН ОБ ОСТРОВЕ

1

Под полом оценилась приبلудная собака. Оценилась — так могут сказать лишь посторонние, но ведь и для семьи Синго собака была чужой. Оценилась под полом, и

никто из домашних не знал, когда это случилось.

— Мама, Тэру не приходила ни вчера, ни сегодня, может быть, потому что принесла щенят? — дней семь назад сказала на кухне Кикико.

— Не знаю, возможно, — равнодушно ответила Ясуко.

Синго, грея ноги у жаровни, заваривал себе зеленый чай. С этой осени у него вошло в привычку по утрам пить зеленый чай, и он сам его заваривал.

Кикико заговорила о Тэру, готовя завтрак, и на этом разговор оборвался.

Когда Кикико, опустившись на колени, поставила перед Синго миску с супом из соевых бобов, Синго налил ей чаю.

— Может, выпьешь чашечку?

— Выпью, пожалуй.

Такого еще не бывало, и Кикико уселась поудобнее.

Синго взглянул на нее.

— И на оби¹ и на кимоно у тебя хризантемы. А ведь сезон хризантем уже кончился. В этом году из-за неприятностей с Фусако забыли о твоём дне рождения.

— Почему же, на моем оби — все четыре благородных растения. Так что его можно носить круглый год.

— Что это значит «четыре благородных растения»?

— Орхидея, бамбук, слива, хризантема... — сказала Кикико звонко. — На чем-нибудь вы их, конечно, видели, отец, и должны знать. И на картинах они бывают и на кимоно.

— Скромный рисунок.

Поставив чашку, Кикико сказала:

— Очень вкусно.

— Этот зеленый чай я получил в подарок от семьи покойного, память которого я почтил, — как же его звали? — и теперь я снова стал пить зеленый чай. Раньше я его пил всегда. У нас дома другого чая вообще не бывало.

Сюити в то утро ушел в фирму раньше, чем Синго.

Надевая ботинки в прихожей, Синго пытался вспомнить имя покойного приятеля, семья которого прислала ему в подарок зеленый чай. Можно было бы, конечно, спросить у Кикико, но он промолчал. Этот приятель умер внезапно в гостинице на горячих водах, куда он поехал с молодой женщиной.

— Давно что-то Тэру не приходила, — сказал Синго.

— Да, ни вчера, ни сегодня, — ответила Кикико.

¹ Длинный широкий кусок материи, служащий поясом для кимоно.

Обычно, услышав, что Синго собирается выйти из дому, Тэру подходила к крыльцу и провожала его до ворот.

Совсем недавно, вспомнил Синго, Кикуко гладила на крыльце Тэру по животу.

— Отвратительный какой-то, вздутый, — сказала, нахмурившись, Кикуко, пытаясь нащупать щенков. — Сколько их там?

Тэру посмотрела на Кикуко странно побелевшими глазами, потом легла на бок и подставила живот.

Живот Тэру не был настолько вздутый, чтобы вызвать отвращение, как сказала Кикуко. В паху кожа, словно став тоньше, порозовела, у сосков налипла грязь.

— Сосков десять?

Услышав это от Кикуко, Синго тоже стал издали пересчитывать соски собаки. Самые верхние — маленькие, словно бы увядшие.

У Тэру был хозяин, она носила даже ошейник с номером, но, видно, хозяин плохо ее кормил, и она отбилась от дома. Раньше Тэру вертелась около кухонь соседней. Но когда Кикуко стала добавлять к остаткам от завтрака и ужина припасенные для нее вкусные кусочки, собака большую часть времени проводила у дома Синго. Часто по ночам в саду слышался лай Тэру, и можно было подумать, что она вообще прижилась у них. Но даже Кикуко не считала ее своей дворовой собакой.

Ну, а щенков она всегда приносила в доме хозяина.

Поэтому, когда Тэру не появлялась в течение нескольких дней, Кикуко и подумала, что, наверно, она оценилась в доме хозяина.

Синго было даже обидно, что щениться она все-таки возвращается в хозяйский дом.

Но на этот раз Тэру оценилась под полом в доме Синго. Никто не знал об этом дней десять.

Однажды, когда Синго вернулся вместе с Сюити из фирмы, Кикуко сказала:

— Отец, Тэру оценилась.

— Что ты говоришь? Где?

— Под полом, под комнатой прислуги.

— Хм.

Когда прислуга уехала, ее маленькую комнатку превратили в чулан и стали складывать в нее разные вещи.

— Тэру, оказывается, забралась под пол, я заглянула туда, — похоже, там есть щенки.

— Хм. И сколько же их?

— Темно, как следует не рассмотрела. Они в самом дальнем углу.

— А, ну тогда понятно. Значит, оценилась в нашем доме?

— Мне мама еще раньше говорила. Тэру все время вертится в сарае, странно себя ведет, роет лапами землю. Это она искала себе место. Подстелить бы ей в сарае соломки, она бы там, наверно, и оценилась.

— Что мы будем делать, когда щенки подрастут? — сказал Сюити.

Синго тоже радовался, что Тэру принесла щенят в его доме, но ему была неприятна мысль, что придется выбрасывать детенышей приبلудной собаки.

— Неужели Тэру оценилась в нашем доме? — сказала Ясуко.

— В том-то и дело.

— Ты говоришь, под полом, под комнатой прислуги, но ведь это единственная комната в доме, где никто не живет, — значит, Тэру выбрала это место сама.

Ясуко, продолжая сидеть у жаровни, исподлобья взглянула на Синго.

Синго тоже сел у жаровни и, отпив чаю, сказал Сюити:

— Помнишь, Танидзаки как-то обещала помочь нам с прислугой, ты с ней больше не говорил?

Когда Синго стал наливать вторую чашку чая, Сюити остановил его:

— Пепельница, отец.

По рассеянности Синго начал наливать чай в пепельницу.

2

— Так мы и состарились, ни разу не вzbравшись на Фудзи, — бормотал Синго, сидя в своем кабинете.

Неожиданно всплывшие слова, но в них, казалось ему, был какой-то тайный смысл, и он снова пробормотал их.

Может быть, эти слова всплыли потому, что прошлой ночью он видел сон об острове Мацусима.

Синго никогда в жизни не был на Мацусима и все же видел сон об этом острове, — утром это показалось ему удивительным.

До сих пор, подумал Синго, он ни разу не был ни в одном из достопримечательных мест Японии, ни на Мацу-

сима, ни в Ама-но хасидатэ¹. Однажды не в сезон, зимой, он побывал на острове Миядзима в Амако, да и то сделал там лишь короткую остановку, когда возвращался из командировки на Кюсю.

Утром он помнил лишь обрывки сна, но в памяти ярко запечатлелись цвет сосен на острове и цвет моря. Он отчетливо помнил, что это был остров Мацусима — остров сосен.

На лужайке под соснами Синго обнимал девушку. Они боялись, что их увидят, и прятались. Наверно, они вдвоем отделились от компании. Девушка была еще совсем молоденькая. Почти девочка. Сколько ему лет, он не знал. Судя по тому, что Синго бежал с ней между соснами, он тоже был молод. Во всяком случае, обнимая девушку, он, наверно, не ощущал разницы в возрасте. И вел себя, как молодой. Но ему не казалось, что он вернулся в свою молодость, что все это происходило давно. Оставаясь, как сейчас, шестидесятидвухлетним, он представлял себя юношей лет двадцати. Этим сон и был загадочен.

Компания на моторной лодке плыла далеко в море. В лодке встала во весь рост женщина и помахала им платком. Даже проснувшись, он отчетливо помнит белый платок на фоне синего моря. Синго и девушку оставили одних на маленьком острове, но это их нисколько не беспокоило. Синго думал лишь об одном — он видит лодку в море, а с лодки не видно укрытия, в котором они притаились с девушкой.

Синго проснулся, как раз когда увидел белый платок.

Утром, встав с постели, Синго уже не знал, что за девушка привиделась ему. У нее уже не было ни лица, ни даже общих очертаний. Не осталось никакого ощущения от прикосновений. Ярко запечатлелись лишь цвета пейзажа. Но почему все происходило на Мацусима, почему он видел во сне Мацусима — понять этого он не мог.

Синго ни разу не был на Мацусима, ни разу не плывал на лодке к необитаемому острову.

Синго хотелось поговорить со своими домашними — не от нервного ли истощения ему снился цветной сон, — но он так и не решился. Ему было неловко, что во сне он обнимал девушку. А что он видел во сне себя, сегодняшнего, молодым — что в этом противоестественного?

¹ Называют три достопримечательных места Японии, известных своей красотой: Мацусима, Ама-но хасидатэ и Ицукусима.

Загадочное смещение времени во сне даже позабавило Синго.

Если бы он вдруг понял, кто была та девушка, вся загадочность этого сна мгновенно бы разрушилась, думал Синго, попыхивая сигаретой в своем кабинете, и тут раздался легкий стук, и дверь распахнулась.

— Доброе утро. — Вошел Судзумото. — Решил заглянуть, вдруг, думаю, пришел уже.

Судзумото снял шляпу. Хидэко вскочила, чтобы взять у него пальто, но он, не раздеваясь, сел на стул. Синго удивленно посмотрел на лысую голову Судзумото. Возле ушей выступили коричневатые старческие пятна, и весь он выглядел каким-то неопрятным.

— Что случилось? Прямо с утра ты ко мне.

подавив улыбку, Синго стал рассматривать свои руки. Тыльная сторона ладони и запястья временами и у него покрываются коричневатыми пятнами.

— Мидзута, помнишь, тот, что умер в объятьях женщины...

— Да, да, Мидзута, — вспомнил Синго. — Совершенно верно, именно от семьи покойного Мидзута я получил в подарок зеленый чай, и снова у меня вошло в привычку пить его по утрам. Прекрасный чай они мне подарили.

— Зеленый чай — это ладно. Умереть в объятьях молодой женщины — что может быть прекраснее. Я слышал рассказы о такой смерти, но никогда не думал, что это может случиться с нашим Мидзута.

— Хм.

— Даже завидно.

— Ты тоже толстый и лысый — так что у тебя есть все шансы.

— Но зато у меня не такое высокое давление. А Мидзута всегда боялся инсульта и никогда не оставался один, особенно когда уезжал из дому.

Мидзута скорострительно скончался в гостинице на горячих водах. На похоронах его приятели перешептывались, что он, если выразиться, как Судзумото, умер в объятьях молодой женщины. Мидзута умер оттого, что поехал с женщиной, — почему они предполагают, что он умер именно от этого, думал потом Синго и решил, что рассказ этот маловероятен. Но все-таки тогда ему было любопытно — придет ли эта женщина на похороны: одни утверждают, что женщина — самое отвратительное, что есть в жизни, другие, наоборот, утверждают, что если женщина любит мужчину, то и она может быть желанной.

Синго считал, что это одно из проявлений старческого маразма — когда его шестидесятилетние приятели сыплют студенческими словечками на том лишь основании, что они когда-то вместе учились в университете. И сейчас называют друг друга по прозвищу или уменьшительными именами, забывшимися со студенческих лет. Они знали друг друга с юности, это не только сближало их, но и вызывало взаимную неприязнь — ведь каждый из них прочно укрылся в скорлупе замшелого эгоизма. Сейчас они острят по поводу смерти Мидзута, который недавно сам высмеивал умершего Торияма.

Сидзумото и на похоронах с вожделием и завистью говорил о смерти в объятьях женщины, но Синго просто передернуло, стоило ему представить себе смерть этого человека по такой милой сердцу Судзумото причине.

— Нет, для пожилого человека такая смерть непристойна, — сказал он.

— Безусловно. Ведь нам уже не снятся женщины, — присмирел Судзумото.

— Тебе случалось взбираться на Фудзи? — сказал Синго.

— На Фудзи? На гору Фудзи? — На лице Судзумото было написано недоумение. — Нет, не случалось. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Мне тоже не случалось. Так мы и состарились, ни разу не взобравшись на Фудзи.

— Что? Здесь какая-то двусмысленность, да?

— Не говори глупостей, — пренебрежительно бросил Синго.

Сидевшая за столом у двери и щелкавшая на счетах Хидэко тихононько прыснула.

— Я убеждаюсь, что людей, которые оканчивают свои дни, так и не взобравшись на Фудзи, не повидав трех достопримечательных мест Японии, не так уж мало. Интересно, сколько процентов японцев взбиралось на Фудзи?

— Думаю, и одного процента не наберется.

Судзумото снова вернулся к своей излюбленной теме.

— А таких счастливчиков, как Мидзута, один на десятки тысяч, да нет, пожалуй, на сотни тысяч.

— Хорошо, предположим, что ему повезло, но каково семье?

— Да, так вот как раз о семье. У меня была жена Мидзута, — сказал Судзумото, переходя на деловой тон. — Она обратилась с просьбой. — С этими словами он стал развешивать фурсики, лежавший на столе. — Это маски.

Маски Но. Она попросила меня купить их. Я приехал показать тебе.

— В масках я ничего не понимаю. То же самое, что с тремя достопримечательными местами: знаю, что в Японии они есть, но ни разу там не был.

В фуросики лежали две маски в футлярах. Судзумото достал их.

— Эту называют маской Дзидо, а эту — Кацусики. Обе — маски детей.

— Это дети?

Синго протянул руку к маске Кацусики, взял ее за шнурки, продетые сквозь дырочки в ушах, и стал внимательно рассматривать.

— На лбу нарисована челка. Формой маска напоминает плод гинкго. Это ребенок, еще не прошедший обряда совершеннолетия. Улыбается во весь рот.

— Хм.

Синго, чтобы лучше рассмотреть маску, отвел ее на всю длину руки.

— Танидзаки-кун, у меня там очки, — сказал он Хидэ-ко.

— Нет, нет, не надо. Лучше так. Маску Но лучше рассматривать, чуть приподняв ее вверх на вытянутых руках. Наша старческая дальноркость тут даже кстати. К тому же тогда маска смотрит вниз и затемнена.

— На кого-то она очень похожа. Как живая.

Существуют термины «затемнить» маску, то есть наклонить ее вперед, и она сразу же становится грустной, и «осветить» маску — наклонить ее назад, и она кажется веселой, объяснял Судзумото. Повороты вправо и влево называют «принимать» и «отвергать».

— На кого-то она все-таки похожа, — снова сказал Синго.

— На мальчика она, пожалуй, не похожа, скорее — на юношу.

— В старые времена дети рано выросли. К тому же это лицо сказочного персонажа. Даже в театре Но такая маска — редкость. Присмотрись как следует — ребенок. Дзидо — это, кажется, добрый дух. Его всегда изображали вечным ребенком.

Синго стал поворачивать маску Дзидо, как только что учил Судзумото.

Волосы впереди коротко острижены, как у капшы¹.

¹ Сказочное существо, живущее в реках. То же, что водяной.

— Ну так как? Входи со мной в компанию, — сказал Судзумото.

Синго положил маску на стол.

— Она обратилась к тебе, ты и покупай.

— Я и купил. Дело в том, что жена Мидзута принесла пять масок. Я взял две женские. Одну уговорил купить Умино. Предлагаю и тебе купить.

— Значит, мне — остатки. Себе выбрал женские маски — хитрец.

— А женские, по-твоему, лучше?

— Конечно, лучше. Но их уже нет.

— Хорошо, я их тебе принесу. Если ты их купишь — пожалуйста. Мидзута постигла такая смерть, и когда я увидел лицо его жены, мне стало жаль ее, я не мог отказать. Но эти маски сделаны искуснее, чем женские. Разве плох этот вечный ребенок?

— Мидзута умер, а еще до него умер Торияма, который много лет видел эти маски в доме Мидзута. Нет, мне это будет неприятно.

— Но, может быть, маска Дзидо все же хороша? Как-никак вечный ребенок.

— Ты был на панихиде по Торияма?

— Нет, послал извинения, что не смогу быть. — Судзумото поднялся. — В общем, оставляю их тебе, посмотри на досуге. Если не понравятся, можешь предложить еще кому-нибудь.

— Понравятся или не понравятся — не имеет значения, я не хочу связываться с этими масками. Они, кажется, действительно великолепные, но лишить их театр Но и держать мертвым грузом — значит просто убить их. Ты не согласен?

— Пусть это тебя не беспокоит.

— Сколько они стоят? Дорого, наверно? — сказал Синго.

— Да, чтобы не забыть, я попросил жену Мидзута написать цену. Вот она на этих бумажках. Маски примерно столько и стоят, но она, видимо, уступит.

Синго надел очки, взял в руки тесемку, к которой была привязана бумажка, и в тот миг, когда все предметы перед его глазами приобрели четкие контуры, он чуть не вскрикнул, увидев, как прекрасны черты лица и особенно губы Дзидо.

Когда Судзумото вышел, к столу Синго подошла Хидэко.

— Красивая, правда?

Хидэко молча кивнула.

— Не хочешь надеть ее?

— Что вы, я в ней буду выглядеть странно. Если бы на мне было кимоно, — сказала Хидэко, но Синго подошел к ней с маской, и она сама надела ее на себя и завязала тесемки на затылке.

— Теперь, пожалуйста, медленно поворачивай голову.

— Хорошо.

Хидэко, стоя на месте, стала поворачивать голову то в одну, то в другую сторону.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал неожиданно для себя Синго. Этих движений было достаточно, чтобы маска ожила.

На Хидэко было вишневое платье, пышные волосы выбивались с обеих сторон маски, она выглядела очень привлекательно.

— Хватит или еще?

— Хватит.

Синго послал Хидэко купить справочник по маскам Но.

3

На обеих масках — и Кацусики и Дзидо — были имена мастеров. Сверившись со справочником, Синго установил, что это, правда, не старые мастера эпохи Муромати¹, но все же довольно известные художники, хоть и более позднего времени. Во всяком случае, Синго, который впервые держал в руках маски Но, заключил, что перед ним вероятней всего не подделка.

— Ой, какие неприятные. Кто это? — Ясуко, надев очки, стала рассматривать маски.

Кикуко тихонько засмеялась.

— Мама, вы нарочно надели очки отца?

— Неважно. Стариковские очки — они любому подойдут, — ответил за нее Синго.

— У кого ни брала, всегда годятся.

На Ясуко были очки, которые подал ей Синго, вынув их из кармана.

— Муж всегда проворней. А у нас дома тем более — бабка-то постарше.

Синго был в прекрасном расположении духа. Не переодевшись, он сел у жаровни и стал греть ноги.

¹ Эпоха Муромати — период с 1338 по 1573 г.

— Что плохо, когда глаза старые, — еду не видишь, которую тебе подают. Особенно если что-нибудь мелкое — никак не разберешь, что это такое. Когда у меня начали портиться глаза, рис в миске превратился в сплошную массу — крупинки перестал различать. И сразу же рис потерял для меня всякий вкус, — говорил Синго, внимательно рассматривая маски Но.

Наконец он заметил, что Кикуко, положив перед собой его домашнее кимоно, ждет, чтобы он переоделся. Заметил также, что Сюити еще не вернулся домой.

Неотрывно глядя на лежавшую около жаровни маску, Синго встал и начал переодеваться.

Но делал он это еще и оттого, что боялся встретиться взглядом с Кикуко.

Кикуко убирала его одежду, даже не пытаясь подойти ближе и посмотреть маски, — наверно, расстроена оттого, что Сюити опять не пришел вовремя, с горечью думал Синго.

— Какие неприятные, словно человеческие лица, — сказала Ясуко.

Синго вернулся к жаровне.

— Какая, по-твоему, лучше?

— Пожалуй, эта, — не задумываясь ответила Ясуко, дотронувшись рукой до Кацусики. — Прямо как живая.

— Хм. Думаешь, эта?

Синго считал, что решение ее слишком поспешно.

— Они относятся к одному времени, но мастера разные. Эпоха Тоётоми Хидэёси¹. — С этими словами Синго взял маску Дзидо за самый верх.

Кацусики была мужской маской, и брови были мужские, а маска Дзидо скорее бесполой — глаза широко расставлены, а узкие серповидные брови почти девичьи.

Синго наклонился над маской — гладкая, точно девичья кожа; ему показалось, что это действительно кожа, и в его старых глазах она вдруг приобрела мягкость, человеческую теплоту — маска улыбнулась, как живая.

О!.. У Синго даже дыхание перехватило. Он еще ниже склонился к маске — улыбалась живая женщина. Улыбка очаровательная, радостная.

Глаза и рот в самом деле живые. В пустых глазницах даже виделись черные зрачки. Пунцовые губы казались податливо-влажными. Затаив дыхание, Синго коснулся носа — снизу всплыли иссиня-черные зрачки,

¹ Тоётоми Хидэёси — правитель Японии с 1585 по 1598 г.

нижняя губа потянулась к нему. Синго чуть было не поцеловал маску. Потом глубоко вздохнул и отстранился от нее.

Отстранился, и все случившееся показалось ему неправдоподобным. Он прерывисто дышал.

Синго нахмурился и убрал маску Дзидо обратно в футляр. Футляр из красного дерева. Футляр от Кацусики он протянул Ясуко.

— Положи в него маску.

Ярко-красная краска — такого цвета была губная помада в старые времена — не только обрисовывала губы, но и проникала внутрь, и Синго казалось, что нижнюю губу Дзидо он видит всю насквозь, даже самые скрытые ее части. Рот был слегка приоткрыт, и губы казались красным цветком на снегу.

В маске Но есть что-то влекущее, заставляющее человека снова и снова смотреть на нее, даже прикасаться к ней. Может быть, сам мастер не предполагал такого эффекта. Со сцены театра Но, на значительном расстоянии, маска всегда видится живой. Это естественно, но и сейчас, вблизи, она тоже как живая — Синго это казалось секретом мастера, полюбившего маску.

Все это из-за того, что и сам Синго испытывал к ней влечение. И чаровала она его сильнее, чем живая женщина, наверно, просто потому, что у него большие старческие глаза, подумал он, улыбаясь.

Но ведь во сне он обнимал девушку. И Хидэко, когда она надевала маску, показалась ему удивительно привлекательной, да и сейчас он чуть было не поцеловал Дзидо, — что станет с его семьей, если цепь этих сомнительных поступков будет продолжаться, думал Синго.

С тех пор как Синго стал страдать старческой дальнозоркостью, он не приближался к молодым женщинам. Не потому ли, что глаза старика все видят в более мягком, тусклом свете?

— Эти маски принадлежали Мидзута. Помнишь, который умер на горячих водах? Мы еще получили от его семьи в подарок зеленый чай, — сказал Синго, обращаясь к Ясуко.

— Какие неприятные, — повторила она.

Синго стал пить чай, подлив в него виски.

Кикико в кухне нарезала лук, чтобы приготовить окуня с соевым творогом и овощами.

Утром двадцать девятого, за несколько дней до Нового года, Синго, умываясь, увидел, как Тэру выносит своих щенят на солнце. Она и раньше вытаскивала их из-под пола, но Синго не знал точно, сколько щенков — четыре или пять. Как только из-под пола появлялся щенок, Кикуко проворно хватала его и несла в дом. Стоило ей прижать щенка к себе, тот сразу же успокаивался, но остальные, увидев человека, снова забивались под пол, так что все вместе в саду они еще ни разу не появлялись, поэтому Кикуко никак не могла точно определить, сколько их, четыре или пять.

Теперь на солнышке грелось действительно пять щенят.

Это было в том самом месте у подножия горы, где Синго как-то наблюдал за воробьями и овсянками. Туда свозили землю, когда копали щели, чтобы укрываться от бомб, во время войны на этой насыпи даже выращивали овощи. А теперь на ней лежали, греясь на солнышке, щенки.

Пампасовая трава, колосья которой начисто выклевали овсянки и воробьи, торчала у подножия горы сухими стеблями, и только на насыпи она была по-прежнему сочной. Насыпь была покрыта мягкой травой, и Синго с удивлением отметил, что у Тэру хватило ума выбрать именно это место для своих щенят.

Задолго до того, как встанут люди, а встав, начнут возиться с завтраком, Тэру вытаскивает щенят на хорошее место и кормит их, греясь на солнышке. И они успевают вдоволь насладиться минутами, когда их не беспокоит никто из людей. Так подумал сначала Синго, умиляясь этой идиллической сценкой.

Было уже двадцать девятое декабря, а солнце в Камкура грело так, как будто осень еще в самом разгаре.

Но, присмотревшись, он увидел, что никакой идиллии нет — пять щенков, отталкивая друг друга, борются за соски и изо всех сил давят на них передними лапками, выкачивая молоко, как насосом. Он увидел, что щенки обладают огромной жизнеспособностью. Может быть, потому, что они подросли настолько, что могли уже сами взбираться на насыпь. Тэру время от времени стряхивала их и поджимала живот, чтобы они не могли добраться до сосков, уже расцарапанных до крови их острыми коготками.

Наконец Тэру поднялась и решительно стряхнула щенят, присосавшихся к ней. И сбегала с насыпи. Черный щенок, вцепившийся в мать крепче других, кубарем покатился вниз.

Он упал чуть ли не с метровой высоты, и Синго испугался за него. Но щенок как ни в чем не бывало вскочил на ноги и стал бегать, нюхая землю.

Вот это да, подумал Синго. Ему казалось, что он впервые видит такую сцену, и в то же время — что когда-то он уже видел это. Синго задумался.

— Ну конечно, на картине Сотацу, — прошептал он. — Хм. Молодец.

Синго как-то видел репродукцию картины Сотацу «Щенок» и сначала подумал, что нарисована игрушечная собачка, просто украшение — и теперь он был поражен, поняв, что щенок на картине совсем настоящий, чуть ли не живой. И стоит только мысленно придать этому черному щенку больше грации, изящества — сразу же появится та самая картина.

Думая об этом, Синго вспомнил, что маска Кацусики, удивительно живая, напоминает ему кого-то.

Мастер, сделавший маску Кацусики, и художник Сотацу жили в одном веке.

Говоря попросту, Сотацу нарисовал щенка дворняги.

— Идите сюда, смотрите. Все щенки уже здесь.

Четыре щенка, ковыляя и переваливаясь, сошли с насыпи.

Синго предчувствовал, что ни черный щенок, ни остальные уже не повторят сценки, изображенной на картине Сотацу.

Он подумал, не откровение ли это, что щенок превратился в картину Сотацу, а маска Дзидо — в современную женщину, или, наоборот, одно противостоит другому?

Синго повесил маску Кацусики на стену, а маску Дзидо потихоньку спрятал в шкаф, в самую глубину.

Ясуко и Кикуюко, которых позвал Синго, подошли к умывальнику посмотреть на щенков.

— Что ж это вы, мылись и не обратили на них внимания? — сказал Синго, и Кикуюко, слегка обняв Ясуко за плечи, ответила:

— У женщин по утрам голова идет кругом от забот, правда, мама?

— Конечно. А где Тэру? — сказала Ясуко. — Куда-то убежала, а детеныши ее бродят, бедные, словно заблудились или их подкинули.

- Ужасно, что приходится их выбрасывать, — сказал Синго.
- Двух мы наверняка пристроим, — сказала Кикико.
- Что ты говоришь? Неужели кто-нибудь хочет их взять?
- Да. Один — это хозяин Тэру. Сказал, что возьмет кобелька.
- Вот как? Тэру отбилась от дома, и теперь он решил вместо нее взять ее щенка?
- Видимо.
- А что касается Тэру, мама, то она, наверно, пошла поест, — ответила Кикико на вопрос, который Ясуко задала раньше, и пояснила Синго: — Тэру умная — все прямо удивляются ее сообразительности. Она точно знает, когда в каком доме на нашей улице едят, и приходит без опоздания.
- Что ты говоришь? Ловко устроилась.
- Синго был немного разочарован. Неужели, когда он завтракает или ужинает, полагая, что Тэру дома, она ходит по соседям, подгадав время, когда те едят?
- Точнее говоря, приходит не к самой еде, а сразу же после нее, когда уже есть объедки, — добавила Кикико. — Недавно, когда Тэру у нас в доме принесла щенят, я сказала об этом соседкам, и они потом все расспрашивали меня, как Тэру. А соседские дети пришли и просят: покажите щенков Тэру. Это когда вас не было дома, отец.
- Вот это популярность.
- Да, необыкновенная. Соседка рассказала мне интересную вещь. Если Тэру пришла в ваш дом и родила здесь, говорит она, значит, у вас должен еще кто-то родить. Тэру решила так надумать молодую хозяйку. Разве это не радостное событие? — сказала Ясуко, и Кикико покраснела и убрала руку с ее плеча.
- Ой, мама.
- Так соседка сказала.
- Разве можно сравнивать собаку с человеком? — сказал Синго. Эти слова тоже не были так уж кстати.
- Однако Кикико подняла голову, до этого опущенную.
- Особенно заботится о Тэру дед Амамия-сана. Может, дадите мне щенка, говорит. По-моему, он человек надежный. Он так сердечно говорил со мной, что мне стало даже неудобно.
- Вот как? Ну что ж, пожалуй, пусть возьмет, — ответил Синго. — Ладно, пошли домой.
- Амамия был соседом хозяина Тэру, но, потеряв работу,

продал дом и переехал в Токио. Вместе с ним жили муж; с женой, старики, помогавшие по дому. В Токио у Амамия дом был слишком мал, и он не мог взять их с собой, так что они остались в Камакура и сняли себе жилье. Этого старика, всю жизнь прожившего в доме Амамия, все звали дедом Амамия.

Тэру была дружна с дедом Амамия больше, чем с другими. Даже когда они сняли комнату и переехали в другое место, старик приходил, только чтобы проведать Тэру.

— Надо поскорее сказать деду, что мы дадим ему щенка. Обрадовать его. — С этими словами Кикико вышла из дому.

Синго не посмотрел ей вслед. Наблюдая за черным щенком, он вдруг увидел, что упал большой репейник, который рос у окна. Цветы с него осыпались, стебель сломался у самого корня, но был еще зеленый.

— Крепкое растение репейник, — сказал Синго.

ВИШНЯ ЗИМОЙ

1

В ночь под Новый год пошел дождь и лил весь следующий день.

Новый год, и можно было встать попозже, но Сатоко, дочка Фусако, с раннего утра начала бегать по веранде, и Синго проснулся.

Кикико уже поднялась.

— Сатоко-тян, иди сюда. Давай вместе жарить рисовые лепешки с овощами, приготовим с тобой настоящий праздничный завтрак. Сатоко-тян будет мне помогать, ладно? — Кикико зазывала Сатоко в кухню, наверно, для того, чтобы та не бегала по веранде, примыкавшей к спальне Синго, но девочка, словно ничего не слыша, продолжала топтать.

— Сатоко, Сатоко! — позвала Фусако, которая еще лежала в постели. Сатоко не ответила и матери.

Проснулась Ясуко и сказала Синго:

— Дождливый Новый год.

— Угу.

— Из-за того, что поднялась Сатоко, а Фусако еще лежит в постели, встать вынуждена была Кикико.

Ясуко произнесла длинное «вынуждена была», и язык у нее немного заплетался. Синго показалось это странным.

— Меня уже давно в новогоднее утро не будили дети, — сказала Ясуко.

— Теперь это будет ежедневно.

— Вряд ли. В доме Аихара не было веранды, и сейчас Сатоко бегает там, потому что ей это в новинку. Скоро привыкнет и перестанет, я думаю.

— Не знаю. Дети ее возраста очень любят бегать по веранде. Доски скрипят с таким присвистом.

— Это потому, что ножки еще слабые, — сказала Ясуко, прислушиваясь к топоту Сатоко. — В этом году ей исполняется уже пять, а ведет она себя, как трехлетняя, — прямо бес в нее вселился. Впрочем, мне шестьдесят три, а тебе всего шестьдесят два, но особой разницы между нами нет.

— Кстати сказать, ты ошибаешься. На первый взгляд это может показаться странным. Но дело в том, что я родился в начале года, а ты в конце, и, значит, какое-то время мы с тобой всегда однолетки. С моего дня рождения до твоего мы однолетки.

— Ну да, конечно, — согласилась Ясуко.

— Что ты скажешь? Великое открытие. Жизненная катастрофа.

— Ты прав. Но теперь уж ничего не поделаешь — мы действительно однолетки, — прошептала Ясуко.

— Сатоко, Сатоко, Сатоко! — снова позвала Фусако.

Сатоко перестала бегать и вернулась в постель к матери.

— Смотри, как ноги замерзли, — послышался голос Фусако.

Синго закрыл глаза.

Через некоторое время Ясуко снова заговорила:

— Пусть хоть побегает, пока мы не встали. Ведь стоит нам появиться — прилишнет к матери, не оторвешь, и будет озираться исподлобья.

Они оба старались пробудить друг в друге любовь к внучке.

Во всяком случае, о Ясуко определенно можно было подумать, что она пробуждает в Синго любовь к девочке.

Или, может быть, Синго сам пробуждал в себе эту любовь?

Топот Сатоко на веранде был, разумеется, неприятен невыспавшемуся Синго, раздражал его, но не так уж сильно.

Правда, и теплого чувства это в нем не вызывало. Вероятно, у него действительно не хватает тепла.

Синго не обратил внимания, что на веранде, где бегала Сатоко, даже ставни еще не открыты и темно. А Ясуко сразу заметила. И ей стало жаль девочку, которая бегала в темноте.

2

Неудачная семейная жизнь Фусако омрачила детство Сатоко. Это не могло не вызывать сочувствия Синго, но было еще множество забот, не дававших ему покоя. Да и распавшуюся семью дочери уже ничто не могло спасти.

Синго просто не знал, что делать.

Всем известно, чего стоит влияние родителей, когда речь идет о жизни дочери в семье мужа, но только когда дело доходит до развода, начинают по-настоящему задумываться, насколько бессильна сама дочь.

Фусако с двумя детьми уйдет от Аихара и вернется к родителям, но это совсем не значит, что все устроилось. Фусако этим не исцелить. И жизнь ее тоже не наладить.

Неужели рухнувшую семейную жизнь женщины исправить уже невозможно?

Когда осенью Фусако ушла от Аихара, она не вернулась в дом родителей, а поехала в деревню, на родину матери. Из телеграммы, которую Фусако прислала оттуда, Синго и его домашние узнали, что она ушла от мужа.

Потом Сюити привез ее к родителям.

Прожив у них около месяца, Фусако уехала, чтобы, как она сказала, окончательно объясниться с Аихара.

Синго, правда, считал, что лучше бы с Аихара поговорить Сюити, но Фусако не послушалась и поехала сама.

Когда Ясуко предложила ей поехать без детей, Фусако набросилась на нее с истерическим криком:

— С детьми вопрос еще не решен. Я пока и сама не знаю, с кем они будут жить — со мной или с Аихара.

Она уехала и долго не возвращалась.

Такие дела касаются прежде всего мужа и жены, поэтому Синго и остальным домашним не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать, пребывая в полном неведении, — это были тревожные дни.

От Фусако по-прежнему не было известий.

Может, она решила остаться с Аихара?

— Фусако не знает, что ей делать, — сказала Ясуко.

— А может быть, именно мы виноваты в том, что она не знает, что ей делать, — ответил Синго, и оба помрачнели.

И вот под самый Новый год Фусако неожиданно вернулась.

— Ой, что случилось?

Ясуко испуганно смотрела на Фусако и детей.

Фусако пыталась сложить зонтик, но он не слушался ее — дрожали руки, и, похоже, несколько спиц было сломано.

Увидев зонтик, Ясуко спросила:

— Разве на улице дождь?

Подождала Кикикуко и взяла Сатоко на руки.

Кикикуко перед тем помогала матери раскладывать по мискам рыбу и овощи, сваренные в соевом соусе.

Фусако вошла с черного хода, прямо на кухню.

Синго подумал было, что Фусако приехала, чтобы занять немного денег, но все оказалось иначе.

Ясуко, вытерев руки, тоже пришла в столовую и, не садясь, пристально посмотрела на Фусако.

— Что же это такое, Аихара-сан отпускает жену под самый Новый год, — сказала она.

Фусако, не отвечая, заплакала.

— Оставь ее. Разве ты не видишь, что у них полный разрыв? — сказал Синго.

— Вот оно что? Все равно, подумать только, выгнать жену под Новый год — где это видано?

— Я сама уехала, — сквозь слезы возразила Фусако.

— Ну что ж, прекрасно. Так и решим — ты вернулась домой, чтобы отпраздновать Новый год со своими родными. Наговорила я тебе неизвестно чего. Прости меня. А в новом году спокойно все обсудим.

Ясуко ушла на кухню.

Синго неприятно кольнули слова Ясуко, но в них ему послышалась и материнская любовь.

Не потому ли, подумал Синго, что Ясуко немного стыдно перед ним, она сразу же пожалела Фусако, когда та поздно вечером под Новый год вернулась домой с черного хода, пожалела и Сатоко, когда та на следующее утро бегала по темной веранде?

В новогоднее утро Фусако спала дольше всех.

Вся семья сидела за столом и дожидалась Фусако, слушая, как та полощет горло, но ее туалет длился бесконечно.

Всем было неловко, и Сюити со словами:

— Выпьем пока по одной, — налил в чашечку Синго сакэ. — Отец совсем поседел.

— Ничего не поделаешь. В нашем возрасте каждый день прибавляет седых волос; да что там каждый день — прямо на глазах седеешь.

— Что ты говоришь?

— Правда. Посмотри. — С этими словами Синго наклонил голову и подался вперед.

Вместе с Сюити голову Синго стала рассматривать и Ясуко. Кикико с серьезным видом тоже посмотрела на голову Синго.

Она держала на коленях младшую дочь Фусако.

3

Для Фусако и детей поставили еще одну жаровню, и Кикико перешла к ним.

Ясуко подседа к жаровне, у которой, расположившись друг против друга, пили Синго и Сюити.

Обычно Сюити пил дома немного, но из-за дождя в первый новогодний день он, вероятно, превысил свою обычную норму и, наливая чашечку за чашечкой одному себе, как будто отец не сидел напротив, напился так, что выражение лица у него совершенно изменилось.

Хидэко как-то рассказывала Синго, что Сюити, напиваясь в доме Кинуко, заставляет петь женщину, что живет вместе с ней, а Кинуко плачет, и сейчас, увидев опьяневшего Сюити, он вспомнил об этом.

— Кикико! Кикико-сан! — позвала Ясуко. — Принеси еще несколько мандаринов.

Кикико вышла и принесла мандарины.

— Иди тоже сюда... А то они сидят вдвоем и молча пьют, — сказала Ясуко.

— Отец действительно ничего не ест, — сказала Кикико, скользнув взглядом по Сюити.

— Я как-то задумался немного о жизни отца, — ехидно пробормотал Сюити.

— О моей жизни? Что же тебя заинтересовало в моей жизни? — спросил Синго.

— Может быть, я неясно выражаюсь, но вот, к примеру, если человека насильно заставляют принять решение и он его принимает — что это — успех или неудача? — сказал Сюити.

— Не могу понять, к чему ты клонишь, — возразил

Синго. — Наступил январь нового года. На нашем столе сушеные анчоусы и омлет с рыбой — их вкус вернул меня к довоенному времени. Разве нельзя сказать, что в этом смысле — полный успех?

— Сушеные анчоусы и омлет с рыбой?

— Вот именно. Ты ведь это имел в виду. Если, как ты говоришь, немного задумался о жизни отца.

— Даже если совсем немного?

— Дожил до Нового года, на столе сушеные анчоусы, вокруг дети — вот она, жизнь обыкновенного человека. Ведь сколько людей за это время умерло.

— Ты совершенно прав.

— Но успехи и неудачи в жизни родителей — это успехи и неудачи их детей в семейной жизни, а тут у нас полная неудача.

— Ты так считаешь, отец?

Ясуко укоризненно посмотрела на них.

— Перестань, пожалуйста. Только наступил Новый год, а вы уже начали. Здесь же Фусако, — тихо сказала она и спросила у Кикику: — Где Фусако?

— Пошла отдохнуть.

— А Сатоко?

— Сатоко и Кунико тоже.

— Вот это да, мать и дети — все трое — спят? — сказала Ясуко удивленно. Выражение лица у нее стало простодушным, как это часто бывает у стариков.

Хлопнула калитка, и Кикику вышла посмотреть, кто там. Пришла Хидэко Танидзаки поздравить с Новым годом.

— Вот это да, в такой дождь.

Синго действительно был поражен и повторил: «Вот это да», — вслед за Ясуко.

— Говорит, что не хочет входить, — сказала Кикику.

— Да?

Синго поднялся и вышел в прихожую.

Хидэко стояла, держа пальто в руках. Она была в черном бархатном платье. На лице лежал толстый слой пудры. Замершая в низком поклоне, она казалась еще миниатюрнее.

Хидэко произнесла приветствие несколько скованно.

— Проливной дождь, а ты все-таки пришла. Сегодня, я уверен, больше никто не придет, да я и сам не собираюсь выходить. Замерзла, наверно, зайди, погрейся немного.

— Хорошо. Спасибо вам.

Синго терялся в догадках: действительно ли Хидэко

собиралась поговорить о чем-то, или просто прошлась по дождю и холоду и потому у нее такой вид, будто она хочет пожаловаться на свою судьбу?

И все-таки он почувствовал, что она неспроста пришла к ним в такой дождь.

Хидэко уже совсем готова была войти в комнату.

— Знаешь, я тоже решил выйти. Пойдем вместе, подожди меня. Зайду только к Итакура — я поздравляю его каждый год. Он бывший директор нашей фирмы.

Тревога, владевшая Синго все сегодняшнее утро, с приходом Хидэко усилилась, и он стал поспешно собираться.

Как только Синго вышел в прихожую, Сюити прилег у стола, но когда Синго вернулся и начал переодеваться, снова поднялся.

— Пришла Танидзак, — сказал Синго.

— А-а.

Сюити, словно это его не касалось, не собирался встречаться с Хидэко.

Когда Синго выходил, Сюити поднял голову и, провожая отца глазами, сказал:

— Смотри вернись засветло.

— Да, я скоро вернусь.

Тэру дошла с ними до ворот.

Неизвестно откуда взявшийся черный шенок, подражая матери, переваливаясь, бежал перед Синго к воротам. Шерсть у него на боках была мокрая.

— Хороший ты мой.

Хидэко наклонилась к щенку.

— Собака принесла у нас в доме пятерых щенят. Четырех мы уже раздали. Остался один этот, — сказал Синго. — Да и его тоже берут, уже договорились.

В электричке было пусто.

У Синго улучшилось настроение, когда он смотрел из окна вагона на косые струи дождя. Хорошо, что уехал из дому, думал он.

— Каждый год в этот день электричка переполнена — едут в храм Хатимана, а сегодня ни души.

— Ты ведь ежегодно приходишь поздравить нас, — сказал Синго.

— Да.

Хидэко опустила голову.

— Даже когда вы уйдете из фирмы, я все равно буду приходить, чтобы поздравить вас с Новым годом.

— Выйдешь замуж — перестанешь приходить, — ска-

зал Синго. — Что-нибудь случилось? Мне кажется, ты пришла, чтобы о чем-то поговорить.

— Нет.

— Не стесняйся, говори. Голова у меня, правда, соображает туго — понемногу выживаю из ума.

— Зачем вы так говорите? — сказала Хидэко. — Дело вот в чем — я хочу уйти из фирмы.

Для Синго это не было неожиданностью, но все же он растерялся и не знал, что ответить.

— Вы только не подумайте, что из-за этого я пришла к вам спозаранку в первый день нового года, — сказала Хидэко по-взрослому рассудительно. — Рано или поздно все равно пришлось бы сказать.

— Конечно.

Синго помрачнел.

Он подумал, что Хидэко, которая была его секретаршей в течение трех лет, сразу же превратилась в другую женщину. Совсем в другую, не похожую на себя.

Нельзя сказать, что во время работы Синго так уж приглядывался к Хидэко. Она была для него секретаршей, и только.

И все же он почувствовал желание удержать Хидэко. Но делать этого не собирался.

— Значит, хочешь уйти из фирмы, и виноват в этом, по-видимому, я. Ведь это я заставил тебя показать дом, где живет женщина, с которой встречается Сюити, хотя ты этому и противилась, и теперь тебе неприятно работать в одной фирме с Сюити. Я прав?

— Мне действительно было очень неприятно делать это, — откровенно сказала Хидэко. — Но потом я подумала, что вы, как отец, не могли не попросить меня. Ваша просьба вполне естественна. К тому же я и сама прекрасно понимала, что поступаю плохо. Мне бывало так приятно, когда Сюити-сан приглашал меня на танцы, что я с удовольствием соглашалась после танцев идти с ним в дом к Кинуко. Вот как низко я пала.

— Низко пала? Это уж ты слишком.

— Я и в самом деле поступала очень плохо. — Хидэко грустно сощурила глаза. — Теперь я ухожу из фирмы и в благодарность за все, что вы для меня сделали, попрошу Кинуко расстаться с Сюити.

Синго поразили слова Хидэко. Ему стало не по себе.

— У нас в прихожей ты видела его жену?

— Кинуко? Да. И мне было очень неприятно. Я твердо решила во что бы то ни стало поговорить с Кинуко.

Синго как бы почувствовал, с каким легким сердцем пошла на это Хидэко, и у него тоже стало легко на душе.

И он подумал: а вдруг действительно с ее помощью все образуется?

— Но я надеюсь, ты собираешься сделать это не потому, что я тебя об этом просил.

— Я решилась на это по своей собственной воле из благодарности к вам.

Синго покорило — слишком уж выпренили слова произнесла Хидэко своим маленьким детским ротином.

Ему хотелось даже сказать ей: «Оставь свое безрассудное вмешательство».

Но, видимо, сама Хидэко была возбуждена своей «решимостью».

— Не понимаю я мужчин — иметь такую очаровательную жену и... Мне неприятно видеть, как он развлекается с Кинуко. Вот если бы на ее месте была его жена, как бы привязан он к ней ни был, я никогда не стала бы его ревновать, — сказала Хидэко.

— Но, с другой стороны, какому мужчине нужна женщина, к которой его не ревнуют?

Синго горько усмехнулся.

— Жену он называет ребенком. Она совсем еще ребенок, говорил он мне часто.

— Тебе? — Голос Синго стал резким.

— Да, и мне, и Кинуко-сан... Ребенок, поэтому деду она и нравится, — говорил он.

— Глупости.

Синго взглянул на Хидэко.

Хидэко немного смутилась.

— Но в последнее время не говорил. В последнее время он вообще не говорил о жене.

Синго дрожал от злости.

Он предположил, что Сюити рассказывал и о том, какая Кинуко женщина.

Неужели в молодой жене он хотел найти проститутку? Поразительная глупость, подумал Синго, полная безнравственность.

Сюити рассказывает о ясене Кинуко и даже Хидэко — безнравственность лишает его обыкновенного благоразумия, такта.

Синго почувствовал, что может быть жестоким к Сюити. Почувствовал, что может быть жестоким к Кинуко и Хидэко.

Неужели чистота, невинность Кикуко ничего не значат для Сюити?

Перед глазами Синго всплыло такое привлекательное, детский неясное личико Кикуко, младшей в семье, которую все баловали.

Сам Синго, чувствуя некоторую необычность того, что из-за невестки он временами ненавидит своего сына, ничего не мог с собой поделать.

Может быть, Синго так возмущался отношением сына к Кикуко потому, что в сокровенных глубинах его собственного естества живет необычность, — влюбленный в старшую сестру Ясуко, он после ее смерти женился на самой Ясуко, которая была на год старше его.

Кикуко блуждала в потемках ревности оттого, что Сюити, едва успев жениться на ней, завел другую женщину, и при таком бездушии, при такой жестокости Сюити или, вернее, благодаря им — в ней, Кикуко, видимо, проснулась женщина.

Синго подумал, что Хидэко еще меньше женщина, чем Кикуко.

Он умолк — не потому ли, что своей тоской пытался заглушить гнев?

Хидэко, сняв перчатки, стала поправлять волосы.

4

В саду гостиницы в Атами, хотя была середина января, цвела вишня. Такую вишню называют зимней — с конца года она уже начинает покрываться цветами, но Синго казалось, что он попал в весну другого мира.

Цветы розовой сливы Синго принял за цветы персика. Белые цветы сливы виделись ему цветами абрикоса.

Не заходя в свой номер, Синго, привлеченный отражением вишни в пруду, подошел к самой воде и, поднявшись на перекинутый через пруд мостик, стал любоваться цветами.

Потом перешел на противоположный берег посмотреть розовую сливу, похожую на зонтик.

Из-под сливы выскочило несколько белых уток. И в желтых клювах этих уток, и в их мокрых желтых лапках Синго почудилась весна.

Завтра фирма устраивает здесь прием, и Синго приехал, чтобы подготовить его. Договориться об этом с гостиницей — других дел у него не было.

Сев на веранде в кресло, он стал смотреть на цветущий сад.

Белая азалия тоже цвела.

Но с перевала Дзиккоку поползли тяжелые грозовые тучи, и Синго вошел в номер.

На столе лежало двое часов — карманные и ручные. Ручные спешили на две минуты.

Очень редко двое часов ходят минута в минуту. Иногда это раздражает.

— Если тебя это раздражает, носи какие-нибудь одни, — сказала ему Ясуко, но такая уж у него многолетняя привычка.

Перед ужином полил дождь, началась буря.

Электричество отключили, и Синго рано лег спать.

Проснувшись, он услышал лай собаки в саду. Вой ветра напоминал рев бушующего моря.

На лбу выступил пот. В комнате стоял спертый воздух, было жарко и душно, как бывает у моря в весеннюю бурю.

Синго тяжело дышал, он испугался, что у него снова пойдет горлом кровь. В шестьдесят лет с ним это уже однажды случилось, но с тех пор не повторялось ни разу.

— Это не легкие, меня тошнит из-за желудка, — прошептал Синго.

В ушах застряло что-то противное, потом оно переместилось к вискам и наконец дошло до лба. Синго стал массировать затылок и лоб.

Рев моря — это вой бури далеко в горах, и, точно разрывая его, нарастал, приближался резкий свист ветра, смешанного с дождем.

Сквозь вой ветра слышался еще один звук, далекий и низкий.

Это грохот поезда, проходившего через туннель Танна. Так определил Синго. И он был прав. Вырвавшись из туннеля, паровоз загудел.

Но когда Синго услышал гудок, его вдруг охватил страх, и он окончательно проснулся.

Гудок был слишком долгий. Чтобы пройти туннель длиной в семь тысяч восемьсот метров, поезду требовалось минут семь-восемь, следовательно, Синго услышал гудок, когда поезд входил в туннель с той стороны. Но мог ли он в гостинице, находившейся в километре от выхода из туннеля у Атами, слышать гудок с той минуты, когда поезд вошел в туннель с противоположной стороны, у Каннами?

Во всяком случае, этот звук вызывал у Синго удивительно яркий образ грохочущего в туннеле поезда. Он

отчетливо представлял себе этот поезд все время, пока тот мчался в туннеле. И когда он вышел из него, Синго облегченно вздохнул.

Нет, все-таки это странно. Синго решил утром расспросить служащих гостиницы, а может быть, даже справиться на железнодорожной станции, позвонив туда по телефону.

Он долго не засыпал.

— Синго-сан, Синго-сан, — услышал он, еще не проснувшись, и никак не мог сообразить, сон это или явь.

Так звала его только покойная сестра Ясуко.

Синго еще в полусне с удовольствием потянулся.

— Синго-сан. Синго-сан. Синго-сан.

Голос раздавался за окном, выходящим в сад.

Синго окончательно проснулся. За окном журчала речушка. Кричали дети.

Синго встал и раздвинул ставни.

Было ясное утро. Зимнее солнце струило теплые лучи, словно омытые весенним дождем.

По дороге, вившейся вдоль речушки, шли, направляясь в школу, дети, человек семь-восемь.

Синго послышалось, что его зовут, а это, наверно, просто кричали дети.

Но все же Синго высунулся из окна и стал внимательно приглядываться к зарослям низкорослого бамбука на берегу речушки.

УТРЕННЯЯ ВОДА

1

Когда в первый день нового года Сюити сказал: отец совсем поседел, Синго ответил: ничего не поделаешь, в нашем возрасте каждый день прибавляются седые волосы; да что там, каждый день прямо на глазах седеешь, и ответил он так потому, что вспомнил о Китамото.

Университетским товарищам Синго сейчас за шестьдесят, и многих из них в годы войны и после поражения постигла горькая участь. Когда в пятьдесят лет, находясь на вершине, летишь вниз — это страшно; упадешь — снова подняться трудно. Кроме того, пятьдесят — возраст, когда уже есть сыновья, которые могут погибнуть на фронте.

Китамото тоже потерял троих сыновей. А когда фирма, где он служил, стала выполнять военные заказы, его специальность оказалась никому не нужна.

— Свихнулся, наверно, покуда сидел перед зеркалом и выдергивал на голове седые волосы.

Это рассказывал о Китамото старый приятель Синго, как-то зайдя к нему в фирму.

— Ему уже не нужно было ходить на службу, он стал совершенно свободным человеком и от этого немного свихнулся — начал выдергивать седые волосы. Сначала в семье на это не обращали внимания. Чепуха, мол, нечего беспокоиться... Но Китамото ежедневно усаживался перед зеркалом. На том месте, где он только вчера выдернул волосы, на следующий день снова появлялись седые. Седых волос у него стало так много, что вырвать все было невозможно. С каждым днем Китамото все дольше просиживал перед зеркалом. Если он бывал кому-нибудь нужен, его всегда можно было найти у зеркала — он выдирает волосы. Не успеет отойти от зеркала, сразу же снова возвращается к нему. И выдирает и выдирает седые волосы.

— Но ведь так можно вообще остаться без волос, — засмеялся Синго.

— В этом нет ничего смешного. В конце концов на голове у него действительно не осталось ни волоска.

Синго расхохотался.

— То, что я тебе рассказываю, — сушая правда. — Приятель и Синго невольно посмотрели друг другу на головы. — Чем больше седых волос Китамото выдергивал, тем быстрее седела его голова. Не успевал он выдернуть седой волосок, как рядом появлялось несколько других, до этого совершенно черных. И, выдергивая седые волосы, он видел в зеркале, как его голова белеет все больше и больше. Зрелище неопишемое. И вдобавок волосы заметно редели.

подавив смех, Синго спросил:

— И жена, ни слова не говоря, позволяла ему выдирать волосы?

Но приятель невозмутимо продолжал:

— Постепенно волос почти совсем не осталось. А те, что уцелели, были седые.

— Больно, наверно, ему было?

— Когда выдирает? Он очень боялся выдернуть черный волосок, поэтому выдирает аккуратно, каждый волосок отдельно, и, наверно, больно ему не было. Но от постоянного выдиранья волос кожа на голове в конце концов вос-

палилась, и даже простое прикосновение к ней вызывало нестерпимую боль, — это сказал мне один врач. Кровь, правда, не выступала, но голова вся покраснела, словно ее ошпарили. В конце концов его поместили в психиатрическую лечебницу. Оставшиеся на голове редкие волоски Китамото выдергивал уже в больнице. Жуткая история. Какая-то потрясающая глупость. Страх перед старостью. Стремление вернуть себе молодость. Оттого ли он выдергивал седые волосы, что свихнулся, или свихнулся оттого, что слишком уж увлекся выдирианием седых волос, — кто знает?

— Зато он помолодел, наверно.

— Действительно помолодел. Представь себе, произошло чудо. Через какое-то время его голая голова густо покрылась черными волосами.

— Удивительная история, — засмеялся Синго.

— Это истинная правда, поверь мне. — Приятель не смеялся.

— Над сумасшедшим годы не властны. Мы тоже, если сойдем с ума, по всей вероятности, превратимся в юнцов.

Приятель взглянул на голову Синго.

— Нет, я в этом отношении безнадежен, а у тебя еще есть надежда.

Приятель был почти лыс.

— Может, и мне начать выдергивать? — пробормотал Синго.

— Попробуй. Но у тебя не хватит духа выдернуть все до последнего волоска.

— Не хватит, ты прав. Да и седые волосы меня мало волнуют. Мне вряд ли захотелось бы снова стать черноволосым ценой безумия.

— Это потому, что у тебя прочное положение. Ты спокойно плывешь среди людских горестей и страданий.

— Плоское рассуждение. Все равно что посоветовать Китамото покраситься, вместо того чтобы выдергивать седые волосы, — так, мол, проще, — сказал Синго.

— Покраситься — это обман. И если бы мы пошли на обман, с нами никогда не произошло бы такого же чуда, как с Китамото.

— Но ведь Китамото умер. Хотя и произошло чудо, о котором ты рассказывал, — волосы снова стали черными, и он помолодел...

— Ты ходил на похороны?

— Я не знал, что он умер. Услышал об этом уже после войны, когда все снова стало входить в привычную колею.

Да и если бы знал, вряд ли поехал бы в Токио, — ведь тогда были самые страшные налеты.

— Противоестественное явление — долго продолжаться оно не могло. Выдерживая седые волосы, Китамото, безусловно, пытался противиться ходу времени, противиться угасанию, но срок, отпущенный человеку, — нечто совсем иное. Сделав свои волосы снова черными, продлить жизнь невозможно. Может быть, даже наоборот. Может быть, появление черных волос после седых как раз и приводит к тому, что духовные силы идут на убыль и продолжительность жизни сокращается. Нет, смертельная затея Китамото не для нас, — заключил приятель, покачав головой.

Его лысое темя пересекали зачесанные набок редкие волоски, напоминавшие прутики бамбуковой шторы.

— С кем из наших ни встретишься, все уже седые. Во время войны у меня еще была просесть, а после войны стал белый как лунь, — сказал Синго.

Синго поверил далеко не всему, что услышал от приятеля. Он воспринял его рассказ как сплетню, да еще и не очень правдоподобную.

Но что Китамото умер, было правдой, — он и от других слышал об этом.

Оставшись один после ухода приятеля и вспоминая его рассказ, Синго испытал странное чувство. Если правда, что Китамото умер, то, может быть, правда, что перед смертью у него снова стали расти черные волосы вместо седых. Если правда, что у него снова стали расти черные волосы, то, может быть, правда, что он перед этим сошел с ума. Если правда, что он сошел с ума, то, может быть, правда, что он выдрал из головы все волосы без остатка. Если правда, что он выдрал из головы все волосы без остатка, то, может быть, правда, что, пока он смотрел в зеркало, волосы у него на голове седали. Значит, рассказ приятеля — суцая правда. Синго был потрясен.

«Забыл спросить у него, каким был Китамото, когда умер. Какие были у него волосы — черные или седые?»

Сказав это, Синго рассмеялся. Но и говорил он и смеялся про себя. Так что, кроме него, никто этого не слышал.

Но даже если рассказ приятеля — суцая правда и в нем нет никаких преувеличений, тон по отношению к Китамото был издевательским. Старик рассказывает об умершем старике лицемерно, жестоко. У Синго остался неприятный осадок от его рассказа.

Среди школьных товарищей Синго необычной смертью

умерли двое — Китамото и Мидзута. Мидзута скоропостижно скончался, поехав с молодой женщиной на горячие воды. В конце прошлого года Синго уговорили купить оставшиеся после Мидзута маски Но, а в память о Китамото он взял в фирму Хидэко Танидзаки.

Мидзута умер после войны, и Синго смог пойти на его похороны. О смерти же Китамото, умершего в разгар налетов, он узнал значительно позже, и лишь когда с рекомендательным письмом дочери Китамото в фирму пришла Хидэко Танидзаки, он впервые услышал, что семья Китамото до сих пор живет в префектуре Гифу, куда она эвакуировалась во время войны.

Хидэко сказала, что она школьная подруга дочери Китамото. Для Синго было большой неожиданностью, что дочь Китамото просит устроить на службу свою подругу. Он этой дочери ни разу не видел. Хидэко сказала, что и она после войны ни разу не встречалась с дочерью Китамото. И Синго подумал, что обе они легкомысленны до предела. Если дочь Китамото посоветовалась с матерью и та вспомнила о Синго, то могла бы сама написать, а не поручать дочери.

Поэтому Синго не чувствовал себя обязанным взять на службу девушку, которую ему рекомендуют.

Когда он увидел Хидэко, она сначала показалась ему малопривлекательной, какой-то легковесной.

И все же Синго взял Хидэко и сделал ее своей секретаршей. Она служила уже три года.

Три года пролетели, как один день, но сколько событий связано с Хидэко, вспоминал потом Синго. За эти три года Хидэко и на танцы ходила с Сюити, и в доме его любовницы стала бывать. Она даже показала Синго дорогу, когда он решил пойти посмотреть дом этой женщины.

Все это наконец стало Хидэко невыносимо, да и сама фирма ей опротивела.

Синго никогда не говорил с Хидэко о Китамото. И она, вероятно, не знала, что отец ее школьной подруги умер, сойдя с ума. Видимо, они и с дочерью Китамото не были настолько близки, чтобы ходить друг к другу домой.

Синго считал Хидэко близким человеком и, когда она собралась уходить, понял, какая она добрая, порядочная девушка. Ее доброту и порядочность он воспринимал как чистоту, поскольку она была не замужем.

— Отец? Ой, как вы рано.

Кикуко выплеснула из ладоней воду, которую набрала, чтобы умыться, и стала наливать в умывальник воды для Синго.

В умывальник закапала кровь. Она расплылась в воде.

Синго сразу же вспомнил, как у него шла горлом кровь, и подумал, что эта чище, чем была у него, — ему показалось, что у Кикуко тоже пошла кровь горлом, но у нее кровь текла из носу.

Кикуко прижала к носу полотенце.

— Запрокинь голову, запрокинь голову. — Синго прикоснулся к спине Кикуко. Кикуко, словно отстраняясь от его руки, подалась вперед. Синго крепко взял ее за плечи и откинул назад, потом положил ей руку на лоб и запрокинул голову.

— Ой, отец, уже все в порядке. Простите меня.

Кикуко говорила это, а кровь струйкой текла от ладони к локтю.

— Не вертись, тихонько присядь, а теперь откинься.

С помощью Синго Кикуко села на корточки и оперлась о стену.

— Откинься, я тебе говорю, — повторил Синго.

Кикуко закрыла глаза и притихла. Лицо ее, бледное, словно она потеряла сознание, выглядело по-детски невинным, от всего отрешенным. Синго заметил легкий шрам на лбу, прикрытый волосами.

— Все в порядке? Если кровь остановилась, иди в спальню и ложись.

— Ничего. Уже все в порядке. — Кикуко вытерла нос полотенцем. — Запачкала весь умывальник, сейчас помою.

— Не нужно, оставь.

Синго поспешно вылил из умывальника воду. Ему показалось, что вода у самого дна приобрела чуть заметный красноватый оттенок.

Не пользуясь умывальником, он набрал в ладони воды из колонки и сполоснул лицо.

Синго подумал, что надо разбудить жену и попросить ее помочь Кикуко.

Но в то же время он подумал, что Кикуко не захочет показывать свекрови свою слабость.

У Кикуко фонтаном брызнула кровь из носу — нет, это

фонтаном брызнули страдания Кикико, подумал Синго.

Когда он, стоя перед зеркалом, причесывался, появилась Кикико.

— Кикико.

— Да, — обернулась она и, не останавливаясь, прошла в кухню. Кикико несла полный совок горячих углей. Синго показалось, что с угля сыплются искры. Огонь, разожженный газом, она положит в жаровню в столовой.

— Ой! — Синго даже вскрикнул, так он поразился. Он совсем забыл, что приехала его дочь, Фусако.

В столовой был полумрак, потому что в соседней комнате спали Фусако и двое ее детей и ставни на веранде не открывали.

Можно не будить старуху жену, чтобы она помогла Кикико, — лучше разбудить Фусако.

Все это верно, но ведь, когда он подумал, не разбудить ли жену, он даже не вспомнил о существовании Фусако, и это было странно.

Синго подсел к жаровне, и Кикико налила ему горячего чая.

— Голова, наверно, кружится?

— Немножко.

— Еще совсем рано, ты бы лучше полежала сегодня утром.

— Нет, если я потихоньку буду ходить, ничего. Пойду принесу газету, на воздухе мне станет лучше. Говорят же: когда у женщины идет кровь носом — беспокоиться нечего, — сказала Кикико в своей обычной мягкой манере. — Такое холодное утро, зачем вы, отец, поднялись чуть свет?

— Действительно, зачем? Я проснулся еще до того, как в храме зазвонил колокол. Он звонит всегда в шесть часов, и зимой и летом.

Синго встал раньше Сюити, но поехал в фирму после него. Так обычно бывало зимой.

Когда пришло время обеда, он пригласил Сюити в европейский ресторан неподалеку.

— Ты, наверно, знаешь, что на лбу у Кикико есть шрам, — сказал Синго.

— Знаю, конечно.

— Видимо, шрам от щипцов, которые накладывал врач, — роды были тяжелые. Вряд ли это след страданий, испытанных ею при рождении, но теперь, когда Кикико плохо, он сразу же бросается в глаза.

— Ты говоришь о сегодняшнем утре?

— Да.

— Может, это потому, что у нее пошла кровь из носу? Она побледнела, и шрам стал заметнее.

«Неужели Кикико уже успела рассказать Сюити, что у нее пошла кровь из носу?» — разочарованно подумал Синго.

— Прошлую ночь Кикико совсем не спала, да?

Сюити нахмурился. Немного помолчав, он сказал:

— Не стоило бы тебе, отец, проявлять столько внимания к человеку, пришедшему к нам со стороны.

— Кого ты называешь «человеком, пришедшим к нам со стороны»? Свою собственную жену?

— Хорошо, скажу иначе: не стоило бы проявлять столько внимания к жене сына.

— Что ты имеешь в виду?

Сюити не ответил.

3

Синго вошел в приемную, там сидела, дожидаясь его, Хидэко, а рядом стояла какая-то незнакомая женщина.

Хидэко сразу же встала.

— Давно не была у вас. Уже совсем потеплело. — Ее слова вполне могли сойти за приветствие.

— Порядочно. Уже месяца два.

Хидэко немного располнела, на лице лежал густой слой пудры. Синго вспомнил, что, когда он однажды ходил с ней на танцы, ее грудь, казалось ему, могла вполне поместиться в ладони.

— Это Икэда-сан. Я вам как-то говорила... — представила женщину Хидэко, сощутив свои хорошенькие глазки, словно собираясь заплакать. Она всегда это делала в ответственные минуты — такая уж у нее дурная привычка.

— Очень приятно. Огата.

Синго не мог заставить себя сказать, что он благодарен ей за ее заботу о Сюити.

— Икэда-сан не хотела с вами встречаться, говорила, что у нее нет необходимости встречаться, что это ей неприятно, — я почти насильно притащила ее сюда.

— Вот как? — И снова, обращаясь к Хидэко: — Здесь удобно? Можно пойти в другое место.

Хидэко вопросительно взглянула на Икэда.

— Мне и здесь хорошо, — сказала Икэда неприветливо.

Синго даже растерялся, но виду не подал.

Хидэко как будто действительно говорила, что познaкомит Синго с женщиной, которая живет вместе с любовницей Сюити. Но тогда Синго пропустил ее слова мимо ушей.

Через два месяца после ухода из фирмы Хидэко все-таки выполнила свое обещание. Для Синго это было большой неожиданностью.

Может быть, Сюити и женщина, с которой он встречается, решили наконец расстаться? Синго хотел подождать, пока разговор не начнет Икэда или Хидэко.

— Хидэко так настойчиво уговаривала меня, что я поняла — сопротивляться бесполезно, вот я и оказалась у вас. — Тон у Икэда был скорее недружелюбный. — Кроме того, я и сама решила, что пойти к вам стоит. Я ведь уже давно уговариваю Кинуко-сан расстаться с вашим сыном — я и подумала, что было бы хорошо, встретившись с вами, заручиться вашим содействием, чтобы разлучить их.

— Я согласен.

— Хидэко говорила мне, что многим обязана вам и сочувствует ясене Сюити-сан.

— Жена у него действительно хорошая, — вставила Хидэко.

— Хидэко-сан то же самое говорила и Кинуко-сан, но ведь сейчас очень мало найдется женщин, которые откажутся от мужчины из-за того, что у него хорошая жена. «Я возвращу чужого мужа, а мне за это пусть вернут моего, погибшего на войне, — так говорит обычно Кинуко-сан. — Если бы мне вернули его живым, — говорит она, — каким бы непостоянным он ни был, скольких бы себе женщин ни заводил, я все равно бы его любила. Как ты считаешь, Икэда-сан?» — спрашивает она у меня. А что мне ответить? Так думают все, у кого на фронте погиб муж, и я тоже так думаю. «Разве мало мы натерпелись оттого, что наших мужей послали воевать? — спрашивает Кинуко-сан. — А какво было нам, когда они погибли? Сюити приходит ко мне, это верно, но ведь жена не должна беспокоиться за его жизнь — он вернется к себе домой целый и невредимый. Разве я не права?»

Синго горько усмехнулся.

— Какой бы хорошей ни была его жена, муж-то на фронте у нее не погиб, — продолжала Икэда.

— Странная логика.

— Верно, но она говорила это, когда была пьяна, и плакала... Они с Сюити-сан напились, и Кинуко все твердила:

скажи ей — тебе не пришлось ждать с фронта мужа. Ты ждешь мужа, который все равно вернется к тебе. Скажи ей это, непременно скажи. Я тоже была с ними. Вам не кажется, что в любви вдовы, потерявшей на войне мужа, есть что-то непристойное?

— А в чем это выражается?

— Мужчине, тому же Сюити-сан, тоже не годится так напиваться. В эти минуты он очень груб с Кинуко-сан — заставляет ее петь. А Кинуко терпеть не может пения, и петь приходится мне, а голос у меня слабенький. Ведь если Сюити-сан не уговорить — стыдно будет перед соседями... Когда меня первый раз заставили петь, я почувствовала себя оскорбленной, мне было очень обидно, но я подумала, что делает он это не по пьяной, а по фронтовой привычке. Наверно, на фронте Сюити-сан именно так забавлялся с женщинами. И тогда буйные выходки Сюити-сан представились мне поведением моего погибшего на войне мужа, когда он на фронте забавлялся с женщинами. И сразу в груди у меня что-то оборвалось, голову наполнил туман, и я, вообразив себя женщиной, с которой забавляется мой муж, начала плакать и петь самые что ни на есть вульгарные песни. Потом я рассказала об этом Кинуко. Я думаю, сказала я, что это относится только к моему мужу, а может быть, и не к нему одному. С тех пор всякий раз, когда Сюити-сан заставляет меня петь, Кинуко плачет...

Вся эта история показалась Синго болезненно-странный. Он помрачнел.

— Для вас обеих было бы лучше поскорее закончить эту историю.

— Конечно. Когда Сюити-сан уходит, Кинуко часто говорит мне серьезно: Икэда-сан, если это будет продолжаться, мы погибнем. Так что для нее было бы очень хорошо расстаться с Сюити-сан. Но ей кажется, что если они расстанутся, то она уж наверняка погибнет, и она боится остаться без него. Женщина...

— Ничего страшного не произойдет, — сказала сидевшая в стороне Хидэко.

— Конечно. Она ведь такая мастерица. Хидэко-сан тоже это знает.

— Да.

— Вот и то, что на мне, сшила ведь Кинуко-сан, — сказала Икэда и поднялась, как бы демонстрируя свой туалет. — Она, пожалуй, вторая после старшей закройщицы. Ее очень ценят в салоне. Стоило ей только попросить за Хидэко-сан, и ее сразу же взяли на работу.

– Ты, значит, тоже работаешь в салоне?

Синго удивленно посмотрел на Хидэко.

– Да, – кивнула Хидэко, слегка покраснев.

Синго не мог представить себе, чем руководствовалась Хидэко, которая по рекомендации любовницы Сюити устроилась в салон, а сегодня привела к нему Икэда.

– Кинуко-сан, я думаю, не особенно обременительна для Сюити-сан в смысле материальном, – сказала Икэда.

– Я тоже так думаю. В материальном – пожалуй, но... – начал было Синго раздраженно и тут же умолк.

– Когда я вижу, как Сюити-сан издевается над Кинуко-сан, я ей всегда говорю, что она должна расстаться с ним.

Икэда сидела, опустив голову и сложив руки на коленях.

– Сюити-сан тоже возвращается домой с тяжелым сердцем. Солдат с раной в сердце. – Она подняла голову. – Не могли бы вы поселить их с женой отдельно? Если бы они остались вдвоем, то, возможно, он расстался бы с Кинуко-сан. Я уже давно размышляю об этом. Какие только мысли не приходили мне в голову...

– Хорошо. Я подумаю.

Синго кивнул. Он ответил холодно, словно отмел предложение Икэда, хотя в глубине души был согласен с ней.

4

Синго не мог позволить себе довериться такой женщине, как Икэда, и поэтому ничего больше не сказал ей. Он только выслушал ее.

Синго не пришлось держаться с ней подобострастно, но зачем, если не для откровенного разговора, она пришла к нему? Ведь она действительно была откровенна. Может быть, чтобы оправдать Кинуко? Нет, пожалуй, не только ради этого. Наверно, я должен даже быть благодарен и Хидэко и Икэда, думал он.

Во всяком случае, никаких подозрений об истинной причине их прихода у него не возникло.

Но все же самолюбие Синго было задето, и по дороге домой он завернул в небольшой ресторан, где обычно их фирма устраивала приемы. Он уже собрался было войти в зал, но в это время одна из гейш что-то прошептала ему на ухо.

– Что? Наклонись ближе, ничего не слышу, – сказал

он раздраженно, схватив гейшу за плечо. Он тут же убрал руку, но гейша вскрикнула, поглаживая плечо:

— Ой, больно!

Синго сделал недовольное лицо, и гейша, прижавшись к нему плечом, увела его на веранду.

— Сюда, пожалуйста.

Он пришел домой около одиннадцати. Сюити еще не вернулся.

— Добрый вечер.

В комнате напротив столовой Фусако кормила грудью младшую девочку, — опершись на локоть, она подняла голову.

— Здравствуй. — Синго заглянул в комнату. — Сатоко спит?

— Да, только что уснула. Еще несколько минут назад она спрашивала меня: мама, что больше, десять тысяч иен или миллион иен, что больше, а? И хохотала. Сказала, чтобы я спросила у бабушки, когда он вернется, и сразу уснула.

— Хм. Довоенные десять тысяч иен и послевоенный миллион иен, — засмеялся Синго. — Кикуюко, дай мне стаканчик воды.

— Сейчас. Воды? А кушать не будете?

Кикуюко удивила просьба Синго. Она встала и пошла за водой.

— Только из колодца. Хлорированная мне не нравится.

— Хорошо.

— До войны я еще не была замужем, Сатоко еще не было, — сказала Фусако, уже лежа в постели.

— Что до войны, что после войны — лучше бы не выходить замуж.

Услышав скрип колодезного насоса, Ясуко сказала:

— Как только начинает работать насос, от этого скрипучего звука мне становится холодно. Зимой, когда Кикуюко рано утром идет к колодцу накачать воды тебе для чая, я еще в постели слышу этот скрип и сразу чувствую — холодно на улице.

— Я все думаю, не поселить ли нам отдельно Сюити с женой, — тихо сказал Синго.

— Поселить отдельно?

— Это было бы лучше, наверно.

— Может быть. Особенно если Фусако надолго останется у нас...

— Мама, я уйду. Если вы из-за меня хотите поселить их отдельно.

Фусако встала с постели и подошла к ним.

— Лучше я поселюсь отдельно. Вот и все.

— Наш разговор не имеет к тебе никакого отношения, — раздраженно сказал Синго.

— Нет, имеет. Да еще какое. Мне Аихара говорил: отец тебя никогда не любил, поэтому у тебя такой противный характер. Мне так обидно было это слушать, прямо ком к горлу подступал.

— Успокойся, пожалуйста. Тебе уже тридцать.

— Нет уж, покоя мне не будет, и я не могу успокоиться.

Фусако прикрыла свою налитую грудь.

Синго устал от всего этого и поднялся.

— Бабка, давай ложиться спать.

Вошла Кикико со стаканом воды. В другой руке она держала огромный лист. Синго залпом выпил воду.

— А это что такое? — спросил он у Кикико.

— Лист мушмулы, еще совсем молодой. Луна светит тускло, вижу — около колодца что-то колыхается, поблескивает; что это такое, подумала, смотрю — молодые листья мушмулы, большие уже стали.

— Ты совсем еще как школьница, — ехидно сказала Фусако.

НОЧНОЙ ГОЛОС

1

Синго разбудил крик, похожий, как ему показалось, на мужской.

Он не мог понять, вой ли это собаки или голос человека. Непонятный звук он воспринял сначала просто как крик.

Он подумал, не предсмертный ли это вой Тэру. Может быть, ее отравили? У Синго отчаянно застучало в висках.

— Ой! — Сдавило грудь. Спазмой сжало сердце.

Тут уж он окончательно проснулся. Это был не вой собаки, а крик человека. Язык заплетается, как будто человеку сдавили горло. Синго дрожал, точно от холода. На кого-то напали...

— Послушай! Ну послушай же! — снова донесся крик.

Сдавленный, отчаянный крик. Почти нечленораздельный.

— Послушай. Ну послушай же.

Его убивают, а он говорит «послушай», оправдываясь или моля о чем-то.

Стук в калитку, словно кто-то ударил по ней. Синго весь сжался и сделал движение, чтобы подняться.

— Кикко-о! Кикко-о!

Голос Сюити, он зовет Кикуко. Язык так заплетается, что «ку» Сюити не в состоянии произнести. Мертвецки пьян.

Обессилен, Синго снова положил голову на подушку. Сердцебиение все еще не утихало. Потирая грудь, Синго старался восстановить дыхание.

— Кикко-о! Кикко-о!

Видимо, Сюити не рукой стукнул по калитке, а упал на нее всей тяжестью.

Синго вздохнул — придется открыть.

Но вдруг он подумал, что будет нехорошо, если он пойдет открывать.

Ведь Сюити с любовью и отчаянием зовет именно Кикуко. Такого голоса Синго никогда у него не слышал. Он похож на вопль ребенка, который зовет мать, когда ему нестерпимо страшно, нестерпимо больно или когда его жизни угрожает смертельная опасность. Сюити, увязший в пучине греха, зовет Кикуко. Он раскрывает ей свое страдающее сердце, заискивает перед ней. Он думает, что Кикуко не слышит, и продолжает звать ее пьяным, ласковым голосом. Он чуть ли не поклоняется ей.

— Кикко-о! Кикко-о!

Синго передается отчаяние Сюити. Сам он ни разу в жизни не звал жену с таким отчаянием и любовью. Может быть, потому, что ему не пришлось испытать такого отчаяния, какое охватывало Сюити, когда тот воевал на чужой земле.

Синго прислушался — хорошо бы, Кикуко проснулась. И все-таки ему было немного стыдно, что невестка услышит жалкий голос его сына. Если Кикуко не встанет, разбужу Ясуко, решил он, но лучше бы встала Кикуко.

Синго отодвинул ногой горячую грелку на край постели. Кладут грелку, когда весна уже наступила, вот и стучит в висках.

Класть грелку в его постель было обязанностью Кикуко.

— Кикуко, грелочку бы, — говорил иногда Синго.

Когда Кикико клала в постель грелку, постель дольше сохраняла тепло. И грелка всегда была крепко завинчена.

Ясуко никогда не любила грелок, была ли она больна или здорова, не любит даже сейчас, достигнув уже преклонного возраста. Ноги у нее всегда теплые. Лет до пятидесяти он согревался возле жены, но в последние годы они спят врозь.

Ясуко никогда не кладет ноги на грелку Синго.

— Кикко-о! Кикко-о! — снова донеслось от калитки.

Синго зажег ночник и посмотрел на часы. Почти половина третьего.

Последняя электричка из Токио приходит в Камакуру в час ночи, — наверно, Сюити заглянул еще в бар у вокзала.

Прислушиваясь к его крику, Синго подумал, что связи сына с токийской любовницей, видимо, приходит конец.

Но вот Кикико встала и через черный ход вышла во двор.

Синго с облегчением погасил свет.

— Ты прости его, — пробормотал он про себя, словно бы обращаясь к Кикико.

Сюити шел, наверно, повиснув на Кикико.

— Больно, больно, отпусти, — сказала Кикико. — Ты схватил меня рукой за волосы.

— Правда?

В кухне, споткнувшись, они оба упали.

— Перестань. Тише... Клади на колени... Будешь так напиваться, ноги опухнут.

— Ноги опухнут? Ври больше.

Кикико, наверно, положила ноги Сюити себе на колени и пыталась стянуть ботинки.

Она простила. Синго еще не совсем успокоился, но в такие минуты, когда Кикико вот так простила своего мужа, он всегда радовался.

Кикико, видимо, с самого начала слышала крики Сюити.

И все-таки Синго чувствовал, как она добра: положив на колени ноги пьяного Сюити, вернувшегося от любовницы, она стаскивает с него ботинки.

Уложив Сюити спать, Кикико пошла запереть черный ход и калитку.

Храп Сюити доносился даже до Синго.

Сюити встретила жена, уложила его в постель, и вот он уже спит, а каково Кикико, с которой Сюити напился до

беспамятства? Разве не в ее доме он пьет и буйнит, разве не ее доводит до слез?

Больше того, может быть, именно благодаря тому, что Сюити встретился с Кикуко, его жена, хотя часто плохо выглядит, раздалась в бедрах.

2

Громкий храп Сюити вскоре прекратился, но Синго уже не мог заснуть. Он подумал: неужели отвратительная привычка храпеть передалась от Ясуко сыну?

А если нет, то сегодня он храпит просто оттого, что сильно пьян.

Правда, в последнее время Синго не слышит, чтобы жена храпела.

Видно, пока холодно, она спит крепко.

На следующий день после бессонной ночи память у Синго ухудшается, а иногда он становится еще и сентиментальным.

Вот и сейчас он с какой-то сентиментальностью слушал крики Сюити, зовущего Кикуко. Разве у Сюити не просто заплетался язык? Разве не пытался он прикрыть свое непристойное поведение тем, что пьян?

Любовь и отчаяние в голосе Сюити, невнятно звавшего жену, Синго уловил скорее всего потому, что именно этого он и ждал от сына.

Так или иначе, за тот крик Синго все простил Сюити. И подумал, что Кикуко тоже не сможет не простить его. Эта мысль была продиктована и отцовским эгоизмом.

Казалось, трудно относиться к Кикуко лучше, чем Синго, и все равно в глубине души он всегда на стороне родного сына.

Сюити ведет себя безобразно. Напился у любовницы, в Токио, приехал домой и валяется под забором.

Сюити еще повезло, что не Синго вышел открыть калитку, — он бы не промолчал, и Сюити сразу бы протрезвел. С Кикуко проще. Повис на ней, и она безропотно втащила его в дом.

Кикуко — жертва Сюити — сама же и даровала ему прощение.

Еще не раз придется Кикуко, которой только что исполнилось двадцать лет, прощать своего мужа, если они проживут с Сюити столько же времени, сколько прожили Синго с Ясуко. Способна ли Кикуко прощать без конца?

Но ведь то, что называют семейной жизнью, — это мрачная трясина, неизменно поглощающая зло, чинимое друг другу супругами. И любовь Кинуко к Сюити, и любовь Синго к Кikuко тоже без остатка поглотит трясина семейной жизни Сюити и Кikuко.

Вполне разумно, считал Синго, что в послевоенном законодательстве единицу семьи составляют не родители и дети, как было раньше, а муж и жена.

— Да, трясина семейной жизни, — пробормотал он. — Надо Сюити с Кikuко поселить отдельно.

Привычка повторять шепотом самые сокровенные мысли пришла к Синго со старостью.

— Трясина семейной жизни, — прошептал он. Это означало, что муж и жена только вдвоем должны терпеть зло, которое чинят друг другу, и топить его в трясине.

Ведь сознательность жены в том и состоит, чтобы безропотно принимать любое зло, которое творит муж.

Скоро весна.

Синго почесал бровь.

Даже когда просыпаешься ночью, уже не так неприятно, как зимой.

Еще до того, как Синго услышал крик Сюити, он проснулся от странного сна. Тогда, сразу, он еще помнил его. Но, всполошившись из-за Сюити, почти совсем забыл.

Возможно, сон исчез из его памяти от сердцебиения.

Из всего сна он запомнил лишь, как девочке лет четырнадцать-пятнадцать делали аборт и слова: «Итак, девочка такая-то навеки становится святой».

Синго во сне читал рассказ. Он кончался именно этими словами.

Синго читал рассказ и одновременно видел его сюжет во сне, как спектакль или фильм. Во сне Синго был не действующим лицом, а зрителем.

В четырнадцать-пятнадцать лет сделать аборт и стать святой — удивительная вещь, но этому предшествовала длинная история. Синго читал во сне рассказ о чистой любви мальчика и девочки. Когда он окончил чтение и проснулся, растроганность осталась.

Кажется, девочка даже не знала, что она беременна, и не помышляла ни о каком аборте, а только тосковала по мальчику, с которым ее разлучили, — примерно такова была эта история. Неестественная и неприглядная.

Забытый сон потом не воссоздашь. Сном были и чувства, испытанные от чтения рассказа.

Во сне у девочки, скорее всего, было имя, он, скорее

всего, видел и ее лицо, но в памяти осталось лишь тусклое воспоминание о том, какого роста, вернее, сколь миниатюрна была девочка.

Кажется, одета она была в европейское платье.

Синго попытался убедить себя, что у девочки было лицо старшей сестры Ясуко, но, вероятно, он ошибался.

Сон приснился ему, несомненно, из-за заметки во вчерашнем вечернем выпуске газеты.

Под крупным заголовком «Девочка родила двойню. Весенние события в Аомори» было напечатано: «Благодаря обследованию, проведенному отделом общественного здравоохранения префектуры Аомори, мы познакомились с потрясающими фактами: среди женщин, у которых в соответствии с законом об эвгенике была прервана беременность, пятнадцатилетних — пять, четырнадцатилетних — три, тринадцатилетних — одна, в возрасте учениц средней школы второй ступени (шестнадцать — восемнадцать лет) — четыреста, из них учениц средней школы второй ступени — двадцать процентов. Беременных среди учениц средней школы в городе Хиросаки — одна, в городе Аомори — одна, в уезде Минамицугару — четыре, в уезде Китацугару — одна. Из-за неосведомленности в половых вопросах две десятые процента, несмотря на вмешательство профессиональных врачей, погибло, а два с половиной процента находятся в тяжелом состоянии, и мы можем лишь испытывать величайшую тревогу за жизнь малолетних матерей, которые погибают от рук тех, кто не имеет ничего общего с профессиональными врачами».

Всего было описано четыре случая родов. Четырнадцатилетняя ученица средней школы в уезде Китацугару в феврале прошлого года родила двойню. Мать и дети здоровы. Юная мать продолжает учиться в школе. Родители даже не знали о беременности дочери.

Семнадцатилетняя ученица средней школы второй ступени договорилась со своим одноклассником, что они поженятся, и летом прошлого года забеременела. Родители обоих, поскольку дети еще школьники, заставили прервать беременность. Но и девушка и юноша заявляют: «Для нас это не игра. Мы все равно скоро поженимся».

Газетная заметка потрясла Синго. Вот почему он и увидел во сне, как девочке делают аборт.

Но сон Синго рассказывал не о постыдном, дурном поведении девочки и мальчика, а об их чистой любви, о «девочке, ставшей навеки святой». Перед сном он обо всем этом давно забыл.

Потрясение Синго превратилось в удивительный сон. Почему?

Может быть, своим сном Синго спасал и сделавшую аборт девочку, спасал и самого себя.

Во всяком случае, во сне было добросердечие.

Но его ли собственное добросердечие проснулось во сне? — заглянул в себя Синго.

Не остатки ли молодости, еще не совсем утраченные им, стариком, принесли ему сон о чистой любви мальчика и девочки? — думал с надеждой Синго.

Эта надежда и была причиной того, что, проснувшись, он почувствовал в криках Сюити любовь и отчаяние, которые он слушал, полный добросердечия.

3

На следующее утро Синго, еще лежа в постели, слышал, как Кикико расталкивает Сюити.

В последнее время Синго просыпается чуть свет и не знает, что делать, — Ясуко, которая любит поспать, начнет ворчать: «До седых волос дожил, а все не спится, противно», — да и вставать раньше невестки ему не к лицу, он это понимает, и Синго прокрадывается в переднюю, открывает дверь, достает газету и, снова забравшись в постель, не спеша читает.

Он слышит, как Сюити идет к умывальнику.

Собрался, наверно, почистить зубы, но только взял в рот зубную щетку, как ему стало плохо, — наверно, вырвало.

Кикико мелкими шажками пробежала на кухню.

Синго встал. На веранде он столкнулся с Кикико, которая возвращалась из кухни.

— О, вы уже встали, отец.

Кикико резко остановилась, словно наткнувшись на неожиданное препятствие, — щеки у нее вспыхнули. Из стакана, который она держала в руке, что-то выплеснулось. Наверно, она несла из кухни холодное сакэ — Сюити опохмелиться.

Бледное, без всякой косметики, лицо Кикико покраснело, в полусонных глазах вспыхнуло смятение, на наивно приоткрытых бледных губах, обнажив красивые зубы, мелькнула смущенная улыбка, — какая она миловидная, подумал Синго.

Неужели в Кикико осталось еще так много детского? Синго вспомнил ночной сон.

Собственно, если вдуматься, нет ничего странного в том, что дети, о которых писала газета, женятся и рожают детей. В старое время ранних браков было сколько угодно.

Сам Синго в возрасте этих детей был по уши влюблен в старшую сестру Ясуко.

Увидав, что Синго пошел в столовую, Кикико поспешила открыть там ставни.

В комнату ворвалось уже совсем весеннее солнце.

Кикико, словно бы испугавшись обилия света, подняла руки к голове и стала поправлять сбившиеся во сне волосы.

Листья на гингко в храме еще не распустились, но в утренних лучах солнца уже чувствовался запах набухших почек.

Кикико быстро переделалась и принесла чашку зеленого чая.

— Простите, отец, немножко задержалась.

Встав с постели, Синго всегда пьет горячий чай. Определить, сколько нужно заварки, очень трудно. Чай, который приготавливает Кикико, самый вкусный.

Интересно, смогла бы его разведенная дочь делать это лучше, чем Кикико? — думал Синго.

— Пьяному теперь дают опохмелиться. В старое время, чтобы протрезветь, пили просто зеленый чай. Так что ты не суетись, Кикико, — пошутил Синго.

— Ой, отец. Вы уже все знаете?

— Проснулся от крика. Сначала подумал, что это Тэру воет.

— Что вы говорите.

Кикико сидела потупившись, казалось, у нее нет сил подняться.

— Я проснулась еще раньше, чем Кикико, — сказала из другой комнаты Фусако. — Ужасный был крик, даже страшно стало, но Тэру не лаяла, и я поняла, что это Сюити.

Фусако вошла в столовую, как была — в ночном kimono, кормя грудью дочь.

Лицо невзрачное, зато грудь белая, красивая.

— Почему ты в таком виде? Неряха, — сказал Синго.

— Аихара ужасный неряха, вот и я стала неряхой. Если выходишь замуж за неряху, непременно сама превратишься в неряху. Ничего не поделаешь.

Отнимая Кунико от правой груди и давая ей левую, Фусако сказала мрачно:

— Если тебе противно, что твоя дочь стала неряхой, то раньше, чем выдавать ее замуж, нужно было проверить, не неряха ли будущий ее муж.

— Мужчина и женщина — не одно и то же.

— Все одинаковые. Посмотри на Сюити.

Фусако направилась к умывальнику.

Кикуко протянула руки. Фусако грубо бросила ей ребенка, девочка заплакала.

Фусако, не обращая на нее внимания, вышла из комнаты.

Умывшись, вошла Ясуко.

— Давай. — Она взяла девочку. — А что остается делать отцу этого ребенка? С тех пор как Фусако под Новый год приехала к нам, прошло уже больше двух месяцев. Ты говоришь, Фусако неряха, а ты, отец ее, разве не неряха? Такой же неряха. И она надумала, под самый Новый год — лучшего времени не могла найти, — вдруг обнаружила, что жить с ним не может. И опять-таки из ее слов ничего не поймешь. Да и Аихара-сан тоже хорош — мог бы приехать. — Ясуко говорила, глядя на ребенка. — Девушку, что была у тебя секретаршей, Танидзаки, Сюити как-то назвал полувдовой. Так вот, Фусако можно, пожалуй, назвать полуразведенной.

— Что значит «полувдова»?

— Замуж не успела выйти, но любимого человека потеряла на фронте.

— Но ведь во время войны Танидзаки была еще совсем ребенком.

— Ей было, наверно, лет шестнадцать-семнадцать. Уже вполне мог кто-то быть для нее незабываемым человеком.

Для Синго слова Ясуко «незабываемый человек» были неожиданностью.

Сюити ушел из дому, не позавтракав. Видно, чувствовал себя плохо, да к тому же опаздывал.

Синго задержался дома, дожидаясь утренней почты. Среди писем, которые Кикуко положила перед ним, лежало одно на ее имя.

— Кикуко! — Синго передал ей письмо.

Не посмотрев, кому письмо, она принесла его вместе с остальными и отдала Синго. Письма Кикуко приходили очень редко, она и сейчас не ждала письма.

Кикуко тут же стала читать.

— От подруги. Сделала аборт, но после этого почувствовала себя плохо и сейчас лежит в университетской клинике в Хонго, — сказала она.

— Что ты говоришь?

Синго снял очки и посмотрел на Кикику.

— Наверно, сделала тайно, у какой-нибудь акушерки? Это очень опасно.

Газетная статья, сон, утреннее письмо — какое совпадение, подумал Синго.

Ему очень захотелось рассказать Кикику о своем сне.

Синго молча смотрел на Кикику, словно заряжался ее молодостью; расскажу, решил он, но тут же испугался — вдруг Кикику тоже беременна и тоже собирается сделать аборт, тогда рассказ о сне может вызвать у нее ненужные мысли.

4

Когда электричка шла по долине Китакамакура, Кикику удивленно воскликнула:

— Как буйно цветет слива!

В долине, сразу за окнами электрички, росло множество слив. Синго, хотел он того или нет, каждый день смотрел на них.

Самый расцвет кончился, и на солнцепеке белые цветы чуть пожухли.

— У нас в саду тоже цветет, — сказал Синго. Но там всего два-три дерева, а вот такое обилие цветущих слив Кикику видит в этом году впервые, подумал он.

Кикику редко приходили письма, и так же редко она куда-нибудь выезжала. Она выходила из дому лишь за покупками.

Кикику решила навестить подругу в университетской клинике, и Синго поехал вместе с ней.

Дом женщины, с которой встречался Сюити, как раз напротив университета. Это немного тревожило Синго.

В электричке он так и не решился спросить Кикику, не беременна ли она.

Спросить было не так трудно, просто он, видимо, упустил удобную минуту.

Сколько уж лет он не спрашивает у Ясуко о женских делах. С наступлением климакса Ясуко перестала говорить ему об этом. И не потому, что с тех пор она всегда

была здорова, а потому, видно, что пришла пора ее увядания.

Синго уже давно забыл, что у них с Ясуко были когда-то такие разговоры.

И сейчас он вспомнил о ней, собираясь спросить у Кикико о беременности.

Если бы Ясуко знала, что они поехали в родильное отделение клиники, она бы, наверно, сказала, что Кикико тоже следует показаться врачу.

Ясуко много раз заговаривала с ней о ребенке. И Синго видел, как это было неприятно Кикико.

Сюити она, конечно, откровенно обо всем рассказывает. Мужчина, с которым женщина откровенна, для нее все. Женщина сразу же перестает быть откровенна с мужем, стоит ей завести себе мужчину. Синго как-то услышал об этом от одного старого приятеля и, как он помнит, очень тогда заинтересовался.

Даже дочь не бывает до конца откровенна с родителями.

До сих пор Синго — и Кикико тоже — избегали говорить о том, что у Сюити есть женщина.

Если Кикико беременна, то скорее всего потому, что ее созреванию способствовала любовница Сюити.

Вся эта история ужасно неприятна, но Синго не забывал, что речь идет о человеке, и ему казалось жестоким спрашивать у Кикико о ребенке.

— Дед Амамия приходил вчера. Вам мама не говорила? — неожиданно сказала Кикико.

— Нет, не говорила.

— Амамия забирает их в Токио, и он приходил прощаться. Просил отдать Тэру. Принес два больших пакета печенья.

— Собаке?

— Да. Мама так и сказала: принес собаке, но один можно оставить и для людей. Торговые дела Амамия-сан идут хорошо, и он снова начинает строиться, — старик так радовался.

— Что ты говоришь! Не часто случается, чтобы торговец, который вынужден был распродать все, вплоть до собственного дома, снова встал на ноги и даже начал строиться. С тех пор как он уехал, уже десять лет прошло, пролетели, как один миг. Изо дня в день ездю на этой электричке — надоело. Иногда встречаюсь с приятелями в ресторане — это тоже повторяется уже лет десять, тоска, да и уставать стал. Пришло, видно, время предстать перед ним.

Синго показалось, что Кикику не поняла, что значит «предстать перед ним».

— Предстать пред очами властителя ада Эмма. Мы сможем сказать, что в крохах, доставшихся нам, мы безгрешны. Ведь речь идет именно о крохах жизни. И не слишком ли это сурово — карать человека за жизнь, от которой ему достались лишь крохи?

— Как так?

— А вот как. Разве хоть кто-нибудь полноценно прожил жизнь, отпущенную человеку? Вряд ли. Возьмем, например, гардеробщика из ресторана, где я, как сказал, иногда бываю. Он знает одно — принимать у посетителей обувь да выдавать посетителям обувь, и так каждый день. Какой-нибудь старик скажет, не подумав: лучше и не надо. Но это ведь крохи жизни. А попробуйте спросить у официантки — ужасная судьба у этого деда-гардеробщика, ответит она. Сидит верхом на жаровне у себя в подвале, со всех сторон окружен ящиками с обувью и непрерывно чистит ботинки. Подвал у самого входа, зимой — холод, летом — жара. А дома, наверно, твердит своей старухе, как бы им хорошо жилось в богадельне.

— Вот и мама так. Она часто повторяет, что молодые всегда хотят умереть. Несерьезный это разговор.

— Она не зря так говорит — ясно ведь, что она переживает меня. Кстати, кого из молодых она имела в виду?

— Кого?.. — запнулась Кикику. — В сегодняшнем письме подруги тоже...

— Которое пришло утром?

— Да. Она не замужем.

— Хм.

Синго замолчал, Кикику тоже не хотелось продолжать этот разговор.

Электричка только что отошла от Тоцука. До Ходогая было еще далеко.

— Кикику, — сказал Синго. — Я уже давно об этом думаю. Тебе не хочется жить с Сюити отдельно от нас?

Кикику смотрела на Синго и ждала, что он скажет еще, а потом спросила жалобным голосом:

— Почему, отец? Потому что вернулась Фусако-сан?

— Нет, с Фусако это никак не связано. Фусако полуразведенная, и ты, Кикику, поэтому, наверно, жалеешь ее, но даже если она совсем уйдет от Аихара, долго у нас она не проживет. Будет жить отдельно, и то, что я сказал, касается только тебя и Сюити. Вам не лучше бы жить отдельно?

— Нет. Вы так добры ко мне, отец, я хочу жить с вами. Мне будет одиноко без вас.

— Мне это очень приятно.

— Вы так меня балуете. Я ведь самая младшая в семье, меня и дома баловали, отец очень любил меня, и я привыкла за всем идти к отцу.

— Я прекрасно знаю, что отец любил тебя. Ты даже не представляешь себе, как мне приятно, что ты всегда обращаешься ко мне. Мне было бы грустно жить без тебя. Ты, я думаю, знаешь все о Сюити, но я до сих пор не хотел заговаривать с тобой об этом. Видишь, какой я отец. Может быть, если вы будете жить одни, у вас все наладится?

— Нет. Хотя вы мне ничего не говорили, вы всегда беспокоились обо мне — я это прекрасно знаю. Я хочу быть рядом с вами. — В огромных глазах Кикико застыли слезы. — Я боюсь жить отдельно. Постоянно сидеть одной дома и ждать, ждать без конца. Как это невыносимо, как грустно, как это страшно!

— Но зато будешь ждать одна. Ну ладно, электричка не место для такого разговора. Все-таки подумай хорошенько.

Кикико дрожала, словно ей уже сейчас было страшно.

Сойдя на токийском вокзале, Синго на такси повез Кикико в Хонго.

Потому ли, что и родной отец очень любил ее, или потому, что она была сейчас сильно взволнована, но Кикико это как будто не показалось странным.

Когда они приехали на ту самую улицу, где жила любовница Сюити, Синго, хотя он и не заметил ничего подозрительного, из осторожности попросил шофера въехать прямо во двор университетской клиники.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

1

В Камакура, в пору цветения вишни, праздновалось семисотлетие буддийской столицы, и целый день звонили храмовые колокола.

Но временами Синго почему-то не слышит их. Кикико, работает она или разговаривает, все равно слышит, а Синго, если не прислушивается, не слышит.

— Слышите? — сказала Кикуко. — Снова звонят. Слышите?

— Не разберу. — Синго склонил голову. — А ты, бабка?

— Слышу, конечно. Неужели ты не слышишь? — Ясуко не хотелось разговаривать.

Положив на колени стопку газет дней за пять, она медленно листала их.

— Звонят. Звонят, — сказал Синго.

Стоило ему хоть раз уловить звон, потом он уже легко различал его.

— Услышал наконец и радуешься. — Ясуко сняла очки и посмотрела на Синго. — А монахи в храмах из сил выбиваются — день-деньской бьют в колокола.

— Это бьют в колокола верующие, которые приходят в храм, — десять иен за удар. А совсем не монахи, — сказала Кикуко.

— Ну и выдумщица же ты.

— Нет, правда, эти колокола называют колоколами моления об усопших... У храмов, говорят, есть даже план, сколько человек должно ударить в колокола — не то сто тысяч, не то миллион.

— План?

Синго показалось это странным.

— Колокола в храмах звонят очень уж уныло, не люблю я их.

— Ну что вы? Почему же уныло?

Синго подумал, как покойно сидеть вот так, в апрельское воскресенье в столовой и любоваться цветущей вишней.

— Семисотлетие. Семисотлетие чего? Одни говорят — семисотлетие Большого Будды¹, другие — семисотлетие святого Нитирэна², — сказала Ясуко.

Синго не мог ответить.

— А ты, Кикуко, не знаешь?

— Не знаю.

— Странно. А еще называется, живем в Камакура.

— Мама, в газетах, которые у вас, нет ничего интересного?

— Кое-что есть. — Ясуко протянула Кикуко газеты. Они были аккуратно сложены стопкой. Одну газету она

¹ Имеется в виду огромная статуя Будды Амида из храма Котокуин в Камакура. Отлита в 1256 г.

² Основатель буддийской секты Нитирэн.

оставила себе. — Как раз в этой газете прочла. Когда я прочла, как двое стариков покинули дом, просто сердце сжалось, эта история не выходит у меня из головы. Ты, наверно, тоже читала.

— Да.

— «Заместитель президента японской ассоциации гребного спорта, которого называли отцом любителей гребли...» — начала было Ясуко читать статью, а потом стала пересказывать ее своими словами: — Он был, кроме того, директором компании, которая строит лодки и яхты. Ему было шестьдесят девять лет, жене — шестьдесят восемь.

— Почему же у тебя сжалось сердце?

— Там перепечатаны прощальные письма приемному сыну, его жене и внукам.

И Ясуко снова стала читать газету:

— «Представляя себе, сколь убоги люди, влачащие жалкое существование забытых всеми, мы не хотим дожить до такого дня. Нам понятно душевное состояние виконта Такаги¹. Думается, что самое лучшее — уйти из жизни, пока все еще любят и уважают тебя. И мы, окруженные искренней любовью домашних, сердечным участием многочисленных друзей и сверстников, решили все же, что нам следует уйти». Это приемному сыну и его жене. А внукам: «День независимости Японии приближается, но будущее ее покрыто мраком. Если молодежь и студенты, напуганные ужасами войны, хотят мира, они должны последовательно держаться идеи непротivления, принадлежащей Ганди. Мы слишком стары, и у нас уже не хватает сил идти правильным путем, в который мы верим, и вести вас по этому пути. Бессмысленно ждать, пока мы достигнем возраста, когда станем для вас обузой, дожить до этого — значит перечеркнуть всю свою жизнь. Мы хотим одного — чтобы вы, наши внуки, сохранили о нас теплое воспоминание как о любящих дедушке и бабушке. Мы еще не знаем, куда направимся. У нас лишь одно желание — уснуть спокойно».

Ясуко умолкла.

Синго сидел к ней боком и смотрел в сад, на цветущую вишню.

¹ Виконт Сэйтоку Такаги в 1948 г. ушел из дому. Позднее его труп был найден в горах Такао. Его смерть считается в Японии классическим примером того, как аристократия в послевоенной Японии не хотела мириться с падением своего влияния.

Ясуко продолжала читать газету:

— «Ушли из дома в Токио и, навестив сестру в Осака, пропали без вести. Сестре, живущей в Осака, уже восемьдесят лет».

— А где прощальное письмо жены?

— Что?

Ясуко с рассеянным видом подняла голову.

— Жена не оставила письма?

— Жена? Эта бабка?

— Конечно. Они ведь вдвоем решили умереть, значит, и жена тоже должна была оставить письмо. Представь себе, я и ты решили вместе покончить с собой и ты хочешь что-то сказать на прощание, разве ты не оставишь письма?

— Нет, мне это ни к чему, — не задумываясь, ответила Ясуко. — Мужчина и женщина пишут отдельные письма, если они еще молоды и решили вместе покончить с собой. Когда с грустью убеждаются, что им не суждено быть вместе... Если же это делают муж и жена, достаточно и того, что напишет муж от имени обоих. Ну что я смогу добавить к тому, что ты бы сказал на прощание?

— Ты так считаешь?

— Вот если я решу умереть сама, тогда другое дело.

— Еще бы, когда умирает один, возникает масса сложностей и неприятностей.

— Ну что ты, все это чепуха. В нашем-то возрасте.

— Ты говоришь так беспечно, как будто совсем не думаешь о смерти, да и вообще умирать не собираешься, — засмеялся Синго. — А ты, Кикико?

— Что бы сделала я?

Кикико произнесла это неуверенно, тихим голосом.

— Если бы вы с Сюити решили вместе покончить с собой, тебе не захотелось бы оставить прощальное письмо?

Синго тотчас же пожалел о сказанном. Напрасно я это говорю, подумал он.

— Не знаю. Что я сделаю, если это действительно случится, не знаю. — Кикико засунула большой палец правой руки за оби. Потом посмотрела на Синго. — Но мне кажется, отец, я бы оставила письмо вам.

Глаза Кикико затуманились, как у ребенка, в них стояли слезы.

Ясуко, та никогда не думает о смерти, а Кикико, наверно, задумывается, почувствовал Синго.

Кикико наклонила голову и, уже готовая разрыдаться, вскочила и убежала.

Ясуко посмотрела ей вслед.

— Странно. Чего это она вдруг? Истеричной стала. Это обывоченная истерика.

Синго расстегнул рубаху и положил руку на грудь.

— Сердцебиение? — сказала Ясуко.

— Нет, грудь зудит. Затвердела и зудит.

— Как у пятнадцатилетней девочки.

Синго массировал левый сосок.

Муж и жена решают вместе покончить жизнь самоубийством, а прощальное письмо пишет один муж — жена почему-то не пишет. То ли жена просто сваливает все на плечи мужа, то ли считает себя одним целым с ним?

Слушая, как Ясуко читает газету, Синго задавал себе этот вопрос, пытался ответить на него.

Может, от долгой совместной жизни они превращаются в одно целое или старуха жена полностью теряет индивидуальность и ей просто нечего добавить к тому, что написал муж? Может, хотя у жены и нет особых причин умирать, она, послушно следуя за мужем, совершает вместе с ним самоубийство, и, присоединяясь к его прощальному письму, освобождает себя таким образом и от сожалений, и от раскаяний, и от сомнений? Поразительно.

Вот и его старуха жена тоже говорит: если мы вместе покончим с собой, то мне незачем оставлять письмо, ты один напишешь — этого вполне достаточно.

Женщина — безропотная попутчица мужчины в смерти, правда, изредка мужчина и женщина меняются местами, но в большинстве случаев жена беспрекословно подчиняется мужу, и одна из таких женщин, теперь уже состарившаяся, сидит рядом с ним, — эта мысль поразила Синго.

Семейная жизнь Кикико и Сюити не только коротка, но и стоит на грани краха.

И спрашивать у Кикико, не оставит ли она предсмертного письма, если вместе с Сюити покончит с собой, было бестактно и жестоко, вопрос Синго причинил Кикико боль.

Теперь и Синго понял, у какой страшной пропасти стоит Кикико.

— Ты чересчур балуешь Кикико — вот она и расплакалась от твоего вопроса, — сказала Ясуко. — Ты любишь одну только Кикико, а когда нужно решить что-то важное, тебя не допросишься. Фусако твоя дочь — разве с ней случилось не то же самое?

Синго смотрел в сад на вишню, сплошь усыпанную цветами. У самого ствола этого огромного дерева густо разрослась аралия.

Синго терпеть не мог аралии и собирался спилить ее до того, как зацветет вишня, но вот еще только март, еще лежит глубокий снег, а на вишне он уже увидел цветы.

Года три назад он однажды спиливал аралию, но от этого она только гуще разрослась. Он тогда подумал, что надо бы выкорчевать ее, но потом решил — ладно, не буду возиться.

Слова Ясуко почему-то вызвали у Синго еще большее отвращение к мясистым ярко-зеленым листьям аралии. Если бы не эти заросли, был бы виден толстый, могучий ствол вишни и ее нижние ветви, не встречая помехи, свободно раскинулись бы во все стороны густым навесом. Правда, они раскинулись и несмотря на аралию.

Цветов было столько, что, думалось, больше просто не бывает.

Облитые вечерним солнцем, цветы плавали в небе. Они не были ни особенно яркими, ни особенно большими, — казалось, они сотканы из воздуха. Сейчас, в разгар цветения, не верилось, что все они скоро осыплются.

Но все же по одному, по два лепестки падали, и внизу кое-где они уже лежали островками.

— Когда читаешь статью о самоубийстве или о смерти человека молодого, думаешь только: ну что ж, еще один, а если речь идет о старике, всегда бывает очень тяжело, — сказала Ясуко. — Самое лучшее уйти из жизни, пока все еще любят и уважают тебя. — Казалось, Ясуко во второй, в третий раз перечитывает статью о тех пожилых супругах. — Недавно один шестидесятилетний старик привез из Тотиги в Токио семнадцатилетнего сына, страдавшего детским параличом, чтобы поместить его в клинику, причем в одну из лучших, но перед этим решил показать ему город, и вот старик целый день носил сына за спиной, и мысль о разлуке с сыном стала ему так невыносима, что он задушил его носовым платком. По-моему, об этом тоже писали в газетах.

— Что ты говоришь? Не читал, — ответил Синго и вдруг с грустью вспомнил статью о беременных девочках из префектуры Аомори и свой сон.

Как все-таки он отличается от старухи жены.

2

— Кикуюко-са-ан! — позвала Фусако. — Машина все время рвет нитку. Может, сломалась? Посмотри, пожалуйста. Зингеровская, значит, должна быть хорошая — или

это я такая неловкая? Может быть, нервничаю, поэтому? Пожалуй, все-таки испортилась. Она ведь у нас еще с тех пор, как я была студенткой, — старая.

Кикуко вошла в комнату.

— Знаете что, давайте я вам прострочу.

— Ну что ж. Сатоко прямо прилипла, ни на минуту не отстает — раздражает ужасно. Все время боюсь прошить ей палец. Хотя я и понимаю, что ей не дотянуться до иголки, но оттого, что она все время лезет сюда руками, а я должна внимательно следить, чтобы строчка была ровной, у меня прямо в глазах рябит от этой пестрой материи и от ее мелькающих рук.

— Может, вы устали?

— Да нет, просто все время нервничаю. Если уж говорить, кто устал, так это ты, Кикуко-сан. Здесь у нас не устают только дед и бабка. Как стал дедом, за шестьдесят перевалило — совсем поглупел, грудь у него, видите ли, зудит.

Когда Кикуко ездила в университетскую клинику навестить подругу, на обратном пути она купила материи для девочек.

Вот почему, занимаясь шитьем, Фусако была расположена к Кикуко.

Но когда Кикуко села вместо Фусако за машину, Сатоко посмотрела на нее сердито.

— Тетя купила тебе в подарок материю, почему же ты не хочешь, чтобы она и сшила? — Фусако сказала извиняющимся тоном: — Прости ее, пожалуйста. Девочка вся в Аихара.

Кикуко обняла Сатоко за плечи.

— Сходи-ка с дедушкой и мамой к Большому Будде. Увидишь там много-много детей, они будут танцевать.

Фусако позвала Синго, и они втроем вышли из дому. Когда они шли по улице Хасэ, Синго бросилась в глаза карликовая камелия у входа в табачную лавку. Он купил сигареты и похвалил деревце. На нем цвело пять-шесть махровых цветов.

— Белые махровые цветы в крапинку — не так уж красиво, но, к сожалению, лишь горную камелию удастся вырастить карликовой, — сказал хозяин табачной лавки и пригласил Синго в сад за домом. Там оказалась грядка с овощами, вдоль которой, прямо на земле, в ряд, стояли горшки с карликовыми деревьями. Это тоже были горные камелии, старые, с мощными стволами.

— Нельзя допускать, чтобы деревья истощались,

поэтому я обобрал с них цветы, — сказал хозяин.

— Значит, они уже цветут? — спросил Синго.

— На них распускается масса цветов, но я оставляю не больше двух-трех на деревце. На той камелии, что у входа в лавку, их было штук двадцать-тридцать.

Хозяин стал рассказывать об уходе за карликовыми деревьями. Потом перешел к историям о любителях, которые их выращивают. Слушая его, Синго вспомнил, что на торговой улице во многих витринах выставлены карликовые деревья.

— Большое спасибо. Было очень интересно. — Синго направился к выходу.

— У меня, к сожалению, нет экземпляра, подходящего для вас, я это понимаю, но все же и горные камелии, которые вы видели во дворе, не так уж плохи... Возьмите одно деревце — это очень хорошее средство от лени — появляются обязанности, надо сохранять его форму, не допускать, чтобы оно засохло, — уговаривал хозяин табачной лавки.

Синго на ходу закурил только что купленную сигарету.

— На коробке изображен Большой Будда. Наверно, сигареты выпустили специально для Камакура. — Он показал пачку Фусако.

— И мне покажи, — потянулась к нему Сатоко.

— Помнишь, прошлой осенью, уйдя из дому, ты поехала в Синсю.

— Я не уходила из дому, — возразила Фусако.

— Так вот, ты не видела в нашем деревенском доме карликового деревца?

— Не видела.

— Ну конечно. Ведь все это было лет сорок назад. Дедушка, отец твоей матери, был большим любителем карликовых деревьев. А мать совсем не имела к этому склонности, душевной тонкости, что ли, ей не хватало, и поэтому отец доверил уход за ними старшей дочери. Она была удивительная красавица, даже не верилось, что они сестры. У меня и сейчас еще стоит перед глазами, как зимним утром, когда подставка под деревцем засыпана снегом, она с непокрытой головой, в легком девичьем кимоно смеет снег. Это было так прекрасно. В Синсю холодно, и изо рта у нее шел пар.

Ему тогда казалось, что и пар из ее рта благоухает девичьей чистотой.

Синго увлекся воспоминаниями, которые не имели

никакого отношения к Фусако, принадлежавшей совсем к другому поколению.

— А эти горные камелии — что-то не похоже, чтобы их кропотливо выращивали лет тридцать-сорок.

Карликовые деревья должны быть очень старыми. Многое проходит лет, прежде чем ствол дерева в горшке становится похож на переплетающиеся мощные мышцы.

Интересно, в чьи руки попал после смерти сестры Ясуко карликовый клен, алевший у алтаря? Может, просто засох?

3

Когда они втроем подошли к храму, процессия детей уже двигалась по выложенной камнем дорожке перед Большим Буддой. Было заметно, что они пришли издалека, у некоторых были усталые, осунувшиеся лица.

За живой стеной людей ничего не было видно, и Фусако взяла Сатоко на руки. Сатоко как замороженная смотрела на яркие, как цветы, кимоно, в которые были одеты дети.

Синго слышал, что в здешнем храме есть надгробие Акико Ёсано¹, на котором выбито ее пятистишие. Они пошли в глубь парка и увидели на одном из надгробных камней увеличенный во много раз автограф Акико.

— Действительно, это ее стихотворение «Сакья-Муни...», — сказал Синго.

Но оказалось, что Фусако не знает этого знаменитого пятистишия, которое в свое время было у всех на устах; Синго поразился. В стихотворении Акико были слова: «Славен Камакура своим Буддой, как прекрасен Сакья-Муни...»

— Большой Будда не Сакья-Муни. На самом деле это Будда Амида. В своем стихотворении Акико допустила обычную ошибку — Большого Будду и Сакья-Муни всегда путают.

Рядом с надгробием был разбит шатер. И там можно было получить чашку жидкого чая. У Фусако был талончик на участие в чайной церемонии, который дала ей Кикико.

Увидев цвет чая, Синго решил, что его, пожалуй, можно дать и Сатоко, но та уже сама проворно схватила чашку. Это была совсем дешевая чашка, какой не увидишь на

¹ Акико Ёсано (1878–1942) — выдающаяся японская поэтесса.

настоящей чайной церемонии, но Синго все же придержал ее:

— Горько, наверно.

— Горько?

Не успев пригубить, Сатоко сморщилась.

Группа девочек-танцовщиц скрылась в шатре. Примерно половина из них расселась на складных стульчиках у входа, другие толпились рядом. Лица детей были густо набелены, и все они были одеты в яркие кимоно с длинными рукавами.

За ними буйно цвели молодые вишни. Но они казались бесцветными рядом с яркими, сочными красками кимоно девочек. Лучи солнца играли в зелени высоких деревьев в противоположной стороне сада.

— Воды, мама, воды, — сказала Сатоко, глядя на девочек-танцовщиц.

— Воды нет. Дома попьешь, — уговаривала ее Фусако.

Синго вдруг тоже захотелось пить.

В один из мартовских дней Синго видел из окна электрички, когда ехал в Токио, как девочка примерно одних лет с Сатоко пила воду из фонтанчика на станции Синагама. Она до отказа отвернула кран, струя воды взметнулась вверх, и девочка в восторге засмеялась. У нее было прекрасное смеющееся лицо. Мать немного привернула кран. Девочка с таким удовольствием пила воду, что Синго сразу ощутил — весна действительно пришла. Этот случай вспомнился ему сейчас.

Синго подумал, что это неспроста — и Сатоко и он захотели пить, как раз когда смотрели на девочек-танцовщиц.

— Кимоно хочу. Купи кимоно, купи, — захныкала Сатоко.

Фусако поднялась.

Среди девочек-танцовщиц одна была примерно ровесница Сатоко — если и старше, то совсем ненамного. У нее были подрисованные толстые короткие брови. Приятная девочка. Углы широко раскрытых, похожих на колокольчики глаз были слегка подведены красной краской.

Фусако тащила за руку Сатоко, которая неотрывно смотрела на девочку, и, когда та вышла из шатра, потянула в ее сторону.

— Кимоно хочу, кимоно, — повторяла Сатоко без конца.

— Кимоно тебе подарят на детский праздник. Дедушка подарит, — сказала Фусако с намеком. — Ведь и эта девочка сегодня первый раз в жизни надела кимоно.

Раньше и у нее были одни осимэ. Осимэ — просто куски от старого летнего кимоно, в которые ее укутывали.

В чайном павильоне, куда они зашли отдохнуть, Синго принесли воды. Сатоко с жадностью выпила два стакана.

Когда они вышли за ограду храма и направились домой, мимо Сатоко, держась за руку матери, торопливо прошла та самая девочка в нарядном кимоно. Хорошо бы, Сатоко не увидела ее, подумал Синго и обнял внучку за плечи, но было уже поздно.

— Кимоно! — Сатоко попыталась схватить девочку за рукав.

— Отстань! — Девочка бросилась от нее в сторону, но неловко наступила на длинный рукав, свисавший почти до земли, и упала на мостовую.

— Ой! — закричал Синго, закрывая руками лицо.

Сбили. Синго слышал лишь собственный крик, но закричало, видимо, много людей.

Автомобиль со скрежетом затормозил. Из замершей толпы бросилось вперед несколько человек.

Девочка сама вскочила, прижалась к матери и вдруг заплакала навзрыд.

— Как повезло, как повезло. Какое счастье, что тормоза хорошие. Прекрасная машина, — сказал кто-то.

— Будь это какая-нибудь развалюха, не осталось бы ей в живых.

Сатоко закатила глаза, словно с ней случился припадок. У нее было ужасное лицо.

Фусако испуганно расспрашивала мать, не ушиблась ли девочка, не порвала ли кимоно.

Мать никак не могла опомниться от потрясения.

Девочка больше не плакала, по набеленному личику размазались слезы, но глаза блестели, словно промытые.

По дороге домой Синго молчал, разговаривать ему не хотелось.

Из дома послышался плач ребенка, и навстречу им, напевая колыбельную песню, вышла Кикуко с девочкой на руках.

— Простите. Расплакалась она у меня. Не могла справиться, — сказала Кикуко, обращаясь к Фусако.

Из-за плача сестры или, может быть, оттого, что дома ее напряжение спало, Сатоко тоже расплакалась.

Фусако, не обращая на нее внимания, взяла у Кикуко ребенка и обнажила грудь.

— Ой, у меня даже на груди капельки холодного пота.

Синго посмотрел на стену перед собой, где висела кал-

лиграфическая картина Рёкана ¹ «Небесная буря». Для подлинного Рёкана она обошлась Синго слишком дешево — видимо, подделка. Знающие люди объяснили ему, и теперь Синго уже и сам понимал, что это не подлинник.

— Мы видели надгробие Акико, — сказал он Кикиуко. — Рукой Акико написано «Сакья-Муни...».

— Правда?

4

После ужина Синго вышел из дому и прошелся по мануфактурным магазинам и магазинам подержанного платья.

Но ничего подходящего для Сатоко не нашел.

Его беспокоила Сатоко.

Он даже испугался за нее.

Девочка еще совсем маленькая, но стоило ей увидеть у другой яркую вещь, и она уже загорелась таким неистовым желанием получить ее.

Может быть, у Сатоко зависть или жадность развиты сильнее, чем у других детей? Или, возможно, она слишком рано повзрослела? Нет, скорее всего она просто истерична, решил Синго.

Что б они сейчас делали, если бы эту девочку в нарядном кимоно для танцев насмерть задавила машина? Перед глазами Синго отчетливо стоял прекрасный рисунок ее кимоно. Такие нарядные кимоно даже в витринах никогда не выставляют.

Синго возвращался с пустыми руками, и это очень огорчало его.

Неужели Ясуко допускает, чтобы у девочки были до сих пор только осимэ из старых кимоно? В словах Фусако было немало яда. Правда, она могла и приврать. Неужели ребенку никогда не покупали даже простеньких детских кимоно? А может быть, Фусако намекала, чтобы я купил Сатоко европейское платье?

— Забыл, — сказал Синго вслух.

Он не помнил, кажется, это Ясуко ему говорила, что если бы они оба больше заботились о Фусако, то, возможно, и от некрасивой дочери родилась бы хорошенькая внучка. Теперь уже ничего не исправишь. Синго почувствовал тяжелые угрызения совести.

¹ Рёкан (1757–1831) — знаменитый поэт и каллиграф.

До рожденья б знать, кого родишь, до рожденья б знать кого родишь, — не было б родителей, достойных сострадания, не было б родителей — не было б детей, разрывающих наши сердца...

В памяти Синго вдруг всплыла эта фраза из пьесы театра Но, просто всплыла, а не то что его стали вдруг мучить запоздалые сожаления.

Старый Будда ушел из мира, новый Будда в нем еще не появился. Во сне он вдруг возродится в старом слуге — кем он будет наяву? Обретя человеческий облик, возродиться в котором так трудно...¹

Злость и неистовство, охватившие Сатоко, когда она пыталась схватить за кимоно девочку-танцовщицу, должно быть, унаследованы от Фусако. А возможно, и от Аихара. Если все же от Фусако, то чья, интересно, кровь передалась ей, отца или матери?

Если бы Синго женился на старшей сестре Ясуко, у них, наверно, не родилась бы такая дочь, как Фусако, не родилась бы, наверно, и такая внучка, как Сатоко.

Странно все-таки — до сих пор Синго любит человека, умершего давным-давно.

Сейчас ему шестьдесят три, а ведь та, которая умерла, когда ей было чуть больше двадцати, была старше его.

Когда Синго вернулся домой, Фусако уже лежала в постели, обняв младшую дочь. Он увидел их потому, что фусума, отделявшие их комнату от столовой, были открыты.

— Спят.

Это сказала Ясуко, заметив, что Синго заглянул в комнату.

— «Сердце так колотится — вот-вот из груди выскочит, нужно хоть немножко успокоиться», — сказала мне Фусако, приняла снотворное и сразу же уснула.

Синго кивнул.

— Может, прикрыть?

— Сейчас, — встала Кикуко.

Сатоко лежала не шевелясь, плотно прижавшись к спине Фусако. Но глаза у нее были открыты. Станный все-таки ребенок. Лежит молча и не спит.

Синго не сказал, что ходил покупать Сатоко кимоно.

Видимо, и Фусако не рассказала матери, что натворила Сатоко.

¹ Фраза из пьесы театра Но, одного из классических жанров театрального искусства Японии, основанного в XV в.

Синго ушел в другую комнату. Кикико принесла угли.

— Присаживайся.

— Сию минуту. — Кикико вышла и вернулась с подносом, на котором стоял кувшин с водой. Для одного кувшина поднос, возможно, был бы не нужен, но рядом лежали еще цветы.

Синго взял их.

— Что это за цветы? Колокольчики?

— Нет, черные лилии...

— Черные лилии?

— Да, мне их принесла подруга, она обучает чайной церемонии. — Кикико достала из стеного шкафа за спиной Синго небольшую цветочную вазу.

— Неужели это и есть черные лилии? — не переставал удивляться Синго.

— Подруга рассказала, что, когда в государственном музее в годовщину Рикю¹ устраивалась недавно чайная церемония, там стояли черные и белые лилии — это было очень красиво. Они стояли в старинной бронзовой вазе с узким горлышком...

— Хм.

Синго смотрел на черные лилии. Их было две, и на каждом стебле по два цветка.

— Этой весной не меньше одиннадцати или даже тринадцати раз шел снег.

— Да, часто шел.

— Ранней весной, когда отмечалась годовщина Рикю, еще лежал глубокий снег. И в такую пору черные лилии — просто удивительно. В горах, наверно, нарвали.

— Цветом они немного похожи на черную камелию.

— Угу.

Кикико налила в вазу воды.

— В эту годовщину Рикю были выставлены его предсмертные стихи и меч, которым он сделал себе харакири.

— Что ты говоришь? Значит, твоя подруга обучает чайной церемонии?

— Да. В конце войны у нее погиб муж... Она еще при нем часто устраивала чайные церемонии, и теперь это ей пригодились.

— Какой же школы она придерживается?

— Школы муся-но кодзи.

Синго, незнакомый с чайной церемонией, ничего не понял.

¹ Сэн Рикю (1522–1591) — знаменитый мастер чайной церемонии.

Кикуко замерла в ожидании, чтобы поставить цветы в вазу, как только Синго выпустит их из рук.

— Они, видимо, так и растут, низко опустив головки, это не оттого, что начали вянуть.

— Да. Я ведь их сразу же поставила в воду.

— У колокольчиков головки, по-моему, низко опущены.

— Что?

— Мне кажется, эти цветы мельче, чем колокольчики, а?

— Пожалуй, мельче.

— Сначала они кажутся совсем черными, но на самом деле они не черные, а темно-фиолетовые с густым бордовым оттенком. Ладно, завтра днем рассмотрю их получше.

— На солнце они кажутся красновато-сиреневыми.

Цветы, хотя и совсем распустились, не достигали и трех сантиметров. У них было по шесть лепестков, пестик трехпалый, тычинок — пять. Листья, обращенные в четыре стороны, равномерно покрывали весь стебель несколькими ярусами. Они были маленькие, в три, три с половиной сантиметра длиной. Синго понюхал цветок.

— Пахнет неопытной женщиной, — сказал он, не подумав.

Он не имел в виду ничего плохого, но Кикуко покраснела и опустила голову.

— Запах меня разочаровал, — поправился Синго. — Понюхай сама.

— Мне бы не хотелось изучать цветы так тщательно, как это делаете вы, отец.

Кикуко стала подбирать цветы.

— Для чайной церемонии четыре цветка, правда, слишком много, но все-таки, может быть, поставить их все?

— Да, поставь.

Кикуко положила черные лилии на пол.

— В шкафу, где стояла эта ваза, должны быть маски, достань, пожалуйста.

— Сейчас.

Синго только что пришла на ум фраза из пьесы театра Но, и это напомнило ему о масках.

Он взял маску Дзидо.

— Это добрый дух — вечный ребенок. Когда я купил ее... я тебе рассказывал?

— Нет.

— Так вот, когда я купил ее, я попросил Танидзаки,

помнишь, мою секретаршу из фирмы, приложить маску к лицу. Это было так мило, я прямо поразился.

Кикуко приложила к лицу маску Дзидо.

— Шнурки сзади завязать?

Из глубины глаз маски на Синго, он это чувствовал, смотрели зрачки Кикуко.

— Маска оживает только в движении.

У Синго снова забилося сердце от чистого, но запретного чувства, которое он однажды уже испытал, когда, вернувшись домой с покупкой, едва не поцеловал маску в ее пунцовые губы, такие приятные.

Жизнь в безвестности не страшна, лишь бы сохранились цветы сердца...

Кажется, эти слова тоже из той пьесы театра Но.

Синго не мог оторвать глаз от очаровательной маски ребенка на лице Кикуко, которая поворачивала голову то в одну, то в другую сторону.

У Кикуко было маленькое личико, и ее подбородок почти целиком скрывала маска, и вдруг с чуть видневшего кончика подбородка скатилась на шею слеза. Потом стало две струйки, потом три, и они все текли и текли.

— Кикуко, — воскликнул Синго. — Сегодня, встретив подругу, ты, наверно, подумала, что если разойдешься с Сюити, то станешь тоже обучать чайной церемонии, да?

Кикуко-Дзидо кивнула.

— Но даже если мы разойдемся, я все равно буду приходить к вам и устраивать для вас чайную церемонию, — твердо сказала она из-под маски.

Вдруг послышался плач Сатоко.

Во дворе громко залаяла Тэру.

Плохо все, подумал Синго. Он почувствовал, что Кикуко прислушивается к тому, что делается у ворот: не вернулся ли Сюити, который, видимо, и по воскресеньям ходит к своей любовнице.

ДОМ ПТИЦ

1

Колокол в соседнем храме и зимой и летом звонит ровно в шесть часов утра, и Синго и зимой и летом встает чуть свет, стоит ему услышать звон колокола.

Встает чуть свет — это не значит, что он обязательно поднимается с постели. Просто он просыпается чуть свет.

Но шесть часов утра — это совсем не одно и то же зимой и летом. Храмовой колокол круглый год звонит в шесть часов, и поэтому Синго кажется, что это одни и те же шесть часов, но ведь летом в это время уже всходит солнце.

Хотя у изголовья Синго всегда лежат большие карманные часы, он редко смотрит на них — для этого нужно зажечь свет и надеть очки. Без очков ему трудно отличить длинную стрелку от короткой.

Кроме того, не бывает такого, чтобы Синго просыпал. Наоборот, он встает слишком рано.

Зимние шесть часов — это еще очень рано, но Синго не смог улежать в постели, поднялся и пошел за газетой.

С тех пор как не стало прислуги, раньше всех встает Кикуко и начинает работать по дому.

— Вы, отец? В такую рань...

Синго смутили слова Кикуко.

— Да нет, я снова лягу.

— Ложитесь. Еще и чай не вскипел.

Синго приятно, что Кикуко давно поднялась.

Уже сколько лет Синго испытывает грусть, проснувшись зимним утром в крошечной тьме.

Но приходит весна, и пробуждение Синго теплеет.

Сегодня, когда стоит уже вторая половина мая, вслед за утренним колоколом Синго услышал крик коршуна.

— А-а, опять он, — прошептал Синго и, подняв голову, прислушался.

Сделав большой круг над домом, коршун улетел, похоже, в сторону моря.

Синго встал.

Чистя зубы, он все время поглядывал в небо, но коршуна не увидел.

И все же Синго казалось, что в небе над домом еще не успел растаять по-детски тонкий крик коршуна.

— Кикуко, по-моему, кричал наш коршун, — сказал Синго, обернувшись к кухне.

Кикуко перекладывала дымящийся рис в деревянный бочонок.

— Заработалась и не слышала.

— Значит, опять к нам прилетел.

— Возможно.

— Он и в прошлом году часто кричал. В каком же это было месяце? По-моему, тоже в мае, а? Памяти совсем нет.

Синго смотрел на Кикику, и поэтому она сняла с головы ленту.

Видимо, она спит, подвязав волосы лентой.

Кикику, не закрывая бочонка с рисом, торопливо готовила Синго чай.

— Если существует наш коршун, значит, должны существовать и наши овсянки.

— Хм. Есть и наши вороны.

— Вороны?..

Синго засмеялся.

Действительно, если коршун может быть «нашим коршуном», вороны тоже могут быть «нашими воронами».

— Считается, что дом и сад принадлежат только людям, но они принадлежат и самым разным птицам тоже, — сказал Синго.

— Так можно договориться до блох и москитов.

— Не говори чепухи. Блохи и москиты не могут быть хозяевами дома. Они не зимуют в доме.

— Но блохи бывают и зимой. Значит, скорее всего, они зимуют в доме.

— Не знаю, сколько лет живут блохи, но прошлогодних блох не бывает.

Кикику, глянув на Синго, рассмеялась.

— Скоро и наша змея уже вылезет.

— Полоз, которого ты испугалась в прошлом году?

— Да.

— Еще бы, вот это — настоящий хозяин нашего дома.

Летом прошлого года Кикику, вернувшись домой с покупками, увидела у черного хода полоза и закричала от страха.

На ее крик прибежала Тэру и бешено залаяла. Собака, наклонив голову, бросалась к полозу — вот-вот вцепится в него, — отскакивала метра на полтора, потом снова подлетала, точно собираясь напасть.

Полоз, чуть приподняв голову, высунул красный язык и, даже не взглянув в сторону Тэру, медленно пополз и скрылся под порог черного хода.

По словам Кикику, он был раза в два длиннее двери — значит, больше двух метров. И толще руки.

Кикику говорила взволнованно. Ясуко же была совершенно спокойна.

— Это хозяин нашего дома. Он поселился у нас задолго до того, как ты пришла к нам.

— А вдруг Тэру загрызла бы его, что тогда?

— Он победил бы Тэру. Обвился бы вокруг нее... Тэру

поняла это, вот почему она только облаяла его — и все.

Какое-то время Кикуко трусила и не пользовалась черным ходом. Ходила только через веранду.

Все-таки было жутковато при мысли, что где-то под полом или под крышей живет огромная змея.

Но, может быть, полоз обитал на горе за домом. Он показывался редко.

Эта гора не входила во владения Синго. Он даже не знал, кому она принадлежит.

Гора вплотную подступала к дому, круто вздымаясь вверх, и для зверья, которое там обитало, сад дома Синго был естественным продолжением горы.

Цветы и листья с кустов и деревьев, росших на горе, густо сыпались прямо в сад.

— Коршун вернулся, — пробормотал Синго и тут же — оживленно: — Кикуко, коршун, кажется, вернулся.

— В самом деле. По-моему, это его крик.

Кикуко поглядела на потолок.

Некоторое время слышался крик коршуна.

— А раньше он улетал к морю?

— Да, крик как будто донесся с той стороны.

— Полетел, наверно, к морю, добыл пищу и теперь возвращается, — сказала Кикуко, и Синго подумал, что, видимо, она права.

— Выбирает место, где бы устроиться с пойманной рыбой.

— Тэру наверняка отберет.

— Нет, он взберется высоко, ей не достать.

То же было в прошлом году и в позапрошлом — каждый раз, когда Синго, просыпаясь, слышал крик коршуна, он испытывал к нему чувство, похожее на любовь.

И не один Синго — слова «наш коршун» употребляла вся семья.

Синго не знал точно, сколько было коршунов, один или два. И еще, слышал ли он из года в год крик одного и того же коршуна? Не произошла ли смена поколений? Может быть, коршуны-родители давно умерли и теперь кричат их дети? Впервые об этом Синго подумал сегодня утром.

Синго и его семье было бы приятнее не знать, что старый коршун умер в прошлом году, а в этом году кричит новый, и, в полудреме слушая его, думать, что это все тот же «наш коршун».

Удивительно, что коршун выбрал именно гору за домом Синго и поселился на ней, хотя в Камакура сколько угодно точно таких же небольших гор.

Тебя трудно повстречать, но мне удалось тебя встретить, тебя трудно услышать, но мне удалось тебя услышать, говорится в одной пьесе театра Но. Может быть, это относится и к коршуну?

И хоть коршун жил вместе с Синго и его семьей, он лишь что-то кричал им голосом, полным ласки.

2

Кикуко и Синго вставали раньше всех в доме и по утрам беседовали; если же Синго хотелось поговорить с глазу на глаз с Сюити, он мог сделать это только в электричке.

Переехали мост через реку Рокуногава — значит, вот-вот покажется лес Икэгами, подумал Синго. У него вошло в привычку смотреть по утрам из окна вагона на лес Икэгами.

Сколько лет, проезжая мимо, он смотрел на этот лес, но лишь совсем недавно обнаружил там двустволую сосну.

Она одна возвышалась надо всем лесом. Ее стволы, точно пытаясь обняться, склонили друг к другу свои вершины. А ветви так сблизились, что, кажется, уже обнимаются.

Надо всем лесом господствует эта единственная двустволая сосна, и, казалось бы, она всегда должна была бросаться в глаза, но почему-то до сих пор Синго не замечал ее. А стоило ему однажды заметить, и теперь она уже всегда бросалась в глаза.

Сегодня утром проливной дождь, и двустволая сосна едва видна.

— Сюити! — окликнул Синго. — Что с Кикуко?

— Ничего страшного.

Сюити читал еженедельник.

В Камакура на вокзале он купил два журнала и один дал отцу. Синго держал его в руках, не читая.

— Что же все-таки с ней? — тихо повторил Синго.

— Жалуется, что голова болит.

— Странно. Мне мать говорила, что вчера Кикуко ездила в Токио, а когда вернулась вечером, сразу же легла в постель, — такого еще не бывало. Мать подумала, уж не случилось ли чего с ней там, в Токио. Ужинать не стала. А когда ты вернулся в девять часов и вошел к ней в комнату, начала плакать, тихонько, чтобы мы не услышали, разве этого не было?

— Через день-другой, думаю, встанет. Ничего страшного.

— Странно. От головной боли так не плачут. По-моему, сегодня на рассвете она опять плакала.

— Да.

— Кикуко было очень неприятно, когда Фусако принесла ей в комнату поесть. Все время прятала от нее лицо... Фусако даже обиделась. Я и решил спросить у тебя, что случилось?

— Зачем нужны все эти разговоры, как будто в нашем доме следят за каждым шагом Кикуко... — Сюити сидел, не поднимая головы. — Может же она когда-нибудь заболеть, с ней ведь это не так уж часто случается.

Синго рассердился.

— Как же называется ее болезнь?

— Аборт.

Сюити сказал это резко — как выплюнул.

Синго вздрогнул. И посмотрел на противоположную скамью. Там сидели два американских солдата, и Синго завел разговор в уверенности, что они не понимают японски.

Он спросил хрипло:

— Врач делал?

— Да.

— Вчера? — пробормотал упавшим голосом Синго.

Сюити отложил журнал.

— Да.

— И в тот же день она вернулась домой?

— Угу.

— Ты ее заставил это сделать?

— Сама сказала, что сделает, а у меня не спрашивала.

— Кикуко сама? Врешь.

— Нет, правда.

— Почему? Почему у Кикуко появилась такая мысль?

Сюити промолчал.

— Ты один во всем виноват.

— Может, и так. Я ничего не мог поделать, она заупрямилась — теперь, мол, ни за что не оставлю.

— Если бы ты захотел удержать ее, то удержал бы.

— Теперь мне это не удалось бы.

— Что означает «теперь»?

— Ты сам прекрасно знаешь. В общем, она говорит, что при тех отношениях, в каких мы сейчас находимся, она не хочет ребенка.

— Она догадывается, что у тебя есть женщина?

— Видимо, да.

— Что это за «видимо, да»? — От злости у Синго сперло дыхание. — Для Кикико это почти самоубийство. Тебе не кажется? Это действительно почти самоубийство, а не простое возмущение твоим поведением.

Грозный вид отца испугал Сюити, он даже отшатнулся.

— Ты убил душу Кикико. Теперь все погребло.

— Душа у Кикико оказалась слишком уж упрямой.

— Разве она не женщина? Разве она не твоя жена? Если бы ты хорошо относился к ней, был с ней нежен, она с радостью родила бы ребенка. И никак не связывала бы это с твоей любовницей.

— Да, но она же связала.

— Кикико прекрасно знает, что мать с нетерпением ждет внука. Ведь она даже стыдилась, что долго не может родить. Избавиться от ребенка, которого она так хотела, — Кикико сделала это только потому, что ты убил ее душу.

— Ты заблуждаешься. Просто Кикико чересчур целомудренна.

— Целомудренна?

— Ей, видите ли, стало противно, что придется рожать от меня...

— Что?

— Кому нужны эти интимные подробности?

«Неужели Сюити вселил в Кикико такое презрение, такое отвращение к себе?» — подумал Синго.

— Я не могу этому поверить. Даже если Кикико и говорила тебе такое, даже если она вела себя так с тобой, все равно невозможно поверить, что в этом ее сущность. Муж говорит с такой издевкой о целомудрии жены — разве это не первое доказательство, что его любовь мелка? Кто принимает всерьез капризы любимой женщины? — Синго начал терять присутствие духа. — Что скажет Ясуко, когда узнает, что ей не дождаться внука?

— Пусть мать утешится мыслью, что у Кикико еще могут быть дети.

— О чем ты говоришь? Ты ручаешься, что она еще родит?

— Могу и поручиться.

— Твои слова доказывают лишь, что ты не боишься неба. Доказывают, что ты не любишь Кикико.

— Ты усложняешь. А ведь все так просто.

— Все так просто? Подумай, что ты говоришь. Вспомни, как плакала Кикико.

— Да нет, я не могу сказать, что не хочу ребенка, но

сейчас мы в плохом положении, у нас не все гладко, и ребенок все равно не получился бы таким, как нам хотелось бы.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, говоря, что вы «в плохом положении», но, по-моему, положение Кикуко вовсе не плохо. Если кто в плохом положении, так это ты. У Кикуко совсем не такой характер, чтобы сложа руки ждать, пока она окажется в плохом положении. Ведь ты ничего не сделал, чтобы Кикуко не приходилось ревновать тебя. Из-за этого ты и потерял ребенка. И знай, ребенком дело не ограничится.

Сюити испуганно посмотрел на Синго.

— Попробуй еще хоть раз, придя пьяным от своей любовницы, положить на колени Кикуко свои грязные ботинки и заставить ее снимать их, — сказал Синго.

3

В тот день Синго поехал по делам фирмы в банк, а потом пошел пообедать с приятелем, который там работал. Они беседовали до половины третьего. Из ресторана Синго позвонил в фирму и, не заходя туда, вернулся домой.

Кикуко с Кунико на руках сидела на веранде.

Кикуко стала поспешно подниматься, она не ожидала, что Синго придет так рано.

— Не нужно. Сиди. Я вижу, ты уже не в постели, поправились? — Синго тоже вышел на веранду.

— Поправились. Решила вот переодеть девочку.

— А Фусако?

— Взяла с собой Сатоко-тян и пошла на почту.

— Зачем ей понадобилось идти на почту? И еще ребенка на тебя бросила.

— Подожди. Сначала дадим переодеться дедушке, — сказала Кикуко девочке.

— Ничего, ничего. Переодень сначала ее.

Кикуко подняла к Синго смеющееся лицо. Из-под приоткрытых губ показался ряд небольших ровных зубов.

— Ну вот, сейчас мы переоденем Кунико.

Кикуко надела на нее яркое шелковое кимоно и повязала его узким пояском.

— Отец, в Токио тоже уже кончился дождь?

— Дождь? Когда я садился в электричку на токийском вокзале, он еще шел, а когда приехал сюда, погода уже

была прекрасная. В каком месте по дороге прояснилось, я не заметил.

— В Камакура тоже еще совсем недавно шел дождь, и, как только он прекратился, Фусако-сан отправилась на почту.

— А гора еще вся мокрая.

Девочку уложили на веранде, она подняла голые ножки и ухватилась за них — ногами она управляла легче, чем руками.

— Да, да, ну вот, давай-ка посмотрим на гору. — Кикико подстелила ей пеленку.

Низко пролетел американский военный самолет. Услышав шум, девочка повернулась в сторону горы. Самолета не было видно, но его огромная тень отпечаталась на склоне горы и уплыла. Наверно, и девочка увидела эту тень.

Синго вдруг поразило, как заблестели глаза ребенка от наивного удивления.

— Она не представляет себе, что такое воздушный налет. Как много уже родилось детей, не знающих войны. Синго взглянул на Кунико. Блеск в ее глазах исчез.

— Вот если бы удалось запечатлеть на фотографии теперешнее выражение глаз Кунико. И чтобы в них отражалась тень самолета на горе. А на другом снимке...

Ребенок погибает, его атаковал самолет.

Синго хотел сказать это, но, вспомнив, что только вчера Кикико сделала аборт, умолк.

И все же как много еще в мире детей, которых можно запечатлеть на таких двух фотографиях.

Неожиданно Кикико, подхватив под мышки девочку и придерживая ее снизу рукой с зажатой пеленкой, поспешила в ванную.

Синго вернулся в столовую, размышляя о том, что тревога за Кикико заставила его вернуться домой раньше обычного.

— Как ты рано. — В комнату вошла Ясуко.

— Где ты была?

— Мыла голову. Когда прошел дождь и снова выглянуло солнце, у меня вдруг зачесалась голова. Старая голова — вот и чешется.

— Не знаю, у меня голова не чешется.

— Наверно, тебе поставили голову лучшего качества, — засмеялась Ясуко. — Я слышала, что ты пришел, но выходить с мокрой головой не стала — побоялась, что ты рассердишься.

— Стоит ли старухе заниматься мытьем головы? Остричься наголо, а из волос сделать кисточку для взбивания чая.

— И то правда. Но кисточки для взбивания чая — так это тогда и называлось — носили на голове не только старухи. В эпоху Эдо и мужчины и женщины коротко стригли волосы и увязывали их сзади пучком, похожим на кисточку для взбивания чая. Я видела в театре Кабуки.

— Не пучком увязать, а наголо остричь, вот что я тебе предлагаю.

— Можно и так. Волос у нас с тобой еще много.

Синго понизил голос:

— Кикико уже совсем поднялась?

— Да, поднимается потихоньку... Уж очень она еще бледная и слабая.

— С ребенком возится. Лучше, наверно, не делать ей этого.

— Фусако попросила присмотреть за девочкой и положила ее в постель Кикико. Девочка тогда крепко спала.

— А почему тебе было не взять ее?

— Когда Кунико заплакала, я как раз мыла голову.

Ясуко встала и принесла Синго домашнее кимоно.

— Ты так рано вернулся, я уж подумала, не заболел ли.

Кикико, кажется, вышла из ванной и направилась в свою комнату. Синго позвал ее:

— Кикико. Кикико.

— Да.

— Давай сюда Кунико.

— Хорошо, сейчас.

Она вошла в комнату, ведя за руку девочку. Кикико успела привести себя в порядок и переодеться.

Кунико ухватила за плечо Ясуко. Ясуко, чистившая брюки Синго, протянула руку и обняла девочку за ножки.

Кикико унесла одежду Синго.

Повесив ее в шкаф, который стоял в соседней комнате, она тихо прикрыла дверцы. Увидев свое отражение в зеркале, вделанном в дверцу с внутренней стороны, Кикико испугалась. Она колебалась, не зная, вернуться ли ей в столовую или лечь в постель.

— Кикико, тебе, пожалуй, лучше лечь, — сказал Синго.

— Хорошо.

От оклика Синго Кикико вздрогнула. И, не заглянув в столовую, пошла в свою комнату.

— Тебе не кажется, что Кикико ведет себя как-то странно? — нахмурилась Ясуко.

Синго не ответил.

— Я просто ума не приложу, что с ней происходит. Встала, еле ходит, я все время боюсь, что она упадет.

— Угу.

— И все-таки надо как-то разобраться с делами Сюити. Синго кивнул.

— Может, ты поговоришь откровенно с Кикико? Я возьму Кунико и пойду с ней встречать Фусако, заодно и на ужин куплю чего-нибудь. Фусако есть Фусако.

Ясуко взяла девочку на руки и поднялась.

— Зачем Фусако понадобилось идти на почту? — сказал Синго, и Ясуко обернулась.

— Я и сама об этом подумала. Может, чтобы отправить письмо Аихара? Уже полгода, как они расстались... Да, скоро уже полгода, как она вернулась к нам. Это случилось под Новый год.

— Опустить письмо могла бы и в ближайший почтовый ящик.

— Она, наверно, думает, что если опустить письмо на почте, оно дойдет быстрее и верней. Стоит ей вспомнить своего Аихара, она теряет рассудок — тут уж ничего не поделаешь.

Синго горько улыбнулся. Он почувствовал, что Ясуко все еще на что-то надеется.

Видимо, в женщине, которой удалось до старости сохранить семью, оптимизм укореняется глубоко.

Синго поднял газету четырех-пятидневной давности, которую до этого читала Ясуко, и стал просматривать.

Там была поразительная статья: «Лотос, который цвел две тысячи лет назад».

Весной прошлого года в лодке-долбленке периода Яёи¹, найденной при раскопках на берегу реки Кэмигава у города Тиба, обнаружено три семени лотоса. Установлено, что семенам более двух тысяч лет. Профессор ботаники, специалист по лотосам, посеял эти семена и в апреле нынешнего года высадил в трех местах полученную рассаду: в прудах опытной сельскохозяйственной станции Тиба, в парке Тиба и в доме одного винодела на улице Хатамати в Тиба. Видимо, этот винодел помогал вести раскопки. Он налил в котелок воды, поместил туда рассаду и поставил его в сад. Лотос винодела расцвел первым. Профессор ботаники, которому сообщили об этом, примчался в дом

¹ Яёи — один из древнейших периодов истории Японии (III—II вв. до н. э. — II—III вв. н. э.).

винодела и стал гладить прекрасные цветы, без конца повторяя: «Расцвел, расцвел». Обо всем этом писала газета. Писала, что цветок состоит из двадцати четырех лепестков.

Под статьей была помещена фотография, на которой седеющий профессор в очках поддерживает руками распустившийся цветок лотоса. Из подписи под фотографией Синго узнал, что профессору шестьдесят девять лет.

Полюбовавшись цветущим лотосом, Синго с газетой в руках пошел в комнату Кикико.

Они занимали ее вдвоем с Сюити. На письменном столе — приданом Кикико — лежала шляпа Сюити. Рядом со шляпой — стопка почтовой бумаги: видимо, Кикико собиралась писать письмо. Ящик стола прикрыт свисающей вышитой салфеткой.

Пахло духами.

— Ну как дела? Лежи спокойно и не вставай. — Синго сел к столу.

Кикико во все глаза смотрела на Синго. Ей было не по себе оттого, что Синго не разрешил ей встать, а лежать при нем было неудобно. Щеки у нее чуть порозовели. Но лоб оставался белым, и на нем красиво выделялись густые брови.

— Семена лотоса двухтысячелетней давности дали всходы, и лотосы расцвели, видела в газете?

— Да, видела.

— Значит, видела? — пробормотал Синго и после небольшой паузы: — Будь ты с нами откровенна, хуже от этого не было бы — наоборот. Ты в тот же день вернулась домой, тебе это не повредило?

Кикико потрясли слова Синго.

— Еще в прошлом месяце ты говорила о ребенке... Я уже тогда все понял.

Кикико, лежа на подушке, покачала головой.

— Тогда я еще ничего не знала. Если б знала, постыдилась бы говорить о ребенке.

— Вот как? Сюити сказал мне, что ты слишком целомудренна... — Увидев, что на глаза Кикико навернулись слезы, Синго не стал продолжать. — Врачу ты больше не должна показываться?

— Завтра зайду.

Назавтра, когда Синго вернулся домой, Ясуко уже с нетерпением ждала его.

— Кикико уехала к родителям. Ее уложили в постель... Часа в два позвонил Сакава-сан, к телефону подошла

Фусако. Он сказал, что к ним приехала Кикуко, чувствует себя не совсем хорошо, и ее уложили в постель. Дня через два-три поправится, говорит, и тогда ее привезут обратно.

— Вот как.

— Попросил Фусако передать Сюити, что он может завтра приехать навестить ее. С ней там все время мать. Может, поэтому она и решила отлежаться у родителей.

— Ничего подобного.

— В чем же тогда дело?

Синго снял пиджак и, подняв голову, чтобы развязать галстук, сказал:

— Сделала аборт.

— Что? — Ясуко была ошеломлена. — Как же это, тайком от нас... Кикуко? Ужасная пошла молодежь.

— До чего же ты невнимательна, мама. — В столовую с Кунико на руках вошла Фусако. — Я, например, знала, что она это сделает.

— Откуда ты знала? — неожиданно для себя стал допрашивать ее Синго.

— Этого я не могу сказать. В общем, она решила на покое прийти в себя, окрепнуть.

Синго не нашелся что ответить.

ГОРОДСКОЙ ПАРК

1

— Что за человек отец! — Фусако небрежно составляла на поднос посуду после ужина. — С родной дочерью разводит больше церемоний, чем с невесткой, человеком посторонним. Правда, мама?

— Фусако, — одернула ее Ясуко.

— Разве я не права? Если он считает, что шпинат переварен, так и надо было сказать, что переварен. Да и не переварился шпинат в месиво, а почти весь цел. Лучше бы ему есть шпинат, сваренный в горячем источнике.

— Как это в горячем источнике?

— Разве не варят в горячем источнике яйца, а на пару — пирожки с фасолью? Я же сама привозила тебе яйца, сваренные в воде из радонового источника. Белок у них крутой, а желток — жидкий... Я ведь тебе уже рассказыва-

ла, что в Киото, в одной дешевой закусочной, их очень хорошо готовят.

— В дешевой закусочной?

— Да, в Киото есть такая. Бедняки ее прекрасно знают. Там и шпинат готовят хорошо.

Ясуко засмеялась.

— Так вот, если бы отец ел шпинат, сваренный по часам и при определенной температуре в воде из радонового источника, он был бы всегда бодр и здоров, даже если возле него не будет Кикико-сан, — совершенно серьезно сказала Фусако.

— Мне этот разговор неприятен. Очень уж ехидно ты обо всем судишь.

Фусако, напрягшись, с трудом подняла тяжелый поднос.

— Неужели еда становится невкусной только оттого, что с нами не изволят находиться красавец сын и красавица невестка?

Синго поднял голову и переглянулся с Ясуко.

— Перестань болтать.

— Вот так всегда. Ни слова при нем не скажи, не поплачь.

— Когда плачет ребенок, ничего не поделаешь, — пробормотал Синго, почти не раскрывая рта.

— Я не о ребенке говорю. О себе. — Фусако, пошатываясь от тяжести подноса, направилась в кухню. — Если плачет ребенок, это естественно.

Загрохотала сваленная в мойку посуда.

Ясуко встрепенулась.

Послышались сдавленные рыдания Фусако.

Сатоко, взглянув исподлобья на Ясуко, убежала на кухню.

Какой у нее тяжелый взгляд, подумал Синго.

Ясуко тоже поднялась, взяла ползавшую рядом Кунико и посадила ее на колени Синго.

— Присмотри за ней.

И ушла на кухню.

Синго обнял Кунико — она была приятная, мягонькая, и он крепко прижал ее к себе. Взял за ножки. Обе ступни, маленькие и пухлые, целиком уместились в его ладони.

— Щекотно?

Кажется, девочка не понимала, что такое «щекотно».

Синго в этом не уверен, но ему помнится, что Фусако, еще совсем крошкой, когда ее клали голеньку, чтобы

переодеть, и он слегка щекотал ее под мышками, морщила носик и махала ручками.

Синго старался не вспоминать о том, что Фусако и в детстве была некрасивой. Стоило ему вспомнить это, и перед его глазами возникало прекрасное лицо старшей сестры Ясуко.

Его надежда, что ребенок, прежде чем станет взрослым, еще много раз изменится, не оправдывалась, и с годами надежда притушилась.

Внучка, Сатоко, лицом как будто получше матери, так что не исключено, что уж Кунико вырастет совсем хорошенькой.

Может быть, облик сестры Ясуко воплотится в его внучках? От таких мыслей Синго стал сам себе противен.

Но как ни противен стал сам себе Синго, он размышлял: а вдруг старшая сестра Ясуко воплотилась бы в неродившейся внучке, в ребенке, от которого избавилась Кикико, вдруг ее девочка оказалась бы красавицей, какой еще не видел свет? Эта мысль сразила его.

Синго отпустил руку, сжимавшую детские ножки, Кунико сползла с его колен и заковыляла на кухню. Она шла, выставив вперед согнутые руки, ноги у нее заплетались, и стоило Синго крикнуть ей «осторожно», как девочка тут же упала.

Она упала вперед, перевалилась на бок и немного погодя расплакалась.

Ясуко с Кунико на руках, а следом за ней и Сатоко, вцепившаяся в подол матери, вернулись в столовую.

— Отец теперь все время погружен в свои мысли. Правда, мама? — Фусако вытирала посуду. — Когда он вернулся домой и стал переодеваться, то и нижнее и верхнее кимоно запахло справа налево, подпоясался и даже не заметил, как он странно выглядит. Вид у него был действительно странный. Такого с ним, пожалуй, еще не случилось. Что с ним произошло? Не пойму.

— Нет, однажды уже было, — невозмутимо ответил Синго. — Кикико тогда еще сказала, что на Рюкю запахи ваются кто как хочет — и справа налево, и слева направо.

— На Рюкю? Что ты говоришь? Как же это можно?

Фусако даже в лице изменилась.

— Чтобы тебя ублажить, Кикико на любые уловки пойдет, а ты и доволен. На Рюкю! Надо же придумать такое.

Синго постарался предотвратить новую вспышку.

— «Дзюбан», как называют нижнее кимоно, — это

заимствование из португальского языка. А как в Португалии запахивают его — слева направо или справа налево, я, например, не знаю.

— Это тоже ученость Кикикуо-сан?

В разговор вмешалась Ясуко:

— Летнее кимоно отец часто даже наизнанку надевает.

— Одно дело по рассеянности надеть наизнанку, другое — так глубоко задуматься, что запахнуть справа налево.

— Скажи Кунико, чтобы она сама надела кимоно. Она тоже не будет знать, как его правильно запахнуть — слева направо или справа налево.

— Отцу еще, по-моему, рано впадать в детство, — не унималась Фусако. — В общем, мама, все это довольно печально. Прошло лишь несколько дней, как любимая невестка вернулась к своим родителям, а отец уже запахивает кимоно справа налево. А его родная дочь, между прочим, вот уже полгода, как живет без мужа.

Действительно, с того дождливого предновогоднего дня, когда вернулась Фусако, прошло полгода. А зять, Аихара, молчит, и Синго с тех пор ни разу с ним не виделся.

— Да, полгода, — поддакнула Ясуко. — То, что случилось у Фусако, и то, что случилось у Кикикуо, казалось бы, никак между собой не связано, и все же...

— Почему же никак не связано? Я думаю, и то и другое связано с отцом.

— Естественно, ведь речь идет о его детях, и ему бы, конечно, хотелось разрешить ваши трудности.

Фусако, опустив голову, промолчала.

— Фусако, если тебе хочется что-то сказать, говори все начистоту. Будь откровенна до конца. Тем более что Кикикуо сейчас здесь нет.

— Я не собираюсь тебе выговаривать, может, я и не права, но мне бы хотелось, чтоб ты ел без неудовольствия, хотя еду приготовила и не Кикикуо-сан. — Фусако снова заплакала. — Посудите сами. Отец ест с недовольным лицом, не произнося ни звука. Мне после этого просто жить не хочется.

— Фусако, почему ты нам ничего не рассказываешь? Несколько дней назад ты ходила на почту. Отправляла письмо Аихара?

Фусако испуганно покачала головой.

— Больше тебе некому отправлять письма. И я подумала, что Аихара.

Ясуко говорила с несвойственной ей резкостью.

— Неужели деньги посылала? — сказала она, и Синго понял, что Ясуко тайком от него дает Фусако деньги на карманные расходы.

— Где сейчас Аихара? — Синго, ожидая ответа, повернулся к Фусако. — Дома его, кажется, нет. Примерно раз в месяц я посылаю к нему служащего из фирмы, чтобы выяснить, что у него там делается. Собственно, даже не столько для этого, сколько для того, чтобы передать его матери немного денег на жизнь. Ведь если бы ты, Фусако, жила там, то, естественно, заботилась бы о ней.

— Разумеется.

Ясуко резко спросила:

— Посылаешь служащего из фирмы?

— Не нужно лишних расспросов и разговоров. Человек верный, так что все в порядке. Если б Аихара был дома, я бы сам сходил к нему и поговорил. Придется встретиться со старухой, которая еле ноги волочит, — другого выхода нет.

— А что сейчас делает Аихара?

— Тайно торгует наркотиками, в общем, что-то вроде этого. Темная личность. Сначала пьянствовал беспорядочно, а теперь еще и сам в наркомана превратился.

Ясуко испуганно посмотрела на Синго.

Ей стало страшно не столько за Аихара, сколько за мужа, который до сегодняшнего дня тщательно все это скрывал.

Синго продолжал:

— Однако и его мать, хоть и еле волочит ноги, тоже, кажется, не живет дома. Там какие-то посторонние люди. В общем, Фусако, у тебя больше нет дома.

— Где же в таком случае все ее вещи?

— Мама, и шкаф, и бельевая корзина пустые, — сказала Фусако.

— Да? Ты ведь приехала с одним-единственным фуросики. Неужели все пошло прахом? Невероятно... — вздохнула Ясуко.

Синго подумал, что Фусако знает, где сейчас Аихара, и все еще надеется вернуться к нему.

Как же это случилось, что никто не мог удержать Аихара от падения — ни Фусако, ни Синго, ни сам Аихара? Синго посмотрел на темнеющий сад.

В десять часов, когда Синго приехал в фирму, его ждала записка от Хидэко Танидзаки:

«Заходила, чтобы встретиться с Вами и поговорить о молодой хозяйке. Зайду попозже».

Хидэко написала «молодая хозяйка», имея в виду, конечно, Кикуко.

— В котором часу приходила Танидзаки?

— Да-а я уже была здесь и как раз вытирала ваш стол — около восьми, наверно.

— Ждала?

— Да-а недолго.

Синго была неприятна привычка Нацуко без конца повторять свое тупое, тяжелое «да-а». Видимо, у нее в деревне так говорят.

— С Сюити она встречалась?

— Нет, думаю, ушла, не встретившись.

— Значит, так. Около восьми... — подумал вслух Синго.

Хидэко забежала к нему, наверно, перед работой и снова сможет зайти только в обеденный перерыв.

Еще раз посмотрев на мелкие иероглифы, которыми Хидэко исписала краешек большого листа бумаги, Синго выглянул в окно.

Даже для мая небо было слишком уж ясным.

Такое же небо Синго видел из электрички по дороге в Токио. Все пассажиры, смотревшие на небо, открыли окна.

Птицы над рекой Рокуногава сверкали серебром, на лету почти касаясь искрящейся воды. Не случайным казался и красный автобус — он ехал по мосту на север.

— Небесный тайфун. Небесный тайфун... — Синго задумчиво повторял эту строку из Рёкана, глядя на лес над озером.

— Ой! — Синго прильнул к окну.

Та сосна растет, видимо, не в лесу Икэгами. Гораздо ближе.

Двуствольная сосна, господствовавшая над лесом Икэгами, сегодня утром казалась ближе самого леса.

Точно определить расстояние до леса не удавалось, возможно, из-за того, что стояли пасмурные весенние дни.

Синго не отходил от окна, пытаясь сделать это сейчас.

Он ежедневно смотрел на сосну из окна вагона, и одна-

жды ему даже захотелось подойти к ней и установить наконец, где же она растет на самом деле.

«Ежедневно смотрел», но ведь двустволую сосну он увидел-то совсем недавно. В течение многих лет он проезжал мимо, рассеянно скользя взглядом по лесу Икэгами, в котором стоит храм Хоммондзи, и не видел ничего, кроме сплошного леса.

И вот только сегодня Синго обнаружил, что сосна растет совсем не в этом лесу. Обнаружил благодаря тому, что утренний воздух в мае удивительно прозрачен.

Так он сделал новое открытие относительно двустволой сосны со склоненными друг к другу вершинами и обнявшимися ветвями.

Вчера, когда после ужина Синго рассказал, как он посылал человека к Аихара и пытался хоть немного помочь его старухе матери, Фусако вдруг вскочила на ноги и застыла, притихшая и покорная.

Синго стало жаль Фусако, и он подумал, что кое-что он все же узнал в ее доме, но то, что он узнал, было так же неясно, как неясно, где растет двустволоая сосна.

Сосна в Икэгами, — несколько дней назад, глядя на нее из окна вагона, Синго заставил Сюити признаться в том, что Кикико сделала аборт.

Сосна перестала быть просто сосной, она стала связана с абортom Кикико. И теперь всякий раз, когда он, отправляясь на работу и возвращаясь домой, будет смотреть на эту сосну, она будет напоминать ему о Кикико.

Так было и сегодня.

В то утро, когда Сюити сделал ему свое признание, двустволоая сосна была еле различима в потоках дождя и казалась слитой с лесом Икэгами. Но сегодня сосна отделилась от леса и, ассоциируясь с абортom, приобрела, казалось, какой-то грязноватый оттенок. Может быть, оттого, что погода была слишком уж хорошая.

— Даже в погожий день человеку может быть плохо, — мрачно пробормотал Синго и, отведя взгляд от неба, видневшегося в окне его кабинета, принялся за работу.

Днем позвонила Хидэко. Сегодня она очень занята — срочно шьет летний костюм — и поэтому не может прийти.

— Значит, ты уже завалена работой?

— Да.

Хидэко немного помолчала.

— Ты звонишь из салона?

— Да. Кинуко-сан здесь нет, — прямо сказала она, на-

звав имя любовницы Сюити. — Я ждала, когда она уйдет.

— Хм.

— Алло. Я приду к вам завтра утром.

— Утром? Опять в восемь?

— Нет. Завтра я вас обязательно дождусь.

— Такое срочное дело?

— Да. Срочное дело, которое на первый взгляд может показаться и не таким уж срочным. Но, по-моему, очень срочное. Хочу поскорее все рассказать вам. Я ужасно волнуюсь.

— Ты очень волнуешься? Это связано с Сюити?

— Расскажу при встрече.

Доверять особенно «волнению» Хидэко нельзя, но Синго обеспокоила ее готовность второй раз прийти к нему, чтобы о чем-то рассказать.

Беспокойство Синго все росло, и в три часа он позвонил Кикику.

Пока прислуга звала ее, в трубке слышалась приятная музыка.

С тех пор как Кикику уехала к родителям, он не заговаривал о ней с Сюити. Избегал этого и Сюити.

Навестить Кикику в доме ее родителей Синго тоже не решался.

У Кикику совсем не такой характер, чтобы рассказывать родным о Кикику или об аборте, думал Синго. Но кто знает.

Сквозь приятную музыку в трубке послышался радостный возглас Кикику:

— ...Отец! Отец, простите, что заставила вас ждать.

— Ничего. — Синго сразу успокоился. — Как ты себя чувствуешь?

— Сейчас уже хорошо. Простите, что я так поступила.

— Ничего.

Синго не знал, что бы еще сказать.

— Отец! — снова радостно воскликнула Кикику. — Я хочу видеть вас. Можно, я приду к вам прямо сейчас?

— Прямо сейчас? А ты можешь?

— Могу. Я хочу поскорее с вами встретиться, тогда и домой будет не так стыдно вернуться. Ладно?

— Хорошо. Буду ждать тебя в фирме.

Музыка продолжалась.

— Алло. — Синго не хотелось класть трубку. — Какая хорошая музыка.

— Ой, забыла выключить... Это «Танец сильфид»

Шопена. Когда буду возвращаться домой, возьму с собой эту пластинку.

— Так ты скоро приедешь?

— Скоро. Но встречаться с вами в фирме мне бы очень хотелось. Я все думаю, где нам лучше увидеться.

Наконец Кикико назначила ему свидание в городском парке Синдзюку.

Синго сначала поморщился, но потом рассмеялся.

Видимо, Кикико решила, что ей пришла в голову блестящая мысль.

— Вы там будто заново родитесь, отец, — в парке такая чудесная зелень.

— Как-то раз я побывал в этом парке — ходил на выставку собак.

— Я бы тоже с радостью пошла с вами посмотреть на собак, — засмеялась Кикико. В трубке все еще звучал танец сальфид.

3

Как Синго и договорился с Кикико, он вошел в городской парк через ворота Окидомон. Около входа висело объявление: плата за прокат детской коляски — тридцать иен в час; плата за прокат циновки — двадцать иен в день.

По дорожке шли американцы, муж с женой, он нес девочку, она вела на поводке немецкого пойнтера.

В парке были и другие посетители, но, кроме этой молодой американской пары, не было никого, кто бы так спокойно прогуливался по дорожке.

Синго пошел вслед за ними.

Слева от дорожки — густые заросли гималайского кедра, похожего на лиственницу. Когда Синго был однажды в этом парке на благотворительном приеме, устроенном обществом любителей животных, он уже видел мощные гималайские кедры, но сейчас он никак не мог припомнить, в каком месте они росли.

У деревьев справа от дорожки висела табличка: не то «туя», не то «декоративная сосна» — иероглифы были какие-то смазанные.

Синго решил, что он пришел первым, и медленно направился по дорожке, упиравшейся в пруд. На скамейке у самого берега спиной к дереву гинкго сидела Кикико.

Она обернулась и, встав, поклонилась ему.

— Ты пришла раньше, чем мы договорились. До поло-

вины пятого еще целых пятнадцать минут, — посмотрел на часы Синго.

— Когда вы мне позвонили, я так обрадовалась, что сразу же выбежала из дому. Я просто передать не могу, как обрадовалась, — быстро заговорила Кикико.

— Вот видишь, тебе пришлось ждать. Ты не слишком легко одета?

— Пожалуй. Этот свитер — он сохранился еще с тех пор, как я была студенткой, — смутилась Кикико. — Дома у родителей совсем ничего не осталось из моей одежды. Если бы сестра не одолжила свое кимоно, то я, наверно, и прийти бы не смогла, сегодня прохладно.

Кикико — самая младшая из восьми сестер и братьев, все сестры вышли замуж и живут отдельно, — значит, говоря о сестре, она, наверно, имела в виду жену брата.

Темно-зеленый свитер был с короткими рукавами, и Синго впервые в этом году увидел обнаженные руки Кикико.

Оттого, что Кикико убежала к родителям, она держалась несколько скованно, и Синго стало жаль ее.

Не зная, как начать разговор, Синго сказал приветливо:

— Ты вернешься к нам в Камакура?

— Да. — Кикико кивнула. — Я бы хотела вернуться.

Она повела плечами и посмотрела на Синго. Синго не заметил, как она повела плечами, его поразил аромат, исходивший из Кикико.

— Сюити навещал тебя?

— Да. Но если бы вы мне не позвонили...

То ей трудно было бы вернуться, — наверно, это она имеет в виду?

Кикико запнулась и нырнула в заросли гинкго.

До грузности сочная зелень, казалось, обрушивается на ее тонкую шею.

На маленьком островке посреди пруда — это был чисто японский пейзаж — забавлялся с проституткой американский солдат. На скамейке у пруда сидела молодая парочка.

Следуя за Кикико, Синго вышел к лужайке, справа от пруда.

— Какая большая, — удивился он.

— Вы здесь будто заново родитесь, отец. — Кикико, видимо, гордилась, что привела сюда Синго.

Но Синго, остановившись у мушмулы, которая росла у самой тропинки, не решался ступить на сочную траву лужайки.

— Какая прекрасная мушмула. Ее никто не тревожит, и она свободно раскинула даже нижние свои ветки.

Синго был восхищен тем, как свободно и естественно росло дерево.

— Чудесная форма. Когда я однажды, — давно это было, — пришел сюда посмотреть на собак, меня просто потрясли огромные гималайские кедры с широко раскинутыми ветвями. Интересно, в какой части сада это было?

— Ближе к Синдзюку.

— Совершенно верно, я, кажется, действительно входил со стороны Синдзюку.

— Вы мне уже говорили по телефону, что ходили сюда посмотреть на собак, да?

— Да. Собак было не так уж много, это был благотворительный прием в парке, устроенный обществом охраны животных. Японцев пришло мало, зато иностранцев — очень много. Служащие оккупационных войск, дипломаты — целыми семьями. Было лето. Индийские девушки в красных и светло-голубых шелках были удивительно красивы. На каждом шагу киоски с американскими и индийскими товарами. В то время такая редкость.

Это было всего несколько лет назад, но Синго не мог вспомнить точно, в каком году.

Разговаривая, Синго внимательно осматривал мушмулу.

— Надо будет выкорчевать аралию, которая глушит нашу вишню. Когда вернешься домой, непременно напомни мне, ладно?

— Непременно.

— Я люблю нашу вишню за то, что у нее не подрезаны ветки.

— Конечно, чем больше веток, тем больше цветов... Помните, в прошлом месяце, как раз когда зацвела вишня, мы с вами слушали храмовые колокола — было семисотлетие буддийской столицы.

— Неужели ты помнишь?

— Я никогда, никогда в жизни этого не забуду. И еще мы слушали крик коршуна.

Киуко вплотную подошла к Синго, и, пригнувшись под ветвями могучей дзельквы, они вышли на огромный газон.

У Синго забилось сердце, когда он увидел бескрайний, уходивший вдаль зеленый ковер.

— Какое раздолье. Даже представить себе невозможно, что мы в Японии, да еще в самом центре Токио. —

Синго смотрел на огромный зеленый газон, расстилавшийся в сторону Синдзюку.

— Видимо, позаботились о висте, она необычайно глубока.

— А что такое виста?

— Это перспектива. Посмотрите, какими мягкими изгибами уходит вдаль зелень и петляющая среди нее дорожка.

Кикуко рассказала, что однажды после уроков они пришли сюда всем классом, и учитель им все объяснил. Он сказал, что этот огромный газон, на котором беспорядочно росли вековые деревья, распланирован на английский манер.

На газоне видны были сплошь молодые парочки. Одни лежали, другие сидели, некоторые прогуливались. Кое-где виднелись группы студенток по пять-шесть человек и дети. Рай для влюбленных, подумал пораженный Синго и почувствовал, что ему делать здесь нечего.

Может быть, молодежь ведет себя так свободно потому, что находится в свободном парке, который уже не принадлежит императорскому дому.

Хотя Синго и вышел на газон вместе с Кикуко и теперь они проходили мимо парочек, назначивших здесь свидание, никто не обратил на них ни малейшего внимания. Синго старательно обходил их.

Интересно, о чем думает сейчас Кикуко. Старый свекор пришел с невесткой в парк, — казалось бы, ничего особенного, но для Синго это было непривычно.

Когда Кикуко по телефону договаривалась с ним о встрече в парке Синдзюку, Синго не придавал этому никакого значения, но сейчас предложение Кикуко казалось ему странным.

На газоне несколько огромных деревьев возвышалось над всеми остальными, и Синго, привлеченный их мощью, направился к одному из них.

Приближаясь к могучему дереву и неотрывно глядя на него, Синго почувствовал, как оно вливает в него сочность и мощь своей зелени, как природа смывает уныние с него и с Кикуко. «Вы там будто заново родитесь, отец», — как она права, подумал Синго.

Это было тюльпанное дерево. Подойдя ближе, Синго увидел, что перед ним целых три дерева, хотя издали они казались одним. Цветы их похожи на лилии. Похожи они и на тюльпаны, отчего дерево и называют тюльпанным, — так было написано на табличке. Родина — Северная

Америка, растет быстро, возраст — около пятидесяти лет.

— Неужели только пятьдесят? Значит, моложе меня, — удивленно смотрел на дерево Синго.

Покрытые большими листьями ветви раскинулись так широко, что свободно могли укрыть двух человек.

Синго опустился на скамейку, но ему не сиделось.

Кикуко даже удивилась, что Синго так быстро встал.

— Пойдем к тем цветам, — сказал Синго.

Вдалеке, на другой стороне газона, ярким пятном выделялись белые цветы, — возможно, это была клумба, — достигавшие высоты склоненных веток тюльпанного дерева. Когда они пересекли газон, Синго сказал:

— В этом парке устраивали торжественную встречу генералам — героям русско-японской войны. Мне тогда не было и двадцати. И я еще жил в деревне.

По обеим сторонам клумбы в ряд стояли деревья, Синго сел на скамейку между ними.

Кикуко осталась стоять.

— Я вернусь завтра утром. Попросите маму, чтобы не ругала меня... — С этими словами Кикуко села рядом с Синго.

— Если хочешь мне что-нибудь сказать до того, как вернешься домой...

— Вам, отец? Мне о многом хотелось бы поговорить с вами.

4

На следующее утро Синго проснулся в хорошем настроении, но ему пришлось уйти из дому до того, как вернулась Кикуко.

— Она просила, чтобы ты не ругала ее, — сказал он Ясуко.

— Не ругала? Да я сама должна перед ней извиниться. — У Ясуко просветлело лицо.

Синго сказал лишь, что разговаривал с Кикуко по телефону.

— Кикуко всегда прислушивается к твоему мнению.

Ясуко вышла в переднюю проводить Синго.

— Ну ладно. Всего хорошего.

Не успел Синго приехать в фирму, как пришла Хидэко.

— О-о, да ты похорошела. И даже цветы принесла? — приветливо встретил ее Синго.

— В салон я все равно уже опоздала, и у меня было много времени, поэтому я шла по улице не спеша. А цветочница показалась мне такой симпатичной.

Хидэко с серьезным лицом подошла к Синго и написала пальцем на столе: «Без свидетелей».

— Что?

Синго даже растерялся.

— Выйди, пожалуйста, ненадолго, — сказал он Нацуко.

Пока Нацуко выходила из комнаты, Хидэко нашла цветочную вазу и поставила в нее три розы. Платье, видимо, форменное для девушек из салона, немного полнило Хидэко.

— Простите, что вчера не дождалась вас. — Губы у Хидэко были странно напряжены. — Два дня подряд вас беспокою, и...

— Ну что ты. Садись.

— Благодарю. — Хидэко села и потупилась.

— Сегодня ты из-за меня опоздаешь?

— Да. Ничего не поделаешь.

Хидэко подняла голову и посмотрела на Синго — она прерывисто дышала, вот-вот расплачется.

— Можно рассказывать? Я ужасно возмущена и поэтому, наверно, так волнуюсь.

— Ну?

— Это касается молодой хозяйки. — Хидэко запнулась. — Она, видимо, прервала беременность.

Синго промолчал.

Откуда это известно Хидэко? Сюити вряд ли разболтал. Но ведь любовница Сюити работает в одном салоне с Хидэко. Синго забеспокоился.

— То, что она прервала беременность, это еще полбеды... — Хидэко снова запнулась.

— Кто тебе об этом сказал?

— Деньги на врача Сюити-сан взял у Кинуко-сан.

У Синго сжалось сердце.

— Мне это показалось кощунством. Такой поступок очень оскорбителен для женщины. Сюити-сан совсем бесчувственный. И мне стало так жалко молодую хозяйку, так жалко. Сюити-сан, наверно, дает деньги Кинуко-сан и поэтому считает их как бы своими, но все равно это очень непорядочно. Сюити-сан просто ни с кем не считается. Ведь такие деньги он мог бы достать где угодно. Разве это хорошо — ни с кем не считаться?

Хидэко с трудом сдерживала дрожь.

— Кинуко-сан тоже хороша — безропотно отдала ему

деньги. Я ее совсем не понимаю. Я злюсь на нее, все это мне ужасно противно, я даже хочу уйти из салона, чтобы не видеть ее. Вот почему я и пришла поговорить с вами. Я понимаю, что не должна была надоедать вам своими пустыми разговорами, но...

— Наоборот, я благодарен тебе.

— Вы ко мне так хорошо относились, когда я у вас работала, и молодая хозяйка, хоть я ее видела мельком, очень понравилась мне, вот я и решила все рассказать вам.

Глаза Хидэко, полные слез, блестели.

— Сделайте так, чтобы они расстались.

— Хм.

Она имела в виду, разумеется, Кинуко, но Синго в ее словах слышалось другое: сделайте так, чтобы Сюити и Кикико расстались.

Так он был потрясен и растерян.

Синго поразило бездушие, нравственное падение Сюити, ему казалось, что и он, Синго, погружается в ту же трясицу. Его охватил страх.

Хидэко сказала все, что хотела, и собралась уходить.

— Подожди, — стал вяло удерживать ее Синго.

— Я к вам еще забегу. А сегодня лучше уйду, мне так стыдно, так хочется плакать.

Синго почувствовал, какая Хидэко добрая и чистая девушка.

Раньше он возмущался черствостью Хидэко, поступившей по рекомендации Кинуко в салон, где та работала, но насколько Сюити, да и он сам, черствее Хидэко.

Синго растерянно смотрел на пунцовые розы, оставленные Хидэко.

Кикико слишком целомудренна, чтобы родить ребенка от Сюити, у которого есть женщина, но не оказалось ли целомудрие Кикико растоптанным?

Синго невольно закрыл глаза, представив себе, что сейчас, в эту самую минуту, Кикико, ничего не подозревая, возвращается в их камакурский дом.

СЛЕД ОТ РАНЫ

1

В воскресенье утром Синго стал спиливать аралию, разросшуюся у ствола вишни.

Если не подкопать корни, аралию все равно не выкорчевать, думал Синго и бормотал про себя:

— Ничего, как только появятся новые побеги, сразу же срежу.

Он уже не раз спиливал аралию, а она разрасталась все гуще. Но Синго никогда не любил корчевания. Да и сил на это у него уже не хватало.

Спиливать побеги аралии не составляло никакого труда, но их было так много, что Синго даже вспотел.

— Давай я тебе помогу, — подошел к нему Сюити.

— Не надо, — сухо сказал Синго.

Сюити продолжал стоять.

— Меня послала Кикуко. Отец, сказала она, спиливает аралию, пойдй помоги ему.

— Вот как. Ничего, мне осталось немного...

Синго сел на кучу спиленных веток и посмотрел в сторону дома — на веранде, прильнув к стеклянной двери, стояла Кикуко. На ней было яркое оби.

Сюити взял с колен отца пилу.

— Срезать все подряд?

— Да.

Синго смотрел, как ловко работает Сюити.

На землю легли последние побеги аралии.

— Эти тоже спиливать? — обернулся Сюити.

— Нет, нет. Подожди. — Синго поднялся. Рядом росло несколько молодых вишенок. Видимо, они идут от корня главного ствола, — значит, это просто ветки, а не самостоятельные деревца, подумал он.

У подножия толстого ствола тоже росли короткие ветки, покрытые листьями. Синго отошел на несколько шагов.

— Пожалуй, вот эти ветки, которые не от ствола, а из земли растут, лучше бы срезать, — сказал он.

— Ты думаешь?

Сюити все не решался спилить деревца вишни. Мнение Синго не казалось ему разумным.

В сад вышла Кикуко.

Сюити показал пилой на молодые деревца вишни.

— Отец никак не решит, что с ними делать — спиливать или нет, — засмеялся он.

— По-моему, лучше спилить, — не задумываясь, ответила Кикико.

Синго обернулся к Кикико.

— Никак не могу разобрать — ветки это или нет.

— Такого не бывает, чтобы ветки росли из земли.

— Как же называются ветки, которые идут от корня? — засмеялся Синго.

Синго начал молча спиливать молодые вишенки.

— А вот ветки на вишне, я думаю, нужно оставить, пусть растут свободно и привольно. Аралию я срезал именно потому, что она мешала им, — сказал Синго. — Да, нужно оставить небольшие ветки у подножия ствола.

Кикико посмотрела на Синго.

— На этих нежных веточках, похожих на палочки для еды или на зубочистки, цвели такие прелестные цветы.

— Просто не верится. Неужели даже цветы на них были? Я и не заметил.

— Были. На каждой веточке по два-три цветка и даже на совсем крохотных, с зубочистку, — по цветку.

— Интересно.

— Веточки, конечно, вырастут, но пока эти неясные веточки станут такими же мощными, как нижние ветви на той мушмале в парке Синдзюку, я стану старухой.

— Ну что ты. Вишня растёт быстро, — сказал Синго и посмотрел в глаза Кикико.

Синго не рассказал ни жене, ни Сюити, что ходил с Кикико в парк Синдзюку.

Неужели Кикико, не успев вернуться домой, сразу же разоткровенничалась с мужем? Нет, она не разоткровенничалась, а, скорее всего, не придавая этому никакого значения, просто рассказала ему обо всем.

Сюити, видимо, трудно было произнести: «Значит, вы с Кикико встречались в парке Синдзюку», — и, наверно, сказать об этом первым должен был Синго. Но оба промолчали. Что-то мешало обоим. Может быть, то, что Сюити, зная обо всем от Кикико, сделал вид, что ему ничего не известно.

Во всяком случае, Кикико не подавала знака, чтобы он молчал.

Синго смотрел на крохотные ветки на стволе вишни. Он рисовал в своем воображении, как эти слабенькие, непонятно откуда появившиеся, едва наметившиеся молодые побеги раскинутся мощно и широко — не хуже, чем ниж-

ние ветви деревьев в парке Синдзюку. Это, конечно, изумительное зрелище, когда дерево привольно, чуть ли не до земли, раскидывает ветви, обильно усыпанные цветами, но на вишне таких веток он не видел ни разу в жизни. Он не припоминает даже, чтобы он видел когда-нибудь огромные вишневые деревья, на стволе которых ветви растут от самой земли.

— Куда отнести спиленные ветки? — спросил Сюити.

— Сложи где-нибудь в дальнем углу.

Сюити сгреб их в охапку и понес — за ним, подобрал несколько веток, пошла Кикуко.

— Не надо, Кикуко... Тебе нельзя, — заботливо сказал Сюити.

Кикуко кивнула и, положив обратно ветки аралии, осталась на месте.

Синго вошел в дом.

— Зачем Кикуко пошла в сад, что она там делает? — Ясуко, чинившая старую сетку от москитов, чтобы укрывать ею младшую девочку во время дневного сна, сняла очки. — В воскресенье они оба в саду — такого еще не бывало. С тех пор как Кикуко вернулась, они, по-моему, в хороших отношениях. Удивительно.

— Все-таки Кикуко невеселая, — пробормотал Синго.

— Нет, нельзя сказать, что она все время грустит, — сказала Ясуко решительно. — Кикуко ведь очень улыбкива, у нее уже давно не было таких веселых глаз. Когда я вижу улыбающееся лицо Кикуко, теперь, правда, похудевшее, я...

— Хм.

— Может, и Сюити станет теперь возвращаться домой пораньше и по воскресеньям не будет никуда уходить; как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Синго сидел молча.

В комнату вошли Сюити и Кикуко.

— Отец, Сатоко сорвала молодые побеги вишни, которые ты так оберегал. — С этими словами Сюити протянул Синго крохотные веточки. — Я думал, Сатоко интересно и она тоже ломает аралию, а она, оказывается, срывала побеги вишни.

— Вот так-то. Ветки, сорванные ребенком, — сказал Синго.

Кикуко стояла, наполовину спрятавшись за спиной Сюити.

Когда Кикико вернулась домой, Синго получил от нее в подарок электрическую бритву. Ясуко — пояс для кимоно, Фусако — детские кимоно для Сатоко и Кунико.

— Сюити она что-нибудь подарила? — спросил Синго у Ясуко.

— Складной зонт. И еще, кажется, купила ему американскую гребенку. С зеркальцем на футляре... Дарить гребенку — плохая примета, но Кикико, видимо, не знает этого.

— Американскую можно.

— Кикико и себе купила такую же. Только другого цвета и поменьше. Фусако увидела и начала: «Какая хорошенькая», — и Кикико сразу же подарила ей. Кикико возвратилась домой после ссоры, и ей, наверно, хотелось, чтобы у нее и Сюити были одинаковые гребенки. Фусако не должна была выпрашивать. У Кикико ведь только одна была, какая Фусако неделикатная. — Ясуко была недовольна дочерью. — Кимоно для Сатоко и Кунико — из прекрасного шелка, нарядные, праздничные. Правда, самой Фусако подарка не было, но ведь ее дети получили, значит, и она получила. И еще забирает гребенку, — конечно, Кикико подумала, что поступила плохо, ничего не купив Фусако. Да и вообще, после того, что произошло, Кикико вполне могла возвратиться без подарков.

— Конечно.

Синго был согласен с Ясуко, и еще им владело уныние, причины которого Ясуко были неведомы.

Чтобы купить подарки, Кикико пришлось ввести в расход своих родителей. Чтобы сделать жене аборт, Сюити пришлось взять деньги у Кинуко. Значит, можно предположить, что и Сюити и Кикико сидят без денег. Кикико обратилась к Сюити лишь затем, чтобы он оплатил врача, а деньги на подарки попросила у родителей — это несомненно.

Теперь Синго пожалел, что уже давно перестал давать Кикико деньги на карманные расходы. Не то чтобы он и раньше не думал об этом, просто ему было неприятно тайком давать ей деньги, словно бы за то, что она хорошо к нему относится, хотя с Сюити у них такие отношения, что впору развестись. Но, с другой стороны, видеть, в каком положении находится Кикико, и ничем ей не помочь — не значит ли это поступить так же, как Фусако, отобравшая у нее гребенку?

Кикуко, оказавшаяся без денег из-за того, что ее муж ведет разгульную жизнь, вынуждена была просить деньги у отца. Но если бы Синго был более чуток, Кикуко не выпал бы на долю еще и такой позор — сделать аборт на деньги любовницы мужа.

— Мне было бы приятнее, если бы она не привозила никаких подарков, — размышляла вслух Ясуко. — Все вместе стоило ей довольно дорого. Как ты думаешь, сколько?

— Действительно, сколько?

Синго попытался подсчитать в уме:

— Сколько стоит бритва — понятия не имею. Я такой хорошей еще ни разу не видел.

— Ну да, разумеется, — кивнула Ясуко. — Даже если б ты просто выиграл ее в лотерею, и то она показалась бы тебе великолепной. А тем более ты получил ее от Кикуко. Она что — шумит, крутится?

— Никакие колесики не крутятся.

— Как не крутятся? Крутятся, конечно. Если бы не крутились, она бы не брила.

— Нет, сколько ни рассматривал, колесики не крутятся.

— Что ты говоришь? — Ясуко ухмыльнулась.

— Для тебя она бесценна хотя бы потому, что ты радуешься ей, как ребенок. Каждое утро уу-уу, жи-жи. Выглаживаешь подбородок, когда завтрак уже давно готов, — и сам доволен, и Кикуко не нарадуется, глядя на тебя. Это, конечно, очень приятно, но...

— Так уж и быть, дам тебе тоже разок побриться, — засмеялся Синго. Ясуко укоризненно покачала головой.

В день, когда Кикуко вернулась домой, Синго пришел из фирмы вместе с Сюити, и в тот вечер в столовой подарок Кикуко — электрическая бритва — пользовался всеобщим вниманием.

Бритва и остальные подарки разрядили напряженную атмосферу, заменили, так сказать, первое приветствие, когда Кикуко, уехавшая вдруг, без предупреждения, к своим родителям, вернулась в семью Сюити, по вине которого она сделала аборт.

Даже Фусако обрадовалась — надела на девочек кимоно, похвалила вышивку вокруг ворота и рукавов, а Синго, прочитав инструкцию, сразу же стал бриться.

Вся семья внимательно следила за тем, что делает Синго: ну как, мол?

Синго, зажав в одной руке бритву и вода ею по подбо-

родку, а из другой не выпуская инструкцию, сказал:

— Написано, что и женщины могут легко подбривать себе волосы на затылке.

И посмотрел на Кикико.

У Кикико очень красиво росли волосы над ушами и лбом. Синго раньше не обращал на это внимания. А ведь линия волос была и правда удивительно изящна.

Нежная кожа и густые блестящие волосы создавали ощущение чистоты.

Обычно бледное лицо Кикико чуть порозовело, радостно заблестели глаза.

— Отец получил прекрасную игрушку, — сказала Ясуко.

— Какая же это игрушка? Продукт цивилизации. Точный прибор. На нем даже выбит номер, указано, кто изготовил, проверил, собрал, стоит фамилия ответственного.

Синго в прекрасном расположении духа водил бритвой по волосу и против волоса.

— Раздражения никакого, бреет чисто, ни мыла, ни воды не нужно, — сказала Кикико.

— Конечно. У старого человека лезвие обычной бритвы то и дело задевает морщины. Так что и тебе электрическая бритва не помешает. — Синго протянул ее Ясуко.

Ясуко, противясь, отпрянула назад.

— Зачем, у меня же нет бороды.

Синго внимательно рассматривал колесики бритвы, потом надел очки и еще раз тщательно осмотрел их.

— Нет, колесики не крутятся — как же все-таки она бреет? Мотор крутится, а колесики стоят на месте.

— Покажи-ка.

Синго передал бритву Ясуко.

— И правда. Колесики в самом деле стоят на месте. Хотя и в пылесосе тоже ничего не крутится. Но пыль-то он все равно втягивает.

— Непонятно еще, куда деваются срезанные волосы, — сказал Синго, и Кикико, потупившись, рассмеялась.

— Такую бритву тебе подарили! За это мог бы купить пылесос. Или стиральную машину. Для Кикико это было бы большим подспорьем.

— Пожалуй, — ответил Синго.

— У нас в доме нет ни одного из этих продуктов цивилизации. Возьми тот же холодильник, сколько лет все обещаешь — куплю, куплю, а мы до сих пор без него. Или, например, тостер: готов тост — раз, и выскакивает, и тостер сам выключается, разве не удобно?

— Бабкина идея домашней электрификации.

— Сделал бы хоть для Кикико, ты ведь любишь ее, а чтобы слово сдержать — где там.

Синго наконец выключил бритву. В футляре лежало две щеточки, одна вроде маленькой зубочистки, другая крохотный ершик, как для мытья бутылок. Синго испробовал обе. Щеточкой, похожей на ершик, он прочистил прорези колесиков и, посмотрев случайно вниз, увидел на коленях седые волосы, высыпавшиеся из бритвы. Раньше он не заметил их — потому, видимо, что они седые.

Синго тщательно стряхнул волосы с колен.

3

Синго сразу же купил пылесос.

Его иногда даже забавляло, как по утрам, еще до завтрака, сливаются завывание пылесоса и жужжание электрической бритвы.

Эти звуки принесли в дом что-то новое.

Пылесос поразил воображение Сатоко, и она неотступно следовала за Кикико, когда та убирала дом.

Может быть, благодаря электрической бритве Синго увидел сон о бороде.

Во сне он был не действующим лицом, а зрителем. Но поскольку это был сон, четко отделить действующее лицо от зрителя было невозможно. К тому же события происходили в Америке, где он ни разу в жизни не был. Синго подумал потом, что Америка появилась во сне, наверно, из-за американской гребенки, которую Кикико купила в подарок Сюити.

В его сне Америка оказалась разделенной на штаты, где живут, например, одни англичане или где живут одни испанцы. И, следовательно, цвет бороды зависит от штата. Проснувшись, Синго уже не помнил, как различались по цвету и форме бороды, но во сне он точно определял бороды, характерные для каждого штата, то есть для каждой расы. В одном из штатов — название он забыл, когда проснулся, — появился человек, в бороде которого сочетались особенности бород всех рас штатов. Причем в бороде этого человека не просто смешались волосы разных рас, нет, она состояла из разных видов бород — кусок французской, кусок индийской... Таким образом, борода этого человека состояла из прядей, принадлежавших всем расам всех штатов Америки.

Американское правительство объявило бороду этого человека национальной реликвией. И поскольку его борода была объявлена национальной реликвией, он не имел права не только стричь ее самовольно, но даже просто расчесывать.

Таков был сон. Синго отчетливо видел разношерстную бороду этого человека и воспринимал ее как свою собственную. Гордость и в то же время растерянность бородача передались Синго.

Сюжета почти никакого не было — просто сон, в котором Синго видел бородача.

Борода была, разумеется, длинная. Каждое утро Синго дочиста выбривался, возможно, поэтому ему и приснился сон о бесконечно длинной бороде, и все-таки было странно, почему вдруг эту бороду объявили национальной реликвией.

Любопытный сон, радовался Синго, утром обязательно расскажу — и опять уснул под шум дождя, но вскоре проснулся: ему снова приснился сон, ужасный сон.

Синго гладил чью-то висящую, заостряющуюся книзу грудь. Грудь была мягкая, бесчувственная. Она не напряглась — значит, женщина никак не отзывалась на прикосновения Синго. Это было неприятно.

Синго гладил грудь женщины, но не знал, кто она. И не только не знал, но и не задумывался, что это за женщина. Сначала у нее не было ни лица, ни тела — только две груди, колыхавшиеся в пустоте. Но потом, когда он подумал, кто бы это мог быть, пустота превратилась в младшую сестру одного из товарищей Сюити. Однако это не вызвало у Синго ни стыда, ни возбуждения. Он, правда, не мог с уверенностью сказать, что это та самая девушка, облик был расплывчат. Грудь еще не рожавшей женщины, но Синго не был уверен, что она не знала мужчины. Он был потрясен, когда вдруг увидел следы ее невинности на своих пальцах. Что же теперь делать, подумал он и решил — не так уж все это страшно.

— Скажу, что она была спортсменкой, — прошептал Синго.

Словно испугавшись этих слов, сон рассыпался.

— Фу, как противно. — Синго вдруг вспомнил, что это были предсмертные слова Мори Огай¹. Он прочитал их как-то в газете.

Очнувшись от отвратительного сна и сразу же вспо-

¹ Мори Огай (1862–1922) — известный японский писатель.

мнив предсмертные слова Мори Огай, Синго связал их со словами, произнесенными им во сне, и понял — это была попытка самооправдания.

Во сне Синго не испытал ни любви, ни радости. Непристойный сон, непристойные воспоминания. Как это противно, ужасно противно. Тягостное пробуждение.

Во сне Синго не обесчестил девушку, но, возможно, собирался обесчестить. И даже если бы он, трепеща от вожделения и страха, обесчестил ее, что бы изменилось? Проснувшись, он продолжал бы влачить свое жалкое существование.

Синго вспоминал непристойные сны, которые он видел в последние годы, — в них он всегда имел дело с вульгарными женщинами. Такой же была и девушка сегодня ночью. Может быть, он даже во сне боится нравственных мук за прелюбодеяние.

Синго вспомнил младшую сестру товарища Сюити. До того как в их дом пришла невесткой Кикуко, Сюити несколько раз встречался с ней и собирался даже сделать ей предложение.

— Ой! — Синго точно громом поразило.

Не Кикуко ли обратилась в эту девушку из сна? Не приняла ли Кикуко облик младшей сестры товарища Сюити потому, что даже во сне Синго свято хранил нравственность? И не исключено, что и эту девушку, заменившую Кикуко, он заменил еще более вульгарной девицей, чтобы скрыть свою безнравственность, чтобы избежать мук совести.

Если бы можно было во всем потакать своим желани-ям, если б можно было построить жизнь так, как ему хотелось, то разве бы не стремился он к одному — вечно любить Кикуко, Кикуко-девушку, Кикуко, которая еще не стала женой Сюити?

И эта его сокровенная мечта, подавленная, изуродованная до неузнаваемости, появилась во сне как что-то жалкое и непристойное. Наверно, и во сне Синго не давал этой мечте вырваться наружу, обманывал себя. Он выбрал девушку, которой собирался сделать предложение Сюити до Кикуко, и к тому же видел ее как в тумане только потому, что до крайности боялся, чтобы женщиной из сна не оказалась Кикуко.

Позже, вспоминая о своем сне, Синго задавал себе вопрос: не потому ли так быстро потускнела женщина из сна, так быстро потускнела нить сна и он ничего не запомнил, не потому ли рука, гладившая грудь, не чувствовала

никакой радости, что в то мгновение, когда он проснулся, одновременно проснулась и хитрость, погасившая сон?

— Это только сон. Борода, объявленная национальной реликвией, — сон. А в толкование снов я не верю. — Синго потер ладонью лицо.

Сон был тягостный, он сковал тело холодом, и Синго проснулся в липком поту.

После сна о бороде дождь, который до этого был едва слышен, порывами ветра обрушило на дом. Пробиваясь сквозь щели, вода залила даже циновки, устилавшие пол в комнатах. Судя по шуму, дождь переходил в бурю.

Синго вспомнил написанную тушью картину Кадзана Ватанабэ¹, которую он видел несколько дней назад в доме своего приятеля. На ней был изображен ворон, сидящий на верхушке засохшего дерева, и называлась она «Мрачный ворон в рассветной мгле, майский дождь. Нобори».

Прочтя трехстишие, Синго, казалось, понял смысл картины и настроение Кадзана.

Ворон на верхушке высохшего дерева дожидается расвета под дождем, на ветру. Бледной тушью художнику удалось передать сильный порывистый ветер, расшвыривающий потоки дождя. Синго забыл, как выглядело дерево, помнил только, что у него был толстый ствол и ветки обломаны. А вот облик ворона четко врезался ему в память. То ли оттого, что ворон только что спал, то ли оттого, что вымок на дожде, а скорее всего по обоим причинам он был весь взъерошенный. С длинным клювом. Сверху клюв иссиня-черный и казался еще толще, чем на самом деле. Глаза открыты, но ворон был совсем сонный, наверно, еще не окончательно проснулся. Пронзительные, пожалуй даже злые, глаза. Ворон казался огромным.

Синго знал только, что Кадзан был беден и покончил с собой, сделав харакири. Но Синго почувствовал вдруг настроение, охватившее некогда художника.

Приятель повесил картину, лишь сообразуясь с сезоном.

— Какой сильный, могучий ворон, — сказал ему Синго. — И неприятный.

— Почему же? Во время войны я часто видел этих птиц и каждый раз думал — какая мерзость. Мерзкий ворон. И все-таки в нем есть мощь и покой. Но знаешь, если делать

¹ Кадзан Ватанабэ, настоящее имя Нобори (1793–1841) — ученый, политический деятель и художник. Обвиненный в нарушении закона о «закрытии страны», был посажен в тюрьму, где сделал себе харакири.

харакири по той же причине, что и Кадзан, то сколько раз нам с тобой пришлось бы вспарывать себе живот. Таково уже наше время, — сказал приятель.

— Мы тоже ждали рассвета...

Синго был уверен, что и в эту дождливую ночь в гостинной его приятеля висит картина с вороном.

«Что, интересно, делают этой ночью наш коршун и наши вороны?» — думал Синго.

4

После второго сна Синго долго лежал с открытыми глазами, ожидая рассвета, но он не обладал ни характером, ни волей ворона Кадзана.

И все-таки как это печально, думал Синго, что непристойный сон, — не важно, кто была та женщина, Кикику или сестра товарища Сюити, — не заставил его сердце биться от вожделения.

Это было омерзительнее всякого прелюбодеяния. Какой-то старческий маразм.

Еще во время войны у Синго пропала потребность в близости с женщиной. Так продолжается до сих пор. И не потому, что он очень уж стар, — просто отвык. Война раздавила его, и он так до конца и не ожил. Война до предела сузила его представления о вещах, вогнала их в тесные рамки благоразумия.

Синго даже хотел спросить у кого-нибудь из приятелей, много ли еще таких стариков, их ровесников, но побоялся, что его немощь будет осмеяна.

Чем, собственно говоря, плохо любить Кикику хотя бы во сне? Неужели даже во сне этой любви нужно бояться, стыдиться? Неужели пристойнее любить Кикику наяву?

Так рассуждал сам с собой Синго.

Синго пришло на ум трехстишие Бусона: «Если старость забыла любовь — как это больно», — оно еще больше опустошило его.

Из-за того, что у Сюити появилась женщина, супружеские отношения между ним и Кикику приобрели новые грани. А после того, как Кикику сделала аборт, стали как-то теплее и мягче. В ночь, когда была та ужасная буря, Сюити нежнее, чем обычно, ласкал Кикику, а в ту ночь, когда Сюити пришел вдребезги пьяный, Кикику простила его легче, чем обычно.

В чем причина, в жалостливости Кикико или в ее глупости?

Способна ли сама Кикико осознать это? Или, может быть, Кикико, это чудо природы, бездумно и безропотно плывет по волнам жизни?

Решив не рожать, Кикико выразила Сюити протест; уехав к родителям, она еще раз выразила протест и в то же время обнаружила безмерную глубину своей тоски, но, вернувшись через несколько дней, она стала бесконечно нежна с Сюити, словно просила прощения за свой поступок, словно искала успокоения своим ранам.

Нельзя сказать, что Синго это было так уж приятно. Но он утешал себя: ничего, все к лучшему.

Синго стал даже думать, что, может быть, самое правильное — закрыть глаза на проблему Кинуко и спокойно ждать, пока все разрешится само собой.

Хотя Сюити был сыном Синго, это не мешало Синго сомневаться: такая ли уж идеальная пара Сюити и Кикико, впрямь ли предназначены они друг другу судьбой, так ли уж крепко должна быть Кикико связана со своим мужем?

Стараясь не разбудить спавшую рядом Ясуко, Синго зажег ночник у изголовья, но разобрать на часах время не мог. Видимо, уже светает и вот-вот ударит шестичасовой колокол в храме.

Синго вспомнил колокол в парке Синдзюку. Он возвещал, что парк закрывается.

— По-моему, это церковный колокол, — сказал Синго, обращаясь к Кикико. Ему показалось, что они идут в церковь по аллее парка в какой-то европейской стране. Представилось, что толпившиеся у выхода люди тоже направляются в церковь.

Синго поднялся, не выспавшись.

Стараясь не смотреть на Кикико, Синго вышел из дому рано вместе с Сюити.

Неожиданно Синго спросил:

— Ты убивал на войне людей?

— Странный вопрос. Те, кто попадал под пули моего пулемета, погибали, наверно. Но ведь, можно сказать, стрелял не я, а пулемет.

Сюити, поморщившись, отвернулся.

Прекратившийся было днем дождь лил потом всю ночь, и утром Токио был окутан туманом.

После приема в ресторане, устроенного фирмой, Синго усадили в последнюю машину, и он оказался в довольно

затруднительном положении провожатого гейш.

Две уже немолодые гейши уселись рядом с Синго, а три совсем юных примостились у них на коленях. Синго обнял девушку за талию и привлек к себе:

— Удобно?

— Не беспокойтесь. — Гейша невозмутимо сидела на коленях Синго. Она была года на четыре моложе Кикико.

Чтобы запомнить эту гейшу, запишу ее имя, когда сяду в электричку, подумал Синго, но потом что-то его отвлекло, и он забыл записать.

В ДОЖДЬ

1

В это утро первой читала газету Кикико. Почтовый ящик залило дождем, и Кикико, просушивая газету над газовой плитой, на которой варился рис, пролистывала ее.

Иногда Синго, просыпавшийся рано, сам вставал, шел за газетой и снова ложился в постель почитать, но, как правило, приносить из ящика утреннюю газету было обязанностью Кикико.

Обычно она просматривала ее, лишь проводив Синго и Сюити.

— Отец, отец, — тихо позвала Кикико.

— Что такое?

— Если вы уже проснулись, то...

— Что-нибудь случилось?

Что-то произошло, подумал Синго, услышав взволнованный голос Кикико, быстро поднялся и вышел к ней.

Кикико с газетой в руках стояла в коридоре.

— Что такое?

— В газете написано об Аихара-сан.

— Аихара забрали? В полицию?

— Нет.

Кикико, чуть подавшись вперед, подала ему газету.

— Ой, она еще сырая.

Синго неловко взял газету — она была влажная и, выскользнув у него из рук, упала на пол.

Кикико быстро подняла ее, расправила и снова протянула Синго.

— Я и смотреть не хочу. Так что же случилось с Аихара?

— Пытался покончить с собой вместе с какой-то женщиной.

— Покончить с собой вместе с женщиной? Умер?

— Есть надежда спасти его — во всяком случае, так здесь написано.

— Что ты говоришь! Постой-ка. — Синго отдал Кикику газету и направился к двери.

— Впрочем, Фусако еще, наверно, спит. Она никуда из дому не выходила?

— Нет.

Ну конечно, вчера вечером Фусако была дома, а потом легла спать с детьми, да и не было у нее причины покончить с собой вместе с Аихара — в газете написано не о ней.

Синго пытался успокоиться, глядя, как дождь бьет в окно уборной. Капли дождя суетливо сбегали вниз по тонким длинным листьям деревьев, что росли на горе за домом.

— Ливень. Даже не похож на ласковый июньский дождь.

С этими словами Синго вошел в столовую и сел. Он взял газету, но не успел раскрыть ее, как с носа стали сползать очки. Досадливо прищелкнув языком, Синго снял очки и начал яростно тереть нос и глаза. Какой-то он весь противно потный.

Пока он читал коротенькую заметку, очки все время сползали вниз.

Аихара и женщина решили вместе покончить с собой в гостинице на горячих водах Идзу при храме Рэндайдзи. Женщина сразу умерла. Ей двадцать пять — двадцать шесть лет, предположительно — официантка, личность не установлена. Мужчина, видимо, наркоман. Есть надежда спасти его. Поскольку мужчина постоянно употреблял наркотики и не оставил предсмертного письма, можно предположить, что он инсценировал самоубийство.

Синго подхватил очки, сползшие к самому кончику носа, и в сердцах чуть не швырнул их на пол.

То ли его взбесил поступок Аихара, то ли разозлили упрямо сползавшие очки — не разберешь.

С силой растирая лицо ладонью, он пошел умываться.

В газете местом жительства Аихара была названа Йокохама. Имя его жены, Фусако, не упоминалось.

В газетной заметке ничего не было сказано и о семье Синго.

Йокохама была указана, конечно, наобум, — видимо, настоящее местожительство Аихара не было установлено. Да и Фусако уже фактически не жена ему.

Синго сначала умылся и уж потом стал чистить зубы.

Только повышенная чувствительность Синго заставляла его терзаться, не находить себе покоя от мысли, что Фусако до сих пор считается женой Аихара.

— Вот и хорошо, время решило все, — пробормотал Синго.

Неужели время действительно само все решило, покуда он колебался, не зная, что предпринять?

Но неужели у Синго не было никаких средств помочь Аихара, пока он еще не пал так низко?

И еще совсем не известно, Фусако ли довела Аихара до гибели или Аихара довел Фусако до беды.

Если у одного из супругов такой характер, что он способен довести другого до беды и даже до гибели, значит, и у того такой же характер и он тоже способен довести другого до беды и даже до гибели.

Вернувшись в столовую и потягивая обжигающий чай, Синго сказал:

— Кикуко, ты, наверно, знаешь, что дней пять-шесть назад Аихара прислал по почте заявление о разводе?

— Да. И вы тогда еще рассердились...

— Совершенно верно, рассердился. И Фусако тоже сказала, что даже оскорбление должно иметь границы. Видимо, он все это предпринял перед смертью. Значит, готовился серьезно к самоубийству. И ни о каком притворстве не помышлял. А женщину он взял себе в спутницы.

Кикуко, сжавшись, молчала. На ней было шелковое полосатое кимоно.

— Пойди разбуди Сюити, — сказал Синго.

Глядя ей вслед, Синго подумал: какой она кажется высокой — может быть, из-за полосатого кимоно?

— Неужели Аихара сделал это? — сказал Сюити, обращаясь к Синго, и взял у него из рук газету. — Заявление сестры о разводе уже отправлено?

— Пока еще нет.

— Что значит «пока»? — посмотрел на него Сюити. — Почему ты медлишь? Нужно сегодня же, как можно скорее, сделать это. Ведь если Аихара не спасут, ее заявление о разводе будет послано мертвецу.

— На чье имя записать детей? Аихара ничего о детях не говорит. А дети еще слишком малы и самостоятельно сделать выбор не могут.

Заявление о разводе, подписанное Фусако, лежало в портфеле Синго, и он уже несколько дней возил его из дому в фирму и обратно.

Синго время от времени посылал матери Аихара деньги. Этому же посыльному он собирался поручить отнести в районную управу заявление о разводе, но все откладывал со дня на день.

— Дети уже у нас, пусть здесь и остаются, — бросил Сюити небрежно. — Наверно, и из полиции к нам придут?

— Это еще зачем?

— Чтобы найти людей, которые возьмут на себя заботы об Аихара, или еще зачем-нибудь.

— Может, и не придут. Для этого Аихара, наверно, и прислал заявление о разводе.

Резко отодвинув фусума, в комнату стремительно вошла Фусако в ночном кимоно.

Даже не взглянув в газету, она схватила ее, изорвала и бросила клочки на пол. Рвала она газету яростно и так резко швырнула обрывки, что они даже не разлетелись. Фусако стала неистово топтать ногами изорванную газету, а потом, обессилев, упала на пол.

— Кикико, закрой фусума, — сказал Синго.

За открытой фусума были видны спящие дети.

Фусако снова схватила куски газеты и стала иступленно рвать их.

Сюити и Кикико молчали.

— Фусако, тебе не хотелось бы навестить Аихара? — сказал Синго.

— Ни за что!

Фусако приподнялась на локте и зло взглянула на Синго.

— За кого, отец, ты принимаешь свою дочь? За размазню? Тебя даже не возмутило, что с твоей дочерью так поступили. Ты лучше сам сходи проведать его и опозорься еще раз. Кто отдал меня этому человеку?

Кикико ушла на кухню.

Синго был убежден, что Фусако все-таки должна пойти навестить Аихара, тогда разведенные снова соединятся, и жизнь их пойдет по-новому — случается ведь и такое.

2

После этого газеты ничего не сообщали о том, спасли Аихара или он умер.

Судя по тому, что в районной управе приняли заявле-

ние о разводе, в записи актов гражданского состояния его смерть не значилась.

Если предположить, что Аихара умер, разве могли бы его похоронить как человека неопознанного? Вряд ли. У него ведь есть мать, хотя она и еле передвигается. И даже если бы она не увидела эту газету, кто-нибудь из знакомых непременно показал бы ей заметку об Аихара. Видимо, его спасли, полагал Синго.

Но можно ли довольствоваться предположением, когда на твоих руках осталось двое его детей? Сюити не очень ясно отдает себе отчет в том, что случилось, но Синго не может так бездумно со всем согласиться.

Ведь обе внучки лягут бременем на плечи Синго. Но Сюити совсем не думает о том, что они станут и его бременем.

Бремя воспитания — это еще полдела, но ведь будущее счастье Фусако и внушек уже сейчас наполовину погублено, — неужели и за это ответственным окажется Синго?

Когда Синго посылал заявление о разводе, он подумал о том, что стало с женщинами, с которыми проводил время Аихара.

Одна из них действительно умерла. Интересно, какова была ее жизнь?

«Не дай бог, — сказал про себя Синго и вздрогнул. — Ужасная жизнь».

Если бы Фусако мирно жила с Аихара, эта женщина не покончила бы с собой, — значит, Синго тоже в какой-то мере виновен в ее гибели. И может ли он не молиться за упокой души несчастной женщины?

Но у него не было никакого желания вспоминать об этой женщине, и он подумал о ребенке Кикуко. Ему, конечно, не следовало думать о ребенке, от которого она так поспешно избавилась, и все же он думал, каким бы родился этот ребенок.

Может быть, Синго виновен и в гибели ребенка тоже?

Противный день — даже очки все время запотевают. Синго почувствовал тяжесть в правом боку.

Обложной дождь кончился, и в просветах между тучами засияло солнце.

— Во дворах, где прошлым летом цвели подсолнухи, в этом году растут какие-то незнакомые белые цветы, похожие на хризантемы, не знаю, как они называются. Сговорились все, что ли, — в нескольких дворах одинаковые цветы. В прошлом году все посадили подсолнухи, — сказал Синго, надевая брюки.

Кикуко стояла перед ним, держа в руках пиджак.

— Может, это потому, что в прошлом году подсолнухи сломало бурей?

— Возможно. Кикуко, ты, по-моему, выросла, а?

— Да. Выросла. После возвращения домой и то немного подросла, а недавно опять. Сюити даже удивился.

— Когда?..

Кикуко вспыхнула и, встав позади Синго, помогла ему надеть пиджак.

— Мне показалось, что ты очень выросла. Показалось не только из-за кимоно. Сколько уж лет прошло, как ты живешь у нас в доме, и все растешь, — это прекрасно.

— Просто я недоразвитая — никак вырасти не могу.

— Ничего подобного. Ты очень хорошенькая. — Говоря это, Синго подумал, что она действительно выглядит здоровой и привлекательной. Неужели Кикуко так выросла, что Сюити заметил это, когда обнимал ее?

Синго вышел из дому с мыслью, что жизнь потерянного ребенка продолжается в Кикуко.

Сатоко сидела на корточках у обочины дороги и следила за игрой соседских детей.

Синго тоже остановился и стал с интересом смотреть, как они, словно в посуду, накладывают в ракушки и в листья аралии мелко нарезанную траву.

Накрошенные лепестки георгинов и маргариток они тоже клали туда для украшения.

Расстеленная циновка была густо засыпана маргаритками.

— Да, это маргаритки, — вспомнил наконец Синго.

В нескольких дворах подряд, где в прошлом году цвели подсолнухи, теперь росли маргаритки.

Сатоко была еще слишком мала, и дети, видимо, не принимали ее в свою игру.

Синго пошел, и она подбежала к нему:

— Дедушка!

Синго за руку довел внучку до угла. Убегая назад, Сатоко выглядела совсем по-летнему.

Нацуко, обнажив белые руки, мыла окно в кабинете. Синго начал оживленно:

— Ты сегодняшнюю газету видела?

— Да, — не понимая, к чему он клонит, ответила Нацуко.

— Я говорю «газету», но какую именно, не припомню. Какая же это была газета?..

— Но точно газета?

— Да. Забыл, в какой газете я прочел, что социологи Гарвардского и Бостонского университетов раздали тысяче секретарш анкеты с одним вопросом: чему вы радуетесь больше всего? — и все единодушно ответили: когда меня хвалит мужчина. Неужели все женщины, и на Западе и на Востоке, в этом единодушны? Как ты считаешь?

— И им не стыдно?

— Стыд и удовольствие, как правило, соседи. Особенно когда за тобой ухаживает мужчина. Ты не согласна?

Нацуко молчала, потупившись. В наше время редко встретишь такую скромную девушку, подумал Синго.

— Танидзаки принадлежит как раз к таким девицам. Больше всего она любила, чтобы ее хвалили на людях.

— Сегодня приходила Танидзаки-сан. Примерно в половине девятого, — сказала с неприязнью Нацуко.

— Да? Ну и что?

— Сказала — придет еще раз, днем.

Синго овладело дурное предчувствие.

Ожидая прихода Хидэко, он не пошел обедать.

Хидэко распахнула дверь и замерла у порога, — она смотрела на Синго, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

— О-о. Сегодня, я вижу, ты цветов не принесла? — сказал Синго, стараясь скрыть беспокойство.

Хидэко, словно бы укоряя Синго за легкомыслие, подошла к нему с торжественно-серьезным видом.

— Опять очистить помещение?

Но Нацуко уже ушла на обеденный перерыв, и Синго сидел в комнате один.

Синго был потрясен, когда Хидэко сказала, что любовница Сюити беременна.

— Я ей говорила, что она не должна рожать, — поджала тонкие губы Хидэко. — Вчера по дороге из салона я догнала Кинуку и сказала ей это.

— Хм.

— А что, разве я не права? Это ведь так ужасно.

Синго не хотелось отвечать, он сразу помрачнел.

Хидэко говорит все это, имея в виду Кikuку.

И жена Сюити, и его любовница забеременели одновременно. В жизни, конечно, такое случается, но чтобы это случилось у родного сына — Синго и в голову не могло прийти. К тому же Кikuку прервала беременность.

— Сюити еще здесь? Сейчас узнаю. Если здесь, скажу, чтоб зашел...

— Хорошо.

Хидэко достала маленькое зеркальце и — словно заколебавшись:

— Какое лицо у меня — прямо стыдно показываться ему. Да и Кинуко-сан не знает, что я пришла к вам сплетничать.

— Вот как?

— Я даже хочу из-за всей этой истории уйти из салона, но не знаю...

— Зря.

Синго позвонил по телефону, стоявшему на столе. Ему было неприятно встречаться сейчас с Сюити в комнате, где сидят сослуживцы. Сюити не было.

Синго повел Хидэко в европейский ресторан неподалеку.

Маленькая Хидэко прижалась к нему и, заглядывая в лицо, сказала:

— Когда я работала у вас секретаршей, вы однажды повели меня на танцы. Помните?

— Помню. Волосы у тебя были повязаны белой лентой.

— Нет, — покачала головой Хидэко. — Белой лентой я стянула волосы в тот день, когда была буря. Я это прекрасно помню, потому что в тот день я впервые узнала о Кинуко-сан, и меня это потрясло.

— Значит, это было тогда?

Синго вспомнил, что именно в тот вечер, когда повел Хидэко на танцы, он впервые услышал от нее, что хриплый голос Кинуко — чувственный.

— Это было, кажется, в сентябре прошлого года. Вся эта история с Сюити доставила тебе немало хлопот.

Синго вышел без шляпы, и солнце припекало голову.

— Как ни печально, я ничего не могла поделать.

— При чем здесь ты? Я и то ничего не мог поделать. В общем, опозорилась моя семья.

— Я вас все равно глубоко уважаю. После того как я ушла из фирмы, я еще больше привязалась к вам, — сказала Хидэко странным тоном и немного помолчала. — Я без конца убеждаю Кинуко, что ей ни к чему рожать. А она с надменным видом обрывает меня — что, мол, ты знаешь, что понимаешь. Не вмешивайся не в свое дело.

А потом говорит: это касается только того, кого я ночью под сердцем...

— Хм.

— «...Кто тебя просил говорить мне все эти глупости? Ты все твердишь: брось Сюити. Хорошо, если Сюити уйдет от меня, мне ничего не останется, как бросить его, но ведь рожать-то мне одной. Тут уж никто не поможет. А плохо это, если я рожу, или хорошо, ты лучше спроси, если сможешь, у ребенка, который у меня здесь». Кинуко думает, что я еще слишком молодая, и насмехается надо мной. И я ей сказала, что нечего смеяться над человеком. По-моему, Кинуко все-таки будет рожать. Я потом долго думала о нагнем разговоре — ведь от мужа, погибшего на фронте, у нее нет детей.

— Да?

Продолжая шагать, Синго понимающе кивнул.

— Может, я сгоряча так говорю, а на самом деле она не будет рожать.

— Сколько уже?

— Четыре месяца... Я-то сама ничего не замечала, а девушки из салона сразу догадались... Хозяйка, узнав об этом, тоже посоветовала ей не рожать. Ведь если Кинуко родит, ей придется уйти с работы, что она тогда будет делать? — Хидэко охватила щеку ладонью. — Просто не представляю себе. Теперь вы все знаете, поговорите с Сюити-сан...

— Хорошо.

— Если решите встретиться с Кинуко-сан, я думаю, лучше поторопиться.

Синго и сам думал об этом — Хидэко высказала его мысли.

— А та женщина, которую ты как-то приводила ко мне в фирму, все еще живет вместе с ней?

— Икэда-сан? Да.

— Кто же из них старше?

— Кинуко-сан, я думаю, года на два, на три моложе.

После обеда Хидэко дошла с Синго до самой фирмы. На ее лице появилась жалкая улыбка, вот-вот расплывется.

— Всего хорошего.

— Благодарю тебя. Ты вернешься в салон?

— Да. В последнее время Кинуко-сан обычно стала уходить домой раньше, но до половины седьмого она всегда в салоне.

— Вряд ли стоит мне заходить в салон.

Кажется, Хидэко и сегодня толкает Синго на встречу с

Кинуко, — на душе у него стало тяжело.

Наверно, когда он вернется домой, ему будет невыносимо смотреть в глаза Кикику.

Кикику настолько целомудренна, что ей противно заводить ребенка, пока у Сюити есть женщина, и поэтому она не родила. Но ей и в самом страшном сне не приснится, что эта женщина беременна.

Когда через несколько дней после того, как Синго узнал о том, что случилось с Кикику, она вернулась от своих родителей домой, они с Сюити, казалось, жили в полном согласии. Сюити каждый день приходил рано и трогательно заботился о жене, — что же тогда все это значит?

Если толковать его поведение в хорошем смысле, то, возможно, Кинуко, решив родить, доставляет Сюити немало хлопот, и он, порвав с ней, просит прощения у жены.

И все-таки вся эта история оставила у Синго какой-то отвратительный привкус безнравственности, нечистоплотности.

Неужели она действительно родит? Ему казалось ужасным появление этого ребенка.

— Если он родится, то, значит, будет моим внуком? — пробормотал себе под нос Синго.

РОЙ МОСКИТОВ

1

Синго медленно шел по улице Хонго, мимо университета.

Он вышел из машины на противоположной стороне, где магазины, — именно здесь нужно было свернуть в переулок, в котором живет Кинуко, но Синго нарочно перешел на другую сторону.

Он мучительно колебался, не решаясь подойти к дому любовницы своего сына. Как можно беременной женщине, с которой видишься в первый раз, отрезать: не рожай?

— Чем это лучше обыкновенного убийства? Должен ли старик пачкать себе этим руки? — бормотал Синго. — Да, но при таких обстоятельствах любое решение жестоко.

Сын должен сам решать. Отцу вмешиваться нечего. Но Синго не высказал этого Сюити и вот приехал к дому

Кинуко. Это доказывало, что он не может положиться на Сюити.

С каких же это пор между ним и сыном легла пропасть непонимания? — ужаснулся Синго. Не исключено, что он отправился к Кинуко не столько ради того, чтобы решить все вместо Сюити, сколько из жалости к Кинуко, негодуя на сына из-за того, что с ней случилось.

Яркое вечернее солнце освещало лишь верхушки деревьев на университетском дворе, а дорожки уже были в тени. Студенты в белых рубашках и брюках сидели со студентками на газоне и казались спокойными и умиротворенными.

Синго потер лицо рукой. Он старался стряхнуть с себя опьянение.

До окончания рабочего дня Кинуко еще оставалось время, и Синго пригласил приятеля, служившего в другой фирме, поужинать с ним в европейском ресторане. Они давно не виделись и незаметно напились. Перед тем как подняться на второй этаж в зал ресторана, они выпили в баре, внизу, и Синго сразу опьянел. Поужинав, они снова спустились в бар.

— Как, ты уже уходишь? — удивился приятель. Видимо, он рассчитывал, что они с Синго проведут вместе весь вечер, и специально позвонил в одно местечко в Цукидзи.

Синго сказал, что примерно через час у него назначено свидание, и они вышли из бара. Приятель на всякий случай написал на визитной карточке адрес и номер телефона в Цукидзи и протянул ее Синго. Синго взял карточку, хотя не собирался туда.

Идя вдоль университетской ограды, Синго искал глазами переулок на противоположной стороне. Он очень смутно помнил, где нужно повернуть, но переулок узнал сразу же.

Он вошел в темную, обращенную к северу прихожую — на грубом ящике для обуви стоял горшок с каким-то экзотическим цветком, на стене висел складной дамский зонтик.

Из кухни вышла женщина в переднике.

— Ой. — Лицо у нее стало серьезным, она сняла передник. На ней была темно-синяя юбка, ноги босые.

— Икэда-сан? Помнится, вы как-то приходили в фирму, где я служу... — сказал Синго.

— Совершенно верно. Меня приводила Хидэко-сан, рада вас видеть.

Икэда, держа в руке свернутый передник, выжидающе

смотрела на Синго. Лицо у нее было в веснушках. Может быть, веснушки так бросались в глаза потому, что она была не напудрена. Но в общем красивое лицо — нос тонкий, цвет кожи хороший.

Новая кофточка — тоже, наверно, работа Кинуко.

— Я пришел, собственно, чтобы поговорить с Кинуко-сан.

Синго говорил извиняющимся тоном.

— Вот как. Она еще не вернулась, но должна быть с минуты на минуту. Проходите, пожалуйста.

Из кухни пахло жареной рыбой.

Синго подумал было, что лучше ему зайти позже, когда Кинуко поужинает, но Икэда пригласила его в гостиную, и он послушно пошел за ней.

В нише лежала стопа модных журналов. Среди них — много иностранных. Рядом с ними стояли две французские куклы. Их нарядные одежды никак не вязались с обшарпанной стеной. Со швейной машины свисал кусок шелковой материи. Его яркий рисунок еще сильнее подчеркивал затертость циновки.

Слева от швейной машины — небольшой стол, на нем были сложены школьные учебники и стояла фотография мальчика.

Между швейной машиной и столом — туалетный столик. В глубине перед стенным шкафом — большое трюмо. Оно сразу же бросалось в глаза. Возможно, Кинуко смотрит в него, примеряя на себя шитые вещи. Или примеряя их на заказчиц, которым шьет дома. Около трюмо стояла большая гладильная доска.

Икэда принесла из кухни апельсиновый сок. Заметив, что Синго смотрит на фотографию ребенка, она, не дожидаясь вопроса, сказала:

— Это мой сын.

— Вот как? Он сейчас в школе?

— Нет, сын со мной не живет. Он остался в семье мужа. А эти книги... Шить, как Кинуко-сан, я не умею и вот занимаюсь чем-то вроде репетиторства, у меня есть несколько учеников.

— Вот как? И правда, для одного ребенка учебников здесь многовато.

— Конечно. Но я занимаюсь с детьми, которые учатся в разных классах. Теперешняя школа сильно отличается от довоенной, так что и учить-то как следует не могу, но когда я занимаюсь с ребенком, у меня такое чувство, будто передо мной мой собственный сын, и вот...

Синго кивнул, — что он мог сказать женщине, у которой на войне погиб муж?

Ведь Кинуко тоже приходится работать.

— Откуда вы узнали, где мы живем? — спросила Икэда. — Вам сказал Сюити-сан?

— Нет. Я уже как-то приходил сюда. Приходил, но в дом войти не решился. Это было прошлой осенью.

— Еще прошлой осенью?

Икэда подняла голову и посмотрела на Синго, потом снова опустила глаза и, немного помолчав, сказала чуть ли не с вызовом:

— В последнее время Сюити-сан совсем здесь не бывает.

Синго подумал, что, может быть, не стоит рассказывать, зачем он пришел.

— Кинуко-сан, я слышал, ждет ребенка?

Икэда пожала плечами и посмотрела на фотографию сына.

— Она что, действительно собирается рожать?

Икэда, не отрываясь, продолжала смотреть на фотографию сына.

— Лучше поговорите об этом с самой Кинуко-сан.

— Я это непременно сделаю — ведь ни мать, ни ребенка не ждет ничего хорошего.

— Родит Кинуко-сан ребенка или нет, все равно она будет несчастна.

— Но вы ведь сами советовали ей расстаться с Сюити-сан.

— Да. Мне казалось, так будет лучше... — сказала Икэда. — Но Кинуко-сан никак не соглашалась со мной. Мы с ней совершенно разные, но, как говорится, ладим. Мы познакомились на собрании вдов и стали жить вместе — Кинуко-сан надежная подруга. Мы обе оставили семьи своих погибших мужей, но не возвратились к родителям, — в общем, мы сейчас совсем свободны. Решив освободиться от прошлого, мы сложили в свои бельевые корзины все, что осталось на память от наших мужей, — их вещи, фотографии. Правда, фотографию сына я выставила, но это ведь совсем другое дело... Кинуко свободно читает американские журналы, читает и французские — со словарем, говорит, все понятно: кройка и шитье европейского платья — много ли слов нужно знать. Наверно, она скоро откроет собственный салон. Она и замуж могла выйти — уже двое делали ей предложение, и я просто

представить себе не могу, почему она так упорно цепляется за Сюити-сан.

Хлопнула дверь, Икэда вскочила и убежала. И Синго услышал:

— Здравствуй. Пришел отец Огата-сан.

— Чтобы встретиться со мной? — произнес хриплый голос.

2

Кинуко пошла на кухню, видимо, попить — услышался шум льющейся из крана воды.

— Икэда-сан, ты тоже побудь с нами, — обернулась Кинуко, входя в комнату.

На ней был яркий костюм, и, возможно, из-за того, что она была довольно полная, Синго не заметил признаков беременности. Маленький рот с тонкими губами — невозможно даже представить себе, что из него выходят такие хриплые звуки.

Зеркало стояло в гостиной, и ей пришлось, наверное, освежить лицо, воспользовавшись сумочкой для косметики.

Первое впечатление Синго было неплохое. Круглое лицо, казавшееся плоским, не выглядело таким уж волевым, как можно было заключить из рассказа Икэда. Руки полные.

— Огата, — представился Синго.

Кинуко не ответила.

Вошла Икэда и села у столика, повернувшись к ним лицом.

— Огата-сан давно тебя ждет, — сказала она, но Кинуко продолжала молчать.

Лицо Кинуко не выражало открыто ни неприязни, ни растерянности, но казалось, она готова расплакаться. Синго вспомнил, что в этом доме Сюити напивается до беспамятства и заставляет Икэда петь, доводя этим Кинуко до слез. Возвращаясь домой, Кинуко, видимо, торопливо шла по душной улице, и от этого лицо у нее горело и она тяжело дышала.

Синго постарался начать в самых мирных тонах:

— Может показаться странным, что я решил с вами встретиться, но если бы я не попытался этого сделать... Вы, наверно, догадываетесь, о чем я собираюсь говорить?

Кинуко снова промолчала.

- Конечно, это касается Сюити.
- Если это касается Сюити-сан, нам не о чем говорить. Вы, наверно, хотите сказать, что я поступаю плохо, — неожиданно набросилась на него Кинуко.
- Наоборот, я должен извиниться перед вами.
- Мы расстались с Сюити-сан. И никакого беспокойства вашей семье я уже не буду доставлять. — Она посмотрела на Икэда. — Ну как, вас это устраивает?
- Синго замялся.
- Но ведь остается еще вопрос о ребенке.
- Кинуко побледнела, но, собравшись с духом, сказала еще более хриплым, чем обычно, голосом:
- О чем вы говорите? Я вас не понимаю.
- Еще раз прошу простить меня, но разве вы не ждете ребенка?
- Вы считаете, что я обязана вам отвечать? Неужели совершенно посторонний человек способен помешать женщине, если она захотела иметь ребенка? Неужели мужчина не в состоянии понять это?
- Кинуко говорила торопливо, с трудом сдерживая слезы.
- Вы сказали «посторонний человек», но ведь я отец Сюити. Надо думать, у вашего ребенка тоже есть отец.
- Нет никакого отца. Вдова, у которой муж погиб на войне, решила родить внебрачного ребенка. Я никого ни о чем не собираюсь просить, дайте только мне спокойно родить. Будьте милосердны, оставьте меня в покое. Ребенок во мне, он мой.
- Все это верно, но можно же завести ребенка позже, уже выйдя замуж... Зачем вам ребенок именно сейчас?
- А что в этом противоестественного?
- Я хотел сказать другое.
- Во-первых, неизвестно, выйду ли я замуж, а кроме того, неизвестно, смогу ли я еще раз забеременеть. Вы в состоянии предсказать то, что известно одному богу? У меня еще никогда не было детей.
- Ваши отношения с отцом будущего ребенка — именно они доставят бездну страданий и ребенку и вам.
- Есть сколько угодно детей, отцы которых погибли на войне, и матери страдают от этого. А дети смешанной крови, которых оставили в странах южных морей те, кто там воевал, — можно вспомнить и об этих детях. Детей, которых бросили и забыли отцы, воспитывают матери.
- Но речь идет о ребенке Сюити.
- Я не собираюсь обременять вашу семью, можете не

беспокоиться. Клянусь, что не буду обращаться к вам ни с какими просьбами, ни с какими мольбами. А с Сюити-сан мы расстались.

— Все гораздо сложнее. Пока ребенок встанет на ноги, пройдет много лет, а кроме того, ничто не может разорвать родственные узы отца и ребенка.

— Нет. Этот ребенок не имеет никакого отношения к Сюити-сан.

— Вам, наверно, известно, что жена Сюити прервала беременность?

— Его жена — другое дело, она действительно может еще сколько угодно раз забеременеть. А если не сможет, будет, наверно, всю жизнь раскаиваться. Счастливой жене меня не понять.

— Вам тоже не понять Кикуко.

Синго нечаянно произнес имя Кикуко.

— Вас прислал ко мне Сюити-сан? — тоном допроса спросила Кинуко. — Сюити-сан требовал, чтобы я не рожала, кричал, бил меня, пинал ногами, волочил со второго этажа по лестнице, пытаюсь отвести к врачу. Этими дикими выходками, этой комедией он полностью, я считаю, искупил свою вину перед женой.

Синго помрачнел.

— Помнишь, как это было отвратительно? — повернулась Кинуко к Икэда. Икэда кивнула.

— Кинуко-сан собирает теперь все лоскутки на пеленки, — сказала она Синго.

— Он так пинал меня, что я боялась, как бы это не повредило ребенку, даже к врачу ходила, — продолжала Кинуко. — Я и Сюити-сан говорила, что ребенок не его. Так прямо и говорила ему: не твой это ребенок. Вот почему мы расстались. Он сейчас совсем не приходит.

— Значит, у вас ребенок от кого-то другого?..

— Да. Считайте так, и все будет в порядке.

Кинуко вскинула голову. Она и раньше плакала, а сейчас по ее щекам текли новые и новые ручейки слез.

Синго был в замешательстве — Кинуко показалась ему очень привлекательной. Если приглядеться к отдельным чертам ее лица, то и глаза и нос не идеальной формы, но в общем она была красива.

Нет, нельзя судить о человеке по внешнему виду, — Кинуко выглядит такой нежной, такой податливой, а вот ведь держит Синго на почтительном расстоянии.

Синго, понурившись, покинул дом Кинуко.

Кинуко приняла чек, который дал ей Синго.

— Если ты действительно рассталась с Сюити, тебе лучше взять его, — посоветовала Икэда, и Кинуко кивнула, согласившись.

— Правильно, будем считать эти деньги отступными. Докатилась до того, что получаю отступные. Может, еще и расписку выдать?

Синго взял такси; он не знал, на что решиться: заставить Сюити снова помириться с Кинуко и добиться, чтобы она прервала беременность, или оставить все как есть.

Поведение Сюити — а тут еще приход Синго — лишь укрепило решимость Кинуко, подхлестнуло ее. Ведь у этой женщины и так уже было непреодолимое желание иметь ребенка.

Нет, снова пускать к ней Сюити опасно. Но если все оставить как есть, родится ребенок.

Если ребенок от кого-то другого, как утверждает Кинуко, тогда все в порядке, но даже Сюити ничего не знает ни о каком мужчине. Предположим, Кинуко утверждает это из самолюбия, а Сюити, не задумываясь, поверит ее утверждению и никто из них не будет потом раскаиваться, тогда все в порядке — пусть ребенок родится и живет, хотя жизнь его будет сурова. И после моей смерти на земле останется незнакомый мне внук.

— Что же делать? — пробормотал Синго.

Когда произошла эта история с самоубийством Аихара, я поторопился отправить заявление о разводе и окончательно взял к себе дочь с двумя детьми. А сейчас, хотя Сюити и расстался с любовницей, где-то все же будет жить его ребенок, — разве это справедливо? Каждое из этих решений не решение — так, временное залатывание дыр.

Никому я не дал счастья.

Синго было неприятно вспоминать жалкие слова, сказанные им Кинуко.

Ему нужно было добраться до токийского вокзала, чтобы поехать домой, но, неожиданно обнаружив в кармане визитную карточку приятеля, он повернул такси к Цукидзи.

Ему хотелось рассказать обо всем приятелю, но тот пьянствовал с двумя гейшами и беседовать был неспособен.

Синго сразу же вспомнил молодую гейшу — это она сидела у него на коленях, когда он в машине возвращался с приема.

Не успела она войти, как приятель стал говорить всякие непристойности: смотри не осрамайсь, покажи, на что ты способен. Лицо ее Синго, правда, запомнил лишь в общих чертах, но зато имя запомнил хорошо — для него это был подвиг, — славная, очень приятная гейша.

Синго ушел с ней в соседнюю комнатку. Ему ничего не нужно было от нее.

Девушка доверчиво положила голову на грудь Синго. Заигрывает, подумал он, но девушка, кажется, в самом деле заснула.

— Ты что, спишь? — посмотрел на нее Синго, но она была слишком близко, и лица ее он не мог разглядеть.

Синго улыбнулся. Он испытал вдруг теплое чувство к этой девушке, которая спала у него на груди. Наверно, лет на пять моложе Кикико, на вид ей нет и двадцати.

Возможно, это была просто невозмутимость продажной женщины, но Синго ощутил счастье оттого, что, прикинувшись к нему, спит молодая девушка.

Счастье, как ты мимолетно и призрачно, подумал он.

В близости с женщиной уживаются скудость и щедрость, счастье и горе, подумал Синго; потом он тихонько вышел из комнаты и последней электричкой вернулся домой.

Ясуко и Кикико еще не легли и, сидя в столовой, ждали его возвращения. Был уже второй час ночи.

Синго, стараясь не смотреть в глаза Кикико, спросил:

— Сюити дома?

— Он уже лег.

— Да? А Фусако?

— Тоже. — Кикико приводила в порядок костюм, снятый Синго. — Сегодня до самого вечера держалась хорошая погода, а потом снова небо затянуло тучами.

— Что ты говоришь? Я не обратил внимания.

Приподнявшись с колен, Кикико снова расправила костюм Синго и стала разглаживать складку на брюках.

Неужели Кикико ходила в парикмахерскую? Синго бросилось в глаза, что она коротко подстрижена.

Прислушиваясь к посапыванию Ясуко, Синго никак не мог уснуть, а уснув, тут же увидел сон.

Он — молодой пехотный офицер, затянутый в мундир, с японским мечом на боку и тремя пистолетами. Меч, видимо, фамильный, его отдал ему Сюити, дожидавшийся отправки на фронт.

Синго идет ночью по горной тропе. Вместе с ним дровосек.

— Ночью эта дорога опасна, я редко по ней хожу. Безопаснее идти по правой стороне, — сказал дровосек.

Синго начинает держаться правее, но все равно страшно, и он зажигает карманный фонарик. Вокруг стекла фонарика вделаны алмазы, они сверкают, и фонарь светит ярче, чем обычно. Яркий пучок света освещает что-то черное, преграждающее путь. Что-то похожее на ветки криптомерии, раскинувшиеся шатром. Но, присмотревшись, он видит, что это скопище москитов. Рой москитов принял форму нависших шатром ветвей. «Что делать?» — думает Синго. Пробиться. Синго обнажает меч и начинает прорубаться сквозь тучи москитов.

Неожиданно он оборачивается, дровосек бежит, словно катится вниз с горы. Мундир на Синго вдруг охватывает пламя. И в тот же миг Синго раздваивается — на Синго в пылающем мундире смотрит еще один Синго. Огонь доходит до ворота и рукавов и, пробежав по краю одежды, гаснет. Мундир не сгорел, он только обуглился и слегка потрескивает.

Наконец Синго добирается до дому. Это его дом в Син-ю, где он жил в детстве. Там была и красавица сестра Ясуко. Синго безумно устал.

К его дому подходит убежавший дровосек. Подходит к дому и падает без чувств.

Из тела дровосека появляется огромное ведро, полное москитов.

Откуда взялись москиты — неизвестно, но, проснувшись, Синго еще ясно видел москитов, переполнявших огромное ведро.

— Наверно, под сетку залетели, — Синго пытался прочистить уши, но все равно в голове гудело и она была тяжелой.

Начинался дождь.

ЗМЕИНОЕ ЯЙЦО

1

Приближалась осень, и Синго, измученный долгим летним зноем, возвращаясь домой, часто дремал в электричке.

В часы «пик» поезда ходят через каждые пятнадцать минут, и вагоны второго класса не особенно переполнены.

И сейчас в его полусонном мозгу всплыли вдруг акации вдоль тротуара. Они были сплошь усыпаны цветами. Неужели в Токио цветут акации вдоль тротуаров? — подумал Синго, проезжая мимо них в такси. Он ехал по улице, которая начинается в районе Кудан и выходит ко рву, окружающему императорский дворец. Была середина августа, моросил дождь. Лишь с одной акации осыпались цветы, устилая асфальт под деревом. Почему осыпались цветы? Синго высунулся из машины и повернулся назад, и эта картина осталась в его памяти. Цветы были мелкие, зеленовато-желтые. В его памяти осталась картина буйно цветущих акаций — только с одного дерева опали цветы. Синго видел это на обратном пути из больницы, где он навещал приятеля — у того был рак печени.

Приятель был просто его однокурсник, и обычно они почти не встречались.

Он уже сильно ослаб, но в палате никого из родных не было — только сиделка.

Синго не знал, жива еще его жена или нет.

— С Миямото часто видишься? Если нет, то позвони ему и попроси, я буду тебе очень обязан, — сказал приятель.

— Попросить его, о чем?

— В мае, на встрече однокурсников, он сам завел разговор об этом.

Синго вспомнил, речь шла о цианистом калии. Значит, больной знает, что у него рак.

Когда собирались ровесники Синго, все старики за шестьдесят, разговор всегда вертелся вокруг болезней и смертей, и кто-то, наверно, сказал, что на заводе у Миямото работают с цианистым калием и если заболеешь раком, то надо попросить у него этого яда. Кому охота продлевать свои страдания, когда известно, что болезнь

неизлечима? И уж если смерть неизбежна, нужен хотя бы свободный выбор времени смерти.

— Но это же была обычная пьяная болтовня, — ответил Синго.

— Я им не воспользуюсь. Я и не собираюсь воспользоваться им. Единственное, чего я хочу — получить свободу, о которой говорили тогда. Если у меня будет цианистый калий, то одно сознание, что я могу принять его в любую минуту, даст мне силы вынести все мучения. Я уверен. Есть ли у меня другой способ обрести последнюю свободу, выразить свой единственный протест? Но я обещаю не воспользоваться цианистым калием.

Пока приятель говорил, глаза его сверкали. Сиделка молча вязала свитер из белой шерсти.

Синго стало неприятно оттого, что он так и не собрался попросить Миямото, хотя больной на пороге смерти с такой надеждой ждал этого.

Синго немного успокоился, лишь доехав до цветущей акации, и сейчас, задремав в электричке, он вспомнил об акации потому, что у него из головы не выходил больной приятель.

Не успел Синго задремать, как снова открыл глаза, — электричка стояла.

Это не была станция.

Когда электричка остановилась, мимо с грохотом пронеслась встречная — от этого грохота, наверно, он и проснулся.

Электричка Синго, немного проехав, снова остановилась.

По узкой тропинке к поезду подбежали дети.

Некоторые пассажиры, высунувшись из окон, смотрели, что происходит впереди.

Слева тянулся бетонный забор какого-то завода. Между забором и железнодорожной линией шла сточная канава, до краев полная нечистот, и вонь от нее доносилась даже до поезда.

Справа виднелась узкая тропинка, по которой прибежали дети. У тропинки, уткнувшись носом в траву, неподвижно лежала собака.

Там, где тропинка подходила к железнодорожным путям, стояло несколько лачуг, сбитых из трухлявых досок. Из окна — четырехугольной дыры в одной из хибарок — поезду махала рукой девушка, на вид слабоумная. Движения руки были вялые, бессильные.

— Остановка нашего поезда вызвана тем, что состав,

вышедший за пятнадцать минут до нас, потерпел крушение на станции Цуруми. Извините за задержку, — объявил проводник.

Иностранец, сидевший напротив Синго, растолкал ехавшего с ним юношу.

— Что он сказал? — спросил он по-английски.

Юноша спал, держа за руку иностранца и положив голову ему на плечо. Открыв глаза, он не переменял позы и ласково взглянул на него. Глаза у юноши были красные, веки опухли. Волосы крашенные, но у корней вылезали черные, переходившие в цвет мутного чая. Светлыми оставались только концы.

Наверно, гомосексуалист, любовник иностранца, подумал Синго.

Юноша перевернул ладонь иностранца, лежавшую у того на коленях, вложил в нее свою руку и крепко сжал. Совсем как удовлетворенная женщина.

Иностранец был в рубаше с короткими рукавами, руки у него поросли рыжими волосами — точно бурый медведь. Юноша не был таким уж хрупким, но рядом с огромным иностранцем выглядел ребенком. У иностранца была мощная грудь и толстенная шея — казалось, ему было трудно ворочать ею, и он сидел с безучастным видом, не обращающая внимания на прилившего к нему юношу. Выражение лица у него было мрачное. Рядом с его пышущей здоровьем физиономией лицо юноши выглядело еще более землистым и изможденным.

Возраст иностранца трудно определить, но, судя по огромной лысине, морщинистому лбу и старческим пятнам на руках, он, пожалуй, одного возраста со мной, подумал Синго. Иностранец представлялся ему жестоким чудовищем, вторгшимся в чужую страну и заставившим служить себе юношу из этой страны. Юноша был в бордовой рубаше, верхняя пуговица расстегнута, распахнутый ворот открывал выпирающие ключицы.

По обеим сторонам вонючей канавы буйно росла ярко-зеленая полынь. Электричка все еще стояла.

2

Под москитной сеткой было душно и мрачно, и Синго решил больше не вешать ее над постелью.

Ясуко каждый вечер, притворно кряхтя, с деланным усердием била москитов.

- А Сюити еще пользуется москитной сеткой.
- Ну что ж, иди спать к Сюити. — Синго смотрел в потолок, е которого уже не свисала москитная сетка.
- Нет, туда я не могу пойти, но с завтрашнего дня буду ложиться в комнате Фусако.
- Вот-вот, будешь спать в обнимку с одной из внучек.
- Почему это Сатоко, хотя у нее есть младшая сестра, все время цепляется за мать? Может, она не совсем нормальная? Иногда у нее такой странный взгляд.

Синго не ответил.

- Уж не оттого ли, что у нее теперь нет отца?
- Ты бы хоть относилась к ней поласковой.
- Я больше люблю Кунико, — сказала Ясуко. — Но и тебе бы неплохо быть понежнее с Сатоко. Тем более теперь.
- Умер ли Аихара, жив ли, хватит о нем говорить.
- Хорошо, что прислал заявление о разводе.
- Ну довольно, перестань.
- Ты прав, больше не буду. Но если Аихара и не умер, неизвестно, где он находится... И все-таки кто так поступает: решили, что жизнь у них не удалась, плюнули на все, разошлись, а что двое детей — об этом забыли. Ненадежная штука семейная жизнь.

— Даже если семейная жизнь не удалась, это еще не значит, что все кончено. Фусако тоже хороша. Предположим, Аихара оступился, — разве можно так просто бросать его, сколько теперь страданий выпало на его долю! Наверно, и самой Фусако нелегко сейчас об этом думать.

— Если муж оказался в отчаянном положении, значит, жена ему вовремя не помогла, не была ему настоящим другом. Когда человека бросают на произвол судьбы, ему ничего не остается, как покончить с собой. Но если вместе с человеком, оказавшимся в тупике, соглашается умереть женщина, его уже нельзя считать покинутым, — сказала Ясуко.

— С Сюити сейчас как будто все в порядке, но что будет дальше, неизвестно. Для Кикико эта история не прошла даром.

— История с ребенком, да?

Слова Синго имели двойной смысл. И тот, что Кикико не родила, и тот, что Кинуко собирается родить. Второе не было известно Ясуко.

Заявив, что она беременна не от Сюити, Кинуко отвергла попытку Синго помешать ей родить, но Синго, не зная точно, от Сюити она беременна или не от него, не мог

отделаться от мысли, что Кинуко нарочно отрицает отцовство Сюити.

— Я думаю, мне действительно следует спать под москитной сеткой Сюити. Ведь даже представить себе невозможно, до каких глупостей они могут договориться. Оставлять их вдвоем просто опасно...

— Договориться до глупостей? Что ты имеешь в виду?

Ясуко, лежавшая спиной к Синго, повернулась к нему лицом. Потом сделала такое движение, будто хотела взять его за руку, но Синго не протянул ей руки, и Ясуко, пошарив возле подушки, прошептала, словно выдавая секрет:

— Я все-таки думаю, что у Кинуко скоро будет ребенок.

— Что?

Синго был потрясен.

— Мне, правда, кажется, что еще рановато, но Фусако говорит, что уже заметила.

Ясуко стеснялась говорить даже о своей беременности.

— Тебе это Фусако сказала?

— Рановато, правда, — повторила Ясуко. — Слишком мало времени прошло.

— Кто сказал Фусако — сама Кинуко или Сюити?

— Никто не говорил. Это ее собственные наблюдения.

Слово «наблюдения», употребленное Ясуко, показалось Синго неуместным. Что ж это получается, подумал он, не успев обжиться, Фусако уже ведет слежку за женой брата?

— Ты скажи Сюити, чтобы он был к ней повнимательней.

У Синго сдавило грудь. Стоило ему услышать, что Кинуко беременна, как эта ее беременность навалилась на него невыносимой тяжестью.

Когда две женщины почти одновременно беременеют от одного мужчины — тут нет ничего удивительного. Но как страшно, если этот мужчина — твой сын. Может быть, это чья-то месть или чье-то проклятие, а может быть, козни дьявола?

Если трезво рассудить, то все случившееся было вполне естественно, так сказать, здоровая физиология, но столь трезво Синго сейчас рассуждать не мог.

К тому же Кинуко теперь вторая. Когда она избавлялась от своего первого ребенка, Кинуко уже была беременна. Кинуко снова забеременела, а Кинуко еще не родила. И Кинуко не знает, что Кинуко беременна, а беременность Кинуко уже всем бросается в глаза, ребенок уже, наверно, шевелится.

— На этот раз и нам все известно, так что Кикуко не сможет своевольничать.

— Пожалуй, — сказал Синго без всякой уверенности. — Ты тоже поговори с Кикуко.

— Ты, наверно, и внука от Кикуко будешь любить больше, чем остальных.

Синго не спалось.

«Есть ли сила, которая заставила бы Кинуко не рожать?» — думал Синго с раздражением, и ему пришла на ум жестокая мысль.

Кинуко говорит, что у нее ребенок не от Сюити, — может быть, стоило бы последить за ее поведением, и тогда удастся обнаружить нечто такое, что их всех успокоит.

Из сада стал доноситься стрекот насекомых — уже третий час. Стрекот какой-то незнакомый — цикады стрекочут не так. Синго показалось, что он лежит во тьме, погребенный в земле.

Последнее время ему без конца снятся сны — под утро он увидел еще один длинный сон.

Он не помнит, где все это происходило. Просыпаясь, он еще видел два белых яйца из сна. Песчаная равнина — сплошной песок. И на нем — два яйца рядом. Одно — огромное, яйцо африканского страуса. Другое — крохотное, змеиное яйцо. Скорлупа расколота, и из яйца высывается хорошенькая головка вертявой змейки.

Синго смотрит на нее, думая, какая она в самом деле хорошенькая.

Синго был уверен, что увидел этот сон только потому, что думал о Кикуко и Кинуко. Чей детеныш был в страусовом яйце и чей в змеином, он, конечно, не знал.

— Интересно, змея действительно откладывает яйца или родит живых детенышей? — прошептал про себя Синго.

3

На следующий день было воскресенье, и Синго лежал в постели почти до десяти часов. Он чувствовал слабость в ногах.

Синго вспомнил свой сон, и ему стали неприятны и страусовое яйцо, и маленькая змейка, высунувшая голову из змеиного яйца.

Тщательно почистив зубы, Синго вошел в столовую.

Кикуко, сложив стопкой газеты, перевязывала их

шнурком. Продавать, видно, собирается, подумал Синго.

Подбирать для Ясуко газеты — утренние выпуски к утренним, вечерние к вечерним — и класть числами вверх было обязанностью Кикуко.

Кикуко встала и налила Синго чай.

— Было две статьи о лотосе, росшем две тысячи лет назад. Вы читали? Я вам их отложила. — С этими словами Кикуко положила две газеты на чайный столик.

— Да, кажется, читал.

Но Синго все-таки взял газеты.

При археологических раскопках памятников культуры Яёи обнаружены семена лотоса примерно двухтысячелетней давности. В газете уже писали, что лотосы зацвели. Синго заходил в комнату Кикуко и показывал ей эту газету. Это было, когда она только что вернулась из больницы после аборта и лежала в постели.

Значит, появились еще две статьи о лотосе. В одной писали, что профессор ботаники, расчленив корень лотоса, высадил его в пруду Сансиро¹ в парке Токийского университета, который он окончил. В другой рассказывалось, как некий профессор университета Тохоку обнаружил в торфяниках Маньчжурии окаменевшие семена лотоса и послал их в Америку. В Вашингтоне, в Национальном парке, с семян сняли отвердевшую оболочку, завернули во влажную гигроскопическую вату и поместили в теплицу. В прошлом году появились крошечные ростки.

В этом году, когда их высадили в пруд, на каждом растеньице распустилось по два розовых цветка. Ученые парка определили, что лотос относится к виду, существовавшему тысячу, а возможно, и пятьдесят тысяч лет назад.

— Когда я прошлый раз читал эти статьи, то подумал, что счет у них очень уж приблизительный: тысяча лет — пятьдесят тысяч лет, — засмеялся Синго и стал внимательно перечитывать статью. Японский профессор, исходя из строения слоев, в которых были обнаружены семена, предположил, что им несколько десятков тысяч лет. В Америке же снятый с семян верхний слой подвергли радиоактивному анализу и установили, что им тысяча лет.

Это было сообщение корреспондента из Вашингтона.

— Больше не нужны? — Кикуко подобрала газеты,

¹ Пруд, описанный в романе выдающегося японского писателя Нацумэ Сосэки (1867–1916) «Сансиро» и с тех пор носящий это название.

отложенные Синго. Видимо, она хотела спросить, можно ли продать и эти газеты.

Синго кивнул.

— Тысяча лет или пятьдесят тысяч лет — все равно, семена лотоса живут долго. Насколько семена растений долговечнее человека, — сказал Синго, глядя на Кикую. — Хотя не исключено, что мы тоже могли бы, не умирая, лежать в земле тысячу, а то и две тысячи лет.

Кикую прошептала:

— Как это — в земле?

— Не в могиле. Нет, мы бы не были мертвецами, мы бы просто лежали. Действительно, разве нельзя лежать в земле? А когда через пятьдесят тысяч лет мы бы вышли на свет, все наши тяготы, все трудные социальные проблемы, возможно, уже были бы разрешены и на земле наступил бы рай.

Фусако на кухне кормила детей.

— Кикую-сан, — позвала она. — Посмотри, пожалуйста, кажется, еда для отца уже готова.

— Иду.

Кикую вышла и принесла Синго завтрак.

— Все уже поели. Остались вы один.

— Да? А Сюити?

— Пошел удить рыбу.

— Ясуко?

— В саду.

— Нет, сегодня яиц не буду есть, — сказал Синго и вернул Кикую миску, в которой лежали яйца. Он сразу же вспомнил змеиное яйцо, которое видел во сне, и ему стало неприятно.

Фусако принесла жареную камбалу, молча поставила ее перед Синго и снова ушла к детям.

Когда Кикую начала собирать грязную посуду, Синго спросил ее тихо:

— Кикую, у тебя будет ребенок?

— Нет.

Уже ответив, Кикую вдруг испугалась этого прямого вопроса.

— Нет. Не будет, — покачала она головой.

— Значит, ничего и не было?

— Ничего.

Кикую с недоумением посмотрела на Синго и покраснела.

— Я хочу, чтобы на сей раз ты отнеслась к этому ответственно. Недавно у меня был с Сюити серьезный разговор.

«Ты можешь поручиться, что у нее будут дети?» — спросил я его, и он ответил, не задумываясь: «Вполне могу поручиться». — «Это доказывает, что ты не боишься неба, — сказал я ему. — Ведь кто может поручиться за то, что произойдет завтра?» Конечно, это будет ваш ребенок, но нам-то он будет внуком. Я уверен, что ты родишь прекрасного ребенка.

— Простите меня. — Кикико потупилась.

Было не похоже, что она что-то скрывает.

Зачем понадобилось Фусако утверждать, будто Кикико беременна? Не слишком ли ревностно ведет она свою слежку? Разве возможно такое, чтобы Фусако заметила, а Кикико, которую это касается больше всех, не заметила?

Не слышит ли из кухни их разговора Фусако? Синго обернулся: нет, кажется, она вышла с детьми во двор.

— Ты говоришь, Сюити пошел рыбу удить... Раньше он, по-моему, никогда этим не занимался, правда?

— Да. Наверно, услышал от какого-нибудь приятеля об этом пруде, где водится рыба, — сказала Кикико, а Синго подумал: «Может быть, и в самом деле Сюити расстался с Кинуко? Ведь раньше он и по воскресеньям ездил к своей любовнице».

— Не сходить ли нам попозже посмотреть на рыбную ловлю? — предложил Синго Кикико.

Синго спустился в сад — Ясуко стояла и внимательно осматривала вишню.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Просто с вишни почти совсем облетела листва, и я подумала, может, какие-то жучки на нее напали. Мне показалось, что на этом дереве трещат цикады, а листьев уже нет.

Пока они разговаривали, пожелтевшие листья продолжали осыпаться. Ветра не было, и они не разлетались, а тихо опускались на землю.

— Сюити, кажется, пошел удить рыбу. Схожу и я с Кикико посмотреть.

— Удить рыбу? — обернулась Ясуко.

— Спрашивал у Кикико — говорит, ничего нет. Может быть, Фусако ошиблась?

— Возможно. Ты у Фусако не спрашивал? — Ясуко задумчиво растягивала слова.

— Все это очень грустно.

— Почему Фусако все время что-то придумывает?

— Действительно, почему?

— Я спрошу ее.

Они вернулись в дом. Кикуко, в белом свитере, уже надев тэта, ждала Синго в прихожей.

Слегка подрумяненная, она выглядела цветущей.

4

В окне неожиданно появились красные цветы — это был ликорис. Он цвел на железнодорожной насыпи, так близко от рельсов, что, когда поезд проносился мимо цветов, они, казалось, качались. Синго видел цветущий ликорис и среди вишен в Тоцука. Цветы только распустились и были еще ярко-красными.

В то утро красные цветы заставили Синго вспомнить о тишине осенних полей.

Мелькали кустики мисканта.

Синго снял правый ботинок и, положив ногу на левое колено, стал растирать ступню.

— Что ты делаешь? — спросил Сюити.

— Онемели. В последнее время каждый раз, как поднимаюсь по лестнице на платформу, немеют ноги. Что-то я в этом году сдал. Чувствую, как уходят силы.

— Кикуко тоже все беспокоится: устает, говорит, отец.

— Да? Это, наверно, потому, что я сказал ей, что хотел бы пролежать в земле пятьдесят тысяч лет.

Сюити с недоумением посмотрел на Синго.

— Разговор шел о семенах лотоса. Семена древнего лотоса проросли, и распустились цветы — об этом в газете писали.

— Что ты говоришь?

Сюити закурил сигарету.

— Ты спрашивал у Кикуко, не собирается ли она родить, и вконец ее расстроил.

— Почему?

— Потому что пока она не может.

— Ну, а как ребенок у этой Кинуко?

Сюити стало не по себе, но он сдержался.

— Мне говорили, ты ходил туда. И оставил, я слышал, чек. Не следовало этого делать.

— Как ты узнал об этом?

— Я узнал стороной. С Кинуко мы больше не встречаемся.

— Ребенок у нее от тебя?

— Кинуко уверяет, что нет...

— Что бы она ни говорила, речь идет о твоей совести. Ты согласен? — Голос Синго дрожал.

— Честно говоря — не знаю.

— Как это так?

— Сколько бы я ни терзался, с этой одержимой женщиной мне не сладить.

— Все равно она терзается гораздо больше тебя. И Кинуко тоже.

— Но теперь, когда мы расстались, я думаю, она снова заживет, как раньше, по своему разумению.

— Разве это порядочно? Неужели тебе в самом деле не хочется знать, твой это ребенок или нет? Или, может быть, совесть все-таки подсказывает тебе, от кого у нее ребенок?

Сюити не ответил. Лишь хлопал своими чересчур красивыми для мужчины глазами.

На столе Синго в фирме лежала открытка с траурной каемкой. Приятель, болевший раком печени. Он был, правда, совсем плох, но умер как-то уж слишком быстро, подумал Синго.

Может, все-таки кто-то дал ему яду? Возможно, он просил об этом не одного Синго. Или, может быть, покончил с собой еще каким-нибудь способом?

Было еще одно письмо — от Танидзаки. Хидэко известала его, что перешла работать в другой салон. Вскоре после нее Кинуко тоже ушла оттуда и переехала в Нумадзу, писала Хидэко. В Токио это трудно, а в Нумадзу она сможет открыть небольшую собственную мастерскую, сказала она Хидэко.

Хидэко, правда, об этом не написала, но, может быть, Кинуко решила уехать в Нумадзу, чтобы тайно родить ребенка, подумал Синго.

Неужели, как и говорил Сюити, Кинуко решила снова жить самостоятельно, по собственному разумению, порвать всякие связи и с Сюити и с Синго?

Какое-то время Синго сидел неподвижно, глядя на сверкавшие в окне, умытые солнечные лучи.

Икэда, которая жила с Кинуко, осталась одна, — каково ей сейчас?

Синго решил непременно встретиться с Икэда или Хидэко и расспросить о Кинуко.

Во второй половине дня он пошел выразить соболезнование семье покойного приятеля. Там Синго впервые узнал, что его жена умерла еще семь лет назад. Он жил, видимо, в семье старшего сына, у которого было пятеро

детей. Ни сын, ни внуки не были похожи на покойного приятеля.

Синго было интересно узнать, действительно ли он покончил с собой, но спрашивать об этом, естественно, не следовало.

Среди цветов, лежавших у гроба, было много хризантем.

Когда Синго, вернувшись в фирму, просматривал с Нацуко документы, неожиданно позвонила по телефону Кикико. Не случилось ли чего, забеспокоился Синго.

— Кикико? Где ты? В Токио?

— Да. Ёздила к своим. — Чувствовалось, что она улыбается. — Мама сказала, что хочет поговорить со мной, вот я и поехала, а никакого дела у нее нет. «Просто стало скучно, — говорит, — решила посмотреть на тебя».

— Понятно.

У Синго отлегло от сердца. Может быть, и потому, что по телефону у Кикико был совсем девичий голос, но не только поэтому.

— Отец, вы уже едете домой?

— Да. Может, поедem все вместе?

— Хорошо. Мне так хотелось ехать с вами — и я позвонила.

— Прекрасно. Если у тебя есть еще дела, не торопись. Я предупрежу Сюити.

— Дел никаких нет, я уже собралась домой.

— Тогда, может, ты заедешь в фирму?

— А это удобно? Я-то думала подождать вас на вокзале.

— Нет, лучше приезжай сюда. Возьмем с собой Сюити. Перекусим втроем — и домой.

— Я ему звонила, сказали, куда-то вышел, на месте его нет.

— Что ты говоришь?

— Можно, я все равно прямо сейчас приеду? Дела свои я уже закончила.

У Синго горело лицо, он неожиданно четко увидел улицу за окном.

1

Октябрьское утро. Рука Синго, завязывавшая галстук, неожиданно замерла.

— Как же это? Как же это?.. — Он опустил руки, лицо у него стало растерянным. — Что ж это такое?

Синго распутал галстук и снова попытался завязать, но галстук никак не завязывался.

Он взял галстук за концы, поднял на вытянутых руках и, склонив голову, стал разглядывать.

— Как же это делается?

Кикуко, стоявшая за спиной Синго с пиджаком наготове, обошла его и встала перед ним.

— Галстук никак не завязывается. Забыл вдруг, как завязывать. Странно...

Неловким движением Синго обернул галстук вокруг пальцев, пытаясь пропустить через узел один конец, и от этих непонятных действий галстук стал похож на разжеванную клецку. Синго все время повторял: «Странно», — но в глазах его застыли страх и отчаяние, и это испугало Кикуко.

— Отец, — окликнула она его.

— Как же это делается?

Синго стоял понуро, не в силах вспомнить, как завязывают галстук.

Видя это, Кикуко перекинула через руку пиджак и подошла к нему вплотную.

— Как же это делается?

Пальцы Кикуко, неумело перебиравшие галстук, расплывались перед старческими глазами Синго.

— Совсем забыл.

— Но ведь вы же сами, отец, каждый день завязываете галстук.

— Да, конечно.

Почему вдруг сегодня не завязывается галстук, который Синго заученными движениями завязывал ежедневно в течение всех сорока лет работы в фирме? Ему даже думать не нужно было, как это делается, руки действовали машинально. Завязывал бездумно.

Синго стало страшно, он растерялся: в нем неожиданно что-то сломалось.

— Я каждый день вижу, как это делается, и вот... —

Кикуко с серьезным лицом сосредоточенно вертела в руках галстук Синго.

У Синго появилось чувство, что он снова возвращается в детство и уже не сможет обходиться без посторонней помощи.

У Кикуко приятно пахли волосы.

Неожиданно Кикуко перестала вертеть галстук и покраснела.

— Нет, ничего не получается.

— А Сюити ты разве никогда не завязывала галстук?

— Никогда.

— Только развязывала, когда он возвращался пьяный?

Кикуко чуть отстранилась и, нахмурившись, оставилась на повисший галстук Синго.

— Может быть, мама знает? — И, переведя дыхание, позвала: — Мама! Мама! Отец никак не завяжет галстук... Вы не поможете?

— Ну что там опять?

С недовольным лицом появилась Ясуко.

— Неужели сам не можешь завязать?

— Отец забыл, как завязывают.

— Я всегда делал это машинально, а сейчас забыл. Странно.

— Действительно странно.

Кикуко отошла в сторону, и Ясуко встала перед Синго.

— Хм. Я что-то тоже не знаю, как это делается. Забыла, наверно, — сказала Ясуко, дотрагиваясь до подбородка Синго рукой, в которой был зажат галстук. Синго закрыл глаза.

Ясуко начала неумело завязывать галстук.

Оттого, видно, что у Синго была запрокинута голова и кровь прилила к затылку, он стал внезапно терять сознание, в глазах засверкала серебром снежная пыль. Снежная пыль от рухнувшей с горы лавины в лучах вечернего солнца. Синго даже грохот услышал.

Наверно, это кровоизлияние, испугался Синго и открыл глаза.

Кикуко, затаив дыхание, внимательно следила за каждым движением Ясуко.

Это был призрак той лавины, которую давным-давно, еще у себя на родине, видел в горах Синго.

— Ну как, ничего?

Ясуко уже завязала галстук и теперь поправляла его.

Синго тоже стал теребить галстук и случайно коснулся руки Ясуко.

— О-о.

Синго вдруг вспомнил. Когда он окончил университет и первый раз в жизни надел пиджак, галстук ему завязала сестра Ясуко.

Избегая взглядов Ясуко и Кикико, Синго повернулся к зеркалу, вделанному в платяной шкаф.

— Как будто все в порядке. Да, совсем из ума выжил. Забыл вдруг, как завязывают галстук. Ужас.

Судя по тому, что Ясуко удалось довольно быстро завязать галстук, она, наверно, завязывала его Синго, когда они были молодоженами? Но вспомнить точно он никак не мог.

Или, может быть, она завязывала галстук своему красавцу зятю, когда после смерти сестры пришла в его дом вести хозяйство?

Кикико, надев гэта, встревоженная, вышла проводить Синго до ворот.

— Вы поздно?

— Нет, приема сегодня не будет. Так что я не задержусь.

— Возвращайтесь пораньше.

Подъезжая к Офунэ, Синго увидел в окно электрички Фудзи, ярко вырисовывавшуюся на прозрачном осеннем небе, и стал проверять галстук — он был завязан наоборот. Тот конец, который должен быть длиннее, оказался короче. Ясуко ошиблась, потому что, завязывая галстук, стояла к Синго лицом.

— Ну что такое...

Синго развязал галстук и без труда повязал его заново.

То, что совсем недавно он не мог вспомнить, как это делается, казалось ему теперь неправдоподобным.

2

В последнее время Сюити все чаще стал возвращаться домой вместе с Синго.

Электрички до Йокосука, ходившие вообще-то с интервалом в полчаса, по вечерам отправлялись каждые пятнадцать минут и часто бывали полупустые.

В Токио напротив Синго и Сюити села молодая женщина.

— Прошу вас, присмотрите, пожалуйста, — обратилась

она к Сюити и, положив на скамейку сумку из красного заменителя под замшу, встала.

— Вам два места?

— Видите ли...

Женщина ответила туманно — ее густо напудренное лицо при этом несколько не покраснело — и, повернувшись к ним спиной, вышла на платформу. На ее изящной фигурке пальто с чуть приподнятыми плечами, мягкими складками спадавшее вниз, выглядело очень элегантно.

Синго был потрясен — как это Сюити сразу все сопоставил и спросил: вам два места? Быстро соображает. Как он мог догадаться, что женщина кого-то ждет, с кем-то условилась встретиться?

После вопроса Сюити Синго тоже решил, что женщина вышла, чтобы встретить попутчика.

И еще одно — почему женщина, севшая у окна, как раз напротив Синго, обратилась не к нему, а к Сюити? Может быть, потому, что, поднимаясь со своего места, она смотрела в сторону Сюити, а может быть, и потому, что Сюити всегда приветлив и женщины чувствуют себя с ним свободно?

Синго взглянул на Сюити.

Сюити читал вечерний выпуск газеты.

Вскоре женщина вернулась в вагон и, задержавшись у открытой двери, еще раз осмотрела платформу. Человека, с которым она условилась встретиться, видимо, там не было. Когда женщина возвращалась на свое место, ее светлое пальто, застегнутое под шеей на одну большую пуговицу, слегка колыхалось при каждом ее шаге. Карманы были прорезаны довольно низко, и женщина, держа руки в карманах, шла, как бы раскачивая пальто. Несколько необычный покрой пальто очень шел ей.

На этот раз она села напротив Сюити. Она трижды обернулась к двери — с нового места ей лучше был виден вход.

Место напротив Синго было занято ее сумкой — цилиндрической, с закругленными краями и большим замком.

Бриллиантовые серьги были скорее всего фальшивые, но сверкали, как настоящие. На ее узком лице выделялся толстоватый нос. Рот маленький, прекрасной формы. Слегка вздернутые густые брови подбриты. Чуть припухшие веки, округлый подбородок. В общем, очень красивая женщина.

В глазах усталость, возраст не определить.

У входа поднялась сутолока — молодая женщина и Синго посмотрели в ту сторону. В вагон вошло несколько мужчин с огромными ветками клена. Они весело толкались, возвращаясь, видимо, из туристской поездки.

Багровые листья клена скорее всего с севера, подумал Синго.

Мужчины, не стесняясь, переговаривались громкими голосами, и стало ясно, что клены из Этиго.

— Наверно, и в Синсю клены уже красные, — сказал Синго.

Но Синго вспомнил не столько клены в горах на своей родине, сколько багровые листья карликового клена, который поставили у алтаря после смерти старшей сестры Ясуко.

Сюити тогда еще не было на свете.

Синго пристально смотрел на ветки клена, которые лежали на скамейке, напоминая пассажирам о времени года.

Выйдя из задумчивости, Синго вдруг обнаружил, что напротив него сидит отец молодой женщины.

Значит, она ждала отца? Непонятно почему, Синго это успокоило.

У отца и у дочери были одинаковые толстые носы — рядом они выглядели смешно. И даже волосы росли у них одинаково. Отец был в очках в темной оправе.

И отец и дочь сидели безучастно друг к другу, с неподвижными лицами, не разговаривая между собой. Незадолго до Синагава отец заснул. Дочь тоже закрыла глаза. У них даже ресницы, казалось, были одинаковые. Сюити не был так похож на Синго.

Синго хотелось, чтобы отец и дочь перекинулись хотя бы словечком, но в то же время он даже немного завидовал тому, что они сидят безучастные друг к другу, как чужие.

Наверно, и дома у них мир и покой.

И когда в Йокохаме вышла только женщина, Синго был потрясен. Вот тебе и отец и дочь — совершенно чужие.

У Синго даже настроение испортилось.

В Йокохаме сосед лишь чуть приоткрыл глаза и снова заснул.

Когда не стало женщины, этот пожилой мужчина показался Синго каким-то неприятным.

Синго толкнул Сюити локтем.

— Значит, они не отец и дочь, — прошептал он.

Но Сюити отнесся к этому не так, как ожидал Синго.

— Видел? Нет?

Сюити презрительно кивнул.

— Странно.

Сюити не считал, видимо, это странным.

— Похожи, правда?

— Пожалуй.

Мужчина спал, поезд гроыхал, но все равно громко говорить о попугайчике, который сидит напротив, не следовало.

Это было неприлично, и Синго, опустив глаза, вдруг загрустил.

Он, казалось, должен был с грустью думать об этом человеке, а грусть почему-то поселилась в нем самом.

От станции Ходокэтани до Тоцука довольно далеко. И осеннее небо успело потемнеть.

Возможно, мужчина был моложе Синго, но не намного — тоже, наверно, что-нибудь под шестьдесят. А женщина, вышедшая в Йокохаме, пожалуй, одних лет с Кикику. У Кикику глаза красивее.

Но все-таки неужели та женщина не дочь этого человека?

Недоумение Синго все усиливалось.

Есть, конечно, люди настолько похожие друг на друга, что кажутся родными. Но их не так уж много. Может быть, этот мужчина — единственный двойник той женщины, а она — единственный его двойник. У каждого всего по одному двойнику. Возможно, что это единственный на свете случай поразительного сходства двух чужих друг другу людей. И каждый из них живет, не имея никаких родных и даже не зная о существовании другого.

Они встретились совершенно случайно в электричке. Впервые столкнулись и вряд ли увидятся еще когда-нибудь — одна тридцатиминутная встреча за всю их долгую жизнь. И расстались, не обмолвившись ни словом. Они сидели рядом и, видимо, как следует не рассмотрели друг друга, а то и вообще не заметили своего поразительного сходства. Люди, в которых воплотилось чудо, расстались, так и не узнав, что в них воплотилось чудо.

Потрясен был посторонний — Синго.

Но, думал Синго, может быть, и я, случайно оказавшийся свидетелем чуда, тоже стал частицей этого чуда?

Что же это за сила, которая создала мужчину и женщину, похожих друг на друга, как отец и дочь, соединила их всего на тридцать минут и показала Синго?

Ведь только потому, что тот, кого ждала молодая женщина, не пришел, она оказалась рядом с мужчиной, которого можно было принять за ее отца.

— Эта сила — сама жизнь, не иначе, — прошептал Синго.

Когда электричка остановилась в Тоцука, спавший мужчина поспешно вскочил, и его шляпа упала с багажной полки под ноги Синго. Синго поднял ее.

— Благодарю вас.

Не стряхнув пыли, мужчина надел шляпу и вышел.

— Странный случай, правда? Оказался совершенно посторонним ей человеком, — уже не стесняясь, громко сказал Синго.

— Они действительно похожи, но облик у них совершенно разный.

— Облик?..

— Девушка бодрая, живая, а он какой-то пришибленный.

— Просто девушка принаряжена, а пожилой человек одет как попало — в жизни это часто бывает.

— Это верно, но у них стиль одежды, как бы сказать, совсем разный.

— Хм, — кивнул Синго. — Женщина, если помнишь, сошла в Йокохаме. И, как только мужчина остался один, мне показалось, он сразу как-то сник...

— Это верно. Но он таким был и раньше.

— И все-таки мне странно, почему он так сразу сник. Словно тоска его вдруг охватила, что ли. Он ведь моложе меня, и вот...

— Так бывает, бывает, стоит старику оказаться рядом с молодой женщиной, у него сразу же появляется самодовольно-победоносный вид. Ты и сам такой же, отец, а? — пошутил Сюити.

— Что ж поделаешь, если молодые люди, как ты, завидуют старику.

— Нет, я не завидую. Союз молодого красавца и красавицы очень уж непрочен, а некрасивый рядом с красавицей выглядит жалким, — нет, красавиц я уступаю старикам.

Синго все не переставал удивляться поразительному сходству сидевших напротив.

— И все-таки не исключено, что это отец и дочь. Я вот подумал, а вдруг эта женщина — его внебрачная дочь. Встретившись, они не назвали себя и так и не узнали, что они отец и дочь...

Сюити отвернулся.

После слов Синго он даже выругался про себя.

Сюити никак не ожидал, что отец станет подпускать шпильки.

— Лет через двадцать с тобой может случиться то же самое.

— Ты все время к этому и клонил, отец, а? Нет, я не такой сентиментальный фаталист. Вражеские снаряды свистели над самой моей головой, и ни один не угодил в меня. И в Китае, и на островах южных морей у меня, может, есть незаконнорожденные дети. А встретиться со своим незаконнорожденным ребенком и разойтись, не узнав друг друга, — это пустяк по сравнению со свистом снарядов над головой. Для жизни, во всяком случае, не опасно. Кроме того, Кинуко, может быть, родит девочку, и если уж сама Кинуко утверждает, что ребенок не от меня, я предпочитаю тоже так думать.

— Военное время и мирное — совсем не одно и то же.

— Может быть, за нами уже гонится новая война, а может быть, и призрак прошлой, которая нас все еще не отпускает, — сказал Сюити. — И только потому, что та женщина чуточку отличается от других, — добавил он осуждающе, — ты, отец, увидел в ней что-то привлекательное и размышлял о ней. Если женщина хоть чуть-чуть отличается от других, мужчина тут же попадает в ее сети.

— А ты, если женщина хоть чуть-чуть отличается от других, предпочитаешь наградить ее ребенком, и пусть потом воспитывает его как может, тебя это не касается.

— Я этого не хотел. Хотела этого только она.

Синго ничего не ответил.

— Женщина, что сошла в Йокохаме, я уверен, свободна.

— Может быть.

— Наверняка не замужем, и если ее пригласить — пойдет. Держится неприступно, а сама не такая уж добропорядочная, и положение у нее не очень прочное.

Синго оторопел от этих наблюдений Сюити.

— Ужасный ты человек, Сюити. Когда ты успел стать таким циником?

— Кикуко свободна. В самом деле свободна. Я не хочу быть ни стражником, ни арестантом, — вызываяще бросил Сюити.

— Что ты имеешь в виду, заявляя, что твоя жена свободна? Ты и Кикуко это говорил?

— Нет, Кикуко лучше скажи это ты, отец.

Синго ответил резко:

— Ты хочешь сказать — не считай больше Кикуко своей невесткой?

— Нет, почему же? — сбавил тон Сюити. — Разговор начался с того, что женщина, которая сошла в Йокохаме, свободна... Эта женщина примерно одних лет с Кикуко и даже чем-то на нее похожа — поэтому, вероятно, она и пожилой мужчина показались тебе отцом и дочерью.

— Что?

От неожиданности Синго совсем растерялся.

— Ничего подобного. Кем бы они ни доводились друг другу, их сходство кажется чудом.

— По правде сказать, не такой уж это потрясающий случай, как ты его представляешь.

— Нет, я действительно был потрясен, — ответил Синго, но когда Сюити догадался, что отец, не отдавая себе в этом отчета, думал о Кикуко, у Синго даже дыхание перехватило.

Пассажиры с ветками клена сошли в Офунэ. Глядя, как ветки клена движутся над платформой, Синго сказал:

— Может быть, съездим как-нибудь в Синсю — полюбоваться на клены? С матерью и с Кикуко.

— Не знаю. Меня клены мало интересуют.

— Я хочу снова увидеть родные горы. И дом Ясуко — ей приснилось, что он весь развалился.

— Действительно разваливается. И если не починить, пока не поздно, совсем рассыплется. Остов, правда, еще крепкий — поэтому он и стоит, и если починить... Но зачем, собственно?

— Как зачем? Когда я уйду на пенсию, мы с матерью сможем уехать в деревню, а когда-нибудь, глядишь, и вы там поселитесь.

— Я могу остаться и присмотреть за нашим домом, а Кикуко — она еще не видела материнского дома в деревне — пусть едет вместе с вами, по-моему, это самое лучшее.

— А как сейчас Кикуко?

— С тех пор как у меня с той женщиной все кончилось, Кикуко стала какая-то скучная, ко всему безразличная.

Синго горько усмехнулся.

В воскресенье днем Сюити снова отправился удить рыбу.

Положив в ряд подушки для сидения, которые вынесли сушить на веранду, Синго улегся на них, подперев рукой голову, и стал греться на солнце.

На большом камне у порога лежала Тэру.

Ясуко сидела в столовой и, стопкой сложив на коленях газеты за десять дней, внимательно их читала.

Когда попадалась интересная, на ее взгляд, заметка, она окликала Синго и читала ему вслух. Это повторялось довольно часто, и Синго, несколько раз промычав в ответ что-то невразумительное, наконец не вытерпел.

— Перестала бы ты, Ясуко, по воскресеньям читать газеты, — сказал он и лениво повернулся на другой бок.

Перед нишей в гостиной Кикико ставила в цветочную вазу вьющуюся декоративную тыкву.

— Кикико, ты сорвала ее на горе за домом?

— Да. Красивая, правда?

— Там, наверно, еще осталось?

— Да. Еще пять или шесть.

Кикико приподняла лозы, на которых висели три ярких плода.

Каждое утро, умываясь, Синго видел, как на горе за домом розовеют декоративные тыквы, а сейчас, когда их принесли в гостиную, они оказались совсем красными.

Синго рассматривал декоративную тыкву, но в поле его зрения попала и Кикико.

Как невыразимо чиста и прекрасна линия от шеи до подбородка. Нет, эта прекрасная линия не могла появиться за одно поколение — много поколений трудилось над ней, подумал Синго с грустью.

Может быть, оттого, что прическа оголила шею, Кикико выглядела похудевшей.

Синго всегда знал, что у Кикико очень красивая шея, изящная, длинная, но сейчас под тем углом, под которым он, лежа, видел ее, она казалась еще прекраснее.

Может быть, от осенних лучей солнца.

Линия шеи у подбородка подчеркивала чистоту Кикико.

Правда, шея уже чуть пополнела, и ее девичьи очертания начали исчезать.

— Только одну еще... — окликнула Ясуко Синго. — Очень интересно.

— Ну?

— Об Америке. Есть такой город Буффало, в штате Нью-Йорк. Буффало... Один человек в автомобильной катастрофе потерял левое ухо и ринулся к врачу. Врач опрометью выбежал из дому к месту катастрофы, разыскал окровавленное ухо, вернулся с ним домой и пришел пострадавшему. Ухо прекрасно прижилось. Здесь сказано, что и отрезанный палец может прирасти, если пришить его сразу.

— Что ты говоришь?

Ясуко некоторое время просматривала другие статьи, а потом вдруг заявила:

— То же самое и в семейной жизни. Если муж с женой, не успев разойтись, снова сходятся, все у них потом идет прекрасно. А когда после разрыва проходит слишком много времени, то...

— Ты о чем это? — сказал Синго, не задавая прямого вопроса.

— Разве у Фусако не так?

— Неизвестно, жив Аихара или мертв, и неизвестно, где он, — ответил Синго.

— Где он — это можно при желании выяснить, но... что это даст?

— Перестань причитать. Заявление о разводе уже послано. Нужно примириться с этим, и конец.

— Я смолоду научилась со всем примиряться, но когда у меня все время на глазах Фусако с двумя детьми, из головы не выходит: что делать?

Синго промолчал.

— Внешность у Фусако малопривлекательная, ты сам видишь. Но даже если кто-нибудь и сделает ей предложение и она выйдет замуж, дети все равно останутся здесь, и заботы о них лягут на Кикуко, жаль ее.

— Если это случится, Кикуко и Сюити станут жить отдельно и растить детей придется тебе.

— Мне, говоришь? Ты прекрасно знаешь, работы я не боюсь, но не забывай — мне уже за шестьдесят.

— Дела человеческие решаются на небесах. Куда ушла Фусако?

— К Большому Будде. Странные существа эти дети. Хотя Сатоко чуть не попала в автомобильную катастрофу, возвращаясь из храма, где стоит Большой Будда, она любит его и все время просит, чтобы ее отвели к нему.

— Вряд ли она любит именно Большого Будду.
— Нет, кажется, она и правда любит его.
— Странно.
— Как ты думаешь, Фусако не захочет переехать в деревню? Получит в наследство наш дом.

— Да нет, какой это дом, — резко сказал Синго.

Ясуко замолчала и снова углубилась в газеты.

— Отец, — позвала его на этот раз Кикико. — Рассказ мамы об ухе напомнил мне, как вы мечтали отделить голову от туловища, сдать ее в клинику и там почистить и подновить.

— Да-да. Когда я смотрел на подсолнухи. Нужда в этом становится все острее. То я забыл, как завязывать галстук, а то, чего доброго, стану читать газету вверх ногами.

— Я ваши слова часто вспоминаю. Мне тоже все время хочется сдать свою голову в клинику.

Синго посмотрел на Кикико.

— Хм. Каждую ночь я и сдаю свою голову в клинику сна. Но, может быть, это связано с возрастом, что я без конца вижу сны. Как-то я прочел стихи: «Когда в душе тоска, мы видим сны — действительности продолженье». А вот мои сны — не продолжение действительности.

Кикико поставила в вазу декоративную тыкву и рассматривала ее со всех сторон.

Синго тоже смотрел на нее.

— Кикико, никогда не уходи от нас, — внезапно сказал он.

Кикико встала, повернулась к Синго и, подойдя к нему, села рядом.

— Я боюсь жить отдельно. Я боюсь Сюити, — сказала Кикико тихо, чтобы не слышала Ясуко.

— Неужели ты собираешься уйти от Сюити?

Кикико помрачнела.

— Если и уйду, все равно всегда буду заботиться о вас.

— Тебе это принесет только несчастье.

— Нет. Какое же это несчастье — делать что-нибудь с радостью.

Синго поразился — Кикико впервые проявила такую горячность. И почувствовал всю опасность их разговора.

— Не потому ли ты, Кикико, относишься ко мне так хорошо, что я как бы заменяю тебе Сюити? Мне кажется, вы с Сюити сейчас еще больше отдалились друг от друга.

— Я его часто не понимаю. Иногда он вдруг становится мрачным — к нему не подступишься. — Кикико, побледнев, смотрела на Синго, словно взывая о помощи.

— Да, война его сильно изменила. Иногда и я не могу понять, что с ним происходит. Он все делает наперекор. Как был бы я счастлив, если бы вам удалось мягко, без насилия снова соединить свои жизни, как то окривленное ухо...

Кикуко сидела неподвижно, с помрачневшим лицом.

— Тебе Сюити не говорил: Кикуко, ты свободна?

— Не-ет. — Кикуко недоуменно посмотрела на Синго. — Как это — свободна?..

— Да, я тоже спросил Сюити, что он имеет в виду, заявляя, что его жена свободна. Если вдуматься, то это, видимо, значит: Кикуко должна освободиться от меня, а я должен сделать Кикуко более свободной.

— Вы говорите «я», подразумевая себя?

— Да. Слова Сюити, в сущности, означают: Кикуко свободна, скажи ей об этом сам.

В это время в вышине послышались какие-то звуки. Синго показалось, что это голос неба.

Посмотрев вверх, он увидел, что над самыми деревьями летят голуби.

Кикуко, видимо, тоже услышала шелест крыльев и подошла к краю веранды.

— Неужели я действительно свободна? — со слезами в голосе спросила она, провожая глазами голубей.

Тэру, спокойно лежавшая на камне у порога, услышав хлопанье крыльев, помчалась в сад.

5

В то воскресенье к ужину собралась вся семья — все семь человек.

И вернувшаяся домой Фусако, и двое ее детей теперь тоже стали членами семьи.

— В рыбной лавке было только три форели. Третью я дам Сатоко. — С этими словами Кикуко поставила форель перед Синго, перед Сюити и перед Сатоко.

— Дети форель не едят, — протянула руку Фусако. — Отдай бабушке.

— Нет. — Сатоко ухватилась за тарелку.

Ясуко сказала спокойно:

— Форель очень большая. И в этом году последняя. Я возьму кусочек у деда. Кикуко — у Сюити...

Ее слова разбили семью на три части и как бы сразу превратили ее в три семьи.

Сатоко стала поспешно отщипывать палочками куски рыбы.

— Вкусно? Ешь аккуратнее, — поморщилась Ясуко и, подцепив палочками икринки форели, положила их в рот младшей, Кунико. Сатоко не возражала. — Икорка... — пробормотала Ясуко и ухватила своими палочками немного икры от форели Синго.

— Давно, еще в деревне, сестра Ясуко попросила меня сочинить трехстишие — помучился я тогда над ним — и задала тему: то ли форель осенью, то ли форель, которая плывет вниз по реке метать икру, то ли форель на нересте, — начал Синго и, взглянув на Ясуко, продолжал: — В общем, нужно было, чтобы в трехстишии была форель, которая, отметав икру, с трудом спускается по реке к морю — истощенная, без сил.

— Как я, — быстро сказала Фусако. — Хотя я никогда не была так привлекательна, как форель.

Синго сделал вид, что не слышит.

— На эту тему есть старинные трехстишия: «Время пришло, на волю волн отдалась осенняя форель» — или еще: «Мчится в стремнине к собственной смерти форель».

— Да, уж если о ком эти трехстишия, так обо мне.

— Нет, обо мне, — сказала Ясуко.

— Неужели, отметав икру и спустившись к морю, она погибает?

— Думаю, погибает. Иногда встречается форель, которая круглый год прячется в речных заводях, — ее называют ленивой.

— Я, пожалуй, принадлежу к ленивой форели.

— А я не хочу быть и ленивой форелью, — сказала Фусако.

— Но после возвращения домой ты поправились и цвет лица лучше стал, — сказала Ясуко, посмотрев на Фусако.

— Толстеть мне ни к чему.

— Вернуться в родительский дом — все равно что спрятаться в тихой заводи, — сказал Сюити.

— Долго прятаться не собираюсь. Противно. Лучше уж спуститься к морю. — Голос Фусако звучал пронзительно. — Сатоко, там уже одни кости. Оставь, — набросилась она на Сатоко.

Ясуко поморщилась.

— От отцовского рассказа чудесная форель потеряла всякий вкус.

Фусако, потупившись, снова заговорила:

— Отец, ты не сможешь мне обзавестись пусть хоть

крохотной лавочкой? Косметической или писчебумажной... Можно и на окраине. Я даже готова торговать спиртными напитками — в распивочной или вразнос.

Сюити был потрясен.

— Неужели ты могла бы заняться таким унижительным делом?

— Могла бы. А что тут такого, посетители придут не на меня любоваться, а сакэ пить. Да и разговаривать им со мной не о чем — они уверены, что у них красавицы жены.

— Я не в этом смысле.

— Конечно, сестра сможет. Любая женщина способна заняться каким угодно, даже самым унижительным, делом, — неожиданно сказала Кикуко. — И если сестра займется им, я готова помогать ей.

— Ого. Это становится любопытным.

Сюити всем своим видом показывал, как он удивлен. За столом воцарилась тишина.

Кикуко покраснела до ушей.

— А не поехать ли нам в следующее воскресенье в деревню полюбоваться осенними кленами? — сказал Синго.

— Полюбоваться кленами? Я бы поехала.

Глаза Ясуко заблестели.

— Кикуко, поедем с нами. Мы ведь тебе еще не показывали наши родные места.

— Хорошо.

Фусако и Сюити надулись.

— А кто останется присматривать за домом?

— Я останусь, — ответил Сюити.

— Нет, я останусь, — воспротивилась Фусако. — Но раньше, чем вы уедете в Синсю, мне бы хотелось, отец, получить от тебя ответ.

— Ладно, решим что-нибудь, — сказал Синго и вспомнил Кикуко, которая, ожидая ребенка, открыла в Нумадзу небольшую швейную мастерскую.

После обеда Сюити первым поднялся из-за стола и вышел.

Синго тоже встал, потирая затекший затылок, и, войдя в гостиную, зажег свет.

— Кикуко, — позвал он, — твоя тыква провисла чуть ли не до пола. Слишком тяжелая, наверно.

Кикуко мыла посуду и, видимо, не слышала.

POMAH

СТАРАЯ СТОЛИЦА

Перевод Б. Раскина

ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Тиэко заметила, что на старом клене распустились фиалки.

— Ах, и в этом году цветут! — На Тиэко пахнуло ласковым дыханием весны.

В маленьком саду клен кажется огромным, его ствол гораздо толще самой Тиэко. Но можно ли сравнивать замшелый, покрытый растрескавшейся грубой корой ствол с девичьим станом Тиэко...

Как раз на уровне ее талии клен немного искривляется вправо, а повыше ее головы опять-таки уходит вправо резкой дугой, и от этого изгиба во все стороны протянулись ветви, накрывая собою весь сад. Длинные ветви клонятся под собственной тяжестью, касаясь концами земли.

Чуть ниже того места, где ствол круто изгибается, — две маленькие впадинки, в которых растут фиалки. Каждую весну они цвели. Сколько себя помнит Тиэко — на стволе всегда было два кустика фиалок.

Верхний кустик отделяет от нижнего расстояние в целый сяку¹. Став взрослой девушкой, Тиэко нередко задумывалась: «Встретятся ли когда-нибудь верхняя фиалка и нижняя? Знают ли они о существовании друг друга?» Но что могут означать для них слова «встретятся», «знают»?..

Их распускается немного — всего три, от силы пять венчиков. И все же каждую весну в маленьких впадинах на стволе клена появляются новые ростки, распускаются цветы.

© Перевод на русский язык издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1984

¹ Мера длины, 30 см.

Тиэко любится фиалками с галереи или стоя перед деревом. Она глядит на них, поднимая глаза от нижнего кустика к верхнему, и с замиранием сердца то удивляется этой необычной «жизни» фиалок на клене, то ощущает порой странное чувство одиночества.

— Вот ведь где выросли... И живут... — шепчет она.

Гости, приходившие в лавку, восхищались кленом, но почти никто не замечал скромно цветущих фиалок. Старое дерево поражало своей мощью, а поросший зеленым мхом ствол вызывал почтение и придавал клену особую эстетичность. Два крохотных кустика фиалок, приютившихся на нем, казались совсем незаметными среди этого апофеоза величия и красоты.

Но мотыльки о них знают. В тот самый миг, когда Тиэко заметила, что фиалки расцвели, целый сонм маленьких белых мотыльков, круживших у самой земли, приблизился к фиалкам. На клене уже начали лопаться молодые красноватые почки, и на их фоне ярко выделялась белизна мотыльков. Листочки и цветы фиалок отбрасывали легкую тень на зеленый мох ствола.

Был мягкий весенний день. Небо затянуло облаками, как часто бывает в пору цветения.

Тиэко продолжала любоваться фиалками и после того, как их покинули мотыльки.

— Спасибо, что и в этом году вы так чудесно цветете, — беззвучно шептали ее губы.

Под фиалками, у самых корней клена, стоит старинный фонарь. В нижней части его каменной подставки высечена небольшая статуя. Отец объяснил Тиэко, что это Христос.

— Разве не дева Мария? — спросила тогда Тиэко. — Я видела: такая большая, похожа на памятник Тэндзину¹ в Китано.

— Где же тогда младенец? — возразил отец.

— А ведь правда, — закивала Тиэко и спросила: —

¹ Обоготворенный дух Митидзанэ Сугавара — каллиграфа, ученого и поэта IX в.

Среди наших предков были христиане?

— Нет. Этот фонарь принес то ли садовник, то ли торговец резными камнями. Особой редкости он не представляет.

Фонарь был, как видно, изготовлен очень давно, еще в ту пору, когда начались гонения на христиан¹. Ветры и дожди за сотни лет источили не слишком прочный камень, и сейчас едва можно различить очертания головы, торса и ног. Работа не слишком искусная. Рукава одеяния чересчур длинны и почти достигают подола. Когда-то у фигуры были молитвенно сложены руки — теперь это лишь угадывалось по некоторому утолщению там, где они прежде находились. Во всяком случае, она вызывала иное впечатление, чем изображения Будды или Дзидзо².

Поклонялись ли в старину этому фонарю христиане, был ли он просто чужеземным украшением, кто знает. Но теперь он оказался у корней старого клена, под фиалками в саду лавки, принадлежавшей родителям Тиэко, исключительно благодаря его старинному виду. Если кто-либо из гостей приглядывался к фонарю, отец Тиэко кратко пояснял: «Статуя Христа». Но редкий посетитель обращал внимание на скромный каменный фонарь у старого клена. А если и замечал, то вскоре отворачивался: один-два каменных фонаря в саду — дело обычное.

Тиэко оторвала глаза от фиалок и стала рассматривать изображение Христа. Она не посещала миссионерскую школу, но, чтобы приобщиться к английскому языку, ходила в христианскую церковь и даже читала Ветхий и Новый заветы. По ее мнению, ставить свечи или класть цветы перед старым фонарем с изображением Христа не годилось: на нем не был высечен крест.

Иногда ей казалось, что фиалки над статуей — это сердце девы Марии.

Она вновь перевела взгляд с фонаря на фиалки... И внезапно вспомнила о сверчках, которых держала в старинном горшке из Тамба³.

Она начала разводить сверчков уже после того, как впервые заметила фиалки на старом клене. Несколько лет тому назад она была в гостях у своей школьной подружки

¹ В первой трети XVII в.

² Буддйское божество, покровитель детей и путников.

³ Местность на Центральном Хонсю, славившаяся изготовлением глиняной посуды.

и услышала там, как поют сверчки. Подруга подарила ей сверчков — с того все и началось.

— Жалко держать их в темном горшке, — опечалилась тогда Тиэко.

— Но это лучше, чем обрекать их на скорую смерть в клетке, — возразила подруга.

Тиэко узнала, что есть храмы, где специально разводят сверчков и продают их личинки. Оказалось, в Японии немало любителей сверчков.

Когда сверчки у нее расплодились, потребовался второй горшок. Сверчки являлись на свет около первого июля, а с середины августа уже начинали петь.

Они рождались, пели, плодились и умирали в одном и том же тесном, темном горшке. Это позволяло сохранить породу. В клетке же им была уготована короткая жизнь лишь на протяжении одного поколения. Но провести всю жизнь в горшке, олицетворявшем для них весь мир, всю вселенную...

В далекую старину в Китае был известен рассказ «Весь мир внутри горшка». Тиэко знала его содержание: внутри удивительного горшка возвышались золотые дворцы и яшмовые башни, он был полон редкостных вин и дивных яств. Горшок являл собой совершенно иной, очарованный мир, отрешенный от бременной жизни... Один из великого множества рассказов о чародеях-отшельниках...

Само собой, сверчки оказались в горшке не из неприязни к этому миру и, наверное, даже не подозревали, где находятся. Они просто существовали, не ведая об иной жизни.

И вот что более всего удивляло Тиэко: оказывается, если в горшке держать одних и тех же сверчков и время от времени не запускать туда мужских особей со стороны, новые поколения станут постепенно вырождаться из-за повторяющихся кровных браков. Во избежание этого любители обмениваются самцами.

Сейчас была весна, а не осень, когда сверчки начинают петь, но фиалки не беспричинно напомнили ей о сверчках.

Тиэко сама поместила сверчков в тесный, темный горшок, а фиалки, как могли они оказаться в столь неудобном для них месте? Но фиалки нынче опять цветут, и новые сверчки нарождаются и будут петь.

«Круговорот жизни в природе?.. — Тиэко заложила за ухо выбившуюся прядь, которой играл легкий весенний ветерок. — А я?» — подумала она, сравнивая себя с фиалками и сверчками.

Кроме Тиэко, никто не обратил внимания на скромные кустики фиалок в этот день, полный весеннего пробуждения природы.

Из лавки донеслись оживленные голоса. Служащие готовились к обеду. Тиэко вспомнила о назначенном свидании и пошла переодеться.

Накануне позвонил Синъити Мидзуки и пригласил Тиэко поглядеть на цветущие вишни у храма Хэйан дзингу. Его приятель, студент, полмесяца назад нанявшийся привратником в храмовой сад, сообщил, что сейчас вишни в самом цвету.

— Раз говорит этот новоявленный сторож — значит, сведения самые точные, — тихо рассмеялся Синъити. Его негромкий смех звучал приятно.

— Он и за нами будет приглядывать? — спросила Тиэко.

— Так ведь он же привратник! Замечает всех, кто направляется в храмовой сад, — ответил Синъити. — Но если вам, Тиэко, неприятно, мы можем прийти врозь и встретиться в саду под вишнями. Пока вас не будет, цветами полюбуюсь один. Цветущие вишни наскучить не могут.

— Тогда может, вам лучше вообще пойти одному?

— Договорились. Боюсь, однако, что нынче вечером прольется дождь и цветы опадут.

— Пейзаж с опавшими цветами тоже прекрасен.

— Сбитые дождем, грязные лепестки — это ли пейзаж с опавшими цветами?! Вам ведь известно: опавший цвет-ток...¹

— Несносный человек!

— Кто из нас?

Надев скромное кимоно, Тиэко вышла из дома.

Храм Хэйан дзингу, широко известный своим Праздником эпох, считается не столь древним. Его воздвигли в тысяча восемьсот девяносто пятом году в память об императоре Камму ², который более тысячи лет назад повелел перенести столицу на место нынешнего Киото. Его храмовые ворота и внешнее святилище — копия ворот Отэммон и дворца Дайгокудэн в Хэйане. Точно так же, как было там, посадили померанец и вишню. С тысяча девятьсот тридцать восьмого года в храме начали чтить и память Комэй ³ — императора, после которого столицу перенесли из

¹ Образ невозвратности любви.

² Камму (737—806) — император Японии.

³ Комэй (1831—1866) — император Японии.

Киото в Эдо — нынешний Токио. Храмовой сад в Хэйан дзингу стал одним из излюбленных мест, где совершаются брачные церемонии.

Особенно украшала сад рощица плакучих вишен. Недаром теперь говорят: «Много цветов в старой столице, но только плакучая вишня нам шепчет: и вправду весна!»

Тиэко вошла в храмовой сад и замерла, не в силах оторвать глаза от плакучих вишен. Необыкновенные по красоте розовые цветы наполнили ее душу священным трепетом. «Ах, вот и в этом году я повстречалась с весной», — беззвучно шептали ее губы.

Тиэко в точности не представляла, где дожидается ее Синьити, не знала, пришел ли он вообще. Решив прежде отыскать его, а уж потом любоваться цветами, она стала спускаться вниз по тропинке, окруженная розовым облаком цветущих деревьев.

Там на лужайке она увидела Синьити. Он лежал на траве, закрыв глаза и подложив руки под голову.

Тиэко не ожидала увидеть Синьити в такой позе. Ей было неприятно. Человек, назначивший свидание молодой девушке, развалился на траве! И даже не столько его невоспитанность, не оскорбительность позы возмутили ее, сколько ей просто претило, что он вот так перед ней лежит. В своей жизни она к такому еще не привыкла. Потом она подумала: должно быть, он, таким же манером развалясь на университетской лужайке, ведет ученые споры с друзьями. Вот и сейчас он лежит, по-видимому, в своей излюбленной позе. А место выбрал из симпатии к судачившим по соседству старушкам — сначала присел рядом, потом улегся на траву и задремал.

Представив себе все это, Тиэко готова была уже рассмеяться, но сдержалась и покраснела. Она постояла над Синьити, не решаясь его разбудить, потом сделала движение, намереваясь уйти. До сих пор ей не приходилось видеть так близко лицо спящего мужчины...

На Синьити была застегнутая на все пуговицы студенческая тужурка, волосы аккуратно расчесаны. Он лежал, смежив длинные ресницы, в его лице было что-то мальчишеское.

— Тиэко! — воскликнул Синьити и быстро поднялся.

Лицо девушки сразу стало сердитым:

— Как вам не стыдно — спать в таком месте! Все прохожие оглядываются.

— Я вовсе не спал и знал, что вы здесь, с того самого момента, как вы подошли.

— Несносный человек!
— Как вы намеревались поступить, когда бы я вас не окликнул?

— И вы притворялись спящим, зная, что я здесь?

— Я подумал: передо мной стоит счастливая девушка, и мне почему-то взгрустнулось, да и голова побаливает...

— Я? Я счастливая?!

— ...

— Так, значит, у вас разболелась головушка?

— Ничего, уже прошла.

— И цвет лица у вас, кажется, нехороший.

— Нет-нет, с лицом все в порядке.

— Сверкает, словно лезвие меча.

Знакомые и прежде иногда сравнивали его лицо с мечом, но от Тиэко он слышал такое впервые.

— Сей меч людей разить не будет. Здесь ведь кругом цветы, — засмеялся он.

Тиэко направилась к галерее. Синьити последовал за ней.

— Хочу обойти все вишни в цвету, — сказала она.

Если встать у входа в западную галерею, цветущие вишни сразу вызывают ощущение весны. Вот уж поистине весна! Клонящиеся книзу ветви буквально до самых кончиков унизаны розовыми махровыми цветами, и кажется, будто расцвели они не на ветвях, а ветви созданы лишь для того, чтобы цветы поддерживать.

— Здешние вишни особенно хороши, — сказала Тиэко и повела Синьити туда, где галерея круто заворачивала. Там, широко раскинув ветви, росла огромная вишня. Синьити встал рядом с Тиэко и залюбовался деревом.

— Взгляните, ведь это сама женственность! И поникшие гибкие ветви, и сами цветы — такие ласковые, такие неясные, — промолвил Синьити.

На могучей вишне розовые махровые цветы были с лиловым оттенком.

— Нет, право же, я не представлял себе, как она женственна, сколько в ее цветении неизъяснимого обаяния, прелести, — к ним нельзя привыкнуть!

Затем они отправились к пруду. Там, где дорога сужалась, на лужайке были расставлены скамьи и расстелен пунцовый ковер. На скамьях сидели посетители и пили чай.

— Тиэко, Тиэко! — Из расположенного в тени деревьев Павильона чистых сердец, где шла чайная церемония,

выбежала ее приятельница Масако. На ней было нарядное кимоно с широкими рукавами. — Тиэко, помоги немного! Я так устала! Все утро помогала сэнсэю¹.

— В таком виде? Разве что чашки мыть.

— Хотя бы чашки или, может, чай заваривать будешь?

— Я не одна.

Только теперь Масако обратила внимание на стоявшего поблизости Синьити и шепотом спросила:

— Твой жених?

Тиэко слегка покачала головой.

— Хороший человек?

Тиэко кивнула.

Синьити повернулся к ним спиной и медленно пошел вперед.

— Может, выпьешь чашечку чая? Сейчас в павильоне мало гостей, — предложила Масако.

Тиэко отказалась и последовала за Синьити.

— Моя подружка по занятиям чайной церемонией. Красивая девушка, не правда ли?

— Ничего особенного.

— Тише! Она может услышать. — Тиэко обернулась к стоявшей у павильона Масако и подмигнула ей.

По тропинке они подошли к пруду. У самого берега ярко зеленели острые листья ирисов, тихо покачивались кувшинки, распростерши на воде свои круглые листья. У пруда вишни не росли.

Обогнув пруд, Синьити и Тиэко вышли на узкую дорожку. Здесь под зеленым шатром деревьев царил полумрак. Пахло молодой листвой и влажной землей. Вскоре дорога вывела их к обширному саду с прудом посредине. Пруд был больше того, который они только что миновали. Сразу стало светло от цветущих вишен, отражавшихся в зеркальной воде.

Иностранные туристы то и дело щелкали фотоаппаратами.

Здесь и на противоположном берегу между деревьев в скромном наряде из белых цветов рос подбел. Тиэко вспомнился Нара². Вокруг было много сосен — не очень крупных, но красивой формы. Когда бы не вишни в цвету, взор услаждал бы один лишь зеленый убор сосен. Хотя, пожалуй, именно в эту пору чистая зелень сосны и прозрачные

¹ Почтительное обращение к преподавателю, врачу и т. п. В данном случае имеется в виду учитель чайной церемонии.

² Первая столица Японии.

воды пруда еще рельефней выделяли розовые цветы вишен.

Синьити первым стал переходить пруд по выступавшим из воды камням. Место называлось «Переправа через болото». Камни были плоские, округлой формы — словно их нарезали из столбов тории¹. Тизэко пришлось подоткнуть подол кимоно.

— Готов перенести госпожу Тизэко на себе, — воскликнул Синьити, обернувшись к девушке.

— Потрясена вашей необыкновенной любезностью, — съязвила Тизэко.

По таким удобным камням могла бы спокойно пройти и старуха.

Близ камней плавали листья кувшинок, а у противоположного берега в воде отражались сосны.

— Эти камни в воде расположены так, что создают абстрактный рисунок, — произнес Синьити.

— Но ведь, как говорят, все японские сады абстрактны. Вспомните сугигокэ² в саду храма Дайгодзи. Каждый не преминет сказать: «абстрактный рисунок»... Просто надоело.

— Верно, он там создает впечатление абстрактности. Кстати, в храме Дайгодзи на днях завершают восстановление пятиярусной пагоды. По этому случаю ожидается праздничная церемония. Не хотите ли поглядеть?

— Теперь пагода станет такая же яркая, как новый Золотой павильон?³

— Нет, в отличие от Золотого павильона она ведь не сгорела, ее лишь разобрали и собрали заново. Церемония состоится в разгар цветения вишен, так что народу, наверное, будет немало...

— И все же нет на свете ничего красивей цветущей плакучей вишни...

Они переправились по камням на противоположный берег с красивой сосновой рощей и подошли к «мосту-дворцу». Так его называли потому, что этот мост по форме напоминал дворец, но у него было и собственное имя — Тайхэйкаку — Дворец спокойствия. Вдоль перил стояли скамьи с низкими спинками, на которых отдыхали люди.

¹ Ворота перед синтоистским храмом из двух столбов с перекладиной.

² Растение, напоминающее кукушкин лен. Его листья похожи на иглы криптомерии.

³ Золотой павильон построен в 1397 г. В 1950 г. был подожжен фанатиком. В настоящее время восстановлен.

Отсюда открывался чудесный вид на обширный сад за прудом.

Некоторые посетители, присев на скамьи, пили и закусывали. По самой середине моста взад и вперед бегали дети.

— Идите сюда, Синьити, — позвала Тиэко. Она первая села на скамью и опустила ладонь на освободившееся рядом место.

— Я постою, но предпочел бы присесть у ваших ног. шутливо отозвался Синьити.

— Считайте, что я ничего не слышала. — Тиэко усадила его рядом и сказала: — Схожу за кормом для карпов.

Вскоре она возвратилась и стала кидать в пруд корм. Сразу подплыла целая стайка карпов, некоторые даже выскакивали из воды, пытаясь поймать корм на легу. По воде пошли круги. Заколебались отражения вишен и сосен.

— Не хотите ли покормить? — предложила Тиэко.

Юноша не ответил.

— Вы сердитесь на меня?

— Нисколько.

Долгое время они сидели молча. Синьити с прояснившимся лицом глядел на поверхность воды.

— О чем это вы задумались? — прервала молчание Тиэко.

— Так просто... Бывают ведь чудесные минуты, когда ни о чем не думаешь. Впрочем, когда сидишь рядом со счастливой девушкой, тебя и самого обволакивает тепло той счастливой юности.

— Это я счастливая?.. — удивилась Тиэко. Тень печали мелькнула в ее глазах. А может, то было лишь легкое движение воды, на которую она глядела. — Там за мостом даже вишня, которая мне особенно нравится, — сказала Тиэко, поднимаясь со скамьи.

— Наверно, вон та. Она видна и отсюда.

В самом деле, вишня была удивительно красива. Она стояла, уронив ветви, словно плакучая ива. Тиэко вступила под ее сень, и легкий ветерок опустил ей на плечи и к ногам несколько лепестков. Опавшие цветы устлали землю под вишней, штук семь или восемь плавали на воде. Бамбуковые шесты подпирали ветви, и все же их тонкие концы, увенчанные цветами, склонялись до самой земли.

Сквозь переплетение ветвей виднелась гора в зеленом весеннем убранстве.

– Наверно, продолжение Восточной горы, – сказал Синъити.

– Это вершина Даймондзи, – ответила Тиэко.

– Неужели Даймондзи такая высокая?

– Так кажется, потому что вы смотрите на нее сквозь усыпанные цветами ветви.

Они стояли под вишней и не хотели уходить.

Чуть дальше земля была посыпана крупным белым песком, а правее росли дивные высокие сосны.

Когда они миновали ворота Отэммон, Тиэко предложила:

– Не пойти ли нам к храму Киёмидзу?

– Киёмидзу? – удивился Синъити. А что там интересного? – было написано на его лице.

– Хочу оттуда полюбоваться вечерним Киото, поглядеть на заход солнца над Западной горой.

– Что ж, пойдём.

– Пешком, согласны?

Путь был неблизкий. Обходя шумные улицы, по которым проходил трамвай, они сделали большой крюк по дороге, ведущей к храму Нандзэндзи, прошли позади храма Тионъин и через дальний конец парка Маруяма по узкой тропинке приблизились к храму Киёмидзу. Все вокруг уже подернулось вечерней дымкой.

На большой сцене – площадке, где ставились храмовые представления, – кроме стайки студенток, никого не было. В надвигавшихся сумерках смутно белели их лица.

Тиэко любила приходить сюда в этот час. Позади них на главном здании храма засветились фонари. Тиэко, не останавливаясь, пересекла большую сцену и, пройдя перед храмом Амида, подошла к святилищу. Здесь, на самом высоком месте, тоже была своя площадка, сразу за которой начинался обрыв. Сама площадка, как и крыша над ней, крытая корой кипариса, точно парила над обрывом. Она была невелика, зато отсюда открывался поразительный вид на Киото и Западную гору.

Внизу, в городе, уже зажигались огни, но было еще достаточно светло.

Тиэко подошла к перилам и стала глядеть на запад. Она, казалось, совершенно забыла о Синъити. Юноша приблизился к ней и встал рядом.

– Синъити, а ведь я подкидыш, – неожиданно призналась Тиэко.

– Подкидыш?!

– Да, меня подкинули.

Синьити был настолько ошеломлен, что вначале подумал, будто слово «подкидыш» Тиэко употребила не буквально, а, скорее, пытаясь объяснить свое душевное состояние.

— Подкидыш... — пробормотал Синьити. — Неужели даже вы считаете себя подкидышем? В таком случае я и подавно подкидыш... В душе. А может, все люди — подкидыши: когда они рождаются, боги подбрасывают их в этот мир.

Синьити глядел на профиль Тиэко: может, то была игра вечернего освещения и надвигающаяся весенняя ночь наваяла на девушку легкую грусть?

— А, пожалуй, справедливей считать людей не подкидышами, а божьими детьми: боги подбрасывают их на нашу землю, чтобы потом спасти... — заключил свою мысль Синьити.

Тиэко глядела на вспыхнувший вечерними огнями Киото, будто вовсе не слушала Синьити. Она даже не повернула лица в его сторону.

Синьити почувствовал: Тиэко в самом деле опечалена. Он хотел было успокаивающе коснуться ее плеча, но она отстранилась.

— Не трогайте подкидыша, — пробормотала она.

— Разве я не сказал, что подкидыши — божьи дети? — возразил Синьити, повышая голос.

— Слишком сложно для моего разума. Я не божий подкидыш, меня подкинули обыкновенные люди — родители.

— ...

— Да-да! Меня оставили у входа в нашу лавку.

— Не может быть!

— Честно говоря, я не собиралась вам признаваться — это вырвалось у меня случайно, но это правда!

— ...

— Гляжу отсюда на вечерний Киото и невольно начинаю сомневаться: действительно ли я родилась в этом городе?

— С вами творится нечто странное. Да понимаете ли вы, что говорите?

— Какой резон мне лгать?

— Разве вы не единственная и к тому же горячо любимая дочь оптового торговца? Правда, единственная дочь одержима странной фантазией...

— Родители в самом деле меня любят... хоть я и подкидыш.

— Кто может подтвердить это?

— Подтвердить? Тому свидетель — решетка у входа в наш дом. Решетка знает. — Голос Тиэко звучал проникновенно. — Однажды — я тогда уже училась в средней школе — меня позвала мать и призналась, что она мне не родная, что похитила меня, когда я была еще грудным младенцем. Только родители, должно быть, не договорились заранее и сначала называли мне разные места, где они меня подобрали. Отец — под цветущими вишнями в Гион, а мать — на берегу реки Камогава. Из жалости не хотели признаться, что подобрали меня у собственной лавки...

— Н-да... А о настоящих родителях вам что-нибудь известно?

— Отец и мать так добры ко мне, что у меня даже не возникало желания искать настоящих родителей. Может, они уже давно покоятся в одной из безвестных могил на кладбище Адаино. Там, где старые надгробные камни.

Мягким закатным светом окрасилась вершина Западной горы, и вот уж полнеба над Киото будто подернулось красноватым туманом.

Синъити никак не мог поверить, что Тиэко подкинули или тем более похитили. Дом Тиэко расположен в самой середине квартала оптовых торговцев. Можно бы расспросить соседей и все выяснить, но Синъити сейчас занимало другое: почему Тиэко вдруг призналась ему, что она подкидыш?

Голос Тиэко звучал правдиво, в нем ощущались и трогательная красота, и большая душевная сила. Синъити понял, что, признаваясь ему, девушка не ищет сочувствия.

Тиэко, безусловно, догадывалась, что юноша влюблен в нее. Неужели она решила поведать ему о своей судьбе просто из признательности? Синъити в этом глубоко сомневался. Скорее наоборот: ее слова прозвучали так, будто она заранее отвергает его любовь. Пожалуй, это верно и в том случае, если историю с «подкидышем» она придумала... Может быть, Тиэко призналась мне, чтобы доказать мою неправоту, когда я назвал ее «счастливой»? Хорошо бы так, — подумал Синъити и сказал:

— Госпожа Тиэко, наверно, опечалилась, узнав, что она подкидыш? Ей стало грустно?

— Нисколько! Не опечалилась я, и грустно мне тоже не стало.

- ...
- Вот только когда я попросила разрешения поступить в университет, а отец сказал, что это будет помехой для его единственной наследницы и лучше бы мне повнимательней присмотреться к его торговому делу...
- Это было в позапрошлом году?
- Да, в позапрошлом.
- Вы во всем подчиняетесь родителям?
- Конечно.
- А если речь пойдет о замужестве?
- Поступлю так, как они скажут, — без малейшего колебания ответила девушка.
- Значит, у вас нет ни своего мнения, ни собственных чувств?
- Напротив, того и другого с избытком, и это доставляет мне кучу неприятностей.
- Но вы их сдерживаете, ограничиваете.
- Нет, не сдерживаю.
- Вы все время говорите загадками. — Синьити рассмеялся, но голос его дрожал. Он оперся грудью о перила и резко наклонился, пытаясь заглянуть ей в лицо. — Хочу поглядеть на загадочного подкидыша, — прошептал он.
- Слишком темно, — усмехнулась Тиэко и обернулась к Синьити. Глаза ее блестели. — Вы меня пугаете. — Она поглядела на крышу главного храма. Крытая толстой корой кипариса, она, казалось, угрожающе надвинулась на них, подавляя своей темной громадой.

ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ДЕРЕВЯННАЯ РЕШЕТКА

Вот уже несколько дней, как Такитиро Сада — отец Тиэко — поселился в Сага в отдаленном женском монастыре, настоятельнице которого было далеко за шестьдесят.

Этот известный среди жителей Киото небольшой храм расположен уединенно, вдали от любопытных глаз туристов, и вход в него трудно разглядеть за густой бамбуковой рощей. В храмовой пристройке изредка проводились чай-

ные церемонии, но особой известностью они не пользовались. Время от времени настоятельница покидала храм, чтобы обучать желающих искусству составления цветов.

Такитиро Сада снял в храме комнату. Его душа жаждала уединения, и все здесь было созвучно его настроению.

Сада — оптовый торговец готовым платьем, имеющий лавку в районе Накагё.

Соседи-оптовики последнее время начали создавать акционерные общества. Стал акционерной компанией и торговый дом Сада — хозяин теперь назывался президентом, а торговыми операциями ведал бывший приказчик, а ныне директор-распорядитель. Но в лавке по-прежнему сохранились многие старинные традиции.

Сада с юных лет стремился овладеть мастерством художника. От природы он был нелюдим, предпочитал не устраивать личные выставки тканей, изготовленных по его эскизам. Да если бы и устраивал, рисунки его для того времени были слишком необычны, чтобы рассчитывать на коммерческий успех.

Отец Такитиро — Такитибэ — молча наблюдал за его упражнениями. В торговом доме хватало своих рисовальщиков, были и художники со стороны, изготавливавшие эскизы рисунков для тканей вполне во вкусе того времени. Но когда не слишком одаренный талантом Такитиро, убедившись, что у него ничего не получается, стал искать вдохновения в опиуме, отец, обнаружив у него чересчур необычные эскизы для набивной шелковой ткани юдзэн, сразу же отправил сына в психиатрическую лечебницу.

В те годы, когда дело перешло к Такитиро, казавшиеся прежде странными эскизы уже воспринимались как обычные, и он с сожалением думал о том, что в свое время не удалось их пустить в дело. Вот и теперь он уединился в храме, надеясь, что на него снизойдет вдохновение.

После войны узоры на кимоно очень изменились, и, вспоминая о своих странных эскизах, подсказанных опиумным дурманом, Такитиро теперь мог, пожалуй, отнести их к новому, абстрактному стилю. Но ему уже было далеко за пятьдесят, и стоило ли возвращаться к юношескому увлечению?

«Пожалуй, попытаюсь рисовать в классическом стиле!» — бормотал он, ни к кому не обращаясь. Перед его глазами одна за другой всплывали ткани прошлых лет. В его памяти хранились узоры и расцветки множества старинных материй и одежд. Во время прогулок по знамени-

тым садам Киото, по окрестностям города он нередко делал зарисовки, рассчитывая использовать их при раскраске материй для кимоно.

Около полудня в храм, где уединился Такитиро, пришла Гиэко.

— Отец, я купила для вас тофу¹ в харчевне «Морика». Будете есть?

— Спасибо, доченька! Тофу от «Морика» я люблю, но еще больше меня радует твой приход. Побудь со мной до вечера, расшевели мою старую голову. Может, появится в ней идея какого-нибудь интересного рисунка.

Оптовому торговцу готовым платьем незачем рисовать эскизы. Такое увлечение скорее может повредить торговле.

Но Такитиро даже в своей лавке нередко проводил долгие часы в дальнем конце гостиной за столом у окна, выходящего в сад, где под кленом стоял христианский фонарь. Позади стола в двух старомодных сундуках из павлонии хранились старинные китайские и японские материи, а этажерка сбоку была сплошь уставлена каталогами эскизов из разных стран. В расположенном на втором этаже хранилище было собрано немало театральных костюмов для представлений Но и другая старинная одежда. Там же хранились образцы ситцев из южных стран. Все это собирали еще отец и дед Такитиро. Когда устраивались выставки старинных материй и его просили что-нибудь выставить, Такитиро упорно отказывался.

— Предки наказали ничего не выносить из дома, — всякий раз отвечал он.

Дом Такитиро был построен в старинном киотоском стиле, поэтому каждый, кто направлялся в уборную, неминуемо проходил через узкий коридор мимо его стола в гостиной. Хозяин, насупив брови, молча терпел это, но стоило в лавке повыситься кому-нибудь голос, как он раздраженно прикрикивал:

— Нельзя ли потише!

Бывало, во время работы над эскизом к Такитиро подходил приказчик и с поклоном говорил:

— К нам покупатель из Осака.

— Обойдется, пусть уходит. Здесь и других лавок хватает.

— Он наш старинный клиент.

— Незачем мне с ним встречаться. Чтобы купить оде-

¹ Соевый творог.

жду, надо своими глазами поглядеть на нее, а не болтать попусту. Если он торговец, сразу разглядит стоящие вещи. Правда, мы большей частью держим дешевый товар.

— Слушаюсь.

В той части комнаты, где за столом на плоской подушке сидел Такитиро, был расстелен на полу старинный заморский ковер. Стол был отгорожен дорогими ситцевыми занавесками. Это Тиэко придумала повесить занавески. Они немного скрадывали шум, доносившийся из лавки. Время от времени Тиэко их меняла, и тогда отец из чувства признательности за ее доброту рассказывал ей, откуда какая ткань: с Явы или из Персии, в какие годы и по каким эскизам она была изготовлена.

Разглядывая однажды вновь повешенные занавески, Тиэко сказала:

— Жаль такую ткань пускать на сумки, можно бы на платок, но слишком велик отрез. А что, если из него изготовить пояс для кимоно?

— Дай-ка ножницы, — попросил Такитиро.

Он ловко отрезал от ситцевой занавески широкую полосу:

— Это тебе на пояс.

— Не нужно, отец! — Она поглядела на Такитиро увлажнившимися глазами.

— Бери, бери! Может, когда увижу на тебе этот пояс, в моей тупой голове возникнет идея нового эскиза.

Именно этот пояс обернула Тиэко вокруг кимоно, отправляясь навестить отца.

Такитиро, конечно, заметил пояс, но разглядывать его не стал. Пояс был нарядный, с крупным рисунком в светлом и темном тонах. И все же подходит ли такой пояс для молодой девушки на выданье? — подумал Такитиро.

Тиэко поставила перед ним коробочку с рисовыми лепешками в форме полумесяца.

— Это для вас, отец. Только подождите минутку — я отварю тофу.

Тиэко поднялась с циновки и бросила взгляд на бамбуковую рощицу у ворот.

— Осень уже коснулась бамбука, — сказал отец. — Вот и глинобитная ограда местами обветшала и обвалилась. Старая стала, как я.

Тиэко привыкла к советам отца, поэтому не стала ему возражать, лишь про себя повторила: «Осень уже коснулась бамбука».

— Каковы сейчас вишни? — мягко спросил отец.

— Цветы почти все облетели, даже в пруду плавают лепестки. Правда, повыше в горах кое-где среди молодой листвы видны еще цветущие ветки. Очень красиво, когда глядишь на них издали.

— Угу.

Тиэко вышла в соседнюю комнату. Оттуда сразу послышался стук ножа, нарезавшего лук, потом удары пестика, которым девушка толкла сушеного тунца. Вскоре она внесла чашки с вареным тофу. Необходимая посуда была привезена сюда заранее из дома.

Тиэко присела рядом, усердно прислуживая отцу.

— Перекуси и ты со мной, — предложил Такитиро.

— Спасибо, отец.

Такитиро поглядел на плечи Тиэко, на грудь.

— Слишком скромно. Почему ты надеваешь только кимоно, сделанные по моим эскизам? Кроме тебя, наверное, никто их и не носит. Не годятся они для продажи...

— Я надеваю ваши кимоно потому, что они мне нравятся.

— Н-да... слишком скромные.

— Скромные — это верно.

— Впрочем, не так уж плохо, когда молодая девушка одевается скромно. — В голосе Такитиро неожиданно прозвучали жесткие нотки.

— Тем, кто понимает, нравится...

Такитиро промолчал.

Теперь для него эскизы — всего лишь развлечение. И в их оптовой лавке, которая последнее время торговала одеждой, рассчитанной на рядового покупателя, приказчик отдавал в расцветку лишь два-три кимоно, изготовленных по эскизам Такитиро, — исключительно чтобы поддержать престиж хозяина. Материя для них всегда подбиралась с особой тщательностью, и одно охотно брала Тиэко.

— А все же тебе не следует носить только кимоно, изготовленные по моим эскизам, или же те, которыми торгует наша лавка. Ты вовсе не обязана это делать.

— Обязана? — удивилась Тиэко. — Неужели вы думаете, что я ношу их по обязанности?

— Ну что же, теперь будем знать: если ты начнешь одеваться понарядней, значит, у тебя появился дружок, — громко рассмеялся отец, хотя смех его прозвучал несколько нарочито.

Прислуживая отцу, Тиэко невольно посматривала на его большой стол. Ничто не говорило о том, что Такитиро работал над очередным эскизом. Сбоку стояла лишь

тушечница с эдоской росписью по лаку и лежали два альбома с репродукциями (или, скорее, образцами) каллиграфических прописей.

Отец поселился в храме, чтобы забыть на время о своих торговых делах, подумала Тиэко.

— Упражнения по чистописанию шестидесятилетнего старца, — смущенно пробормотал Такитиро, — однако кое-что можно использовать и для эскизов — эти, например, будто струящиеся знаки каны ¹, принадлежащие кисти Фудзивара ².

— ...

— Только, к сожалению, дрожит рука.

— А вы попробуйте писать крупно.

— Все равно дрожит.

— Откуда эти старые четки на тушечнице?

— Выпросил у настоятельницы.

— Вы молитесь, перебирая четки?

— Четки иногда считают талисманом. Но временами у меня бывает такое настроение, что хочется разгрызть их зубами.

— Что вы, отец! Ведь они такие грязные! Сколько лет их перебирали немывтыми руками.

— Не говори так! Это святая грязь — от двух, а может, и трех поколений монахинь.

Тиэко умолкла, почувствовав, что невольно коснулась отцовской печали, разбредила ему сердце. Она отнесла посуду и остатки тофу на кухню и вернулась к отцу.

— А где настоятельница? — спросила она.

— Ушла. Ты сейчас куда?

— Хочу прогуляться по Сага, а потом — домой. У горы Арасияма сейчас полно народу. Схожу к храму Нономия, потом в храм Нисонъин и в Адасино — я эти места очень люблю.

— Ты еще молода, и это твое увлечение меня беспокоит. Беспокоит и твое будущее. Нет, ты совсем на меня не похожа.

— Разве женщина должна быть похожа на мужчину?

Такитиро долго стоял на веранде, глядя вслед уходившей Тиэко.

Вскоре вернулась старая монахиня и занялась уборкой сада.

Такитиро сел за стол, и перед его глазами стали всплы-

¹ Слоговая японская азбука.

² Очевидно, имеется в виду Ёсицунэ Фудзивара (1169–1206), известный поэт и каллиграф.

вать картины, написанные Сотацу и Корином¹: папоротник, весенние полевые цветы и травы... Он думал о только что покинувшей его Тиэко.

Тиэко вышла на сельскую дорогу, и храм, где уединился отец, сразу отдалился, исчез за бамбуковой рощей.

Она стала подниматься по выщербленным каменным ступеням к храму Нэмбуцу в Адасино, но, поравнявшись с двумя изваяниями будд, возвышавшимися по левую руку на скале, остановилась: сверху доносились раздражающе громкие голоса.

Там было множество надгробных каменных столбиков, установленных на безыменных могилах. Последнее время среди этих могил часто стали фотографироваться иностранки в чудных, почти прозрачных платьях. Наверно, и сегодня на кладбище в Адасино происходило нечто в этом роде.

Тиэко повернулась и стала поспешно спускаться вниз. Ей вспомнилось только что слышанное от отца предупреждение.

Она избегала публику, развлекающуюся в весенние дни на горе Арасияма, но, по-видимому, и здесь, в Адасино и Нономия, молодой девушке бывать не пристало. Даже в большей степени, чем носить чересчур скромные кимоно, раскрашенные по эскизам Такитиро...

Кажется, отец, уединившись в этом женском монастыре, проводит дни в праздности. И о чем только он думает, грызя эти грязные, захватанные руками четки? — с грустью размышляла Тиэко.

Она видела, как дома отец нередко пытался сдержать порывы внезапного раздражения. В такие минуты он грыз бы эти четки на мелкие кусочки, будь они под рукой.

«Уж лучше я бы пожертвовала собственными пальцами: пусть грызет их, лишь бы это помогло умерить его гнев», — пробормотала Тиэко, горестно покачав головой. Ее мысли перенеслись на другое: вспомнилось, как они вдвоем с матерью ударяли в колокол храма Нэмбуцу.

Звонница храма была выстроена заново. У низенькой матери все не получалось ударить в колокол так, чтобы он зазвучал как следует.

— Матушка, здесь нужно умение. Давайте вместе. — Тиэко положила ладонь на руку матери, и они толкнули

¹ Сотацу — художник раннеэдоского периода. Даты рождения и смерти неизвестны. Огата Корин (1658–1716) — художник среднеэдоского периода (1600–1867).

деревянное било. Колокол громко зазвенел.

— И правда! — радостно воскликнула мать.

— Это что! Вот когда умелой рукой ударяет монах, колокол действительно звучит громко и долго, — засмеялась Тизко.

Охваченная воспоминаниями, она шла по тропинке к храму Нономия. Еще в не столь отдаленные времена об этой тропинке писали, будто «вступаешь под сень бамбуковой рощи». Теперь от рощи не осталось и следа. К тому же сюда отчетливо доносились зазывные голоса торговцев из лавчонок, появившихся перед храмовыми воротами.

Но сам этот скромный храм несколько не изменился. В былые времена, о чем упоминается и в «Повести о Гэндзи», здесь находилось святилище, где невинные и непорочные дочери императора перед тем, как посвятить себя служению в храме Исэ дзингу, в течение трех лет должны были совершать очистительные омовения.

Тории из бревен, с которых не снята кора, и необычный плетень — достопримечательности Нономия.

Если от него пройти чуть дальше по тропинке, открывается чудесный вид на гору Арасияма.

Перед мостом Лунной Переправы у сосновой аллеи Тизко села в автобус.

Как рассказать матери об отце? Мать такая чувствительная... — раздумывала она по дороге.

Многие постройки в районе Накагё еще до революции Мэйдзи сгорели по недосмотру во время праздников огня или при жарке тэпояки¹. Не избежал пожара и дом Такитиро.

Поэтому, хотя в округе и сохранились дома старинного киотоского стиля с покрашенными индийской охрой решетками и оконцами с частым переплетом на втором этаже, этим постройкам не более ста лет.

Изображение бога Дзидзо позади лавки Такитиро, как говорят, осталось в целости после пожара. Такитиро и теперь сохранял лавку в прежнем виде: то ли ему претила всякая перестройка, то ли не хватало денег, поскольку торговля шла не слишком успешно.

Тизко подошла к дому и отворила решетчатую дверь. Отсюда внутренняя часть их жилища просматривалась на всю глубину.

Ее мать сидела за отцовским столом и курила. Подперев левой рукой щеку, она низко склонилась над

¹ Рыба или птица, жаренные с перцем и бобовой пастой.

столом, и Тиэко сначала показалось, будто она что-то пишет, но стол был пуст.

— Вот и я, — сказала Тиэко, подходя к матери.

— А-а, Тиэко, устала, наверно? Как там отец? — спросила она, очнувшись от задумчивости.

— Я купила для него тофу, — сказала девушка, стараясь выиграть время для обдумывания ответа.

— В харчевне «Морика»? Ты отварила его? Отец должно быть, обрадовался...

Тиэко кивнула.

— Как на Арасияма?

— Полно людей.

— Отец проводил тебя до Арасияма?

— Нет, настоятельница ушла, и ему не на кого было оставить храм... Отец занимается каллиграфией, — ответила наконец она на первый вопрос матери.

— Каллиграфией? — без особого удивления переспросила Сигэ. — Когда выводишь иероглифы, душа успокаивается. Знаю по себе.

Тиэко поглядела на белое, с тонкими чертами лицо матери. Оно было неподвижно, и девушка не могла догадаться, о чем та думает.

— Тиэко, — тихо сказала Сигэ, — ты вовсе не обязана унаследовать наше торговое дело.

— ...

— Если пожелаешь выйти замуж, мы мешать не станем.

— ...

— Ты слушаешь меня?

— Матушка, почему вы об этом заговорили?

— В двух словах не объяснишь. Твоей матери уже за пятьдесят. Прежде чем говорить, она думает.

— Вы хотите закрыть дело?.. — На прекрасных глазах девушки выступили слезы.

— Ну, так уж сразу, — Сигэ улыбнулась. — Тиэко, ты серьезно говорила о том, что не хотела бы заниматься нашей лавкой? — В негромком голосе матери вдруг послышались суровые нотки. Тиэко подумала, что ей лишь показалось, будто она минутою раньше видела улыбку матери.

— Серьезно, — ответила она, чувствуя, как тоска пронзает ей сердце.

— Отчего такой убитый вид? Я на тебя не сержусь. Ты ведь и сама понимаешь, кому тоскливей: юной, которая говорит, или пожилой, которая слушает?

— Матушка, простите меня!

— Прощай не прощай — делу не поможешь! — На этот раз Сигэ рассмеялась от души. — Тебе, наверное, кажется, что я себе противоречу?..

— Я и сама не пойму, что наговорила.

— Человек по возможности не должен менять раз выказанное мнение. Это касается и женщин.

— Матушка!

— Отцу ты ничего не сказала?

— Нет, об этом ни слова...

— Вот как? А следовало бы! Он, как и все мужчины, вспылчив, но в глубине души обрадовался бы твоему признанию. — Сигэ прижала ладонь ко лбу. — Я перед твоим приходом долго сидела за столом отца и думала о нем.

— Вы, матушка, так прозорливы, все наперед видите.

— Ошибаешься.

Мать и дочь помолчали. Не выдержав, Тиэко первая прервала молчание:

— Пойду на базар в Нисики — что-нибудь куплю на ужин.

— Сходи уж, пожалуйста.

Тиэко прошла в лавку и спустилась в дома¹. Прежде это узкое помещение пересекало весь дом и заканчивалось кухней, где между лавкой и задней стенкой находился «черный» очаг — кудо. Теперь, понятно, на очаге не готовили пищи. На то была газовая плита, которую установили позади очага, настлав под ней дощатый пол. А прежде вокруг очага земляной пол был просто покрашен известкой, и готовить пищу, стоя на сквозняке на таком полу, было сущим наказанием в холодные киотоские зимы.

И все же очаг сохранили. Может, из веры в бога — хранителя домашнего очага (такие очаги можно и сейчас увидеть во многих домах Киото). Позади очага висели талисманы от пожара, а на полочке выстроились фигурки бога изобилия Хотэй. Фигурок бывает до семи, каждый год в первый день Лошади покупают по одной фигурке в храме Инари² в Фусэми. Если кто-то в семье умирает, фигурки начинают собирать сызнава — каждый год по одной.

В доме у них стояли семь фигурок бога Хотэй. Это означало, что по меньшей мере последние семь лет никто в их семье не ушел в мир иной, — их как было, так и оставалось трое: отец, мать и Тиэко.

¹ Помещение с земляным полом в японском жилище.

² Божество, покровитель урожая риса.

Сбоку от выстроившихся в ряд фигурок Хотэй — цветочная ваза из белого фарфора. Каждые два-три дня Сигэ меняет в ней воду и тщательно протирает полку.

Едва Тиэко вышла из дому, как в дверь постучал молодой человек.

«Из банка». — Девушка сразу узнала его, но тот, повидимому, ее не заметил. Именно этот банковский служащий обычно приходил к ним — значит, нет никакой причины для беспокойства, подумала Тиэко, но вдруг почувствовала, как отяжелели ноги. Она приблизилась к решетке у входа в лавку и медленно пошла вдоль нее, слегка касаясь пальцами каждой дощечки. Когда решетка окончилась, она обернулась и поглядела на второй этаж.

Там под маленьким оконцем висела старая вывеска, а над ней миниатюрная крыша — своеобразное украшение, а также признак того, что фирма старинная.

Неяркие лучи предзакатного весеннего солнца тускло отражались от облупившейся позолоты вывески. На Тиэко повеяло грустью. Узкая занавеска из плотной хлопчатобумажной ткани, что над входом, выцвела и обтрепалась, там и сям из нее вылезали толстые нити.

Такое настроение, что даже цветущие вишни в храме Хэйан дзингу не развеют грусти, — подумала Тиэко и заспешила в сторону Нисики.

На базаре в Нисики, как всегда, было многолюдно.

На обратном пути вблизи отцовской лавки она увидела девушку-цветочницу из Сиракава.

Тиэко окликнула ее.

— Ах, это вы, барышня? Вот приятная встреча! Куда изволили ходить?

— В Нисики.

— Путь не близкий.

— У вас, как всегда, божьи цветы...

— Да-да, взгляните, пожалуйста. Я знаю — вы их любите.

Собственно, то были не цветы, а деревце сакаки¹. И даже не деревце, а только несколько веточек с молодыми листьями.

По первым и пятнадцатым числам эта девушка приносила им цветы в дом.

— Как удачно, что я вас встретила, барышня, — сказала она.

Тиэко с душевным трепетом выбрала несколько вето-

¹ Клейера; синтоистское священное деревце.

чек сакаки. Сжимая их в руке, она вошла в дом.

— Матушка, вот и я! — сообщила она. Лицо ее прояснилось.

Тиэко приоткрыла решетчатую дверь и выглянула наружу. Девушка из Сиракава еще не ушла.

— Не зайдете ли передохнуть, я сейчас заварю чай, — предложила она.

— Благодарю вас, вы всегда так добры ко мне... — Девушка поклонилась. — Возьмите в подарок эти полевые цветы. Они, правда, такие непривлекательные...

— Что вы! Я очень люблю полевые цветы, спасибо вам, — сказала Тиэко, разглядывая скромный букет.

Они прошли к очагу, перед которым был старый колодец. На колодце — крышка из плетеного бамбука. Тиэко положила на крышку цветы и веточки.

— Схожу за ножницами, — сказала она, — но сначала надо обмыть листья сакаки...

— Возьмите мои. — Девушка протянула ножницы и пощелкала ими. — Очаг в вашем доме всегда чистый. Таким людям, как вы, и цветы продавать приятно.

— Это все матушка...

— Должно быть, и ваша заслуга, барышня.

— ...

— Последнее время во многих домах за чистотой не следят: в очагах и колодцах грязь, с цветочных ваз пыль не вытирают. В такие дома не хочется приносить цветы. У вас — другое дело: гляжу вокруг — и в душе ликование. Спасибо, что пригласили.

— ...

Тиэко не могла сказать цветочнице из Сиракава о главном, о том, что дела в их лавке с каждым месяцем идут все хуже...

Сигэ по-прежнему сидела за отцовским столом.

Тиэко позвала ее на кухню показать покупки. Сигэ разглядывала скромную снедь, которую Тиэко выкладывала на стол из корзины, и думала: да, девочка стала экономной. А может, это потому, что отца сейчас нет дома...

— Дай-ка я тебе помогу, — сказала Сигэ, становясь за кухонный стол. — Это была та цветочница, которая всегда приходит?

— Да.

— Видела у отца альбомы, которые ты ему подарила?

— Не обратила внимания.

— Он только их и взял с собой.

То были альбомы репродукций с картин Пауля Клее,

Матисса, Шагала и некоторых более поздних художников-абстракционистов. Тизэ купила их для отца, рассчитывая, что они, возможно, помогут натолкнуть его на новые идеи.

— Зачем ему рисовать? Его дело продавать то, что изготовлено другими. Так нет же... — Мать умолкла, не закончив фразу.

— А ты всегда носишь кимоно, сшитые по рисункам отца, — продолжила Сигэ после недолгого молчания. — Мне следовало бы поблагодарить тебя за это.

— Поблагодарить?! Мне они просто нравятся — вот я их и ношу.

— Отец не говорил, что кимоно и пояса, которые ты надеваешь, какие-то грустные?

— Матушка, они скромны, но если внимательно приглядеться, сразу чувствуешь, что сделаны они со вкусом. Некоторые даже очень их хвалят.

Тизэ вспомнила сегодняшний разговор с отцом.

— Что ж, красивой девушке бывают к лицу как раз скромные кимоно, хотя... — проговорила Сигэ, приподняв с кастрюли крышку и помешивая жаркое деревянными палочками. — Твой отец почему-то перестал делать модные эскизы для нарядных кимоно.

— ...

— А ведь в былые времена он очень увлекался яркими, необычными рисунками...

Тизэ кивнула.

— Матушка, а почему вы никогда не надеваете кимоно, изготовленные по эскизам отца? — спросила она.

— Твоя мать слишком стара для этого.

— Вы все говорите: стара, стара, а сколько же вам лет?

— Старуха я, — только ответила Сигэ, не вдаваясь в подробности.

— Кимоно с тонким и скромным эдоским узором работы Комия, которого называют «сокровищем культуры» или иначе — «национальным достоянием», очень к лицу молодым. Прохожие даже оглядываются.

— Ты не сравнивай Такитиро с великим мастером Комия.

— Почему же? Наш отец выискивает в самих глубинах человеческого духа...

— Не говори так сложно, мне этого не понять, — обрвала ее Сигэ, склоняя свое белое, типичное для женщины Киото лицо. — А знаешь, Тизэ, отец к твоей свадьбе обе-

щал изготовить совершенно замечательное кимоно... Вот и я давно жду, когда наступит этот день...

— К моей свадьбе?! — Лицо Тизэ слегка омрачилось. Потом она подняла на мать глаза и спросила: — Скажите, матушка, с вами случилось когда-нибудь в жизни такое, что потрясло ваше сердце, перевернуло душу?

— Дважды. Может, я тебе и говорила об этом — когда я вышла замуж за Такитиро и когда мы с ним похитили крошечную девочку Тизэ. Мы тебя привезли тогда на машине. С тех пор минуло двадцать лет, но и теперь, когда я вспоминаю об этом, сердце готово выпрыгнуть из груди. Вот дотронуся...

— Матушка, разве меня не подкинули?

— Нет, нет, ты ошибаешься! — Сигэ чересчур решительно затрясла головой. — Человек хоть раз в жизни совершает дурной, ужасный поступок, — продолжала она. — Похищение ребенка — преступление более тяжкое, чем кража денег, чем всякое иное воровство. Я думаю, это хуже, чем убить человека.

— ...

— Представляю, как горевали твои родители, — ведь от такого можно сойти с ума! Когда я задумываюсь над этим, мне начинает казаться, что даже теперь я согласилась бы вернуть тебя им... Но нет, я тебя никому не отдам. Конечно, если бы ты их отыскала и пожелала возвратиться к настоящим отцу и матери, тут уж ничего не поделаешь, но... я бы не перенесла этого. Может быть, умерла бы от горя.

— Матушка, не говорите так! На свете у меня только одна мать — это вы...

— Знаю, и это делает мою вину еще более тяжелой... Мы с отцом понимаем, что нам уготовано место в аду, но что нам ад, если нам посчастливилось вырастить такую прекрасную дочь.

По возбужденному лицу матери потекли слезы. Тизэ и сама заплакала.

— Скажите мне правду: я подкидыш? — с мольбой в голосе спросила она.

— Нет, нет! Я ведь тебе уже говорила... Почему ты сомневаешься в моих словах?

— Не могу поверить, что такие люди, как вы, как отец, могли похитить ребенка.

— Разве я тебе сейчас не говорила, что раз в жизни человек совершает дурной поступок?

— Скажите, где вы меня похитили?

— В Гион, — без запинки ответила Сигэ. — Мы приехали туда вечером полюбоваться на цветущие вишни и увидели лежащего на скамейке под вишневым деревом ребеночка — прекрасного, как цветочек. Мы склонились над ним — и он нам улыбнулся. Я взяла его на руки — и уж никакие силы не могли заставить меня снова положить его обратно. Я прижалась щекой к его щечке, а отец поглядел на меня и говорит: «Сигэ, украдем его! Бежим, скорее бежим отсюда!» Остальное было как во сне. Помню лишь, что мы помчались к харчевне «Хирано», знаешь, той, которая славится имобо¹ — там мы оставляли машину, — и уехали домой...

— ...

— Твоя мать, наверное, куда-то отлучилась, а мы и воспользовались этой минутой.

Рассказ Сигэ был не лишен логики.

— Это судьба... Так ты стала нашей дочерью, Тиэко. С тех пор минуло двадцать лет. Хорошо ли мы поступили — не знаю, но в душе я молитвенно соединяю руки и уповаю на прощение за совершенный поступок. Наверное, и отец тоже.

— Матушка, не корите себя! Я всегда говорю себе: до чего же мне повезло! — Тиэко прижала к глазам ладони.

Похищена ли была Тиэко или подкинута, но в книге семейных записей она значилась законной наследницей семейства Сада.

Когда отец и мать впервые — она в ту пору поступила в среднюю школу — признались Тиэко, что она не родной ребенок, девочка не восприняла этого всерьез и даже подумала, будто родители так сказали, потому что она плохо себя ведет.

Наверное, они опасались, что она прежде узнает об этом от соседей. А может, верили в непоколебимость дочерней любви и решили: девочка уже достаточно взрослая и можно сказать ей правду.

Признание родителей застало Тиэко врасплох, но нельзя сказать, что она уж очень опечалилась. Она не особенно страдала и когда стала взрослой. В ее любви к Таки-тиро и Сигэ ничто не изменилось, не осложнились и их отношения. Словом, ничего такого не возникло в ее душе, что нужно было искусственно подавлять. Может, тому способствовал характер Тиэко.

¹ Одно из знаменитых блюд киотоской кухни — сладкий картофель, отваренный с сушеной треской.

Но если она не дочь Такитиро и Сигэ, значит, где-то живут ее настоящие родители; чего доброго, у нее даже и братья есть, и сестры. «Я с ними вряд ли свижусь, — размышляла Тиэко, — и живется им тяжело, должно быть, не то что мне».

Но главное было не это. Больше тревожило огорчение, какое она могла бы доставить нынешним отцу и матери — хозяевам дома со старинной решеткой.

Вот почему Тиэко там, на кухне, прижала ладони к своим глазам.

— Тиэко, — Сигэ положила ей руку на плечо, — не спрашивай больше о прошлом. Мир так устроен, что никому не ведомо, где и когда упадет ему в руки драгоценный камень.

— Драгоценный камень?! Не слишком ли лестное сравнение? Но я была бы счастлива, если бы он пришелся в пору вашему кольцу, — прошептала Тиэко и усердно занялась приготовлением ужина.

После ужина Сигэ и Тиэко поднялись наверх в дальнюю комнату.

В фасадной части второго этажа находилась скромная комната с маленьким оконцем и низким потолком, где ночевали ученики и посыльные. В дальние же комнаты вела галерея, проходившая сбоку от внутреннего двора. Туда можно было попасть и прямо из лавки.

Самых уважаемых, давнишних покупателей обычно принимали в дальних комнатах. Там же при случае они ночевали.

С обычными покупателями переговоры велись в гостиной первого этажа, выходившей во внутренний двор. Это была большая комната — от лавки до задней части дома. Вдоль стен — полки с товарами. Здесь на полу, устланном тростниковыми циновками, раскладывали ткани и кимоно, чтобы покупатели могли свободно их разглядывать.

На втором этаже были еще две небольшие комнаты с высокими потолками — спальни родителей и Тиэко.

Тиэко села перед зеркалом и распустила длинные, изумительной красоты волосы.

— Матушка! — позвала она Сигэ, которая готовилась за фусума¹ ко сну. И столько разных чувств соединилось в этом слове...

¹ Раздвижные перегородки в японском доме.

ГОРОД КИМОНО

Киото — большой город с удивительно красивыми деревьями. Нет слов, прекрасны сад вокруг императорской виллы близ храма Сюгакуин, сосновая роща у императорского дворца, множество обширных садов старинных храмов, но хороши и деревья на городских улицах, они-то прежде всего и бросаются в глаза туристам. Необыкновенны плакучие ивы в Киямати и на набережной реки Такасэ, ивовые аллеи вдоль улиц Годзэ и Хорикава. Это настоящие плакучие ивы, их гибкие зеленые ветви свисают до самой земли. Восхищают и красные сосны, полукружьем выстроившиеся на Северной горе.

В весеннюю пору яркой зеленью одевается Восточная гора, а в ясную погоду можно разглядеть деревья и на горе Хиэй. Красота деревьев подчеркивает красоту города, за чистотой которого постоянно следят.

В Гион, особенно в отдаленной его части, вдоль узеньких улочек стоят потемневшие от старости дома, но сами улицы чисты, нигде не увидишь признаков грязи.

То же самое можно сказать и о районе Нисидзин, где изготавливают кимоно. Там идеальная чистота, несмотря на множество невзрачных лавчонок и мастерских. Деревянные решетки у домов каждый день тщательно протираются, на них не найдешь ни пылинки. Прибрано и в ботаническом саду, на земле не валяются обрывки бумаги, не увидишь мусора.

Американские оккупационные войска построили для себя в ботаническом саду коттеджи и, конечно, запретили японцам посещать его; потом американцы ушли и все стало по-прежнему.

У Сосукэ Отомо — владельца ткацкой мастерской в Нисидзин — была в ботаническом саду любимая аллея камфарных лавров. Деревья невысокие, да и сама аллея — короткая, но ему нравилось гулять по ней. Особенно в весеннюю пору, когда у лавров набухают почки...

«Как там камфарные лавры? — иногда вспоминал Сосукэ, прислушиваясь к работе ткацкого станка. — Не срубили ли их оккупанты?»

Он с нетерпением ждал, когда же ботанический сад снова откроется.

Побывав в ботаническом саду, Сосукэ любил пройтись по полого поднимавшемуся вверх берегу Камогава, откуда открывался вид на Северную гору. Обычно он гулял в одиночестве.

Вся прогулка по ботаническому саду и вдоль реки занимала около часа. Вот и сегодня он вспомнил о любимой аллее и затосковал.

— Из Сага звонит господин Такитиро Сада, — прервала его воспоминания жена.

— Такитиро? Из Сага?.. — Он подошел к конторке, где стоял телефон.

Ткач Сосукэ был лет на пять моложе торговца одеждой Такитиро. С давних пор они питали расположение друг к другу, нередко развлекались вместе в «дурной компании». Но в последнее время видались не часто.

— Отомо у телефона, давненько мы не встречались...

— Здравствуй, Отомо, — голос Такитиро звучал необычно оживленно.

— Так вы, значит, в Сага?

— Ага, скрываюсь в уединенном женском монастыре.

— Вы изволите себя вести несколько странно. — Сосукэ специально употребил вежливый оборот. — Бывают ведь разные женские монастыри...

— Но этот настоящий, и живет в нем единственная старуха настоятельница.

— Ну и что? Старуха старухой, а господин Сада с молоденькой девушкой...

— Брось свои дурацкие шутки, — рассмеялся Такитиро, — у меня к тебе дело.

— Дело? Ко мне?

— Да. Я хотел бы заехать сегодня.

— Милости просим, милости просим. — Сосукэ не мог скрыть недоумения. — Я весь день дома, работаю. Наверное, и по телефону слышно, как станки стучат.

— Слышу, слышу! А знаешь, я соскучился по этому шуму.

— Может, вы и соскучились, а для меня этот шум — хлеб насущный. Если он прекратится, мне конец. Это вам не развлекаться в уединенном женском монастыре...

Не прошло и получаса, как машина, в которой сидел Такитиро, остановилась у дома Сосукэ.

Такитиро вошел в дом. Глаза его сияли. Он поспешно развязал фуросуки.

— Вот, хотел бы просить тебя, — сказал он, разворачивая рисунок.

— Пояс! — воскликнул Сосукэ и внимательно поглядел на Такитиро. — Такой современный, нарядный — совершенно не в вашем стиле, господин Сада. Н-да... Не

иначе как для той, кто уединился вместе с вами в женском монастыре?..

— Ты опять за свое... — рассмеялся Такитиро. — Для нашей дочери.

— То-то удивится барышня, когда пояс будет готов. Ахнет, да и только. Станет ли она носить такой?

— Видишь ли, Тизко подарила мне несколько альбомов с репродукциями Клее.

— Клее... Клее... Что за художник?

— Вроде бы абстракционист и, говорят, неплохой мастер. Картины его навевают мечтательное настроение. Они тронули и мое стариковское сердце. Я долго листал альбомы, внимательно разглядывал репродукции и изготовил эскиз — ничего похожего на рисунки на старинных японских материях.

— Это верно.

— Вот я и решил попросить тебя выткать пояс по этому рисунку. Посмотрим, что получится. — Голос Такитиро все еще дрожал от возбуждения.

Сосукэ некоторое время молча вглядывался в рисунок.

— Н-да, отличная вещь, и расцветка хороша. Есть и новизна, чего раньше не было в ваших рисунках. А узор по-прежнему изысканный, несмотря на яркость. Нелегко будет его выткать, но постараемся. На пробу изготовим один пояс. В рисунке угадывается и дочерняя почтительность, и родительская любовь.

— Спасибо тебе... Последнее время везде ищут *idea, sense*¹, даже цвет сверяют с западной модой.

— Да, так настоящую вещь не сработает.

— Терпеть не могу, когда в нашем деле употребляют иностранные слова. В Японии с древних времен существует свое, утонченное понимание цвета, какого не выразишь словами.

— Верно, верно! Даже у черного есть множество оттенков, — согласно кивнул Сосукэ. — Кстати, знаете, о чем я сегодня думал? О том, кто только не занимается теперь изготовлением поясов. У таких, как Идзукура, четырехэтажные фабрики, настоящее современное производство. Они там ткут по пятьсот поясов в день, рабочие участвуют в управлении, говорят, средний возраст тамошних ткачей — двадцать лет. Этак через пару десятков лет вовсе исчезнут мастера вроде нас, привыкшие к работе на ручных станках.

¹ Идея, вкус (англ.).

— Глупости!

— А если и выживут, станут, наверное, этим самым, «национальным достоянием», «сокровищем культуры» страны.

— ...

— Как, например, вы, господин Сада, или этот... Клее, кажется?

— Я говорил о Пауле Клее. Знаешь, я уединился в храме и чуть не полмесяца по целым дням, а то и ночами обдумывал узор и расцветку для этого пояса, но не уверен, насколько мне удался рисунок.

— Он сделан безупречно, в изысканном японском стиле, — поспешно возразил Сосукэ, — вполне достоин вашего имени и таланта. Постараемся выткать хороший пояс в точности по вашему рисунку. Пожалуй, Хидэо, мой старший сын, сделает его лучше меня. Вы, кажется, с ним знакомы?

— Угу.

— Хидэо ткет добротно.

— Тебе виднее. Главное, чтобы получилось. Мое дело — оптовая торговля и большей частью с провинцией, поэтому в тонкостях не разбираюсь.

— Зачем на себя наговариваете?

— Этот пояс подходит для осени. Изготовь его поскорее.

— Слушаюсь. А кимоно для пояса уже подобрали?

— Вначале пояс...

— Понимаю. У оптовика за кимоно дело не станет — выбор большой... Похоже, готовитесь выдать барышню замуж?

— Откуда ты взял?! — Такитиро вдруг почувствовал, что краснеет.

В мастерских Нисидзин, где работают на ручных станках, довольно редко случается, что ткаческое умение передается от отца к сыну на протяжении трех поколений. Ручное ткачество — своего рода искусство. И если отец был выдающимся ткачом, это вовсе не означает, что таким же мастером станет его сын. Даже если он не лентяйничает, почивая на лаврах отцовского таланта, а старается овладеть секретами мастерства.

Бывает и так: ребенка с четырех-пяти лет обучают мотать нитки. В десять-двенадцать он уже осваивает ткацкий станок и начинает самостоятельно выполнять несложные заказы. Поэтому, когда у владельца мастерской много

детей, это залог процветания. Работу мотальщиц выполняют и пожилые женщины лет шестидесяти, а то и семидесяти. И нередко в мастерских можно увидеть, как, сидя друг против друга, мотают нитки бабушка и внучка.

В доме Сосукэ только одна мотальщица — его далеко не молодая жена. Работает она, не разгибая спины, с утра и до вечера и с годами становится все более молчаливой.

У Сосукэ три сына. Каждый ткёт пояса на высоком ткацком станке такабата.

Владелец мастерской с тремя станками считается зажиточным, но есть мастерские с одним станком, есть ткачи, которым приходится брать станок в аренду.

Выдающееся мастерство Хидэо, в котором он, как признался Сосукэ, превзошел отца, было известно и мануфактурщикам, и оптовым торговцам.

— Хидэо, эй, Хидэо! — крикнул Сосукэ, но тот, видимо, не слышал.

В отличие от машинных станков ручные изготовлены из дерева и не создают сильного шума, но станок Хидэо был самым дальним, и юноша, сосредоточенно ткавший двусторонний пояс — работа особой сложности, — не слышал отца.

— Мать, позови-ка Хидэо, — обратился Сосукэ к жене.

— Иду. — Она смела с колен обрывки ниток и, постукивая кулаками по пояснице, направилась по коридору с земляным полом к станку, за которым работал сын.

Хидэо остановил бёрдо и поглядел в сторону Такитиро, но поднялся не сразу — должно быть, устал. Увидев гостя, он не решился даже потянуться, чтобы расправить затекшую спину, лишь вытер лицо и, приблизившись к Такитиро, хмуро промолвил:

— Добро пожаловать в нашу грязную лачугу. — Он весь еще был там, в работе.

— Господин Сада изготовил эскиз и просит выткать по нему пояс, — сказал отец.

— Вот как? — равнодушно отозвался Хидэо.

— Это — особый пояс, и думаю, лучше бы взяться за него тебе.

— Наверное, для барышни, для госпожи Тиэко? — Хидэо впервые поглядел на Сада.

— Он сегодня с раннего утра за станком, должно быть, устал, — извиняющимся тоном сказал Сосукэ, пытаясь сгладить нелюбезность сына.

Хидэо молчал.

— Если не вкладывать душу, хорошей вещи не сделаешь, — ответил Такитиро, давая понять, что не сердится

— Ничего особенного, обыкновенный двусторонний пояс, а вот не дает покоя... Прошу прощения, что не приветствовал вас как подобает. — Хидэо слегка поклонился.

Такитиро кивнул:

— Чего уж там, настоящий мастер иначе не может.

— Когда приходится ткать заурядную вещь, работать вдвойне тяжко. — Юноша опустил голову.

— Учти, Хидэо, господин Сада принес необычный рисунок. Он уединился в женском монастыре в Сага и долго работал над ним. Это не на продажу, — строго сказал отец.

— Вот как? Значит, в Сага...

— Постарайся выткать как можно лучше.

— Слушаюсь.

Равнодушие Хидэо умерило радостное возбуждение, с каким Такитиро вошел в мастерскую Отомо.

Он развернул эскиз и положил перед Хидэо.

— ...

— Не нравится? — робко спросил Такитиро.

— ...

— Хидэо, — воскликнул Сосукэ, не выдержав упорного молчания сына, — отвечай, когда спрашивают. Ты ведешь себя неприлично.

— Я ткач, — произнес наконец юноша, не поднимая головы, — и мне нужно время, чтобы изучить рисунок господина Сада. Работа необычная, кое-как ее делать нельзя — ведь это пояс для госпожи Тиэко.

— Вот и я о том же толкую, — закивал Сосукэ. Его удивляло странное поведение сына.

— Значит, тебе не нравится? — на этот раз вопрос Такитиро прозвучал резко.

— Замечательный рисунок, — спокойно возразил Хидэо. — Разве я сказал, что он мне не нравится?

— На словах — нет, но в душе... Вижу по твоим глазам.

— Что вы видите?

— Что вижу?! — Такитиро резко встал и вlepил Хидэо пощечину. Юноша не попытался даже уклониться.

— Бейте сколько угодно. Я и в мыслях не имел, что ваш рисунок плох, — оживился Хидэо. Должно быть, пощечина смахнула безразличие с его лица. — Нижайше прошу прощения, господин Сада. — Хидэо склонился в поклоне,

коснувшись ладонями пола. Он даже не решился прикрыть рукой пылавшую от удара щеку.

— ...

— Вижу — вы рассердились, но все же осмелюсь просить: разрешите мне выткать этот пояс.

— Для того и пришел сюда, — буркнул Такитиро, стараясь успокоиться. — Ты уж извини меня, старика. Я поступил нехорошо. Так ударил, что рука болит...

— Возьмите мою. У ткачей рука крепкая, кожа толстая.

Оба рассмеялись.

Но в глубине души Такитиро еще чувствовал смущение.

— Давно не поднимал ни на кого руки, не припомню даже когда... Ну, прости меня — и забудем об этом. Лучше скажи мне, Хидэо: почему у тебя было такое странное лицо, когда ты разглядывал мой рисунок? Правду скажи!

— Хорошо. — Хидэо снова нахмурился. — Я ведь еще молод и неопытен, и мне, мастеровому, трудно высказать что-то определенное. Вы ведь изволили сказать, что изготовили этот эскиз, уединившись в монастыре?

— Да. И собираюсь сегодня же обратно. Пожалуй, еще с полмесяца там пробуду...

— Вам не следует туда возвращаться, — решительно сказал Хидэо. — Отправляйтесь-ка лучше домой.

— Дома мне неспокойно, не могу собраться с мыслями.

— Меня поразили нарядность, яркость и новизна рисунка. Я просто восхищен: как вам, господин Сада, удалось создать такой эскиз? Но когда начинаешь внимательно его разглядывать...

— ...

— ...вроде бы он интересный, оригинальный, но... в нем нет гармонии, душевной теплоты. От рисунка веет беспокойством, какой-то болезненностью.

Такитиро побледнел, его трясущиеся губы не могли произнести ни единого слова.

— Сдается мне, в этом уединенном храме обитают лисы-оборотни и барсуки, и они-то водили вашей рукой...

— Та-ак. — Такитиро потянул к себе рисунок, впился в него глазами. — Недурно сказано. Хоть и молод, но мудр... Спасибо тебе... еще раз все хорошенько обдумаю и попытаюсь сделать новый эскиз. — Такитиро торопливо свернул рисунок в трубку и сунул за пазуху.

— Зачем же! Рисунок превосходный, а когда я вытку пояс, краски и цветные нити придадут ему иной вид.

— Благодарю тебя, Хидэо. Значит, ты хочешь выткать

пояс, вложив в него свое чувство к нашей дочери, и тем самым придашь теплоту этому безжизненному эскизу, — сказал Такитиро и, поспешно простившись, покинул мастерскую.

Он сразу увидел маленькую речушку — типичную для Киото. И трава прибрежная — на старинный лад — клонится к воде. А белая стена над берегом? Не стена ли это дома Отомо?

Такитиро сунул руку за пазуху, смял эскиз и кинул его в речку.

— Не желаешь ли вместе с дочерью поехать в Омуро полюбоваться цветами?

Телефонный звонок Такитиро застал Сигэ врасплох. Что-то она не припомнит, чтобы муж приглашал ее раньше любоваться цветами.

— Тиэко, Тиэко! — закричала она, словно взывая к дочери о помощи. — Отец звонит — подойди к телефону...

Вбежала Тиэко и, положив руку на плечо матери, взяла телефонную трубку.

— Хорошо, приедем вместе с матушкой... Да, будем ждать в чайном павильоне перед храмом Ниннадзи... Нет-нет, не опоздаем...

Тиэко опустила трубку, взглянула на мать и рассмеялась:

— Отчего это вы переполошились, матушка? Нас всего лишь пригласили полюбоваться цветами.

— Странно, вдруг даже обо мне вспомнил!

— В Омуро теперь вишни в самом цвету... — уговаривала Тиэко все еще колебавшуюся мать.

Вишни в Омуро называются «луна на рассвете» и цветут позднее других в старой столице — не для того ли, чтобы Киото подольше не расставался с цветами?

Они прошли ворота Ниннадзи. Вишневая роща по левую руку цвела особенно буйно.

Но Такитиро, поглядев в ту сторону, сказал:

— Нет, я не в силах на это смотреть.

На дорожках в роще были выставлены широкие скамьи, на которых пришедшие сюда ели, пили и громко распевали песни. Кое-где пожилые крестьянки весело отплясывали, а захмелевшие мужчины разлеглись на скамьях и громко храпели; некоторые лежали на земле: должно быть, во сне свалились со скамеек.

— Что творится-то! — сокрушенно покачал головой Такитиро и пошел прочь. Сигэ и Тиэко последовали за

ним, хотя издавна привыкли любоваться цветами вишни в Омуро.

В глубине рощи к небу поднимался дымок — там жгли мусор, оставленный любителями цветущих вишен.

— Пойдем куда-нибудь, где потише, а, Сигэ? — предложил Такитиро.

Они уже собирались уйти, когда напротив вишневой рощи увидели под высокой сосной корейнок в национальной одежде. Они били в корейский барабан и под его звуки исполняли национальный танец. Это выглядело куда как эстетичней, чем развлекающаяся толпа под вишнями.

Сквозь просветы между зелеными ветвями сосны виднелись в отдалении розовые цветы горных вишен.

Тизко постояла, любуясь на корейнок, потом сказала:

— Отец, поедем в ботанический сад — там тихо.

— А что? Пожалуй... На вишни в Омуро мы поглядели — свой долг перед весной исполнили. — И Такитиро пошел к машине.

С апреля ботанический сад вновь открылся для посетителей, и туда опять стал ходить трамвай от вокзала.

— Если и в ботаническом саду такая же толчея, прогуляемся по набережной Камогава, — сказал Такитиро.

Машина мчалась по городу, утопавшему в молодой зелени деревьев. Молодая листва казалась особенно свежей на фоне старинных домов, чего не ощущаешь близ новых построек.

Со стороны аллеи, протянувшейся вдоль ограды, ботанический сад особенно просторен и светел. Слева, огибая его, катит свои воды Камогава.

Сигэ купила входные билеты и сунула их за пояс. Она дышала полной грудью, любуясь открывшейся ширью. Из квартала оптовиков, где они жили, едва видны дальние холмы, а Сигэ даже ими не доводилось любоваться: она редко выходила из лавки на улицу.

За воротами ботанического сада бил фонтан, вокруг него цвели тюльпаны.

— Какой чудной для Киото пейзаж. Наверное, их посадили американцы, когда строили здесь свои коттеджи, — сказала Сигэ.

— Кажется, американцы возвели их подальше, в глубине ботанического сада, — заметил Такитиро.

Они ощутили на лицах мелкую водяную пыль от фонтана, хотя ветра не было. Позади фонтана, по левую руку

возвышалась довольно большая оранжерея с круглой стеклянной крышей на металлическом каркасе. Они поглядели сквозь стекло на росшие там тропические растения, но внутрь заходить не стали.

Прогулка по ботаническому саду занимает немного времени.

Справа от дороги огромный гималайский кедр выгнал весенние побеги, опущенные пучками длинной хвои. Нижние ветви стелются по земле. Гималайский кедр — из породы игольчатых, но шелковистая зелень его новорожденной хвои — какие же это «иголки»? В отличие от лиственницы-карамацу он не сбрасывает старые иглы по осени, но все равно его молодые побеги создают сказочное впечатление.

— Оплошал я перед сыном Отомо, — вне всякой связи пробормотал Такитиро. — Он в работе превзошел отца, а уж глаз такой наметанный: все видит насквозь.

Само собой, Сигэ и Тиэко ничего не поняли из его слов.

— Вы встречались с Хидэо? — спросила Тиэко, а Сигэ лишь добавила: — Говорят, он хороший мастер.

Они знали, что Такитиро не любит расспросов.

Пройдя справа от фонтана и повернув налево, они увидели что-то вроде детской площадки. Оттуда доносились веселые детские голоса, а на лужайке виднелись немудреные вещи детишек, аккуратно сложенные.

Такитиро и его спутницы ступили под сень деревьев и опять свернули налево. Неожиданно их глазам открылось целое поле тюльпанов. Тиэко даже вскрикнула, увидев столько цветов: красные, желтые, белые, черные, темно-лиловые, как камелии. Цветы были крупные, каждый сорт на своей делянке.

— Пожалуй, узор из тюльпанов вполне подошел бы для кимоно в новом стиле, хотя прежде я никогда не согласился бы на такую безвкусицу... — вздохнул Такитиро.

Если распростершиеся у самой земли ветви гималайского кедра с его нежной хвоей можно уподобить распущенному хвосту павлина, то с чем сравнить это многоцветие тюльпанов? — думал Такитиро. Их цвет как бы окрашивал воздух, проникал в самые глубины его существа.

Сигэ отошла от мужа и прижалась плечом к Тиэко. Как ни странно, внимание Тиэко привлекали в эту минуту не цветы.

— Матушка, видите тех людей, что стоят перед белыми тюльпанами? Не смотрины ли это?

— Ох, и правда...

— Не глядите так откровенно в их сторону. — Девушка потянула Сигэ за рукав.

Перед тюльпановым полем был пруд с карпами.

Такитиро поднялся со скамьи и медленно пошел вдоль полянка с тюльпанами, близко наклоняясь к цветам и чуть не заглядывая в каждый венчик.

— Западные цветы слишком яркие, они надоедают, мне больше по душе бамбуковая роща, — сказал он, возвратившись к своим спутницам.

Тюльпановое поле находилось в низине, окруженной деревьями.

— Тиэко, не кажется ли тебе, что в ботаническом саду есть нечто европейское? — спросил Такитиро.

— Мне трудно судить, но чем-то он действительно напоминает западные сады, — ответила Тиэко. — Вы хотите уйти, но, может, ради матушки побудем здесь еще немного?

Такитиро обреченно двинулся было снова к цветам, но тут его окликнули:

— Никак господин Сада? Ну конечно же, это Сада-сан!

— А, Отомо. Вижу, и Хидэо вместе с тобой. Вот уж не ожидал вас здесь встретить.

— Нет, это для меня неожиданность... — воскликнул Сосукэ, склоняясь в глубоком поклоне. — Люблю гулять по здешней аллее камфарных лавров, едва дождался, когда сад снова откроют! Сегодня я с особым удовольствием прошелся по этой аллее. Здешним лаврам лет пятьдесят, а то и шестьдесят... Извините за невоспитанность моего сына — он вел себя неприлично во время вашего посещения. — Сосукэ вновь склонил голову.

— Молод еще — ему простительно.

— Вы приехали сюда из Сага?

— Я — из Сага, а Сигэ с дочерью — из дома.

Сосукэ приблизился к спутницам Такитиро и склонился в приветствии.

— Хидэо, что ты думаешь об этих тюльпанах? — голос Такитиро прозвучал чересчур сурово.

— Они живут, — со свойственной ему прямоотой ответил юноша.

— Живут?.. Разумеется, живут, но мне неприятно на них глядеть — слишком их много... — Такитиро отвернулся.

Цветы живут... Коротка их жизнь, но они, безусловно, живут. Каждый год появляются на них бутоны. И расцве-

тают. Живут, как живет вся природа... У Такитиро было такое ощущение, словно он опять оплошал перед Хидэо.

— Не мне судить, но, думаю, узор из тюльпанов для кимоно или пояса не очень подходит. Впрочем, если его нарисует гениальный художник, то и тюльпаны, пожалуй, обретут на рисунке вечную жизнь, — бросил Такитиро через плечо. — Возьмем рисунки на старинных тканях. Иные из них будут постарше нашей древней столицы. Только кто теперь способен сотворить подобную красоту? Так, одни копии...

— ...

— Или — деревья. Ведь и среди них есть такие, что старше нашего города?

— Все это для меня чересчур мудрено. Мое Дело — ткать. Изо дня в день. Где уж тут рассуждать о высоких материях? — Хидэо потупился. — Но вот что я думаю: если поставить Тиэко рядом с Мироку¹ в храме Тюгудзи или Корюдзи, насколько прекрасней этих статуй будет она!

— Может, порадовать Тиэко, сказав ей об этом? Хотя подобного сравнения она не заслуживает... Эх, Хидэо! Девушка так быстро превращается в старуху. Так быстро!

— Вот я сказал: тюльпаны живут, — с силой заговорил Хидэо. — Пора цветения столь коротка, но в этом быстротечном мгновении — вся полнота жизни. Разве не так? И именно сейчас наступила эта пора.

— Согласен. — Такитиро вновь повернулся к юноше.

— Я не собираюсь ткать такие пояса, которые остались бы для наших внучек и правнучек. Я буду делать такие, чтобы девушка сказала: вот это для меня — и с радостью носила бы их сегодня, сейчас, когда она в расцвете молодости.

— Прекрасная мысль, — кивнул Такитиро.

— Вот почему я и сказал, что тюльпаны живут. Они сейчас в полном расцвете, но кое-где уже опадают лепестки.

— Н-да...

— Ведь и лепестки осыпаются по-разному. Одно дело вишня: настоящая вьюга лепестков, а вот тюльпаны...

— Ты, наверное, имеешь в виду осыпавшиеся лепестки тюльпанов? Скажу одно: мне не по душе тюльпановые поля — слишком уж много ярких цветов, теряется прелесть... Может, все потому, что надвинулась старость?

— Пойдемте отсюда, — предложил Хидэо. — Честно

¹ Будда грядущих времен.

говоря, ко мне не раз приходили с эскизами, просили выткать пояс с узором из тюльпанов, но то были рисунки на бумаге, и я отказывался. А сегодня я воочию полюбовался на живые тюльпаны — и словно прозрел.

Впятером они покинули тюльпановое поле и стали подниматься по каменным ступеням.

Вдоль лестницы протянулась живая изгородь, даже не изгородь, а настоящая стена из кирисимских рододендронов. Рододендроны еще не цвели, но густая свежая зелень их мелких листочков подчеркивала яркость цветущих тюльпанов.

Сверху открывался вид на сады, где росли древесные пионы — ботан и душистые китайские пионы. Они тоже еще не цвели. Пионовые сады казались несколько непривычными — наверное, потому, что появились недавно.

На востоке смутно проступала гора Хиэй.

Почти из любого места в ботаническом саду открывался вид на какую-нибудь гору — на Хиэй либо на Восточную или Северную. Гора Хиэй, видневшаяся за садом душистых пионов, казалась совсем близкой.

— Только вот вершина не видна — туман застилает, — сказал Сосукэ, обращаясь к Такитиро.

— Весенняя дымка скрадывает очертания... — ответил Такитиро, разглядывая гору. — Отомо, тебе не напоминает она о наступлении весны?

— Как вам сказать...

— А может, наоборот, наводит на мысль, что весна уже на исходе?

— Как вам сказать, — повторил Сосукэ. — Весна проходит быстро. Мы не успели даже как следует полюбоваться цветами вишни.

— Ничего нового ты бы для себя не открыл.

Некоторое время они шли молча.

— Отомо, не пройтись ли нам по твоей любимой аллее камфарных лавров? — предложил Такитиро.

— С удовольствием, это мне только в радость. А если и барышня с нами пойдет — тем более. — И Сосукэ оглянулся на Тизко.

Наверху ветви лавров соединялись, образуя над головой зеленый шатер. Нежные молодые листочки были красноватого оттенка. Несмотря на безветренную погоду, они слегка колебались.

Все пятеро шли молча, лишь изредка обмениваясь

короткими фразами. Здесь, под сенью лавров, каждый думал о своем.

Когда Хидэо сравнил Тиэко с самыми прекрасными в Нара и Киото статуями Мироку да еще сказал, что девушка прекрасней, чем они, Такитиро не на шутку встревожился. Неужели Хидэо настолько увлечен его дочерью? Но если девочка выйдет за него замуж, где она станет ютиться? В их мастерской? Будет с утра до ночи сучить нитки?

Он оглянулся. Хидэо что-то оживленно рассказывал Тиэко, а та время от времени согласно кивала.

Вообще-то Тиэко не обязательно идти в дом Отомо. Хидэо можно принять и в нашу семью, подумал Такитиро.

Тиэко — единственная дочь. Можно представить, как будет тосковать Сигэ, если она уйдет в дом мужа. С другой стороны, Хидэо — старший сын у Отомо, и сам Сосукэ признает, что он превзошел отца в мастерстве. Согласится ли он опустить Хидэо? Но у него ведь есть еще два сына.

И все ж, хотя дела его последнее время пошатнулись, он, Такитиро, оптовый торговец из квартала Накагё. Разве можно сравнить его торговый дом и мастерскую, где всего три ткацких станки, где нет ни одного наемного ткача и работу всю делают вручную сами домашние? Пустяковое дело с точки зрения коммерции. Поглядеть хоть на Асако — мать Хидэо, на жалкую утварь на кухне... Так отчего бы Хидэо, пусть он и старший сын, не прийти в их семью, когда он женится на Тиэко...

— Хидэо серьезный юноша и с характером, — промолвил Такитиро, как бы продолжая вслух беседу с самим собой. — На такого вполне можно положиться, хотя и молод.

— Вы так считаете? Благодарю, — спокойно ответил Сосукэ. — Ничего не скажу: в работе он прилежен, а вот с людьми не ладит... Груб, неотесан... Просто иногда боюсь за него.

— Не это главное, хотя мне тоже на днях, как ты помнишь, от него досталось, — без обиды, скорее даже весело сказал Такитиро. — Не стоит на него сердиться, такой уж нрав... Кстати, почему вы пришли только вдвоем с Хидэо?

— Можно было позвать и младших, но тогда пришлось бы остановить станки. К тому же я подумал: вот ходит среди этих лавров, полюбуется природой, может, его характер смягчится...

— Аллея в самом деле чудесная. А знаешь, Отомо, я привел сюда Сигэ и Тиэко, в общем-то, по совету Хидэо.

— Как это? — Лицо Сосукэ выразило недоумение. — Значит, он захотел поглядеть на барышню?

— Нет-нет, вовсе не в этом дело! — Такитиро испуганно замахал руками.

Сосукэ оглянулся. На некотором расстоянии от них шли Хидэо и Тиэко, а вслед за ними — Сигэ.

Когда они вышли за ворота ботанического сада, Такитиро предложил:

— Отомо, поезжайте-ка на нашей машине. Отсюда до Нисидзин рукой подать, а пока она вернется, мы еще немного погуляем вдоль реки...

Сосукэ остановился в нерешительности, но Хидэо сказал:

— Спасибо, мы воспользуемся вашей любезностью. Сначала он усадил в машину отца.

Машина тронулась, Сосукэ приподнялся с сиденья и вежливо поклонился Такитиро и его спутникам. Хидэо же то ли слегка склонил голову, то ли нет — понять было трудно.

— Забавный юноша, — сказал Такитиро, с трудом подавляя смех: он вспомнил, как вlepил ему пощечину. — Тиэко, как тебе удалось увлечь этого юношу беседой? Не иначе он питает слабость к молоденьким девушкам.

Тиэко смущенно опустила глаза:

— Говорил он, а я только слушала. Я и сама сначала подумала: отчего это он так разговорился, а потом мне стало даже интересно...

— Не влюбился ли он в тебя? Знаешь, Хидэо сказал мне, что ты прекрасней статуй Мироку в храмах Тюгудзи и Корюдзи... Представляешь, каков чудак?

Слова отца привели Тиэко в смятение. Ее лицо и даже шея порозовели.

— О чем он рассказывал? — спросил Такитиро.

— Кажется, о судьбе ручных станков в Нисидзин.

— Вот как? О судьбе? — задумчиво произнес Такитиро.

— Конечно, слово «судьба» предполагает разговор непростой, но... в общем, о судьбе, — подтвердила Тиэко.

Они шли вдоль Камогава по дамбе с сосновой аллеей. Такитиро спустился к реке. Здесь, внизу, он вдруг отчетливо услышал звук переливавшейся через плотину воды.

У самой реки на молодой траве сидели молодые пароч-

ки; пожилые люди подкреплялись принесенной из дома едой.

На противоположном берегу, пониже шоссе, тянулась прогулочная дорожка. За редкими вишнями, ярко зеленевшими после цветения молодой листвой, виднелась гора Атаго, рядом с ней — Западная, а чуть выше по течению — Северная гора. Там был заповедный участок, где специально сохранялся естественный пейзаж.

— Присядем, — предложила Сигэ.

Неподалеку от моста Китаодзи сушились на траве ткани юдзэн.

— Хорошая нынче весна, — сказала Сигэ, оглядывая окрестности.

— Послушай, какого мнения ты о Хидэо? — обратился к ней Такитиро.

— Что вы имеете в виду?

— Если принять его в нашу семью?..

— Что?! Так сразу?..

— Человек он достойный.

— Это верно, но вы поинтересовались мнением Тиэко?

— Разве она не говорила, что готова во всем беспрекословно подчиняться родителям? Не так ли, Тиэко? — Такитиро повернулся к девушке.

— В таком деле нельзя настаивать. — Сигэ тоже поглядела на Тиэко.

Тиэко сидела на траве, опустив голову. Перед ее глазами всплыл образ Синъити Мидзуки — не нынешнего, а того мальчика, который в праздник Гион ехал на колеснице в старинной одежде храмового прислужника, с подведенными бровями, алыми от помады губами и набеленным лицом. Таким его вспомнила Тиэко. В ту пору она и сама была несмышленной девчушкой.

КРИПТОМЕРИИ НА СЕВЕРНОЙ ГОРЕ

Еще исстари, с Хэйанских времен, так повелось в Киото: когда говорят «гора» — это значит прежде всего гора Хиэй, а когда говорят «празднество» — в первую очередь подразумеваются праздники храма Камо.

Минул уже Праздник мальвы¹, который отмечают пятнадцатого мая.

С тысяча девятьсот пятьдесят шестого года в Праздник мальвы к торжественному шествию во главе с императорским послем добавилась процессия, возглавляемая юной принцессой, — в память о старинном ритуале, когда принцесса, прежде чем посвятить себя служению в храмах Камо, совершает омовение в реке Камогава. В церемониальном наряде из двенадцати кимоно принцесса восседает в возке, запряженном быками. За ней следуют в паланкинах придворные дамы, а также служанки, отроковицы и музыканты. Эта процессия придает празднеству особую красочность благодаря богатству нарядов и молодости принцессы, в роли которой выступает девушка, выбираемая из студенток колледжей. Иногда выбор падал и на подружек Тиэко. В этих случаях она вместе с другими девушками отправлялась на дамбу у Камогава поглядеть на процессию.

В Киото, где такое множество старинных буддистских и синтоистских храмов, чуть ли не каждый день отмечаются большие или малые храмовые празднества. Взглянуть хотя бы на майский календарь — ни одного дня без праздника!

В павильонах или на открытом воздухе устраиваются чайные церемонии, там и сям поднимается парок от котлов с горячей пищей...

Но в нынешнем году Тиэко даже Праздник мальвы и тот пропустила. Май выдался необычайно дождливым, к тому же ее с самого детства столько раз водили на этот праздник...

Тиэко особенно любила цветы, но ей нравились и молодые листочки, свежая зелень деревьев. Она любовалась молодыми листьями кленов в Такао, с удовольствием посещала и окрестности Вакаодзи.

— Матушка, нынче мы не видели даже сбор чая, — сказала Тиэко, заваривая чай нового урожая из Удзи.

— Сбор еще не кончился, — возразила Сигэ.

— Разве?

Позвонила ее подружка Масако:

¹ Отмечается в синтоистском храме Камо в Киото, посвященном божеству грома. В дни праздника помещение храма, одежды служителей, священный ковчег и т. п. украшаются листьями мальвы — растения, которое, согласно поверью, предохраняет от молнии.

— Тизэко, поедем в Такао поглядеть на клены. Сейчас там безлюдно — не то что осенью...

— Не поздно ли?

— Самое время — там ведь прохладней, чем в городе.

— Хорошо, — согласилась Тизэко, потом, будто вспоминая о чем-то, сказала: — После того как мы побывали в Хэйан дзингу, надо было бы еще пойти к вишням на горе Сюдзан, а мы совсем позабыли о них. Помнишь ту старую вишню?.. Жаль, теперь уже поздно. Но самое время полюбоваться криптомериями на Северной горе. От Такао туда рукой подать. Знаешь, когда я гляжу на стройные, устремленные в небо криптомерии на Северной горе, душа замирает. Поедем потом туда, так захотелось вдруг поглядеть на эти удивительные деревья — больше, чем на клены в Такао.

Добравшись до Такао, Тизэко и Масако решили полюбоваться кленами не только возле храма Дзингодзи, но и близ храмов Саймёдзи в Макиноо и Кодзандзи в Тога-ноо.

Подъем в Дзингодзи и Кодзандзи довольно крут, и Масако в легком летнем платье и туфлях на низких каблуках с беспокойством поглядывала на Тизэко, которая была в кимоно, затянутом широким поясом. Но на лице Тизэко не видно было признаков усталости.

— Чего это ты так воззрилась? — спросила Тизэко.

— До чего же хороша! — прошептала Масако.

— Верно, удивительно красива! — воскликнула Тизэко, глядя на видневшуюся далеко внизу реку Киётаки. — А здесь прохладней, чем я думала.

— Да ведь я... — даваясь от смеха, проговорила Масако, — я имела в виду тебя, а не речку.

— ...

— И откуда только берутся такие красавицы?

— Перестань, прошу тебя.

— Скромное кимоно среди яркой зелени только оттеняет твою красоту. Правда, тебе и нарядное было бы к лицу...

В тот день Тизэко надела лиловое кимоно приглушенных тонов и широкий пояс из ситца, которым щедро оделил ее отец.

Тизэко не спеша поднималась по каменным ступеням. Пока Масако восхваляла ее красоту, она думала о портре-

тах Сигэмори Тайра и Ёритомо Минамото¹ в храме Дзингодзи — тех самых портретах, которые Андре Мальро назвал мировыми шедеврами. Она вспомнила, что на лбу и на щеках Сигэмори еще сохранились следы красной краски.

Масако и прежде не раз откровенно восхищалась красотой Тиэко.

В храме Кодзандзи Тиэко любила глядеть на горы с просторной галереи святилища Исимидзуин. Ей нравилась и тамошняя картина, на которой был изображен основатель храма — святой Мёэ, предающийся медитации, сидя на дереве. Там же в храме была выставлена копия свитка Тёдзюгига — юмористических картинок из жизни птиц и зверей. Монахи угостили девушек чаем.

Масако не бывала дальше храма Кодзандзи. Здесь, в общем-то, кончался туристский маршрут. Тиэко же помнила, как однажды отец повез ее дальше, и они любовались вишнями на горе Сюдзан и нарвали целую охапку полевого хвоща. Стебли хвоща были сочные и длинные. Потом она и сама, когда приезжала в Такао, доходила до деревни на Северной горе, где росли криптомерии. Теперь деревня влилась в Киото и стала городским кварталом. В квартале всего сто двадцать — сто тридцать дворов, и, пожалуй, по многим признакам правильнее по-прежнему называть его деревней.

— Я стараюсь где только можно ходить пешком, — сказала Тиэко. — А здесь так хорошо, и дорога дивная.

Крутые горы вплотную подступали к реке Киётаки. Девушки прошли еще немного вперед и увидели чудесную рощу криптомерий. Деревья росли стройными рядами. С первого взгляда можно было догадаться, что за ними тщательно ухаживают. Из этого ценного дерева изготавлиют бревна, и только в этой деревне умеют искусно их обрабатывать.

По-видимому, был час отдыха, и женщины, обрубавшие ветви на криптомериях, сидя в тени деревьев, отдыхали.

Масако обратила внимание на одну девушку и не сводила с нее глаз, словно завороченная.

— Погляди на нее, Тиэко. Она удивительно на тебя похожа, — прошептала Масако.

На девушке было темно-синее кимоно в белый горошек

¹ Сигэмори Тайра (1138–1179) — полководец хэйанской эпохи. Ёритомо Минамото (1147–1199) — первый феодальный правитель эпохи Камакура (1192–1333).

и шаровары. Рукава подвязаны тесемками, поверх кимоно — передник, на руках — перчатки, прикрывающие только тыльную часть руки. Передник круговой, с разрезами по бокам. Тесемки и узкий пояс — красных тонов. Голова повязана полотенцем. Остальные были одеты так же.

Они напоминали женщин из Охара или Сиракава, ездивших в город торговать вразнос, но одеты — по-другому. В такой одежде японки трудятся в поле или в горах.

— В самом деле, она так на тебя похожа! Удивительно! Да ты взглядишь.

— Правда? — Тиэко бросила на девушку мимолетный взгляд. — До чего беспокойный ты человек, Масако!

— Пусть так, но погляди, как она хороша!

— Ну, хороша, что из этого...

— Можно подумать, будто она твое незаконное дитя.

— Ну, это уж слишком! — рассердилась Тиэко.

Масако поняла, что выразилась не слишком удачно, но, подавив рвавшийся наружу смешок, все же добавила:

— Встречаются люди, похожие друг на друга, но такое сходство!..

Девушка спокойно прошла вместе с подругами мимо них. Повязанное на голове полотенце было низко надвинуто на лоб и наполовину прикрывало щеки. Поэтому трудно было как следует разглядеть ее лицо. Откуда Масако могла догадаться об их сходстве?

Тиэко часто бывала в этой деревне, не раз наблюдала, как вслед за мужчинами, которые обдирали с бревен кору, к работе приступали женщины, подчищали бревна и тщательно полировали их промытым в кипятке или в обыкновенной воде песком, который брали у водопада Бодай. Смутно она помнила этих женщин, поскольку видела, как они работают на обочине дороги, да и не так много женщин было в этой маленькой деревушке, чтобы их не запомнить, но Тиэко, само собой, каждую из них в особенности не разглядывала.

Масако проводила взглядом девушек.

— И все-таки сходство поразительное, — повторила она, слегка наклонив голову, и внимательно посмотрела на Тиэко — будто проверяла себя.

— В чем сходство? — спросила Тиэко.

— Трудно сказать, что похоже — нос, глаза? Скорее, есть что-то общее во всем облике, хотя, прости, пожалуйста, разве можно сравнивать барышню из городского квартала Накагё с девушкой из горной деревушки?

- Будет тебе!
- Хорошо бы пойти за ней следом, поглядеть, где она живет, — спохватилась Масако.

При всей своей легкомысленности Масако вовсе не собиралась следовать за девушкой до ее дома. Просто сболтнула — и все. Но Тиэко замедлила шаги, она почти остановилась, поглядывая то на росшие на горе криптомерии, то на дома с прислоненными к ним бревнами.

Равные по толщине, белые отполированные бревна были красивы.

— Прямо произведения искусства, — сказала Тиэко. — Я слышала, такие бревна используют при возведении павильонов для чайных церемоний, их отправляют даже в Токио и на Кюсю...

Бревна стояли аккуратными рядами, касаясь края стрехи. Лежали они и на вторых этажах, где сушилось белье. С изумлением взирая на них, Масако сказала:

— Такое впечатление, будто хозяева дома живут среди бревен.

— Зря беспокоишься, — засмеялась Тиэко. — Уверю тебя, позади этого склада бревен есть отличное жилище.

— Ты погляди, на втором этаже они сушат выстиранное белье...

— Все-то ты удивляешься, да к тому же вечно спешишь с выводами — то о том, как живут местные жители, то о моем удивительном сходстве с этой девушкой...

— Это разные вещи, — Масако сразу посерьезнела. — Неужели тебя огорчило, что я заметила ваше сходство?

— Нисколечко... — ответила Тиэко и в тот же миг внезапно вспомнила ее глаза. У этой здоровой, привыкшей к тяжелому труду девушки в глазах затаилась глубокая, неизбывная печаль. — Женщины этой деревни такие работающие, — промолвила Тиэко, словно пытаясь уйти от чего-то, внушавшего ей неосознанное беспокойство.

— Ничего удивительного! Многие женщины трудятся наравне с мужчинами. Возьми крестьян или хотя бы зеленцовиков и торговцев рыбой, — непринужденно сказала Масако. — Барышни вроде тебя, Тиэко, чересчур все близко принимают к сердцу.

— Вроде меня? Но я тоже буду работать. А ты?

— А я не желаю, — отрезала Масако.

— Эх, показать бы тебе, как трудятся эти деревенские девушки, — сказала Тиэко, вновь обратив взор на росшие

на горе криптомерии. — Наверное, там уже началась обрубка.

— А что это такое — обрубка?

— Чтобы из криптомерии получить хорошие бревна, заранее обрубаются лишние ветки. Чаще всего обрубки используются лестницей, но бывает, перескакивают с одного дерева на другое, как обезьяны...

— Но это же опасно!

— Некоторые, как взберутся на деревья с утра, так и не спускаются на землю до самого обеда...

Масако тоже поглядела на криптомерии. Их прямые и стройные стволы были и вправду красивы. Метелки зеленой листвы на их макушках казались отсюда игрушечными.

Горы здесь высоки, но не слишком рассечены. И ровные стволы криптомерий, возвышающихся на гребнях гор, создают необыкновенное впечатление. Их стройные ряды уже чем-то напоминают архитектуру будущих павильонов для чайных церемоний.

По обе стороны реки Киётаки горы круто обрываются, будто падают в узкое ущелье.

Обилие влаги, благодаря часто выпадающим дождям, и незначительное количество жарких солнечных дней способствуют тому, что из криптомерий получается отменный строительный материал.

Высокие горы — естественная преграда для ветра. А сильные ветры для криптомерий опасны. Они размягчают древесину, лишают ее упругости, и тогда стволы деревьев искривляются, теряют стройность.

Дома деревни располагались у подножия горы, вытянувшись в линию вдоль берега.

Тиэко и Масако прошли до конца деревни, потом возвратились обратно.

Близ некоторых домов женщины полировали бревна. Смоченные водой стволы тщательно обрабатывались речным песком. Мелкий песок, похожий на светло-коричневую глину, добывался со дна реки, куда низвергался водопад Бодай.

— Что вы будете делать, когда песок кончится? — спросила Масако.

— А он не кончится. Дождь смывает песок в водопад, он падает вместе с водой и оседает на дне, — ответила пожилая женщина.

До чего же они беззаботны, подумала Масако.

Глядя, как споро работали женщины, Масако убежда-

лась в правоте Тиэко. Бревна были толщиной в пять-шесть сун¹ и, по-видимому, предназначались для опорных столбов.

Отполированные бревна обмывали водой, сушили, затем оборачивали бумагой или соломой и отправляли заказчикам.

Кое-где криптомерии росли у самого каменистого ложа реки Киётаки.

Криптомерии в горах и бревна, выстроившиеся вдоль деревенских жилищ, напомнили Масако о тщательно ухоженных, выкрашенных индийской охрой деревянных решетках старинных домов Киото.

Девушки сели в автобус на остановке в начале деревни, откуда открывался вид на водопад Бодай. Некоторое время они ехали молча.

— Хорошо бы дочерей человеческих воспитывали столь же прямыми, как эти криптомерии, — прервала молчание Масако.

— С нами так не нянчатся, как с этими деревьями, — рассмеялась Тиэко. — Скажи, Масако, ты по-прежнему встречаешься?

— Встречаюсь... Сидим на травке на берегу Камогава.

— ...

— В Киямати последнее время стало много посетителей. Туда теперь и электричество провели. Но мы сидим на берегу, спиной к харчевне, и посетители нас не замечают.

— Сегодня вечером тоже?..

— Да, у нас свидание в половине восьмого.

Тиэко, кажется, позавидовала такой свободе.

Тиэко ужинала с родителями в дальней комнате, выходящей во внутренний двор.

— Сегодня от господина Симамура прислали сасамакидзуси² из харчевни «Хёмаса», поэтому я приготовила только суп, — оправдывалась Сигэ.

— Угу, — пробормотал Такитиро.

Сасамакидзуси с кусочками морского окуня — его любимое блюдо.

¹ Мера длины, 3 см.

² Приправленные уксусом и сахаром колобки из вареного риса с кусочками сырой рыбы, овощами и т. п., завернутые в листья бамбука.

— Наша главная повариха сегодня поздногато возвратилась домой: ездила с Масако поглядеть на криптомерии на Северной горе...

— Угу.

На блюде из Имари ¹ горкой лежали сасамакидзуси. Разворачивая сложенные треугольником листья бамбука, Такитиро с аппетитом поедал рисовые колобки, на которых лежали тонко нарезанные кусочки морского окуня. Суп был из высушенных пенек бобового молока с грибами сиитакэ.

В лавке Такитиро еще поддерживался дух старинных оптовых лавок Киото, как сохранялась на фасаде дома выкрашенная индийской охрой решетка, но теперь их торговое заведение преобразовано в компанию, а работники от приказчика до посыльных числились акционерами и ходили в лавку, как на службу. Лишь два-три ученика родом из Оми жили постоянно при лавке, снимая комнату на втором этаже. Поэтому в час ужина в дальних комнатах царил тишина.

— Скажи, Тизэко, отчего ты так часто ездишь в деревню на Северной горе? — спросила Сигэ.

— Там криптомерии так красиво растут, все они прямые, стройные. Ах, хорошо бы и людские сердца были такими же.

— Но разве ты не такая? — удивилась Сигэ.

— Увы, нет во мне той прямоты...

— Послушай, Сигэ, — вмешался Такитиро, — сколь бы ни был человек прям и откровенен, он существо думающее и размышляет о самых разных вещах.

— ...

— Но это и хорошо. Слов нет, прекрасны девушки, похожие на прямые и стройные криптомерии, но таких нет в природе, а если бы и были, нелегко пришлось бы им в жизни. Пусть дерево кривое, главное, чтобы оно выросло и стало большим. Так я думаю... Взять хотя бы старый клен в нашем саду. Взгляните на него...

— Зачем ты втолковываешь это нашей девочке? — недовольно сказала Сигэ.

— Знаю, знаю! Тизэко никогда не кривит душой...

Тизэко молча поглядела в сад, потом с грустью в голосе прошептала:

— Сила какая таится в этом клене... Увы, у Тизэко ее не

¹ Городок в префектуре Сага, славящийся посудой из местных сортов белой глины.

больше, чем в фиалках, приютившихся на его стволе... Ой, глядите, а фиалки уже отцвели.

— И правда, — воскликнула Сигэ. — Но ведь будущей весной они опять расцветут...

Тиэко чуть-чуть опустила глаза, и ее взгляд остановился на христианском фонаре. При свете, падавшем из комнаты, старый фонарь со святым ликом был почти не виден, но ей вдруг захотелось помолиться.

— Матушка, скажите правду: где я родилась?

Сигэ и Такитиро переглянулись.

— Под цветущими вишнями в Гион, — решительно ответил Такитиро.

Родилась в Гион под цветущими вишнями... Похоже на Лучезарную деву Кагуя-химэ из «Повести о старике Такэтори»¹, которую нашли в коленце бамбука.

Значит, подобно Кагуя-химэ, следует, наверное, ожидать посланца с луны, подумала в шутку Тиэко, но промолчала.

Подкинули ее или похитили — все равно Сигэ и Такитиро не знали, где она родилась. Не знали они, наверное, и ее настоящих родителей.

Тиэко раскаивалась: зачем она затеяла столь неуместный разговор, но ей казалось, что не следует сейчас просить за это прощения у Такитиро и Сигэ. Отчего же она так внезапно спросила о себе? Она и сама не знала. Может, вспомнила девушку из деревни на Северной горе, на которую она, по словам Масако, так похожа...

Тиэко не знала куда девать глаза и уставилась на вершину старого клена. Ночное небо слабо светилось — то ли луна взошла, то ли где-то происходило большое гулянье.

— Небо, как в летнюю пору... — сказала Сигэ, глядя вверх клена. — Запомни, Тиэко, ты родилась здесь. Пусть не я тебя родила, но на свет появилась ты в этом доме.

— Да, да! — согласно кивнула Тиэко.

В храме Киёмидзу она сказала правду Синъити: ее не похитили в парке Маруяма под цветущими вишнями, а подкинули у входа в лавку Такитиро. Он и подобрал ее там.

С тех пор минуло двадцать лет. Такитиро тогда было за тридцать, и он не отказывал себе в развлечениях. Поэтому Сигэ не сразу поверила его объяснению, когда он появился с младенцем на руках.

¹ Повесть безымянного автора начала X в. В основе ее — старинная сказка о лунной деве, сосланной за какую-то провинность на землю к людям и полюбившей смертного человека.

«Не пытайся изворачиваться... Ясно, как белый день: это от одной из твоих знакомых гейш».

«Несусветная чушь! — Такитиро даже побагровел от возмущения. — Лучше погляди, во что закутана девочка. Ну, как? Ты и теперь будешь настаивать, что это ребенок от гейши?» Он протянул младенца жене.

Сигэ взяла девочку на руки и прижалась щекой к ее холодному личику.

«Что нам с ней делать?» — спросила она.

«Пойдем в дом, там все спокойно обсудим. Чего стоишь как истукан!»

«Она совсем еще малютка, должно быть, всего несколько дней, как родилась».

Отец и мать девочки были неизвестны, и записать ее как приемную дочь Такитиро не имел права — на то требовалось согласие родителей. Тогда он зарегистрировал ее в книге посемейных записей как наследницу супругов Сада. Девочку называли Тиэко.

В народе говорят: если в семье усыновляют ребенка, обязательно появится на свет и свой собственный. Но у Сигэ так не получилось, и супруги Сада посвятили себя воспитанию единственной дочери. Прошло много лет, и их все меньше заботило, кто настоящие родители, подкинувшие девочку. Они даже не знали, живы ли те.

В тот раз уборка после ужина много времени не потребовала, и Тиэко быстро справилась с ней одна: собрала листья бамбука, в которые были завернуты рисовые колобки с рыбой, и вымыла чашки из-под супа.

Потом она поднялась на второй этаж в свою спальню и стала разглядывать альбомы с репродукциями Пауля Клее и Шагала, которые отец брал с собою в Сага. Незаметно она задремала, но вскоре проснулась от собственного крика.

— Тиэко, Тиэко! Что с тобой? — донеслось из соседней комнаты. Тиэко еще не успела ответить, как раздвинулись фусума и вошла Сигэ. — Наверное, плохой сон приснился — ты так кричала. — Сигэ присела на постель Тиэко и включила ночник у изголовья.

Тиэко привсталла — еще во власти ночного кошмара.

— Ой, да ты вся в поту, — Сигэ взяла с туалетного столика марлевое полотенце, вытерла ей лоб, потом грудь. Девушка не сопротивилась. До чего же хороша эта юная белая грудь, подумала Сигэ.

— Вытри под мышками, — сказала она, протягивая полотенце.

— Спасибо вам, матушка.

— Страшный был сон?

— Ага. Мне приснилось, будто я падаю с высоты, медленно лечу вниз сквозь злоеущий зеленый сумрак, а дна все нет.

— Такие кошмары бывают у многих: падаешь, падаешь без конца в бездонную пропасть.

— ...

— Как бы ты не простудилась, Тиэко. Может, сменишь ночное кимоно?

Тиэко кивнула. Она еще не вполне очнулась и с трудом стояла на непослушных ногах.

— Не надо, не надо, я сама принесу.

Тиэко, немного стесняясь матери, быстро сменила спальное кимоно и начала складывать снятое.

— Оставь, все равно его надо выстирать. — Сигэ взяла у нее из рук кимоно и кинула на стоящую в углу вешалку. Потом снова присела у изголовья.

— Нет ли у тебя жара? — Сигэ пощупала лоб Тиэко. Лоб был холодный. — Наверно, ты просто устала от поездки в деревню.

— ...

— У тебя нездоровый вид. Пожалуй, принесу свою постель и лягу рядом.

— Спасибо, матушка, не беспокойтесь. Мне уже хорошо, идите отдыхать.

— Что-то не верится. — Сигэ отогнула одеяло и прилегла на край постели. Тиэко подвинулась, давая ей место. — Ты уже совсем взрослая, даже неловко спать с тобой в одной постели. Наверно, не усну.

Но Сигэ заснула первая. Тиэко выпростала руку из-под одеяла и осторожно, чтобы не разбудить мать, погасила свет. Ей не спалось.

Сон, который видела Тиэко, был длинный. Матери она рассказала лишь о самом его конце.

Вначале он был приятен и похож на явь. Ей снилось, как они с Масако приехали в деревню на Северной горе и любятя криптомериями. Масако ей говорит, как она похожа на ту девушку, но во сне это сходство занимает ее гораздо сильнее, чем наяву тогда в деревне.

В конце сна она стала проваливаться куда-то вниз сквозь зеленый сумрак... Откуда он? Быть может, от роши криптомерий на Северной горе?

Такитиро нравились состязания в рубке бамбука, устраиваемые храмом Курама. То был по-настоящему мужской праздник.

Такитиро посещал эти состязания с юных лет, и они не были ему в новинку, но в нынешнем году он решил взять с собой Тизэко. Тем более что другой праздник — знаменитый Праздник огня в Курама — на этот раз не отмечали из-за нехватки денег.

Такитиро опасался ненастной погоды: состязание дровосеков обычно происходило в самый разгар цую¹.

Девятнадцатого июня был настоящий ливень — слишком сильный даже для сезона дождей.

— Такой ливень долго не продлится — завтра обязательно распогодится, — повторял Такитиро, поглядывая на небо.

— Отец, я вовсе не боюсь дождя, — успокаивала его Тизэко.

— Знаю, — ответил Такитиро, — но если не будет хорошей погоды...

Двадцатого весь день, не переставая, моросил дождь.

— Закройте двери и окна, — приказал Такитиро служащим в лавке. — Иначе весь товар отсыреет.

— Отец, выходит, мы не поедем? — спросила Тизэко.

— Пожалуй, отложим до будущего года. Гору Курама сейчас всю заволокло туманом...

В состязаниях обычно участвуют не монахи, а простые миряне. Подготовка к ним начинается восемнадцатого июня: отбирают по четыре ствола женского и мужского бамбука, которые закрепляются между бревнами, поставленными справа и слева от входа в главное святилище храма. У мужских деревьев оставляют листья, но обрезают корни, женские оставляют с корнями.

По традиции участники состязания, расположившиеся слева от входа в святилище — если повернуться к нему лицом, — называются командой из Тамба, а справа — командой из Оми².

Каждый участник надевает традиционную одежду из грубого шелка, обувает соломенные сандалии на шнурках, подвязывает рукава тесемками, опоясывается двумя мечами, голову обматывает кэса³, сшитым из пяти лос-

¹ Сезон дождей, падающий на июнь.

² Названия старинных провинций близ Киото.

³ Оплечье, принадлежность одеяния буддийского священника — длинная полоса материи, перекидываемая обычно с левого плеча под правую руку.

кутьев, к пояснице прикрепляет листья нандины и берет в руки тесак в парчовых ножнах. Предводительствуемые глашатаем, расчищающим путь, участники состязания направляются к вратам храма.

Примерно в час пополудни монах в старинном одеянии гудит в раковину, возвещая начало состязания. Два юных послушника, обращаясь к настоятелю храма, нараспев провозглашают:

— Поздравляем с праздником рубки бамбука!

Затем они подходят к расположившимся слева и справа от главного святилища участникам состязания и говорят:

— Желаем успеха команде Оми!

— Желаем успеха команде Тамба!

Следует процедура выравнивания стволов бамбука, после чего послушники извещают настоятеля:

— Выравнивание окончено.

Монахи входят в святилище и читают сутры. Вокруг за неимением цветов лотоса ¹ разбрасывают ранние хризантемы.

Настоятель спускается с возвышения, раскрывает веер из кипарисовика и трижды поднимает и опускает его. Это знак к началу состязаний.

С возгласами «Хо!» участники состязаний по двое подходят к стволам бамбука и разрубают их на три части.

Это состязание и хотел Такитиро показать Тиэко. Как раз в тот момент, когда он все еще колебался, ехать ли в такой дождь в Курама, пришел Хидэо. Под мышкой у него был большой сверток, завязанный в фуросики.

— Вот пояс для барышни. Наконец-то я его выткал.

— Пояс?.. — с недоумением спросил Такитиро. — Пояс для дочери?

Хидэо отступил на шаг и вежливо поклонился, коснувшись ладонями пола.

— С узором из тюльпанов?.. — весело спросил Такитиро.

— Нет, по эскизу, который вы создали в Сага, — серьезно ответил Хидэо. — В тот раз я по молодости нагрубил вам. Искренне прошу прощения, господин Сада.

— Напротив, Хидэо, я должен благодарить тебя. Ведь ты раскрыл мне глаза, — возразил Такитиро.

— Я принес пояс, который вы просили выткать, — повторил Хидэо.

— О чем ты? — Такитиро удивленно воззрился на юно-

¹ Лотос в буддийской религии — символ чистоты, истины.

шу. — Ведь тот эскиз я выкинул в речку, что протекает у вашего дома.

— Значит, выкинули?.. — Хидэо был вызывающе спокоен. — Но вы дали мне возможность поглядеть на него, и я запомнил рисунок.

— Вот это мастер! — воскликнул Такитиро, но сразу помрачнел. — Послушай, Хидэо, с какой стати ты выткнул пояс по рисунку, который я выбросил? С какой стати, я тебя спрашиваю? — Такитиро охватило странное чувство, которое не было сродни ни печали, ни гневу. Превозмогая себя, он добавил: — Разве не ты говорил, что в эскизе нет гармонии и душевной теплоты, что от него веет беспокойством и болезненностью?

— ...

— Поэтому я и выкинул его, едва выйдя из вашего дома.

— Господин Сада, умоляю вас: простите великодушно, — Хидэо вновь склонился в поклоне, коснувшись руками пола, — в тот день я с утра занимался нудной работой, устал и был зол на весь свет.

— Со мной тоже творилось что-то неладное. В монастыре, где я схоронился, в самом деле мне никто не мешал. Там тихо — одна лишь пожилая настоятельница да приходящая старуха служанка, а такая тоска, такая тоска... К тому же дела в лавке последнее время идут из рук вон плохо, и вдруг ты мне все это выкладываешь... А поделом! Какая надобность мне, оптовику, рисовать эскизы, да еще новомодные?

— И я о многом передумал. Особенно после встречи с вашей дочерью в ботаническом саду.

— ...

— Извольте хотя бы взглянуть на пояс. Не понравится, возьмите ножницы и разрежьте его на куски.

— Показывай, — буркнул Такитиро. — Эй, Тизэко, поди-ка сюда.

Тизэко, сидевшая за конторкой рядом с приказчиком, сразу же откликнулась на зов.

Насупив густые брови, сжав губы, Хидэо с решительным видом положил на циновку сверток, но его пальцы, развязывавшие фуросики, слегка дрожали.

— Взгляните, барышня, это пояс по рисунку вашего отца, — обратился он к Тизэко с поклоном и замер. Тизэко отвернула край пояса.

— Ах, верно, рисунки Клее подсказали вам, отец, этот эскиз? Там, в Сага?

Она отвернула еще немного и приложила к коленям:

— Замечательно!

Такитиро молчал, состроив кислую мину, однако же в глубине души был поражен памятью Хидэо, запомнившего рисунок до последней черточки.

— Отец! Пояс в самом деле чудесный, — воскликнула Тизэко с нескрываемым восхищением.

Она пощупала пояс и, повернувшись к Хидэо, сказала:

— Добротно выткано.

— Благодарю, — ответил Хидэо, потупившись.

— А можно весь поглядеть?

Хидэо кивнул.

Тизэко встала и во всю длину развернула пояс на полу. Потом положила руку отцу на плечо и принялась разглядывать работу Хидэо.

— Ну как, отец? — спросила она.

— ...

— Разве он не хорош?

— Тебе в самом деле нравится?

— Да, спасибо вам, отец.

— А ты погляди на него повнимательней.

— Рисунок новый, необычный... Пояс чудесный, нужно только подходящее кимоно... Прекрасная работа!

— Вот как? Ну, если тебе он понравился, поблагодари Хидэо.

— Спасибо вам, Хидэо. — Она поклонилась.

— Тизэко, — обратился к ней отец. — Чувствуется ли в узоре на поясе гармония, душевная теплота?

Вопрос Такитиро застал девушку врасплох.

— Гармония? — переспросила она и снова поглядела на пояс. — Вы сказали «гармония»? Ну... это зависит от кимоно и от человека, который будет пояс носить... Правда, последнее время нарочно стали придумывать одежду с дисгармоничным узором...

— Угу. — Такитиро кивнул. — Видишь ли, когда я показал свой рисунок Хидэо и спросил его мнение, он ответил, что в нем нет гармонии. И я выкинул его в речку около их мастерской.

— ...

— И все же Хидэо выткал пояс в точности по моему рисунку. Разве что расцветку нитей подобрал несколько иную.

— Простите за вольность, господин Сада. — Хидэо вновь поклонился. — Барышня, не сочтите за труд, примерьте пояс, — обратился он к Тизэко.

— На это кимоно?.. — Тизэ поднялась с циновки и обернула пояс вокруг талии. И сразу же вся ее прелесть проступила необыкновенно ярко. У Такитиро просветлело лицо.

— Барышня, это произведение вашего отца! — воскликнул Хидэо. Глаза его радостно сияли.

ПРАЗДНИК ГИОН

Тизэ вышла из дому с большой корзиной для провизии. Она направилась вверх по улице Оикэ к харчевне «Юбахан» в квартале Фуя, но невольно остановилась, заглядевшись на небо. Весь небосвод от горы Хиэй до Северной горы полыхал, будто охваченный пожаром.

Летом день долог; еще слишком рано для вечерней зари, да и сам цвет неба не производил грустного впечатления, как это бывает перед закатом. Языки пламени бушевали в небе, разливаясь во всю его ширь.

Ах, да что же это такое?! Никогда не видела... — Она вынула зеркальце и поглядела на свое лицо, окруженное в зеркальце огненными облаками. — Никогда не забуду... Это надо запомнить на всю жизнь, — прошептала она.

Горы Северная и Хиэй казались темно-синими на фоне красного неба.

В харчевне «Юбахан» для Тизэ уже были приготовлены высушенные пенки бобового молока, а также ботан юба и яватамаки.

— Добро пожаловать, барышня, — приветствовала Тизэ хозяйка харчевни. — Столько заказов по случаю праздника Гион — ни минутки свободной. Даже на старинных клиентов едва хватает времени, а остальным приходится просто отказывать.

Эта харчевня работает исключительно по заказам. В Киото есть такие заведения, кондитерские в том числе.

— Поздравляю вас с праздником, барышня, и благодарю — вот уже сколько лет нас не забываете. — Хозяйка доверху наполнила корзину Тизэ. Она положила яватамаки и ботан юба — трубочки из высушенных пенек бобового молока: первые — с листьями лопушника, вторые — с плодами дерева гингко.

Харчевне «Юбахан» уже более двухсот лет. Она счаст-

ливо избежала пожаров, которые прежде часто случались во время праздников огня, и сохранилась в прежнем виде — лишь кое-где немного подновили: в оконце на крыше вставили стекло да печи, в которых готовили бобовые пенки, обложили кирпичом — прежде они были похожи на обыкновенные корейские каны¹.

— Раньше, когда пользовались углем, сажа попадала на пенки, поэтому теперь мы заменили уголь опилками, — объяснила ей однажды хозяйка.

Из котлов, отгороженных друг от друга квадратными медными листами, ловко извлекали палочками из бамбука слегка затвердевшие пенки бобового молока и подвешивали на бамбуковые перекладки. По мере того как пенки высушивались, их перекидывали с нижних перекладок на верхние.

Тиэко прошла в глубину кухни, где был старинный опорный столб. Она помнила, как мать всякий раз поглаживала его, когда они приходили сюда вместе.

— Из какого он дерева? — спросила Тиэко у хозяйки.

— Из кипарисовика. Он высокий, до самой крыши, и прямой, как стрела.

Тиэко ласково коснулась столба и вышла наружу. На обратном пути она услышала громкую музыку: репетировали музыканты, готовясь к празднику Гион.

Приезжие из провинции привыкли считать, что праздник Гион длится всего один день — семнадцатое июля, когда по городу движется процессия ямабоко². Жители Киото обычно собираются у храма накануне — в предпраздничную ночь.

В действительности же праздник Гион длится весь июль. Первого июля в каждом квартале, который готовит своей ковчег, тянут жребий, кому воссесть на ковчеге, повсюду слышится праздничная музыка.

Каждый год процессию ковчегов открывает нагината боко³, на котором едут мальчики в одеждах храмовых послушников. Второго и третьего июля определяется, опять-таки с помощью жребия, порядок следования

¹ Приспособление под полом для обогрева дома, представлявшее собой вырытую в земле канавку, в которой жгли топливо.

² Нарядно изукрашенные ковчег, имитирующие по форме гору, на которых сложены алебарды, мечи, различный храмовой реквизит. Украшением ковчегов служат и куклы, изображающие богов, известных литературных героев и т. п.

³ Ковчег, вершину которого украшает алебарда.

остальных ковчегов. Этой церемонией руководит мэр города.

Ковчег и изготовляют в начале месяца, а десятого июля на мосту Четвертого проспекта у реки Камогава происходит церемония их «омовения». Хотя и называется это «омовением», на самом же деле настоятель храма просто опускает ветку священного дерева сакаки в воду и кропит ею ковчег.

Одиннадцатого июля в святилище Гион собираются мальчики, которым предстоит воссесть на ковчеге, открывающем процессию. Они подъезжают на лошадях в особых шелковых куртках — суйкан — и высоких головных уборах из накрахмаленного шелка — татэбоси. После богослужения они отправляются на церемонию присвоения пятого ранга, за которым следует ранг тэндзэ-бито — придворного, которому разрешен вход в императорский дворец.

В далекие времена верили, что в празднестве наравне участвуют синтоистские и буддистские божества, поэтому справа и слева от послушников теперь иногда усаживают их сверстников, которые олицетворяют бодхисатв Каннон и Сейси ¹, хотя праздник-то синтоистский. Кроме того, поскольку послушник получал ранг от бога, считалось, будто он обручился с божеством.

— Не желаю участвовать в такой глупой церемонии, я мужчина! — сердился юный Сингити, когда ему выпало представлять послушника.

У послушников был и свой «отдельный огонь», то есть очаг, на котором им приготавливали пищу отдельно от семьи. Это своего рода очищение.

Теперь оно, правда, упростилось: в пищу послушника просто высекают несколько искр с помощью огнива и кресала. Говорят, когда родственники забывают об этом, сами послушники просят: «Мне искорку, мне искорку!»

Обязанности послушников во время праздника Гион не ограничиваются одним днем, когда они восседают на ковчеге во главе шествия. У них немало разных дел — и нелегких! Надо обойти с приветствиями каждый квартал, где мастерили ковчег и, но и это еще не все. Словом, праздник Гион — круглый месяц и у послушника хлопот весь месяц сверх головы.

Семнадцатое июля — день шествия ковчегов, но для

¹ Буддийские божества, олицетворяющие, соответственно, милосердие и мудрость.

жителя старой столицы шестнадцатое — канун праздника — таит, кажется, гораздо большую прелесть.

Праздник Гион приближался.

В лавке Тиэко сняли решетку, украшавшую фасад дома, чтобы ее подновить.

Тиэко всю жизнь провела в Киото, да и лавка ее родителей — недалеко от Четвертого проспекта. Если еще учесть, что Тиэко принадлежит к общине храма Ясака — главного устроителя праздника, станет ясно: праздник Гион ей не внове.

Ей особенно приятно вспоминать о том, как наряженный послушником Синьити восседал на первом ковчеге. Тиэко всякий раз вспоминает об этом, когда начинается праздник Гион, играют музыканты и ковчег украшаются гирляндами фонарей. В ту пору Синьити и Тиэко было лет по семи или восьми.

— Какой красивый мальчик, такой красоты и среди девочек не отыщешь, — говорили о нем.

Тиэко тогда повсюду следовала за Синьити — и когда он направлялся в святилище Гион для посвящения в пятый ранг, и когда восседал на ковчеге во время процессии. Она помнила и как Синьити в сопровождении двух коротко остриженных сверстников пришел в лавку, чтобы приветствовать ее.

— Тиэко-тян, Тиэко-тян! — звал он девочку.

Тиэко краснела и упорно не поднимала глаз. Лицо Синьити было покрыто слоем белил, губы покрашены помадой, а девочку украшал лишь легкий загар. В праздник обычно опускались скамейки, прикрепленные к решетке дома, и Тиэко в летнем кимоно, подпоясанном коротким поясом в красную крапинку, зажигала с соседскими детишками бенгальские огни.

Она и теперь, прислушиваясь к игре музыкантов и разглядывая гирлянды фонариков на ковчеге, видела перед собой мальчика Синьити в одежде послушника.

— Тиэко, не хочешь ли прогуляться в канун праздника? — спросила ее мать, когда они покончили с ужином.

— А вы, матушка?

— К сожалению, не смогу. Мы ждем гостей.

Тиэко быстро собралась и вышла из дома. На Четвертом проспекте столько людей, что не протиснуться. Но она хорошо знает, какой ковчег на каком перекрестке — все до единого обошла! Как все ярко, красиво! У каждого ковчег музыканты стараются вовсю.

На временной стоянке ковчегов она купила свечку, зажгла и поставила перед божеством. Во время праздника Гион статуи богов из храма Ясака переносят к месту временной стоянки ковчегов — это в южной части Киото, на перекрестке Синкёгоку и Четвертого проспекта.

Там-то Тиэко и заметила девушку, которая творила семикратную молитву. Тиэко видела ее сзади, но сразу поняла, зачем она здесь. Чтобы совершить семикратную молитву, надо семь раз отдалиться от статуи божества и семь раз с молитвой на устах приблизиться к нему. В эти минуты ни с кем нельзя вступать в разговор.

— Ой! — Тиэко не сдержала возгласа удивления. Ей показалось, будто эту девушку она уже встречала где-то. Тиэко тоже начала совершать семикратную молитву, не зная, зачем она это делает.

Девушка отходила от божества на запад, потом возвращалась. Так же поступала Тиэко, но отходила в противоположную сторону, на восток. Девушка молилась серьезней и дольше Тиэко. К тому же Тиэко и отходила не так далеко. Вот и вышло так, что семикратную молитву они окончили одновременно и лицом к лицу сошлись перед статуей божества.

— О чем вы молились? — спросила Тиэко.

— Вы за мной наблюдали? — голос девушки дрожал. — Я молила бога поведать мне, где моя сестра... Теперь я знаю: это вы, вы моя сестрица! Ему было угодно, чтобы мы здесь встретились. — Глаза девушки наполнились слезами.

Тиэко узнала ее: это была та самая девушка из деревни на Северной горе!

От фонариков, а также свечей, которые ставили пришедшие поклониться божеству, здесь было светло, но она не стеснялась плакать. В ее слезинках мерцали отблески огня.

Тиэко вдруг захотелось обнять ее. С трудом пересиливая себя, она сказала:

— У меня нет ни старшей сестры, ни младшей. Я одна. — Ее лицо побледнело.

— Я все поняла, простите меня, барышня, простите, — прошептала девушка и горестно всхлинула. — Я с детства надеялась, что встречу с сестрой. И обозналась...

— ...

— Мы были близнецами, и я даже не знаю, кто из нас старшая...

— Вас, наверное, подвело внешнее сходство.

Девушка кивнула, и слезинки покатались по ее щекам. Вытирая платочком лицо, она спросила:

- Барышня, а вы где родились?
- Недалеко отсюда — в квартале оптовых торговцев.
- Понимаю. А скажите: о чем вы просили в молитве?
- О счастье и здоровье для моих родителей.

— ...

— А ваш отец?.. — спросила Тиэко.

— Много лет тому назад он свалился с дерева на Северной горе, когда обрубал ветки, и разбился. Потом мне рассказали об этом в деревне, а в ту пору я была еще совсем маленькой и ничего не понимала.

Тиэко ощутила, как ей сдавило сердце: может, дух умершего отца призывает меня, поэтому я люблю бывать в той деревне и любоваться криптомериями. Эта девушка говорит, что они с сестрой были близнецами. А может быть, отец, коря себя за то, что подкинул родную дочь, там, на верхушке дерева, задумался о совершенном поступке, сделал неосторожный шаг и упал. Наверное, так оно и было.

На лбу Тиэко выступил холодный пот. И шум толпы, заполнявшей Четвертый проспект, и звуки праздничной музыки будто отдалились куда-то. В глазах потемнело, казалось, она вот-вот лишится чувств.

Девушка коснулась плеча Тиэко и своим платочком стала вытирать ей пот со лба.

— Благодарю вас. — Тиэко взяла у нее из рук платочек и утерла лицо. Она даже не заметила, как сунула чужой платок себе за пазуху. — А ваша матушка?.. — тихо спросила она.

— Мать тоже... — девушка запнулась. — Наверное, я появилась на свет не на Северной горе, где растут криптомерии, а в дальней горной деревушке — на родине матери. Так вот, моя мать тоже...

Тиэко больше не решалась ее расспрашивать.

Слезы этой девушки были слезами радости. Когда они высохли, ее лицо засияло от счастья.

Что до Тиэко, то, хотя она старалась держаться уверенно, ноги ее дрожали, сердце было в смятении. Не хватало сил, чтобы сразу же взять себя в руки. Одно, кажется, ободряло ее — это спокойная красота девушки. Но Тиэко не ощущала откровенной радости, какую испытывала та. Напротив, ее все сильнее охватывало необъяснимое тревожное чувство.

Она все еще не решила, как вести себя с этой девушкой, когда та протянула ей правую руку и сказала: «Барышня...» Тиэко взяла протянутую руку. Она была обветренная, жесткая — не то что холеная ладошка Тиэко. Но девушка, по-видимому, не обратила на это внимания.

— Прощайте, барышня, — сказала она.

— Уже уходите?

— Я так счастлива...

— Но ваше имя?

— Наэко.

— Наэко? А я Тиэко.

— Я сейчас служу у людей. Деревня наша маленькая, и, если вы спросите меня, вам любой укажет, где я живу.

Тиэко кивнула.

— Барышня, а вы, видать, счастливая?

— Да.

— Я никому ни словечка не скажу про то, что мы встретились. Клянусь вам. Пусть об этом знает лишь святой Гион, которому мы сейчас молились.

«Хотя мы и двойняшки, Наэко, наверно, почувствовала разницу в нашем нынешнем положении, — подумала Тиэко и не нашлась что ответить, — но ведь подкинули-то не ее, а меня».

— Прощайте, барышня, — повторила Наэко, — пойду, пока на нас не обратили внимание...

Тиэко стеснило грудь.

— Наэко, наш дом недалеко — хотя бы мимо пройдемте.

Наэко покачала головой, но спросила:

— А кто у вас дома?

— Вы имеете в виду нашу семью? Только отец и мать...

— Я почему-то так и подумала: вас, должно быть, с самого детства любили.

Тиэко тронула девушку за рукав:

— Мы здесь уже долго стоим, не будем привлекать к себе внимание.

— Да-да.

Она обернулась к ковчегу и стала вновь самозабвенно молиться. Тиэко поспешно последовала ее примеру.

— Прощайте, — в третий раз произнесла Наэко.

— Прощайте, — ответила Тиэко.

— Я о многом хотела с вами поговорить. Наведайтесь когда-нибудь в нашу деревню. Мы пойдем в рощу, там нас никто не услышит.

— Спасибо.

Но почему-то обе пошли в одном направлении — к мосту у Четвертого проспекта.

Община храма Ясака велика. Она продолжает праздновать Гион и после процессии ковчегов семнадцатого июля. Двери всех лавок открыты настежь. На всеобщее обозрение выставляются чудесные расписные ширмы и многое другое. В прежние времена там можно было увидеть гравюры укиёэ¹ — из самых ранних! — и картины школы Кано², яматоэ³, парные ширмы в стиле Сотацу⁴. Ширмы были украшены и оригинальными картинами в стиле укиёэ, на которых изображались «южные варвары»⁵. Жители Киото издавна с размахом отмечали свой любимый праздник Гион.

Отголоски этого теперь можно увидеть во время процессии ковчегов. Их украшают китайской парчой, гобеленами, камчатыми и золототкаными материями, узорчатыми вышивками. В былые времена многие известные художники участвовали в украшении ковчегов. Пышность, присущая эпохе Момояма⁶, соседствует здесь с заморскими редкостями — из стран, с которыми торговала Япония.

На некоторых ковчехах даже устанавливали мачты с кораблей, имевших лицензию на торговлю с заморскими странами.

Музыка во время праздника Гион только на первый взгляд кажется примитивной. На самом же деле существует более двадцати шести способов ее исполнения. Причем в ней находят много общего с музыкальным сопровождением в пьесах мибу кёгэн⁷ и с музыкой гагаку⁸.

Вечером в канун праздника ковчегу украшаются гирляндами фонариков, громко играют музыканты.

¹ Жанровые картины, появившиеся во второй половине XVI в. и достигшие расцвета в XVII — начале XIX в. в творчестве Утамаро, Хокусай, Хиросигэ.

² Кано Масанобу (1434–1530) — основатель живописной школы.

³ Старинный национальный жанр японской живописи, его расцвет приходится на XI–XIII вв.

⁴ Сотацу — выдающийся мастер декоративной живописи XVII в.

⁵ Так называли в средневековой Японии европейцев.

⁶ Эпоха Момояма — вторая половина XVI в.; двадцатилетний период правления Хидзёси Тоётоми, характеризующийся расцветом искусств и ремесел.

⁷ Народное театральное представление в масках, исполняемое ежегодно в конце апреля в храме Мибу в Киото.

⁸ Придворная музыка и пляски в VIII–X вв.

Хотя процессия ковчегов не проходит через районы Киото, расположенные к востоку от моста Четвертого проспекта, но и там повсюду царит веселье, не говоря уж об окрестностях храма Ясака.

У моста толпа оттеснила Тиэко, и она немного отстала от Наэко.

Она все никак не могла решить: расстаться ли с Наэко здесь или дойти с ней до дома? И вдруг ощутила, как в душе поднимается теплое чувство к этой девушке...

— Барышня, госпожа Тиэко! — Это Хидэо у самого входа на мост окликнул Наэко. — Ходили гулять в канун праздника? Одна?..

Наэко остановилась в растерянности. Но не оглянулась, не стала искать глазами Тиэко.

Тиэко поспешно юркнула в толпу.

— Прекрасная погода, не правда ли? — обратился юноша к Наэко. — Похоже, и завтра она не переменится — взгляните, какие звезды...

Наэко поглядела на небо, стараясь выиграть время. Само собой, она видела Хидэо впервые.

— Недавно я допустил ужасную бестактность в отношении вашего батюшки. Скажите, вам пояс в самом деле понравился?

— М-м...

— А ваш батюшка не сердился после моего ухода?

— М-м... — Наэко не знала, что ответить, как себя вести с этим незнакомым юношей.

И все же она не пыталась искать помощи у Тиэко.

Наэко была в растерянности. Ведь если бы Тиэко хотела встретиться с этим юношей, она бы подошла сейчас к нему.

Юноша был большеголовый, широкоплечий, глаза смотрели внимательно. Человек, кажется, неплохой, подумала Наэко. Наверное, он из Нисидзин, коли заговорил о поясе, да и спина чуть сутулая, как у ткача, привыкшего работать за станком, решила она.

— Я по молодости наговорил лишнего о рисунке вашего батюшки, ночь потом не спал и все же осмелился выткать по его рисунку пояс.

— ...

— Вы хоть раз надевали его?

— М-м... — смущенно промычала она.

— Вам в самом деле понравился пояс?

Мост был освещен хуже, чем улицы, да и толпа то и

дело их разделяла... И все же Наэко показалось странным, что юноша этот мог так обознаться.

Близнецов трудно различить, когда они воспитываются вместе, в одной семье, но Тиэко и Наэко жили порознь и росли в совершенно непохожих условиях. Может, он просто близорукий, подумала она.

— Барышня, разрешите мне по собственному рисунку выткать для вас пояс к вашему двадцатилетию.

— Благодарю вас, — запинаясь, ответила Наэко.

— Сами боги, позволившие нам встретиться в канун праздника Гион, помогут мне в этом.

Наэко оставалось предположить одно: Тиэко не желает, чтобы этот юноша догадался, что они двойняшки, поэтому и не подходит к нему.

— До свидания, — сказала она.

— Уже уходите? Как жаль... — Хидэо был несколько обескуражен. — А пояс я все же вытку... К осени, когда листья кленов станут красными, — настойчиво повторил он перед тем, как проститься.

Наэко поискала глазами Тиэко, но той нигде не было видно.

Собственно, ее несколько не заинтересовал разговор юноши о поясе. Душа Наэко ликовала от встречи с Тиэко, которая, как она считала, произошла по воле богов. Склонившись к парапету моста, она некоторое время любовалась отражавшимися в воде огоньками.

Потом медленно пошла вдоль перил в сторону Четвертого проспекта, намереваясь помолиться в храме Ясака.

Дойдя до середины моста, она увидела Тиэко, беседовавшую с двумя молодыми людьми.

Она чуть не вскрикнула от неожиданности, но не подошла.

Некоторое время Наэко исподтишка наблюдала за ними.

О чем они разговаривают? — думала Тиэко, глядя на Наэко и Хидэо. Она сразу же догадалась, что Хидэо обознался, но как поведет себя эта девушка, оказавшись в столь щекотливом положении?

Может, следует подойти к ним? Но она сразу же отказалась от этой мысли. Мало того, услышав, как Хидэо обращается к девушке, произнося ее имя, Тиэко тотчас постаралась скрыться от них в толпе.

Почему она так поступила?

Душевное смятение, какое она испытала, встретившись

с этой девушкой перед ликом божества у священного ковчега, оказалось более глубоким, чем волнение Наэко. Та хоть знала, что у нее есть сестра-двойняшка, и разыскивала свою сестру — младшую или старшую. А Тиэко такого и представить себе не могла. Все случилось чересчур неожиданно, и она не успела еще разобраться в себе, не успела почувствовать откровенную радость, какую испытала Наэко, отыскав сестру.

Сегодня она впервые узнала от Наэко, что ее родной отец разбился насмерть, упав с криптомерии, а мать вскоре тоже ушла вслед за ним в мир иной. Горе потери болью отозвалось в ее душе.

Иногда ей случайно удавалось услышать шепоток соседей, будто она подкидыш. Но Тиэко старалась не думать о том, кто ее настоящий отец, где он сейчас. Сколько ни думай — все равно не узнаешь. Да и стоило ли терзаться, если Такитиро и Сигэ так самозабвенно любили ее.

То, что нынче вечером в канун праздника поведала ей Наэко, не принесло Тиэко радости. Но она ощутила, как в ее душе зарождается теплое чувство к сестре.

«Она чище меня душой и простодушной, трудолюбива и крепка физически, — рассуждала про себя Тиэко. — Когда-нибудь, может статься, она будет моей опорой...»

Вот какие мысли мелькали у Тиэко в голове, когда она рассеянно брела по мосту Четвертого проспекта.

— Госпожа Тиэко, госпожа Тиэко! — неожиданно донесся до нее голос Синьити. — Куда это вы идете одна? Вы так бледны. Что-нибудь случилось?

— А, это вы, Синьити? — Тиэко не сразу отозвалась, словно была где-то далеко-далеко. — Я часто вспоминаю: вы были так милы тогда в праздник Гион в наряде послушника.

— Ох, это было ужасно! Но теперь остались только приятные воспоминания.

Синьити был не один.

— Мой старший брат, учится в аспирантуре, — отрекомендовал он своего спутника.

Внешностью старший брат был похож на Синьити, но его поклон показался Тиэко несколько бесцеремонным.

— Синьити в детстве был слабенький, симпатичный мальчуган и такой красавчик, ну прямо девочка! К тому же и глуповат — наверное, поэтому его выбрали на роль послушника в праздник Гион. — Он громко расхохотался.

Они подошли к середине моста. Тиэко тайком поглядывала на брата Синьити.

— Тиэко, вы сегодня и вправду плохо выглядите — такая бледная и печальная, — встревожился Синьити.

— Просто здесь такой свет на мосту, — сказала Тиэко. — А потом, взгляните, сколько народу, и все веселятся, вот одинокая девушка и кажется вам печальной. Не беспокойтесь, мне хорошо.

— Нет, здесь что-то не то. — Синьити подвел Тиэко к парапету. — Обойдитесь о перила.

— Благодарю вас.

— Тут посвежее, хотя ветра с реки почти нет.

Тиэко прижала ладони ко лбу и закрыла глаза.

— Синьити, а сколько вам было лет, когда в праздник Гион вас нарядили послушником и усадили на ковчег?

— Дайте подумать... Наверное, лет семь. Помнится, это было за год до того, как я в школу пошел...

Тиэко молча кивнула. Она сунула руку за пазуху, чтобы достать платок — лицо и шея у нее были в холодном поту, — и обнаружила платочек, принадлежавший Наэко.

— Ах, — не сдержала она возгласа удивления и ощутила, что он еще влажен от слез Наэко. Держа платочек в руке, Тиэко не решалась его вытащить. Потом она сжала его в комок, вытерла лоб и поспешно сунула обратно. Она чувствовала, что вот-вот расплачется.

Синьити глядел на Тиэко с недоумением. Он знал: не в ее манере грубо сминать платок и в таком виде класть его за пазуху.

— Тиэко, вам определенно нездоровится: наверное, жар или озноб. Возвращайтесь-ка поскорее домой — мы вас проводим, не так ли, брат?

Тот молча кивнул. Он все это время не спускал глаз с Тиэко.

— Стоит ли? Мой дом совсем рядом.

— Тем более нам не составит труда проводить вас, — решительно сказал брат Синьити.

Они покинули мост и направились к дому Тиэко.

— Синьити, а вы знали, что я шла за вашим ковчегом? — спросила Тиэко.

— Помню, конечно, помню, — откликнулся Синьити.

— Мы тогда были совсем несмышленными детишками.

— Да уж! Я знал: послушнику не пристало глазеть по сторонам, но все же заметил, как маленькая девчушка все время следует за ковчегом. Наверное, ног под собой не чуяли от усталости, но все же не отставали...

— Ах, детство ушло безвозвратно, — прошептала Тиэко.

— Зачем вы так говорите? — с легким укором сказал Синъити, удивленно глядя на девушку. Нынче вечером она была явно не в себе.

Они подошли к дому. Старший брат вежливо поклонился вышедшей их встретить Сигэ. Синъити скромно стоял за его спиной.

В дальней комнате Такитиро пил праздничное сакэ с гостем. Не столько пил сам, сколько потчевал гостя. Сигэ то выходила на кухню, то садилась сбоку, прислуживая им.

— Вот и я, — сказала Тиэко, входя в комнату и вежливо кланяясь гостю.

— Что-то ты сегодня рановато... — сказала Сигэ и внимательно посмотрела на дочь.

— Напротив, матушка, извините, что опоздала и не смогла вам помочь.

— Я преспокойно управилась одна, — ответила мать, незаметно делая ей знак глазами. Они вышли на кухню, где в бутылочках грелось сакэ. — Девочка, ты чем-то расстроена? Тебя не обидели провожатые?

— Нет, Синъити и его старший брат вели себя безупречно.

— У тебя нездоровый вид... Да ты вся дрожишь! — Сигэ пощупала ей лоб. — Жара вроде бы нет, но почему ты такая грустная? Гость останется у нас на ночь. Будешь спать со мною. — Сигэ легонько обняла ее за плечи.

Тиэко с трудом сдерживала слезы.

— Пойди-ка наверх и ложись в постель. Я одна управлюсь.

— Спасибо, матушка. — Тиэко была тронута ее сочувствием, у нее отлегло от сердца.

— Отец тоже загрустил: до того мало сегодня гостей пожаловало. Человек пять или шесть заглянули во время ужина, а остался только один...

И все же Тиэко взяла у матери бутылочку сакэ и внесла в комнату.

— Благодарю вас, мы уже столько выпили, — сказал гость.

Наливая гостю сакэ, Тиэко почувствовала, как дрожит ее правая рука, и поддержала ее левой. И все же сакэ лилось в чашечку неровной струей.

Этой ночью зажгли и христианский фонарь в саду. В его свете виднелись два кустика фиалок на старом клене.

Цветы на них уже облетели. Верхний и нижний кус-

тик — а что, если это она и Наэко? Похоже, им не суждено встретиться. А может, они все же повстречались нынче вечером? Тиэко глядела на них в неясном свете фонаря, и глаза ее опять наполнились слезами.

Такитиро тоже заметил, что с Тиэко творится неладное, и время от времени осторожно на нее поглядывал.

Тиэко встала с циновки и поднялась на второй этаж. В ее спальне уже было приготовлено ложе для гостя. Она вытащила из ниши свою подушку, вышла в соседнюю комнату и упала на постель.

Боясь, что внизу услышат ее рыдания, она уткнулась лицом в подушку, обхватив ее руками.

Вошла Сигэ. Она увидела, что подушка мокра от слез, принесла новую и пошла к лестнице. У верхней ступеньки она остановилась, поглядела в сторону спальни, хотела что-то сказать, но промолчала и стала спускаться.

В спальне вполне уместились бы и три постели, но приготовлены только две. Одна из них — та, которой обычно пользовалась Тиэко. В ногах аккуратно сложены два летних льняных покрывала — ее и матери.

Значит, Сигэ не уведет ее к себе, а ляжет в постель вместе с нею. Вроде мелочь, но забота матери растрогала Тиэко.

Слезы высохли. На душе посветлело.

— Да, здесь мой дом, — прошептала она.

Собственно, это было и так ясно, но нечаянная встреча с Наэко разбредила ей душу, и она никак не могла успокоиться.

Тиэко подошла к зеркалу и стала разглядывать свое лицо. Хотела было накраситься, так, чуть-чуть, но раздумала. Взяла только флакон с одеколоном и немножко spraysнула постель. Потом туго затянула поясик на спальном кимоно.

Сон не шел.

Не слишком ли холодно я обошлась с этой Наэко? — думала она.

Тиэко закрыла глаза, и перед ней всплыли красивые горы возле деревни Накагава, поросшие криптомериями.

Теперь она хоть что-то узнала о своих настоящих родителях.

Рассказать об этом отцу и матери? А может быть, не стоит? — колебалась Тиэко.

Вряд ли Такитиро и Сигэ знают, где она родилась и кто ее настоящие отец и мать.

Настоящие отец и мать...

Обоих уже и на свете нет, подумала Тиэко, но глаза ее при этом оставались сухими.

Звуки праздничной музыки доносятся с улицы.

Кажется, гость этот торгует шелком в Нагахаме. Говорит он очень громко — наверное, действует выпитое сакэ. Ей на втором этаже слышны обрывки разговора.

Гость сетует на то, что процессия ковчегов теперь направляется от Четвертого проспекта через ставший слишком уж современным район Кавара, затем поворачивает на улицу Оикэ и проходит мимо здания муниципалитета, где даже стулья для зрителей установлены, словом, все это превратилось в «обыкновенное зрелище для туристов».

Прежде ковчеги двигались по характерным для Киото узеньким улочкам и, бывало, даже задевали некоторые дома, но все же тогда была особая атмосфера интимности — тем более когда восседавшим на ковчегегах со вторых этажей прямо в руки передавали тимаки ¹. Теперь же на широких улицах их просто кидают вниз.

Такитиро в свою очередь доказывал, что на узеньких улочках трудно было разглядеть украшения на нижней части ковчегов, и правильно, мол, теперь поступают, направляя шествие по широким улицам, — все видно.

Тиэко почудилось, будто сквозь подступавшую дрему она слышит скрип огромных деревянных колес ковчегов, поворачивающих на перекрестке за угол.

Нынешней ночью неудобно — в соседней комнате гость, — но завтра она расскажет родителям обо всем, что узнала от Наэко.

Не каждая семья в деревне на Северной горе имеет собственный участок, на котором выращивает криптомерии. Таких в деревне немного. Тиэко предполагала, что ее настоящие родители работали по найму у одного из владельцев такого участка.

Вот и Наэко говорит: «Я работаю у людей».

Дело было двадцать лет тому назад, и родители не только хотели скрыть, что у них родилась двойня ², но и понимали: воспитать двоих им не под силу. Поэтому,

¹ Рисовые колобки, завернутые в бамбуковый лист, японское лакомство.

² По старинному японскому поверью это дурная примета, знак того, что над домом тяготеют некие злые силы.

наверно, и решили ее подкинуть, предположила Тиэко.

Она забыла спросить у Наэко о трех вещах. Во-первых, известно ли Наэко, почему решили подкинуть именно ее, Тиэко? Хотя как, собственно, она могла знать, будучи грудным младенцем? Затем, когда случилось несчастье с отцом? Наэко, правда, сказала, что это произошло вскоре после ее рождения... Наконец, она говорила, что, по-видимому, появилась на свет на родине матери — в деревне, расположенной далеко в горах. Что это за деревня?

Наэко чувствует разницу в их положении и ни за что не придет в гости первой, поэтому если понадобится с ней поведаться и расспросить, то нужно поехать к ней в деревню самой, так рассуждала Тиэко.

Но Тиэко понимала, что отныне она уже не сможет ездить туда втайне от отца и матери.

Она не раз перечитывала известное произведение Дзиро Осараги ¹ «Соблазны Киото». В памяти всплыла одна фраза из этой книги:

«Казалось, будто Северная гора с похожими на многослойные облака грядями зеленых вершин криптомерий и деликатно выстроившимися светлыми стволами красных сосен сливает в единую гармоническую музыку поющие голоса деревьев».

Не праздничная музыка, не праздничный гомон, а музыка этих словно набегающих друг на друга округлых гор и поющие голоса деревьев звучали сейчас в душе Тиэко. Ей казалось, будто эти голоса и музыка проникают в нее сквозь множество радуг, какие часто вспыхивают над Северной горой...

Печаль Тиэко стала легкой. А может, то была вовсе не печаль? Может, удивление, растерянность, смущение, вызванные неожиданной встречей с Наэко? Ну, а слезы... Они, должно быть, девушкам на роду написаны.

Тиэко повернулась на другой бок и, закрыв глаза, прислушалась к песне гор.

«Наэко так обрадовалась, а я...» — вспоминала она.

На лестнице послышались шаги. Родители и гость поднимались на второй этаж.

— Желая приятного отдыха, — донесся до нее голос Такитиро.

Сигэ аккуратно сложила одежду гостя, затем вошла в

¹ Дзиро Осараги (1897–1973) — известный японский писатель, часто ставивший в своих произведениях проблемы национальной культуры.

комнату, где лежала Тиэко, намереваясь сложить кимоно Такитиро.

— Позвольте это сделать мне, — сказала Тиэко.

— Ты еще не спишь? — удивилась Сигэ и передала ей кимоно. — Какой приятный запах. Вот что значит, когда рядом молодая девушка, — ласково пробормотала она, укладываясь в постель

— Сигэ, — послышался голос Такитиро. — Как я понял, господин Арита хотел бы прислать нам своего сына.

— Продавцом?

— Нет, в семью, чтобы женить на Тиэко.

— Сейчас не время говорить об этом, ведь девочка еще не спит, — попыталась Сигэ остановить мужа.

— Знаю. Тиэко тоже не мешает послушать.

— ...

— Арита хочет прислать второго сына. Ты его видела — он не раз бывал у нас в лавке с поручениями.

— Не очень мне по душе этот господин Арита, — решительно отрезала Сигэ.

Музыка гор, которая звучала в Тиэко, умолкла.

— Что скажешь, Тиэко? — Мать повернулась в сторону девушки. Тиэко открыла глаза, но промолчала. В комнате стало тихо. Словно защищаясь от грядущей опасности, Тиэко скрестила под одеялом ноги и замерла.

— Господин Арита зарится на мою лавку, вот что я думаю, — нарушил молчание Такитиро, — к тому же он знает, что Тиэко чудесная девушка, красавица притом... Он часто имеет с нами дело, и ему досконально известно наше положение. Кто-то из моих продавцов наверняка ему доносит.

— ...

— Да, хороша наша Тиэко! Но грешно выдавать ее замуж только ради того, чтобы поправить дело. Не так ли, Сигэ?

— Само собой, — подтвердила Сигэ.

— Не лежит у меня душа к торговле.

— Отец, простите, что навязала вам тогда этот альбом Пауля Клее, — сказала Тиэко, приподнимаясь на постели.

— Зачем ты так говоришь? Наоборот, это доставило твоему отцу радость и утешение. Теперь я понял, ради чего стоит жить. Хотя мне и не даровано таланта художника...

— Отец!

— Знаешь, Тиэко, давай продадим нашу лавку, купим ма-а-ленький домик где-нибудь в Нисидзин или в тихом уголке близ храма Нандзэндзи либо в Окадзаки и станем

вдвоем рисовать эскизы для кимоно и поясов. Бедность тебя не пугает?

— Бедность? Меня? Нисколько!

— Ну-ну, — сонно пробормотал Такитиро и замолчал. Уснул, должно быть. А Тиэко не спалось.

Но на следующее утро она поднялась рано, подмела улицу перед лавкой и смахнула пыль с решетки и скамьи.

А праздник Гион продолжался.

Восемнадцатого сооружают последние ковчег яма¹, двадцать третьего — канун завершения праздника и празднество расписных ширм, двадцать четвертого — процессия ковчегов яма, затем представление в храме, двадцать восьмого — «омовение» священных ковчегов и возвращение их в храм Ясака, двадцать девятого — торжественное возведение об окончании праздника Гион.

Весь месяц, пока длился праздник, неясная тревога не покидала Тиэко.

ЦВЕТА ОСЕНИ

Одним из сохранившихся по сей день свидетельств «просветительской деятельности» в годы Мэйдзи был трамвай, который курсировал на линии Китано. И вот наконец решили снять с линии этот старейший в Японии трамвай.

Тысячелетняя столица очень уж быстро перенимала кое-что у Запада. У жителей Киото есть такое в характере.

Но облик старой столицы проявлялся, может быть, и в том, что по сей день по ее улицам бегал этот старенький трамвай, прозванный «Динь-динь». Трамвайчик был настолько маленький и тесный, что пассажиры на соседних скамейках упирались друг в друга коленками.

Когда было решено трамвай отправить на покой, жителями Киото овладели ностальгические чувства, и, чтобы как-то отметить расставание, его украсили искусственными цветами и назвали «памятным трамваем». В последние рейсы на трамвае отправлялись жители Киото, одетые по моде далекой эпохи Мэйдзи. Так это событие превра-

¹ Ковчег, которые несут на плечах, держа за длинные поручни.

тили в своеобразный праздник, о котором было оповещено все население города.

Несколько дней старый трамвай курсировал на линии Китано, переполненный праздной публикой. Дело было в июле, и многие ехали, раскрыв зонтики от солнца.

В Токио сейчас редко встретишь человека, который пользовался бы зонтом от солнца. Правда, считается, что в Киото летнее солнце жарче, чем в Токио.

Садясь в «памятный трамвай» у вокзала Киото, Такитиро обратил внимание на женщину средних лет, которая скромно занимала место на последней скамейке и с улыбкой поглядывала на него. Такитиро родился еще в годы Мэйдзи и с полным правом мог ехать на этом трамвае.

— А ты почему здесь оказалась? — спросил он, стараясь подавить смущение.

— Я ведь появилась на свет вскоре после Мэйдзи. К тому же всегда пользовалась линией Китано.

— Вот оно что...

— «Вот оно что», «вот оно что»... Бесчувственный вы человек! Вспомнили меня наконец?

— С тобой премиленькая девочка. Где прятала ее до сих пор?

— Нигде не прятала. Вам должно быть известно — это не мой ребенок.

— Откуда мне знать. Женщины — они такие...

— Откуда вы это взяли! Это вас, мужчин, всегда тянет на клубничку.

Лицо у девочки матово-белое. Она и впрямь очаровательна. На вид лет четырнадцать-пятнадцать. На ней было летнее кимоно, подпоясанное узким красным поясом. Ее смущали взгляды Такитиро, и она, потупившись, тихо сидела рядом с женщиной, не решаясь поднять глаза.

Такитиро легонько дернул женщину за рукав и подмигнул.

— Гий-тян, пересядь сюда, между нами, — сказала она.

Некоторое время все трое молчали. Потом женщина, перегнувшись через голову девочки, шепнула Такитиро на ухо:

— Хочу отдать ее в Гионскую школу танцев — пусть учится.

— Кто ее мать?

— Одна знакомая из соседнего с нашим чайного домика.

— Угу.

— Некоторые считают, что это наш с вами ребенок, — едва слышно шепнула она.

— Не может быть!

Женщина была хозяйкой чайного домика в Верхнем квартале семи заведений.

— Если девочка вам так понравилась, может, проводите нас к храму Китано поклониться богу Тэндзину?

Такитиро понимал, что она шутит, но все же спросил у девочки:

— Тебе сколько лет?

— Перешла в первый класс средней школы.

— Так, — пробормотал Такитиро, разглядывая девочку. — На том свете или на этом, когда рожусь заново, прошу...

Туманный намек Такитиро тем не менее был, по-видимому, понят. Недаром девочка появилась на свет в «веселом» квартале.

— Почему я должен следовать за вами к Тэндзину, влекомый этой малюткой? Она воплотилась в бога Тэндзина, что ли? — пошутил Такитиро.

— Вы угадали.

— Но ведь Тэндзин — мужчина!

— А он тем временем переродился в женщину, — парировала она. — И если девочка переродилась в мужчину, а вы имеете на нее виды, такая любовь не доведет до добра, сошлиот куда подальше.

Такитиро прыснул:

— Ну, а с женщинами можно?

— Отчего же нельзя? Но я-то знаю: вам только красотки по вкусу.

— Это верно.

Девочка была бесспорно красива. Коротко подстриженные черные волосы матово блестели, глаза с двойной складкой век были прекрасны...

— Она одна у матери? — спросил Такитиро.

— Нет, у нее две старшие сестры. Самая старшая весной будущего года оканчивает среднюю школу. Потом, может быть, пойдет в танцовщицы.

— Также красива?

— Они похожи, но старшая сестра уступает ей в красоте.

В Верхнем квартале семи заведений скоро не останется ни одной танцовщицы. Да и откуда им взяться? Теперь запрещено девушкам идти в танцовщицы до окончания средней школы.

Название «Верхний квартал семи заведений», по-видимому, восходит к тому времени, когда в этом районе было всего семь чайных домиков. Кто-то сказал Такитиро, что теперь их больше двадцати, но старое название сохранилось.

В свое время, правда не столь уж отдаленное, Такитиро частенько навещался туда в компании владельцев ткацких мастерских из Нисидзин и своих постоянных покупателей из провинции. В его памяти невольно всплывали женщины, с которыми он развлекался в ту пору. Тогда дела его лавки еще шли в гору.

— А ты любопытная, раз села в этот трамвай, — сказал Такитиро, обращаясь к женщине.

— Сожаление о безвозвратно ушедшем прошлом, наверное, самое главное в человеке. Мы никогда не забываем о наших давнишних гостях — такая уж наша профессия... — промолвила хозяйка чайного домика.

— ...

— Вот и сегодня я провожала на вокзал одного из гостей, а на обратном пути воспользовалась этим трамваем. А то, что вы едете в «памятном трамвае», да к тому же один, — действительно странно.

— Ничего особенного, просто захотелось прокатиться. — Такитиро задумчиво склонил голову. — Тому виной, может быть, приятные воспоминания о прошлом и печальные мысли о сегодняшнем дне.

— В ваши ли годы печалиться? Поедьте с нами, хоть поглядите на симпатичных молоденьких гейш.

Такитиро и сам склонялся к тому, чтобы посетить Верхний квартал семи заведений.

В храме Китано хозяйка чайного домика сразу направилась к статуе Тэндзина, и Такитиро ничего не оставалось, как последовать за ней. Молилась она долго и самоабвенно. Девочка молча склонила голову перед божеством.

— Тий-тян, простись с господином, — сказала женщина, закончив молитву.

— Ага.

— Возвращайся домой, Тий-тян.

— Спасибо вам. — Девочка поклонилась и пошла. По мере того как она удалялась, ее походка становилась все более похожей на походку обычной школьницы.

— Кажется, девчонка пришлась вам по душе. Через

два-три года мы ее пустим в дело. Не теряйте надежды... К тому времени она станет настоящей красавицей.

Такитиро промолчал. Уж если он здесь, неплохо бы прогуляться по обширному саду святилища, подумал он. Но было слишком жарко.

— Пожалуй, зайду к тебе передохнуть. Устал что-то.

— Буду рада, буду очень рада.

Когда они подошли к старенькому чайному домику, хозяйка поклонилась и сказала, как положено:

— Добро пожаловать, давненько вы не изволили посещать наше заведение, хотя слухи о вас доходили и до нашего скромного чайного домика.

— Хочу отдохнуть, прикажи принести подушки. И еще: пришли кого-нибудь поболтать — попокладистей! Только не из прежних знакомых.

Он стал уже задремывать, когда появилась молодая гейша. Она молча присела у изголовья, не решаясь нарушить тишину: гость был незнакомый и, судя по всему, с претензиями. Такитиро лежал тихо, не желая первым начать разговор. Чтобы привлечь внимание гостя, расшевелить его, гейша стала рассказывать, что работает здесь два года, что из всех гостей, какие у нее перебивали, ей понравились сорок семь.

— Столько же, сколько в пьесе о сорока семи самураях¹. Среди них были и сорока-, и пятидесятилетние. Сама теперь удивляюсь. Надо мной даже подтрунивают: мол, как это можно столько любить без взаимности?

Такитиро окончательно проснулся.

— А теперь?.. — спросил он.

— Теперь остался только один.

В комнату вошла хозяйка.

Гейше не больше двадцати, неужели она и вправду запомнила эту цифру «сорок семь» — ведь связи с гостями столь мимолетны, подумал Такитиро.

Тем временем гейша рассказала, как на третий день ее работы в заведении один малосимпатичный гость попросил провонять его в туалет и по пути стал грубо ее целовать. Она так разозлилась, что укусила его за язык.

— До крови? — спросил Такитиро.

— Да, кровь ручьем полилась. Гость разбушевался,

¹ Общее название различных пьес и представлений на тему о сорока семи бродячих самураях, которые мстили за своего покойного суверена. Обычно имеется в виду пьеса «Канатэхон Тюсингура».

потребовал денег на лечение. Я расплакалась. В общем, шум поднялся невообразимый. Гостя с трудом выпроводили. Теперь я даже имени его не помню.

— Так-так, — произнес Такитиро, разглядывая гейшу и представляя, как эта тоненькая, с покатыми плечами киотская красавица впилась гостью в язык. В ту пору ей, наверно, было лет восемнадцать, не более.

— Ну-ка покажи зубы, — приказал Такитиро.

— Зубы? Мои зубы?! Разве вы их не видели, пока я говорила?

— Как следует покажи.

— Зачем? Это неприлично, — захихикала гейша. — Увольте, господин, ваши слова лишили меня дара речи.

Зубы гейши были мелкие и очень белые.

— Наверное, обломала зубы — пришлось вставлять новые? — пошутил Такитиро.

— Вот уж нет! Язык-то мягкий. Ой, что я говорю — это все вы виноваты, — воскликнула гейша и смущенно спряталась за спину хозяйки.

Поболтав с хозяйкой, Такитиро сказал:

— Уж раз я оказался в этих местах, не заглянуть ли и к Накадзато?

— И правда! Госпожа Накадзато будет рада принять такого гостя. Позвольте проводить вас. — Хозяйка вышла из комнаты. Наверное, слегка подкраситься перед зеркалом.

Внешне чайный домик Накадзато не претерпел особых перемен, но комната, где принимали гостей, была заново переоборудована и обставлена.

К их компании присоединилась еще одна гейша, и Такитиро пробыл у Накадзато до позднего вечера...

Когда Хидэо постучал в двери лавки, Такитиро еще не вернулся. Юноша сказал, что хотел бы повидать Тиэко, и та вышла к нему.

— Я принес обещанный эскиз. Помните, в праздник Гион говорил, что нарисую... — пробормотал Хидэо.

— Тиэко, — окликнула ее Сигэ, — пригласи гостя в дом.

— Сейчас.

Тиэко провела его в комнату, выходящую в сад. Хидэо развернул эскизы. Их было два. На одном — узор из цветов и листьев хризантемы. Форма листьев была изрядно стилизована, и не сразу можно было догадаться, что там изображено. На втором эскизе — красные кленовые листья.

— Чудесно! — воскликнула Тиэко, не в силах оторвать взгляд от эскизов.

— Я безмерно счастлив, что вам понравилось, — сказал Хидэо. — Какой из рисунков вам более по душе?

— Какой же выбрать? Пояс с хризантемами можно носить круглый год...

— В таком случае позвольте выткать пояс по этому рисунку?

Тиэко потупилась, лицо ее погрузнело.

— Оба рисунка хороши... — сказала она нерешительно. — А вы не могли бы выткать на поясе горы, поросшие криптомериями и красными соснами?

— Пояс с горами, поросшими криптомериями и красными соснами? Трудновато, но я подумаю. — Юноша с недоумением поглядел на Тиэко.

— Прошу прощения за мое своеволие, господин Хидэо.

— Почему, собственно, вы должны просить прощения?..

— Дело в том... — Тиэко запнулась, — дело в том, что тогда вечером в канун праздника Гион вы пообещали выткать пояс не мне. Вы приняли за меня другую.

Хидэо буквально лишился дара речи. Кровь отлила у него от лица. Он не мог поверить в услышанное. Ведь именно для Тиэко он создавал этот эскиз, вложив в него всю свою душу и умение. Может быть, Тиэко решила отвергнуть его?

Хидэо показалось совершенно невразумительным то, что ему сейчас сказала Тиэко. Не в силах сдержаться, он воскликнул:

— Неужели я повстречался с вашим призраком, барышня? Может быть, я и беседовал с призраком Тиэко? — Правда, он не решился сказать: с призраком любимой девушки. — Но на празднике Гион призракам бывать не полагается.

Тиэко побледнела.

— Я скажу вам всю правду, господин Хидэо. Вы тогда случайно встретились и разговаривали с моей сестрой.

— ...

— Да, у меня есть сестра!

— ...

— Но ни отец, ни мать об этом еще не знают.

— Ну и ну! — воскликнул Хидэо, все еще ничего не понимая.

— Вы знаете деревню на Северной горе, где из криптомерий изготавливают бревна? Эта девушка там работает.

— Ну?! — Все было для Хидэо столь неожиданно, что он не мог связать двух слов и изъяснялся только лишенными смысла междометиями.

— Вы бывали на Северной горе? — спросила Тиэко.

— Да, как-то проезжал на автобусе... — Наконец Хидэо обрел дар речи.

— Вытките для этой девушки пояс.

— Хорошо.

— И подарите ей.

— Слушаюсь. — Хидэо кивнул нерешительно. — Значит, это для нее вы попросили выткать горы с криптомериями и красными соснами?

Тиэко кивнула.

— Хорошо, я сделаю. Но не будет ли такой пояс вечно напоминать этой девушке о повседневной ее жизни и работе?

— Все зависит от того, как вы это сделаете.

— ...

— Она будет дорожить таким поясом всю жизнь. Ее зовут Наэко. Она небогата, но работает прилежно. Это чистая душа, она сильная, она лучше меня... Да-да...

Все еще недоумевая, Хидэо проговорил:

— Раз это ваша просьба, я постараюсь выткать хороший пояс.

— Хочу, чтобы вы запомнили: ее зовут Наэко.

— Я понял, но скажите, Тиэко, отчего она так похожа на вас?

— Мы же сестры.

— Даже родные сестры не бывают так похожи...

Тиэко решила пока не открывать Хидэо, что они с Наэко близнецы, и, значит, ничего удивительного, если при тусклом вечернем освещении Хидэо принял Наэко за ее сестру.

Хидэо терялся в догадках: как могло случиться, что дочь одного из уважаемых оптовых торговцев Киото и девушка, шлифующая бревна криптомерий в деревне на Северной горе, — сестры? Но он не стал спрашивать об этом Тиэко.

— Когда пояс будет готов, доставить его вам? — спросил он.

— А вы не могли бы вручить его Наэко? — после недолгого раздумья спросила Тиэко.

— Могу, конечно

— В таком случае сделайте это, хотя до деревни

не близко. — В просьбе Тиэко был свой затаенный смысл.

— Я знаю, что не близко.

— Ох, как она обрадуется!

— Но согласится ли она принять от меня пояс? — резонно сомневаясь, произнес Хидэо. — Девушка, несомненно, будет удивлена.

— Я заранее предупрежу Наэко.

— В таком случае я привезу ей пояс. А по какому адресу?

— Вы имеете в виду дом, где сейчас живет Наэко? — переспросила Тиэко, пытаясь выиграть время, — она ведь и сама его не знала.

— Да.

— Я сообщу вам его письмом или по телефону.

— Благодарю. Постараюсь сделать хороший пояс, как если бы я выткал его для вас, барышня.

— Спасибо вам. — Тиэко склонила голову. — И не посчитайте мою просьбу странной.

— ...

— Да, господин Хидэо, сделайте для Наэко хороший пояс, как если бы вы ткали его для меня.

— Слушаюсь, барышня.

Выйдя из лавки, Хидэо еще некоторое время думал над загадкой двух сестер, но мысли его все более обращались к рисунку для пояса.

Если на рисунке изображать горы, поросшие красными соснами и криптомериями, то следует создать необычный, даже дерзкий по замыслу эскиз, иначе пояс на Тиэко будет выглядеть чересчур скромно. Хидэо все еще казалось, будто он должен выткать пояс для Тиэко. Но даже если он будет принадлежать этой девушке Наэко, надо постараться, чтобы рисунок на поясе не напоминал ей о привычной работе. Об этом он ведь уже говорил Тиэко.

Хидэо направился к мосту Четвертого проспекта, где он неожиданно повстречался то ли с Тиэко, которую принял за Наэко, то ли с Наэко, которую принял за Тиэко, — он и сам теперь запутался. День был жаркий, и полуденное солнце палило нещадно.

В самом начале моста Хидэо прислонился к перилам и закрыл глаза.

Забыв о шуме толпы и грохоте электричек, он прислушивался к едва доносившемуся до него шепоту реки.

В нынешнем году Тиэко не довелось увидеть и Даймондзи ¹. Даже Сигэ, что редко случалось, отправилась поглядеть на них вместе с Такитиро. Но Тиэко осталась дома.

По случаю праздника Такитиро с несколькими друзьями — оптовыми торговцами — заранее заказал отдельный кабинет в чайном домике в квартале Кия на Втором проспекте.

Костры Даймондзи — своего рода прощальные огни праздника Бон ². Считается, что разжигание костров на горе восходит к обычаю ночью кидать вверх горящие факелы, чтобы не сбились с пути души усопших, которые, навестив дома своих близких, возвращаются в царство мрака.

Костры на Нёигатакэ — одной из вершин Восточной горы — называются Даймондзи. Но прощальные костры разжигают еще на четырех горах, и каждый имеет свое название: на горе Окитаяма близ Золотого павильона — Левый Даймондзи, на горе Мацугасаки — Сутра священного лотоса, на горе Мёкэн близ Нисигамо — Фунагата ³, на горе Камисага — Ториигата ⁴. И на целых сорок минут, когда один за другим зажигают эти костры, в городе выключаются все рекламные огни.

Цвет гор, на которых возжигаются прощальные костры, и цвет вечернего неба воспринимались Тиэко как цвета наступающей осени.

За полмесяца до прощальных костров, в ночь перед началом осени ⁵ в храме Симогамо празднуют проводы лета.

Тиэко нравилось вместе с подругами взбираться на насыпь у реки Камо и глядеть оттуда на костры Левого Даймондзи. Она привыкла любоваться ими с самого детства.

Но по мере того как она выросла, этот праздник грустью отдавался в сердце: «Вот и опять уже наступил Даймондзи...»

¹ Костры, образующие иероглиф «дай» — «большой», похожий по форме на человека с распростертыми руками и широко расставленными ногами, разжигаемые на Восточной горе в Киото 16-го числа 8-го месяца по лунному календарю.

² Праздник поминовения душ усопших.

³ Ореол в форме лодки позади изображения Будды.

⁴ То есть в форме тории — ворот в виде прямоугольной арки перед синтоистским храмом.

⁵ По солнечному календарю осень начинается 8 августа.

Тиэко вышла на улицу поиграть с соседскими детишками. Праздник Даймондзи пока еще не вызывал в их юных сердечках тоскливых дум — их больше занимал фейерверк.

Летний праздник Гион принес Тиэко новую печаль: она узнала от Наэко о безвременной кончине своих настоящих родителей.

«Завтра, пожалуй, наведаюсь к Наэко. Заодно скажу ей про пояс, который заказала Хидэо», — решила она.

На следующий день Тиэко отправилась в путь, надев скромное кимоно.

Она вышла из автобуса близ водопада Бодай.

А ведь я еще толком не видела Наэко, при свете дня, — подумала она.

На Северной горе работа была в самом разгаре. Мужчины шкурили бревна криптомерий, и вокруг громоздились целые горы коры.

Тиэко сделала несколько шагов и остановилась в нерешительности, но тут к ней, запыхавшись, подбежала Наэко.

— Барышня, как хорошо, что вы приехали! Я так рада, так рада!

— Может, я не вовремя? — спросила Тиэко, увидав, что девушка в рабочей одежде.

— Не беспокойтесь, я как только вас увидела — сразу отпросилась на сегодня. Пойдемте в рощу — там нам никто не помешает! — и она тронула Тиэко за рукав.

Наэко поспешно сняла передник и расстелила его на земле. Это был круговой хлопчатобумажный передник из Тамба — достаточно широкий, чтобы девушки свободно разместились на нем.

— Садитесь, — предложила она.

— Благодарю.

Наэко сняла с головы полотенце и руками расправила волосы.

— Как хорошо, что вы приехали, я так рада. — Глаза Наэко сияли, она не могла оторвать взгляда от Тиэко.

Сильно пахло землей и деревьями — то был запах гор, поросших криптомериями.

— Здесь нас снизу никто не увидит, — сказала Наэко.

— Мне нравится, как растут криптомерии, я иногда приезжала сюда, чтобы поглядеть на них, но в самой роще не была ни разу, — сказала Тиэко, оглядываясь. Их окружали стройные стволы деревьев — все почти одинаковой толщины.

— Это посадки, — пояснила Наэко.

— Понимаю.

— Деревьям около сорока лет. Скоро их спилят, превратят в бревна, которые пойдут на опорные столбы в домах и что-то там еще. Иногда я думаю: если их не трогать, они могут расти еще тысячу лет и станут толстые-претолстые. Мне больше по душе девственный лес, а эти деревья выращивают, ну, вроде бы как цветы на продажу...

— ...

— Если бы в этом мире не было людей, не появился бы и Киото. Вместо него рос бы девственный лес и простирались бы дикие равнины, поросшие травами. Не человек бы здесь царствовал, а олени и дикие кабаны. И зачем только на свете появились люди? Человек — страшное существо...

— Странные мысли приходят вам в голову. — Тиэко с удивлением поглядела на девушку.

— Иногда...

— Вы не любите людей?

— Почему же? Очень люблю... Больше всего на свете. Просто, бывает, задремлешь в лесу, а потом очнешься и думаешь: как бы все было, если бы человек вовсе не существовал на этой земле?..

— Может, вы в душе пессимистка?

— Нет, пессимистов я терпеть не могу. Мне каждый день приносит радость, и работаю я с удовольствием... И все же человек — это...

Неожиданно в роще потемнело.

— Будет ливень, — сказала Наэко. И сразу сквозь листья на макушках деревьев стали падать крупные капли дождя.

Загремел гром.

— Мне страшно! — бледнея, прошептала Тиэко и схватила Наэко за руку.

— Тиэко, подогните под себя ноги и наклонитесь поближе к земле, — крикнула Наэко и прикрыла ее собственным телом.

Раскаты грома становились все сильнее, непрерывно сверкали молнии. Грохот стоял такой, будто разваливались горы. Гроза придвинулась вплотную, теперь уже громыхало совсем рядом.

Сердито зашумели вершины криптомерий, молнии полосовали небо, вонзались в землю, освещая стволы обступивших девушек деревьев. Красивые, стройные криптомерии теперь казались грозными, зловещими.

Прямо над головой раздался оглушительный удар грома.

— Наэко, сейчас упадет молния! — закричала Тиэко, сжимаясь в комок.

— Может, и упадет... Но только не на нас. Ни в коем случае! — решительно сказала Наэко и еще плотнее прикрыла собой Тиэко. — Барышня, вам намочило прическу. — Наэко вытерла волосы Тиэко полотенцем, сложила его вдвое и накрыла ей голову. — Может, и намочит немного, но уверяю вас, барышня, ни гром, ни молния не посмеют упасть на вашу голову.

Тиэко была не из трусливых, и уверенный голос Наэко ее успокоил.

— Спасибо вам, большое спасибо! Вы уберегли меня от дождя, но сами-то промокли насквозь, — сказала она.

— Что вы, не беспокойтесь, на мне ведь рабочая одежда... Я так счастлива, — ответила Наэко.

— Что это блестит у вас на боку? — спросила Тиэко.

— А, то специальный нож, чтобы обдирать бревна. Я, как увидела вас, сразу помчалась навстречу и забыла оставить его. Вообще-то он очень острый, — забеспокоилась Наэко и откинула нож подальше. Нож; был кривой, без ручки и напоминал маленький серп. — На обратном пути захвачу, но вы не подумайте, будто я тороплюсь уйти.

Гроза, по-видимому, удалялась.

Тиэко всем существом своим ощущала близость Наэко, прикрывавшей ее своим телом.

Даже в летнюю пору ливень в горах холодит, но живое тепло, исходившее от девушки, согревало Тиэко. Невыразимая ласковая теплота близкого человека наполняла Тиэко счастьем. Она закрыла глаза и замерла, всей душой отдаваясь этому ощущению.

— Я так благодарна вам, Наэко, — прошептала она. — Наверное, когда мы вдвоем были во чреве матери, вы тоже заботились обо мне.

— Скорее толкались, пинали друг друга ногами.

— Никогда не поверю, — радостно рассмеялась Тиэко. Так мог смеяться лишь близкий, родной человек.

Отгремела гроза, и вместе с нею кончился дождь.

— Спасибо, Наэко... Кажется, гроза уже прошла, — сказала Тиэко, пытаясь выбраться из-под сестры.

— Немного подождите, с листьев еще капает...

Тиэко выпростала руку и дотронулась до плеча Наэко.

— Ой, насквозь промокли и замерзли, наверно, — сказала она.

— Не беспокойтесь, я привычная. Я так рада вашему приходу, что никакая простуда мне не страшна.

— Наэко, отец где-то здесь упал с дерева?

— Честно говоря, не знаю. Я ведь тогда была совсем маленькая.

— А где деревня вашей матери?.. Здоровы ли бабушка и бабушка?

— Я и о них ничего не знаю.

— Но разве вы росли не на родине матери?

— Барышня, почему вы обо всем этом спрашиваете? — неожиданно резко сказала Наэко.

— ...

— Я счастлива тем, что вы признали во мне сестру, и больше мне ничего не надо. Простите, я в тот вечер наговорила вам много лишнего.

— Что вы! Я так рада была.

— Я тоже... Но к вам домой я не пойду.

— Отчего же? Отец и мать были бы так рады...

— Не говорите им обо мне, — решительно сказала Наэко. — Другое дело, если вам, барышня, придется худо — вот как сейчас, я обязательно приду на помощь, даже если бы это мне грозило смертью. Поймите меня...

У Тиэко защипало глаза.

— Наэко, в тот вечер нас один юноша перепутал.

— Вы имеете в виду господина, который говорил мне о поясе?

— Он ткач из Нисидзин... Обещал выткать для вас хороший пояс.

— Но ведь он собирался его сделать для вас.

— Недавно он приходил показать мне рисунок, и я ему призналась, что он принял за меня мою сестру.

— Так и сказали?

— И попросила, чтобы он выткал пояс для вас.

— Для меня?!

— Но ведь он вам обещал?!

— Потому что принял меня за другую.

— Он сделает два: один для меня, другой — для вас.

В знак того, что сестры нашли друг друга.

— Для меня... — повторила Наэко.

— Это обещание он дал в праздник Гион! — мягко сказала Тиэко.

Она ощутила, как напряглось и замерло тело Наэко.

— Барышня, — решительно сказала Наэко, — знайте, что в трудную минуту я с радостью приду вам на помощь. Я готова сделать для вас все что угодно, если понадобится.

ся — умру за вас. Но не хочу брать то, что предназначено другому.

— И вы бы не приняли этот пояс, даже если бы я сама его вам подарила?

— ...

— Считайте, что я попросила выткать пояс, чтобы подарить его вам.

— Но это не так! В тот праздничный вечер этот господин сказал, что хочет сделать пояс для Тиэко. Он влюблен в вас! Даже такая глупая девушка, как я, поняла это.

Тиэко смутилась.

— Вы наотрез отказываетесь? — спросила она.

— ...

— Несмотря на то, что я попросила выткать пояс для своей сестры?

— Хорошо, я приму его, барышня, — помолчав, не решительно сказала Наэко. — И простите меня за резкость.

— Он принесет его вам сюда. Вы у кого живете?

— Хозяина дома зовут господин Мурасэ... Наверное, это будет очень нарядный пояс. Только представится ли случай надеть его?

— Разве мы знаем, что нас ждет завтра?

— Это вы верно сказали, — кивнула головой Наэко, — но я не собираюсь менять свою жизнь... Все равно: если и не надену никогда, стану беречь его, как самое дорогое сокровище.

— В нашей лавке специально поясами не торгуют, а вот кимоно к поясу подобрать можно.

— ...

— Отец странный человек. Последнее время он потерял интерес к торговле. Тем более что теперь в нашей лавке продаются не только хорошие вещи. Держат всякую всячину — все больше из шерсти и синтетического волокна.

Наэко поглядела на верхушки деревьев и встала.

— Еще немного капает, но я, кажется, вас слишком стеснила.

— Напротив, вы...

— А почему бы вам, барышня, не помочь отцу в лавке?

— Мне? — Тиэко вскинула на девушку удивленные глаза. Одежда на Наэко была совсем мокрая и прилипла к телу.

Наэко решила не провожать ее до остановки — не потому, что вымокла: она опасалась, как бы не заметили, что они друг на друга похожи.

Когда Тиэко вернулась домой, Сигэ стряпала полдник для работников лавки.

— Вот и я, матушка. Извините, что я так задержалась... А где отец?

— Он за занавеской — сидит за столом и о чем-то думает. — Сигэ подняла глаза на девушку. — Где ты была? Кимоно все мокрое и смялось. Пойди переоденься.

— Сейчас. — Тиэко поднялась наверх, не спеша переоделась и присела отдохнуть. Когда она снова спустилась вниз, Сигэ уже кончила кормить работников.

— Матушка, — сказала Тиэко, и голос ее дрогнул. — Мне надо кое о чем рассказать вам, вам одной...

— Хорошо, поднимемся к тебе.

Тиэко замялась, не решаясь заговорить.

— Здесь тоже был ливень? — спросила она, пытаясь собраться с мыслями.

— Ливень? Ливня не было, но ты ведь не о ливне хочешь мне рассказать.

— Матушка, я ездила в деревню на Северной горе. Там живет моя сестра — не знаю, младшая или старшая. Мы, оказываясь, двойняшки. Я впервые встретила с ней на празднике Гион. Она сказала, что наши родные отец и мать давно уже умерли.

Слова Тиэко были для Сигэ как гром среди ясного неба.

— Значит, она живет в деревне на Северной горе? — тихо переспросила она, глядя в глаза Тиэко.

— Да. Я больше не могу скрывать это от вас. Мы встречались дважды: на празднике Гион и сегодня.

— Чем она сейчас занимается?

— Работает на хозяина в деревне — шлифует бревна. Хорошая девушка. Я приглашала ее к нам, но она прийти отказалась.

— Так, — Сигэ помолчала. — Ты правильно поступила, что рассказала мне. Ну, а что ты сама об этом думаешь?

— Матушка, я ваша дочь и прошу вас по-прежнему считать меня своей дочерью, — горячо ответила Тиэко.

— Само собой, вот уже двадцать лет, как ты моя дочь.

— Матушка! — Тиэко всхлинула и уткнулась лицом в колени Сигэ.

— Я заметила, что с самого праздника Гион ты то и дело о чем-то задумываешься. Хотела даже спросить: не влюбилась ли в кого?

— ...

— Все же постарайся привести ее. Можно вечером, когда продавцы разойдутся.

Пряча лицо в коленях у матери, Тиэко помотала головой:

— Она не придет. Она называет меня барышней...

— Вот оно что. — Сигэ ласково погладила волосы Тиэко. — Скажи: она очень на тебя похожа?

В горшке из Тамба послышалось пение сверчков.

ЗЕЛЕННЫЕ ВЕТВИ СОСНЫ

Такитиро узнал, что поблизости от храма Нандзэндзи продается подходящий дом, и предложил Сигэ и Тиэко осмотреть его. Заодно и совершить прогулку, насладиться бабьим летом.

— Хочешь купить? — спросила Сигэ.

— Сначала поглядеть надо, — сердито ответил Такитиро. — Мне нужен домик маленький и подешевле. — И добавил: — Даже если не купим, просто прогуляемся — разве плохо?

— Конечно, хорошо...

Сигэ охватило беспокойство. Если они купят дом, придется каждый день ездить в лавку. Здесь, в Киото, уже многие оптовые торговцы из квартала Накагё живут в отдельных от своих лавок домах — так же, как и владельцы магазинов на Гинзе и Нихонбаси в Токио. Впрочем, это бы еще ничего. Тем более что Такитиро пока может позволить себе приобрести дом, хотя последнее время дела в лавке идут неважно. А если он намерен купить дом, чтобы продать лавку и удалиться на покой? Ну что же, он, наверное, решил приобрести дом, пока еще есть свободные деньги. Но на что он тогда станет жить? Правда, Такитиро уже далеко за пятьдесят, и он вправе поступать так, как ему заблагорассудится. За лавку дадут немалую сумму, а все-таки грустно жить на одни проценты. Можно, конечно, найти верного человека, который с выгодой поместит вырученные за лавку деньги, но никто из знакомых не приходил Сигэ на память.

Хотя Сигэ не сказала ни слова, Тиэко сразу почувство-

вала охватившую ее тревогу. Она ласково поглядела на мать, стараясь ее успокоить.

Такитиро же, напротив, был в отличном расположении духа.

— Отец, если мы будем поблизости от Нандзэндзи, может, заглянем и в храм Голубого лотоса — хотя бы у входа постоим, — попросила Тиэко, когда они садились в машину.

— Понимаю, хочешь поглядеть на тот камфарный лавр?

— Очень хочу! — Тиэко удивилась догадливости Таки-тиро.

— Что же, заглянем. Твой отец, Тиэко, в молодости частенько встречался с друзьями под сенью этого лавра. О чем только мы не беседовали! Теперь никого уже в Киото не осталось.

— ...

— Там много памятных для меня мест.

Некоторое время Тиэко молчала, стараясь не мешать отцу, предававшемуся воспоминаниям, потом сказала:

— Я тоже давно не видела этого лавра — с тех пор, как окончила школу. А знаете, отец, в один из вечерних туристских маршрутов входит осмотр храма Голубого лотоса. Там туристов встречают монахи с фонариками. Однажды я ездила на таком туристском автобусе.

Дорога от автобуса до входа в храм, по которой идут туристы при свете фонариков, довольно длинная и приятная. Но этим и исчерпывается очарование от его посещения.

В путеводителе указано, что монахини из храма Голубого лотоса устраивают для туристов чайную церемонию.

— На самом же деле всех разом приводят в большую комнату, ставят огромный поднос с некрасивыми чашками, туристы быстро выпивают чай и удаляются, — рассмеялась Тиэко. — При сем, правда, присутствуют несколько монашек, но церемония, если так можно назвать подобное чаепитие, совершается с головокружительной быстротой. Я была так разочарована. К тому же чай был едва теплый.

— Ничего не поделаешь. Если бы они соблюдали все правила, на чаепитие ушла бы уйма времени.

— Это бы еще ничего, но после чаепития они включают в храмовом саду прожекторы, на середину выходит до невозможности красноречивый священник и начинает бесконечную лекцию о храме.

— ...

— Потом нас проводили в храм. Откуда-то доносились звуки кото¹, но мы с подружкой так и не поняли: играли ли на настоящем кото или включили проигрыватель...

— Так-так...

— Потом нас повезли поглядеть на гионских танцовщиц. Они исполнили несколько танцев, но какой у них был вид!

— Чем они тебе не понравились?

— На них были поношенные кимоно, пояса завязаны кое-как — жалкое зрелище. Из Гион туристский автобус отправился в Сумия, что в квартале Симабара, где туристам показывают куртизанок-таю. Уж они-то одеты в роскошные кимоно. При больших свечах демонстрируют ритуал обмена чашечками сакэ при свадебном обряде, затем таю, принимая различные позы, имитируют прогулку по улице. Вот и все.

— Не так уж мало, — возразил Такитиро.

— Из всего маршрута самое интересное — шествие с фонариками к храму Голубого лотоса и поездка в Симабара, — сказала Тизэко. — Но, кажется, я вам об этом уже рассказывала...

— Пригласи как-нибудь и меня. Мне ни разу не довелось побывать в Сумия и видеть таю, — попросила Сигэ.

Тем временем машина подъехала к храму Голубого лотоса.

Трудно объяснить, отчего вдруг ей захотелось взглянуть на камфарный лавр. Вспомнила ли недавнюю прогулку по лавровой аллее в ботаническом саду? Или, может быть, потому, что Наэко во время их последней встречи сказала, что криптомерии на Северной горе саженые, а она любит деревья, выросшие сами по себе?

Над каменной оградой храма возвышались четыре лавра, ближний был самый старый.

Тизэко и родители остановились перед лавром и молча глядели на него. Чем дольше вглядываешься в причудливое переплетение его ветвей, тем явственней начинает казаться, будто в этом старом дереве таится некая зловещая сила.

— Поглядели — и хватит, — сказал Такитиро и первым двинулся в сторону Нандзэндзи.

Такитиро вытащил из портмоне клочок бумаги с пла-

¹ Японский тринадцатиструнный музыкальный инструмент.

ном расположения интересовавшего их дома и стал его разглядывать.

— Я в точности не знаю, — сказал он, обращаясь к Тизэко, — но родина камфарного лавра — южные страны, там, где тепло. У нас много огромных лавров в Атами и на Кюсю, а здесь, в Киото, даже это старое дерево напоминает бонсай — только большой.

— А разве весь Киото не такой же? И горы вокруг, и реки, и люди... — сказала Тизэко.

— А ведь верно, — кивнул Такитиро, — но люди не все такие... Не все такие и среди ныне живущих, и среди тех, чьи имена сохранились в истории минувших лет...

— Пожалуй.

— Но если следовать твоей логике, Тизэко, то и вся страна, имя которой — Япония, напоминает бонсай.

О серьезных вещах заговорил отец, подумала Тизэко.

— И в то же время, когда внимательно взглядишься в ствол старого лавра, в причудливо переплетающиеся его длинные ветви, становится страшно, и чувствуешь, какая огромная сила таится в этом дереве. Не так ли, отец?

— Согласен. Меня удивляет другое: почему ты, молоденькая девушка, задумываешься над этим? — Такитиро оглянулся на лавр, потом внимательно посмотрел на Тизэко и сказал: — Но ты права. Ведь и в тебе живет эта сила, она-то и заставляет столь быстро расти черные твои волосы... Твой отец последнее время стал плохо соображать. Спасибо, научила старого!

— Отец! — взволнованно воскликнула Тизэко.

Они остановились у ворот Нандзэндзи и заглянули в обширный храмовой двор — как всегда тихий и почти безлюдный.

Сверившись с нарисованным на бумажке планом, Такитиро свернул налево.

Дом был небольшой и стоял в глубине участка, окруженного высокой глинобитной оградой. По обе стороны дорожки, ведущей от узких ворот к дому, росли кусты белых хаги¹, они были в полном цвету.

— Какая красота! — воскликнул Такитиро, остановившись у ворот и любуясь белыми цветами. Но желание приобрести этот дом пропало. Он заметил по соседству большой современный отель с рестораном.

И все же Такитиро не мог заставить себя сразу уйти:

¹ Леспедеца японская.

цветущие кусты хаги были до того хороши!

С тех пор как Такитиро побывал здесь в последний раз, на проспекте близ храма Нандзэндзи понастроили множество ресторанов и гостиниц. Некоторые здания были превращены в пансионаты, в которых селились глумливые группы студентов из провинции.

— Дом вроде бы хорош, но покупать его не стану, — пробормотал Такитиро, глядя на цветущие кусты. — Пройдет немного времени, и весь Киото превратится в огромный отель с рестораном. Как в окрестностях храма Кодайдзи... Между Осака и Киото — теперь типичная индустриальная зона. Свободные участки сохранились разве что в Нисинокё, да и там уже стали появляться совершенно невообразимые дома модной архитектуры... — мрачно заключил он.

Такитиро, очарованный красотой белых цветов, вернулся к воротам продававшегося дома, чтобы еще раз полюбоваться ими.

— До чего же чудесно цветут. Наверное, хозяева знают какой-то секрет, — восхищенно сказал он, возвратившись к поджидавшим его женщинам. — Правда, могли бы поставить к кустам подпорки, иначе после дождя по такой узкой дорожке и к дому не пройдешь. Видимо, когда их сажали, у хозяев и в мыслях не было расстаться с домом, а теперь им уже не до цветов.

Сигэ и Тиэко молчали.

— Такова уж человеческая натура, — заключил Такитиро, потирая лоб.

— Отец, если вам так понравились эти цветы, позвольте мне придумать для вас эскиз с узором из хаги, — сказала Тиэко, пытаясь отвлечь Такитиро от неприятных мыслей. — В этом году, боюсь, не успею к сезону, а уж в будущем — обязательно нарисую.

— Но ведь это — женский цветок, такой узор годится лишь для женского летнего кимоно.

— Я сделаю узор не для кимоно.

— Для нижнего белья, что ли? — Такитиро поглядел на Тиэко и, стараясь сдержать смех, добавил: — Чтобы отблагодарить тебя должным образом, я нарисую тебе эскиз для кимоно или накидки с узором из камфарного лавра. Хотя тогда Тиэко придется перевоплотиться в мужчину...

— ...

— И все получится шиворот-навыворот: мужчина превратится в женщину, а женщина — в мужчину.

— Ничего подобного!

— Неужели ты отважишься выйти на улицу в кимоно с узором из лавра? Ведь это чисто мужской рисунок.

— Да, наряжусь и выйду — куда угодно!..

— Ну и ну! — Такитиро опустил голову и задумался. — Видишь ли, Тиэко, мне нравятся не только цветы хаги, — произнес он. — На любой цветок отзовется душа — все зависит от того, когда и при каких обстоятельствах ты его увидишь.

— Наверное, вы правы... — согласилась Тиэко. — Кстати, отец, уж раз мы приехали сюда, не заглянуть ли нам в лавку Тацумура. Это недалеко...

— В магазин для иностранцев?! Что ты об этом думаешь, Сигэ?

— Ну, если Тиэко хочет... — примирительно ответила Сигэ.

— Что же, поглядим, какими поясами для кимоно торгует Тацумура...

Войдя в магазин, Тиэко повернула направо и стала с интересом разглядывать свернутые в рулоны шелковые ткани для женщин. Они были изготовлены на фабриках Канэбо.

— Тиэко, не собираешься ли ты сшить себе европейское платье? — спросила Сигэ, подойдя к прилавку.

— Нет, матушка! Мне просто интересно, какие шелка нравятся иностранцам.

Сигэ кивнула и, встав позади Тиэко, время от времени протягивала руку и щупала шелк.

В центральном зале и на галерее были выставлены образцы, имитировавшие старинные материи из хранилища Сёсоин¹.

Такитиро бывал на выставках, устраиваемых Тацумура, помнил все названия выставлявшихся там старинных материй и эскизов, но не мог отказать себе в удовольствии еще раз поглядеть на них.

— Мы хотим продемонстрировать иностранцам, какие вещи способны создавать в Японии, — пояснил ему знакомый приказчик.

Такитиро уже слышал от него эти слова, когда был здесь в последний раз, и согласно кивнул. Глядя на образец, имитировавший материю времен Танской династии², он с восхищением сказал:

— Да, умели в старину работать. Ведь такие ткани

¹ Государственная сокровищница Японии, находится в городе Нара.

² Танская династия правила в Китае в 618—907 гг.

изготавливали тысячу лет назад.

По-видимому, имитации старинных тканей были выставлены только для обозрения. Среди них были и ткани для женских поясов. Они понравились Такитиро. Он с удовольствием приобрел бы несколько таких поясов для Сигэ и Тиэко, но в этом магазине для иностранцев пояса не продавались. Самое большее, здесь можно было приобрести разве что вышитые дорожки, какие кладут на стол для украшения. Кроме дорожек продавались сумки, бювары, портсигары, шелковые платки и тому подобные мелкие вещицы.

Такитиро выбрал себе несколько галстуков и кошелек из жатой бумаги с изображением хризантем. Искусство изготовления вещей из жатой бумаги, по-видимому, не столь древнее. Коэцу¹ в своих «Больших хризантемах на жатой бумаге» изобразил на шелке одно из изделий, созданных в мастерских Такагаминэ².

— Я слышал, будто в Тохоку³ и теперь изготавливают подобные вещицы из прочной японской бумаги, — сказал Такитиро.

— Верно, верно, — согласился приказчик, — я, конечно, не знаю, в какой степени это искусство связано с именем Коэцу, но...

На одном из прилавков в глубине магазина Такитиро с удивлением заметил портативные радиоприемники фирмы «Сони». Это было уже чересчур, даже если Тацумура принял их на комиссию ради «добывания валюты»...

Потом их провели в гостиную в дальней части магазина и угостили чаем. Приказчик пояснил, что в этой гостиной обычно принимают важных персон из-за границы.

За окном виднелись низкорослые, необычные на вид криптомерии.

— Что это за криптомерии? — спросил Такитиро.

— Я и сам в точности не знаю, — смутился приказчик. — Кажется, их называют «коёсуги»...

— Какими иероглифами они пишутся?

— Садовник этих иероглифов не знает, но, думается мне, это широколистные криптомерии. Они растут на Хонсю и южнее.

— А почему такой цвет у стволов?

¹ Коэцу Хоннами (1558–1637) — известный художник и каллиграф раннеэдоского периода, жил в Киото.

² Пригород Киото.

³ Северо-восточная часть острова Хонсю.

— Да это же мох!

Из портативного радиоприемника послышалась музыка. Тиэко обернулась и увидела молодого человека, что-то объяснявшего группе иностранок.

— Да ведь это Рюсукэ, старший брат Синьити. — Тиэко поднялась с кресла.

Рюсукэ тоже заметил Тиэко и пошел ей навстречу. Приблизившись, он вежливо поклонился сидевшим в креслах Такитиро и Сигэ.

— Сопровождаете этих дам? — спросила Тиэко, чувствуя смущение и не зная, как начать разговор. В отличие от мягкого по характеру Синьити в его старшем брате было нечто требовательно-настойчивое, и Тиэко в его присутствии терялась, чувствовала себя скованной.

— Не то чтобы сопровождаю... Дело в том, что переводчица — младшая сестра моего друга — несколько дней тому назад неожиданно скончалась, вот меня и попросили помочь.

— Какая жалость, младшая сестра...

— Да, она была милая девушка, совсем юная — на два года моложе Синьити...

— ...

— Синьити в английском языке не силен, да к тому же стесняется. Вот мне и пришлось... Правда, здесь переводчик не нужен: приказчики говорят по-английски. Эти дамы — американки. Они остановились в отеле «Мияко», а сюда зашли, чтобы купить портативные радиоприемники.

— Вот оно что.

— Отель рядом, поэтому они и решили заглянуть в магазин Тацумура. Нет чтобы поглядеть на здешнюю коллекцию тканей — сразу к приемникам. — Рюсукэ тихо рассмеялся. — Хотя какая разница...

— Я впервые сегодня узнала, что здесь продают даже радиоприемники.

— Радиоприемники ли, шелка ли — все одно. Тацумура важно, что они платят долларами.

— Понимаю.

— Мы ходили в здешний сад, а там в пруду — разноцветные карпы. Я растерялся. Думаю: начнут подробно расспрашивать, а я и объяснить не сумею. Даже не знаю, как по-английски сказать, например, «полосатый карп». К счастью, они только ахали и приговаривали: «Какие красивые!»

— ...

— Не желаете ли поглядеть на карпов?

— А ваши дамы?

— Приказчик и без меня справится, да и вообще им пора в отель пить чай. Скоро к ним присоединятся мужья, и они поедут в Нара.

— Я только родителей предупрежу.

— А я — своих дам. — Рюсукэ подошел к американкам, что-то сказал им, и те разом поглядели в сторону Тиэко. Девушка залилась краской.

Рюсукэ вскоре вернулся и повел Тиэко в сад. Они сели на берегу пруда и молча любовались на скользивших в воде разноцветных карпов.

— Послушайте меня, Тиэко, — неожиданно заговорил Рюсукэ, — попытайтесь быть построже с вашим приказчиком, или кем он теперь у вас в акционерном обществе значится? Директором-распорядителем? Уверен — вы сумеете. Если хотите, я готов присутствовать при вашем разговоре...

Предложение было настолько странное, что Тиэко замерла, не в силах произнести хоть слово.

В ту ночь ей приснился сон: разноцветные карпы собрались перед сидевшей на берегу пруда Тиэко, они громоздились друг на друга, иные даже высывали из воды голову.

Вот и весь сон. А наяву она опустила руку в воду и слегка пошевелила пальцами. К ее руке сразу подплыли карпы. Тиэко удивленно глядела на них и вдруг почувствовала к этим карпам неизъяснимую нежность.

— От ваших пальцев исходит, наверное, особый аромат, они обладают неведомой магической силой, — прошептал Рюсукэ. Он был поражен сильнее, чем сама Тиэко.

— Карпы привыкают к людям, — смущенно ответила она.

Рюсукэ не отрываясь глядел на профиль девушки.

— Смотрите, Восточная гора будто рядом, — сказала она, смутившись от внимательного взгляда Рюсукэ.

— Правда. А вы заметили, что цвет ее чуть-чуть изменился? Чувствуется осень...

Проснувшись, Тиэко не могла вспомнить: был ли с ней рядом Рюсукэ во время этого сновидения с карпами? Некоторое время она тихо лежала с открытыми глазами.

На следующий день Тиэко вспомнила о совете Рюсукэ быть с приказчиком построже, но не знала, как к этому приступить.

Перед закрытием лавки она подошла к приказчику Уэмура и села перед конторкой. Конторка была старомодная, отгороженная от торгового зала низкой деревянной решеткой. Уловив нечто необычное в выражении лица Тизэко, Уэмура спросил:

— Не угодно ли чего-нибудь барышне?

— Я хотела бы выбрать материю для кимоно.

— Вы? Разве вы шьете из наших тканей? — Уэмура облегченно вздохнул. — Сейчас есть выходные и новогодние кимоно, а также фурисодэ¹. Но ведь обычно вы покупаете такие вещи в магазинах самого Окадзаки или у Эримана.

— Меня интересует не новогоднее кимоно, покажите, какие есть в нашей лавке образцы набивного шелка юдзэн.

— О, его у нас предостаточно... и всевозможных расцветок... Не знаю, понравятся ли они вам. — Уэмура вышел из-за конторки, кликнул двоих служащих и что-то шепнул им на ухо. Они быстро принесли несколько штук различной материи и вместе с приказчиком раскатали их посередине лавки.

— Я возьму эту, — Тизэко поспешно указала на понравившуюся ей ткань. — Надеюсь, дней через пять, в крайнем случае через неделю кимоно будет сшито? Рассчитываю на двадцатипроцентную скидку.

— Барышня! За такой короткий срок? У нас ведь торговля оптовая, кимоно мы не шьем, но я все же постараюсь.

Служащие ловко скатали материю и унесли.

— Вот размеры. — Тизэко положила на конторку клочок бумаги. Но не ушла. — Господин Уэмура, я хотела бы понемногу приобщиться к нашей торговле, надеюсь на вашу помощь, — чуть наклонив голову, мягко проговорила она.

— Вы? — воскликнул приказчик, глядя на девушку с нескрываемым удивлением.

Тизэко спокойно продолжала:

— Начнем с завтрашнего дня. Заодно приготовьте бухгалтерские книги.

— Бухгалтерские книги? — Уэмура саркастически усмехнулся. — Неужели барышня собирается их проверять?

— Что вы! Для меня это слишком сложно. Просто хочу

¹ Кимоно с длинными рукавами.

заглянуть в них, чтобы хоть примерно знать, как у нас идет торговля и с кем.

— Вот оно что! Бухгалтерских книг у нас много. К тому же существует налоговое управление.

— Вы хотите сказать, что у нас в лавке ведется двойная бухгалтерия?

— Ни в коем случае, барышня! Попробуйте-ка обмануть налоговое управление, если вы на это способны... Нет, мы трудимся здесь честно.

— И все же завтра покажите мне бухгалтерские книги, господин Уэмура, — решительно сказала Тиэко и пошла прочь.

— Барышня, я служил здесь еще до того, как вы на свет родились... — сказал Уэмура, но Тиэко даже не обернулась. — Что творится-то! — возмущенно поцокав языком, пробормотал приказчик, стараясь, правда, чтобы Тиэко его не услышала.

Когда Тиэко зашла к матери, занятой приготовлением ужина, та спросила испуганно:

— Что ты там наговорила приказчику?

— Я и сама расстроилась, матушка.

— Я вся трясусь от страха... Вот уж вправду говорят: в тихом омуте черти водятся.

— Не сама я это придумала, люди научили.

— Кто же?

— Господин Рюсукэ, когда мы встретились в лавке Тацумура... Он сказал, что отец его умело ведет торговлю, у них два надежных приказчика, и если Уэмура уйдет из лавки, они смогут одного из них прислать нам в помощь. Господин Рюсукэ сказал даже, что он и сам не прочь поступить на службу в нашу лавку, чтобы наладить дело.

— Рюсукэ сам предложил?

— Да, и сказал еще, что ради этого готов в любое время бросить аспирантуру...

— Так и сказал? — Сигэ поглядела на удивительно красивое в эту минуту лицо Тиэко. — Но Уэмура не собирается уходить.

— Он говорил, что попросит своего отца найти приличный дом поблизости от того, где растут белые хаги.

— Та-ак, — протянула Сигэ. — Значит, ему известно, что Такитиро хочет отойти от дел.

— Наверное, так для него будет лучше.

— И об этом тоже говорил Рюсукэ?

— Да.

— ...

— Матушка, у меня к вам просьба: позвольте подарить одно из моих кимоно девушке из деревни на Северной горе. Помните, я вам о ней говорила.

— Конечно, подари! И накидку тоже.

Тиэко отвернулась. Хотела скрыть выступившие на глазах слезы благодарности.

Почему один из видов ручного станка называют «такабата» — «высокий»? Само собой, потому что он выше обычного. Но у него есть и другая особенность: такабата ставят прямо на земле, срыв верхний слой почвы. Говорят, влага, исходящая от земли, делает нить более мягкой и эластичной. В прежние времена такабата обслуживали двое, причем один сидел на самом верху, выполняя роль противовеса. Теперь его заменила корзина с тяжелыми камнями, подвешиваемая сбоку.

В Киото есть мастерские, где используют одновременно и ручные ткацкие станки такабата, и механические.

Ткацкая мастерская Сосукэ — отца Хидэо — считалась средней в квартале Нисидзин, где было множество и совсем малюсеньких мастерских. На трех ручных станках работали Хидэо и два его младших брата. Иногда и сам Сосукэ садился за станок.

Хидэо с радостным чувством глядел на узорное тканье пояса, который заказала Тиэко. Работа близилась к концу. Он вкладывал в нее всю душу, все свое умение. В каждом движении бёрдо ему виделась Тиэко.

Нет, не Тиэко! Наэко, конечно. Ведь пояс он ткал для Наэко. Но пока он ткал, образы Тиэко и Наэко сливались в его глазах воедино.

Отец подошел к станку и некоторое время молча наблюдал.

— Хороший получается пояс, — похвалил он, — и рисунок необычный. Для кого это?

— Для дочери господина Сада.

— А эскиз?

— Его придумала Тиэко.

— Неужели Тиэко? Замечательный рисунок. — Отец пощупал край пояса, находившегося еще на станке. — Молодец, Хидэо, прочный будет пояс.

— ...

— Хидэо, мы ведь в долгу перед господином Сада. Я, кажется, тебе уже говорил об этом.

— Знаю, отец.

— Значит, рассказывал, — пробормотал Сосукэ, но все же не удержался и стал повторять давнишнюю историю: — Я ведь выбился в люди из простых ткачей. Купил наполовину в долг один станок и как изготовлю пояс, несую его господину Сада. Виданное ли дело — приносить оптовика на продажу по одному поясу. Поэтому я приходил к нему тайком, поближе к ночи, чтобы никто не заметил...

— ...

— Но господин Сада ни разу даже не намекнул, что не к лицу ему покупать по одному поясу. Ну, а потом я приобрел еще два станка... и дело пошло.

— ...

— И все же, Хидэо, у нас с Сада разное положение...

— Я это прекрасно понимаю, но к чему вы завели такой разговор? — Хидэо остановил станок и поглядел на отца.

— Похоже, тебе нравится Тиэко...

— Вот вы о чем. — Хидэо повернулся к станку и снова занялся работой.

Как только пояс был готов, он отправился в деревню, чтобы отдать его Наэко.

Солнце перевалило за полдень. В небе над Северной горой вспыхнула радуга.

Сунув под мышку сверток, Хидэо вышел на улицу и увидел радугу. Она была широкой, но неяркой, и дуга ее наверху прерывалась. Хидэо остановился и стал глядеть на нее. Радуга постепенно бледнела, потом исчезла вовсе.

Пока он добирался до деревни на автобусе, радуга появлялась еще дважды. И эти, как и та, были прерывистые и неяркие. Такие радуги часто можно увидеть.

«К счастью или к несчастью эти радуги?» — тревожно подумал Хидэо. Сегодня он был необычно взволнован.

Небо было ясное. Когда автобус въехал в ущелье, впереди повисла еще одна радуга, но Хидэо не успел ее разглядеть: радугу заслонили горы, вплотную подступавшие к реке Киётаки.

Хидэо вышел из автобуса в начале деревни. Наэко уже спешила ему навстречу, вытирая мокрые руки о передник. Она была в рабочей одежде.

В этот день Наэко трудилась у обочины дороги, где шлифовали бревна песком, добытым со дна водопада Бодай.

Октябрь только начинался, а вода из горной реки уже была обжигающе холодна. Бревна плавали в специально вырытой канаве. Рядом с ней стояла печь, на которой

грели воду в котле, время от времени подливая ее в канаву. Над котлом поднимался легкий парок.

— Добро пожаловать к нам в горы. — Девушка низко поклонилась.

— Наэко, вот обещанный вам пояс.

— Пояс, который я должна носить вместо Тиэко? Не хочу брать то, что было обещано другому.

— Но ведь я вам обещал его выткать. А рисунок сделала Тиэко.

Наэко потупилась.

— Господин Хидэо, позавчера из лавки Тиэко мне прислали множество вещей — и кимоно, и дзори¹! Но когда во все это наряжаться?

— Хотя бы двадцать второго, на Праздник эпох². Если вас, конечно, отпустят.

— Отчего же, отпустят... — уверенно сказала Наэко. — Господин Хидэо, здесь на нас все обращают внимание. Куда бы нам пойти? — Она на минуту задумалась. — Давайте к реке пойдём.

Само собой, она не могла повести Хидэо в рощу криптомерий, как тогда Тиэко.

— Ваш пояс я буду хранить всю жизнь, как самое дорогое сокровище, — прошептала она.

— Зачем же? Я с удовольствием выткну вам еще.

Наэко ничего не сказала в ответ.

Она могла бы пригласить Хидэо в дом, но не сделала этого. Хозяева, приютившие Наэко, знали, что подарки присланы ей из лавки Такитиро, и она боялась каким-либо неосторожным шагом навредить Тиэко. Она ведь догадывалась, какие чувства Хидэо испытывает к Тиэко. Хватит того, что она нашла сестру, — осуществилась мечта, которую Наэко лелеяла с детских лет.

Кроме того, Наэко считала, что она неровня Тиэко, хотя, честно говоря, семья Мурасэ, в которой она воспитывалась, владела солидным участком леса, а девушка трудилась не покладая рук, и, значит, не могло быть и речи, будто Наэко в чем-то способна навредить престижу семейства Сада, даже если об их знакомстве узнают. Да и поло-

¹ Сандалии из соломы или бамбука.

² Устраивается храмом Хэйан дзингу в память о перенесении в 794 г. столицы в Киото. Во время праздника проводится шествие, участники которого облачаются в костюмы различных исторических эпох, а также изображают известных исторических персонажей.

жение владельца участка леса, пожалуй, прочнее, чем оптового торговца средней руки.

И все же Наэко старалась не искать встреч с Тиэко. Она чувствовала, что любовь Тиэко к ней крепнет с каждым днем, и не знала, к чему это может привести...

Вот еще почему она не пригласила Хидэо в дом.

На усыпанном мелкой галькой берегу Киётаки все свободное пространство занимали посадки криптомерий.

— Простите, что привела вас в столь неподходящее место, — сказала Наэко. Как всякой девушке, ей не терпелось взглянуть на подарок.

— До чего же красивы здесь горы, поросшие криптомериями! — Хидэо не мог сдержать возгласа восхищения. Он развязал фуросики и осторожно вынул из бумажного чехла пояс.

— Этот рисунок будет на банте сзади, а этот — на поясе спереди...

— Просто чудо! — воскликнула Наэко, разглядывая пояс. — Я не заслужила такого подарка.

— Что вы?! Ведь этот пояс выткан всего лишь неопытным юнцом. Красные сосны и криптомерии, мне кажется, подходят к новогоднему кимоно: праздник ведь уже не за горами. Вначале я собирался выткать на банте одни лишь красные сосны, но Тиэко посоветовала криптомерии. И только приехав сюда, я понял, как она права. Раньше скажут — криптомерии, и я представлял себе огромные, старые деревья. А теперь... видите, я выткал их тонкими, мягкими линиями, но сбоку все же добавил несколько красных сосен, правда, немного изменил цвет.

Криптомерии тоже были изображены не совсем натуральными, но были вытканы с большой изобретательностью.

— Очень красивый, спасибо вам... Даже не представляю, когда будет случай надеть такой нарядный пояс.

— Подойдет ли он к тому кимоно, которое прислала Тиэко?

— Думаю, он будет в самый раз.

— Тиэко с юных лет научилась разбираться в хорошей одежде... Я ей даже постеснялся показать этот пояс.

— Почему? Ведь он сделан по ее рисунку... Мне бы так хотелось, чтобы она взглянула.

— А вы наденьте его на Праздник эпох, — предложил Хидэо и осторожно вложил пояс в бумажный чехол.

Завязав на чехле тесемки, Хидэо сказал:

— Примите, не отказывайтесь. Я обещал выткать его

для вас по просьбе Тиэко. Я всего лишь исполнитель, обыкновенный ткач, хотя старался сделать пояс как можно лучше.

Наэко молча приняла от Хидэо сверток и положила его на колени.

— Я уже вам говорил, что Тиэко с малолетства привыкла разбираться в кимоно, и уверен, что к тому, которое она вам прислала, пояс подойдет как нельзя лучше.

— ...

Они сидели на берегу, прислушиваясь к негромкому шуму воды, перекатывавшейся через отмели реки Киётаки.

— Криптомерии выстроились в ряд словно игрушечные, а листья на их вершинах напоминают простые, неяркие цветы, — сказал Хидэо.

Наэко погрузилась в мысли. Она вспомнила о погибшем отце. Наверное, он, обрубая ветки на криптомериях и перебираясь с одной вершины на другую, с болью в сердце вспоминал о подкинутой им малютке Тиэко и оступился... Наэко тогда ничего еще не понимала. Лишь много-много лет спустя, когда она выросла, в деревне ей рассказали об этом.

Как зовут сестру, жива ли она, кто из них, двойняшек, родился первой, — ничего этого она не знала. Все эти годы Наэко мечтала: если суждено им встретиться, хоть одним бы глазком поглядеть на свою сестру.

Жалкий полуразвалившийся домишко ее родителей до сих пор стоит в деревне. Жить там одной было невмоготу. И она отдала его пожилым супругам, многие годы ошкуривавшим здесь бревна. У них была девочка, ходившая в начальную школу. Никакой платы Наэко с них не требовала, а купить такую развалюху вряд ли бы кто согласился.

Та девочка очень любила цветы, иногда заходила к «стрице Наэко» и расспрашивала, как ухаживать за чудесной душистой маслиной, которая росла у дома.

— Не обращай на нее внимания, пусть растет сама по себе, — обычно отвечала Наэко. И все же, проходя мимо дома, она еще издали ощущала запах душистой маслины, но он не радовал ее, скорее печалил...

Когда Наэко положила на колени сверток с поясом, она вдруг почувствовала, как они отяжелели. По разным причинам...

— Господин Хидэо, я наконец отыскала Тиэко — и больше мне ничего не нужно. Думаю, отныне мне с ней не

следует встречаться. Кимоно и пояс я надену только один раз... Надеюсь, вы поймете меня...

— Да, — ответил Хидэо. — А на Праздник эпох все-таки приходите: я хочу увидеть вас в этом поясе. Тизэко я не позову. Буду ждать вас у Западных ворот Хамагури — там, где праздничная процессия выступает от императорского дворца.

Наэко согласно кивнула, щеки ее порозовели от смущения.

На том берегу у самой воды росло маленькое деревцо. Листья его, начавшие уже краснеть, отражались в реке.

— Как называется то деревцо с ярко-красными листьями? — спросил Хидэо, глядя на Наэко.

— Это сумах, лаковое дерево, — ответила девушка и в свой черед поглядывала на Хидэо. Непослушными руками она стала поправлять волосы. А они вдруг рассыпались и черной волной упали ей на спину.

— Ой, — вскрикнула девушка и густо покраснела. Держа шпильки во рту, она стала приводить волосы в порядок, но это ей никак не удавалось: должно быть, несколько шпилек упало на землю.

Хидэо с восхищением глядел на распущенные волосы Наэко, на женственную мягкость движений ее рук, поправлявших прическу.

— Какие длинные у вас волосы, вы их нарочно отпускаете? — спросил он.

— Да. У Тизэко тоже длинные. Просто она умело их укладывает — вот мужчинам и невдомек... Извините, пожалуйста. — Наэко поспешно стала наматывать на голову полотенце¹.

— ...

— Вот, на бревна навожу лоск, а себя привести в порядок некогда.

Тем не менее Хидэо заметил, что губы Наэко были слегка подкрашены. Ему вдруг захотелось, чтобы девушка сняла с головы полотенце и снова распустила свои чудные черные волосы, но попросить об этом, конечно, не решился. Наэко, должно быть, это почувствовала и туже затянула полотенце.

Горы, подступавшие с запада к узкому руслу реки, потемнели.

¹ В присутствии гостя не принято наматывать на голову полотенце, напротив, его надо снимать.

— Наэко, вам уже, наверное, пора, — сказал Хидэо, поднимаясь с земли.

— На сегодня моя работа закончена... Дни уже стали так коротки...

Хидэо заметил, как на вершинах гор, подступавших к реке с востока, золотисто-розовый цвет вечерней зари окрасил просветы между стройными стволами криптомерий.

— Большое, большое спасибо вам, господин Хидэо, — сказала Наэко, вставая.

— Благодарите Тиэко, — ответил Хидэо и в тот же миг почувствовал, как в его душе поднимается теплое чувство радости оттого, что он выткал пояс для этой деревенской девушки. — Простите за навязчивость, но обещайте мне прийти на Праздник эпох. Буду ждать вас у Западных ворот, у Западных ворот Хамагури.

— Непременно приду. — Наэко низко склонила голову. — Правда, неудобно как-то впервые вырядиться в новое кимоно и пояс.

В Киото, изобилующем множеством празднеств, Праздник эпох, как и Праздник мальвы, и праздник Гион, — один из трех главных праздников древней столицы. Это праздник храма Хэйан дзингу, но сама торжественная процессия начинается от императорского дворца.

Наэко с самого утра не находила себе места и пришла к Западным воротам Хамагури за полчаса до условленного срока. Там, в тени ворот, она ожидала Хидэо. Наэко впервые в жизни ждала мужчину.

К счастью, дождя не было, и над головой простиралось безоблачное синее небо.

Храм Хэйан дзингу воздвигнут в тысяча восемьсот девяносто пятом году в честь тысяча сотой годовщины перенесения столицы в Киото, и Праздник эпох по сравнению с двумя другими главными празднествами отмечается, в общем, с недавнего времени. Участники процессии показывают зрителям, как менялись нравы и обычаи города на протяжении тысячи с лишним лет. На них можно увидеть одежды разных эпох, многие изображают известных в народе исторических личностей и персонажей.

Здесь Кадзуномия и Рэнгэцу, куртизанка Ёсино и Окуни из Идзумо, Ёдогими и дама Токива, Ёкобуэ, дама Томоэ и дама Сидзука, Оно-но Комати, Мурасаки Сикибу и

Сэй Сёнагон¹, торговки вразнос древесным углем и свежей рыбой, женщины из веселых кварталов и актеры.

Но кроме прославленных женщин в процессии можно увидеть Масасигэ Кусуноки, Нобунага Ода², Хидэёси Тоётоми, множество придворных аристократов и воинов.

Женщины начали участвовать в процессии с тысяча девятьсот пятидесятого года. Это придало празднеству новый блеск и очарование.

Возглавляют процессию воины императорской гвардии начала эпохи Мэйдзи и горные стрелки из Тамба, а завершают ее чиновники в одеждах эпохи Энряку³. По возвращении в храм Хэйан дзингу участники процессии возглашают перед императорской колесницей с золотым фениксом норито — древние молитвенные заклинания.

На праздничную процессию лучше всего глядеть с площади перед императорским дворцом, откуда она начинается. Именно там Хидэо и назначил свидание Наэко.

Через ворота, в тени которых она ожидала Хидэо, проходило множество людей, спешивших на праздник, и никто не обращал на нее внимания. Правда, одна пожилая женщина, по-видимому владелица лавки, подошла к Наэко и сказала:

— Барышня, до чего же хорош у вас пояс и так подходит к кимоно. Где изволили приобрести его? Разрешите... — Она пощупала пояс. — Позвольте взглянуть на бант сзади. — Наэко повернулась к ней спиной. — Изумительно! — воскликнула женщина, разглядывая рисунок на банте. Наэко впервые нарядилась в новые кимоно и пояс,

¹ Кадзуномия (1846–1877) — супруга феодального правителя Иэсигэ Токугава. Рэнгэцу (1791–1875) — поэтесса позднеэдоского периода, уроженка Киото. Окуни из Идзумо (?–1607) — основательница театра Кабуки. Ёдогими (1567–1616) — наложница полководца Хидэёси Тоётоми (1536–1598). Дама Токива — любимая жена феодального правителя Ёситомо Минамото (1123–1160). Ёкобуэ (XII в.) — одна из героинь средневековой «Повести о доме Тайра». Дама Томоэ — наложница феодального правителя Ёсинака Минамото (1154–1184). Дама Сидзука — наложница феодального правителя Ёсидунэ Минамото (1159–1189). Оно-но Комати (середина IX в.) — поэтесса раннехэйанского периода. Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI в.) — писательница среднехэйанского периода. Ее роман «Повесть о Гэндзи» пользуется всемирной известностью. Сэй Сёнагон (ок. 978 — ок. 1014) — писательница среднехэйанского периода. Прославилась своими «Записками у изголовья».

² Масасигэ Кусуноки (1294–1336) — известный полководец XIV в. Нобунага Ода (1534–1582) — известный полководец XVI в.

³ Эпоха Энряку (782–806) — годы правления императора Камму.

и это ее смущало, но расспросы и похвала почтенной женщины успокоили девушку.

Появился Хидэо.

— Извините, что заставил вас ждать.

Ближайшие к императорскому дворцу места были заняты членами храмовой общины или зарезервированы туристским бюро. Хидэо и Наэко устроились чуть подалеже — там, где сидела обыкновенная публика.

Наэко впервые наблюдала процессию с такого удобного места. Забыв и о своем новом наряде, и о стоявшем рядом Хидэо, она не отрываясь глядела на процессию.

Потом обернулась к Хидэо и вдруг заметила, что он глядит куда-то вверх голов.

— Господин Хидэо, куда это вы смотрите? — удивленно спросила она.

— На зеленые сосны. Ну и на процессию тоже. На фоне зеленых ветвей она кажется еще более красочной. Знаете, Наэко, я очень люблю эти сосны в большом дворцовом саду.

— Я и на вас глядел краем глаза, но вы не обратили внимания.

— Не говорите так, — прошептала Наэко, потупившись.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. СЕСТРЫ

Праздник огня в храме на горе Курама, посвященный изгнанию злых духов, нравился Тизэко больше, чем праздник Даймондзи. Наэко тоже бывала на Празднике огня, ведь его устраивали неподалеку от ее деревни, но с Тизэко они там ни разу не встретились, а может, они просто не обратили друг на друга внимания.

Вдоль домов по дороге в храм устраивают из веток изгороди, а крыши поливают водой во избежание пожара.

В полночь с криками «Сайря, сайрё!»¹ к храму направ-

¹ Счастливого праздника!

ляется факельное шествие. Из храма выносят два священных ковчега, которые на длинных веревках тянут за собою женщины из соседней деревни (теперь она в черте города). Затем у храма зажигают главный факел, и праздник длится до рассвета.

Однако в нынешнем году Праздник огня решено было не устраивать ради экономии. Зато Праздник рубки бамбука провели как обычно.

Не было и Праздника сладкого картофеля, который устраивает храм Китано. Объясняли это неурожаем — мол, не оказалось картофельной ботвы для украшения ковчега.

Киото славится и такими праздниками, как Праздник подношения тыква, устраиваемый храмом Анракуёдзи, и множеством других. Они связаны, по-видимому, с некоторыми обычаями Киото и его жителей.

В последние годы возродились празднества Карёбинга¹, когда по реке близ Арасияма пускают лодки с резной головой дракона на носу, и Кёкусуй-но эн — у ручья, протекающего в саду храма Камигамо. То и другое связано с изысканными забавами вельмож далекого Хэйанского времени.

Кёкусуй-но эн означает — Пиршество у извилистого ручья. Гости в старинных одеждах располагаются вдоль ручья, по которому пускают деревянные чашечки с сакэ. Пока чашечка плывет к очередному гостю, он должен сочинить стихотворение или нарисовать картинку, выпить из чашечки сакэ и пустить ее по воде к следующему гостю. Обслуживают такое пиршество юные отроки.

В минувшем году Тизэ ходила поглядеть на Пиршество у извилистого ручья. Тогда среди гостей, нарядившихся в старинные одежды придворных аристократов, был и поэт Исаму Ёсии² (ныне он уже покинул этот мир).

Забава эта кажется чуждой, непривычной — может, потому, что ее возродили совсем недавно.

Тизэ не пошла поглядеть на возрожденный праздник Карёбинга: в нем тоже не чувствовалось прелести старины. В Киото и без того множество чудесных старинных празднеств.

То ли Сигэ приучила Тизэ к труду, то ли у девушки это

¹ Мифическая райская птица, обладающая сказочно красивым голосом.

² Исаму Ёсии (1886—1960) — японский поэт и драматург, широкую известность приобрела его «Песнь о Гион».

было в крови от рождения, но она всегда просыпалась рано и первым делом тщательно вытирала пыль с деревянной решетки.

В тот день не успела Тиэко убрать посуду после завтрака, как позвонил Синьити.

— Кажется, вы с неким молодым человеком весело провели время на Празднике эпох, — посмеиваясь, сказал он. Тиэко сразу поняла, что на этот раз ее с Наэко перепутал Синьити.

— Вы тоже там были? Отчего же не окликнули?

— Я-то хотел, да брат не позволил, — простодушно отозвался Синьити.

Тиэко не решилась сказать Синьити, что он принял за нее другую девушку. Значит, Наэко ходила на Праздник эпох и на ней были присланное из лавки кимоно и пояс, который выткал Хидэо.

Тиэко ни минуты не сомневалась, что с девушкой был Хидэо. Она не ожидала, что Хидэо так сразу пригласит Наэко на праздник. Но у нее потеплело на душе, и она улыбнулась.

— Тиэко, Тиэко! Почему вы молчите? — слышался в трубке голос Синьити.

— Насколько я понимаю, это вы позвонили мне — вот и говорите.

— А ведь верно! — воскликнул Синьити и рассмеялся. — Скажите, там рядом с вами нет приказчика?

— Нет, он еще не появлялся в лавке.

— Вы случайно не простудились?

— Разве у меня охрипший голос? Хотя может быть: я выходила на улицу вытереть пыль с решетки.

— Что-то опять плохо слышно... — Синьити, по-видимому, тряс трубку.

Тиэко весело рассмеялась.

— Тиэко, вы меня слышите? — Синьити понизил голос: — Дело в том, что брат попросил меня позвонить вам, передаю ему трубку...

С Рюсукэ Тиэко не могла позволить себе разговаривать в таком легкомысленном тоне.

— Тиэко, вы говорили с приказчиком? — первым делом спросил Рюсукэ.

— Да.

— Молодец! — громко сказал Рюсукэ и повторил: — Молодец!

— А он пожаловался матери.

— Само собой.

— Я сказала ему: хочу, мол, получить нашему делу... И попросила показать конторские книги.

— Прекрасно! Важно уже одно то, что вы сказали ему об этом.

— И еще заставила вынуть из сейфа и дать мне на просмотр сберегательные книжки, акции и ценные бумаги.

— Тиэко, вы просто молодчина! А производите впечатление такой тихой, мягкосердечной барышни.

— Но ведь это вы меня научили...

— Я посоветовал вам потому, что среди соседей-оптовиков пошли странные слухи, и я уж про себя решил: если вы постесняетесь, это сделает мой отец или я. К счастью, вы поговорили с ним сами. Как он? Переменился после вашего разговора?

— Да, почему-то стал вести себя по-другому.

— Иначе и не могло быть. — Рюсукэ помолчал, потом добавил: — Вы правильно поступили.

Тиэко почувствовала, будто там, на другом конце провода, Рюсукэ хочет сказать что-то еще, но не решается.

— Тиэко, я не помешаю, если во второй половине дня зайду в вашу лавку... вместе с Синъити?.. — произнес он наконец.

— Не в моей власти вам запретить... Зачем спрашивать разрешения?

— Но ведь в доме — молодая барышня...

— Не говорите так. Мне неприятно...

— В таком случае я приду, когда приказчик будет еще в лавке. Уверяю вас, я не доставлю вам никакого беспокойства, но все же хочу собственными глазами взглянуть на эту личность, — рассмеялся Рюсукэ.

— Вы?! — удивилась Тиэко.

Отец Рюсукэ считался крупным оптовиком в районе Муромати, и среди его друзей было немало влиятельных торговцев. Сам же Рюсукэ, хоть и занимался наукой, проявлял интерес и к торговому делу отца.

— Как вы смотрите на то, чтобы полакомиться черепахой? — переменял разговор Рюсукэ. — Давайте поужинаем в ресторане «Дайити», что в Китано. С моей стороны было бы чересчур дерзко пригласить и ваших родителей, поэтому прошу только вас составить компанию — мне и нашему «послушничку».

— Хорошо, — смогла лишь выдать из себя оробевшая Тиэко.

Минуло уже более десяти лет, как Синъити в роли послушника восседал на ковчеге во время праздника Гион,

а Рюсукэ до сих пор поддразнивал его, называя «наш послушничек». Наверное, за мягкость характера и красоту, которой позавидовали бы и женщины.

— Звонил Синъити, сказал, что сегодня днем они зайдут к нам с Рюсукэ, — сказала Тиэко матери.

— Вот как? — Для Сигэ, по-видимому, это было неожиданностью.

После полудня Тиэко поднялась к себе и слегка, но тщательно подкрасилась. Она расчесала волосы и долго их укладывала, но прическа не получилась такой, как она хотела. Затем она стала примерять кимоно и никак не могла решить, на каком остановиться.

Когда она спустилась, наконец, вниз, отца не было: наверно, отлучился по делам.

Тиэко поправила огонь в жаровне и оглядела гостиную. Выглянула и в сад. Мох на стволе старого клена был еще зеленым, но листья на кустиках фиалок уже начали желтеть.

На камелии возле христианского фонаря распустились алые цветы. Цветы камелии были ей милее, чем пунцовые розы.

Войдя в дом, братья первым делом вежливо поклонились матери, после чего Рюсукэ один направился к конторке, за которой сидел приказчик.

Уэмура поспешно вышел из-за конторки и долго, чересчур долго кланялся Рюсукэ. Тот вежливо ответил на приветствие, хотя лицо его было угрюмым, что Уэмура не преминул заметить.

Чего ему от меня надо — этому студенту? — подумал про себя Уэмура, однако понял: следует быть настороже.

Дождавшись, когда приказчик на минуту умолк, чтобы перевести дух, Рюсукэ спокойно сказал:

— Похоже, ваша торговля процветает.

— Как говорится: вашими молитвами.

— Вот и отец мой говорил: все это благодаря тому, что у господина Сада опытный приказчик.

— Спасибо на добром слове, но разве можно нашу лавку сравнить с торговым домом Мидзуки?

— Ошибаетесь, мы за все хватаемся, а на самом деле наш магазин — обычная мелочная лавка. Мне такое ведение дела не по душе. К сожалению, солидных торговых домов, как ваш, становится все меньше...

Пока Уэмура собирался с ответом, Рюсукэ повернулся к нему спиной и направился в гостиную, где его ожидали

Тиэко и Синъити. Уэмура проводил его встревоженным взглядом. Он сразу догадался, что между просьбой Тиэко показать бухгалтерские книги и сегодняшним посещением Рюсукэ существовала какая-то связь.

Когда Рюсукэ вошел в гостиную, Тиэко вопросительно поглядела на него.

— Госпожа Тиэко, с вашего позволения я чуть-чуть испортил настроение приказчику.

Тиэко молча потупилась и стала заваривать для Рюсукэ чай.

— Брат, взгляни на фиалки в саду — они устроились на стволе старого клена. Их два кустика, и Тиэко уже давно сравнивает их с несчастными влюбленными... Они совсем рядом, а соединиться никогда не смогут...

— Вижу.

— Женщины любят все трогательное.

— Как вам не стыдно, Синъити. — Она поставила перед Рюсукэ чашку свежесваренного чая. Ее руки едва заметно дрожали.

В ресторан они поехали на машине, принадлежавшей торговому дому Мидзуки. «Дайити» был старомодным рестораном, популярным и среди приезжих. Их ввели в зал с низким потолком и обшарпанными стенами.

Сначала подали суп с черепашим мясом, потом в оставшийся бульон добавили рис и овощи.

Тиэко ощутила, как мягкое тепло разливается по ее телу, она даже немного захмелела.

Лицо и шея Тиэко порозовели. Розовый цвет придавал особую прелесть ее юной, без единого изъяна белоснежной шее. Глаза девушки заблестели, время от времени она проводила по щеке рукою.

Тиэко, разумеется, даже не пригубила свою чашечку с сакэ, но она не знала, что черепаший бульон наполовину состоял из сакэ.

Когда они вышли на улицу, где их ждала машина, Тиэко почувствовала, что ноги не слушаются ее. Ей сделалось весело, слова с удивительной легкостью слетали с губ.

— Послушайте, Синъити! — Она повернулась к младшему брату. Перед ним она не робела. — На Празднике эпох с молодым человеком была не я. Вы, верно, глядели издалека и обознались.

— Экая вы скрытная! — Синъити рассмеялся.

— Мне нечего скрывать. — Тиэко запнулась. — Честно говоря, та девушка, которую вы приняли за меня, — это моя сестра.

— Не может быть! — Синъити недоверчиво поглядел на Тиэко.

— Да, вы видели не меня, а мою сестру. Мы... — Тиэко умолкла, потом решительно тряхнула головой и сказала: — Мы с ней двойняшки...

Об этом Синъити слышал впервые.

Некоторое время все трое молчали.

— Но из нас двоих подкинули меня, — заключила Тиэко.

Когда они ходили к храму Киёмидзу любоваться цветами вишни, Тиэко призналась Синъити, что она подкидыш. Тот, наверное, рассказал об этом Рюсукэ. Да и промолчи он, Рюсукэ без труда мог услышать об этом от соседей.

— Пусть все, что вы говорите, — правда, я был бы счастлив, если бы малютку Тиэко оставили у нашего дома... Да, лучше бы вас подкинули у нашего дома, — задумчиво повторил Рюсукэ.

— Братец! — засмеялся Синъити. — Не забывай, что Тиэко, когда ее подкинули, была не взрослой девушкой, а грудным младенцем.

— Пусть младенцем, все равно я хотел бы, чтобы ее оставили у нашего дома.

— Брат, ты говоришь это потому, что видишь Тиэко такой, какая она теперь.

— Ошибаешься.

— Господин Сада много лет с любовью растил и воспитывал малютку, пока она превратилась в нынешнюю Тиэко, — сказал Синъити. — А в то время ты и сам был несмышленным мальчуганом. Скажи, разве смог бы такой мальчишка ухаживать за грудным младенцем?

— Смог бы, — решительно ответил Рюсукэ.

— Ясно! Тебя ведь не переупрямить. Разве ты когда-нибудь признавался в своей неправоте?

— А я и не настаиваю, но все же я с радостью занялся бы воспитанием малютки Тиэко. Думаю, мать бы мне помогла.

Хмель Тиэко как рукой сняло. Она побледнела.

Осенний фестиваль танцев в Китано длится полмесяца. В канун последнего дня фестиваля Такитиро отправился в концертный зал Китано. Он пошел один, хотя ему прислали несколько входных билетов. Такитиро не хотел никого брать с собой. Раньше он после этого отправлялся с

друзьями развлечься, но последнее время подобные развлечения стали ему в тягость.

Перед началом Такитиро заглянул в чайный домик. Рядом с ним присела незнакомая гейша — наверное, наступил ее черед обслуживать гостя.

Сбоку выстроились семь или восемь девочек, которые помогали разносить блюда и напитки. На девочках были одинаковые розовые кимоно с длинными рукавами. И только на одной — голубое. Такитиро остановил на ней взгляд и едва сдержал возглас удивления. Лицо девочки было тщательно подкрашено, но он сразу ее узнал: она ехала в том самом трамвае «Динь-динь» вместе с хозяйкой чайного домика. Почему только на ней голубое кимоно, может, ее черед обслуживать? — подумал Такитиро.

Девочка в голубом принесла чай и поставила перед Такитиро. На ее лице застыло серьезное выражение. Ни тени улыбки. Как и положено.

Но у Такитиро сразу посветлело на душе...

На этот раз в зале Китано исполняли «Губи дзинсо» — танцевальную пьесу в восьми картинах. Эта пьеса, повествующая о трагической любви Сян Юй и Юй Цзи, хорошо известна. В первой картине Юй Цзи пронзает себе грудь мечом и, прислушиваясь к звукам песни о родной стороне Цу, умирает, тоскуя по родине, на руках Сян Юй. А тот находит смерть в бою. Затем место действия переносится из Китая в Японию. Главные герои этой сцены — Наодзанэ Кумагаи, Ацумори Тайра и принцесса Тамаорихимэ. Кумагаи, убивший Ацумори, приходит к мысли о бессмысленности быстротечной жизни. Он покидает родной дом и отправляется к месту бывшего сражения, чтобы прочитать заупокойную молитву по Ацумори. Пока он произносит слова молитвы, вокруг могилы Ацумори распускаются полевые маки. Слышатся звуки флейты. Появляется дух Ацумори и просит Кумагаи отдать их семейную «Зеленую флейту» в храм Куродани. Возникает дух Тамаорихимэ и просит поднести к алтарю Будды распустившиеся на могиле красные маки.

По окончании пьесы были исполнены веселые современные танцы «в стиле Китано».

Здесь, в Верхнем квартале семи заведений, господствовала танцевальная школа Ханаяги в отличие от школы Иноуэ, которая процветала в районе Гион.

Выйдя из концертного зала, Такитиро вернулся в тот же старомодный чайный домик, куда заглянул перед представлением, и тихо сел в углу.

— Кого желаете пригласить? — сразу подошла к нему хозяйка заведения.

— Позови ту, которая укусила гостя за язык... И девочку в голубом.

— А, ту, которую вы видели в трамвае «Динь-динь»? Позову, но при условии, что вы только обменяетесь приветствиями и ничего больше.

К тому времени когда появилась гейша, Такитиро уже изрядно захмелел. Он демонстративно встал и вышел в коридор. Гейша последовала за ним.

— Прямо сейчас укусишь? — шутливо спросил он.

— Значит, запомнили? Не беспокойтесь, не укушу. Не верите? Высуньте-ка язык.

— Страшно!

— Да не бойтесь же!

Такитиро высунул язык. Гейша осторожно дотронулась до него мягкими теплыми губами и втянула в себя.

— Ты испорченная женщина. — Такитиро легонько похлопал ее по спине.

— Разве я совершила что-то плохое?

Такитиро захотелось прополоскать рот, но гейша стояла рядом, при ней это было неудобно.

Поведение гейши показалось Такитиро чересчур смелым, хотя вроде бы и не таило в себе определенного намека. Так, по крайней мере, решил он. Эта молодая гейша не была ему неприятна, и в ее озорстве он ничего непристойного не находил.

— Погодите. — Гейша остановила собиравшегося было вернуться в гостиную Такитиро.

Она вытащила носовой платок и тщательно вытерла ему губы. На платке остались следы помады. Гейша приблизилась к нему вплотную и внимательно оглядела его лицо.

— Теперь все в порядке, — сказала она.

— Спасибо... — Такитиро мягко опустил руки на ее плечи и вернулся на свое место.

Гейша задержалась перед зеркалом, чтобы привести себя в порядок.

В гостиной никого не было, и Такитиро выпил несколько чашечек остывшего сакэ, прополаскивая им рот.

И все же запах то ли самой гейши, то ли ее духов не исчезал. Такитиро смутно ощутил прилив молодых сил, какого давно уже не испытывал.

Игривая шутка гейши застала его врасплох, и он не сумел ею воспользоваться. Наверное, потому, что редко теперь развлекается с молоденькими женщинами.

А в этой двадцатилетней гейше есть какая-то изюминка, подумал Такитиро.

Вошла хозяйка. Она привела девочку в голубом кимоно.

— Вы хотели видеть ее. Не забывайте о нашем условии. Учтите, она еще малолетка.

Такитиро внимательно поглядел на девочку.

— Вы угостили меня сегодня чаем... — начал он.

— Да, — без особого смущения, как и положено девочке из чайного домика, ответила она. — Я подумала: ведь это тот самый господин — и позволила себе принести вам чаю.

— Вот оно что... Спасибо тебе... Ты, оказывается, меня не забыла?

— Нет, запомнила.

Вошла гейша.

— Господину Сада очень понравилась Тий-тян, — сказала ей хозяйка.

— Вот как? — Гейша поглядела на Такитиро. — У вас хороший вкус, господин Сада. Только придется три года подождать. К тому же на будущий год весной Тий-тян отправится в квартал Бонто.

— В Бонто? Это зачем?

— Учиться танцам. Девочка мечтает стать танцовщицей.

— Понимаю, но не лучше ли учиться танцам в Гион?

— Дело в том, что в Бонто живет ее тетушка.

Такитиро разглядывал девочку и думал: куда бы она ни пошла учиться, из нее обязательно выйдет первоклассная танцовщица.

Кооперация ткачей Нисидзин предприняла решительные, доселе неслыханные действия: предложила всем ткацким мастерским на восемь дней — с двенадцатого по девятнадцатое ноября — остановить станки. На деле работа была приостановлена только на шесть дней — двенадцатое и девятнадцатое падали на воскресенье.

Причины тут были разные, но в первую очередь — экономические. Возникло перепроизводство, на складах скопилось свыше ста тысяч тан¹ тканей. Надо было первым делом куда-то пристроить эти излишки и заключить

¹ Мера длины, 10,6 м.

новые сделки на более выгодных для ткачей условиях. Кроме того, последнее время возникли сложности с кредитами.

С осени прошлого года по весну нынешнего одна за другой обанкротились многие оптовые фирмы, скупавшие ткани для кимоно, которые изготавливались в Нисидзин.

Остановка на восемь дней ткацких станков означала сокращение производства на восемьдесят-девять тысяч тан. Тем не менее шаг этот принес в конце концов успех.

Даже мелкие ткачи-надомники, которых особенно много в кварталах Кия и Ёко, откликнулись на призыв кооперации.

Крошечные мастерские ютятся в тесных одноэтажных домишках, а если какие и в два этажа, то с очень низким потолком. Особенно жалкий вид у мастерских квартала Ёко, откуда с утра до поздней ночи доносится шум ткацких станков — чаще не своих, а взятых в аренду.

Только тридцать ткачей просили разрешения не прекращать работу, поскольку это грозило их семьям голодом.

В мастерской Хидэо ткали исключительно пояса для кимоно. На высоких станках — такабата приходилось и днем работать при электрическом свете, хотя помещение мастерской было сравнительно светлое. Но жилая часть дома была убога, в кухне не хватало самой необходимой утвари. Трудно даже представить, где домочадцы отдыхают после работы, где они спят.

Хидэо был упорен в ткачестве, вкладывал в него душу, обладая при этом недюжинным талантом. Но не легко и не просто целыми днями просиживать на узкой доске за станком, и Хидэо, должно быть, заработал немало синяков и мозолей.

Тогда, на Празднике эпох, он глядел не столько на красочную процессию, сколько любовался зеленым нарядом сосен в просторном дворцовом саду, наверное, потому, что это отвлекало его от повседневной жизни. Трудно сказать, поняла ли его Наэко — ведь она трудилась на природе, среди гор...

С того дня, как Наэко пришла на праздник в сотканном им поясе, Хидэо с еще большим рвением отдавался работе...

С тех пор как Рюсукэ пригласил Тиэко в ресторан «Дайити», она стала часто задумываться. Нельзя сказать,

что она так уж страдала, но все же ее задумчивость была вызвана какими-то переживаниями.

А в Киото уже полным ходом готовились к новомуднему празднику.

Погода стала переменчивой, как это бывает здесь с наступлением зимы. С ясного неба вдруг начал сыпать мелкий дождик, и капли его сверкали в лучах солнца. Дождь сменялся мокрым снегом, потом снова прояснялось... и следом небо опять заволакивало тучами.

Подготовка к встрече нового года в Киото начинается с тринадцатого декабря. По давнишнему обычаю все ходят друг к другу в гости и обмениваются подарками.

Обычай этот с особой тщательностью соблюдается в веселых кварталах Гион.

Гейши и танцовщицы-маико отправляют слуг с круглыми рисовыми лепешками к хозяйкам чайных домиков, покровительством которых они пользовались в уходящем году, к учителям песен и танцев, к старшим гейшам. Затем гейши сами наносят визиты, поздравляют своих благодетелей с наступающим годом, желают здоровья и выражают надежду, что те и впредь не оставят их своим вниманием.

Красочное зрелище нарядно одетых гейш, наносящих визиты, в эти дни создает праздничную атмосферу в Гион задолго до кануна нового года.

Но в том районе, где жила семья Такитиро, праздничного настроения еще не чувствовалось.

После завтрака Тиэко поднялась к себе, чтобы заняться утренним туалетом, но руки ее не слушались. Она то и дело задумывалась о чем-то.

Слова Рюсукэ по-прежнему будоражили ее сердце. «Я был бы счастлив, если бы малютку Тиэко оставили у нашего дома», — сказал тогда он в ресторане, и смысл этих слов был слишком ясен.

Синъити дружил с Тиэко с детских лет. Эта дружба продолжалась и в школе. Тиэко знала: Синъити влюблен в нее, но она знала также, что он никогда не осмелится вести себя с нею, как его старший брат. Когда Рюсукэ заговаривал с Тиэко, у нее буквально останавливалось дыхание.

Она тщательно расчесала свои длинные волосы, откинула их на спину и сошла вниз.

Во время завтрака из деревни позвонила Наэко:

— Барышня, мне нужно с вами повидаться.

— Здравствуйте, Наэко, как приятно слышать ваш голос... Давайте встретимся завтра — вы сможете?

- Я готова в любое время...
- Приходите тогда к нам в лавку.
- Мне бы этого не хотелось.
- Я рассказала о вас матери, отец тоже знает.
- Но там, наверное, будут служащие.
- Хорошо, я приеду к вам, – сказала Тиэко после минутного раздумья.
- Я буду очень рада, хотя у нас уже холодно...
- Это ничего. Я так хочу полюбоваться криптомериями...
- Одевайтесь потеплее – может быть дождь. Правда, нетрудно развести костер, но все же... Я сейчас работаю у самой дороги и сразу увижу вас.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Тиэко впервые надела спортивные брюки и толстый свитер.

Такитиро был дома, и Тиэко присела перед ним на циновки, прежде чем отправиться к Наэко.

– Собираешься в горы? – спросил Такитиро, разглядывая ее необычный наряд.

– Да... Та девушка с Северной горы попросила с ней встретиться, хочет о чем-то со мной поговорить.

– Вот как?.. Послушай, Тиэко, – решительно сказал Такитиро. – Если с ней случилась какая-то беда, приведи ее к нам... Я готов удочерить ее.

Тиэко потупилась.

– Мне и моей старухе будет веселее, если у нас станет две дочери.

– Спасибо, отец, большое спасибо. – Тиэко низко поклонилась, теплые слезы благодарности скатились по ее щекам.

– Мы с любовью воспитывали тебя с младенческих лет и к этой девушке будем относиться так же. Наверное, она такая же хорошая, как и ты. Приведи ее обязательно. Лет двадцать тому назад к двойняшкам относились с предубеждением, но теперь уже на это смотрят иначе... Эй, Сигэ, поди-ка сюда, – позвал он жену.

– Отец, от всей души благодарю вас, но только эта

девушка, Наэко, никогда не согласится у нас остаться, — сказала Тиэко.

— Это почему же?

— Она боится помешать хоть чем-то моему счастью.

— Отчего это должно помешать?

— ...

— Отчего это должно помешать? — повторил Такитиро, удивленно наклонив голову.

— Я ей сказала, что отец и матушка обо всем знают, и просила прийти к нам... но она боится, что увидят служащие из лавки или соседи, — прошептала Тиэко со слезами в голосе.

— При чем тут служащие? — Такитиро сердито повысил голос.

— Вы правы, отец, но позвольте на этот раз поехать мне.

— Поезжай, — Такитиро кивнул, — и передай этой девушке... Наэко то, о чем я тебе сказал.

— Хорошо, отец. — Тиэко пристегнула к плащу капюшон, а на ноги натянула резиновые сапожки.

Ясное с утра небо нахмурилось. Наверно, на Северной горе идет дождь, а может, и снег, подумала девушка, глядя в ту сторону.

Тиэко села в автобус, принадлежащий государственным железным дорогам.

До Северной горы ходят два автобуса: городской и государственных железных дорог. Маршрут первого оканчивается у горного перевала на северной окраине нынешнего Киото, второй же продолжается значительно дальше — до Кохама в префектуре Фукуи.

Пассажиров в автобусе было немного — наверное, потому, что наступила зима.

Двое молодых людей чересчур внимательно стали разглядывать Тиэко. Это было ей неприятно, и она накинута на голову капюшон.

— Барышня, не скрывайте от нас свое прелестное лицо. — Голос одного из них был не по возрасту хриплым.

— Как тебе не стыдно, замолчи! — одернул его сосед.

На человеке, который обратился к Тиэко, были наручники. Что за преступление он совершил? Куда везет его сосед, полицейский, должно быть? — подумала Тиэко.

Она все же откинула капюшон.

Автобус прибыл в Такао. Красные листья с кленов уже облетели, на голые ветви опустилась зима.

Наэко ожидала Тиэко на остановке у водопада Бодай.

На мгновение она растерялась, увидев необычный наряд Тиэко, но сразу узнала ее.

— Барышня, добро пожаловать в наше горное захолустье, — радостно воскликнула Наэко.

— Не такое уж захолустье, — ответила Тиэко и, не снимая перчаток, сжала руки Наэко. — Я так рада снова здесь побывать, и спасибо вам за ту встречу летом в роще криптомерий.

— За что же благодарить?.. Я ведь тогда ужасно боялась: вдруг на нас упадет молния.

— Наэко, — обратилась к ней Тиэко, идя рядом по дороге. — Я очень рада, что вы позвонили мне. О чем вы хотели со мной поговорить?

Наэко замялась, не решаясь сразу ответить. На ней была обычная рабочая одежда, голова повязана полотенцем.

— Что все-таки случилось? — настаивала Тиэко.

— Хидэо предложил мне выйти за него замуж. А я... — Девушка споткнулась и ухватилась за Тиэко, чтобы не упасть.

Тиэко обняла ее за плечи.

Она впервые ощутила, какое плотное, сильное у Наэко тело. Тогда, во время летней грозы, она была так напугана, что не обратила на это внимания.

Наэко быстро справилась с волнением, но не торопилась высвободиться: ей, должно быть, было приятно ощущать ласковую руку Тиэко на своих плечах.

Им предстоит еще не раз искать друг у друга опоры, но сейчас они шли, еще ничего об этом не ведая.

— Так что же вы ответили Хидэо?

— Я... я не могла так вот сразу дать ответ.

— ...

— Хидэо познакомился со мной, приняв меня за вас, Тиэко. Правда, теперь он просит руки именно у меня, но где-то в глубине души он все еще хранит ваш образ.

— Вы ошибаетесь, Наэко!

— Нет, я все прекрасно понимаю, и хотя дело теперь уже не в путанице, которая произошла, все равно выходит так, будто я должна занять не свое место, не свое, а ваше. И Хидэо предложил выйти за него замуж потому, что во мне видит вас. Это во-первых...

Тиэко вспомнила, как нынешней весной гуляла по ботаническому саду и глядела на буйное цветение тюльпанов, а на обратном пути Такитиро предложил ей выйти за

Хидэо, а Сигэ рассердилась, сказав, что сначала надо спросить у самой Тиэко: по сердцу ли он ей?

— Во-вторых, в мастерской Хидэо ткут пояса для кимоно. И у них дела с вашей лавкой, а появлюсь я — и это будет для вас не слишком удобно. А я никогда на такое не соглашусь. Лучше умереть! Сейчас впору не замуж за Хидэо мне идти, а скрыться от людских глаз куда-нибудь подальше в горы...

— Да как вы можете так думать?! — Тиэко схватила ее за плечи и встряхнула. — Я ведь и сегодня сказала отцу, что еду к вам. И матушка знает. Зачем вам от нас скрываться?!

— ...

— Как вы думаете: что мне ответил на это отец? — Тиэко снова, еще сильнее встряхнула ее за плечи. — Он сказал: «Если с ней случилась какая-то беда, приведи ее к нам»... Я ведь записана как наследница семейства Сада. Так вот он сказал, что будет относиться к вам так же, как ко мне, что в доме станет веселее, если у них появится еще одна дочь.

Наэко сняла с головы полотенце.

— Спасибо, я очень тронута предложением вашего отца. — Она закрыла руками лицо и некоторое время не могла произнести ни слова. — У меня нет на свете ни одной родной души, и никто по-настоящему не поможет мне в трудную минуту. До того тоскливо бывает порой, но я работаю, работаю изо всех сил, чтобы забыть.

— И все-таки что вы решили ответить Хидэо? — спросила Тиэко, стараясь отвлечь девушку от мрачных мыслей.

— Я не могу так сразу ему ответить, — прошептала Наэко, и на глазах ее выступили слезы.

— Дайте-ка мне. — Тиэко взяла у нее полотенце и стала вытирать слезы в уголках глаз и на щеках. — С такой заплаканной физиономией нельзя появляться в деревне.

— Не беспокойтесь! Я смелая и сильная — работаю за двоих, но... плакса.

Наэко спрятала лицо на груди у Тиэко и зарыдала в голос.

— Ну что с вами делать! — Тиэко легонько похлопала ее по спине. — Наэко, прекратите сейчас же плакать, иначе я уйду.

— Нет-нет, не уходите! — испуганно воскликнула девушка. Потом взяла у Тиэко свое полотенце и стала с силой тереть им лицо.

Зимой никто не обратит внимания на порозовевшие щеки — решат, что от холода. Только вот глаза были красные, и Наэко глубже надвинула на лоб полотенце.

Некоторое время девушки шли молча.

На криптомериях до самого верха были обрублены ветви. Лишь на макушках оставались листья, и Тиэко казалось, будто в зимнюю пору там распустились неброские зеленые цветы.

Убедившись, что Наэко немного успокоилась, Тиэко сказала:

— Хидэо — прекрасный ткач, к тому же сам рисует хорошие эскизы для поясов, и, вообще, мне кажется, он серьезный человек, на которого можно положиться.

— Да, — ответила Наэко. — Вы знаете, когда господин Хидэо пригласил меня на Праздник эпох, он больше глядел не на шествие в нарядных одеждах, а на зеленые сосны дворцового сада.

— Ничего удивительного, наверное, он много раз видел такое шествие...

— Нет, дело здесь, мне кажется, в другом, — настаивала Наэко.

— ...

— После того как шествие кончилось, он пригласил меня домой.

— Домой? К себе? — удивилась Тиэко.

— Да. У него есть два младших брата. Он повел меня на пустырь позади дома и сказал: когда мы поженимся, он построит здесь маленький домик, ну, лачугу какую-нибудь, и будет ткать лишь то, что ему по душе.

— Так это же прекрасно!

— Прекрасно?! Хидэо хочет жениться на мне, потому что видит во мне вас, ваш образ — во мне! Мне это ясно.

Тиэко молча шла рядом, не зная, что ответить.

В боковой долине, еще более узкой, чем та, по которой они шли, отдыхали женщины, шлифовавшие бревна. От костра, у которого они грелись, поднималась струйка дыма.

Они подошли к дому, принадлежавшему Наэко. Это был скорее не дом, а жалкая лачуга. За домом никто не следил: соломенная крыша покосилась, кое-где сквозь нее проступали ребра стропил. Но, как принято в деревне, перед домом был небольшой сад, в котором привольно росла высокая нандина, усыпанная красными плодами. Семь или восемь стволов ее причудливо переплетались между собой.

Наэко без особого волнения глядела на дом. Сказать ли о нем Тиэко или промолчать, раздумывала она. Собственно, Тиэко появилась на свет в родной деревне матери, навряд ли ее сюда привозили, и ничто ее с этим домом не связывает. Да и сама она в точности не помнит, жила ли когда-либо в этом доме.

Тиэко прошла мимо, не обратив на дом внимания. Она глядела лишь на поросшие криптомериями горы. И Наэко решила ничего ей не говорить.

Венчики листьев, оставленные на макушках криптомерий, казались Тиэко зимними цветами. Они и в самом деле были цветами зимы.

Почти у каждого дома сохли поставленные в ряд ошкуренные и отшлифованные бревна. Белые, одинаковой толщины бревна были прекрасны сами по себе — красивой, наверное, любой стены, которая будет из них построена.

Хороши были и криптомерии на горе с их стройными, вытянувшимися в струнку стволами, под которыми виднелась пожухлая трава. Между стволами проглядывало голубое небо.

— Зимой они еще красивее, правда? — сказала Тиэко.

— Может быть. Я так к ним привыкла, что мне трудно судить. Зимой листья криптомерий похожи цветом на сусуки¹.

— Они похожи на цветы.

— На цветы? — Неожиданное сравнение заставило Наэко вновь взглянуть на криптомерии.

Они прошли еще немного и остановились у большого старинного дома. По-видимому, он принадлежал владельцу крупного лесного участка. Невысокая ограда — сверху белая — снизу была обшита досками, покрашенными индийской охрой. Над оградой — двусторонний козырек из черепицы.

— Добротный дом, — сказала Тиэко.

— Барышня, в этом доме я живу. Не желаете ли заглянуть?

— ...

— Не стесняйтесь, я живу здесь у хозяев скоро уж десять лет.

Наэко несколько раз повторила, что Хидэо хочет

¹ Мискант китайский, многолетняя трава из семейства злаковых, достигает двух метров.

жениться на ней, поскольку хранит в душе образ Тиэко. Но при чем тут «образ», думала Тиэко, особенно когда речь идет о супружеской жизни?

— Наэко, вы вот все время говорите «образ», «образ», а что, собственно, вы имеете в виду? — строго спросила Тиэко. — Разве образ имеет форму, разве до него можно дотронуться руками? — продолжила она и вдруг почувствовала, что краснеет: она представила, как Наэко, похожая, очевидно, как две капли воды на нее не только лицом, но и всем остальным, будет принадлежать мужчине.

— Верно, образ не имеет формы, но он может храниться в сердце мужчины, в его душе и кто знает где еще.

— ...

— Когда Наэко станет шестидесятилетней старухой, ваш образ, Тиэко, будет таким же молодым в сердце Хидэо, какая вы сейчас.

Эти слова застигли Тиэко врасплох.

— Вот до чего вы додумались? — сказала она.

— Красивый образ, прекрасная мечта не может составить или надоесть.

— Не скажите, — возразила, наконец, Тиэко.

— Образ, мечту невозможно пинать ногами, наступать на нее. Тот, кто попытается это сделать, сам споткнется и упадет.

— Та-ак, — протянула Тиэко, почувствовав в словах Наэко ревность. — А существует ли этот «образ» на самом деле?

— Он здесь, — Наэко дотронулась до ее груди.

— Никакой я не «образ», не «мечта». Я ваша двойняшка.

— ...

— Или тогда вы, Наэко, тоже бестелесный образ — сестра моему?

— Нет-нет! Именно вы! Конечно, когда речь идет о Хидэо...

— Ну, это уже чересчур. — Тиэко потупилась и несколько минут шла молча, потом поглядела Наэко в глаза и сказала: — Давайте встретимся втроем и поговорим начистоту.

— Разговор начистоту тоже бывает разный: иногда — от чистого сердца, а иногда — и нет.

— Не слишком ли вы недоверчивы, Наэко?

— Нисколько, но у меня тоже есть своя гордость...

— ...

— К Северной горе идут тучи от горы Сюдзан. Поглядите туда, где криптомерии.

Тиэко подняла глаза.

— Возвращайтесь-ка побыстрее. Скоро может пойти дождь с мокрым снегом.

— Я об этом подумала еще дома и захватила плащ.

Тиэко сняла перчатку и, протянув руку Наэко, сказала:

— Отчего вы меня все время зовете барышней, разве она похожа на руку барышни-бездельницы?

Наэко обеими руками схватила руку Тиэко и крепко ее сжала.

Тиэко и не заметила, как пошел дождь. Ушедшая в свои мысли Наэко, по-видимому, тоже не обратила на это внимания.

Тиэко поглядела на горы. Их вершины затянуло мутной пеленой. Стволы же криптомерий, которые росли у подошвы, напротив, стали более рельефными. Холмы, что пониже гор, потеряли четкость очертаний и смутно проступали сквозь туман. Туман был совсем не такой, как весенняя дымка. В Киото часто так бывает в это время года.

Земля под ногами влажнела.

Горы стали серыми, их совсем заволокло насыщенным влагой туманом.

Тяжелея, туман сползал все ниже по склонам, среди его серой пелены появились белые пятна. Начался дождь с мокрым снегом.

— Скорее возвращайтесь, — сказала Наэко, увидев белые пятна. То был еще не настоящий снег, а мокрая снежная крупа, которая то исчезала, то вновь появлялась в тумане.

Хотя был еще день, в долине словно наступили сумерки — и сразу похолодало.

Для Тиэко — жительницы Киото — такая перемена погоды на Северной горе была не внове.

— Возвращайтесь, пока не превратились в холодный призрак, — сказала Наэко.

— Снова вы о чем-то бестелесном, — рассмеялась Тиэко. — У меня с собой плащ с капюшоном, да и погода в Киото зимой быстро меняется. Не успею оглянуться, снова выглянет солнышко.

— Все же вам лучше вернуться домой, — сказала Наэко, поглядывая на небо. Она крепко сжала руку Тиэко.

— Наэко, вы в самом деле решили выйти замуж? — спросила Тиэко.

— Я об этом еще по-настоящему не думала. — Она взяла у Тиэко перчатку и ласково и осторожно натянула ей на руку.

— Приходите к нам, — сказала Тиэко.

— ...

— Прошу вас, хоть один-единственный раз. Приходите, когда в лавке не будет служащих.

— Вечером? — удивилась Наэко.

— Конечно. Переночуете у нас. Отец и мать теперь все о вас знают.

Глаза Наэко радостно заблестели, но она все еще не знала, что ответить.

— Хоть одну-единственную ночь проведем вместе.

Наэко отвернулась и поспешно смахнула слезу. Но Тиэко, должно быть, увидела...

Когда она возвратилась домой, небо и там уже заволочило тучами, но дождя еще не было.

— Как хорошо, что успела до дождя, — обрадовалась Сигэ. — Отец тебя дожидается. Он в дальней комнате.

— Добрый день, отец! Вот и я... — сказала, входя в комнату, Тиэко.

— Передала девушке мою просьбу? — Такитиро даже не выслушал до конца приветствия Тиэко.

— Да.

— Ну и что она?

— Да-а... — Тиэко тянула время, не зная, что ответить отцу. В двух словах не так просто все объяснить.

В общем, она понимала настроение Наэко, но ей и самой не все до конца было ясно. Наэко говорит, что на самом деле Хидэо хочет жениться на ней, на Тиэко, но отказался от этой мысли, решив, что он ей не пара, и предложил руку Наэко, которая на нее похожа как две капли воды. Наэко сразу поняла это своим чутким девичьим сердцем. Недаром она придумала целую теорию о «призрачном образе». На самом ли деле Хидэо, желая Тиэко, решил удовлетвориться женитьбой на Наэко? Вполне возможно, что так оно и есть, подумала Тиэко, хотя в душе не считала себя лучше Наэко.

Но может, все не так просто?

Эти мысли повергли Тиэко в смущение, и, хотя в полу-

тме отец не мог разглядеть ее, она почувствовала, что краснеет.

— Неужели эта девушка... Наэко просто так захотела с тобой встретиться? — спросил Такитиро.

— Да, — решительно ответила Тиэко. — Она сказала, что Хидэо из дома Отомо предложил ей выйти за него замуж. — Голос Тиэко слегка дрожал.

— Вот как? — Такитиро некоторое время молча глядел на Тиэко. Видимо, он о чем-то догадывался, но вслух говорить не стал. — Значит, за Хидэо? Что же... Хидэо из дома Отомо — неплохая партия... Пожалуй, тебе-то он не пара... Но в том, что он выбрал Наэко, наверное, есть и твоя вина.

— Отец, я думаю, она не выйдет замуж за Хидэо.

— Почему же?

— ...

— Почему, я спрашиваю? На мой взгляд — это хорошая пара.

— Дело не в том, хорошая пара или плохая. Помните, тогда, в ботаническом саду, вы предложили мне выйти замуж за Хидэо? Наэко об этом догадывается.

— Каким образом?

— И потом: она считает, что между ткацкой мастерской Хидэо и нашей лавкой имеются и деловые связи.

Такитиро растерянно умолк.

— Отец, разрешите ей погостить у нас хоть один вечер. Очень прошу вас.

— Пожалуйста. И просить об этом не надо. Разве я не сказал, что готов даже удочерить ее?

— На это она никогда не согласится, но один вечер...

Такитиро с сочувствием поглядел на Тиэко.

Из соседней комнаты донесся стук закрываемых ставен.

— Пойду помогу матушке, — сказала Тиэко и вышла из комнаты.

По черепичной крыше едва слышно застучали капли.

Такитиро замер, прислушиваясь к шуму дождя.

Мидзуки — отец Рюсукэ и Синьити — пригласил Такитиро на ужин в ресторан «Саами» в парке Маруяма. Зимний день короток, и отсюда, с высоты, было видно, как в городе зажигаются вечерние огни. Небо было серое, без признака вечерней зари. И город, за исключением вспыхнувших там и сям огоньков, казался того же цвета. Цвета зимнего Киото.

Мидзуки — крупный оптовый торговец в районе Муро-

мати — вел дело солидно и с размахом. Но сегодня этот решительный мужчина старался скрыть свое смущение за пустой болтовней.

Лишь после нескольких чашечек сакэ, когда Мидзуки чуточку захмелел, он приступил к главному, ради чего пригласил Такитиро.

Такитиро догадывался, о чем пойдет разговор.

— Дело в том... — нерешительно начал Мидзуки. — Скажите, господин Сада, дочь говорила вам о предложении моего безрассудного сына Рюсукэ?

— Да я не очень во всем разобрался, но надеюсь, у Рюсукэ добрые намерения.

— Вы так полагаете? — У Мидзуки отлегло от сердца. — Этот упрямец, впрочем, такой же, каким был я в молодости, если что вобьет себе в голову, его никакими силами не разубедить. Откровенно говоря, я в растерянности...

— Я не против.

— Ну что ж, раз вы изъявляете согласие, с меня словно тяжкий груз свалился. — Мидзуки на самом деле вздохнул с облегчением. — Нижайше прошу прощения за навязчивость. — Он вежливо поклонился.

Хотя торговля у Такитиро шла далеко не блестяще, намерение молодого человека, фактически юноши, прийти к нему из такой же лавки, чтобы наладить дело, могло показаться оскорбительным.

— Мы будем рады принять его помощь, — произнес Такитиро, — но не нанесет ли отсутствие Рюсукэ ущерба вашему торговому дому?..

— Не беспокойтесь об этом. Рюсукэ пока еще не слишком разбирается в торговле. Но как отец могу сказать: он человек настойчивый и с характером.

— Да уж! Помню, пришел в нашу лавку и уселся против приказчика с таким решительным видом... Я поражен был.

— Он неисправим! — Мидзуки выпил еще чашечку сакэ. — Господин Сада...

— Слушаю вас.

— Если вы позволите Рюсукэ — пусть не каждый день — помогать вам в лавке, мне кажется, тогда и Синьити возьмется за ум. Это мне будет большая поддержка. Синьити по натуре мягкий, добрый, а Рюсукэ часто поддразнивает его, называет «послушничком». Для Синьити это самое обидное прозвище. И все из-за того, что в детстве его однажды нарядили послушником и заставили

ехать на ковчеге во время праздника Гион.

— Он — красивый мальчик, Тиэко с ним еще в детстве дружила...

— Кстати, о Тиэко, — подхватил Мидзуки и запнулся. — Кстати, о Тиэко, — повторил он и почти сердито продолжал: — Как вам удалось воспитать такую замечательную девушку, к тому же настоящую красавицу?

— Это не заслуга родителей. Она стала такой сама по себе, — поспешно ответил Такитиро.

— Господин Сада, наши с вами лавки, в общем-то, одинаковые, и учиться друг у друга нам особенно нечему. Надеюсь, вы понимаете, отчего вдруг Рюсукэ так загорелся: он мечтает хоть час, хоть полчаса побыть рядом с Тиэко.

Такитиро кивнул. Мидзуки вытер лоб — такой же, как у Рюсукэ, — и продолжал:

— Мне стыдно за этого мальчишку, но, уверяю вас, он будет работать прилежно. Поверьте, я ни в коем случае не хочу показаться навязчивым, но если, паче чаяния, Тиэко когда-нибудь обратит свое благосклонное внимание на такого безрассудного человека, как Рюсукэ, не согласитесь ли вы принять его в свой дом? В этом случае я готов отказаться от него как наследника. Прошу извинить меня за столь бесцеремонную просьбу. — Мидзуки склонил голову.

— Готовы отказаться от наследника? — ошеломленно воскликнул Такитиро. — От наследника, к которому должно перейти крупное торговое дело?..

— Наверное, не в богатстве счастье... Последнее время, наблюдая за Рюсукэ, я все более убеждаюсь в этом.

— Достойное намерение, но все же предоставим двум молодым сердцам решать свою судьбу, — уклончиво ответил Такитиро. — Вам известно, что Тиэко — подкидыш?

— Ну и что из того?.. Господин Сада, прошу вас сохранить наш сегодняшний разговор в тайне... Вы разрешаете Рюсукэ помогать в вашей лавке?

— Да.

— Премного вам благодарен. — У Мидзуки словно камень свалился с души, и даже сакэ, которое он теперь пил, показалось ему вкуснее.

На следующий день Рюсукэ уже с утра был в лавке Такитиро. Он вызвал приказчика и продавцов и занялся проверкой товаров. Цветные и белые ткани, узорчатые шелка, шелковые ткани хитокоси, омэси, мэйсэн;

утикакэ¹, кимоно с длинными, средними и короткими рукавами; золотая парча, камчатые ткани; выходные кимоно, праздничные кимоно, штучные кимоно по заказу, пояса для кимоно, шелковые подкладки, мелкие принадлежности туалета...

Рюсукэ, не произнося ни слова, смотрел на раскладываемые товары. Приказчик лишь изредка поглядывал на помрачневшего Рюсукэ и сразу же прятал глаза.

Рюсукэ ушел перед ужином, опасаясь, что его пригласят разделить трапезу.

Вечером раздался тихий стук в решетчатую дверь. Его услышала только Тиэко. Она впустила Наэко в дом.

— Спасибо, Наэко, что пришли, хотя к вечеру сильно похолодало.

— Тиэко, можно мне поздороваться с вашими родителями?

— Обязательно! Они будут рады вас видеть. — Тиэко обняла девушку за плечи и повела в дальнюю комнату. — Ужинать будете? — спросила она.

— Спасибо, я недавно поела суси².

Наэко, поздоровавшись с Такитиро и Сигэ, замолчала. Она чувствовала себя неловко. Родители Тиэко даже не стали ее ни о чем расспрашивать — настолько они были поражены ее удивительным сходством с Тиэко.

— Тиэко, пойдите наверх. Там вы сможете спокойно говорить, никто вам не помешает, — выручила их Сигэ.

Тиэко взяла девушку за руку, через узкую галерею провела к себе в комнату и залегла в печурке огонь.

— Наэко, подойдите сюда на минутку. — Они встали рядом перед трюмо. — Похожи! — воскликнула Тиэко, ощутив, как в ее сердце поднимается горячая волна. Они поменялись местами и снова поглядели в зеркало. — Поразительно! Похожи, как две капли воды.

— Так мы ведь двойняшки, — спокойно ответила Наэко.

— А что, если бы у людей рождались только двойни?!

— Произошла бы ужасная путаница. — Наэко отступила на шаг, на глазах ее навернулись слезы. — Ах, никто не знает, кому какая судьба назначена, — прошептала она.

¹ Старинная одежда покроя кимоно.

² Колобки из вареного риса, покрытые рыбой, яйцом, овощами и приправленные уксусом и сахаром.

Тиэко подошла к девушке и ласково положила ей руки на плечи.

— Наэко, останьтесь у нас. Родители так будут рады... Одной мне здесь очень тоскливо... Я понимаю: жить в горах среди криптомерий привольней...

Наэко пошатнулась и, не удержавшись на ногах, присела. Она горестно покачала головой, по ее щекам катились слезы и падали на колени.

— Барышня, — прошептала она, — мы с вами привыкли к разной жизни. Я не смогла бы здесь, у вас. Но я решила хоть раз, единственный раз прийти в ваш дом. Хотя бы ради того, чтобы все увидели меня в кимоно, которое подарили... И потом, вы ведь ко мне в деревню приезжали дважды...

— ...

— Барышня, мои родители подбросили вас, когда вы были еще младенцем. Не знаю, почему они выбрали именно вас.

— Я об этом давно уж забыла и даже не вспоминаю о том, что они у меня были, — искренне ответила Тиэко.

— Они понесли за это наказание. Так мне кажется... А я — в ту пору малютка — ничем не могла вам помочь... И все же простите меня.

— Но разве вы, Наэко, в чем-либо виноваты?

— Нет, не виновата... Но я уже вам говорила, помните? Наэко никогда не сделает такого, что хоть чуточку может повредить вашему счастью, — сказала она и едва слышно добавила: — Постараюсь, чтобы вы меня больше не видели.

— Нет-нет, я не хочу этого! — воскликнула Тиэко. — Почему вы так незаслуженно обижаете меня?.. Вы несчастливы, Наэко?

— Нет, мне просто очень грустно.

— Счастье коротко, тоска бесконечна... Давайте ляжем и поговорим еще. — Тиэко начала доставать из ниши спальные принадлежности.

— Счастье... Какое оно? — прошептала Наэко, помогая ей. Потом вдруг замерла, подняв глаза к потолку.

Тиэко тоже прислушалась.

— Дождик? Мокрый снег? Снег с дождем? — спросила она.

— Скорее всего легкий снежок, — ответила Наэко.

— Снег?..

— Снег, но еще ненастоящий. Он падает почти неслышно.

— Понимаю.

— Такой снежок иногда бывает у нас в горах. Работая, склонившись над бревнами, а он незаметно так белым покровом ложится на листья криптомерий. Глянешь вверх — и кажется, будто неожиданно распустились белые цветы. А на деревьях, которые зимой облетают, он покрывает ветви целиком, даже самые тонкие. И такая красота кругом.

— ...

— Он скоро кончится, а может, перейдет в мокрый снег с дождем или в дождик.

— Давайте откроем ставни и поглядим, — предложила Тиэко, но Наэко остановила ее, обняв за плечи:

— Не надо. Напустим в дом холода... И мечта развеется.

— Призрак, мечта. Вы так часто говорите это, Наэко.

— Мечта?.. — Наэко усмехнулась. Ее прекрасное лицо опечалилась.

Тиэко начала стелить.

— Позвольте мне хоть раз приготовить вам постель, — встрепенулась Наэко.

Они постелили рядышком, но Тиэко первая скользнула к Наэко под одеяло.

— Ой, Наэко, какая вы теплая.

— Это, наверное, оттого, что много работаю, да и живу не в городе, а в горной деревушке...

Она нежно обняла Тиэко:

— Нынче ночью похолодает, как бы вы не замерзли. — Сама Наэко, кажется, вовсе не чувствовала холода. — Мелкий снежок будет сыпать, потом перестанет, потом снова... Нынче ночью...

Послышались шаги на лестнице. Такитиро и Сигэ поднимались в соседнюю комнату. «Наверное, будут спать под электрическим одеялом: холодно старикам», — подумала Тиэко.

— Тиэко, теперь эта постель согрелась, я пойду на другую, — шепнула ей Наэко.

Позднее Сигэ слегка раздвинула фусума и заглянула в комнату, где спали девушки.

На следующее утро Наэко проснулась очень рано. Она тихонько разбудила Тиэко и сказала:

— Барышня, эта ночь была самой счастливой в моей жизни. А сейчас я пойду, пока меня здесь никто не увидел.

Наэко угадала: ночью выпал легкий снежок.

Наверное, он то сыпал, то переставал. И теперь холодно искрился в утреннем свете.

Тиэко поднялась с постели.

— Наэко, вы ничего не захватили на случай дождя. Погодите минутку. — Она выбрала свой самый лучший бархатный плащ, добавила складной зонтик и высокие гэта и вручила Наэко.

— Это мой подарок. Приходите еще!

Наэко покачала головой.

Ухватившись за решетчатую дверь, Тиэко долго провожала взглядом удалявшуюся фигуру девушки. Наэко не оглянулась. На волосы Тиэко упали снежинки и тут же растаяли. Город еще спал.

ПОВЕСТИ

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ ИДЗУ

Перевод В. Марковой

1

Дорога устремилась вверх крупными извилинами, казалось, перевал Амаги уже близко, как вдруг, выбелив леса криптомерий на подножии горы, за мной стремительно погнался дождь.

Мне было двадцать лет. Одет по-дорожному: студенческая фуражка, кимоно с рисунком конгасури ¹, хакама ², через плечо переброшена сумка для книг. Уже четвертый день, совсем один, я странствовал по горам Идзу. Первую ночь провел возле горячих источников Сюдзэндзи, две ночи в Югасиме, а потом надел высокие гэта и начал восхождение к перевалу Амаги.

Горы, волнами наплывавшие друг на друга, густые леса, глубокие ущелья были пленительно, по-осеннему прекрасны, но я торопливо шел вперед, подгоняемый тайной надеждой...

Посыпались крупные капли дождя. Я побежал как мог быстрее по крутой петляющей дороге и, задохнувшись, добрался наконец до чайного домика на северной стороне горы. И замер на пороге — так внезапно и чудесно сбылась моя надежда. В чайном домике остановилась отдохнуть труппа бродячих артистов.

Заметив меня, юная танцовщица встала, поспешно повернула другой стороной подушку, на которой она сидела, и подвинула ко мне.

— М-м-м! — с трудом пробормотал я и опустился на подушку. Я все еще не мог отдышаться, не мог опомниться от неожиданности. Даже простое «спасибо» не шло у меня с языка.

Танцовщица села прямо напротив меня. Вконец расте-

© Перевод на русский язык издательство «Художественная литература», 1979

¹ Дешевое хлопчатобумажное кимоно синего цвета с белым стрельчатым узором.

² Длинные широкие штаны в складку, похожие на раздвоенную юбку.

рвался, я нашарил сигареты в рукаве ¹. Она подала мне пепельницу, стоявшую перед ее соседкой. Но я и тут промолчал.

Танцовщице на вид было лет семнадцать. В обрамлении черных густых волос, уложенных в причудливую старинную прическу, каких я никогда не видал, ее лицо, овальное, как яичко, и такое прелестное, казалось совсем маленьким, но все сочеталось в единой гармонической красоте. Вспоминались девушки с преувеличенно пышными копнами волос, как их любили изображать на страницах старинных романов ².

В небольшой труппе, кроме танцовщицы, были три женщины: пожилая, лет сорока, и две молодые, да еще мужчина лет двадцати пяти, в куртке с гербами ³ гостиницы при горячих ключах Нагаока.

Уже дважды довелось мне увидеть танцовщицу. Первый раз на полпути в Югасиму. С ней шли две молодые женщины. Я обогнал ее у моста через Югаву, неподалеку от Сюдзэндзи. Танцовщица несла большой барабан. Я все оборачивался и смотрел на нее. Лишь тогда я впервые по-настоящему почувствовал очарование путешествия.

Я был в Югасиме уже два дня, когда, к вечеру вернувшись в свою гостиницу, вдруг увидел ее опять.

Она плясала на дощатом полу прихожей. Я уселся на ступеньке лестницы и смотрел, не в силах отвести глаз.

«Вчера в Сюдзэндзи, нынче вечером в Югасиме, — сказал я себе, — а завтра, наверно, она пойдет на юг через перевал Амаги, к горячим источникам Югано? На горной дороге Амаги, длиной всего в семь ри ⁴, я уж где-нибудь непременно нагоню ее...»

Вот с какой тайной надеждой я так спешил, пока дождь не загнал меня в чайный домик. И все же встреча застала меня врасплох, я обомлел от смущения.

Но тут хозяйка пригласила меня в другую комнату. Должно быть, этой комнатой редко пользовались, она была вся открыта: ни дверей, ни окон. Внизу расстилалась прекрасная долина, такой глубины, что не видно было дна.

От холода я покрылся гусиной кожей, меня била дрожь, зубы стучали. Хозяйка принесла мне чаю. Я сказал ей, что ужасно озяб.

¹ В широком японском рукаве имеется карман.

² Имеются в виду иллюстрированные романы эпохи Токугава (XVII—XVIII вв.).

³ Короткая куртка слуги или рабочего с гербом или именем хозяина.

⁴ Мера длины, равная приблизительно четырем километрам.

— Ах, господин, да вы до костей промокли! Пожалуйста туда, вам надо скорее обсохнуть.

И она чуть не за руку повела меня в свою собственную комнату. Там горел очаг. Из растворенных дверей пахло сильным жаром. Я в нерешительности остановился на пороге. Возле очага на короточках сидел старик, весь опухший и посиневший, как утопленник. Он посмотрел на меня большими угасшими глазами, даже зрачки в них, казалось, налились желтизной. Вокруг старика громоздились целые горы старых писем и бумажных пакетов. Он словно был погребен среди бумажной рвани. С виду не человек, а горное чудовище. При этом зрелище я застыл как вкопанный.

— Вы уж простите меня, этакую страсть вам показала! Да не пугайтесь, это мой старик. Глядеть на него неприятно, но ведь он с места сдвинуться не может. Сделайте милость, потерпите...

И хозяйка пустилась рассказывать: вот уж много лет, как мужа разбил паралич, все тело сковано. Неспроста кипы бумаг вокруг нагромождены: со всех уголков страны идут письма с советами, как вылечить паралич, отовсюду присылают пакеты с лекарствами. Старик прислушивается к словам путников, идущих через перевал, просматривает газетные сообщения — словом, ничего не пропускает в поисках какого-нибудь верного средства или снадобья. Письма и бумажные пакеты не дает выбрасывать. Собрал вокруг себя и разглядывает. Вся его жизнь в этом. Так за долгие годы выросли груды всяких бумаг.

Не находя слов для ответа, я уставился на очаг. Дом вдруг заходил ходуном — мимо проехал автомобиль.

«Здесь даже в осеннюю пору стоят такие холода! Скоро перевал будет похоронен под снегом. Отчего же, — думал я, — старик не хочет жить в долине?»

Открытый очаг пылал жаром. От моего платья повалил пар, голова разболелась.

Хозяйка вышла в комнату для гостей и завела разговор с женщинами из бродячей труппы:

— Неужели это она? А была совсем девочка, когда вы прошлый раз здесь побывали. Скажите, как выросла! Да ты прямо взрослая девица, славно, славно! И какая хорошенькая! Девочки, они быстро растут.

Немного времени спустя я услышал шум сборов. Наверно, бродячая труппа сейчас уйдет... Медлить было

нельзя. Сердце так и застучало в груди, но я не находил в себе мужества встать с места.

«Положим, эти женщины привычны к путешествиям, а все-таки быстро ходить не могут. Пускай опередят меня на десять тё¹, даже на двадцать, я живо нагоню их», — думал я, изнывая от нетерпения возле очага.

Бродячие артисты ушли вместе с танцовщицей, но тут мое воображение сорвалось с привязи и, помчавшись вслед за ними, начало свой резвый танец.

Проводив их, хозяйка вернулась.

— Где останутся на ночлег эти артисты? — спросил я.

— Побродяжки-то? Разве угадаешь? Где их кто пригласит, там и заночуют. Сами не знают наперед.

Пренебрежительные слова хозяйки оказали на меня обратное действие: сильнее разожгли во мне надежду. «Что ж, если так, — возмечтал я, — сегодня же приглашу танцовщицу провести со мною ночь».

Дождь, затихая, поредел, небо над горными вершинами просветлело. Хозяйка упрашивала меня обождать немного, пока совсем не разъяснится, но мне не сиделось спокойно.

— Дедушка, поберегите себя в зимние холода, — от души сказал я и встал на ноги.

Старик с трудом поднял на меня свои пожелтевшие глаза и слегка кивнул.

— Господин, господин! — с криком припустилась за мной хозяйка. — Вы уж слишком много денег мне пожаловали. Не возьму, совесть не позволяет.

Она уцепилась за мою сумку, стараясь удержать меня. Как я ни отнекивался, хозяйка грозилась, что от меня не отстанет. Прихрамывая, она плелась за мной добрую часть дороги и все твердила:

— Было бы за что! Нет, не заслужила я таких денег. Но я вас хорошо запомню. Непременно пожалуйте ко мне в другой раз. Уж я вас отблагодарю!

Всего-то одна монетка в пятьдесят сэн² — и вдруг столько благодарности! Я был изумлен и тронут почти до слез. Но старуха еле-еле ковыляла, и это было досадной помехой. Наконец мы пришли к туннелю на перевале.

— Большое спасибо! Теперь идите домой, не годится

¹ Мера длины, равная примерно ста десяти метрам.

² Мелкая денежная единица, сотая часть иены.

так долго оставлять старика одного, — сказал я.

Насилу-то старуха выпустила сумку из своих рук.

Я вошел в темный туннель. Сверху со стуком падали холодные капли. Впереди маленьким кружком светился выход к южной части полуострова Идзу.

2

Защищенная с одной стороны белой оградой, дорога сбегала в долину зигзагом молнии. У самого подножия уступчатого склона маячили фигурки бродячих артистов. Не прошел я и шести тѐ, как нагнал женщин. Но нельзя было нарочито замедлить шаг, чтобы пойти с ними вровень, и я с равнодушным видом обогнал их.

Мужчина шел несколько впереди остальных. Заметив меня, он остановился.

— А вы хороший ходок! Погодка-то, по счастью, разгулялась...

Я с облегчением вздохнул и зашагал рядом. Мой спутник стал расспрашивать меня о том о сем. Услышав, что мы беседуем, женщины трусцой подбежали к нам.

Мужчина нес на спине большую плетеную корзину. Пожилая женщина держала на руках щенка. Остальные несли тяжелую поклажу: старшая девушка — громоздкий узел, вторая — плетеную корзину, юная танцовщица — барабан с подставкой.

Пожилая женщина вставляла иногда слово-другое в наш разговор.

— Он — студент высшей школы, — шепнула танцовщице старшая девушка.

Я оглянулся, и она засмеялась:

— Уж это точно! Настолько-то и я разбираюсь. К нам на острова частенько ездят студенты.

Мой спутник сообщил мне: все они живут возле гавани Хабу на острове Осима¹. Весной покидают остров и проводят лето в странствиях. Но уже настал канун холодов, а у них нет с собой зимней одежды. Дней десять проведут на юге, в Симоде², потом из гавани Ито³ отправятся домой, к себе на остров.

¹ Самый большой из архипелага семи островов, расположенных к юго-востоку от полуострова Идзу.

² Портовый город на юго-востоке полуострова Идзу, богат историческими памятниками.

³ Гавань и курортный город на полуострове Идзу.

Услышав, что танцовщица — с острова Осима, я стал глядеть на ее прекрасные волосы с особым поэтическим чувством. Мне захотелось побольше узнать об этом острове, и я начал расспрашивать моего собеседника.

— Студенты частенько приезжают к нам плавать в море, — сказала танцовщица своим спутникам.

— Летом, наверно, — обернулся я.

— Зимой тоже, — еле слышно отозвалась танцовщица.

— Как? Даже зимой?

Она поглядела на других девушек, подавив смешок.

— Разве можно зимой плавать в море? — снова спросил я.

Танцовщица вспыхнула румянцем и слегка кивнула с очень серьезным видом.

— Глупышка она, совсем дитя, — засмеялась пожилая женщина.

До Югано оставалось еще более трех ри. Дорога шла вниз, вдоль берега реки Кавацу. Миновав перевал, мы почувствовали себя на юге: горы вокруг выглядели по-новому, даже цвет неба стал иным.

Я без умолку болтал со своим спутником, мы скоро подружились. Когда позади нас остались деревни Агинори и Насимото, а внизу в долине уже можно было различить соломенные крыши Югано, я решительно заявил своему новому другу, что пойду вместе со всей компанией в Симоду. Он страшно обрадовался.

В Югано перед гостиницей самого низкого пошиба пожилая женщина хотела было со мной распротиться, но мой попутчик возразил:

— Господин студент желает путешествовать с нами дальше.

— Вот радость-то! — простодушно воскликнула она. — Говорят: в дороге добрый попутчик, в жизни — сердечное участие. Мы люди ничтожные, оно конечно, а все разгоним дорожную скуку. Сделайте милость, зайдите сюда с нами отдохнуть с дороги.

Девушки молчали и застенчиво поглядывали на меня.

Все поднялись по лестнице в комнату для гостей и сложили вещи на пол. Фусума и циновки на полу были обветшалые, грязные.

Танцовщица принесла чай к нам наверх. Когда она опускалась на колени передо мной, лицо ее залил румянец, руки задрожали и чашка на блюде опасно накренилась. Танцовщица быстро поставила ее на циновку, и чай пролился. Я был поражен, до чего она смутилась!

— Вот тебе и на! Девочка-то выросла. Никак уже втюрилась. Скажите! — досадливо подняла брови пожилая женщина и бросила танцовщице полотенце.

Девушка подняла его и с напряженным видом начала вытирать циновку.

Это неожиданное заявление вдруг отрезвило меня. Все мои тайные надежды, подогретенные болтовней хозяйки гостиницы, развеялись в единый миг.

— А у господина студента хорошее кимоно! — заметила пожилая женщина, пристально меня разглядывая.

— Пестрый узор в точности как на кимоно у моего Тамидзи. Да, уж верно, совсем такой, и нечего тут, — заспорила она с другими женщинами.

— У меня на родине остался сынок, ходит в школу, — принялась она рассказывать. — Вот он мне и вспомнился. Кимоно у него вроде вашего. В теперешнее время даже материя конгасури стоит дорого. Ну просто беда!

— А где он учится?

— В пятом классе начальной школы.

— А-а, уже пятиклассник, вот как!

— Посещает школу в Кофу. Мы уже давненько живем на острове Осима, но родина наша — Кофу в провинции Каи¹.

Когда я часок отдохнул, мой дорожный товарищ повел меня в другую гостиницу. Я-то думал, что остановлюсь вместе со всеми в их захудалой ночлежке.

Спустились вниз по обрывистой дороге, по каменным ступеням, и перешли по мосту через струившийся потоком горячий источник. Напротив моста раскинулся сад гостиницы.

Я пошел купаться. Мой спутник погрузился в воду вслед за мной.

Он начал рассказывать мне о своей жизни. Ему было двадцать четыре года. С женой его уже дважды случалась беда: выкидыш, потом преждевременные роды. Ребенок помер...

Мой новый знакомый носил куртку с гербом гостиницы в Нагаоке, вот почему я принял его за тамошнего жителя. Судя по наружности и манере говорить, он был человеком не чуждым образования. Я вообразил, что он из прихоти

¹ Название старой провинции (ныне часть префектуры Яманаси) на востоке острова Хонсю. Кофу — город, а также местность в центре префектуры Яманаси.

путешествует по горам или, может быть влюбившись в бродячую артистку, следует за ней с поклажей.

После купанья я сразу же пообедал. Мы вышли из Югасимы в восемь часов утра, а было уже три. Спустившись в сад, мой спутник поднял глаза на меня и крикнул:

— До свиданья!

— Купите на это что-нибудь... хотя бы немного хурмы. Прощу извинить, что передаю так небрежно... — И я бросил ему сверток с деньгами.

Попутчик мой хотел было отказаться, но бумажный сверток упал прямо на землю. Он вернулся, поднял его и кинул мне обратно.

— Пожалуйста, не надо этого.

Сверток упал на соломенный навес. Я снова бросил его вниз, и на этот раз подарок был принят.

К вечеру полил сильный дождь. Горы побелели и, потеряв глубину, стали плоскими. В речке громко зашумели бурые, мутные воды. «Бродячие артисты с танцовщицей ни за что не придут в такой ливень», — думал я. Мне не сиделось на месте. Я несколько раз ходил купаться. В комнате было темно. Единственная лампочка свешивалась с перекладки фусума над квадратным отверстием и освещала сразу две комнаты.

— Тон-тон-тон! — сквозь шум сильного дождя откуда-то еле слышно донесся стук барабана. Я так рванул ставни, что едва не выломал их, и высунулся наружу. В лицо мне ударил порывистый ветер с дождем. Я закрыл глаза, весь превратившись в слух. Куда движется барабан, уж не сюда ли? Вскоре послышались звуки сямисэна¹, протяжные выкрики женщин, оживленный смех.

«Значит, бродячих артистов пригласили в ресторанчик на другой стороне улицы, как раз напротив гостиницы», — понял я. Можно было различить голоса мужчин и женщин. Я все еще надеялся, что ужин скоро кончится и артисты придут ко мне. Но пирушка, как видно, вышла из границ обычного веселья и грозила обратиться в шумную попойку. Время от времени звонкий возглас женщины молнией пронзал тишину.

Я сидел, весь напрягшись в нервном ожидании перед распахнутыми ставнями. Каждый раз, когда до меня доносился стук барабана, я невольно переводил дыхание: на сердце становилось легче.

¹ Струнный музыкальный инструмент вроде мандолины.

«А-а, значит, танцовщица все еще сидит с гостями. Сидит и бьет в барабан».

Но как невыносимо тягостно, когда барабан затихает! Шум дождя погружал меня в бездонную пучину.

Вдруг послышался беспорядочный топот шагов: бегали там друг за дружкой или устроили пляску? Я уставился в темноту горящими глазами. «Отчего вдруг все затихло? — пробовал я разглядеть хоть что-нибудь сквозь завесу мрака. — Неужели кто-нибудь осквернит танцовщицу этой ночью?» — терялся я в мучительных догадках.

Наконец я закрыл ставни и лег в постель, но сердце у меня ныло. Я снова пошел купаться к горячему источнику. Долго и неистово плескался в воде. Дождь кончился, луна выплыла из облаков. Омытое дождем, вечернее небо засияло кристально чистым блеском. Мне хотелось выскочить из купальни, бежать к танцовщице босиком. Но что я мог бы поделывать?

Был уже третий час ночи.

3

Часов в девять на другое утро мой попутчик наведалься ко мне. Я только что встал и пригласил его пойти со мной к источнику. Пониже купальни полноводная от дождя речка тепло лучилась под солнцем в этот безоблачный день осени, по-весеннему мягкой на юге Идзу. Мучения прошлой ночи сейчас представлялись мне сном, но все же я сказал:

— Шумное вчера шло веселье, до позднего часа.

— Как! Вы нас слышали?

— Еще бы не слышать!

— Ах, эти местные жители! Разойдутся вовсю, шуму много, а толку мало, — заметил он, словно для него это было делом обычным, и я замолчал.

— Смотрите-ка, они на том берегу. Пришли купаться. Вон-вон, приметили нас, засмеялись.

Он показал пальцем туда, где на другой стороне речки была устроена общая купальня. В клубах пара смутно виднелись семь-восемь голых тел.

Вдруг из темной купальни выбежала нагая девушка, сложила руки над головой и замерла на краю помоста, готовясь прыгнуть в воду. Она что-то кричала нам. Это была танцовщица. Я глядел на ее стройные ноги, на ее белое тело, она тянулась вверх, похожая на молодое

деревце павлонии. И мое сердце вдруг словно омыла струя свежей воды, я и с облегчением перевел дух и счастливо засмеялся. Да ведь она ребенок! Обрадовалась, что видит нас, выскочила нагишом на солнечный свет и встала на цыпочки. Совсем ребенок! Я смеялся, полный светлой радости. Мысли мои прояснились, словно дочиста протертое стекло. Тихий смех не сходил с губ.

А я-то думал, ей лет семнадцать-восемнадцать. А все потому, что у нее была такая высокая прическа, да и нарядили ее под стать взрослой девице. Как глупо я ошибся!

Не успели мы вернуться в мою комнату, как старшая девушка из бродячей труппы явилась поглядеть на хризантемы в саду. Танцовщица проводила ее до середины помоста. Пожилая женщина вышла из купальни и строго поглядела на обеих. Танцовщица дернула плечиком и улыбнулась, дескать: «Дальше идти не смею!» — и побежала назад.

Пожилая женщина подошла к мосту и громким голосом пригласила меня:

— Пожалуйте к нам в гости!

— Пожалуйте к нам в гости! — как эхо повторила старшая девушка, и они втроем вернулись к себе.

Мой попутчик сидел у меня до самых сумерек.

Поздно вечером я играл в го¹ с оптовым торговцем бумагой, как вдруг в саду гостиницы послышался знакомый стук барабана. Я было рванулся с места:

— Музыканты пришли!

— Чего там, куда они годятся, попросайки эти. Ну же, ваш ход! Я пошел вот так!

Бумаготорговец, до самозабвения увлеченный игрой, с громким стуком ставил костяшки на доску. Пока я маялся сам не свой, музыканты уже стали собираться в обратный путь.

Мой приятель крикнул мне из сада:

— Добрый вечер!

Я вышел в коридор и поманил их рукой. Бродячие артисты немного пошептались между собой и пошли к дому.

Все три молодые девушки хором повторили:

— Добрый вечер!

Войдя в коридор, они отвесили мне церемонный поклон до земли, как это делают гейши.

¹ Старинная игра в шашки на многоклеточной доске.

Между тем на доске сложилась трудная ситуация, мне грозило поражение.

— Делать нечего! Проиграл.

— Не может быть! Я ведь против вас слабый игрок. Дайте подумать, тут дело тонкое.

И, даже не взглянув на музыкантов, бумаготорговец пересчитал одну за другой костяшки на доске и еще глубже погрузился в игру.

Девушки положили барабан и сямисэн в углу комнаты и начали играть в гобанг¹, а я тем временем упустил верный выигрыш.

— Ну давайте еще одну, последнюю, — насел на меня с уговорами мой партнер.

Я только уклончиво улыбнулся. Наконец он отступился и встал с места.

Девушки подошли к игровой доске.

— Сегодня вечером вы опять пойдете искать работу?

— Вообще-то пойдём... — Бродячий артист взглянул на девушек.

— Ну так вот что! Никуда не ходите, останьтесь у меня в гостях.

— Ой, как мы рады!

— А нам не влетит за это?

— Так ведь ходили-ходили — и никто не нанял.

Девушки забавлялись игрой в гобанг почти до часу ночи. Танцовщица ушла наконец, но заснуть я не мог, голова оставалась ясной. Я вышел в коридор и позвал:

— Господин коммерсант! Господин коммерсант!

— А, слышу! — И старик, которому уже вот-вот стукнет шестьдесят, ринулся из своей комнаты, полный боевого пыла.

— Значит, играем. Ну что ж, играть — так всю ночь. До самого рассвета.

Я тоже вошел в азарт.

4

Мы условились выйти из Югано в восемь утра. Я надел охотничью шапочку, купленную накануне в лавчонке возле общей купальни, а свою студенческую сунул в сумку и пошел в ночлежный дом, где остановились мои попутчики. Сёдзи на втором этаже были растворены настезь. Не

¹ Игра в пять шашек на многоклеточной доске.

долго думая, я поднялся по лестнице и замер в полной растерянности. Бродячие артисты еще не вставали.

У самых моих ног танцовщица, заалев от стыда, прижала руки к лицу. Она делила постель с младшей из девушек. На лице танцовщицы еще были заметны следы вчерашних белил. Губы и уголки глаз тронуты пурпурной краской. Приманчивая красота девушки совсем заморозила меня. Вдруг она быстро перевернулась на другой бок, выскользнула из-под одеяла и, все еще закрывая руками лицо, села на пол в церемонной позе.

— Благодарим вас за вчерашний вечер, — склонилась передо мной танцовщица в красивом поклоне.

Это меня вконец сконфузило.

Бродячий артист спал рядом со старшей из девушек. До этого я и не подозревал, что они муж и жена.

— Простите, нам, право, совестно! — начала извиняться пожилая женщина, сидя на постели. — Мы условились нынче утром выйти в дорогу, но вечером, поговаривают, состоится званый ужин. Вот мы и решили побыть здесь еще денек. Если вам несподручно подождать нас, встретимся в Симодэ. Мы всегда останавливаемся в гостинице Косюя, ее легко разыскать.

Я почувствовал себя покинутым.

— А может, обождете до завтра? Дольше мы не задержимся, матушка не позволит. С попутчиками идти лучше. Завтра утром отправимся все вместе, — предложил бродячий артист, и пожилая женщина присоединилась к его просьбе:

— Уж будьте добры! Вы нам честь оказали, путешествуете в нашей компании, и нам так совестно, что мы вас подвели. Завтра уж непременно отправимся в путь, даже если с неба копыа посыплются. Ведь послезавтра сорок девятый день, как умер наш младенчик. Мы еще раньше задумали отслужить в Симодэ скромную поминальную службу, вот и торопимся поспеть туда к этому самому дню. Простите за смелость, но, верно, неспроста судьба соединила нас. Может, послезавтра вы помолитесь вместе с нами?

Я обещал пойти с ними и спустился вниз. Ожидая, когда женщины встанут и выйдут ко мне, я завел разговор в грязной конторе с приказчиком гостиницы.

Мой попутчик пригласил меня прогуляться. Мы немного прошли по большой дороге и увидели красивый мост. Опершись на его перила, бродячий артист начал рассказывать.

Он долгое время работал актером в токийском театре новомодной театральной школы. Еще и теперь он участвует в спектаклях на острове Осима. Из дорожного узла выпирает, как нога, бутафорский меч: иногда случается давать представления в какой-нибудь гостиной. Плетеная корзина битком набита платьем и утварью: разные чашки и сквородки...

— Я загубил себя и упал на самое дно. Мой старший брат в Кофу теперь глава семьи и неплохо ведет хозяйство. А я там лишний...

— Я думал, что вы из Нагаоки, местный житель.

— Выходит, нет! Старшая из молодых женщин — моя супружница. Она на год вас моложе, ей девятнадцать лет. Уже второй раз жена родила до срока во время наших скитаний по большой дороге. Ребенок жил на белом свете всего-то одну неделю. Она до сих не совсем оправилась. Ну, а женщина почтенного возраста доводится ей родной матерью. Танцовщица — моя сестренка.

— Да, помню, вы говорили, что у вас есть сестра четырнадцать лет.

— Это она и есть. Я все время голову себе ломал, как хоть сестренку-то не таскать с собой, да вот приходится, так уж все неудачно сложилось.

Он сказал мне, что зовут его Эйкити, жену — Тиёко, а танцовщица носит имя Каору. Еще с ними идет служанка по имени Юрико, ей семнадцать лет, она им не родня, уроженка острова Осима. Эйкити сильно расчувствовался и стал глядеть на реку с таким видом, словно вот-вот заплачет.

На обратном пути мы увидели танцовщицу. С ее лица уже были смыты белила. Присев на корточки, она гладила щенка. Я сказал ей, что иду к себе в гостиницу.

— Приходите навестить меня.

— Я бы и рада, но одной нельзя.

— А вы приходите вместе с братом.

— Мигом придем.

Но ко мне явился один Эйкити.

— Где же другие?

— Матушка не пустила.

Но когда мы сели с ним играть в гобанг, женщины перешли через мостик и быстро вбежали вверх по лестнице. Отвесив вежливые поклоны, они нерешительно сели на пол в галерее. Первой поднялась на ноги Тиёко.

— Заходите ко мне без стеснения, это моя комната, — пригласил я.

Побыв у меня часок, бродячие артисты отправились в купальню при гостинице. Они звали меня с собой, но я вконец смутился при мысли, что там будут три молодые женщины. Вскоре танцовщица опять поднялась ко мне наверх с приглашением от Тиёко.

— Сестрица сказала, что помоем вам спину.

Но я не пошел и начал играть с танцовщицей в гобанг. Неожиданно она оказалась сильным противником. Без труда побеждала Эйкити и своих товарок. Я был хороший игрок, мало кто мог со мной потягаться. Но она — иное дело. Приятно было, что с ней не надо нарочно делать слабые ходы.

Сначала танцовщица чинно протягивала руку, чтобы издали взять костяшку, но мы были с ней наедине, и вскоре она, забыв про все на свете, низко склонилась над доской. Густые пряди ее до неправдоподобия прекрасных волос почти касались моей груди.

Вдруг она покраснелась:

— Извините! Меня будут бранить, — и, прервав игру, опрометью бросилась вон из комнаты.

Матушка стояла перед общей купальней на том берегу реки. Тиёко и Юрико торопливо выскочили из купальни при гостинице и, даже не простившись со мной, воротились бегом.

Весь этот день, с утра до позднего вечера, Эйкити провёл у меня. Простодушно-заботливая хозяйка не преминула заметить мне, что не годится скармливать хорошую еду таким людишкам, дело зряшное.

Вечером я наведалься в ночлежный дом. Танцовщица упражнялась в игре на сямисэне под руководством пожилой женщины. Увидев меня, она положила сямисэн на пол, но по приказу матушки снова взяла его в руки.

Когда она начинала тихо подпевать себе, матушка одергивала ее:

— Не пой, говорят тебе!

Эйкити позвали в ресторанчик на другой стороне улицы, нам было все видно и слышно. Он что-то тянул нараспев.

— Что б это могло быть?

— Ах, это? Утаи¹.

— Утаи? Вот не ожидал.

— Он у нас мастер на все руки. Вперед не угадаешь, за что примется.

¹ Отрывки из пьес старинного театра Но, исполняются особым напевным речитативом.

Тут сосед по гостинице, человек лет сорока, как я слышал, торговец птицей, отодвинул фусума и, заглянув к нам, позвал девушек на угощенье. Танцовщица вместе с Юрико вышла в соседнюю комнату, захватив с собой палочки для еды. Девушки стали выбирать со сковороды лакомые кусочки куриного мяса. Торговец, сказать по правде, уже порядочно ее опустошил.

Когда девушки возвращались обратно, он легонько стукнул танцовщицу по спине.

Матушка состроила страшное лицо:

— Эй, вы! Не смейте к ней прикасаться! Это моя дочка.

Танцовщица стала упрашивать торговца почитать вслух книгу «Странствия Мито Комона»¹.

— Дядя, дядя! — умильно повторяла она.

Но он вскоре ушел. Танцовщица не решилась попросить меня прямо, а принялась уверять, что матушке страх как хочется послушать чтение. Я взял книгу с тайной надеждой. И в самом деле танцовщица начала потихоньку придвигаться ко мне ближе и ближе. Почти касаясь моего плеча головой, она с очень серьезным выражением уставилась на меня горящими немигающими глазами. Должно быть, танцовщица всегда так делала, слушая чтение. Когда торговец птицей читал ей вслух, она чуть не прижималась лицом к его лицу.

Большие черные глаза танцовщицы, сиявшие удивительным блеском, были ее главным очарованием. Линии век казались невыразимо прекрасными. Она смеялась, как цветок. Смеялась, как цветок, — это подлинная правда.

Но вскоре служанка из ресторана пришла позвать танцовщицу. Она надела свое самое нарядное платье и сказала мне:

— Я скоро вернусь. Подождите меня, пожалуйста. Мне так хочется дослушать до конца.

Танцовщица вышла в галерею и, опустившись на колени, низко поклонилась:

— Позвольте отлучиться ненадолго.

— Только не вздумай петь! — приказала ей матушка.

Девушка слегка кивнула и взяла барабан. Матушка повернулась ко мне:

— У нее как раз теперь меняется голос.

В зале ресторана танцовщица уселась в чинной позе и

¹ Мито Комон (1628–1700) — историк и конфуцианец. Речь идет о народной книге из репертуара рассказчиков.

начала бить в барабан. Я видел ее со спины так близко, словно из соседней комнаты. Звуки барабана заставили мое сердце весело забиться.

— Барабан всегда оживляет застолье. — Матушка поглядела, что творится в доме напротив.

Тяёко и Юрико тоже отправились в ресторан. Через какой-нибудь час все трое вернулись.

— Вот только это. — Танцовщица разжала кулак и уронила на ладонь матушки монетку в пятьдесят сэн.

Я опять какое-то время читал вслух «Странствия Мито Комона». Потом они начали рассказывать о ребенке, умершем в пути. Младенец родился прозрачный, как вода. Даже не в силах был плакать и через неделю перестал дышать.

Они были всего лишь бродячие артисты, отбросы общества, но я об этом и думать позабыл. А они, казалось мне, глубоко, всей душой поняли и ощутили, что нет у меня к ним ни поверхностного любопытства, ни презрения, а чувство искренней дружбы.

Я обещал им, что непременно побываю у них на острове.

— Надо поместить его в доме дедушки. Там просторно. А дедушка пусть на время переберется куда-нибудь, чтобы гостю было покойнее. Он сможет заниматься все время, — толковали они между собой, а мне сказали: — У нас два маленьких дома. Домик в горах очень светлый.

Условились, что я помогу им, когда в новогодние праздники они будут давать представление на Осимло, в приморском селенье Хабу.

Скитальческая жизнь бродячих артистов не была такой тяжелой, как я думал вначале. Скорее беспечная, она несла с собой запах лугов. Все в этой маленькой труппе были крепко связаны между собой родственной любовью. Только служанка Юрико всегда держалась отчужденно и угрюмо, может быть по застенчивости.

Я ушел от них после полуночи. Девушки проводили меня до порога. Танцовщица повернула мои гэта носками к выходу, чтобы мне было удобно их надеть. Выглянув из дверей, она бросила взгляд на ясное небо:

— А-а, как светит луна! Завтра будем в Симода, вот радость! Помолимся об умершем ребенке, а матушка купит мне гребешок, и еще будет много интересного. Сводите меня в кино!

Для артистов, бродивших по горам Идзу и Сагами ¹, портовый город Симода был желанным прибежищем, от него словно бы веяло родиной.

5

Каждый из бродячих артистов нагрузил на себя такую же ношу, как при переходе через перевал Амаги. На руках матушки с видом бывалого путешественника лежал, свесив лапы, щенок.

Покинув Югано, мы снова углубились в горы. Утреннее солнце поднималось над морем и согревало долины. Мы поглядели на восток. Возле устья реки Кавадзу, широко раскинувшись, светлело побережье.

— А вон там наш остров Осима! Такой большой, как посмотришь. Приезжайте к нам, хорошо? — попросила танцовщица.

Оттого ли, что осеннее небо было необычайно ясным, над морем, там, где подымалось солнце, витала, словно ранней весной, легкая дымка.

До Симода оставалось еще пять ри. Море на время спряталось за горами. Тиёко тягуче напевала какую-то песню.

Но вот дорога разветвилась на две. Меня спросили, по которой идти. Одна из них, узкая тропинка под сенью деревьев, несколько пугала своей крутизной, но зато вела напрямик через горы; другая, в обход, была пологой и легкой. Я выбрал кратчайшую дорогу.

Пришлось подниматься чуть не ползком по отвесной тропинке, сплошь усыпанной палыми листьями, где нетрудно было поскользнуться. Дыхание у меня перехватывало, но тем отчаянней я спешил, при каждом шаге нажимая кулаком на колено. Остальные все больше отставали от меня. Одна только танцовщица, высоко подоткнув подол кимоно, попевала за мной, не приближаясь, но и не удаляясь.

Иногда я с ней заговаривал. Она останавливалась с испуганной улыбкой и отвечала мне. Я поджидал ее, чтобы она успела нагнать меня, но танцовщица замирала неподвижно и продолжала путь только тогда, когда я трогался с места. Тропинка петляла и делалась все круче, а я все

¹ Название старой провинции, ныне часть префектуры Каннагами.

убыстрял шаги, но танцовщица упорно взбиралась на гору вслед за мной, сохраняя все то же расстояние. В горах царила тишина. Наши попутчики остались далеко позади, даже голоса их больше не долетали до нас.

— Где в Токио ваш дом?

— О, я живу в студенческом общежитии.

— И я побывала в Токио. Мы ездили туда исполнять пляски на празднике цветения вишен. Только я маленькая была, ничего не помню.

Танцовщица бросала мне один вопрос за другим:

— А у вас есть отец? А вы ездили в Кофу?

Заводила разговор о том, приглашу ли я ее в кино, или вдруг начинала рассказывать об умершем ребенке.

Мы поднялись на вершину горы. Танцовщица поставила барабан на скамейку посреди иссохших трав и платочком обтерла пот с лица. Потом смахнула пыль со своих ног и вдруг, присев передо мной на корточки, стала смахивать дорожную пыль с моих длинных хакама. Я рывком откинулся назад, и она невольно упала на колени. Низко пригнувшись, танцовщица все же отряхнула пыль с моей одежды. Наконец, спустив свой подоткнутый вверх подол, она встала и перевела дыхание.

— Сели бы отдохнуть! — сказала она.

Мимо пролетела стая птичек. Было слышно, как шелестят сухие листья, когда птицы садятся на ветви, — такая тишина стояла кругом.

— Почему вы так быстро шли? — Танцовщице, видимо, было очень жарко.

Я легонько постучал пальцем по барабану, и птицы испуганно вспорхнули.

— Ах, как хочется пить!

— Погодите, пойду поищу воды.

Но танцовщица скоро вернулась ни с чем из рощи пожелтевших деревьев.

— А чем вы заняты, когда живете на Осима?

Тут вдруг танцовщица ни к селу ни к городу назвала два-три женских имени и принялась лепетать что-то уж совсем для меня непонятное. Кажется, дело происходило в Кофу, а не на острове Осима. Должно быть, речь шла о ее подружках, она училась в начальной школе два года. Танцовщица рассказывала бессвязно, что на память придет.

Мы довольно долго ждали, пока наши молодые спутники достигли вершины. Матушка догнала нас очень нескоро.

Когда мы спускались, я нарочно отстал от других вместе с Эйкити и завел с ним неспешную беседу.

Но не успели мы пройти и двух тё, как танцовщица бегом поднялась к нам вверх по тропинке.

— Там внизу источник. Поторопитесь! Смерть как пить хочется, но мы ждем вас.

Вода... Я быстро сбежал вниз. В тени деревьев из скалы бил чистый ключ. Женщины обступили его.

— Пожалуйста, испейте первым. Погрузишь руки, вода замутится, да к тому же после нас, женщин, источник станет нечистым, — сказала матушка.

Я стал пить ледяную воду из пригоршни. Женщинам не хотелось уходить отсюда. Выжимая досуха полотенце, они отирали с себя пот, ливший ручьем.

Спустившись с горы, мы вышли на дорожный тракт, ведущий в Симода. Показались дымки над печами угольщиков. Мы расположились отдохнуть на бревнах у обочины. Танцовщица, присев на корточки посреди дороги, принялась расчесывать своим розовым гребешком взлохмаченную шерсть щенка.

— Зубья поломаешь, — сделала ей замечание матушка.

— Ничего! Купим в Симода новый.

Я-то еще в Югано задумал выпросить на память гребешок танцовщицы. Она вкалывала его спереди в прическу — и вдруг чешет им собаку... «Куда он теперь», — огорчился я.

На другой стороне дороги лежала куча связок мелкорослого бамбука.

— В самый раз годится для дорожной палки, — сказал я, когда мы с Эйкити первыми тронулись в путь.

Танцовщица догнала нас бегом. Она несла в руках бамбуковую трость выше себя ростом.

— Это еще зачем? — спросил Эйкити.

Девочка чуть смущенно подала мне бамбук.

— Ну и зря! Такая толстая бамбучина, сразу видно, что краденая. Нехорошо, если заметят. Сейчас же отнеси назад!

Танцовщица вернулась туда, где лежали связки бамбука, и мигом примчалась обратно. На этот раз она подала мне трость не толще пальца, потом упала навзничь на межу поля и, трудно переводя дыхание, стала ждать других.

Мы с Эйкити без остановки отшагали пять-шесть кэнов¹.

¹ Мера длины, 1,81 м.

— Важность какая! Можно выдернуть и вставить золотые, — вдруг донесся голос танцовщицы.

Я обернулся. Танцовщица шла рядом с Тиёко, матушка несколько позади, рядом с Юрико. Не замечая, что я оглядываюсь и прислушиваюсь, Тиёко подхватила:

— Правда, правда. Надо бы ему сказать.

Верно, разговор шел обо мне. Тиёко сказала, что зубы у меня неровные, а танцовщица возразила, что можно вставить золотые. Обсуждали мою наружность, но это не обидело меня, не заставило насторожиться, напротив, меня охватило чувство дружеской близости.

Некоторое время они разговаривали тихо. Вдруг я разобрал слова танцовщицы:

— Он хороший!

— Что ж, пожалуй. Похоже, что хороший.

— Нет, вправду хороший человек. Хороший, хороший!

Голос звучал так искренно... В немногих словах по-детски откровенно выплеснулось сердечное чувство. Она заставила меня самого по-настоящему поверить, что я хороший человек. Радостно глядел я на облитые светом горы. В глубине век что-то слегка пощипывало.

В свои двадцать лет я подверг себя беспощадному анализу и пришел к выводу, что духовно вконец искалечен сиротством. И не в силах победить тоску отчаяния, отправился в путешествие по Идзу. Вот почему я был так несказанно счастлив! Значит, я в обычном житейском смысле кажусь людям хорошим. А как удивительно светлели горы! Сказывалась близость залива Симода.

Размахивая бамбуковой палкой, я сбивал головки осенних цветов.

На дороге, возле какой-нибудь деревни, иногда бросалась в глаза дощечка с надписью: «Нищим и бродячим музыкантам в деревню заходить строго запрещается».

6

Гостиница Косюя находилась на северной окраине Симода. Я поднялся вслед за моими спутниками в комнатушку на втором этаже, примостившуюся под самой кровлей. Потолка не было. Когда я присел на край окна, голова моя почти касалась крыши.

— Ты плечи не перетрудила? — несколько раз заботливо осведомилась матушка у танцовщицы.

— Нет, руки не болят.

Танцовщица сделала несколько красивых движений руками, словно ударяя по барабану.

— Не болят. Могу играть, могу.

Я поднял барабан:

— О-о, какой тяжелый!

— Да, тяжелее, чем вы думали. Тяжелее вашей сумки, — засмеялась танцовщица.

Мои попутчики оживленно обменивались приветствиями с постояльцами гостиницы. Это была своя компания: бродячие артисты и балаганщики. Похоже, что город Симода служил гнездом для этих перелетных птиц. Чей-то ребенок, топая ножками, забежал в комнату. Танцовщица дала ему медяк.

Когда я собрался уходить из гостиницы Косюя, танцовщица первой вышла в прихожую и повернула мои оставленные у порога гэта носками к выходу.

— Возьмите меня в кино, — шепнула она, словно бы сама себе.

Какой-то человек, смахивавший на громилу, проводил меня до полдороги. Мы с Эйкити пошли в гостиницу, хозяин которой был раньше градоправителем. Я принял ванну и вместе с Эйкити пообедал свежей рыбой.

— Купите хоть немного цветов для завтрашней поминальной службы, положите их на алтарь. Пусть это будет от меня, — на прощанье я передал Эйкити немного денег.

Завтра утром я должен был отплыть на пароходе. Деньги у меня были на исходе, а надо было еще добраться до Токио. Бродячим артистам я сказал, будто мне поневоле приходится прервать путешествие, этого-де требуют занятия.

Часа через три я отужинал и перешел по мосту на северную окраину города. Там я поднялся на вершину горы Симода-Фудзи и полюбовался видом на гавань, а на обратном пути завернул в гостиницу Косюя.

Бродячие артисты как раз ужинали. Перед ними стояла сковорода с курятиной.

— Отведайте хоть малость. Правда, мы, женщины, опускали туда свои палочки, после нас кушанье нечистое, но ничего, смеха ради можно. — Матушка вынула из корзины чашку, палочки для еды и велела Юрико их помыть.

Сегодня был канун сорок девятого дня после кончины младенца, и все принялись хором умолять меня отложить отъезд хоть на денек, но я отговорился тем, что спешу к началу занятий.

Матушка повторяла:

— Ну, если так, приезжайте к нам на зимние каникулы, мы все придем встречать пароход. Только известите нас заранее. Вы нас обидите, если остановитесь в гостинице. Будем вас встречать.

Когда в комнате остались только Тиёко и Юрико, я пригласил их в кино. Тиёко прижала руки к животу:

— Нездоровится мне. Совсем ослабела от долгой ходьбы.

На ее бледном до синевы лице была написана смертельная усталость. Юрико с каменным лицом уставилась в землю.

Танцовщица играла с ребенком. Увидев меня, она повисла на шее матушки и стала выпрашивать у нее дозволения пойти со мной в кино, но скоро вернулась ни с чем, смущенная, и повернула мои гэта к выходу.

— В чем дело? Отчего нельзя отпустить ее с ним одну? — попробовал замолвить за нас словечко Эйкити, но матушка была неумолима.

«Почему ей нельзя пойти со мной?» — думал я с недоумением. Выйдя из прихожей, я увидел, что танцовщица гладит щенка по голове. Она держалась отчужденно и даже не посмотрела на меня. Я так и не решился сказать ей ни слова.

В кинематограф я пошел один. Женщина-рассказчик¹ давала пояснения при свете фонарика. Скоро мне надоело смотреть, и я вернулся в свою гостиницу. Опершись локтями на подоконник, я долго глядел на ночной город. Улочка была темная. Мне чудилось, что издалека еле доносится стук барабана. И вдруг закапали беспричинные слезы.

7

Когда на другой день я завтракал в семь утра, перед отъездом, Эйкити окликнул меня с улицы. На нем было черное хаори² с гербами. Он принарядился, чтобы проводить меня. С ним никого не было. Я остро почувствовал грусть одиночества. Эйкити поднялся ко мне наверх.

— Наши все хотели проводить вас, но вчера поздно легли, просто без сил, до того утомились. Уж извините. Просили передать, что зимою непременно вас ждут.

¹ В эпоху немного кино фильмы в Японии показывали в сопровождении не музыки, а устного рассказа о происходящем.

² Парадная накидка.

На улице дул зябкий ветерок осеннего утра. По дороге Эйкити купил для меня четыре пачки сигарет «Сикисима», немного хурмы и освежающее полоскание для рта «Каору»¹.

— Мою сестренку зовут Каору, — заметил он с улыбкой. — На корабле мандарины вредят, хурма помогает против морской болезни.

— А такой подарок годится?

Я снял с себя охотничью шапочку и нахлобучил на голову Эйкити, вынул из сумки смятую студенческую фуражку и стал ее разглаживать. Оба мы рассмеялись.

Мы дошли до пристани. На берегу сидела, низко пригнувшись к земле, танцовщица. Образ ее словно впорхнул в мое сердце. Пока я не приблизился к ней, она не шевельнулась. Молча склонила голову. На ее лице виднелись следы вчерашнего грима. Красные пятнышки в уголках глаз, словно бы отблески гнева, сообщили ее лицу выражение юного достоинства.

Эйкити спросил:

— А другие придут?

Танцовщица отрицательно покачала головой.

— Что, все еще спят?

Она кивнула.

Пока Эйкити ходил покупать для меня билеты на ялик для переправы и на пароход, я попробовал было завязать разговор, но танцовщица упорно смотрела вниз, туда, где канал впадает в море, и не проронила ни слова. Даже не дослушав до конца, она начинала механически, словно во сне, кивать головой.

Но тут вдруг я услышал:

— Бабушка, видать, он добрый.

Ко мне подошел человек, похожий на землекопа.

— Господин студент, вы едете в Токио? Будьте милостивы, позаботьтесь в дороге об этой старушке, жаль ее, бедную. Сын у нее работал на серебряных рудниках в Рэндайди², да в нынешнюю эпидемию³ померли и сын и невестка. Осталось трое внучат. Ничего не попишешь! Потолковали мы между собой и порешили отправить всю семью на родину, в Мито. Бабушка, почитай, ничего не

¹ «Каору» — в переводе с японского буквально «аромат». Имя танцовщицы.

² Местность возле Симода, где находится горячий источник и серебряные копи.

³ В 1919 г. в Японии эпидемия испанки унесла 150 тысяч жизней.

соображает. Когда пароход причалит к Рэйгансима¹, посадите их на трамвай, что идет к вокзалу Уэно. Хлопотное это дело, но мы так просим вас, уж так просим! Вы только поглядите, и, верно, вас жалость возьмет.

Старуха стояла с потерянным видом. К спине был привязан грудной младенец. За левую руку уцепились две девочки: младшая — лет трех, старшая — лет пяти. В грязном узле виднелись рисовые колобки и соленые сливы.

Шахтеры целой компанией пришли позаботиться о старухе. Я охотно взялся помочь ей.

— Уж мы на вас надеемся!

— Очень благодарим. Надо бы самим проводить их в Мито, да никак невозможно.

Каждый из шахтеров выражал мне свою признательность.

Ялик сильно качался на волнах. Танцовщица, по-прежнему крепко сжав губы, смотрела в сторону. Цепляясь за веревочную лестницу, я оглянулся. Она как будто собиралась сказать «прощайте», но только еще ниже опустила голову. Эйкити усердно махал подаренной ему охотничьей шапочкой. Когда я был уже далеко, танцовщица тоже махнула чем-то белым.

Пароход покинул залив Симода. Пока южный берег полуострова Идзу не скрылся за кормой, я, ухватившись за поручни, жадно вглядывался в открытое море, где виднелся остров Осима. У меня было такое чувство, будто маленькая танцовщица осталась где-то в далеком прошлом.

Я заглянул в соседнюю каюту проведать старушку, но люди уже собрались вокруг нее в кружок и всячески ее утешали. Успокоенный, я ушел в свою каюту.

В море Сагами поднялось сильное волнение. Сидя на полу, я клонился то вправо, то влево. Матрос подавал пассажирам маленькие тазики. Я растянулся на полу, положив сумку вместо подушки. В голове у меня было пусто, я даже не чувствовал времени. Слезы капали неудержимо. Щеке стало холодно, и я повернул сумку другой стороной.

Рядом со мной лежал мальчик. Он был сыном фабриканта, ехал в Токио готовиться к поступлению в высшую школу и сразу почувствовал ко мне симпатию, увидев на мне студенческую фуражку. Мы разговорились.

— Что с вами? Случилась какая-нибудь беда? — спросил он.

¹ Пристань на правом берегу реки Сумида. Туда причаливали корабли, идущие из Идзу.

— Нет, я сейчас расстался с одной девушкой, — ответил я просто, с полной откровенностью.

Я не стыдился своих слез. Ни о чем не думал. Спокойно погрузился в забытие, переполненный освежающей отрадой. Не заметил даже, как на море опустились сумерки. Но вот в Адзиро и Атами зажглись огни.

Мне стало холодно, я проголодался. Мальчик открыл сверток из коры бамбука. Словно забыв, что это чужое, я поел норимаки¹. И завернулся в школьный плащ мальчика. Я был погружен в такую теплую атмосферу дружбы, когда все кажется простым и естественным.

Завтра рано утром я провожу старушку на вокзал Уэно и куплю ей билет до Мито. Это в порядке вещей. Все, чувствовал я, сливается воедино.

Свет в каюте погас. Сильнее послышался запах моря и живой рыбы, нагруженной на пароход.

В полной тьме, согретый теплом спавшего рядом со мной мальчика, я дал волю слезам. Будто голова моя стала чистой водой и она проливалась капля за каплей. Потом словно бы не осталось ничего, только сладостное умиротворение.

¹ Рисовые колобки или ломтики сырой рыбы, завернутые в листья морской капусты.

Гимпэй Момои приехал в Каруидзава в конце лета, но там уже явственно чувствовалось дыхание осени. Он купил фланелевые брюки и сразу натянул их на себя взамен старых. Затем он приобрел новый свитер и рубашку, а также синий плащ, поскольку к вечеру становилось прохладно и сыро. Оказывается, в Каруидзава можно приобрести вполне приличные вещи. Еще он купил удобные башмаки, а свои оставил в обувной лавке. Завязав в фуросики старые вещи, он принялся размышлять, как от них избавиться. А не спрятать ли в одной из опустевших дач? Там на них не нагнутся до будущего лета. Он свернул в переулок и попытался открыть окно пустого дома, но деревянные ставни были накрепко приколочены. Взламывать опасно. Подумают: вор!

Он сунул узел со старой одеждой в мусорный ящик у черного хода и вздохнул с облегчением. Когда он надавил на узел, стараясь затолкать его поглубже, в ящике зашуршала бумага. Дачники-то перед отъездом не удосужились, а сторож поленился освободить ящик от мусора, и теперь, когда Гимпэй затолкал туда свой узел, крышка не закрылась плотно. Но это его уже не тревожило.

Пройдя шагов тридцать, он оглянулся. И тут ему показалось, будто с той стороны, где стоял мусорный ящик, поднялся в тумане целый сонм серебристых мотыльков. Он замер и хотел было уже вернуться обратно, когда это серебристое видение промелькнуло у него над головой и исчезло, на мгновение осветив легким голубым сиянием лиственничную аллею, в конце которой виднелась арка, украшенная декоративными фонариками, — вход в турецкую баню.

Приблизившись к арке, Гимпэй коснулся рукой волос. Обычно он сам подстригал волосы безопасной бритвой, удивляя окружающих своим умением.

Его встретила у входа и проводила внутрь банщица. Кто-то ему потом рассказал, что клиенты прозвали ее «мисс турецкая баня». Закрыв дверь изнутри, она сняла белый жакет и осталась в лифчике.

Когда банщица начала расстегивать пуговицы на его плаще, он невольно отшатнулся, но потом успокоился и

предоставил ей заниматься своим делом. Она опустилась на колени, разула его и даже сняла носки.

Гимпэй погрузился в ванну, наполненную ароматной водой. Вода казалась зеленой из-за плиток, которыми была выложена ванна. Парфюмерный запах, исходивший от воды, был не слишком приятен, но Гимпэю, который вот уже столько дней бродяжничал по Синано, то и дело перебираясь из одной дешевой гостиницы в другую, показалось, будто вода пахнет цветами.

Гимпэй принял ванну, и банщица тщательно обмыла его. Затем она присела на корточки у него в ногах и протерла каждый его палец. Гимпэй глядел на ее голову. Волосы у нее были пострижены чуть пониже шеи, на старинный манер, и свободно свисали, как это бывает после мытья головы.

— Не желаете ли помыть голову?

— Что?! Ты даже и это делаешь?

— Да.

Гимпэй с испугом подумал, какой, должно быть, неприятный запах исходит от его давно не мытых волос, но, поборов стеснение, уперся локтями в колени и вытянул шею. Пока она тщательно намыливала ему голову, он окончательно освоился.

— У тебя очень приятный голос, — сказал Гимпэй.

— Голос?..

— Да. Я слышу его и после того, как ты умолкаешь. Хочется, чтобы он звучал вечно. Такой ласковый и нежный, он будто проникает в самые глубины мозга. Твой голос способен смягчить сердце закоренелого преступника...

— Неужели? По-моему, противный, слащавый голос.

— Вовсе не слащавый, а невыразимо сладостный...

В нем чувствуется грусть... и ласка. Он приятный и ясный. И не такой, как у певца. Ты влюблена?

— Рада бы, но, к сожалению, нет...

— Послушай, не три так усердно мою голову, когда говоришь. Я перестаю тебя слышать.

Ее пальцы замерли.

— Лучше я помолчу — вы меня смущаете, — пробормотала она в замешательстве.

— Есть же на свете женщины с таким ангельским голоском! Даже по телефону слушал бы его до бесконечности.

Еще немного — и у Гимпэя выступили бы на глазах слезы умиления. Голос девушки доставлял ему ничем не

замутненную радость и успокоение. Такой голос мог принадлежать неземной женщине или милосердной матери.

— Откуда ты родом?

Девушка промолчала.

— Ты родилась на небесах?

— Простите, задумалась... Я из Ниигата.

— Из города Ниигата?

— Нет, из маленького городишка с таким же названием.

— А-а, снежная страна... Вот, оказывается, почему ты такая красивая.

— Вовсе не красивая.

— Нет, ты красива, а такого чудесного голоса, как у тебя, я еще не слышал.

Банщица окатила его несколькими бадейками горячей воды, накинула на голову полотенце, тщательно вытерла волосы и расчесала их гребнем.

Настал черед паровой бани. Гимпэй обернул бедра большим полотенцем, и девушка подвела его к деревянному прямоугольному ящику, отодвинула переднюю дверцу, буквально втиснула его туда и поставила дверцу на место. Затем опустила верхнюю крышку, в которой было вырезано круглое отверстие, чтобы голова оставалась снаружи.

— Да это же настоящая гильотина! — воскликнул Гимпэй. Он повернул шею влево, вправо, с опаской глядя перед собой широко открытыми глазами.

— Многие клиенты так говорят, — равнодушно ответила девушка.

Гимпэй покосился на входную дверь, потом перевел взгляд на окно.

— Может быть, закрыть? — предложила она.

— Не надо.

Наверно, окошко не закрывали, чтобы в помещении не скапливался пар. Электрическая лампочка отбрасывала свет на вяз, росший за окном. Вяз был огромный, и свет не проникал в глубь листвы. Гимпэю почудилось, будто откуда, из зеленой тьмы, доносятся тихие звуки рояля — отдельные звуки, не соединявшиеся в мелодию.

— Там сад? — спросил он.

— Да.

Полураздетая белокожая девушка на фоне окна, за которым виднелась тускло светившаяся зелень листвы, показалась Гимпэю видением из иного мира. Она стояла босиком на полу, выстланном бледно-розовыми кафель-

ными плитками. Ноги у нее были молодые, упругие, в ямках позади колен затаились тени.

Гимпэй подумал, что просто не выдержал бы, останься здесь один; в паническом страхе он представил, как отверстие вокруг шеи сужается и душит его. Из-под стула, на котором он сидел, поднимался жар. Жарко становилось и сзади — словно к спине прислонили горячую доску.

— Долго ли мне здесь сидеть? — спросил он.

— Сколько хотите... Пожалуй, минут десять. Постоянные посетители проводят в паровой бане по пятнадцать минут и даже больше.

Он поглядел на небольшие часы, стоявшие на бельевом шкафчике у входа. Прошло только минуты четыре, может, пять. Девушка намочила в холодной воде полотенце, отжала его и приложила ко лбу Гимпэя.

— Ну и пекло — даже голова закружилась.

Холодное полотенце принесло облегчение, и Гимпэй настолько пришел в себя, что смог даже представить, как комично выглядит его голова, торчащая из деревянного ящика. Он провел руками по груди и животу. Они были липкие и влажные — то ли от выступившего пота, то ли от пара. Он закрыл глаза.

Послышался плеск воды. Девушка выпустила из ванны ароматную воду и мыла пол. Этот звук напомнил ему волны, разбивающиеся о скалу. На скале сидели две чайки. Хлопая крыльями, они тянулись друг к другу клювами. Он увидел море близ родной деревни.

— Сколько прошло времени?

— Семь минут.

Девушка сменила полотенце. Гимпэй опять ощутил приятную прохладу. Забывшись, он подался головой вперед и тут же вскрикнул от боли.

— Что с вами?

Девушка решила, что от жары у Гимпэя закружилась голова. Она подобрала упавшее полотенце, приложила к его лбу, придерживая рукой.

— Хотите выйти?

— Нет, все в порядке.

Теперь Гимпэю представилось, что он идет за этой девушкой с приятным голосом по одной из токийских улиц, где ходит трамвай. На мгновение он даже увидел аллею гинкго, которые зеленым шатром сходились над тротуаром.

Он болезненно поморщился, понимая, что ему не сдви-

нуться с места, пока шея зажата в узком отверстии деревянного ящика.

Девушка отошла в сторону. Должно быть, выражение его лица внушало ей беспокойство.

— Сколько бы ты дала мне лет — сейчас, когда видишь только мою торчащую из ящика голову? — спросил он.

— Я не очень разбираюсь в возрасте мужчин, — нерешительно ответила она.

Она даже не поглядела на него. Гимпэй не нашелся, как сказать ей, что ему тридцать четыре. Девушке нет и двадцати, и она наверняка девственница, решил он. Щеки у нее были свежие, розовые и лишь слегка тронуты румянами.

— Пожалуй, хватит, — тоскливо произнес Гимпэй.

Девушка отодвинула дверцу и, ухватившись за концы полотенца, которое было обернуто вокруг его шеи, осторожно, словно некий драгоценный предмет, потянула на себя его голову. Затем накрыла белой простыней топчан у стены и уложила на него Гимпэя ничком. Массаж она начала с плеч.

До сих пор Гимпэю было неизвестно, что при массаже не только мнут и растирают тело, но еще и хлопают по нему открытыми ладонями. Ладони у банщицы были маленькие, почти детские, но шлепки оказались на удивление сильными, резкими. При каждом ударе Гимпэй со свистом выдыхал воздух. Он вспомнил своего ребенка, как тот, когда Гимпэй склонялся к нему, изо всей силы колотил его круглыми ладошками по лицу и по голове. Когда же его впервые посетило это видение?.. Теперь малютка колотит своими ручонками о земляные стенки могилы... Словно черные стены тюрьмы сомкнулись вокруг Гимпэя. Холодный пот выступил на лбу...

— Ты присыпаешь пудрой? — спросил он.

— Да... Вам плохо?

— Нет-нет! — поспешно ответил он. — Кажется, я снова вспотел... Было бы настоящим преступлением чувствовать себя плохо, когда слышишь твой голос.

Девушка неожиданно прекратила массаж.

— Ты можешь не поверить, но, когда я прислушиваюсь к твоему голосу, все остальное для меня перестает существовать. Голос невозможно достигнуть, его нельзя схватить. Он — как бесконечное течение времени, как река жизни. Нет, пожалуй, не то. Ведь голос может зазвучать в любой момент, стоит только пожелать, но, если ты молчишь, как сейчас, никто не в силах принудить тебя говорить. Конечно, внезапное удивление, гнев или страдание

могут заставить тебя говорить, а так ты вполне свободна распоряжаться своим голосом — сказать что-нибудь или промолчать.

Воспользовавшись этой «свободой», девушка молча массировала ему поясницу, потом занялась ногами и даже размяла ступни, каждый палец.

— Теперь перевернитесь на спину, — едва слышно сказала она.

— Что?

— Ложитесь лицом вверх, пожалуйста.

— Вверх лицом?! — Придерживая полотенце, обернутое вокруг бедер, Гимпэй осторожно перевернулся и лег на спину. Ароматом цветов повеяло на него от дрожащего шепота девушки. Никогда прежде он не испытывал столь пьянящего блаженства.

Она вплотную придвинулась к узкому топчану и начала массировать ему руки. Ее груди оказались прямо перед лицом Гимпэя. Хотя лифчик был завязан не столь туго, полоска кожи вдоль его края слегка вздулась. Лицо овальной формы, близкой к классической; лоб не слишком высокий, но откинутые назад прямые волосы делали его выше, а глаза — и так-то большие и широко раскрытые — еще большими; линия от шеи к плечам пока не обрела женственной плавности, а запястья были по-девичьи пухлыми. Ее матово блестящая кожа оказалась так близко от его лица, что Гимпэй невольно зажмурился. И тут же сноп искр рассыпался перед ним. Они сверкали, как множество серебряных гвоздиков в деревянном плотницком ящике. Тогда он открыл глаза и стал глядеть на потолок. Потолок был выкрашен в белый цвет.

— Наверно, я какжусь тебе старше, чем на самом деле, — пробормотал Гимпэй. — Это потому, что у меня была нелегкая жизнь. Мне тридцать четыре, — признался он ей наконец.

— Правда? Вы выглядите моложе, — равнодушно проговорила девушка.

Она встала у изголовья топчана и массировала ближнюю к стене руку.

— Пальцы на ногах у меня длинные, как у обезьяны. Они вялые и скрюченные, хотя мне много приходится ходить... Всякий раз, когда гляжу на них, чувствую омерзение. А ты касалась их своими прекрасными руками... Неужели ты не испытала отвращения, когда снимала с моих ног носки?

Девушка промолчала.

— Я родился на берегу Японского моря. Там множество черных скал. Я взбирался на них босиком, цепляясь за выступы своими длинными обезьяньими пальцами.

Он подумал о том, как часто приходилось ему в молодости лгать. И все из-за его безобразных ног. Кожа на подошвах была темная, толстая и морщинистая, а кривые пальцы торчали в разные стороны, словно погнутые зубцы у гребня.

Он лежал на спине и не мог видеть свои ноги. Тогда он приблизил к лицу руки и стал их разглядывать. Обыкновенные руки, вовсе не такие безобразные, как ноги...

— Вы сказали, что родились на побережье Японского моря? В каком месте? — без особого любопытства спросила девушка. Сейчас она массировала ему грудь.

— В каком месте?.. Знаешь, я не люблю рассказывать о своей родине. В отличие от тебя я потерял ее навсегда...

Девушку вовсе не интересовала родина Гимпэя, и она мало прислушивалась к тому, что он говорил.

Что за странное здесь освещение? Ему казалось, что банщица не отбрасывает тени. Когда она массировала ему живот, ее груди оказались так близко от него, что он зажмурился и не знал, куда девать руки. Вытянуть их вдоль туловища? Но тогда он невольно коснется ее — и не миновать пощечины... Его на самом деле ударили по лицу. В испуге Гимпэй пытался открыть глаза, но веки не повиновались. Должно быть, им тоже досталось при ударе. Кажется, он заплакал, хотя слез не было. Глаза страшно болели, словно их кололи горячими иглами.

По лицу его ударила не ладонь банщицы, а голубая кожаная сумка. Ощувив удар, он не сразу догадался, что это было. Потом он увидел, как сумка упала к его ногам. Но и тогда он все еще не мог понять, нарочно ли его ударили ею, или это произошло случайно. Ясно было одно: сумка попала ему в лицо, и он вскрикнул от боли.

— Эй, эй!.. — попытался он остановить женщину. Его первой реакцией было сказать ей, что она уронила сумку. Но женщина повернула у аптеки за угол и исчезла. Лишь голубая сумка лежала посреди улицы, неопровержимо свидетельствуя о преступлении. Сумка была полураскрыта — из нее торчала пачка тысячеиеновых купюр. Правда, Гимпэй вначале их не заметил — его прежде всего обеспокоила сама сумка как вещественное доказательство. Поскольку женщина бросила сумку и убежала, его действия в самом деле могли быть восприняты как преступные. Страх заставил Гимпэя поспешно подобрать сум-

ку, и лишь тогда он с удивлением обнаружил торчащие из нее купюры.

Не была ли эта аптека порождением его фантазии? — думал он впоследствии. Странно, что в этом квартале фешенебельных особняков, где вообще нет ни лавок, ни магазинов, одиноко притулилось на углу старенькое неказистое здание аптеки. Но зачем сомневаться: рядом со стеклянной входной дверью к стене был прислонен щит с рекламой какого-то средства от глистов. Он удивился еще больше, когда заметил на перекрестке, между улицей, где ходил трамвай, и кварталом особняков, две совершенно одинаковые фруктовые лавки — в каждой из них были выставлены деревянные ящики с вишнями и клубникой. Пока Гимпэй шел за женщиной, он ничего, кроме нее, не видел. Почему же он вдруг обратил внимание на эти фруктовые лавки? Может, хотел запомнить место, где она повернула за угол, направляясь к своему дому? Фруктовая лавка существовала на самом деле — у него и сейчас перед глазами клубника, аккуратно выложенная в деревянных ящичках, ягодка к ягодке. Не исключено, что на перекрестке была одна фруктовая лавка и лишь расстроенное воображение превратило ее в две. Позднее он не раз боролся с искушением пойти туда и проверить, существуют ли аптека и фруктовые лавки? Честно говоря, он не мог в точности припомнить даже саму улицу, хотя примерно определил ее расположение, нарисовав по памяти план этой части Токио. Однако в тот момент его занимало иное: куда делась женщина?

— Да, наверное, она сначала не собиралась кинуть сумку, — пробормотал Гимпэй и испуганно открыл глаза. Но тут же поспешил снова зажмуриться, пока девушка, массирующая ему живот, не заметила его округлившихся в страхе глаз. К счастью, он не назвал ни предмет, то есть сумочку, ни имя женщины, которая ее бросила. Он ощутил, как судорожно сжались и начали дергаться мышцы живота.

— Щекотно... — сказал в оправдание Гимпэй, и девушка стала массировать мягче. Но теперь ему и в самом деле стало щекотно, и он даже вполне натурально захихикал.

Гимпэй считал, что та женщина — неважно, ударила ли она его сумкой или просто швырнула ею в него — подозревала, будто он преследует ее, чтобы завладеть деньгами, и потому, бросив сумку, в паническом страхе убежала. Не исключено также, что она не собиралась бросать сумку, а

хотела лишь, воспользовавшись ею, остановить Гимпэя, но не рассчитала силы и выпустила ее из рук. Они, по-видимому, были совсем недалеко друг от друга, если женщина, размахнувшись, достала сумкой до его лица. Наверно, оказавшись в малолюдном квартале особняков, Гимпэй непроизвольно ускорил шаги и приблизился к женщине. А та заметила это, испугалась и, кинув в него сумку, убежала.

Гимпэй вовсе не собирался ее грабить. Он даже не предполагал, что у нее в сумке были такие деньги. Но когда он поднял сумку, чтобы скрыть вещественное доказательство преступления, то обнаружил там двести тысяч иен — две пачки новеньких купюр по сто тысяч в каждой. В сумке была и сберегательная книжка — по-видимому, женщина возвращалась из банка и решила, что Гимпэй видел, как она снимала деньги со счета, и следует за ней от самого банка. Помимо двух пачек с купюрами он обнаружил в сумке еще тысячу шестьсот иен. Он полистал сберкнижку, отметив про себя, что на счете осталось двадцать семь тысяч. Значит, она забрала из банка почти все свои деньги.

Из той же сберкнижки Гимпэй узнал, что ее владелицу зовут Мияко Мидзуки. Если Гимпэя не интересовали деньги и он шел за женщиной, увлекаемый ее красотой, он должен был вернуть их, как и сберегательную книжку. Но он, очевидно, не собирался этого делать. Подобно тому, как он преследовал женщину, эти деньги, словно живое существо, обладающее или не обладающее разумом, теперь преследовали его. Гимпэй впервые украл деньги. Пожалуй, не столько украл, сколько деньги сами не желали оставить его в покое.

Когда он подобрал сумку, у него и в мыслях не было их присвоить. Он думал лишь о том, что эта сумка — доказательство его преступления, и, спрятав ее под пиджак, чуть не бегом направился к улице, где ходил трамвай. Жаль, что еще не осень, когда он мог бы незаметно пронести сумку под плащом. Он заскочил в ближайший магазин, купил фуросики и завернул в него сумку.

Вернувшись домой, он сжег в печурке сберегательную книжку Мияко Мидзуки, а также носовой платок и другие мелкие вещицы, обнаруженные им в сумке. Переписать со сберкнижки адрес ее владелицы он не догадался и теперь не знал, как найти эту женщину. Правда, он уже и не собирался возвращать ей деньги.

Пока он сжигал сберегательную книжку, носовой платок и гребень, по комнате распространился неприятный

запах. Гимпэй представил, какая же будет вонь, когда он бросит в печурку кожаную сумку. Он разрезал ее на мелкие куски и понемногу сжигал их в течение нескольких дней. Оставшиеся металлические предметы — застёжку, пудреницу, а также тюбик с помадой — он ночью выбросил в сточную канаву. Даже если их найдут, навряд ли они у кого-нибудь вызовут подозрение. Руки Гимпэя дрожали, когда он выдавливал из тюбика остатки помады.

В последующие дни он внимательно слушал радио и просматривал газеты, но нигде не сообщалось ни об ограблении, ни о потере кожаной сумки с двумястами тысячами иен и сберкнижкой.

— Так, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Гимпэй. — Значит, она не сообщила о пропаже — что-то мешало ей это сделать.

От этой мысли темные глубины его души внезапно осветились таинственным светом. Должно быть, он шел тогда за этой женщиной, поскольку некие чары, таившиеся в ней, звали его. Возможно, оба они принадлежат к одному и тому же миру, где обитают духи зла. Прежний опыт подсказывал это Гимпэю. Мысль о том, что они одного племени, внушила ему радость, и он теперь горько сожалел, что не записал адрес Мияко.

Мияко, вне всякого сомнения, испугалась, заметив преследовавшего ее Гимпэя, но в то же время ее душа затрепетала от радости, хотя сама она не понимала почему. Человек испытывает наслаждение, когда присутствует объект наслаждения. Гимпэй избрал таким объектом именно Мияко, хотя в этот час по улицам прогуливалось немало других красивых женщин. Может, он действовал подобно наркоману, узревшему себе подобного?..

Так было и с Хисако Тамаки — первой женщиной, которую он преследовал. Собственно, она была совсем еще девочка — моложе этой банщицы с приятным голоском — и училась в колледже, где преподавал Гимпэй. Когда об их отношениях стало известно, его из колледжа выгнали.

Гимпэй шел за Хисако до самого ее дома и остановился, потрясенный великолепием выстроенного в европейском стиле особняка и ворот с ажурной железной решеткой. Ворота были полуоткрыты, и Хисако, войдя во двор, обернулась и сквозь решетку увидела Гимпэя.

— Как, это вы, господин учитель? — удивилась она.

Ее бледные щеки зарделись. Покраснел и Гимпэй.

— А это, значит, ваш дом, мисс Тамаки? — охрипшим голосом произнес он.

— Господин учитель, почему вы здесь оказались? Хотите зайти?

Но как мог Гимпэй объяснить, зачем он скрытно следовал за своей ученицей? Он поглядел сквозь решетку на особняк, словно любуясь им, и сказал:

— Просто чудо, что сохранился такой замечательный дом — не сгорел во время войны.

— Наш дом как раз сгорел, а этот мы купили уже после войны.

— После войны?.. А чем, собственно, занимается ваш отец, мисс Тамаки?

— Господин учитель, вы к нам по делу? — Хисако сердито уставилась на Гимпэя сквозь решетку ворот.

— Понимаете ли, у меня на ногах экзема... Я слышал, у вашего отца есть хорошее лекарство от экземы, — пробормотал Гимпэй, одновременно думая о том, с какой стати он заговорил об этой болезни, стоя перед воротами богатого особняка. Его лицо болезненно искривилось, и на глазах вот-вот готовы были выступить слезы.

— Вы говорите, от экземы? — холодно переспросила Хисако. Ее взгляд нисколько не смягчился.

— Да, лекарство от экземы. Я слышал, как вы рассказывали о нем вашей школьной подруге. — По ее глазам он видел, что Хисако пытается вспомнить, кому она говорила об этом. — Так болит, что вашему учителю трудно ходить. Узнайте у отца название лекарства, а я здесь подожду.

Удостоверившись, что Хисако скрылась за дверью особняка, Гимпэй поспешно ретировался. Он бежал так, словно его подгоняли собственные безобразные ноги.

Навряд ли Хисако пожалуется родителям или школьному начальству, что он специально шел за ней по пятам, думал Гимпэй, и все же в ту ночь у него страшно разболелась голова, потом стали дергаться веки, и он никак не мог уснуть. Временами он забывался тревожным сном и сразу же просыпался в холодном, липком поту. Ему казалось, будто какие-то ядовитые вещества скапливались в затылке, потом поднимались к макушке и вызывали адскую головную боль.

Голова у него разболелась еще раньше, когда, убегая от дома Хисако, он оказался в квартале увеселительных заведений. Не в силах вынести эту боль, он обхватил голову руками и опустился на землю прямо посреди улицы, не обращая внимания на празднующую публику. В мозгу будто все время звенел колокольчик, каким извещают о крупном выигрыше в лотерею. И еще так зво-

нит колокол мчащейся пожарной машины.

— Что с тобой? — услышал он и одновременно почувствовал, как его легонько ткнули коленкой в плечо.

Он обернулся и поднял глаза. Позади него стояла уличная женщина — должно быть, из тех, какие во множестве появились в «веселых» кварталах после войны. Чтобы не привлекать внимания прохожих, Гимпэй, преодолевая боль, с трудом добрался до тротуара и опять сел, прислонившись лбом к стеклянной витрине цветочного магазина.

— Ты шла за мной, что ли? — спросил он у женщины.

— Не то чтобы за тобой, но...

— Но ведь не я за тобой...

— Да, это так, но...

Ответ женщины прозвучал уклончиво. Собственно, она не утверждала, будто пошла за ним, хотя и не отрицала этого. Если воспринять ее ответ утвердительно, что-то за этим должно было последовать. Но женщина молчала, и Гимпэй, не выдержав, заговорил первым:

— Если не я шел за тобой, значит, пошла за мной ты. Разве не так?

— Думай как знаешь. Мне-то что...

Фигура женщины отражалась в витрине. Казалось, будто она стоит посреди цветов за стеклом.

— Что же ты? Вставай поскорее — люди оглядываются. Случилось что-нибудь?

— Экзема у меня. — Гимпэй сам удивился, отчего он вдруг произнес эти слова. — Так болят ноги, что не могу шагу ступить.

— Дурачок! Я знаю поблизости один приятный дом, где ты мог бы спокойно отдохнуть. А пока сними ботинки и носки — тебе сразу полегчает.

— Не хочу, чтобы кто-то увидел мои ноги.

— А я и не собираюсь на них глядеть, на ноги-то!

— Учти, ты можешь заразиться.

— Не заражусь. — Женщина просунула руки ему под мышки и приподняла его: — Ну вставай же!

Прижимая левую руку ко лбу, Гимпэй глядел на отражение женщины в витрине. Внезапно он заметил там еще одно женское лицо. По-видимому, это была владелица цветочной лавки. Гимпэй оперся ладонью правой руки о стекло, словно хотел схватить букет белых георгинов за витриной, и с трудом встал на ноги. Хозяйка цветочной лавки, нахмурив тонкие бровки, наблюдала за ним. Опасаясь разбить ненароком эту большую витрину и раскраснеть руки, Гимпэй отшатнулся от нее и всей тяжестью

оперся о женщину. Она едва удержала равновесие.

— Не вздумай удрать! — предупредила она и ткнула его рукой в грудь.

Гимпэй вскрикнул от боли. Он не мог понять, каким образом попал сюда, в этот «веселый» квартал, после того как убежал от Хисако. В тот самый момент, когда женщина ткнула его в грудь, он ощутил внезапное облегчение. В голове прояснилось. Словно он оказался на берегу озера и на него повеяло прохладным ветерком с гор. Такой свежий ветер бывает там, когда распускаются листья, но перед глазами Гимпэя возникло озеро, еще затянутое льдом. Должно быть, гладкое стекло витрины напомнило ему озеро — то озеро, на берегу которого раскинулась деревня матери.

Над озером, скрадывая очертания берега, клубится туман. Гимпэй пытается заманить на лед свою кузину Яёи, лелея надежду, что лед проломится и она утонет. Он по-мальчишески ненавидит кузину. Яёи старше его на два года, но Гимпэй хитрее и коварней.

Когда ему исполнилось десять лет, его отец погиб при довольно странных обстоятельствах. После смерти отца родственники настаивали, чтобы мать вернулась в родную деревню. Гимпэя же преследовал страх: если мать уйдет из отцовского дома, он ее навсегда потеряет. И чтобы не допустить этого, он с детства научился прибегать к всяческим хитростям. Яёи же росла, окруженная весенним теплом родительской ласки. Именно Яёи — племянница матери — стала первой любовью Гимпэя, и, может быть, не последнюю роль в этом сыграла тайная надежда: эта любовь поможет ему каким-то образом добиться, чтобы мать осталась с ним. Для Гимпэя было огромным счастьем гулять с Яёи по берегу озера, глядя, как их тени отражаются в воде. В такие минуты ему казалось, что они никогда не разлучатся, вечно будут вместе.

Но счастье Гимпэя длилось недолго. Когда Яёи исполнилось пятнадцать, она перестала проявлять к нему интерес. К тому же после смерти отца родственники по материнской линии стали чураться отцовской родни. Охладев к Гимпэю, Яёи уже и относилась к нему с откровенным пренебрежением. Именно тогда у Гимпэя возникло желание, чтобы лед проломился под ногами Яёи и она утонула в озере. Она вышла замуж за морского офицера и теперь, должно быть, овдовела.

Стеклянная витрина цветочной лавки напомнила Гимпэю покрытое льдом озеро.

— Как ты посмела ударить меня! — возмутился он, поглаживая грудь. — Наверно, на коже синяк.
— Покажи жене, когда вернешься домой.
— Нет у меня жены.
— Ври больше.
— В самом деле нет. Я одинокий школьный учитель, — холодно ответил Гимпэй.

— А я одинокая школьница, — пошутила проститутка. Гимпэй даже не удостоил ее взглядом, но слово «школьница» вызвало у него новый приступ головной боли.

— Опять ноги болят? Я ведь говорила тебе: лучше отдохнуть, чем болтаться по городу. — Женщина поглядела на его ноги.

Что бы сказала Хисако, если бы увидела его в обществе этой женщины? — подумал Гимпэй, в страхе озираясь на прохожих. Он почему-то был уверен: если Хисако и не вернулась к воротам после того, как ушла в дом, сердцем она сейчас с ним.

На следующий день у Гимпэя был урок родного языка в группе, где училась Хисако. Она ожидала его у входа в класс.

— Господин учитель, вот лекарство. — Она поспешно сунула ему в карман маленький сверток.

Измученный головной болью и недосыпанием, Гимпэй не подготовился к занятиям и поэтому решил задать сочинение на свободную тему. Один из мальчиков поднял руку и спросил:

— Господин учитель, а можно написать про болезнь?
— Пишите о чем угодно — ведь сочинение на свободную тему.

— А про экзему можно?.. Хотя это и противная болезнь...

В классе послышался смех. Все повернулись в сторону мальчика. Учителя же никто не удостоил любопытным взглядом. По-видимому, смеялись над мальчишкой, а не над ним, Гимпэем.

— Можно и про экзему. Лично мне о ней ничего не известно, и ваше сочинение поможет восполнить этот пробел в моих знаниях, — ответил Гимпэй и мельком взглянул на Хисако.

Школьники снова дружно рассмеялись — на этот раз в знак солидарности с его неведением. Хисако продолжала что-то писать, низко склонив голову. Но Гимпэй заметил, как у нее зарделись уши.

Когда Хисако положила ему на стол свое сочинение, Гимпэй поглядел на заглавие: «О моем учителе». Значит, девушка написала о нем.

— Мисс Тамаки, прошу вас остаться после занятий, — сказал он.

Хисако едва заметно кивнула. Не поднимая головы, она посмотрела на него снизу вверх. Гимпэй почувствовал ее пристальный взгляд.

Хисако отошла к окну и некоторое время глядела в сад. Когда все сдали свои работы и покинули класс, она подошла к столу. Гимпэй не спеша сложил сочинения в стопку и встал. Они молча вышли в коридор. Хисако следовала чуть позади.

— Спасибо за лекарство, — сказал Гимпэй, обернувшись. — Ты никому не говорила о том, что я просил лекарство от экземы?

— Никому.

— Хорошо.

— Только Онде сказала. Она ведь моя подруга...

— Значит, Онде?..

— Только ей одной.

— Достаточно рассказать одной, чтобы узнали все.

— Ошибаетесь, никто, кроме Онды, об этом не знает. А у нас с ней нет секретов. Мы поклялись рассказывать друг другу все без утайки.

— Вот, значит, какая у тебя подруга!

— Да. И про то, что у отца экзема, я тоже ей призналась. Наверно, вы как раз этот наш разговор и подслушали.

— Может быть, может быть... Так ты говоришь, будто у тебя нет секретов от Онды? Это ложь. Подумай хорошенько. Разве ты рассказываешь ей все, о чем думаешь в течение суток? Тебе тогда не хватило бы двадцати четырех часов. Ведь это невозможно! Представь себе: ночью ты видела сон, а наутро, когда проснулась, забыла его. Как же ты расскажешь о нем подруге? А если ты поссорилась с Ондой во сне и решила убить ее?

— Такие сны мне не снятся.

— Видишь ли, желание быть абсолютно откровенной с подругой — не что иное, как прихоть больной фантазии. Лишь на небе или в аду не может быть секретов от других. Но не в обычной земной жизни. Если у тебя нет никаких секретов от Онды, значит, ты как самостоятельная личность просто не существуешь, не живешь своей собственной жизнью. Положа руку на сердце, подумай, о чем я тебе

говорю. Честно подумай.

Хисако не сразу поняла, куда клонит Гимпэй, зачем пытается внушить ей эти мысли.

— Вы считаете, что в дружбу верить нельзя? — попыталась она возразить.

— Не может существовать истинной дружбы, когда нет друг от друга секретов. И не только дружбы, но и всяких иных человеческих чувств.

— Что вы говорите?! — Хисако никак не могла понять его. — Я делюсь с Ондой всем, что считаю важным.

— Так ли это?.. Думаю, о самом важном, как и о самой мелочи — вроде малюсенькой песчинки в дюнах, — ты ей не рассказываешь. К примеру, насколько важной ты считаешь экзему, от которой страдают твой отец и я? Наверно, по важности она стоит у тебя где-то посредине?

Слова Гимпэя прозвучали столь язвительно, что Хисако побледнела и готова была вот-вот расплакаться. Он заметил это и продолжил в более мягком тоне:

— Неужели ты сообщаешь Онде все подробности о вашей семье? Наверное, нет. И о секретах, связанных со службой твоего отца, тоже не рассказываешь. Или, к примеру, ты написала сочинение об учителе — обо мне, должно быть. Думаю, не обо всем, что там написано, ты говорила Онде.

Хисако поглядела на Гимпэя полными слез глазами. Но не произнесла ни слова.

— Кстати, чем занимался твой отец после войны? Каким образом удалось ему так преуспеть? Хоть я и не Онда, но хочу, чтобы ты мне когда-нибудь подробно о нем рассказала.

Гимпэй говорил равнодушно, как бы не придавая этому особого значения, но в его словах прозвучала явная угроза. Он подозревал, что отец Хисако сколотил состояние незаконными операциями на черном рынке, — как иначе смог бы он сразу после войны приобрести такой роскошный особняк? Он решил на всякий случай припугнуть Хисако, рассчитывая, что теперь уж она будет держать язык за зубами и не проговорится, как он тайно следовал за ней до самого дома, хотя верил, что Хисако и так никому о нем не рассказала, иначе навряд ли пришла бы сегодня на занятия, да еще принесла лекарство и написала сочинение «О моем учителе».

Он пошел следом за Хисако бессознательно, словно во сне или в опьянении, влекомый ее женскими чарами. Повидимому, она уже тогда поняла это, осознала силу своей

привлекательности, и это внушало ей самой тайную радость. Что до Гимпэя, то он почувствовал, что его околдовала необыкновенная девушка.

Припугнув Хисако и решив, что цель достигнута, Гимпэй огляделся по сторонам и заметил Нобуко Ондю. Она стояла в конце коридора и наблюдала за ними.

— Ну, пока... Вон твоя близкая подруга заждалась. Наверно, беспокоится за тебя, — сказал Гимпэй.

Хисако не бросилась вперед, опережая учителя, как поступила бы обыкновенная девочка. Потупившись, она медленно шла по коридору за ним следом, все более отставая.

Спустя несколько дней Гимпэй поблагодарил ее за лекарство:

— Спасибо тебе, оно прекрасно подействовало. Теперь я совершенно здоров.

— Я рада. — Щеки Хисако порозовели, на них появились симпатичные ямочки.

Однако радость Хисако была недолгой. Не посчитавшись с подругой, Онда донесла на нее и Гимпэя, и дело кончилось тем, что его выгнали из колледжа.

С той поры минуло много лет, и вот теперь в турецкой бане Гимпэй вдруг представил, как в том роскошном особняке отец Хисако, восседая в кресле, сдирает кожу на зараженных экземой ногах...

— Человеку, больному экземой, турецкая баня категорически противопоказана. Влажный пар вызывает невыносимый зуд, — пробормотал Гимпэй. — Среди твоих клиентов попадались больные экземой?

— Как вам сказать... — уклончиво ответила девушка.

— Таким, как я, экзема не угрожает. Она — привилегия богачей, у которых на ногах мягкая, нежная кожа. Микробы вульгарной болезни поселяются на благородных ногах — такова жизнь. А на ногах вроде моих, похожих на обезьяньи, с грубой, жесткой кожей, бактерии просто не выживают, — произнес Гимпэй, наблюдая, как девушка своими белыми пальцами массирует подошвы его уродливых ног. — К ним даже экзема не захочет пристать, — повторил он опять и нахмурился.

Зачем именно сейчас, когда он испытывает настоящее блаженство, понадобилось ему затевать с этой симпатичной банщицей разговор об экземе? Может быть, чтобы повторить ту ложь, которую он сказал Хисако?

Тогда, у ворот ее дома, он неожиданно солгал, будто у него на ногах экзема и нужно лекарство. Потом он солгал

снова, когда спустя несколько дней поблагодарил ее за лекарство, от которого якобы ему стало лучше. На самом деле никакой экземы у него не было. Он не соврал тогда на уроке, что об экземе ему ничего не известно. А лекарство, принесенное Хисако, он выбросил. Он и уличной женщине говорил, будто не может ходить из-за экземы. Одна ложь породила другую и, раз высказанная, уже неотступно следовала за ним по пятам. Ложь преследовала Гимпэя подобно тому, как Гимпэй преследовал женщин. То же и преступление: единожды совершенное, оно преследует человека, порождая новые преступления. А плохие привычки? Однажды увязавшись за женщиной, Гимпэй уже не мог совладать с желанием преследовать других. Привычка столь же прилипчива, как экзема. От нее невозможно избавиться. Казалось бы, вылечился от экземы — глядь, на будущий год в летнюю пору она появляется снова.

— У меня нет экземы. Я вообще не знаю, что это такое, — пробормотал Гимпэй, словно упрекая себя за ложь. Как это могло ему прийти в голову: сравнивать удивительное, восторженное ощущение, какое он испытывал, следуя за женщиной, с отвратительной болезнью? Неужели впервые произнесенные им слова лжи были способны вызвать подобную ассоциацию?

Внезапная догадка возникла у него в голове: не от того ли, что у него безобразные ноги, не от ощущения ли своей неполноценности солгал он тогда Хисако, будто у него экзема? И не потому ли, что у него безобразные ноги, он следует по пятам за женщинами — ведь передвигается-то он за ними на этих ногах! Гимпэй был поражен этой внезапно озарившей его мыслью. Неужели уродливая часть его тела жаждет красоты, стремится к ней? Так, может, это закон небес, может, так предопределено свыше, что уродливые ноги должны следовать за красивыми женщинами?

Девушка начала массировать колени и икры. Теперь его ноги были прямо перед ее глазами.

— Ногти постричь? — услышал он приятный голосок банщицы.

— Ногти? Ты имеешь в виду ногти на ногах? Неужели ты согласна постричь даже эти ногти? — воскликнул Гимпэй и, чтобы скрыть замешательство, добавил: — Они, должно быть, очень большие?

Девушка опустила ладонь на подошву и мягким нажатием распрямила скрюченные и длинные, как у обезьяны, пальцы.

— Немного длинные... — сказала она и стала аккуратно подстригать ногти.

— Как чудесно, что тебя можно всегда здесь найти, — заговорил Гимпэй. Он перестал наконец смущаться и предоставил ей заниматься ногтями. — И что я смогу приходить сюда в любое время, когда захочу тебя повидать... А если пожелаю, чтобы ты сделала мне массаж, достаточно назвать твое имя?

— Да.

— Ты ведь не случайная прохожая. Не посторонняя, чье имя и адрес мне неизвестны. Ты не такая, как те, кого я теряю в этом мире без надежды когда-нибудь встретить, если только сам не пойду за ними. Впрочем, тебе может показаться странным то, о чем я говорю...

Никогда и ни перед кем он так откровенно не выставлял свои уродливые ноги, как перед этой девушкой, которая тем временем, придерживая одной рукой его стопу, аккуратно подстригала ногти. Эта мысль вызвала у него на глазах слезы умиления.

— Да, тебе могли показаться странными мои слова, но я говорю правду... Приходилось ли тебе испытывать чувство горького сожаления, когда человек проходит мимо и навсегда исчезает? Мне оно так знакомо. Я говорил себе: «Ах, какой приятный человек!», «Какой изумительной красоты женщина!» — или: «Никогда в жизни не приходилось встречать кого-либо столь привлекательного». Это случалось на улице, когда я оглядывался на прохожего, или в театре, когда я любовался женщиной, сидевшей в соседнем кресле, или после концерта, когда я спускался по лестнице рядом с незнакомым человеком. И я думал: через мгновенье мы разойдемся в разные стороны и больше не встретимся... Нельзя ведь вдруг остановиться и заговорить с совершенно незнакомым человеком! Такова жизнь — и с этим ничего не поделаешь. Но всякий раз меня при этом охватывает такая смертельная тоска... Я испытываю такую опустошенность, что словами это не передать. И появляется неудержимое желание последовать за этим человеком даже на край света, хотя и понимаешь, что это невозможно. Единственный выход — лишить его жизни.

Гимпэй умолк, почувствовав, что его занесло куда-то в сторону, и, переводя разговор на другое, сказал:

— Кажется, я говорил несколько напыщенно, но что мне безусловно приятно — это возможность услышать твой голос: ведь достаточно набрать номер телефона... Но тебе, по-видимому, не всегда это удобно. И в отличие от

посетителей у тебя нет свободы выбора. К примеру, тебе понравился посетитель, ты хочешь, чтобы он пришел снова, и с нетерпением ожидаешь его, но ведь это от тебя не зависит, это целиком зависит от его желания: прийти или нет. Может, больше он вообще никогда не появится. Грустно, правда? Но неизбежно, и с этим надо смириться. Такова жизнь.

Гимпэй наблюдал, как двигались лопатки у банщицы, когда она стригла ему ногти.

Покончив с ногтями, девушка замерла в нерешительности, потом, не поворачивая головы, спросила:

— А на руках?..

Гимпэй поглядел на свои руки, скрещенные на груди, и сказал:

— Вроде бы на руках ногти не такие длинные. И не такие грязные, как на ногах.

Но поскольку он не отказался, девушка постригла ему ногти и на руках.

Гимпэй догадывался, что напугал девушку своими неожиданными и зловещими высказываниями. Они и у него самого оставили в душе неприятный осадок. В самом ли деле конечной целью преследования должно быть убийство? Он всего лишь подобрал сумку Мияко Мидзуки, и трудно сказать, доведется ли ему вновь ее встретить. Ему помешали встречаться с Хисако, и нет никакой надежды, что когда-нибудь он ее увидит. Он не довел преследование этих женщин до конца, не совершил убийства. По-видимому, и Хисако и Мияко для него навсегда потеряны — обе они остались где-то в недоступном ему мире.

Перед его глазами с удивительной ясностью всплыли лица Хисако и Яёи, и он сравнил их с лицом банщицы.

— Ты делаешь это так тщательно и с таким умением. Было бы странно, если бы посетители не приходили к тебе снова.

— Зачем вы так меня хвалите? Ведь это моя работа.

— Как чудесно ты сказала эти слова: «Ведь это моя работа».

Девушка отвернулась. Гимпэй смущенно закрыл глаза. Сквозь узкие щелки между веками он видел белый лифчик банщицы...

— Сними это, — сказал он однажды Хисако, ухватившись пальцами за край лифчика.

Хисако отрицательно покачала головой. Он рванул лифчик на себя, обнажив ее грудь. Хисако испуганно гля-

дела на лифчик, а он сначала сжал его в кулаке, потом отбросил в сторону...

Гимпэй открыл глаза и поглядел на правую руку банщицы, которой она стригла ему ногти. Насколько Хисако была моложе ее? На два года, а может, на три? Стало ли тело Хисако теперь столь же прекрасным и белокожим, как у этой банщицы? Гимпэй ощутил запах краски, какой бывает окрашена темно-голубая хлопчатобумажная ткань курумэ. В юности он носил кимоно из такой материи, но сейчас этот запах напомнил ему юбку Хисако из голубой саржи. Надевая юбку, Хисако заплакала, да и у самого Гимпэя выступили на глазах слезы...

Он почувствовал, как внезапно обессилели пальцы, с которых девушка обрезала ногти, и вспомнил: то же самое случилось, когда он и Яёи, взявшись за руки, шли по замерзшему озеру близ родной деревни матери.

— Что с тобой? — удивилась тогда Яёи и повернула к берегу.

Наверное, если бы силы в тот миг не покинули Гимпэя и он удержал бы Яёи, он сумел бы все же проломить лед и утопить ее.

Яёи и Хисако не были для него первыми встречными. Он не только знал их имена и адреса — некоторым образом с ними была связана часть его жизни. И при желании он мог всегда их повидать. Но его вынудили расстаться с этими женщинами...

— Как насчет ушей? — спросила банщица.

— Ушей? А что ты собираешься делать с моими ушами?

— Прочистить. Сядьте, пожалуйста...

Гимпэй приподнялся с топчана и сел. Девушка слегка помяла мочку уха, потом сунула в ушную раковину палец и стала осторожно его вращать. Он ощутил, как застойный воздух выходит из уха, и, по мере того как она продолжала вращать палец, придерживая его свободной рукой, чувствовал легкую вибрацию, и множество новых звуков проникло в его ухо.

— Как тебе это удается? Мне кажется, будто я погрузился в чудный сон! — воскликнул Гимпэй и повернул голову. Но собственного уха он, конечно, увидеть не смог.

Тем временем банщица просунула палец в другое ухо и стала медленно его вращать.

— Похоже на неясный любовный шепот. Как мне хотелось бы, чтобы все людские голоса исчезли из моих ушей

и в них звучал лишь твой чудесный голосок. Пусть исчезнут вообще все лживые голоса!

Полуобнаженная банщица вплотную придвинулась к Гимпэю. Ему почудилось, будто все его существо наполнилось неземной музыкой.

— Вот и все. Извините, если что-то было не так, — сказала девушка.

Она натянула на ноги Гимпэя носки, застегнула на рубашке пуговицы, надела ботинки и завязала шнурки. Единственное, что пришлось сделать ему самому, — повязать галстук и затянуть на брюках ремень. Пока Гимпэй пил прохладный сок, девушка стояла с ним рядом, потом проводила его до двери.

Гимпэй вышел в сад, и в вечерней тьме ему вдруг привиделась огромная паутина. Вместе с различными насекомыми он заметил в паутине двух, а может, трех белоглазок. Он обратил внимание на четкие белые кружки на их синих крылышках и вокруг глаз. Взмахнув крыльями, они вполне могли бы разорвать тенета, но крылья их были сложены и опутаны паутиной. Если бы паук приблизился к белоглазкам, они заклевали бы его, поэтому он оставался на почтительном расстоянии, в самом центре паутины, отвернувшись от них.

Гимпэй поднял глаза выше и поглядел на темную зелень деревьев. Ему вспомнился ночной пожар на дальнем берегу озера, там, где была деревня его матери. Пламя пожара, отражавшееся в озере, неудержимо влекло к себе.

* * *

Потеряв сумку с крупной суммой денег, Мияко Мидзуки тем не менее не сообщила об этом в полицию. Это был чувствительный удар по ее бюджету, но по некоторым причинам она решила не заявлять о пропаже. Поэтому Гимпэй зря бежал в Синсю, спасаясь от преследования. Если кто и преследовал его, то, по-видимому, только деньги, которыми он теперь обладал. Дело было не в самом факте воровства, а именно в деньгах.

Гимпэй понимал, что совершил преступление. Но он не считал, что отобрал у Мияко деньги. Разве он не пытался ее окликнуть, предупредить, что она уронила сумку? Да и сама Мияко не считала, что ее ограбили. Она не была даже вполне уверена в том, что Гимпэй присвоил ее деньги. Когда она швырнула сумку, кроме Гимпэя, поблизости никого не было, и само собой подозрение в первую очередь

пало на него, но Мияко не видела и потому не могла утверждать, что именно Гимпэй подобрал сумку, — это мог сделать кто-нибудь другой.

— Сатико, Сатико! — позвала она служанку, как только вошла в дом. — Я потеряла сумку, кажется, около аптеки. Сходи поищи ее. Беги туда сейчас же — не мешкай! Иначе кто-нибудь подберет.

Тяжело дыша, Мияко поднялась на второй этаж. Тацу, другая служанка, поспешила за ней.

— Барышня, вы уронили сумочку? — Тацу, мать Сатико, раньше была единственной прислугой у Мияко, но со временем ей удалось пристроить сюда и свою дочь, хотя Мияко жила одна в маленьком домике и ей не было нужды держать сразу двух служанок. Тацу воспользовалась двусмысленным положением хозяйки и сумела поставить себя выше, чем обыкновенная служанка. Обращаясь к Мияко, она называла ее то «госпожа», то «барышня». Но когда приходил старик Арита, всегда величала хозяйку госпожой.

А все оттого, что однажды в минуту откровенности Мияко призналась ей: «Когда мы остановились в отеле в Киото, служанка называла меня «барышня», если я была одна в номере. В присутствии же Ариты говорила «госпожа». Какая уж я там «барышня» — смешно сказать! Наверно, служанка презирала меня. Мне же тогда казалось, будто она сочувствует моему положению: вот, дескать, попалась бедняжка старику в лапы! — и от этого мне становилось так грустно...» «Позвольте и мне к вам так обращаться», — предложила Тацу.

С того времени так и повелось.

— Все же странно, барышня, как вы на дороге могли уронить сумочку и не заметить? Ведь других вещей у вас не было, — сказала Тацу, внимательно разглядывая Мияко своими маленькими, округлившимися глазками.

Ее глаза оставались круглыми, даже если она не раскрывала их широко. Когда Сатико, которая была как две капли воды похожа на мать, широко раскрывала глаза, они становились удивительно красивыми. У Тацу же глаза были неестественно выпучены — все время настороже.

Лицо у Тацу было тоже круглое и маленькое, шея толстая, груди большие, а дальше ее тело как бы все утолщалось книзу и заканчивалось малюсенькими ножками, которые странно сужались у казавшихся сплюснутыми щиколоток. От всего ее облика веяло хитростью и коварством. Мать и дочь были маленького роста.

Толстый, мясистый затылок не позволял Тацу поднять голову, и Мияко, стоявшей перед ней, казалось, будто служанка, уставившись прямо ей в грудь, видит ее насквозь.

— Я ведь сказала, что уронила ее! — сердито прикрикнула она на служанку. — Ты же видишь, у меня ее нет.

— Но барышня!.. Вы сказали, что уронили сумочку возле аптеки, верно? Значит, вы запомнили место, где это произошло, и оно поблизости от дома. Почему же вы ее не подняли?

— Еще раз тебе говорю — уронила!

— Можно бы еще понять, если б вы забыли ее где-нибудь, как зонтик. Но просто выпустить из рук... Это все равно что обезьяне с дерева свалиться! Так не бывает, — сказала Тацу, приведя довольно странное сравнение. — Но даже если и уронили, вы ведь могли остановиться и подобрать ее.

— Что за глупости ты говоришь?! Конечно, я бы так поступила, если бы сразу заметила.

Мияко только теперь обратила внимание, что поднялась на второй этаж, не переодевшись. Правда, ее платяные шкафы с кимоно и европейскими костюмами находились здесь же, в маленькой комнате, рядом с большой, в восемь татами¹. Так было удобнее переодеваться, когда приходил старик Арита. Но в этом проявлялась и своеобразная власть Тацу, которая считала нижний этаж своей вотчиной.

— Сходи вниз, смочи полотенце холодной водой и принеси сюда. Я немного вспотела.

— Слушаюсь, барышня.

Мияко рассчитывала, что она успеет раздеться и вытереть пот, пока Тацу будет внизу.

— Я добавлю в воду немного льда из холодильника и оботру вас, — предложила Тацу.

— Спасибо, я сама, — сердито ответила Мияко.

Когда Тацу спустилась вниз, стукнула входная дверь.

— Матушка, я прошла от аптеки до улицы, по которой ходит трамвай, но сумки нигде нет, — донесся до Мияко голос Сатико.

— Так я и знала... Поднимись на второй этаж и доложи госпоже. Ты сообщила в полицию о пропаже?

— Нет. А нужно было?

¹ Плетеные циновки стандартного размера (немногим более 1,5 кв. м), которыми застилаются полы; количеством татами выражается площадь жилых помещений в японском доме.

— Что стоишь как дурочка? Пойди сейчас же и заяви.
— Сатико, Сатико! — позвала ее Мияко. — Сообщать в полицию не надо. Ничего ценного в сумке не было...

Сатико промолчала. Тацу поставила таз с водой на деревянный поднос и поднялась на второй этаж. Мияко уже сняла юбку и была в одной рубашке.

— Позвольте вытереть вам спину, — слащавым голосом предложила Тацу.

— Не надо, я сама. — Мияко взяла у служанки отжатое полотенце, вытянула ноги и начала их обтирать. Тацу подобрала ее чулки и стала складывать.

— Оставь, все равно буду стирать, — сказала Мияко и бросила ей на руки полотенце.

Тем временем к ним поднялась Сатико. Она остановилась у двери и низко поклонилась, коснувшись ладонями порога.

— Я ходила, но сумки там нет. — Сатико выглядела мило и в то же время несколько комично.

Тацу приучила дочь быть всегда учливой с хозяйкой. Сама же она, в зависимости от обстоятельств, то вела себя с Мияко до тошноты вежливо, то чуть ли не по-приятельски, а подчас даже нахально и грубо. Она надумила дочь завязывать шнурки на ботинках Ариты, когда тот уходил. Старик страдал невралгией и нередко опирался о плечи Сатико, чтобы встать на ноги. Мияко уже давно разгадала план Тацу: сделать так, чтобы Арита бросил хозяйку и сблизился с Сатико. Правда, ей не было известно, рассказала ли Тацу об этом плане своей семнадцатилетней дочери.

Мать приучила Сатико пользоваться духами, а когда Мияко, узнав об этом, удивилась, та ответила: «От ее тела слишком сильно пахнет».

— Почему вы запретили Сатико сообщить о пропаже в полицию? — спросила Тацу.

— Какая же ты настырная...

— Разве можно примириться с такой пропажей? Сколько в сумке было денег?

— Там денег не было вовсе. — Мияко закрыла глаза, прижала к ним холодное полотенце и замерла, чувствуя, как часто бьется сердце.

Мияко имела две сберегательные книжки. Вторая была на имя Тацу, у которой она и хранилась. О последней старик Арита ничего не знал. Именно Тацу посоветовала ей так поступить.

Двести тысяч иен Мияко сняла со своей книжки. Она

сделала это втайне от Тацу, опасаясь, как бы Арита не прознал об этом, иначе обязательно потребует объяснений, на что она их потратила. И Мияко решила соблюдать максимум осторожности, чтобы случайно не проговориться.

Двести тысяч иен — это была компенсация Мияко за потерянную юность, за краткую пору расцвета, отданную полумертвому седому старцу. Деньги были оплачены ее молодой кровью. Но теперь они пропали. Мияко все еще никак не могла поверить в случившееся. Одно дело, когда деньги истрачены, — тогда хоть помнишь, на что их потратил, и после того, как их не стало. Совсем другое, когда просто так теряешь сбережения, которые копил годами, — остается лишь горькая мысль: зачем было копить столько лет?

И все же Мияко не могла отрицать, что, потеряв деньги, ощутила на миг радостное волнение. И убежала она не из страха перед преследовавшим ее человеком, а потому, что испугалась неожиданно охватившей ее радости. Но, как и Гимпэй, она не могла бы ответить на вопрос: ударила ли она своего преследователя сумкой или просто бросила ее в его сторону? Безусловно, Мияко знала, что вовсе не роняла сумку. У нее тогда вдруг сильно заболела рука, и эта боль пронзила ей грудь, все тело. Мияко на миг даже замерла в некоем болезненном восторге. Будто неясные чувства, забродившие внутри нее, пока ее преследовал мужчина, вырвались наружу и вспыхнули ярким пламенем. Словно в единый миг ожила ее юность и мстила за себя, за годы, отданные в жертву старику Арите. И если это было действительно так, то Мияко получила мгновенную компенсацию за долгие годы стыда и ощущения своей неполноценности, когда она копила эти двести тысяч. Значит, деньги пропали не зря.

Но дело оказалось вовсе не в деньгах, не в этих двухстах тысячах иен. Когда Мияко размахнулась, она позабыла о деньгах и даже не заметила, как сумка сорвалась у нее с руки. Не вспомнила Мияко о сумке и тогда, когда, повернувшись, бросилась бежать. Следовательно, она вовсе не лгала, сказав, будто уронила сумку. Честно говоря, она и думать забыла о ней и о лежащих там деньгах еще до того, как ударила Гимпэя. Всем сердцем она ощущала лишь одно: ее преследует мужчина, и в тот миг, когда это ощущение достигло вершины, сумка сорвалась с ее руки.

Радостное чувство не покидало ее и когда она вошла в дом. Должно быть, поэтому Мияко постаралась незаметно

проскользнуть к себе на второй этаж.

— Иди вниз, я хочу переодеться, — сказала она, обте-
рев шею и руки.

— А почему бы вам не переодеться в ванной? — спро-
сила Тацу, с подозрением поглядывая на хозяйку.

— Лень туда идти.

— Скажите, вы точно помните, что уронили сумочку
около аптеки? Я все же схожу в полицейский участок —
надо предупредить о случившемся.

— Сейчас уже и не помню.

— Это почему?

— Меня преследовал мужчина... — проговорила
Мияко. Ей так хотелось поскорее остаться одной, прийти в
себя от радостного возбуждения, что признание невольно
сорвалось у нее с языка.

— Опять?! — Круглые глазки Тацу недобро сверк-
нули.

— Опять. — Мияко кивнула и сразу почувствовала,
как радость испарилась и ей на смену пришла опустошен-
ность.

— А вы сразу возвратились домой? Или, может быть,
решили поводить за нос вашего преследователя?.. Навер-
но, поэтому и потеряли сумку. — Заметив, что дочь все еще
находится в комнате, Тацу прикрикнула: — Сатико, а ты
чего здесь околачиваешься? Ну-ка, спускайся вниз!

Девушка с любопытством прислушивалась к их разго-
вору, забыв, что он вовсе не предназначен для ее ушей.
Она покраснела и поспешно покинула комнату.

Собственно, для нее уже давно не было секретом, что на
улице за Мияко часто увязываются мужчины. Знал об
этом и старик Арита. Однажды посреди Гинзы¹ Мияко
сама шепнула ему:

— Какой-то человек идет за мной следом.

— Да? — Старик хотел обернуться.

— Не оглядывайтесь, — предупредила она.

— Разве нельзя? А почему ты решила, что он тебя пре-
следует?

— Почувствовала. Он недавно шел нам навстречу.
Высокий такой... в синей шляпе.

— Я не обратил внимания. Но, может, ты подала ему
знак, когда он проходил мимо?

— Глупости! Неужели я похожа на женщину, способ-
ную заигрывать с первым встречным?

¹ Центральная улица в Токио.

— Но тебе, наверное, приятно, что он обратил на тебя внимание?

— Может, и правда стоит с ним познакомиться... Давайте пари: до какого места он будет идти за мной? Договорились? Только вряд ли что-нибудь получится, если рядом со мной он увидит старика с палкой. Вы зайдите вон в ту мануфактурную лавку и наблюдайте оттуда. Если он пойдет за мной до конца улицы и обратно, с вас белый летний костюм, но только, пожалуйста, не полотняный.

— Ну а если проиграешь?..

— Если проиграю? Дайте подумать... Я позволю вам всю ночь отдохнуть, положив голову мне на руку.

— Учти, будет нечестно, если ты обернешься к нему или заговоришь.

— Само собой.

Арита заранее знал, что проиграет пари, но был уверен, что и в случае проигрыша Мияко позволит ему отдохнуть на ее руке. Правда, кто знает, не выдернет ли она руку из-под его головы, когда он уснет, с горечью подумал Арита. Наблюдая за Мияко и следовавшим за ней мужчиной, он вдруг почувствовал, будто к нему возвращается молодость. Он вовсе не ревновал. Ревность вообще была под запретом.

У себя дома старик содержал в должности экономки милостивую женщину лет тридцати. Она была старше Мияко почти на десять лет. Лежа рядом то с одной, то с другой — обе они подкладывали ему руку под голову или обнимали за шею, — этот семидесятилетний старец каждую из них воспринимал и как мать. Ведь только мать способна дать забвение от страхов, которыми полон этот мир. Так он думал. Экономке и Мияко было известно о существовании друг друга. Он сам рассказал им об этом, а Мияко предупредил: если она начнет хоть чуточку ревновать, он либо изувечит ее, либо умрет от разрыва сердца. Наверно, так Арита пытался обеспечить себе спокойную жизнь. Он страдал от невроза сердца, и Мияко об этом знала — всякий раз во время приступа она мягко поглаживала ему грудь, нежно прикасалась к ней щекой.

Что до экономки, которую звали Умэко, то она, по видимому, не могла подавить в себе ревнивое чувство. Мияко вскоре стала догадываться: если старик Арита приходил к ней в хорошем расположении духа и баловал ее, значит, в тот день экономка доняла его ревностью. Как только может эта молодая еще женщина ревновать немощного старца? — с презрением думала Мияко.

Арита нередко хвалил экономку, называл ее примерной, домовитой хозяйкой. Мияко из этого делала вывод, что в ней, в отличие от Умэко, он хотел видеть лишь девицу для развлечений. Но и от Умэко и от Мияко он прежде всего ждал проявления материнского чувства. Когда Арите было два года, отец развелся с его матерью и привел в дом другую женщину. Старик часто рассказывал Мияко эту историю и в заключение всякий раз говорил:

— Как был бы я счастлив, если бы место мачехи заняли такие женщины, как ты или Умэко.

— Не знаю, не знаю! Может, я изводила бы пасынка. Наверно, в детстве вы были противным мальчишкой.

— Нет, я был послушным ребенком.

— Должно быть, в воздаяние за то, что мачеха изводила пасынка, вам на старости лет достались две добрые мамы. Разве вы не счастливы? — однажды иронически заметила Мияко. На это Арита вполне серьезно ответил:

— И правда! Я так благодарен тебе.

«Ах, значит, он благодарен!» — злилась Мияко и в то же время думала: есть чему поучиться у этого семидесятилетнего старца.

Похоже, Ариту, который по-прежнему трудился, несмотря на возраст, раздражал праздный образ жизни Мияко. Предоставленная себе Мияко чуралась всякой работы. Молодость безвозвратно уходила, а ее уделом было бессмысленное ожидание визитов Ариты. Мияко удивляли старания служанки Тацу как можно больше выжать из старика. Это она пыталась надоумить Мияко, чтобы та утаивала часть платы за отель, когда Арита отправлялся с ней в путешествие. Тацу посоветовала договориться с метрдотелем, чтобы тот выставлял завышенные счета за номер и разницу делил с Мияко. Но Мияко не захотела унизиться до таких махинаций.

— Раз вам это не по душе, попытайтесь хотя бы утаить кое-что из чаевых. Ради престижа старик не станет скупиться, а вы рассчитывайтесь в соседней комнате. К примеру, получите от него три тысячи и, пока идете расплачиваться, суньте тысячу иен за пазуху или под пояс кимоно.

— Перестань! Противно слушать — до чего же ты жадная и мелочная.

Но это вовсе не было для Тацу мелочью, если учесть ее мизерное жалованье.

— При чем тут жадность, госпожа? Деньги копяты понемногу. Песчинка к песчинке — глядь и гора выросла. Нам приходится копить день за днем, месяц за месяцем...

Мы ведь сочувствуем вам, госпожа. Жалко глядеть, как этот старый кровопийца сосет вашу молодую кровь.

Когда приходил Арита, Тацу мгновенно менялась, даже голос у нее становился слащавым, как у торговки, завидевшей покупателя. Это сейчас в разговоре с хозяйкой у нее проскальзывали сердитые нотки. Мияко чувствовала, как в ней поднимается раздражение. Его причиной были даже не трескучий голос и попреки Тацу, а скорее страх. Как проходит жизнь! Как день за днем, месяц за месяцем исчезает молодость! Гораздо быстрее, чем копились деньги.

Мияко воспитывалась совсем в иных условиях, чем Тацу. До того как Япония проиграла войну, родители ей ни в чем не отказывали, и она росла, как говорится, «среди цветов и мотыльков»; поэтому немислимо было и предполагать, что Мияко согласится присваивать себе даже мизерную часть того, что Арита выдавал для оплаты гостиницы. Но попытки Тацу толкнуть ее на мелкий обман вызывали — и не без оснований — у Мияко подозрение: наверно, сама Тацу не упускает случая кое-что урвать для себя из ее денег. Она давно уже заметила: лекарство от простуды обходилось на пять-десять иен дороже, когда за ним ходила Тацу, а не Сатико. Мияко любопытно было узнать, какая же гора денег накопилась у Тацу на книжке из этих песчинок? Можно бы расспросить Сатико, но Тацу вряд ли показывала дочери сберкнижку: она не давала ей денег даже на карманные расходы. В общем-то Мияко смотрела на это сквозь пальцы, но, с другой стороны, не могла не обратить внимание на удивительную бережливость Тацу, которая с трудолюбием муравья таскала песчинки в свой дом. Так или иначе, Тацу вела, можно сказать, деятельный образ жизни, Мияко же — нет. Мияко отдавала безвозвратно свою юность и красоту, Тацу же не поступалась абсолютно ничем. Поэтому, когда Тацу вспоминала о том, как над ней измывался муж, погибший во время войны, Мияко с тайной радостью и даже с неким вожделением спрашивала:

— И часто он тебя доводил до слез?

— Еще как! Не было дня, чтобы я не ходила с красными, опухшими от слез глазами. Да это бы еще ничего. Однажды он запустил кочергой в Сатико. У девочки до сих пор шрам на затылке. Разве это не доказательство?

— Доказательство чего?

— Как могу я вам объяснить, барышня!

— Представляю, какой это был ужасный человек, если

он имел наглость издеваться даже над тобой, — с наигранной наивностью произнесла Мияко.

— Подумать только, в те годы я была влюблена в него, как кошка. Ни на кого другого и глядеть не хотела. Ну прямо будто лис-оборотень меня очаровал. Но пришло время — чары развеялись, и к лучшему...

Слова Тацу напомнили Мияко о ее юности, когда война отняла у нее первого возлюбленного...

Выросшая в роскоши Мияко была не жадна до денег. Правда, в нынешнем ее положении двести тысяч иен — порядочная сумма, но что поделаешь — потеря. Родители Мияко потеряли во время войны несравненно больше. Само собой, сейчас она даже не представляла, как раздобыть двести тысяч, и была в полной растерянности. Если деньги найдены, то об этом, наверно, сообщат в газете — сумма достаточно велика. А может быть, тот, кто подобрал сумку, доставит ей деньги на дом либо заявит в полицию — ведь ее фамилия и адрес значились в сберегательной книжке. Мияко несколько дней просматривала газеты, надеясь найти в них сообщение о находке. Напрасно! Неужели мужчина, следовавший за ней, украл эти деньги? Странно.

Все это случилось спустя всего неделю после того, как она выиграла пари и заставила Ариту купить ей белый летний костюм. Всю неделю Арита не появлялся в доме Мияко. Пришел он лишь на второй день после пропажи, вечером.

— Добро пожаловать! — Тацу поспешила ему на встречу и приняла мокрый от дождя зонтик. — Изволили идти пешком?

— Да. До чего же противная погода. Должно быть, начался сезон дождей.

— У вас, наверно, и поясница побаливает. Эй, Сатико, куда ты запропастилась?.. Простите великодушно, совсем забыла — она сейчас в ванной, — засуетилась Тацу и кинулась снимать со старика ботинки.

— Если вода согрелась, я и сам бы не прочь принять ванну. Сегодня не по сезону холодно — я даже продрог немножко...

— Это очень опасно для вашего здоровья, господин Арита! — воскликнула Тацу. Ее узенькие бровки нахмурились поверх округлившихся глаз. — Мы не ожидали, что нынче вечером вы изволите нас посетить. Вот я и отправила Сатико в ванную. Что ж теперь делать, что делать?!

— Стоит ли беспокоиться...

— Эй, Сатико! Хватит купаться, выходи! Да вымой после себя ванну, запусти воду и подотри пол. — Тацу метнулась к газовой колонке и зажгла газ, чтобы подогреть воду.

Не снимая плаща, Арита уселся на циновки, вытянул ноги и стал их поглаживать.

— Сатико может вам сделать массаж прямо в ванне. Вы не против?

— А где Мияко?

— Госпожа в кинотеатре. Должно быть, скоро придет — она пошла посмотреть хронику.

— Пригласи массажистку.

— Слушаюсь. Ту, что всегда?

Не дожидаясь ответа, Тацу вышла в соседнюю комнату и принесла ему кимоно.

— Вы сможете переодеться в ванной. Эй, Сатико! — снова позвала она дочь. — Пойду вытащу ее оттуда — наверно, не слышит.

— Может, она еще купается?

— Не беспокойтесь, сейчас она придет и поможет вам переодеться.

Мияко вернулась через час. Старик Арита лежал в спальне. Его массировала специально приглашенная женщина.

— Ломит поясницу, — тихо сказал он. — Зачем ты выходишь из дому в такую ужасную погоду? Прими ванну — согреешься.

— Вы правы. — Мияко села на циновки и прислонилась к платяному шкафу. Она не видела Ариту целую неделю. Он показался ей бледным, осунувшимся и усталым. Заметнее стали коричневые старческие пятна на лице и руках. — Я ходила в кино. Люблю смотреть хронику. Правда, по пути вдруг надумала зайти в косметический кабинет, привести в порядок прическу, но он уже был закрыт.

Она поглядела на волосы старика — по-видимому, ему только что помыли голову.

— От ваших волос пахнет духами.

— Наверно, из-за Сатико — она очень душится.

— От ее тела сильно пахнет.

— Вот оно что...

Мияко спустилась в ванную на первом этаже. Помыла голову. Потом позвала Сатико, чтобы та ей вытерла волосы полотенцем.

Мияко села, упершись локтями в колени, и слегка

вытянула вперед голову, чтобы служанке было удобней. Прямо перед глазами она видела маленькие ступни склонившейся над ней Сатико.

— Какие у тебя красивые ноги! — воскликнула Мияко.

Она протянула руку и дотронулась до лодыжки. Сатико вздрогнула, и эта дрожь передалась ее руке. Переняв некоторые отрицательные черты характера своей мамыши, Сатико иногда воровала у Мияко разные мелочи: наполовину использованную помаду, гребни со сломанными зубцами, шпильки, уроненные хозяйкой. Но Мияко не судила ее строго, считая, что служанка совершала эти мелкие кражи из стремления подражать госпоже и из зависти, которую Сатико к ней испытывала.

После купания Мияко надела накидку поверх легкого белого кимоно с узором из листьев осота, вошла в спальню, где отдыхал Арита, и начала растирать ему ноги.

— Вам понравилась массажистка? — спросила она, представляя, как ей придется каждый день растирать старику ноги, если он возьмет ее к себе.

— Нет. Женщина, которая приходит ко мне, делает массаж гораздо лучше — более опытная и старательная.

Мияко подумала о том, что, помимо приходящей массажистки, его экономка Умэко тоже делает ему массаж. Мысль эта вызвала в ней неприязненное чувство, и ей захотелось растирать старику ноги. Арита ухватил ее за палец и потянул к ямке у копчика, но Мияко отстранилась.

— Длинные пальцы, как у меня, для такого массажа не годятся, — сказала она в оправдание.

— Ты так считаешь?.. Ошибаешься. Всякие пальцы годятся — особенно если ими движет любовь молодой женщины.

— Не кажется ли вам, что для этого лучше бы подошли короткие пальцы Сатико? Вы уж позвольте ей попробовать.

Старик не ответил. Мияко вдруг вспомнились строки из романа Радиге «Бес в крови». Сначала она посмотрела кинофильм, а потом прочитала и саму книгу. *«Не хочу сделать твою жизнь несчастной. Я плачу, потому что слишком стара для тебя,* — сказала Марта. Эти слова любви были по-детски наивны и в то же время возвышенны. Потом мне пришлось испытать немало страстных увлечений, но больше уже никогда я не сталкивался со столь трогательным проявлением чистых чувств, как у этой девятнадцатилетней девушки, страдавшей оттого, что она считала себя старой». Возлюбленному Марты исполнилось

только шестнадцать. Сама же Марта была много моложе двадцатипятилетней Мияко, и, прочитав эти строки, Мияко долго не могла прийти в себя, раздумывая о безвозвратно уходящей молодости.

Арита часто повторял, что Мияко выглядит моложе своих лет. И это было правдой не только потому, что старик судил пристрастно. Так считали все, кто ее окружал. Слушая, как Арита говорил о ее молодости, Мияко чувствовала, что он радуется этому и в то же время печалится. Печалится, поскольку знает: наступит время — и свежесть, юная красота Мияко поблекнут, а тело лишится упругости и одряхлеет. Может показаться странным и даже непристойным, когда почти семидесятилетний старец требует большей молодости от двадцатипятилетней возлюбленной, но Мияко не сердилась на него. Напротив, эта его требовательность подстегивала ее стремление казаться еще моложе. Удивительно было другое: то, что старик Арита, страстно желавший молодости Мияко, в то же время жаждал проявления ею чувства материнства. И Мияко тоже, сама того не желая, иногда вдруг начинала ощущать себя матерью.

— Почему вы так долго не приходили? Наверно, расстроились, что проиграли пари? — спросила Мияко, массируя ему спину.

— Вовсе нет, — пробормотал старик, ворочая морщинистой, как у черепахи, шеей. — У меня был приступ невралгии.

— А может, потому что предпочитаете опытную массажистку, которая приходит к вам на дом?

— Может быть. И потом... Я думал, что ты не позволишь мне спать, положив твою руку под голову — ведь я проиграл то пари.

— Отчего же? Пожалуйста.

Мияко знала: Арита уже в тех годах, когда достаточно растереть ему поясницу и позволить положить голову ей на грудь, и он ощутит блаженство — большего ему не требовалось. Все еще занятый работой старец называл часы пребывания в доме Мияко «освобождением от рабства». Эти слова напоминали Мияко о том, что для нее такие часы были «часами рабства».

— Ты не простудишься после ванны в легком кимоно?.. Спасибо, больше не надо. — Арита повернулся на бок. Как и предполагала Мияко, которой уже надоело массажировать старика, обещание подложить ему руку под голову подействовало как раз вовремя.

— Расскажи, что ты чувствовала, когда тебя преследовал тот мужчина в синей шляпе?

— Мне было приятно. А цвет шляпы тут ни при чем, — с нарочитой веселостью произнесла Мияко.

— По мне все равно, какая шляпа. Лишь бы он не считывал на нечто большее, чем просто тащиться за тобой.

— А позавчера до самой аптеки за мной шел странный мужчина. Я так перепугалась, что сумку уронила.

— Ну и ну! Двое мужчин за одну неделю — не слишком ли?!

— Я и сама так думаю, — кивнула Мияко, подсовывая ладонь ему под голову.

В отличие от Тацу, у старика не вызвало подозрений признание Мияко, будто она уронила сумку. Наверное, все его внимание сосредоточилось на ее преследователях. Удивление старика вызвало у нее радостное чувство. На душе стало легче.

Уткнувшись лицом в ложбинку между ее теплых, упругих грудей, он прижал их к вискам и прошептал:

— Мои.

— Ваши, ваши, — успокаивающе подтвердила она и замерла, глядя на седую голову старика. На ее глазах выступили слезы.

Она погасила свет. В наступившей темноте перед ней всплыло лицо человека, который, по-видимому, подобрал ее сумку. В тот миг, когда он остановился, увидев ее, его лицо исказила гримаса страдания; казалось, он вот-вот заплачет. «Ох!» — должно быть, простонал он. И хотя голоса не было слышно, Мияко уловила этот стон.

Он прошел мимо, потом внезапно обернулся и поглядел на Мияко. Блеск ее волос, матовость кожи отозвались в нем острым приступом тоски. И он застонал, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. Услышав беззвучный стон, она бросила единственный взгляд на его искаженное болью лицо. Но этого было достаточно, и он сразу пошел за ней следом. Мияко он показался каким-то потерянным. Она почувствовала, как некая темная тень отделилась от него и проникла в ее душу.

Она взглянула на него один-единственный раз и потому не успела как следует разглядеть своего преследователя. И теперь перед ее глазами всплыли во тьме лишь неясные очертания его лица, искаженного гримасой боли.

— Ты скверная женщина, — пробормотал Арита.

Мияко ничего не ответила. Слезы ручьями текли у нее из глаз.

— Коварная женщина... Столько мужчин увиваются... Тебе не страшно? Должно быть, злой демон поселился в тебе.

— Больно! — простонала Мияко, хватаясь за грудь.

Она вспомнила, как однажды ранней весной у нее набухли груди и больно было до них дотронуться. Ей показалось, что она и сейчас видит себя в ту пору юности — чистой, незапятнанной, нагой... Несмотря на юные годы, в ней уже тогда чувствовалась вполне зрелая женщина.

— Какой вы нынче сердитый и недоброжелательный. Наверно, потому, что вас донимает невралгия, — сказала Мияко.

А мысли ее были заняты другим. Она думала о том, почему чистая, ласковая девушка превратилась с годами в злую, сварливую женщину.

— А что я дурного сказал? — возразил Арита. — Будто тебе и впрямь неприятно, когда за тобой увиваются мужчины.

— Никакого удовольствия это мне не доставляет.

— Но разве ты не говорила, что тебе это приятно? Наверно, из-за близости с таким стариком, как я, ты стала жестокой и мстительной.

— Почему жестокой? И за что мне мстить?

— За несчастливую жизнь, должно быть.

— Дело не в том, доставляет мне что-то удовольствие или нет... Все не так просто.

— Да, это так. Не просто мстить за неудачно сложившуюся жизнь.

— А вы мстите за вашу несложившуюся жизнь молодым женщинам вроде меня?

— Как сказать. — Старик замолчал, по-видимому подыскивая слова, потом продолжил: — Нет, с моей стороны это не месть. Но если ты настаиваешь на этом слове, то именно я являюсь объектом мести: мщу не я — мне мстят!

Мияко не особенно прислушивалась к тому, что говорил старик. Она думала о том, как, признавшись, что в сумке была крупная сумма денег, уговорить Ариту восполнить потерю. О том, чтобы он подарил ей двести тысяч, не могло быть и речи. Сколько же попросить у него? Конечно, эти деньги в свое время ей дал Арита, но они были положены в банк на ее имя, и она могла распоряжаться ими по своему усмотрению. Да, пожалуй, лучше всего сказать ему, будто она взяла их, чтобы помочь младшему брату Кэйсукэ попасть в университет. Тогда старик не откажет...

Когда они с братом еще были детьми, люди говорили: «Кэйсукэ должен бы родиться девочкой, а Мияко мальчиком». Но, с тех пор как Мияко попала в наложницы к старику Арите, характер ее изменился: она стала ленивой и нерешительной — наверно, потому, что ей не к чему было стремиться и она уже не ждала для себя от жизни ничего хорошего.

Однажды Мияко прочитала в одной из старинных книг поговорку: «Мужчину волнует красота любовницы, но не жены» — и глубоко опечалилась. Она давно уже перестала гордиться своей красотой. Правда, это чувство возрождалось в ней всякий раз, когда она замечала, что ее преследует мужчина. В то же время она понимала: он не просто увлечен ее красотой. Как утверждал Арита, от нее исходили некие дьявольские флюиды, которые заставляли мужчин идти за ней по пятам.

— Ты все время играешь с огнем. Позволять стольким мужчинам за собой увиваться — все равно что дразнить дьявола, — сказал старик Арита.

— Может быть, — покорно согласилась Мияко. — Я так думаю, что среди людей живет племя, подвластное этому страшному духу. И у него, наверно, есть свой отдельный, дьявольский мир.

— Ты говоришь так уверенно, будто там побывала. Честное слово — ты пугаешь меня! Поверь, даром тебе это не пройдет. Сдается, ты умрешь не своей смертью.

— Боюсь, такое может случиться с моим братом. Представьте себе, мой младший брат — застенчивый, как девушка, — недавно написал завещание.

— Зачем?..

— Все из-за мелочи, не стоящей внимания. Он решил наложить на себя руки всего лишь потому, что не смог попасть в университет, куда поступил его лучший друг Мидзуно. Тот из хорошей семьи и к тому же умен и сообразителен. Нынешней весной он пообещал моему брату помочь во время вступительных экзаменов и даже написал ему ответы на предполагаемые вопросы. Брат тоже неплохо учился в школе, но он страшный трусишка. Он настолько боится, что способен во время экзаменов потерять сознание. Так оно на самом деле и случилось. Наверно, он нервничал еще и потому, что заранее знал: у него нет надежды попасть в университет, если даже он успешно сдаст вступительные экзамены.

— Ты мне никогда не рассказывала об этом.

— Ах, что изменилось бы, если бы я рассказала? —

воскликнула Мияко. — Мидзуно поступил сразу, а вот ради того, чтобы брата приняли в университет, матери пришлось основательно раскошелиться. Я все же решила отпраздновать поступление брата в университет и пригласила его, а также Мидзуно с подружкой на ужин в Уэно, а потом мы отправились в зоопарк полюбоваться цветущими вишнями при вечернем освещении...

— Ты говоришь, этот Мидзуно был с подружкой?

— Да, хотя ей всего пятнадцать... Кстати, в зоопарке ко мне опять-таки прицепился мужчина. Он гулял там с женой и детьми, но бросил их и пошел вслед за мною...

— Почему ты допускаешь такое? — рассердился Арита.

— Допускаю?! Разве в этом моя вина? Я просто шла и с завистью глядела на Мидзуно и его подружку. И так вдруг тоскливо стало на душе...

— Нет, именно ты виновата в том, что привлекаешь к себе мужчин. Тебе это доставляет удовольствие.

— Зачем вы так говорите? Уверю вас, никакого удовольствия я от этого не испытываю. Накануне я потеряла сумку. Я страшно испугалась мужчины, который шел за мной следом, и ударила его сумкой, а может, кинула ему ее в лицо. Точно не помню — так он меня напугал! А в сумке было много денег. Я как раз возвращалась из банка, где сняла со счета крупную сумму. Мать заняла деньги у знакомых и вручила кому надо, иначе бы брата не приняли в университет. А я хотела отдать их матери, чтобы она возвратила долг.

— Сколько же там было?

— Сто тысяч. — Мияко почему-то назвала половину суммы и, затаив дыхание, ожидала, что на это ответит Арита.

— Н-да, деньги немалые. И этот человек украл их?

Мияко кивнула. Арита почувствовал, как в темноте ее тело содрогается от беззвучных рыданий.

Почему она назвала лишь половину суммы? Из чувства стыда или из опасения, что больше старик не даст? Арита ласково погладил ее. Теперь она знала: половина потерянной суммы будет возмещена, и слезы по-прежнему текли по ее щекам.

— Не расстраивайся. Но учти: если будешь и дальше так вести себя с мужчинами, ты когда-нибудь попадешь в неприятную историю, — мягко упрекнул ее Арита.

Старик уснул, прижавшись щекой к ее ладони. Но к Мияко сон не шел. В крышу стучал ранний летний

дождик. Мияко лежала рядом со стариком и думала, что по ровному дыханию спящего никто бы, наверно, не смог правильно определить его возраст. Свободной рукой она приподняла его голову и выпростала из-под нее руку. Он не проснулся. Она глядела на лежащего рядом женоненавистника — он сам себя так называл, — который сладко спал, полностью доверившись ей, и думала, сколь его слова противоречат поступкам. Эта мысль вызвала у нее отвращение к самой себе. Она знала, как Арита ненавидит женщин. Ему было всего тридцать лет, когда жена, ревновав его, наложила на себя руки. С тех пор страх перед женской ревностью настолько глубоко укоренился в его душе, что при малейшем ее проявлении он готов был бежать за тридевять земель. Гордость, как и понимание безысходности ее положения, не позволяла Мияко ревновать к кому-либо Ариту, но ведь она была женщиной, и иногда ревнивые слова внезапно срывались у нее с губ; однако, заметив, какая недовольная гримаса появлялась при этом на лице старика, она мгновенно умолкала, упрекая себя за допущенную слабость. Впрочем, Арита ненавидел женщин не только из-за ревности, которую они проявляли. И не потому, что он был уже слишком стар, чтобы интересоваться ими. Мияко не понимала, как можно ревновать старика, да еще закоренелого женоненавистника. Глупо даже произносить такие слова, как «любит или не любит женщин», когда речь идет об Арите, размышляла Мияко, сравнивая его возраст со своим. Она с завистью подумала о Мидзуно и его подружке. Брат и раньше рассказывал ей, что у Мидзуно есть возлюбленная Матизэ, но Мияко впервые познакомилась с ней лишь в тот день, когда они праздновали поступление Кэйсукэ в университет.

— Никогда не встречал такой чистой и порядочной девочки, — проговорился однажды Кэйсукэ.

— По-видимому, она не по годам развита, если в свои пятнадцать лет уже имеет возлюбленного, — ответила Мияко. — Подумать только, теперь у пятнадцатилетних девушек уже есть дружки. Счастливые! А ты, Кэйсукэ, в самом деле можешь понять, в чем чистота женщины? Ее ведь разглядеть не так просто.

— Могу!

— Скажи мне тогда: в чем она?

— Разве это объяснишь словами...

— Она кажется тебе чистой, потому что ты так о ней думаешь.

— Уверен, ты и сама бы все поняла, когда бы ее увидела.

— Женщины жестоки. У них не такой мягкий характер, как у тебя, Кэйсукэ.

Он запомнил эти слова и, должно быть, потому краснел от смущения и чувствовал себя даже более неловко, чем Мидзуно, когда Мияко пригласила их и впервые познакомилась с Матиэ. Позвать друзей брата к себе Мияко не посчитала возможным и предложила встретиться в доме у матери.

— Она наверняка мне тоже понравится, — сказала Мияко, помогая брату облачиться в новую студенческую форму.

— Ты так считаешь? погоди, я забыл надеть носки. — Кэйсукэ опустился на пол. Мияко присела напротив него, аккуратно расправив голубую плиссированную юбку. — Не забудь поздравить Мидзуно. Кстати, я попросил его привести Матиэ.

— Конечно, поздравлю.

Кажется, Матиэ нравится брату. Мияко с сочувствием поглядела на него.

— Родственники Мидзуно против того, чтобы они встречались. Они написали Матиэ домой и, по мнению ее родителей, допустили в письмо грубые и бестактные выражения. Те рассердились и запретили ей встречаться с Мидзуно. Поэтому она придет сюда тайно, — взволнованно сказал Кэйсукэ.

Матиэ была в форменной матроске, какие носят школьницы. Она принесла букетик душистого горошка, чтобы поздравить Кэйсукэ. Цветы поставили в стеклянную вазу на его столе.

Мияко пригласила своих гостей в китайский ресторан в парке Уэно, чтобы заодно поглядеть на цветущие вишни, но там было так много народа, что даже деревья утомленно опустили усыпанные цветами ветви.

И все же они вдоволь налюбовались розовыми цветами при свете фонарей.

То ли Матиэ была от природы молчалива, то ли стеснялась Мияко, но говорила она мало. Правда, пока они бродили по парку, Матиэ рассказала, как приятно поутру глядеть у них в саду на лепестки вишни, осыпавшиеся на кусты азалий. Упомянула и о том, что по дороге к дому Кэйсукэ смотрела на солнце, плывшее между деревьями аллеи, которая протянулась вдоль рва. Солнце было похоже на желток яйца, сваренного всмятку...

На каменной лестнице близ храма Киёмидзу было темно и малоллюдно. Они начали спускаться по ступеням.

— Помню, когда мне было три не то четыре года, мать привела меня сюда, и я повесила на дерево у храма бумажных журавликов. Это чтобы отец поскорее выздоровел, — сказала Мияко.

Матиз промолчала, но вместе с Мияко остановилась посередине лестницы и долго глядела на Киёмидзу.

По дороге к музею нескончаемой вереницей шли люди, и Матиз предложила пойти в другую сторону, к зоопарку. Вдоль ступеней, ведущих к храму Тосёгу, жгли костры. Сбоку тянулись каменные фонари, темными силуэтами выделявшиеся на фоне костров. Над фонарями простерли свои ветви цветущие вишни. Те, кто пришел любоваться цветами, садились позади фонарей в кружок на траву, выпивали и закусывали. В центре каждого кружка горели свечи.

Если кто-нибудь из подвыпивших подходил к ним слишком близко, Мидзуно загораживал спиной Матиз, а Кэйсукэ становился между ними и пьяницей, как бы защищая обоих. Ухватив брата за руку и стараясь обойти нахального пьяницу, Мияко с удивлением думала: ишь какой смельчак ее Кэйсукэ!

При свете костров лицо Матиз казалось прекрасным. Взгляд у нее был серьезный, губы плотно сжаты, а цвет лица рисовал в воображении послушницу, молящуюся при свечах.

— Ой! — неожиданно вскрикнула Матиз и спряталась за спину Мияко.

— Что случилось?

— Там моя школьная подруга... Их дом совсем рядом с нашим.

— Но почему вы должны от нее прятаться? — удивилась Мияко. Она невольно взяла ее за руку и чуть не вскрикнула от восторга, ощутив, какая мягкая и ласковая рука у Матиз. Ее потрясла необыкновенная красота девушки.

— Матиз, вы счастливы? — спросила она, пытаясь этими словами выразить свои чувства.

Девушка покачала головой.

— Почему? — удивилась Мияко и заглянула ей в глаза.

В зрачках девушки отражались огни костров.

— Разве такая, как вы, может быть несчастлива?

Матиз молчала. Рука, которую держала Мияко, безвольно опустилась. Сколько же лет минуло с тех пор, когда

она в последний раз гуляла вот так, рука об руку с подружкой, подумала Мияко.

Чем дальше она глядела на девушку, тем сильнее ее охватывала невыразимая тоска. Хотелось остаться одной и уйти далеко-далеко. Встретив Матиэ на улице, Мияко, наверно, обернулась бы и долго глядела ей вслед. Неужели мужчины идут по пятам за ней, за Мияко, под влиянием того же самого, а может, и значительно более сильного чувства?..

Звук упавшей на кухне посуды вернул Мияко к действительности. Должно быть, нынче там снова разгуливают мыши. Хорошо, если одна, а может, их там целых три, подумала Мияко, не решаясь встать с постели и пойти на кухню. Представив их мокрые от дождя тельца, она невольно дотронулась ладонью до своих недавно вымытых волос и ощутила их прохладу.

Арита тяжело задышал и пошевелился. Потом стал содрогаться всем телом, что-то мыча. Опять его мучают кошмары, подумала Мияко и, сердито нахмурившись, отодвинулась. Старик часто по ночам видел страшные сны, и она давно уже к этому привыкла. Он судорожно задвигал плечами, словно человек, которого душат, потом выставил руки, пытаясь что-то отстранить, и больно ударил Мияко по шее. Ей следовало бы разбудить его, но она сжалась и замерла, чувствуя, как в ней закипает злость.

— А-а-а... А-а-а! — закричал во сне старик, протягивая руки в поисках Мияко. Обычно, прикоснувшись к ней, он сразу успокаивался, не просыпаясь. Но в эту ночь его разбудил собственный крик.

— Ох! — Арита потряс головой и вплотную придвинулся к Мияко.

Привыкнув к его ночным кошмарам, она даже не удосужилась спросить, как бывало: «Вы так стонали, наверно, вам приснился дурной сон?»

— Я говорил во сне? — с беспокойством спросил Арита.

— Нет, вам, должно быть, приснилось что-то страшное.

— А ты не спала вовсе?

— Нет.

— Спасибо тебе. — Арита притянул к себе руку Мияко и прижался к ней щекой. — Меня особенно изводят кошмары, когда начинается сезон дождей. Наверно, и ты поэтому не могла уснуть, — сказал старик, потом смущенно добавил: — А может, ты проснулась из-за того, что я кричал во сне?

Он и в самом деле так громко стонал, что разбудил Сатико, спавшую на первом этаже.

— Мама, мама! Мне страшно, — зашептала Сатико, прижимаясь к матери. Тацу схватила ее за плечи и оттолкнула.

— Чего испугалась, дуреха? Это наш господин от страха стонет. Из-за своих кошмаров он никогда не спит один. Ты ведь знаешь: когда он отправляется путешествовать, он непременно берет с собой нашу госпожу и очень заботится о ней. Когда он перестанет мучиться во сне, это будет означать, что он совсем состарился и не способен иметь дело с женщинами... Успокойся, ему всего лишь приснился страшный сон.

* * *

По косогору поднимались дети. Они были еще слишком малы, чтобы учиться в школе, — по-видимому, шли домой из детского сада. Двое или трое потешно ковыляли, опираясь на палки. Остальные подражали им, делая вид, будто и у них тоже палки в руках.

Так, ковыляя, они распевали песенку:

Дедушка и бабушка потеряли ноги,
Дедушка и бабушка ходить не могут.

Дети без конца повторяли эти слова, хотя ничего забавного в них не было. Увлеченные своей игрой, они старались ковылять как можно выразительней. Одна девчужка даже не удержалась на ногах и упала.

— Ой, больно! — закричала она и потеряла ушибленный бок так, как это делают пожилые женщины. Но, поднявшись на ноги, снова присоединилась к детскому хору:

Дедушка и бабушка потеряли ноги,
Дедушка и бабушка ходить не могут.

Косогор наверху переходил в поросшую травой дамбу, на которой там и сям росли сосны. Сосны были невысокие, их ветви как бы плыли в весеннем вечернем небе, напоминающая рисунки на старинных ширмах или фусума.

Дети ковыляли по самой середине дороги. Здесь редко проезжали машины, почти не было прохожих, и ничто не

могло помешать их забаве. Даже в Токио еще сохранились кое-где такие тихие места.

Дети ушли, и на косогоре появилась девушка с собакой на поводке. Следом за ней шел Гимпэй.

Девушка поднималась вдоль асфальтированной дороги по тропинке, в тени росших у обочины деревьев гинкго. Деревья росли лишь по одну сторону дороги. Тропинка тоже была одна — там, где деревья. По другую сторону возвышалась каменная ограда. По-видимому, за ней был обширный участок — ограда тянулась до самого верха косогора. Там, где тропинка, в глубине виднелся окруженный высокой стеной особняк, который принадлежал довоенному аристократу. Вдоль стены проходил глубокий ров, по форме напоминавший в миниатюре дворцовый. За рвом на небольшом возвышении росли молодые сосны. Даже теперь было заметно, что в свое время за ними тщательно ухаживали. За соснами виднелась белая каменная ограда с черепичным козырьком. Молодая листва гинкго еще не обрела достаточной густоты и не целиком прикрывала ветви. Тень, отбрасываемая деревьями, местами была глубокой, местами — редкой, оттого что листья были поразно по повернуты к солнцу. Казалось, будто девушка шествовала сквозь зеленый полумрак.

На ней были белый шерстяной свитер и выцветшие джинсы из грубой хлопчатки. Джинсы она подвернула, на внутренней стороне манжет виднелась ярко-красная строчка. Над парусиновыми туфлями проглядывала узкая полоска белой кожи. Кое-как собранные в пучок волосы открывали неясной белизны шею — удивительно красивую. Гимпэй был потрясен неописуемой прелестью девушки. Одна полоска кожи повыше парусиновых туфель — и та сводила с ума. Его сердце пронзила такая тоска, что он готов был умереть на месте либо... либо убить эту девушку.

Он вспомнил кузину Яёи из родной деревни и Хисако Тамаки — его ученицу, но обе они не шли ни в какое сравнение с этой девушкой: хотя Яёи и белолица, но ее кожа лишена лоска; смуглая кожа Хисако прелестна, но ей не хватало чистоты и удивительной нежности, какой обладала кожа этой девушки. Да, не вернуть то время, когда мальчишкой он играл с Яёи, безвозвратно канули в прошлое дни, когда он учительствовал в колледже и влюбился в Хисако... Теперь он чувствовал себя усталым и разбитым. Был тихий весенний вечер, но Гимпэю казалось, будто бредет он против резкого холодного ветра, выбивающего слезы из глаз; косогор был пологий, но ему не хва-

тало дыхания, чтобы его преодолеть. Ноги казались ватными, не слушались его, и он чувствовал, что ему не нагнать девушку. Он еще не разглядел ее лица, а ему так хотелось увидеть его, пойти с ней рядом, хотя бы до вершины косогора, поговорить... ну, хотя бы о собаках. Он знал: другой возможности у него не будет, да и существовала ли она теперь — в этом у него тоже не было уверенности.

Гимпэй помахал правой рукой в воздухе — привычный жест, когда он, прогуливаясь, о чем-то сам с собой спорил. Сейчас этот жест был вызван ощущением, какое он испытал когда-то, сжимая в руке мертвое тельце мыши — ее глаза остекленели, изо рта стекала тонкая струйка крови. Мышь поймал на кухне японский терьер из дома Яёи. Пес держал мышь в зубах и не знал, как дальше с ней поступить. Мать Яёи что-то сказала ему, потом легонько стукнула по голове. Терьер выпустил мышь, но, когда она упала на пол, снова бросился на нее. Яёи подхватила собаку и стала ласково ее увещевать:

— Ты хороший, хороший пес! Молодчина!

Потом она приказала Гимпэю:

— Унеси отсюда эту гадость.

Гимпэй поспешно схватил мышь. Из ее рта упало на пол несколько капелек крови. Гимпэю было неприятно держать в руках еще теплое тельце, хотя в остекленевших глазках зверька было что-то трогательное.

— Поскорее выбрось ее, — сказала Яёи.

— Куда?

— Ну, хотя бы в озеро.

Гимпэй вышел на берег, размахнулся и далеко, на сколько хватило сил, закинул мышь в воду. Из ночной тьмы донесся тихий всплеск. Он кинулся домой, не разбирая дороги. Он был зол на Яёи, заставившую его так поступить: с чего это она приказывает? Яёи всего лишь его кузина! Гимпэю тогда было лет двенадцать или тринадцать. С тех пор ему часто снилось, что его преследуют мыши.

После того как терьер впервые поймал мышь, любые приказания превращались в его голове в одно слово — «мышь!». И он сразу же мчался на кухню, но вначале ничего не замечал, хотя какая-нибудь мышь обязательно пряталась в уголке. Кошачьей сноровки у терьера не было, и он лишь истерически лаял, когда с опозданием видел, как мышь, шмыгнув из шкафчика, быстро взбирается по опорному столбу. Он буквально заболел нервным расстройством, даже цвет глаз изменился. Гимпэй возненавидел пса. Однажды он украл у Яёи иголку с

вдетой в нее красной ниткой и стал подстергать терьера, чтобы проткнуть его тонкое ухо. Гимпэй намеревался это сделать перед уходом из дома кухни, рассчитывая, что, когда поднимется шум и в ухе собаки найдут иглу с красной ниткой, все решат, будто это проделка Яёи. Но стоило ему подкрасться к терьеру, как тот с лаем кинулся прочь. Потерпев неудачу, Гимпэй сунул иголку в карман и, вернувшись в дом, изобразил на бумаге собаку и Яёи, потом прошил картинку несколькими красными стежками и спрятал в ящике своего стола...

...Ему вспомнился этот терьер, когда он подумал, не завести ли с девушкой разговор о собаках. Хотя, собственно, что интересного мог Гимпэй рассказать о собаках, которых всей душой ненавидел? Он был уверен: стоит ему подойти, как собака сразу бросится на него. Правда, он не решался приблизиться к девушке совсем по иной причине.

Тем временем она остановилась и отстегнула поводок. Почуввав свободу, собака кинулась вперед, потом вернулась обратно, подскочила, миновав девушку, к Гимпэю и стала обнюхивать его ботинки.

Гимпэй, вскрикнув, отпрянул.

— Фуку, Фуку! — Девушка позвала собаку.

— Помогите, пожалуйста! — взмолился Гимпэй.

— Фуку, ко мне!

Собака подбежала к хозяйке. Гимпэй стоял бледный как мел, боясь шевельнуться.

— Ваша собака напугала меня до смерти! — пробормотал Гимпэй, присев на корточки. Он специально преувеличил свой испуг, чтобы привлечь внимание девушки, хотя и в самом деле испугался. Сердце бешено колотилось в груди. Прикрыв лицо руками, он сквозь пальцы исподтишка наблюдал за девушкой. Она прицепила поводок к ошейнику и, как ни в чем не бывало, стала подниматься по косогору, даже не оглянувшись. Неудержимая злоба охватила его из-за испытанного унижения. Наверное, собака стала обнюхивать его ботинки, почувствовав, какие у него уродливые ноги, подумал он.

— Погоди, скотина, я и тебе проткну уши иголкой, — пробормотал Гимпэй и поспешил за девушкой. Но как только он догнал ее, вся его злоба мгновенно испарилась.

— Барышня... — заговорил он сразу охрипшим голосом.

Девушка обернулась. Собранные в пучок волосы откинулись, обнажив удивительной красоты шею. Бледное лицо Гимпэя мгновенно вспыхнуло.

— Какая у вас симпатичная собачка, барышня! Не скажете, что за порода?

— Японская сиба.

— Откуда она?

— Из Косю.

— Собака принадлежит вам? Вы всегда прогуливаетесь с ней здесь?

— Да.

— Вдоль этой дороги?

Девушка не ответила. Он поглядел назад, гадая, в каком из видневшихся внизу особняков она живет. Наверное, она воспитывается в мирной, счастливой семье, в доме, окруженном деревьями с молодой листвой, подумал он.

— Ваша собака ловит мышей?

Девушка даже не улыбнулась в ответ.

— Вообще-то ловля мышей — занятие для кошек, а собакам нет до этого дела. Но есть и собаки, которые их ловят. Много лет назад у нас дома была такая. Она ловила мышей очень искусно.

Девушка и не взглянула на Гимпэя.

— Собака — не то, что кошка. Она, если даже поймает мышь, ее не ест. Знаете, однажды, когда я был еще несмышленным мальчишкой, мне приказали выброситьдохлую мышь. Это было отвратительно.

Гимпэй сам себе удивлялся: с какой стати он рассказывает столь неприятную историю, — нодохлая мышь со стружкой крови у рта стояла перед глазами, и он ничего не мог с собой поделать.

— Тот пес был из породы терьеров, с тонкими, кривыми и почему-то всегда трясущимися лапами. Противный пес! Правда, собаки есть разные — как и люди. Как должна быть счастлива ваша сиба, что ей позволено сопровождать вас...

По-видимому, Гимпэй позабыл о недавно испытанном страхе. Он наклонился к собаке и хотел было погладить, но девушка поспешно перекинула поводок в другую руку и отвела от него свою сибу. Провожая собаку взглядом, Гимпэй с трудом подавил вспыхнувшее в нем желание обнять ноги девушки. Внезапно ему пришло в голову, что, если она будет каждый вечер прогуливаться здесь с собакой в тени гингко, он сможет любоваться ею из укромного местечка на дамбе. Эта мысль явилась словно светлый луч надежды, и он, в последний момент сдержавшись, не совершил неприличный поступок.

Гимпэю представилось вдруг, что он лежит нагой на свежей зеленой траве, всем своим существом ощущая прохладу и успокоение. Да, он будет любоваться ею с дамбы, а она всегда, вечно будет подниматься по склону ему навстречу... Счастье, испытанное им в этот миг, не знало предела.

— Простите меня, барышня, за бестактность. Ваша собачка хороша. Я и сам люблю собак... за исключением тех, которые ловят мышей. Таких я не терплю.

Девушка осталась безразличной к его красноречию. Достигнув вершины косогора, она перебралась на дамбу, поросшую молодой травой. Там ее ожидал юноша — по виду студент. У Гимпэя даже потемнело в глазах, когда он заметил, что девушка первой протянула ему руку. Вот как? Родителям, наверно, говорит, будто отправляется на прогулку с собакой, а сама — на свидание...

Гимпэй увидел, как черные глаза девушки увлажнились и в них засверкала любовь. Неожиданное открытие ошеломило его. Вообразив, будто ее глаза превратились в два черных озера, он захотел окунуться нагим в ее чистые глаза, плыть и плыть по этим черным озерам. Это странное желание неожиданно сменилось тоской. Он побрел по косогору, пока не достиг дамбы. Там он улегся на траву и стал глядеть в небо.

Юношей был Мидзуно — друг младшего брата Мияко, назначивший здесь свидание Матиэ. Эта встреча, невольным свидетелем которой оказался Гимпэй, произошла дней за десять до того, как Мияко пригласила их в китайский ресторан в Уэно.

Влажный блеск черных глаз Матиэ не оставил равнодушным Мидзуно. Казалось, будто ее глаза состоят из одних зрачков.

— Мечтаю увидеть тебя, когда ты просыпаешься, — прошептал он, восхищенно глядя на девушку. Его взгляд утонул в глубине ее глаз. — До чего прекрасны должны быть твои глаза, когда ты раскрываешь их по утрам!

— Они сонные...

— Нет, неправда!.. Знаешь, как только я просыпаюсь, мне в ту же минуту хочется тебя видеть.

Матиэ кивнула.

— А вижу я тебя в школе только через два часа.

— Ты мне уже говорил об этом. С тех пор и моей первой мыслью, когда я просыпаюсь, стало: «...через два часа».

- Значит, у тебя утром не сонные глаза!
- Сама не знаю.
- Прекрасен мир, когда в нем живут девушки с такими чудными глазами!

Глубокие, черные глаза Матиэ еще больше подчеркивали красоту ее бровей и губ. Их блеск придавал новое очарование и волосам.

— Ты дома сказала, что пойдешь прогуляться с собакой? — спросил Мидзуно.

— Я ничего не говорила. Я ведь взяла Фуку с собой — этого достаточно. Да и по одежде, которую я надела, родителям было ясно, куда я собралась.

— Опасно назначать свидание так близко от твоего дома.

— Мне неприятно обманывать родителей. Не будь собаки, я вообще не могла бы выйти из дома. А если бы это и удавалось, они обо всем догадывались бы по моему лицу — я ничего не умею скрывать. Но мне кажется, скорее не мои родители, а твои против того, чтобы мы встречались. Разве не так?

— Не будем говорить об этом. Ты и я пришли сюда из своих домов и вернемся к себе. Стоит ли сейчас вспоминать о наших родителях?.. Тебе, наверно, нельзя долго здесь оставаться, раз ты вышла только на прогулку с собакой?

Матиэ кивнула. Они уселись рядышком на молодую траву, и Мидзуно взял собаку на колени.

— Фуку тоже привыкла к тебе.

— Если бы она умела говорить и рассказала дома о наших свиданиях, мы не смогли бы больше встречаться.

— Все равно я буду ждать, если даже наши встречи прервутся. Я постараюсь обязательно поступить в твой университет. И тогда по-прежнему мы будем видеться «через два часа» после того, как проснемся.

— Через два часа... — пробормотал Мидзуно. — Наступит время, когда и два часа не надо будет ждать. Обязательно наступит.

— Мама говорит, мы слишком рано стали встречаться. Она не верит, что у нас серьезно. А я счастлива, что познакомилась с тобой так рано. Лучше бы еще раньше: в средней школе или даже в начальной... Я бы обязательно тебя полюбила, если бы мы повстречались даже тогда, когда ты был совсем маленьким. Меня еще малюткой приносили сюда и пускали играть на траве. А тебе не доводилось в детстве бывать на этом косогоре?

— Что-то не припомню.

— Правда? А я часто думаю: не встречалась ли я здесь с тобой еще тогда? Может, поэтому теперь так тебя любила...

— Да, жаль, что в детстве я здесь не гулял по этому склону...

— Все говорили, что я была очень милым ребенком, и даже незнакомые останавливались и брали меня на руки. Глаза у меня тогда были большие и круглые. — Матиэ глядела на Мидзуно широко раскрытыми черными глазами. — Знаешь, там, где начинается косогор, если повернуть направо, есть широкий ров с водой и лодочная станция. Недавно я гуляла там с собакой — это было вскоре после выпускных экзаменов в средних школах. Юноши и девушки, окончившие школу, катались на лодках, и в руках у них были свернутые в трубочку дипломы. Они праздновали окончание школы, и я им позавидовала. Некоторые девочки стояли на мосту и, склонившись над перилами, глядели на своих друзей и подруг в лодках. Мы с тобой еще не были знакомы, когда я окончила среднюю школу. Наверно, в ту пору ты гулял с другими девочками?

— Других у меня не было.

— Что-то не верится... — Матиэ с сомнением наклонила голову. — Зимой, до открытия лодочного сезона, этот ров затянут льдом и на него садятся утки. Помню, в детстве я часто задумывалась: каким уткам бывает холоднее — тем, что садятся на воду, или тем, что на лед? Днем они прилетают сюда, спасаясь от охотников, а вечером возвращаются в горы к своим озерам...

— Да? Я этого не знал.

— Мне нравилось глядеть на первомайские шествия с красными флагами по улице, где ходит трамвай. Как это красиво: красные флаги плывут на фоне молодой листвы гинкго!

Широкий ров пониже дамбы, на которой они сидели, засыпали, и теперь там было поле, где по вечерам тренировались игроки в гольф. Подальше, вдоль улицы, тянулась аллея гинкго, их темные стволы под шапками молодой листвы резко выделялись на фоне заходящего солнца, а над деревьями простиралось небо, словно окутанное розовым туманом. Матиэ гладила собачку, сидевшую на коленях у Мидзуно. Он нежно взял в свои ладони ее руку.

— Я, пока ждал тебя, лег на траву и закрыл глаза. И мне казалось, будто я слышу далекую тихую мелодию.

— Какую?

- Вроде бы похожа была на «Кими-га ё»¹.
- Неужели? – удивилась Матиз.
- Я слушаю этот гимн каждый вечер по радио.
- А я каждый вечер перед сном желаю тебе спокойной ночи.

Матиз ничего не сказала ему о Гимпэе. Она просто уже забыла о том, что с ней заговаривал странного вида человек. Внимательно приглядевшись, она могла бы заметить Гимпэя, лежащего на траве, но и в этом случае вряд ли бы его узнала. Гимпэй же не мог удержаться, чтобы не поглядывать в их сторону. Трава холодила спину. Наступило время, когда сменяли зимние пальто на демисезонные, но у него не было ни того, ни другого. Гимпэй повернулся на бок, лицом к Матиз и Мидзуно. В его душе не было ненависти, скорее, он просто завидовал их счастью. Он закрыл глаза, и ему явилось видение: оба медленно плывут по воде, охваченные языками пламени. Он воспринял это как предзнаменование, что их счастье будет недолгим...

– Гимпэй, твоя мать настоящая красавица. Какие чудесные у нее зубы, когда она улыбается, – услышал он голос Яёи. Они сидели рядом на берегу озера под цветущими дикими вишнями. Цветы отражались в воде, в кронах деревьев щебетали птицы.

Яёи не могла понять, как такая красавица согласилась выйти замуж за его уroda отца.

– У моего отца, кроме твоей матери, других сестер и братьев нет. Он часто говорит: теперь, когда твой отец умер, ей и тебе следовало бы перебраться к нам.

– Я не хочу! – закричал Гимпэй и покраснел.

Он так ответил потому, что боялся потерять мать или же стеснялся той радости, какую сулила ему жизнь под одной крышей с Яёи. А может быть, по обоим причинам сразу.

В то время в доме Гимпэя жили еще его бабушка с бабушкой, а также разведенная сестра отца. Ему было десять лет, когда отец утонул в озере. Отца вытащили на берег. На голове у него была глубокая рана, поэтому сперва предположили, что его кто-то убил и бросил в озеро. Правда, в легких оказалась вода, и тогда выдвинули версию, будто он сам утонул; но все же многие подозревали, что он с кем-то поссорился на берегу и его сбросили в озеро. В семье же Яёи поговаривали о том, что отец Гимпэя специально приехал в деревню своей жены и там

¹ Государственный гимн Японии.

наложил на себя руки, чтобы им досадить. Десятилетний Гимпэй решил во что бы то ни стало найти убийцу отца. Когда он приходил в родную деревню матери, он нередко забирался в кусты близ того места, где вытащили из озера отца, и следил за прохожими. Он считал, что убийца, проходя мимо этого места, обязательно должен чем-то себя выдать. Однажды он увидел человека, погонявшего корову. Около кустов хаги она вдруг словно взбесилась. Гимпэй наблюдал за ней, затаив дыхание: должно быть, именно там убили отца. Позже он сорвал с куста несколько белых цветков, засушил в книге и поклялся отомстить убийце.

— Мать тоже не хочет переезжать к вам, — решительно сказал Гимпэй. — Ведь моего отца убили в вашей деревне.

Яёи с удивлением воззрилась на побледневшего Гимпэя.

Она еще не говорила ему, что среди жителей деревни ходят слухи, будто на берегу озера появляется призрак. Когда идешь по берегу у того места, где погиб его отец, слышатся чьи-то шаги; оглянешься — никого нет; побежишь — шаги отдаляются. Призрак не способен догнать бежущего — так говорили люди.

Птичка, щебетавшая на верхушке дикой вишни, слетела на нижнюю ветку. Даже этот звук привел Яёи в смятение — она решила, что появился призрак.

— Вернемся домой, Гимпэй. Цветы вишни так странно отражаются в озере. Мне страшно, — прошептала она.

— Ничего не вижу в этом страшного.

— Просто ты глядишь невнимательно.

— Но ведь это красиво.

Гимпэй схватил за руку поднявшуюся было Яёи и потянул к себе. Она не удержалась и упала на него.

— Гимпэй! — вскрикнула Яёи, быстро поднялась и кинулась бежать. Полы ее кимоно распахнулись. Гимпэй помчался за ней следом. Девочка остановилась, переводя дыхание, и прижалась к нему.

— Гимпэй, переезжай к нам вместе с матерью, — прошептала она.

— Не хочу, не хочу, — упрямо твердил он, крепко прижимая к себе Яёи, и расплакался. Яёи удивленно поглядела на него. Подождав немного, она сказала:

— Твоя мать говорила моему отцу: если она останется в вашем доме, она умрет. Я сама слышала...

То был единственный раз, когда Гимпэй держал Яёи в объятьях.

Семья Яёи, где родилась мать Гимпэя, была родовитой и пользовалась известностью во всей округе. Лишь много лет спустя у Гимпэя зародилось подозрение, что с матерью, по-видимому, в молодости что-то случилось, иначе она не согласилась бы на неравный брак с отцом, родители которого были более низкого происхождения. К тому времени мать уже вернулась в родную деревню. Вскоре она умерла от туберкулеза, и Гимпэй, который учился в Токио и едва сводил концы с концами, остался даже без тех грошей, которые она ему присылала. Дед его тоже умер, и теперь в доме жили только бабушка и тетка. До него доходили слухи, что тетку бросил муж и она поселилась у них в доме вместе с дочерью. Он годами не переписывался с родными и даже не знал, вышла ли ее дочь замуж.

Сейчас, когда он лежал в траве и наблюдал за Матиэ и ее возлюбленным, в нем вдруг с новой силой вспыхнула жажда мести, которую он испытал когда-то, сидя в кустах близ деревни Яёи. Гимпэй давно уже серьезно не думал о мести за убийство отца. Убийца, если он где-то и существовал, превратился в дряхлого старика. Допустим, он бы нашел этого старика и заставил его признаться в убийстве — принесло ли бы это ему облегчение? Да и способен ли он теперь вернуть свои юные годы и стать похожим на этих сидящих на траве влюбленных? Ему вспомнились цветы дикой вишни, отражавшиеся в озере близ деревни, где жила Яёи. Гимпэй закрыл глаза, и перед ним возникло лицо матери.

Тем временем девушка с собакой спустилась с дамбы и пошла вниз по дороге. Снова открыв глаза, он увидел лишь студента, провожавшего взглядом Матиэ. Гимпэй вскочил на ноги и стал глядеть ей вслед. Тени под гинкго сгустились. На дороге никого не было, и девушка шла не оглядываясь. Собака натягивала поводок — спешила домой. Было приятно глядеть, как девушка мелкими шажками поспевала за собакой. Радуюсь мысли о том, что завтрашним вечером она снова придет сюда, Гимпэй, насвистывая, направился в ту сторону, где стоял Мидзуно.

— Приятно провел время? — обратился к нему Гимпэй. Мидзуно отвернулся.

— Оглох, что ли? Я спрашиваю: приятно провел время? Мидзуно нахмурился и в упор поглядел на Гимпэя.

— Чего глядишь на меня волком? Давай лучше сядем и поговорим. Я просто человек, который завидует счастливым. Только и всего.

Мидзуно повернулся к нему спиной и пошел.

— Куда же ты бежишь? Я ведь сказал, что хочу поговорить с тобой.

— Вовсе я не бегу, но мне не о чем с вами разговаривать, — ответил Мидзуно.

— Наверно, решил, что я буду тебя шантажировать? У меня такого намерения нет. Ну садись, что ли.

Мидзуно стоял, не двигаясь.

— Я подумал: какая красавица твоя возлюбленная! Понимаю, тебе не нравится то, что я говорю. Но она в самом деле приятная девчушка. Тебе, брат, счастье привалило.

— А вам-то какое дело до этого?

— Да никакого, просто захотелось побеседовать со счастливым человеком. Честно говоря, она показалась мне фантастически красивой, и я захотел ее догнать... И очень удивился, когда понял, что она шла на свидание с тобой.

Мидзуно отвернулся и хотел было уйти, но Гимпэй ухватил его сзади за плечо:

— Давай все же побеседуем.

— Идиот! — не выдержав, закричал Мидзуно и резко оттолкнул его.

Гимпэй покатился с дамбы вниз, на дорогу. По-видимому, он сильно ушиб правое плечо. Он приподнялся и сел на асфальт, скрестив ноги и поглаживая ушибленное место. Когда он снова вскарабкался на дамбу, Мидзуно там не было. Тяжело кряхтя, Гимпэй опустился на землю и понурил голову.

Сейчас он и сам не понимал, зачем ему понадобилось заводить разговор со студентом, после того как девушка ушла. Правда, он ничего плохого не замышлял, когда, насвистывая, приблизился к этому юноше. Ведь он хотел только сказать, как прекрасна его подружка, и, если бы парень оказался более покладистым, мог бы поведать ему кое-что такое о ее красоте, о чем тот еще не догадывался. Только нельзя было так глупо начинать разговор: «Приятно провел время?» У Гимпэя от досады чуть не выступили слезы: до чего же он стал слаб, если свалился от толчка! Он сидел, сжимая в кулаке пучок травы, и не переставал поглаживать ушибленное плечо. Розовое вечернее небо смутно отражалось в его сузившихся глазах.

С завтрашнего дня девушка с собакой уже не станет гулять по этому косогору. Хотя, кто знает... Студент, может быть, и не успеет до завтра сообщить ей о случившемся, и она вновь сюда придет и будет бродить по тропинке в тени

гинкго. Но что из того? Студент, без сомнения, его запомнил, и отныне ему нельзя показываться ни на косогоре, ни на дамбе. Гимпэй огляделся вокруг, подыскивая место, где можно было бы спрятаться, но не нашел. Перед его мысленным взором предстала фигурка девушки в белом свитере и джинсах с подвернутыми манжетами, простроченными алыми нитками. Фигурка все более отдалялась, теряя свои очертания. Внезапно все вокруг заволокло розовым...

— Хисако, Хисако! — хриплым голосом позвал Гимпэй. Однажды, когда он ехал в такси на свидание с Хисако, небо почему-то показалось ему розовым, хотя до вечера было еще далеко — три часа дня. Когда он глядел сквозь закрытое боковое стекло, небо виделось ему голубым, но из окошка шофера с опущенным стеклом оно было иного оттенка.

— Не кажется ли вам, что небо розовое? — спросил он, наклоняясь к шоферу.

— Вроде бы, — протянул шофер, давая понять, что ему совершенно безразлично, какого цвета небо.

— У него в самом деле розовый оттенок. С чего бы это? Может, у меня что-то с глазами?

Близко наклонившись к шоферу, Гимпэй почувствовал запах его старой одежды.

С тех пор Гимпэй всякий раз, когда ехал в такси, никак не мог отделаться от ощущения, будто видит два мира: голубой и розовый. Сквозь стекло он казался ему голубым, через открытое окно около шофера — розовым. Только и всего. Но Гимпэй пришел к убеждению, что небо и стены домов, дорога и стволы деревьев могут совершенно неожиданно приобретать розовый оттенок. Весной и осенью стекла в салоне такси, где сидят пассажиры, как правило, бывают закрыты, а рядом с шофером — опущены. И хотя финансовые возможности не позволяли Гимпэю постоянно пользоваться такси, всякий раз, когда он садился в машину, он все сильнее ощущал эти два мира: голубой и розовый. И постепенно он приучил себя к тому, что для шоферов мир — теплый и розовый, а для пассажиров — холодный и голубой. Гимпэй был пассажиром. Конечно, мир кажется чище и прозрачней, когда глядишь на него сквозь стекло. По-видимому, пыль, которой насыщен воздух, придает небу и улицам Токио розоватый оттенок. Подавшись вперед и опираясь локтями о спинку сиденья шофера, Гимпэй взирает на розовый мир. Его выводит из себя себя тепловатый застойный воздух. Хочется наорать на

таксиста, вцепиться в него. Несомненно, это вызвано желанием восстать против чего-то, бросить кому-то вызов. Но если бы он на самом деле вцепился в таксиста, люди решили бы, что он сошел с ума. Таксисты не пугаются его беспокойного лица и, даже когда он сзади наваливается на спинку их сиденья, не обращают на это внимания. Ведь небо и город казались ему розовыми задолго до наступления заката, когда кругом люди и можно не опасаться нападения.

Впервые он заметил существование двух миров — голубого и розового, — когда ехал на свидание с Хисако. Наклонившись к таксисту, Гимпэй ощутил запах его старой одежды, напомнивший ему запах голубого форменного платья Хисако. С тех пор всякий раз, садясь в такси, он вспоминал Хисако, и ему казалось, будто от каждого таксиста пахнет Хисако — даже если тот был одет во все новое.

Когда Гимпэй впервые увидел небо в розовом цвете, он уже не был учителем. Его уволили, а Хисако перевелась в другой колледж, и они встречались тайно. Опасаясь, что могут прознать об их свиданиях, Гимпэй предупредил Хисако еще до того, как они стали встречаться:

— Ни в коем случае не рассказывай Онде. Пусть это будет только наша тайна — твоя и моя.

Хисако покраснела, словно они уже на свидании.

— Хранить тайну приятно и радостно, но, раз проговорившись, жди возмездия.

Хисако, с милыми ямочками на щеках, поглядела снизу вверх на Гимпэя. Они стояли в углу коридора недалеко от классной комнаты. За окном девочка, ухватившись за ветку вишни, раскачивалась на ней, словно на турнике. Ветка так сильно тряслась, что до них доносился шелест листьев.

— У любящих не бывает друзей. Сейчас для нас даже Онда — враг. Она — глаза и уши чужого мира.

— Но я, наверно, все же ей расскажу.

— Ни в коем случае! — Гимпэй испуганно огляделся по сторонам.

— Боюсь, не выдержу. Если она с сочувственным видом начнет меня расспрашивать, отчего я такая, что случилось, я могу проговориться.

— Тебе ни к чему это дружеское сочувствие! — возвысил голос Гимпэй.

— Когда я встречу с Ондой и погляжу ей в глаза, обязательно заплачу. Вот и вчера я вернулась домой с рас-

пухшими от слез глазами, смачивала их водой, но никак не могла привести себя в порядок. Летом, когда в холодильнике есть лед, это проще...

— Не говори глупости.

— Но мне так тяжело на сердце.

— Покажи-ка свои глаза.

Хисако кротко поглядела на него — девушке очень хотелось, чтобы он сам заглянул ей в глаза. Он ощутил ее так близко от себя, что умолк, не в силах произнести хоть слово.

Еще до того, как Гимпэй окончательно сблизился с Хисако, он пытался расспросить Онду о семействе своей возлюбленной. Ведь, по словам Хисако, у нее не было от подруги секретов.

Но добиться доверия у Онды оказалось не просто. Она была хорошей ученицей, но всегда держалась независимо и настороженно.

Однажды Гимпэй читал вслух ученицам своего класса выдержки из книги Юкити Фукудзава «Социальные отношения между мужчинами и женщинами». Он начал с юмористического абзаца: «Пройдя два или три тё, супруги могут пойти рядом». И дальше продолжал: «Например, до сих пор еще можно столкнуться с абсурдным анахронизмом, когда свекор и свекровь смотрят косо на молодую невестку, ежели та чересчур открыто убивается по случаю отъезда мужа, а теща и теща выражают свое неудовольствие, ежели молодой зять слишком много ухаживает за большой женой».

Большинство девочек, выслушав этот пассаж, громко рассмеялись. Не смеялась только Онда.

— А вам, мисс Онда, не смешно? — спросил Гимпэй.

Та не ответила.

— Вам не показалось это забавным?

— Ничуть.

— Но все остальные смеялись. Почему бы не присоединиться к ним, если даже лично вы не видите в этом ничего смешного?

— Не хочу! Я не против того, чтобы повеселиться вместе со всеми, но было бы странно смеяться как бы вдогонку, после того как все замолчали.

— Вы уклоняетесь от прямого ответа, — рассердился Гимпэй; потом, обращаясь к классу, сказал: — Мисс Онде не смешно, а вам?

В классе воцарилась тишина. Гимпэй продолжал:

— Она не видит в этой выдержке ничего смешного.

Юкити Фукудзава писал свою книгу в 1896 году. Но сейчас, особенно после войны, эти правила в самом деле звучат смешно, а вот мисс Онда так не считает. Мне ее отношение кажется по меньшей мере странным. — Прервав свои рассуждения, Гимпэй с насмешкой спросил: — Кто из вас хоть раз видел, чтобы мисс Онда смеялась?

— Я видела.

— И я.

— Да она настоящая хохотушка!..

Позднее Гимпэй пришел к мысли, что Ондэ к Хисако влекла та самая неодолимая сила, которая, по-видимому, и его заставила преследовать Хисако, а ее — принять его домогательства. В Хисако тогда мгновенно, словно от электрического разряда, проснулась женщина. Даже Гимпэй был поражен страстностью, с какой она отдалась ему, и долго еще после этого размышлял: неужели и другие девушки такие?

Хисако была первой женщиной, которую он познал. Те дни, когда они полюбили друг друга, Гимпэй считал самым счастливым временем в своей жизни. Еще когда был жив отец, Гимпэй влюбился в свою кузину Яёи, но то чистое чувство было чересчур детским, чтобы считать его настоящей любовью.

Гимпэй по сей день помнил сон, который видел, когда ему было лет девять или десять. Он рассказал об этом сном своим близким, и они наперебой стали хвалить его, предвещая большое будущее.

Ему приснился дирижабль, плывущий в небе высоко над иссиня-черными морскими волнами близ его деревни. Он пригляделся и увидел, что это вовсе не дирижабль, а огромный морской окунь, выпрыгнувший из волн и паривший в небе. Потом появились и другие... Там и сям они выскакивали из воды. «Глядите, какой большой окунь!» — закричал Гимпэй и проснулся.

— Тебе приснился замечательный, вещий сон, Гимпэй. Он означает, что тебя ждет блестящее будущее, — говорили ему. Накануне Яёи подарила ему книжку, в которой на картинке был изображен дирижабль. Гимпэй ни разу в жизни не видел настоящего дирижабля, хотя в те годы ими еще пользовались. Потом наступил век самолетов, и дирижабли исчезли. Как давно это было, когда он увидел сон о дирижабле и морском окуне! Сам Гимпэй расценил свой сон не как намек на карьеру, а как знамение, предвещавшее, что он женится на Яёи. Но в реальной жизни успех ему не сопутствовал. Даже если бы он не потерял место

учителя в колледже, у него не было никаких перспектив сделать карьеру. Ему не хватало сил выпрыгнуть из человеческих волн, как выпрыгнул в его сне из моря окунь, не оказался он и достаточно способным к тому, чтобы воспарить в небе над головами людей. Счастье, какое он испытал в тайной любви к Хисако, оказалось коротким, и беда пришла слишком быстро. Как он и предсказывал Хисако, тайна, о которой она проговорила Онде, обернулась дьявольской мстостью. Разоблачение, сделанное Ондой, было жестоким.

С тех пор как Гимпэй узнал, что Хисако рассказала Онде об их отношениях, он старался на занятиях не глядеть на свою возлюбленную. Его взгляд помимо воли притягивало к месту, где сидела Онда. Однажды он встретился с ней на школьном дворе и стал уговаривать, чтобы она сохранила тайну, даже угрожал ей. Она отказалась, обвинив его не столько из чувства справедливости, сколько из интуитивного ощущения его вины. Именно за это она его ненавидела.

Гимпэй попытался объяснить Онде, как дорога ему любовь Хисако, на что та с присущей ей прямоотой ответила:

— Учитель, вы — бесчестный человек.

— Ты сама бесчестная личность! Что может быть бесчестней, чем разглашение тайны, которую доверили тебе одной?! В тебе, наверное, сидит какое-то ядовитое насекомое — сколопендра или скорпион.

— Я никому не рассказывала о ваших отношениях.

Но вскоре Онда отправила анонимные письма директору колледжа и отцу Хисако, подписавшись: «Скорпион».

Отныне Гимпэй мог лишь тайно встречаться с Хисако. Особняк, который приобрел ее отец после войны, находился в бывшем пригороде Токио, а в их прежний дом в районе Яманотэ попала бомба, и он сгорел. Осталась лишь наполовину разрушенная каменная ограда. Вот это-то место и избрала Хисако для их свиданий. Здесь, за оградой, навряд ли кто-нибудь смог бы их обнаружить. На пустырях в этом квартале бывших фешенебельных особняков быстро выросли новые дома, и здесь стало не так опасно и жутко, как в ту пору, когда весь район лежал в руинах. Трава за оградой была достаточно высока, чтобы скрыть влюбленных от любопытных глаз. Кроме того, Хисако — тогда еще молоденькая школьница — чувствовала себя здесь, на месте ее прежнего дома, в безопасности.

Хисако не рещалась теперь писать Гимпэю, а он тем

более не мог отправлять ей письма или звонить по телефону домой или в колледж. Обращаться к кому-либо с просьбой передать ей письмо или записку он тоже считал опасным и поэтому фактически был лишен всякой возможности поддерживать с ней связь. Они договорились писать свои письма мелом на внутренней стороне заросшей травой ограды. Здесь вряд ли кто-либо мог обнаружить их послания. Правда, мелом там много не напишешь, и своеобразные письма Гимпэя состояли главным образом из цифр — дата и час, когда бы он хотел встретиться с Хисако. Гимпэй время от времени заглядывал сюда, чтобы, прочитав ответное послание девушки, узнать, сумеет ли она прийти в назначенный час. Она приходила к ограде и оставляла свой тайный знак, хотя могла бы в ответ послать ему письмо с нарочным или телеграмму.

В тот день, когда Гимпэй, сидя в такси, открыл для себя голубой и розовый мир, о свидании попросила Хисако. Она ждала его, спрятавшись в траве у ограды. Однажды он ей сказал: «Судя по высоте ограды, твой отец чуждался людей. Наверное, сверху она была утыкана гвоздями и битым стеклом». Из построенных вокруг одноэтажных домов заглянуть во двор было невозможно. Даже со второго этажа единственного здесь двухэтажного дома треть участка оставалась вне поля зрения. Зная об этом, Хисако выбрала укромный уголок поблизости от ограды. Ворота, по-видимому, были деревянные и сгорели. Участок не продавался, и сюда никто не заходил — ни чтобы прицениться, ни просто из любопытства. Поэтому Гимпэй и Хисако могли спокойно встречаться здесь даже днем.

— Ты зашла сюда по дороге домой? — Гимпэй положил ей руку на голову, потом притянул к себе, зажав в ладонях ее побледневшие щеки.

— Учитель, у нас очень мало времени. Родители точно высчитали, сколько минут мне требуется, чтобы добраться от колледжа до дома.

— Так...

— Они не разрешили мне даже остаться после занятий на лекцию, посвященную «Повести о доме Тайра»¹.

— Не может быть! Значит, ты уже давно ждешь? И вот так все время на корточках? Наверно, ноги затекли! — Гимпэй усадил ее к себе на колени, но Хисако, стеснясь дневного света, соскользнула на землю.

¹ Средневековое повествование о расцвете и падении одного из крупнейших феодальных кланов Японии.

— Учитель, вот... возьмите.
— Что это? Деньги?.. Откуда они у тебя?
— Я украла их для вас. — Ее глаза радостно сияли. —
Здесь двадцать семь тысяч иен.
— Это деньги твоего отца?
— Я нашла их в комнате матери.
— Мне не нужны деньги. Положи их обратно, пока не
узнали о пропаже.

— Если они узнают, я подожгу дом.
— Не уподобляй себя Осити из овощной лавки...¹ Слы-
ханное ли дело: из-за двадцати семи тысяч иен поджечь
дом стоимостью более десяти миллионов!

— Думаю, мать не станет поднимать шум — эти деньги
она припрятала от отца, и он о них ничего не знает. Прежде
чем их забрать, я все хорошенько обдумала. А возвращать
взятое — опасно. Я обязательно начну трястись от страха,
сделаю что-то не так, и меня поймают.

Уже не в первый раз Хисако воровала деньги для Гим-
пэя, хотя он об этом сам не просил.

— Зачем ты это делаешь? — упрекнул ее Гимпэй. —
Я ведь не умираю от голода. Секретарь господина Ариты —
президента одной компании, — мой давнишний друг еще
со студенческих времен, часто заказывает мне писать для
его начальника доклады. Этого заработка мне хватает на
то, чтобы сводить концы с концами.

— Господин Арита... А как его имя?

— Отодзи Арита. Совсем дряхлый старик.

— Боже мой! Да ведь этот Арита — председатель попе-
чительского совета в новом колледже! Мой отец именно к
нему обратился с просьбой, чтобы меня перевели туда.

— В самом деле?

— Значит, вы писали для господина Ариты и речи, с
которыми он выступал в нашем колледже? Вот уж не
знала!

— Такова жизнь.

— Да, такова жизнь... Знаете, иногда в лунные ночи я
любуюсь на полную луну и думаю: может быть, и вы в этот

¹ В 1682 г. во время большого пожара в Эдо (нынешний Токио) дочь владельца овощной лавки Осити влюбилась в юного послушника в храме, куда она прибежала, спасаясь от огня. Любовь ее была столь сильна, что вскоре она сама подожгла свой дом, чтобы, спасаясь, прибежать в храм и вновь встретиться с возлюбленным. Ее осудили и отправили в тюрьму за поджог. Этот факт использовал известный японский писатель Йхара Сайкаку в повести «Пять женщин, предавшихся любви», он послужил сюжетом и для ряда пьес Кабуки.

час глядите на нее... А в ветреные, дождливые дни меня охватывает беспокойство: каково вам там одному, в вашем жилище?

— Секретарь Ариты рассказывал мне, что старик страдает странным видом фобии, и просил меня по возможности не употреблять в речах, которые я для него пишу, слова «жена» или «брак». А мне-то подобные слова представлялись вполне уместными для речей, которые произносились в женском колледже. С ним не случались во время выступлений приступы неврастений?

— Не замечала.

— Должно быть, так. На людях неврастеник себя сдерживает, — пробормотал Гимпэй.

— А какие они — неврастеники?

— Разные. Может быть, мы тоже принадлежим к их числу. Хочешь, покажу, каким бывает приступ неврастений? — Гимпэй протянул к ней руки и закрыл глаза. Перед его мысленным взором возникло пшеничное поле близ родной деревни. Женщина на неоседланной лошади едет по меже через поле. На ее шее белое полотенце, завязанное спереди узлом...

— Да-да, учитель, задушите меня, я не хочу возвращаться домой! — жарко зашептала Хисако.

Гимпэй с удивлением обнаружил, что его пальцы сжимают шею девушки. Он протянул к шее Хисако другую руку, как будто намеревался измерить ее. Пальцы соединились на затылке... Опомнившись, он сунул деньги ей за пазуху. Она отшатнулась.

— Будь послушной и забери эти деньги домой... Боюсь, все кончится тем, что ты или я совершим преступление, если и дальше будем заниматься такими делами. Она и так уже окрестила меня преступником. Она в своем письме объявила, что я лжец и темная личность и, вне всякого сомнения, совершил в прошлом много нехороших поступков... Ты ведь знаешь о ее письме? Давно видела Онду?

— Последнее время мы не встречались. И писем она мне тоже не пишет. Откровенно говоря, она мне разонравилась.

Гимпэй промолчал. Хисако постелила для него нейлоновый платок. Но через нейлон еще больше чувствовалась исходящая от земли прохлада. Пахло свежей травой.

— Учитель, я хочу, чтобы вы снова ходили за мною, но незаметно. Когда я возвращаюсь из колледжа. Мой новый колледж дальше от дома, чем тот, где я училась прежде.

— А ты сделаешь вид, будто заметила меня, лишь

когда мы приблизимся к чудесной решетке, что на воротах вашего дома. Будешь глядеть на меня сквозь решетку, и твое лицо покраснеет от смущения.

— Нет, я попрошу вас войти внутрь. В нашем огромном доме никто не сумеет вас отыскать. Я в этом уверена. Даже моя комната достаточно велика, чтобы вас в ней спрятать.

Безмерное счастье охватило Гимпэя. Вскоре он действительно воспользовался предложением Хисако, но был обнаружен родителями, и ему с позором пришлось бежать из ее дома.

С той поры минули годы, время отдалило их друг от друга, и все же, когда его столкнул с дамбы студент — возлюбленный той девушки с собакой, — Гимпэй, глядя на розовый закат, назвал ее имя. «Хисако, Хисако!» — тоскливо повторял он, возвращаясь в свое жилище. Дамба, с которой он скатился, была высотой в два человеческих роста, и он сильно ушиб плечо.

Но на следующий вечер его неудержимо потянуло туда, где по тропинке прогуливалась девушка с собакой. Эта чистая девушка осталась к нему безразличной, а ведь он, собственно, не собирался причинить ей ни малейшего вреда, с грустью думал Гимпэй. Грусть была сродни той, что приходит, когда глядишь на улетающих диких гусей... Либо когда следишь за уходящим в прошлое сверкающим потоком времени. Его собственная жизнь может прерваться завтра, да и красота девушки не вечна.

Теперь Гимпэй не мог бродить по дороге на косогоре, где росли гинкго, поскольку студент, с которым он вчера заговорил, наверняка запомнил его. А уж тем более не решался он подняться на дамбу, где тот, по-видимому, будет опять дожидаться прихода девушки. Поэтому Гимпэй решил спрятаться во рву между тропинкой и оградой особняка, некогда принадлежавшего аристократу. Если его там случайно обнаружит полицейский, Гимпэй всегда сможет оправдаться, что свалился в ров, будучи нетрезвым, или его столкнул туда хулиган, а он ушибся и не в силах выбраться. Все же сказаться пьяным безопасней, решил Гимпэй, и, чтобы это выглядело натуральней, перед выходом из дома хлебнул спиртного.

Накануне, разглядывая ров, Гимпэй решил, что он достаточно глубок, но, спустившись в него, убедился, что ров не столько глубокий, сколько широкий. Стены его, как и дно, были выложены камнем. В щелях между камнями росла трава. На дне — прошлогодние палые листья. Если прижаться к той стене, что ближе к тропинке, то идущий

мимо навряд ли сможет его заметить, решил Гимпэй. Постояв во рву около получаса, он почувствовал, что ждать дольше не могут: еще немного — и он вопьется зубами в каменную стенку. Чуть в стороне он заметил кустики фиалок, росшие между камнями. Он придвинулся к ним, перекусил стебли зубами и сжевал. Глотать фиалки оказалось нелегко. Гимпэй тихо застонал, с трудом сдерживая подступившие к глазам слезы.

Наконец у подножия косогора появилась вчерашняя девушка с собакой. Раскинув руки и уцепившись за каменный выступ, Гимпэй слегка подтянулся и высунул голову. Руки дрожали, и ему казалось, что камни вот-вот обрушатся. Сердце колотилось о камни так сильно, что, казалось, еще мгновение — и оно выскочит из груди.

На девушке был тот же свитер, что накануне, но вместо джинсов — ярко-красная юбка, на ногах — элегантные туфли. Белое и ярко-красное плыло на фоне молодой зелени, постепенно приближаясь к Гимпэю. Когда девушка проходила мимо него, он запрокинул голову и увидел прямо перед глазами ее белые руки. Снизу он успел заметить безупречную линию ее подбородка и, тихо застонав от восхищения, закрыл глаза.

— А вот и он... — пробормотал Гимпэй. Открыв глаза, он заметил вчерашнего студента, ожидавшего девушку на дамбе. Вскоре девушка присоединилась к нему, и отсюда, из рва, Гимпэй еще долго видел, как две фигуры плыли по дамбе в высокой траве, удаляясь от него все дальше и дальше. До позднего вечера Гимпэй дожидался в своем укрытии возвращения девушки, но она так и не появилась. По-видимому, студент рассказал ей о встрече со странным человеком, и они прошли другой дорогой.

С тех пор Гимпэй много раз приходил сюда, бродил по тропинке, вдоль которой росли гинкго, часами лежал в густой траве на дамбе, поджидая девушку, но она больше не появлялась. Воспоминания о ней гнали его сюда даже по ночам. Молодые листья гинкго росли быстро, при лунном свете черные кроны деревьев отбрасывали пугающие тени на асфальтовую дорогу. Они напомнили Гимпэю ночную темноту озера близ его деревни, которая пугала его в детстве, заставляя в страхе убегать под защиту родного дома...

Однажды со дна рва Гимпэю послышалось мяуканье. Он остановился и заглянул в ров. Там на дне стоял ящик, в котором копошились крохотные существа.

— Удобное место, где можно оставлять новорожден-

ных котят, — пробормотал Гимпэй. Кто-то сунул их в ящик и бросил в ров. Сколько же их там? Бедные существа, они будут мяукать, пока не сдохнут от голода. Подумав о том, что он и сам похож на этих брошенных котят, Гимпэй долго еще прислушивался к их мяуканью.

С того вечера девушка туда так и не приходила.

В начале июня Гимпэй прочитал в газете, что в одном из водоемов — он находился недалеко от известного ему косогора — устраивают ловлю светлячков. На этом водоеме была лодочная станция. Гимпэй твердо верил, что девушка придет поглядеть, как ловят светлячков. Тем более что дом ее где-то поблизости — иначе вряд ли она приходила бы сюда на прогулку с собакой.

На берегу озера близ деревни, откуда была родом мать Гимпэя, тоже было много светлячков, и он вместе с нею часто ходил ловить их. Когда его укладывали в постель, окруженную противомоскитной сеткой, он выпускал светлячков. Так же поступала и Яёи. Фусума были раздвинуты, и Гимпэй видел ее в соседней комнате в постели, под такой же сеткой. Они спорили, кто больше поймал, но светлячки все время перелетали с места на место и сосчитать их было трудно.

— До чего же ты хитрый, Гимпэй! Почему ты всегда хитришь? — сердилась Яёи и, поднявшись с постели, грозила ему кулачком, а потом, войдя в раж, колотила руками по сетке, с которой светлячки разлетались в разные стороны. Ухватившись за сетку, она топала ногами, ее коротенькое спальное кимоно с узкими рукавами распахивалось, и тогда взгляду Гимпэя открывались белые ноги девочки. Сетка прогибалась в сторону Гимпэя, и Яёи казалась ему прекрасным призраком, привидением, бьющимся в голубых тенетах.

— Сегодня ты поймала больше, чем я. Обернись назад и погляди! — признавался Гимпэй.

Яёи оборачивалась и задорно выкрикивала:

— Само собой — больше!

Она трясла противомоскитную сетку, огоньки светлячков метались туда и сюда, и впечатление было такое, словно их великое множество.

Гимпэй до сих пор помнит, что в тот вечер на Яёи было спальное кимоно с узором из крупных крестиков. Но что делала его мать, которая была рядом? Ругала ли она Яёи за шум, который та подняла? И выговаривала ли дочери мать Яёи? Она ведь спала с ней под одной сеткой. Вместе с ними, кажется, находился и ее младший братишка... Ничего

этого Гимпэй не помнил. В памяти сохранилась только Яёи.

По сей день его время от времени посещало видение: вспыхнула молния в ночной тьме над озером — такая яркая, что мгновенно высветила водную гладь до самых отдаленных уголков. Когда она угасла, на берегу стали видны огоньки светлячков. Может, эти огоньки — продолжение видения, а может, и нет. Ведь такие молнии часто бывали в их краях летом, когда светлячки появляются во множестве. Гимпэй не думал, конечно, что есть какая-то связь между светлячками и душой утонувшего в озере отца, но все же их огоньки в тот миг, когда молния угасала и озеро вновь окутывала тьма, вызывали неприятное ощущение. И хотя Гимпэй понимал, что это только видение и на самом деле такого не бывает, эта огромная неподвижная масса воды, внезапно вспыхивающая среди ночи от мгновенного зигзага молнии, всякий раз вызывала в нем ужас, казалась ему некой зловещей игрой природы, воплем агонизирующего времени. У него было такое ощущение, будто молния пронзала его самого, ярким светом высвечивая все мироздание. То же самое испытал он и когда впервые познал Хисако — между ними словно возник электрический разряд.

Гимпэя поразила тогда ее удивительная смелость. В чем-то она была сродни вспышке молнии. И та же смелость Хисако позволила Гимпэю войти в ее дом, очутиться в ее комнате.

— До чего же большой у вас дом. Если придется бежать, заплутаешься, — пошутил тогда Гимпэй.

— Не беспокойтесь, я провожу вас. А можно выпрыгнуть через окно.

— Со второго-то этажа? — испуганно пробормотал он.

— А я связку несколько поясов, и вы с их помощью преспокойно спуститесь вниз.

— А собака у вас есть? Я терпеть не могу собак.

— Нет.

Хисако едва прислушивалась к тому, что говорил Гимпэй. Она глядела на него сияющими глазами.

— Я знаю, что не смогу выйти за вас замуж, — сказала она, — но пусть хоть один-единственный раз мы останемся с вами вдвоем в этой комнате. Мне надоели наши тайные встречи, надоело от всех прятаться в траве за оградой.

— Слова «прятаться в траве» могут означать только то, что они означают, но теперь их стали употреблять еще и в смысле «уходить в иной мир», «сходить в могилу».

— Правда? — Хисако без особого интереса восприняла этот экскурс в филологию.

— Собственно, теперь, когда меня выгнали и я больше не учитель родного языка, это не имеет значения...

Гимпэй разглядывал роскошно обставленную в западном стиле комнату своей бывшей ученицы и чувствовал себя не лучше, чем преступник, которого преследуют по пятам. Пока он шел за Хисако от дверей ее нового колледжа до ворот этого дома, его настроение переменялось. Он понимал: то, что он сейчас идет за ней во второй раз, — всего лишь игра, правила которой заранее известны Хисако, и она лишь делает вид, будто ей все внове. Но теперь она целиком и полностью ему принадлежала, и он с радостью принял эту игру — ведь ее придумала Хисако.

— Подождите меня здесь, — прошептала она, крепко сжимая руку Гимпэя. — Сейчас у нас ужин, но я постараюсь вернуться как можно скорее.

Гимпэй притянул Хисако к себе и поцеловал в губы. Хисако хотела, чтобы этот поцелуй длился вечно. Она так крепко прижалась к Гимпэю, что ему с трудом удалось удержаться на ногах.

— Чем вы займетесь в мое отсутствие?

— Не знаю. У тебя есть альбом с твоими фотографиями?

— Нет ни альбома, ни даже дневника. — Хисако показала головой.

— Ты никогда не рассказывала мне о своем детстве.

— Ничего в нем не было интересного.

Хисако вышла из комнаты, не утерев даже губы после поцелуя. Как сейчас она будет смотреть в глаза родителям? — подумал Гимпэй. За занавеской, скрывавшей нишу в стене, он обнаружил умывальник, пустил слабую струю воды, тщательно вымыл лицо и руки, прополоскал рот. Он хотел было снять носки и вымыть ноги, но не решился сунуть их в умывальник, где Хисако мыла лицо. Собственно, от того, что он вымоет ноги, они не станут менее уродливы. Напротив, их безобразие проступит еще отчетливее.

Никто бы не догадался об их свидании, не займись Хисако приготовлением бутербродов для Гимпэя. И уж верхом дерзости было то, что на виду у всех она пронесла к себе в комнату кофе на серебряном подносе.

Не успела она поставить поднос на стол, как в дверь постучали. Хисако решительно и даже с упреком спросила:

— Это вы, мама?

- Да.
- У меня гость, и прошу нас не тревожить.
- Кто у тебя?
- Мой учитель, – тихо, но в то же время твердо ответила Хисако.

Гимпэй встал, подхваченный порывом неистовой ярости. Будь у него в руках пистолет, он не задумываясь выстрелил бы Хисако в спину... Он стреляет! Пуля пронзает ее насквозь и попадает в мать по ту сторону двери. Обе падают на спину, но Хисако красивым движением успевает повернуться к нему лицом, валится к его ногам и обнимает его колени. Из ее раны хлещет кровь, стекая по его ногам. В одно мгновение грубая темная кожа на его подошвах становится шелковистой, прекрасной, как лепестки роз, и даже длинные обезьяньи пальцы, торчащие в разные стороны, словно погнутые зубцы гребня, омытые теплой кровью Хисако, становятся ровными и красивыми, как у манекена. Гимпэй спохватывается, что у Хисако не может быть столько крови, и видит, что кровь стекает также из раны у него в груди. Он теряет сознание и чувствует, будто его уносит на пятицветные облака, на которых восседает Будда Амида, собирая души истинно верующих... Все это видение длилось один короткий миг.

«Кровь моей дочери примешана к лекарству от экземы, которое она принесла для вас в школу», – раздается голос отца Хисако, и Гимпэй в ужасе замирает. Но это ему только послышалось.

Когда Гимпэй пришел в себя, он увидел грациозную фигурку Хисако у двери, и страх прошел. За дверью воцарилась тишина. Гимпэю показалось, будто дверь вдруг стала прозрачной, и он видит мать Хисако, трясущуюся под упорным взглядом дочери. Жалкая курица, у которой цыпленок выщипал перья! Из коридора донеслись нерешительно удаляющиеся шаги. Хисако быстро заперла дверь на ключ, потом повернулась и, прислонившись к ней спиной, заплакала.

Не прошло и нескольких минут, как в коридоре послышались тяжелые шаги. Вместо матери теперь к двери подошел отец и стал раздраженно дергать за ручку.

- Хисако, слышишь, открой! Немедленно открой!
- Я сейчас поговорю с твоим отцом, – сказал Гимпэй.
- Не надо.
- Почему? Ведь другого выхода нет.
- Я не хочу, чтобы отец вас увидел.

— Но я ничего не сделаю дурного. У меня даже пистолета с собой нет.

— Не хочу! Бегите через окно.

— Через окно?! Ну что же, попытаюсь. Ноги-то у меня как у обезьяны.

— В ботинках спускаться опасно.

— Я их снял.

Хисако взяла из шкафа несколько поясов и начала их связывать. Отец стучал в дверь все громче.

— Подождите минутку, я сейчас открою. И не волнуйтесь, пожалуйста! Мы не собираемся здесь покончить жизнь самоубийством или совершить что-нибудь дурное.

— Что?! Как смеешь ты так говорить с отцом?!

Слова Хисако все же подействовали на него, и стук в дверь прекратился.

Крепко намотав конец импровизированной веревки на обе руки, она кинула ее за окно и со слезами на глазах поглядела на Гимпэя. Он коснулся ее пальцев кончиком носа и стал быстро спускаться. Он хотел поцеловать ее пальцы, но, потому что все время с опаской поглядывал вниз, ткнулся в них не губами, а носом. Спустившись на землю, он дважды дернул за конец, давая понять, что все в порядке. Когда он дернул во второй раз, веревка, никем не удерживаемая, упала к его ногам.

— Ты даришь эти пояса мне? Спасибо, я их возьму на память! — крикнул Гимпэй.

Пробегая по саду, он на ходу быстро намотал веревку на руку. Оглянувшись, Гимпэй увидел в окне, через которое только что выбрался, две фигуры — Хисако и, по-видимому, отца. Наверно, ее отец не будет поднимать шум, подумал Гимпэй и ловко, словно обезьяна, перепрыгнул через резную решетку ворот...

Удалось ли Хисако выйти замуж после всего случившегося? — раздумывал теперь он.

С тех пор Гимпэю лишь один раз довелось встретиться с Хисако. Он часто приходил к ограде ее бывшего дома, но Хисако больше уже не ждала его, «спрятавшись в траве», не оставляла для него посланий на ограде. И все же его не покидала надежда увидеть ее, и он время от времени заглядывал сюда даже зимой, когда трава пожухла и ее засыпало снегом.

Однажды ранней весной он, к своему крайнему удивлению, встретил там Хисако.

Но Хисако была не одна, а вместе с Ондой. В первую минуту у Гимпэя сердце радостно забилось в груди: значит,

и Хисако иногда заглядывает сюда, надеясь встретиться с ним, просто до сих пор они приходили в разное время... Однако стоило ему взглянуть на удивленное лицо Хисако, и его радость угасла: она вовсе не рассчитывала его увидеть. Она назначила здесь встречу Онде. Но как могла она привести эту доносчицу сюда, на место их тайных свиданий?! Гимпэй решил быть осторожным, чтобы не наговорить лишнего...

— Учитель... — прошептала Хисако.

— А, это вы, учитель! — громко повторила Онда.

— Мисс Тамаки, неужели вы до сих пор водите дружбу с подобной личностью? — Гимпэй указал подбородком на Онду. Девушки сидели рядом, подстелив под себя нейлоновый платок.

— Хисако ходила сегодня на церемонию, посвященную окончанию колледжа, — объявила Онда, неприязненно глядя на Гимпэя.

— Вот как? На церемонию... Я ничего об этом не знал. — Он сказал больше, чем хотел.

— Учитель, с того дня я ни разу не была в колледже, — извиняющимся голосом пробормотала Хисако.

— Понимаю. — Слова девушки глубоко тронули его, но то ли из-за присутствия Онды, то ли припомнив времена, когда он еще был учителем, Гимпэй неожиданно для самого себя спросил: — Но как в таком случае вы смогли закончить колледж?

— Смогла! Помог председатель попечительского совета, — вместо нее ответила Онда, и трудно было понять, благожелательно или дурно она относится к этому факту.

— Я знаю, вы умная девушка, мисс Онда, но перестаньте вмешиваться, когда вас не спрашивают... Скажите, Хисако, председатель выступил с речью на церемонии?

— Да.

— Я давно уже не пишу речи для старого Ариты. Наверно, его сегодняшняя речь была не похожа на прежние?

— Она была краткой.

— Боже мой, о чем только они говорят? — вмешалась Онда. — Неужели вам больше нечего сказать друг другу, если вы даже встретились случайно?

— Оставьте нас вдвоем, и мы найдем о чем поговорить. Но все это не для ваших шпионских ушей. Если вам есть что сказать мисс Тамаки, говорите скорее и уходите.

— Я не доносчица. Я хотела лишь спасти мисс Тамаки от вашего вредного влияния. Именно мое письмо заста-

вило ее сменить колледж, и, хотя Хисако потом перестала его посещать, она по крайней мере избавлена от постоянного общения с бесчестным человеком. Я очень дорожу дружбой с мисс Тамаки и буду бороться за нее, что бы вы со мной ни сделали. Мисс Тамаки ненавидит вас.

— Ну как мне с вами поступить? Уходите поскорее отсюда, покуда целы, иначе я за себя не ручаюсь.

— Я не оставлю мисс Тамаки. Она назначила свидание мне, а не вам, поэтому вы уходите.

— Вы что, приставлены следить за мисс Тамаки?

— Мне этого никто не поручал. Вы нехороший человек. — Онда отвернулась. — Пойдем отсюда, Хисако. Скажи этому беспардонному мужчине, что ты его ненавидишь и не намерена с ним встречаться.

— Будьте умницей, уйдите! Я ведь еще не закончил разговор с мисс Тамаки. — Гимпэй снисходительно погладил Онду по голове.

— Нечистоплотный человек! — Онда тряхнула головой.

— Насчет нечистоплотности вы правильно сказали. Когда, кстати, вы в последний раз мыли голову? Вам бы следовало делать это почаще, у вас от волос неприятный запах. Сомневаюсь, чтобы кто-то захотел погладить такие грязные волосы.

Онда была взбешена.

— Послушай, уходи-ка отсюда! Я ведь хулиган и могу запросто ударить женщину.

— Пожалуйста, бейте, пинайте меня, сколько хотите!

— Хорошо же! — Гимпэй ухватил ее за руку и потянул за собой. — Не возражаете? — Он обернулся к Хисако.

В ее глазах он прочитал согласие и потащил Онду на улицу.

— Что вы делаете? Отпустите меня! — упиралась Онда, пытаясь укусить его.

— Ах, ты хотела поцеловать руку бесчестного человека?

— Я укушу вас! — закричала Онда, но так и не исполнила свою угрозу.

Когда Гимпэй вывел ее на улицу, она перестала сопротивляться и пошла сама, опасаясь, как бы прохожие не обратили на них внимание. Гимпэй продолжал крепко держать ее за руку. Он остановил свободное такси.

— Эта девушка убежала из дому. Родители ждут ее у входа на станцию Омори. Прошу вас, поскорее доставьте ее туда, — сказал он шоферу первое, что пришло в голову, передал ему купюру в тысячу иен и втолкнул Онду в машину. Машина сразу же сорвалась с места и помчалась вперед.

Гимпэй вернулся за ограду. Хисако по-прежнему сидела на нейлоновом платке.

— Я объяснил шоферу, что она убежала из дому, усадил в такси и отправил к станции Омори. Это обошлось мне в тысячу иен, — сказал он.

— В отместку Онда опять напишет моим родителям.

— И снова подпишется: «Скорпион».

— А может, на этот раз и не напишет. Она очень хочет попасть в университет и пришла уговаривать меня поступить с ней вместе. У нее есть план: стать моим частным репетитором, с тем чтобы отец оплатил ее учебу в университете. У ее родителей сейчас туговато с деньгами.

— Вот, значит, для чего она попросила тебя о встрече?

— Да, но она и до этого, чуть не с января, часто писала мне письма с просьбой повидаться. Но я не хотела приглашать ее к себе домой и ответила, что смогу встретиться с ней в день церемонии по случаю окончания колледжа. Она ожидала меня у входа, и мы пошли сюда. Мне все равно хотелось еще раз побывать здесь.

— С того дня я часто заглядывал сюда — даже в ту пору, когда все было покрыто глубоким снегом.

Хисако кивнула, и на ее щеках появились симпатичные ямочки. Кто бы мог подумать, глядя на эту девчущку, что она была близка с Гимпэем? Да и он сам навряд ли смог бы обнаружить на этом милом лице следы своего «дурного» влияния.

— Я думала, что вы, может быть, иногда заходите сюда, — сказала Хисако.

— Однажды я пришел, когда на улицах снег уже растаял, но здесь его еще было много — целая гора. Может быть, убирали улицу и сбрасывали его сюда. Мне показалось, что здесь погребена наша любовь. И еще я подумал: под этой горой снега похоронен наш ребенок. — Гимпэй умолк, спохватившись, что говорит словно в бреду.

Но Хисако кивнула и поглядела на него ясными глазами. Гимпэй растерялся и поспешно перевел разговор на другое.

— Ты все же решила вместе с Ондой поступить в университет?

— Все это пустое... — безразлично проговорила Хисако. — С какой стати женщине учиться в университете?

— Те пояса, из которых ты связала веревку, я бережно храню до сих пор. Ведь ты мне их подарила, правда?

— Наверно, веревка просто выскользнула у меня из рук, — призналась Хисако.

— Отец тебя очень ругал?

— Он запретил мне выходить из дома.

— Знай я, что ты не посещаешь колледж и тебя не выпускают из дома, обязательно пришел бы к тебе — через то самое окно.

— Иногда я по ночам стояла у окна и глядела в сад, — прошептала Хисако.

По-видимому, с тех пор как они перестали встречаться, Хисако вновь обрела свою девичью чистоту, и Гимпэй почувствовал, что не в его силах опять возбудить в ней былую страсть. И все же Хисако не отодвинулась, когда он присел на нейлоновый платок — туда, где только что сидела Онда. На Хисако было чудесное голубое платье с кружевным воротничком. Наверно, она так нарядилась ради церемонии. Гимпэю даже показалось, что Хисако стала пользоваться косметикой, но она накладывала ее так умело, что трудно было заметить. Гимпэй догадался об этом лишь по едва уловимому запаху.

— Пойдем куда-нибудь... Или вообще убежим отсюда — далеко-далеко, на пустынный берег озера... — сказал он, осторожно кладя руку ей на плечо.

— Учитель, я ведь решила больше не встречаться с вами. Я счастлива, что сегодня мне довелось вас увидеть, но пусть это будет наша последняя встреча. — Голос Хисако звучал спокойно. Она не отвергала Гимпэя, просто взывала к его разуму. — Если я почувствую, что не могу жить, не увидев вас, я вас найду, чего бы это ни стоило.

— Но я опускаюсь, опускаюсь на самое дно.

— Я приду к вам, если даже вы будете скрываться в подземных тоннелях станции Уэно.

— Пойдем со мной сейчас.

— Нет, сейчас не могу.

— Почему?

— Мое сердце разбито, и рана еще не затянулась. Если любовь сохранится и вы будете мне нужны, когда я окончательно приду в себя, я обязательно вас найду.

— Сомневаюсь... — Он почувствовал, словно у него

немеют, отнимаются ноги. — Я все понял. Тебе не следует опускаться на дно, в тот мир, где я нахожусь. Постарайся, чтобы никто не узнал о том, что я открыл в твоей душе. Иначе тебе грозит беда. Я останусь в своем, чуждом тебе мире, но всю жизнь с благодарностью буду вспоминать тебя.

— А я постараюсь забыть вас, если смогу...

— Да, так будет лучше, — решительно сказал Гимпэй и в то же мгновение почувствовал невыразимую тоску. — Но сегодня... — Голос его задрожал.

Сверх ожиданий Хисако согласно кивнула.

Пока они ехали в такси, она не произнесла ни слова. Она закрыла глаза. Лицо ее было спокойно, лишь щеки слегка порозовели.

— Открой глаза. Я уверен — в них скрываются чертики.

Хисако широко раскрыла глаза — в них была пустота.

— Какие они у тебя грустные... Ты еще не забыла? — Он прикоснулся губами к ее ресницам.

— Я все помню, — едва слышно прошептала безжизненным голосом Хисако...

С тех пор Гимпэй больше ее не встречал.

Несколько раз он приходил туда, к ограде сгоревшего дома. Однажды он увидел, что участок огорожен новым забором, трава скошена и земля утрамбована. А спустя года полтора или два там начали строить новый дом. Судя по фундаменту, домик небольшой, подумал Гимпэй и решил, что вряд ли эту стройку затеял отец Хисако. Скорее всего, он кому-то продал участок. Прислушиваясь к звуку рубанка, которым споро работал плотник, Гимпэй закрыл глаза.

— Прощай! — прошептал он недостижимой теперь для него Хисако и мысленно пожелал счастья тем, кто будет жить в этом новом доме. Уверенные звуки рубанка словно подтверждали, что его пожелание сбудется.

Больше Гимпэй не приходил к ограде, где они «скрывались в траве». Откуда ему было знать, что вскоре Хисако вышла замуж и поселилась в этом доме.

* * *

Уверенность Гимпэя, что «та девушка» обязательно придет к водоему ловить светлячков, была столь велика,

что это случилось на самом деле, и ему посчастливилось увидеть ее в третий раз.

Ловля светлячков устраивалась в течение пяти дней, и, хотя Гимпэй приготовился ходить туда ежедневно, он безошибочно вычислил вечер, когда появится Матиэ. Причем это подсказала ему не только интуиция. На третий день в газете появился репортаж о ловле светлячков, и Гимпэй решил, что Матиэ его обязательно прочитает и придет к водоему. С газетой в кармане Гимпэй вышел из дома и ощутил, как радостно бьется его сердце в ожидании встречи. Он был бессилён описать словами глубину, безупречную форму продолговатых глаз Матиэ и по пути к водоему рисовал их большим и указательным пальцем на щеке в виде чудесной маленькой рыбки. В его ушах звучала неземная музыка.

— В будущей жизни я предстану юношей с красивыми ногами. Ты можешь оставаться такой, как сейчас. И мы вдвоем будем исполнять в балете танец в белом, — мечтательно шептал Гимпэй, представив Матиэ в развевающейся классической пачке.

Как она прекрасна! Такая красавица могла появиться только в хорошей семье. Жаль, что девичья красота быстротечна: лет до шестнадцати-семнадцати — и все. Потом она увядает.

Отчего Матиэ как бы светится изнутри? Что за чистая влага омыла ее красоту? И как печально, что нынешние девушки, не успев расцвести, идут учиться и губят свою молодость в книжной пыли.

На лодочной станции висело объявление: «Светлячков выпускают с восьми часов».

В июне в Токио солнце заходит около половины восьмого, и Гимпэй в ожидании сумерек принялся бродить взад и вперед по мосту над водоемом.

— Желающих получить лодки просим взять номерки и ждать, — объявляли время от времени в мегафон.

Те, кто пришел поглядеть на ловлю светлячков, приносили доход и владельцам лодочной станции, поскольку брали лодки, чтобы полюбоваться этим зрелищем на воде. Пока было светло, люди, чтобы убить время, бродили по мосту, катались на лодках или просто стояли у берега. Гимпэй не обращал на них внимания. Он с трепетом ожидал появления девушки.

Дважды выходил он и на дорогу, где росли гинкго. Подумал даже, не спрятаться ли ему снова во рву. Он присел у рва, потрогал каменную стенку, но зрелище привело

любопытных даже сюда, и, услышав за собой шаги, он поспешно ретировался.

У входа на мост продавали светлячков по пять иен за штуку. За клетку просили сорок иен. Но над водоемом светлячков еще не выпускали. Дойдя до середины моста, Гимпэй увидел небольшую башенку над водой, на которой стояла огромная клетка.

— Выпускайте, выпускайте, поскорее выпускайте! — галдели на берегу дети.

По-видимому, выпускать светлячков на волю должны были из этой клетки. На башенке стояли двое мужчин, а внизу вокруг нее сгрудились лодки, в которых сидели ловцы с сачками и бамбуковыми ветками. На мосту и на берегу водоема над головами людей торчали ветки и сачки на длинных шестах.

На противоположном конце моста тоже торговали светлячками.

Кто-то сказал:

— Там продают светлячков из Окаяма, а здесь — из Косю. Окаямские — совсем маленькие и не похожи на тех, что из Косю.

Гимпэй отправился туда, где продавались светлячки из Косю. Они стоили вдвое дороже — десять иен за штуку. Клетка с семью светлячками шла со скидкой за сто иен.

— Мне десять больших, — сказал Гимпэй и протянул двести иен.

— Здесь все крупные. Вам добавить десяток к тем семи, что в клетке?

Продавец сунул руку во влажный матерчатый мешок, и Гимпэй увидел, как внутри все сразу запульсировало огоньками, будто мешок дышал. Продавец брал по одному или по два светлячка и впускал их в похожую на сигару клетку. Гимпэй поднес ее к глазам. Ему показалось, что там меньше семнадцати светлячков. Продавец дунул в нее, и вся она сразу засветилась огоньками. Слюна продавца попала Гимпэю на лицо.

— Возьмите еще десяток — им будет веселей, — предложил продавец и, не дожидаясь ответа, запустил еще несколько светлячков. В этот момент послышались радостные крики детишек, и Гимпэя окатило брызгами воды. Светлячки, которых выпускали из большой клетки на башенке, бессильно падали вниз, словно искры угасающего фейерверка. Некоторым из них у самой воды все же удавалось взлететь, и они становились добычей

ловцов. Сперва их выпустили не больше десятка, и ловцы начали так неистово размахивать ветками и сачками, что подняли тучу брызг, окатив тех, кто наблюдал с берега.

— Нынче холодно, и светлячки плохо летают, — сказал кто-то. Гимпэй понял, что ловля светлячков устраивается ежегодно.

Все ожидали, когда выпустят новых, но двое мужчин на башенке не торопились, хотя громкоговорители на лодочной станции сообщили: «Все светлячки будут выпущены до девяти часов». Зрители молча глядели в сторону башенки. Тишину нарушал лишь плеск воды, колеблемой веслами.

— Скорей бы уж выпускали, — сказал кто-то, стоявший рядом с Гимпэем.

— А куда им торопиться? Выпустят — тогда сразу и делу конец, — возразил сосед.

Довольный своей покупкой, Гимпэй отошел от берега, чтобы его ненароком снова не окатили водой, и прислонился к дереву перед полицейской будкой. Отсюда, подальше от толпы, ему легче было обозревать мост. Кроме того, присутствие молодого, круглолицего полицейского действовало на него успокаивающе. Отсюда он должен был обязательно заметить девушку, если она появится.

Наконец с башенки стали выпускать светлячков — одну партию за другой. Правда, в каждой было их не больше десятка, а кроме того, мужчины на башенке специально делали паузы, чтобы подогреть азарт ловцов. Многие светлячки не могли взлететь высоко и падали в воду. Но некоторым все же удавалось выровнять свой полет, и они летели либо к берегу, либо в сторону моста. Мужчины и женщины, старики и молодые стояли у перил моста и неистово размахивали сачками. Многие дети даже перелезали через перила — удивительно, как они умудрялись не свалиться в воду.

Гимпэй стал медленно прогуливаться позади этих ловцов, отыскивая девушку.

Он глядел на мелькавшие в воздухе огоньки светлячков и пытался вспомнить, как ловил их на берегу озера около деревни его матери.

— Эй! У вас светлячок запутался в волосах, — кто-то крикнул с моста. Девушка в лодке не сразу сообразила, что обращаются именно к ней. Юноша, сидевший рядом, ловко выудил светлячка из ее волос.

Наконец Гимпэй заметил ту, кого искал.

Она стояла на мосту, ухватившись руками за перила, и глядела вниз, на водоем. На ней было белое платье из хлопчатки. Из-за разделявшей их толпы Гимпэй видел лишь ее щеку и плечи, но сразу узнал. Расталкивая людей, он пробрался вперед и встал у нее за спиной. Ее внимание было привлечено к башенке с большой клеткой, и можно было не опасаться, что она вдруг обернется.

Кажется, она пришла не одна, догадался Гимпэй, глядя на юношу, стоявшего рядом. И в тот же миг почувствовал, как кольнуло сердце. Даже не разглядев его лица, он понял, что это другой — не тот, который столкнул его с дамбы. Юноша был в белой рубашке, без шапки и форменной куртки, но Гимпэй решил, что он тоже студент. «Двух месяцев не прошло!» Гимпэй был обескуражен непостоянством девушки. Словно ненароком наступил ботинком на цветок... Неужели ее увлечение оказалось столь быстротечным по сравнению с чувством, какое он, Гимпэй, по-прежнему к ней питал? Правда, присутствие этого юноши вовсе не означало, что она обязательно в него влюблена. И все же Гимпэй почувствовал: между ней и тем прежним студентом что-то произошло. Он придвинулся ближе к перилам и стал прислушиваться к их разговору. Тем временем выпустили новую партию светлячков.

— Поймать бы парочку и принести в подарок Мидзуну, — сказала девушка.

— Но светлячки — неподходящий подарок для больного: они не веселят душу, — возразил студент.

— Все же они могут развлечь, когда у человека бессонница.

— Нет, они вселяют тоску.

Из их разговора Гимпэй понял, что тот, прежний ее знакомый, болен.

Гимпэй встал чуть сбоку, чтобы видеть ее профиль, стараясь в то же время, чтобы девушка его не заметила. На этот раз ее волосы были слегка начесаны и мягкой волной спускались на плечи. Прическа была сделана тщательно и более продуманно — ничего похожего на тот небрежный пучок, когда он впервые увидел ее под сенью гинкго.

Мост не освещался, но даже в полутьме Гимпэй разглядел, что юноша, стоявший рядом с Матиэ, более хлипкого телосложения, чем тот студент. По всей видимости, он и девушка — просто друзья, решил Гимпэй.

— Вы расскажете Мидзуно про сегодняшний вечер, когда пойдете в больницу его проведать?

— Рассказать про сегодняшний вечер?.. — пробормотал юноша, словно бы думая вслух. — Мидзуно всегда радуется, когда я его навещаю: ведь он может расспросить о вас. И он, наверно, станет завидовать, если я скажу ему, что мы вместе ходили ловить светлячков.

— И все-таки мне хочется послать их ему в подарок.

Юноша промолчал.

— Как жаль, что я сама не могу с ним повидаться. Вы передадите ему привет от меня?

— Я это делаю каждый раз, когда его навещаю. Он понимает, что вам в больницу приходиться нельзя.

— В тот вечер, когда ваша сестра пригласила нас полюбоваться цветущими вишнями в Уэно, она сказала: «Матизэ, вы такая счастливая». Но я вовсе не чувствую себя счастливой.

— Сестра удивилась бы, услышав из ваших уст такое.

— Вот и удивите ее...

— Хорошо. — Юноша рассмеялся, потом, стараясь переменить тему, добавил: — Я и сам с того вечера ни разу с ней не виделся. Пусть она по-прежнему думает, будто есть на свете люди, счастливые от рождения.

Гимпэй понял, что этому юноше нравится Матизэ. И еще его охватило предчувствие, что девушка порвет с Мидзуно, даже если тот выздоровеет.

Он незаметно приблизился к Матизэ и встал позади. Ее пояс был, по-видимому, из плотной ткани, и он тихонько прицепил к нему клетку со светлячками — на клетке был специальный крючок. Увлеченная разговором, она ничего не заметила.

Он дошел до конца моста и оглянулся: клетка по-прежнему висела на поясе у Матизэ, внутри нее тускло мерцали огоньки светлячков.

Гимпэй гадал, как поступит Матизэ, когда заметит на поясе клетку. Он чуть было не решил вернуться, чтобы, смешавшись с толпой, понаблюдать за ней. Потом раздумал: собственно, почему он должен прятаться — он ведь не вор, который у нее срезал бритвой карман! И все же он пошел прочь, думая о том, что благодаря Матизэ в нем появилась или, как он считал, возродилась необычная робость. Оправдываясь таким манером перед самим собой, он покинул мост и направился к дороге, где росли гинкго.

— Ах, какой большой светлячок! — воскликнул он,

глядя на звезду в небе. И, нисколько не удивляясь тому, что принял звезду за светлячка, с глубоким чувством повторил: — Большой светлячок!

Послышался шум дождя, его капли ударили по листьям гинкго. Капли были крупные, редкие. Так шумит вода, стекающая с крыш, когда стихает ливень. На равнине такого дождя не бывает. Он больше напоминает дождь, к которому невольно прислушиваешься, заночевав в горах, в лиственном лесу. Дождь был слишком сильным, чтобы принять его за капли ночной росы, падающие с листьев. Гимпэй никогда не поднимался в горы и, само собой, не останавливался там на ночлег. Откуда же эта странная галлюцинация?.. Должно быть, она связана с озером, на берегу которого жила его мать.

Но деревня матери расположена в низине, а не в горах. Да, с таким дождем ему до сих пор не доводилось встречаться...

И все же однажды он слышал подобный шум. То было на исходе ливня в густом лесу, когда с листьев падает больше капель, чем проливается с неба.

«Смотри, Яёи, промокнешь под таким дождем — недолго и до простуды...»

Наверно, и Мидзуно, возлюбленный Матиэ, заболел, попав под такой дождь, когда остановился на ночлег в горах. А может, то вовсе не дождь шумит в листьях гинкго, а Мидзуно сетует на свою судьбу.

Так сам с собой беседовал Гимпэй, прислушиваясь к звукам дождя, которого не было.

Сегодня на мосту он впервые услышал ее имя: Матиэ. Он с ужасом подумал: умри он или она днем раньше, он так бы и не узнал, как зовут ее. Но теперь он мог назвать ее по имени, и это означало, что они стали намного ближе друг к другу. Отчего же он ушел с моста, где стояла Матиэ, к дороге на косогоре, где ее не было? Он дважды приходил сюда еще до того, как началась ловля светлячков. Но теперь-то, когда он ее увидел, зачем ему было вновь сюда возвращаться? Однако Гимпэй чувствовал: душа этой девушки, которую он оставил на мосту, шествует сейчас по тропинке под сенью гинкго. Она идет в больницу к своему возлюбленному, и к ее поясу прицеплена клетка со светлячками.

Гимпэй подвесил клетку к ее поясу без какой-то особой цели, но позже у него появилась сентиментальная мысль, будто он приложил к ее телу свое пылающее любовью сердце. Правда, девушка хотела принести светлячков в пода-

рок своему больному другу, и, может быть, Гимпэй просто решил ей помочь.

Призрачный дождь падает на призрак девушки в белом платье, которая идет проведать больного возлюбленного... Какой пошлый образ, если даже речь идет о призраках, — насмехаясь над собой, подумал Гимпэй. Он знал, что девушка сейчас стоит со своим другом на мосту, но никак не мог отделаться от ощущения, что одновременно она находится здесь, рядом с ним, под сенью гинкго.

Гимпэй подошел к дамбе и стал на нее взбираться, но оступился, подвернул ногу и, не удержавшись, упал на траву. От травы пахло сыростью. Нога не так уж сильно болела, и он вполне мог бы идти дальше. Тем не менее он пополз на четвереньках.

— Что это?! — воскликнул он и остановился. Пока он полз на дамбу, под землей, будто отражение в зеркале, одновременно с ним полз малютка, протягивая к нему ручонку. Их руки соединились, и Гимпэй ощутил холодное пожатие мертвеца. Он испугался. Ему вспомнился публичный дом на курорте с горячими источниками и зеркало на дне бадьи для купанья... Гимпэй поднялся к тому месту на дамбе, где с криком «идиот!» его столкнул вниз Мидзуно — возлюбленный Матиэ. Это случилось в тот самый день, когда он впервые последовал за девушкой с собакой. Именно там Матиэ рассказывала Мидзуно, как она глядела отсюда на первомайское шествие с красными флагами. Гимпэй поглядел в ту сторону и увидел медленно ползущий по улице трамвай. Его освещенные окна отбрасывали блики света на густую аллею. На дамбе не было и признаков дождя, шум которого он только что слышал на дороге.

— Идиот! — вдруг повторил он выкрик Мидзуно и покатился с дамбы. Только у самого края асфальтированной дороги ему удалось ухватиться рукой за пучок травы. Он поднялся на ноги и, обнюхивая пахнущую травой ладонь, пошел по дороге, чувствуя, что малютка по-прежнему следует за ним под землей.

Он не имел представления, где сейчас находится его ребенок, не знал даже, жив ли он, и это было одной из причин, заставлявших его пребывать в постоянной тревоге. Если ребенок жив, они когда-нибудь обязательно встретятся. Гимпэй в это твердо верил. Но он даже не знал в точности: его ли это ребенок или кого-то другого?

Однажды вечером у входа в частный пансион, где Гимпэй, будучи студентом, снимал комнату, кто-то подбросил

младенца. В оставленной записке было сказано: «Это ребенок Гимпэя». Хозяйка пансиона подняла шум. Гимпэя же это происшествие нисколько не взволновало, он и особого стыда не почувствовал. Да и разумно ли ожидать от студента, которого завтра же могли отправить на фронт, что он станет воспитывать подкинутого младенца — тем более рожденного от проститутки...

— Вот бесстыжая! — воскликнул Гимпэй. — Я ушел от нее, и она в отместку подбросила мне чужого ребенка!

— Наверно, вы сбежали, узнав, что она забеременела от вас. Это больше похоже на правду, господин Момои, — возразила хозяйка.

— Ничего подобного!

— Отчего же вы ее бросили?

Гимпэй не ответил. Глядя на младенца, которого хозяйка пансиона держала на коленях, он сказал:

— Я отнесу его обратно. Оставьте его у себя ненадолго, пока я схожу за напарником.

— Что еще за напарник? В каком деле? Смотрите, господин Момои! Надеюсь, вы не собираетесь сбежать, оставив младенца у меня на руках?

— Нет. Просто мне не хочется в одиночку идти возвращать его.

Хозяйка последовала за ним до самой двери, подозрительно глядя ему в спину.

Вскоре он привел Нисимуру — постоянного напарника его веселых походов. Когда они вышли на улицу, младенца держал на руках Гимпэй — справедливо, поскольку он был подброшен его женщиной. Он сунул младенца под пальто, застегнув нижнюю пуговицу. Так нести его было не слишком удобно, и в трамвае малютка, само собой, заголосил, но пассажиры доброжелательно заулыбались, глядя на студента с ребенком. Гимпэй смутился и отогнул воротник пальто, чтобы стала видна головка малютки. Для этого он вынужден был слегка наклониться и невольно поглядел на его личико.

В то время большие пожары, вызванные первой тотальной бомбардировкой Токио, превратили южную часть города в руины. Гимпэй и Нисимура оставили ребенка у черного хода знакомого им дома и бросились наутек. Была середина марта, и на следующий день к вечеру пошел снег. Они надеялись, что младенца до этого времени кто-нибудь подобрал и он не замерз под снегом.

На следующий день Гимпэй зашел к Нисимуре.

— Хорошо, что успели, — сказал он.

— Да, повезло, что до снега, — согласился Нисимура.

Больше никто из этого публичного дома к Гимпэю не приходил. Что случилось с младенцем — ему тоже не было известно.

В последний раз он побывал в этом доме за семь или восемь месяцев до того случая. По-прежнему ли веселые женщины там принимают гостей? Или, может быть, когда он оставил у дверей младенца, их там уже не было? Может, они переехали в другое место? Но даже если там, как и прежде, публичный дом, то живет ли еще в нем его женщина — мать младенца? Не выгнали ли ее оттуда после рождения ребенка? Ведь по их законам она совершила непростительную ошибку. Эти сомнения зародились у Гимпэя уже после того, как его отправили на фронт.

Теперь Гимпэй думал, что младенец стал подкидышем по его вине — именно после того, как он его подбросил.

Нисимура погиб на войне. Гимпэй вернулся с фронта живым и даже приобрел профессию педагога...

Устав бродить среди развалин, где когда-то стоял тот публичный дом, Гимпэй неожиданно для себя услышал собственный голос:

— Эй, как ты посмела совершить такое?

Он, видимо, обращался к проститутке. Это она оставила младенца у порога частного пансиона, где он снимал комнату, но то был не ее и не Гимпэя ребенок. Она взяла его у своей подружки и подкинула. Он поймал ее на месте преступления, а может быть, давно уже следовал за ней по пятам.

— Нисимуры уже нет в живых, и никто теперь не скажет, похожа ли была малютка на меня, — сказал Гимпэй сам себе.

Тот младенец был девочкой, но, как ни странно, пол призрака, преследовавшего Гимпэя, ему трудно было определить. Обычно младенец представлялся ему мертвым, но, когда Гимпэй был в нормальном состоянии, он казался ему живым.

Девчушка однажды больно ударила Гимпэя кулачком по лбу, а когда он склонился над ней, продолжала колотить его по голове... Когда это было? Может, его просто преследовало видение, а в действительности ничего такого не происходило?

Будь его девочка еще жива, она теперь была бы уже взрослой.

Но призрачный ребенок, который следовал под землей за Гимпэем, когда тот шел вечером по дороге у дамбы, был совсем еще малюткой. Причем нельзя было определить, мальчик он или девочка. А раз так, Гимпэй решил: это страшный оборотень без глаз, носа и рта.

— Нет, это девочка, девочка! — возразил он сам себе.

Он помчался на освещенную улицу, остановился у ближайшей лавки и, с трудом переводя дыхание, попросил:

— Сигарет! Дайте мне сигарет!

К нему вышла женщина с седыми волосами. Хотя она была в преклонном возрасте, ее пол Гимпэй определил сразу и вздохнул с облегчением.

Образ Матиз теперь от него отдалился, и ему потребовались бы немалые усилия, чтобы представить, будто подобная девушка вообще существует в этом мире.

Он почувствовал освобождение и одновременно душевную опустошенность. Впервые за последние дни перед его глазами всплыла родная деревня. Он вспомнил не отца, которого постигла странная смерть, а свою красавицу мать. И все же уродливая внешность отца оставила в его душе более глубокий след, чем прекрасное лицо матери. Точно так же, как безобразность его ног преследовала его сильнее, чем красота маленьких ножек Яёи.

Срывая красные плоды дикой гуми, росшей на берегу озера, Яёи уколола мизинец о шипы. Высасывая кровь из ранки, она сердито сказала Гимпэю:

— Мог бы и сам нарвать для меня гуми! Тебе легче взобраться на дерево, у тебя ведь обезьяньи ноги — в точности, как у твоего отца. В нашей семье ни у кого таких нет.

В ярости Гимпэй готов был исколоть ноги Яёи шипами, но не посмел; тогда он решил укусить ее за руку и ощерился.

— Глядите, да у него настоящая обезьянья морда! И-и-и... — Яёи тоже оскалила зубы.

Вне всякого сомнения, это его уродливые, как у дикого зверя, ноги заставили младенца следовать за ним под землей.

Гимпэй даже не удосужился поглядеть на ноги подкидыша, поскольку вовсе не был уверен, что это его ребенок. Презрительно насмехаясь над собой, он думал: если бы я поглядел и убедился, что ноги младенца похожи на мои собственные, тогда бы я точно знал: ребенок мой! Да, но

разве не у всех младенцев, которые еще не ступали по этой земле, прекрасные, нежные ножки? Именно такие ножки у херувимов, которые витают вокруг Христа на картинках западных мастеров. У всех ноги становятся такими, как у Гимпэя, потом, когда они исходят болота, скалы и колючие леса этого мира.

— А если младенец — призрак, у него и вовсе не должно быть ног, — пробормотал Гимпэй.

У призраков нет ног... Кто впервые создал такое представление о призраках? — удивился Гимпэй и подумал: наверное, в давние времена многие люди все воспринимали так же, как он.

Гимпэю почудилось, будто его собственные ноги перестали ступать по этой земле.

Он брел по освещенной улице, протянув ладонь кверху и согнув ее лодочкой, словно ожидал подарка с небес. Внезапно ему пришла в голову мысль, что самые красивые в мире горы — не поросшие зелеными лесами вершины, а горы, покрытые вулканическим пеплом и голыми скалами. На заре и закате солнце окрашивает их в немислимые тона: розовые, пурпурные, фиолетовые — во всю палитру цветов, какими бывает окрашено небо в пору утренней зари и в пору заката. Раздумывая над этим, Гимпэй решил вырвать из своего сердца все, что напоминало ему о Матиэ...

«Я приду к вам, если даже вы будете скрываться в подземных тоннелях станции Уэно...» Он вспомнил слова Хисако, предвещавшие то ли возобновление их любви, то ли разлуку, и решил отправиться в Уэно посмотреть, как выглядят теперь эти тоннели.

В тоннелях царили тишина и запустение. Там поселились бродяги. Скорчившись, они тихо лежали вдоль стен. Многие спали, подложив под головы мусорные корзины и постелив на пол мешки из-под угля или старые циновки. Некоторые прижимали к себе узлы с немудреным скарбом. В общем, обыкновенные бродяги, каких он немало встречал в прошлом.

Можно позавидовать бродягам, которые так рано ложатся спать, подумал Гимпэй. Он заметил безмятежно спавшую молодую супружескую пару: жена положила голову на колени мужа, а тот дремал, склонившись над ней. С таким удобством не устроишься и в вагоне поезда.

Они были словно единое целое и напомнили Гимпэю двух птиц, спящих тесно прижавшись друг к дружке. Глядя на

них, Гимпэй подумал, что не так уж часто можно встретить молодую супружескую пару в таком месте.

К влажному воздуху подземелья примешивался запах жареных кур и одэн¹. Гимпэй проскользнул под короткую занавеску и оказался в бетонной яме, где была харчевня. Он выпил несколько стаканчиков самогона. Снаружи за занавеской, не доходившей до пола, он увидел на уровне глаз цветастую юбку. Гимпэй приподнял занавеску — там стоял гомосексуалист.

Их взгляды встретились, но тот не произнес ни слова, только многозначительно подмигнул. Никакой радости подобная встреча не сулила, и Гимпэй сбежал.

Он заглянул в зал ожидания. Здесь тоже царил запах бродяжничества. У входа стоял железнодорожный служащий.

— Предъявите ваш билет на поезд, — сказал он.

Гимпэй удивился: неужели теперь надо предъявлять билет, чтобы пройти в зал ожидания? У станционного здания собрались странного вида люди — одни стояли, прислонившись к стене, другие сидели на корточках. Должно быть, тоже бродяги.

Раздумывая о двойственной натуре гомосексуалистов, Гимпэй покинул вокзал и свернул в боковую улочку. Он обратил внимание на шедшую ему навстречу женщину, одежда которой смахивала скорее на мужскую: на ней были резиновые сапоги, выцветшие черные шаровары и застиранная белая блуза. Он мельком взглянул на ее плоскую грудь и опаленное солнцем темное лицо без признаков косметики. Проходя мимо, женщина многозначительно поглядела на него, потом остановилась и пошла за ним следом. Гимпэй сам не раз преследовал женщин, и опыт подсказывал ему, что она идет сзади, хотя он ее и не видел. Он никак не мог понять, что понадобилось от него этой женщине.

Ему вспомнилась проститутка, которая подошла к нему в веселом квартале, когда он убежал от Хисако. Она тогда сказала, что специально не шла за ним. Но женщина в грязных резиновых сапогах не походила на проститутку. Грязь на ее сапогах не была влажной. Похоже, она налипла на сапоги много дней назад, и та не удосужилась их даже почистить. Сапоги были старые, резина на них стала белесой. Что это за женщина которая в сухую погоду бро-

¹ Блюдо из вареного соевого творога, сладкого картофеля и специй.

дит близ Уэно в резиновых сапогах? — с удивлением думал Гимпэй. Может, она ненормальная? Или у нее уродливые ноги? Ну да, поэтому она и носит длинные шаровары.

Гимпэй подумал о своих уродливых ногах, представил не менее уродливые ноги следовавшей за ним женщины и мгновенно остановился, намереваясь пропустить ее вперед. Но она тоже остановилась. Их вопрошающие взгляды встретились.

— Что вам от меня нужно? — Женщина спросила первой.

— Об этом я хочу узнать у тебя. Разве не ты пошла за мною следом?

— Вы подмигнули мне.

— Ошибаешься, подмигнула мне ты, — возразил Гимпэй и в то же время подумал: когда они встретились, она могла воспринять его взгляд как некий знак; но нет — именно она поглядела на него многозначительно!

— Просто мне показалось, что для женщины ты одета несколько странно — вот я и поглядел на тебя.

— А что странного в моей одежде?

— Ты всегда идешь вслед за мужчиной, стоит ему на тебя поглядеть?

— Нет, просто вы меня заинтересовали.

— Что ты задумала?

— Ничего.

— Должна же у тебя быть какая-то цель, раз ты преследуешь меня?

— Я вовсе не преследую... Просто пошла за вами — и все!

— Ясно.

Гимпэй вновь поглядел на женщину. Ненакрашенные губы нездорового серого цвета; во рту, когда она говорит, поблескивает золотая коронка; на вид, пожалуй, лет около сорока; взгляд узких глаз — настороженный и сухой, как у мужчины; в зрачках затаились хитрость и коварство; один глаз чуть меньше, кожа на лице загубела от солнца.

Внезапное беспокойство охватило Гимпэя.

— Давай прогуляемся, — предложил он и прикоснулся к ее груди, чтобы удостовериться. Да, перед ним, безусловно, женщина.

— Что вы делаете? — возмутилась она и схватила его за руку. Ее ладонь оказалась неожиданно мягкой.

Впервые в жизни Гимпэй пытался таким образом

выяснить, женщина ли перед ним. Собственно, ему и так это было ясно, но, когда он, коснувшись рукой ее груди, окончательно удостоверился, ему это принесло странное успокоение. Он ощутил даже некую симпатию к этой женщине.

— Пройдемся еще немного, — предложил он.

— Зачем?

— Может, набредем на уютную харчевню.

Раздумывая, где можно отыскать подходящее место, чтобы посидеть с этой странно одетой женщиной, он свернул с боковой улицы на более широкую и хорошо освещенную и толкнул дверь харчевни, где подавали одэн. Женщина последовала за ним. Вокруг плиты, на которой в котле варился одэн, буквой «П» протянулся общий стол со скамьями. Были и отдельные столики. За общим столом сидело много посетителей, и Гимпэй, выбрал отдельный столик поближе к выходу.

— Что будешь пить, сакэ или пиво? — спросил он.

Гимпэй не ощущал никакого влечения к этой мужеподобной женщине, но, убедившись, что ее присутствие ему ничем не грозит, он почувствовал облегчение и даже предоставил ей самой выбирать: сакэ или пиво.

— Сакэ, — ответила женщина.

Помимо одэн здесь готовили и другую незатейливую снедь, о чем свидетельствовали висевшие на стене листы бумаги с названиями блюд. Гимпэй опять предложил ей выбрать еду по своему вкусу. Она заказала себе слишком много, и это вызвало у Гимпэя подозрение, что она — женщина сомнительного поведения. Но он решил не высказывать свои мысли вслух. Женщина же с некоторой опаской поглядывала на Гимпэя и, по-видимому, еще не решила, стоит ли приглашать его к себе. А может, она последовала за ним, почувствовав родственную душу.

— Странная жизнь, не так ли? Днем не знаешь, что может случиться вечером. Вот мы сейчас выпиваем вместе, хотя я не знаю, кто ты, и никогда с тобой не встречался.

— Это верно, я тоже вас вижу впервые, — безразлично отозвалась женщина после того, как опрокинула стаканчик сакэ.

— Мы с тобой выпьем, и день на этом закончится.

— Закончится.

— Ты отсюда домой?

— Да, ребенок там остался один. Он меня дожидается.

— У тебя есть ребенок?

Женщина выпивала один стаканчик за другим. Гимпэй же не столько пил, сколько наблюдал за ней.

Трудно было поверить: в один и тот же вечер он любовался девушкой у водоема, где ловили светлячков, затем его преследовал у дамбы призрак младенца, и вот теперь он выпивает в харчевне с первой встречной. Наверно, Гимпэя привлекла ее отталкивающая внешность. То, что он увидел Матиэ у водоема, походило на чудо. Реальностью же была эта уродина, сидевшая рядом с ним в дешевой харчевне. Чем безобразней она, тем лучше. Тем определенной надежда узреть ангельский лик Матиэ.

— Почему ты ходишь в резиновых сапогах?

— Подумала, что будет дождь, когда выходила из дома.

Ответ вполне резонный.

Гимпэю вдруг захотелось поглядеть на ее ноги. Если они уродливы, значит, он отыскал подходящую партнершу.

Чем больше она пила, тем безобразней становилась. Меньший ее глаз стал еще меньше и превратился в узенькую щелочку. Заметно покачиваясь, она время от времени многозначительно поглядывала на Гимпэя. Он обнял ее за плечи. Женщина не противилась. Ему показалось, будто он обхватил мешок с костями.

— Почему ты такая худющая?

— А что поделаешь? Ведь мне одной приходится растить ребенка.

Из ее сбивчивого рассказа Гимпэй узнал, что она живет с тринадцатилетней дочерью в одной комнате, которую снимает где-то на задворках, и что девочка ходит в школу. Муж погиб на войне. Может, она кое в чем и привирала, но в то, что у нее на самом деле есть дочь, Гимпэй поверил.

— Я провожу тебя до дома, — сказал он.

Женщина вначале согласно кивнула, но, подумав, сказала:

— Нет, домой нельзя. Там девочка.

Они сидели рядом, лицом к повару.

Она неожиданно повернулась к Гимпэю и кокетливо прижалась к его плечу. По всей видимости, она была готова ему отдаться. Гимпэй ощутил такую тоску, словно настал конец света. С чего бы ему так тосковать? — раздумывал он. Наверно, все потому, что в тот вечер он видел Матиэ.

Ему претила вульгарность, с какой эта женщина выпивала. Но всякий раз, заказывая новую бутылочку сакэ, она вопрошающе глядела на Гимпэя, чтобы выяснить, как он к этому относится.

— Выпей еще одну, — в конце концов соглашался Гимпэй.

— Боюсь, не устою на ногах. Ничего? — Она положила руку ему на колено. — Тогда последнюю. Скажите, чтобы налили в большую чашку.

Сакэ потекло у нее по подбородку и пролилось на стол. Ее темное, обветренное лицо стало пурпурным.

Они вышли из харчевни, и женщина буквально повисла у него на руке. Гимпэй ухватил ее за кисть. Кожа на руке была на удивление гладкой.

Когда они проходили мимо девушки, продававшей цветы, женщина попросила:

— Купите цветов, пожалуйста. Я хочу отнести их моей девочке.

Но она оставила букетик в темном переулке у продавца китайской лапши, сказав:

— Папаша, сохрани. Я скоро вернусь за ними.

Женщина уже едва держалась на ногах.

— Сколько лет я не нюхала мужчину... А что делать-то? Не остановишь же человека на улице и не скажешь: пойдём со мной!

— Верно, тут уж ничего не поделаешь, — неохотно согласился Гимпэй. Он ненавидел себя за то, что продолжал тащиться по улице с этой женщиной, но ему все еще хотелось посмотреть, как выглядят ее ноги. Правда, ему казалось теперь, будто он видит их сквозь резиновые сапоги: уродливые пальцы, хотя и не совсем такие, как у него, толстая, коричневая кожа на ступнях... Его чуть не стошнило, когда он представил ее обнаженные ноги рядом со своими.

Он предоставил женщине выбирать дорогу. Свернув в переулок, они оказались перед небольшим храмом, посвященным Инари. Рядом виднелся дешевый отель, где можно было снять комнату на ночь. Она остановилась в нерешительности. Гимпэй высвободил руку, и женщина тут же упала на дорогу.

— Если тебя дожидается ребенок, отправляйся поскорее домой, — сказал он и пошел прочь.

— Идиот! Идиот! — завопила она и, нашарив горсть мелких камней, лежавших перед храмом, стала кидать в него. Один камень попал ему в лодыжку.

— Ой! — вскрикнул Гимпэй, сморщившись от боли.

Волоча ушибленную ногу, он плелся по улице и чувствовал себя таким несчастным... И отчего он не вернулся домой сразу после того, как прицепил клетку со светлячками к поясу Матиэ?.. Добравшись до своего жилища, Гимпэй снял ботинки и стянул с ног носки. Лодыжка, в которую попал камень, слегка покраснела.

РАССКАЗЫ

НОЧНАЯ ИГРА В КОСТИ *

I

Когда бродячая группа сделала остановку в одном из портовых городов, комната Мидзута оказалась рядом с комнатой, где спали танцовщицы. Их разделяли только фусума.

Шум волн, набегавших на мол — по-видимому, начался прилив, — да гулко разносившиеся в ночи неспешные шаги матросов, возвращавшихся на суда по булыжной мостовой... Все это было привычно и навевало воспоминания о других подобных ночах, а мешали Мидзута уснуть иные звуки. Они доносились из соседней комнаты.

Вот уже более часа оттуда через равные промежутки слышался монотонный стук — словно некую вещь кидали на циновку. Временами она замирала там, где падала, иногда же — катилась по циновке.

Что бы это могло быть? — раздумывал Мидзута. И вдруг его осенило: кости! То ли танцовщицы просто забавляются, то ли затеяли игру на деньги.

Но никаких голосов он не слышал, только дыхание спящих доносилось до него.

Похоже, не спала лишь одна — та, что кидает кости. В соседней комнате горел свет.

Мужчины, находившиеся с Мидзута в одной комнате, тоже давно уснули.

Звуки от бросаемых костей все больше раздражали Мидзута. Некоторое время он терпел, уповая на то, что они прекратятся, но где там!

Слышался не сам стук костей, а шуршанье, когда они катились по циновке, — звук унылый и неприятный. Взвинченному до предела Мидзута стало казаться, будто кости падают ему прямо на голову.

© Перевод на русский язык произведений, отмеченных знаком *, издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1984.

Мидзута стало невмоготу. Он понял: больше ему не уснуть, не на шутку разозлился и решил накричать на виновницу.

Между тем звуки по-прежнему повторялись через равные промежутки времени.

Он поднялся и отодвинул перегородку.

— Как, это ты, Митико?

Митико лежала на постели ничком, опираясь на локти. Она повернула в сторону Мидзута сонное лицо и попыталась улыбнуться, но губы ей не повиновались.

Она продолжала машинально вращать правую ладонь, на которой покоилась кость.

— Гадаешь, что ли? — Мидзута уставился на девушку.

— Гадаю?.. Вовсе и не гадаю я.

— Чем же ты в таком случае занимаешься?

— Да ничем...

Он приблизился к изголовью постели.

Митико закрыла лицо руками и слегка втянула голову в плечи. Потом быстро потеряла кончиками пальцев веки и заложила за ухо упавшую на левую щеку прядь.

У нее были изящные уши с маленькими мочками.

— Разве не видишь, все давно спят? — шепотом сказал Мидзута.

— Вижу.

— Почему ты без конца кидаешь кости?

— Так просто.

— Тебе не кажется это странным?

Митико нашарила что-то рядом с подушкой, собрала в горсть и молча раскрыла ладонь.

На ладони было пять костей.

— Ну и ну! — удивленно пробормотал Мидзута и опустился перед постелью на колени.

Кости были совершенно одинаковые — старые и захватанные.

Он взял одну. Остальные остались на ладони у Митико. У нее были длинные и удивительно изящные пальцы. Мидзута вспомнил, как грациозно и выразительно изгибаются они, когда Митико танцует на сцене.

— Зачем тебе целых пять? — спросил он, возвращая взятую кость.

Митико кинула ее на циновку. Выпала тройка.

— Перестань, уже два часа ночи.

— Ага, — кивнула Митико и кинула еще одну. Выпала единица.

— Из-за этого стука я до сих пор не могу уснуть.

— Ах, простите! Я хотела довести до десяти тысяч...

— До десяти тысяч?!

— Ага, только навряд ли этой ночью успею.

Мидзута ужаснулся. Неужели она намеревалась довести счет до десяти тысяч? Даже если бы все время выпадала самая большая цифра — шестерка — и она бросала бы тысячу раз — все равно получилось бы только шесть тысяч!

— А если доведешь до десяти тысяч, случится что-то хорошее?

— Я об этом не думала.

— Если не думала, тем более глупо бросать кости по ночам.

— Ага, — согласилась Митико и снова бросила.

— Перестань сейчас же!..

Митико искоса взглянула на него, уткнулась лбом в подушку и замерла.

— Дурочка, — буркнул Мидзута и вернулся к себе.

Но свет в соседней комнате не погас. И, прислушавшись, он понял, что девушка продолжала бросать кости — только растелила матрац, чтобы не было слышно.

II

На следующее утро он рассказал Норико — старшей по возрасту актрисе — о ночном происшествии.

— Странная причуда! Я всю ночь не сомкнул глаз по ее милости.

— А вы разве прежде не знали? Страсть к игре в кости Митико унаследовала от матери. Она даже за кулисами этим занимается.

— Вот оно что...

— Все давно привыкли к ее увлечению и не обращают внимания.

— Угу. А все-таки я в толк не возьму, зачем даже в поездку брать с собой целых пять костей. Кто ее мать и как случилось, что Митико переняла эту привычку?

Вот что рассказала Норико:

— Вам, господин Мидзута, может, и раньше было

известно, что мать Митико — гейша. Теперь у нее свое заведение с несколькими девушками. Правда, это третьеразрядный чайный домик, да и сама она пользуется не слишком хорошей репутацией.

Так вот, она брала с собой кости даже в комнату, где посетители распивают сакэ. Выходя к гостю, она всегда совала под пояс кимоно несколько игральных костей. И когда распускала пояс, кости со стуком падали на пол. Она делала это намеренно, чтобы привлечь внимание, потом с притворным удивлением вскрикивала и разок другой кидала кости.

Ни один из гостей не мог устоять и присоединился к игре. Ставки были невелики, но за многие годы мать Митико скопила приличную сумму.

Говорят, она была настоящим мастером. Так умела бросать кости, что выпадала любая цифра, какую бы она ни пожелала. Упражнялась она, пользуясь каждой свободной минутой, и с годами достигла удивительного умения...

Мидзута подивился, до чего тонко и хитро умела мать Митико примениться к человеческим слабостям: на такое способна лишь опустившаяся гейша самого низкого пошиба. Но Мидзута попробовал подойти к этому иначе. Только ли низменная страсть двигала ею? А если игра в кости еще и искусство? Ведь можно предположить, что, играя, она ощущала нечто иное и большее, нежели страсть, и сам процесс бросания костей доставлял ей некую радость или же повергал в печаль.

В противном случае едва ли ее дочь столь сильно увлеклась бы этим.

— Любопытно, что чувствует Митико, когда бросает кости?..

— Сама не знаю. Может быть, просто хочет подражать матери?

— Получается у нее?

— Еще как!

— И на деньги тоже играет?

— Как сказать! Она настолько овладела этим искусством, что никто не соглашается с нею играть. Вот она и кидает кости в одиночестве.

— В одиночестве... — ни к кому не обращаясь, пробормотал Мидзута.

Вряд ли Митико хотела, чтобы в труппе знали о повадках матери, но почему же она тогда, не стесняясь посторонних глаз, кидала гости, напоминавшие всем об этом?

Впрочем, Мидзута понял, что Норико не слишком заинтересовало увлечение Митико игрой в кости.

Он встал и пошел в туалет, оставив в коридоре свои домашние туфли. Когда он надевал специальные шлепанцы для туалета, послышались шаги. Он обернулся и увидел Митико. Она остановилась у его домашних туфель и повернула их носками к выходу, чтобы ему по возвращении удобнее было сунуть в них ноги. Странно, на какие мелочи обращает внимание эта девушка, подумалось ему...

На скале, в которую глубоко врезалось море, сидели танцовщицы.

— Какая теплынь! Хорошо бы сейчас мороженого, — донеслось оттуда до Мидзута, который лежал у себя в комнате на втором этаже.

Сезон цветения вишен еще не наступил, но небо и море уже были затянуты влажной дымкой, как в пору их расцвета, и белые морские птицы, казалось, плавали в зыбких волнах тумана.

Мидзута спустился к танцовщицам.

Он молча протянул Митико руку.

Она, верно, поняла, потому что вытащила из кармана игральные кости и передала ему.

Мидзута разом бросил пять костей на камни скалы.

Две скатились в море.

Он подобрал оставшиеся три и небрежно кинул их в море.

— Ой! — вскрикнула Митико. Она приблизилась к самому краю скалы и заглянула вниз — туда, где плескались волны. Но ничего не сказала.

Мидзута удивился: он думал, что Митико рассердится или более откровенно будет сожалеть о потере.

Танцовщицы отправились к балагану, где предстояло давать представление, а Мидзута остался в гостинице и глядел на море, на то место, куда упали игральные кости.

Их труппа уже долго была в пути, и он почувствовал, как в душе поднимается тоска по дому. Он стал думать о том, что любопытно было бы по возвращении в Токио встретиться с матерью Митико — гейшей, которая столь мастерски играет в кости.

На стоявших в гавани пароходах зажглись огни.

Ш

Гастрольная поездка длилась уже больше месяца. В одном из городов Мидзута повел танцовщиц на холм, известный под названием Сирояма¹. Было время цветения вишен. Девушки сразу же набросились на клецки и на дэнгаку². Их поведение было настолько неприлично, что Мидзута даже растерялся. Это было тем более скверно, что среди тех, кто пришел любоваться цветами вишни, вполне могли оказаться люди, которые придут на представление.

Кое-где лепестки уже облетели, и на ветвях оставались одни лишь поникшие тычинки и пестики. Гуляющая публика с осуждением поглядывала на танцовщиц, но те вели себя вызывающе, не обращая на окружающих никакого внимания. Наевшись дэнгаку, танцовщицы на глазах у всех невозмутимо облизывали губы и красили их помадой.

Митико тоже вытащила палочку губной помады, но, прежде чем красить губы, сложила их бантиком и слегка выпятила. Свежие, не тронутые помадой, они были прелестны.

Мидзута не спеша приблизился к ней. Он глядел на Митико так, словно сделал для себя неожиданное открытие.

Ее маленький невзрачный нос вблизи казался удивительно милым, похожим на любовно выточенную тонкую безделушку.

Привыкшая краситься на людях, Митико совершенно не смущалась.

Для Мидзута же Митико, красящая губы среди цветущих вишен в той же позе, в какой она делала это в театральной уборной, была внове. Эти губы, нос, это круглое лицо, эти косящие книзу глаза, заглядывавшие в маленькое зеркальце, навевали сладостные мечты.

Пусть Митико не так хороша на сцене, но в жизни она гораздо лучше, чем мне прежде казалось, подумал Мидзута. И сам того не ожидая, сказал:

— Никак не пойму: что ты за девушка?

¹ Холм с возведенными на нем укреплениями, чтобы противостоять врагу. В ряде японских городов сохранились развалины подобных укреплений. Наиболее известен холм Сирояма в г. Кагосима.

² Почки перечногo дерева, перетертые с перебродившими бобами и соевым творогом.

— Это почему же? — спросила Митико, быстро взглянув на него.

— Ты молчунья. Отвечаешь, лишь если с тобой заговаривают, а сама — никогда...

— Правда? Мне кажется, вы ошибаетесь.

— По крайней мере со мной ты говоришь только тогда, когда я о чем-нибудь тебя спрашиваю. Странная ты.

Митико как будто задумалась над его словами, но ничего не сказала. Она красила губы театральной помадой, та была ярче обычной и влажно блестела.

Мидзута вспомнил: в Асакуса¹ есть лавка, где продают косметику для артистов. Танцовщицы перед отъездом приобрели там все необходимое, а Митико не позаботилась об этом и теперь, наверное, пользуется чужой косметикой. Некоторым танцовщицам это не нравится.

— Вон там поле с китайской капустой, — сказал Мидзута, глядя на противоположный берег видневшейся внизу реки.

— Цветущая китайская капуста очень красива.

— Вот как? Но ведь ты выросла в городе, как ты можешь судить о ее красоте?

— Мне она по душе. А как хороша она в цветочной вазе. Много не годится, но если поставить два-три листика...

— Ты так считаешь?.. Хочешь — пойдем туда.

Митико согласно кивнула.

Мидзута рассчитывал по дороге зайти с ней в галантерейную лавку, чтобы приобрести косметические принадлежности. На худой конец можно удовольствоваться не артистическими, а обыкновенными — все лучше, чем пользоваться чужими.

— Прогуляюсь с Митико, — предупредил он танцовщиц.

— Смотрите не заблудитесь, — шутливо отозвались девушки.

— Куда это вы собрались? Можно и мне с вами? — Одна из танцовщиц подошла было к Мидзута, потом вернулась на место и с завистью поглядела на Митико.

Митико густо покраснела и растерянно опустила голову.

Не обращая внимания на шутки, Мидзута стал спускаться по склону.

— Мне с вами идти? — догнав его, спросила Митико.

— Ага.

¹ Район в Токио, известный народными увеселительными заведениями.

Слегка наклонив голову, она нерешительно последовала за Мидзута.

— Эй, так и будешь молчать, пока я с тобой не заговорю?

— Н-нет, — смущенно протянула Митико, и в тот же миг радостная улыбка озарила ее лицо.

Отыскав галантерейную лавку, Мидзута сказал:

— Купи здесь помаду и что там еще...

Митико испуганно поглядела на Мидзута. На ее лице было написано явное нежелание последовать его совету.

— Если будешь пользоваться чужой, девушки станут дурно к тебе относиться.

Митико кивнула и с безразличным видом занялась покупками. Чтобы раззадорить ее, Мидзута сказал:

— Гляди, Митико! Здесь и игральные кости есть.

— Ой, и правда! — воскликнула она, мгновенно просветлев лицом. — Подайте, пожалуйста, мне кости, пять штук — таких, как эта, — обратилась она к продавцу.

— Пять? К сожалению, есть только две, — ответил продавец, подходя к прилавку, где лежали кости.

— Тогда давайте две...

Они вышли к насыпи у реки.

Верх насыпи заасфальтировали — там была прогулочная дорожка, вдоль протянулась сосновая аллея. На поросшем зеленой травой берегу лежали парочки.

— Служанка из гостиницы говорит, будто с тех пор, как дорожку покрыли асфальтом, в городе испортились нравы, — со смехом сказал Мидзута и начал спускаться к реке.

Широкое каменистое ложе обнажилось и заросло травой. Узкая лента реки виднелась лишь по самой его середине.

Мидзута подошел к воде, сел на большой камень.

Митико примостилась рядом и сразу же бросила кости.

Река серебристо сверкала под заходящим весенним солнцем.

Понаблюдав, как она бросает кости, Мидзута сказал:

— Может, погадаешь?

— Погадать? О чем?

— Все равно!

— Так нельзя. Скажите о чем, тогда я постараюсь нагадать вам приятное.

— Ну хорошо! Если выпадет единица, будет между нами любовь.

— Нет, нет, не хочу! — Митико покачала головой и

засмеялась. — И потом... Если я пожелаю, чтобы была единица, она обязательно выпадет.

— Ну-ка попробуй.

— Не хочется, — твердо сказала Митико, но в то же время склонилась к камню, сдувая с него пылинки. Потом с серьезным видом провела ладонью по камню, словно погладив его. — Я кидаю кости на циновке, а на камне может не выйти, надо по-другому настроиться, — пробормотала Митико. Слова «по-другому настроиться» рассмешили его, но он сразу посерьезнел, увидев, как отрешенно глядит на кости Митико.

Она выровняла дыхание и бросила две кости.

— Вот! — воскликнула Митико и подняла на Мидзута сияющие глаза.

На обеих костях выпала единица.

— Ага, здорово у тебя получается.

Митико почувствовала, как все ее существо наполняется неизъяснимой, святой радостью.

— Молодчина! А ну-ка попробуй еще раз.

— Еще раз?.. — переспросила Митико упавшим голосом. — Получится ли? Нет, не буду, — сказала она, поглаживая камень кончиками пальцев. Маленькие мочки ее ушей просвечивали в лучах вечернего солнца.

IV

Когда труппа приехала на гастроли в другой город, Мидзута заглянул в комнату, где поместились танцовщицы. Митико, как всегда, бросала кости. У нее их снова было пять.

— А можешь, чтобы сразу на всех пяти выпала единица?

— Не хочу! Ах, зачем вы, господин Мидзута, из-за одного и того же заставляете меня бросать кости столько раз?..

Она придвинула к животу подушку и, перегнувшись через нее, склонилась над циновкой.

— Неужели на всех пяти будет единица?

— Не получится. — Она безразлично сжала в кулак кости и бросила.

Кости, в которые Митико не вложила ни воли, ни желания, разлетелись как попало, показывая разные числа. Митико даже не желала взглянуть на них.

— Спать хочется, — пробормотала она и опустила голову на руки.

Митико была без чулок.

Из-под подола старенькой, словно уставшей от долгого путешествия юбки выглядывали голые лодыжки. Они казались сильными и упругими. Кончики пальцев были слегка деформированы из-за того, что ей часто приходилось танцевать на носках.

Издали донесся звук храмового барабана.

Мидзута подобрал кости и попробовал их бросить.

Митико подняла голову и рассеянно глядела на него. Потом схватила одну кость и бросила.

Выпала единица.

Она бросила еще одну. И опять выпала единица.

Затем одну за другой она бросила оставшиеся три кости. На всех выпала единица.

Она собрала все кости единицей кверху и выстроила их в ряд — бездумно, как дети складывают кубики.

— Погода какая прекрасная! Постирать, что ли? — сказала танцовщица Токико, задумчиво глядя на крыши соседних домов. — Господин Мидзута, хотите, я вам постираю? Давайте ваше белье.

— Постираешь?

— Особого желанья нет, но так уж и быть — постираю. Несите скорее.

— Спасибо, только у меня для стирки ничего нет.

— Вот и прекрасно, а я подумала: человек одинокий — надо помочь!

Токико открыла стоявший в углу чемодан и, обернувшись, сказала:

— Господин Мидзута, отойдите, пожалуйста, туда.

Собралась стирать и Митико. Она встала и молча протянула Мидзута руку. Он покачал головой:

— У меня для стирки ничего нет, правда!

По холостяцкой привычке Мидзута заворачивал грязное белье в газету и оставлял в очередной гостинице, где они останавливались во время гастролей.

Ему показалось необычным, что танцовщица вдруг предложила ему постирать белье.

Тут и остальные девушки последовали примеру подруг, и вскоре то ли со стороны бани, то ли от бассейна донеслось их негромкое пение.

Мидзута лег на пол на солнечной стороне галереи и закрыл глаза. Прислушиваясь к хору женских голосов, он вдруг представил, будто находится в Асакуса.

Наверно, они слишком долго были в пути.

А вечером, когда настала пора поднимать занавес, Норико не появилась в театральной уборной. Не пришел и один молодой актер.

Мидзута и участники представления недоуменно переглядывались. Срочно послали человека в гостиницу. Вещи Норико исчезли.

Стали расспрашивать всех подряд, но никто не замечал, чтобы между Норико и молодым актером были какие-то особые отношения. В Асакуса жил муж Норико. Несмотря на тяжелый характер, он там пользовался большой популярностью. Норико тоже была женщиной своенравной, но вряд ли она осмелилась бы так сразу порвать с мужем. Скорее всего, муж потребовал, чтобы она покинула труппу, договорившись перепродать ее в другую, а этого молодого актера она просто выбрала себе в спутники. А может, Норико решила побыть подальше от мужа и, чтобы он ее не нашел, выбрала удобный момент и сбежала в Кансай¹. Так или иначе, Норико исчезла. Об истинной причине, наверное, знали ведущие актеры труппы. Но они не собирались предавать ее гласности и предпочитали помалкивать.

Всех больше беспокоило, как быть с сегодняшним представлением, и актеры без толку суетились, пытаясь найти замену Норико.

В конце концов глава труппы Томомацу вынужден был принести извинения местному импресарио и объявить, что представление не состоится. Импресарио с легкостью принял извинения, но взамен попросил прислать танцовщиц на банкет, устраиваемый влиятельными лицами, в которых он заинтересован.

Прямо из балагана Томомацу повел танцовщиц в ресторан. Когда Мидзута заглянул в театральную уборную, там уже никого, кроме реквизитора, не было.

Тот лениво прибирал разбросанные повсюду театральные костюмы, туфли.

— Какие неряхи! Умный человек давно бы сбежал отсюда, а я, как видите, вожусь, — пожаловался он Мидзута. — Беспечные грязнули, скоро черви в туфлях заведутся... — Он сгреб несколько пар обуви и швырнул в угол.

Должно быть, прежде чем идти на банкет, Митико переоделась: среди висевших на стене театральных кимоно он

¹ Район, включающий города Осака и Киото с прилегающими префектурами.

заметил ее жакет. Мидзута сунул руку в карман жакета. Кости были на месте.

— Не в пример своей мамаше забыла прихватить их на банкет, — пробормотал он и кинул на циновку все пять костей.

Циновка была грязная.

Он как бы по-новому оглядел театральную уборную: пестрые, яркие, но давно уже не новые театральные кимоно странным образом напоминали пустые скорлупки.

Мидзута несколько раз подряд бросил кости.

— Пустое занятие и грустное, — сказал актер Ханаока, появляясь в дверях.

— Грустное?

— В общем, да. Сыграем?

— Можно и сыграть. А на что?

— Ну, хотя бы на Митико.

Мидзута резко поднял голову и, внезапно развеселившись, сказал:

— Можно и на Митико, но только пусть она сама бросит кости.

— Не-ет, так дело не пойдет. Уж лучше угости меня стаканчиком. К несчастью, я родился мужчиной, и меня на банкет не пригласили. А ведь как приятно выпить в такую весеннюю ночь!

Мидзута опустил кости в карман и встал.

V

В харчевне Ханаока все время задирался, пытаясь затеять ссору.

— Т-ты скажи мне: что т-ты думаешь о Митико? — изрядно опьянев, приставал он к Мидзута.

— Что ты имеешь в виду?

— Что да что... Тебе не кажется она странной?

— Немного...

— А я подозреваю: не позабавился ли кто с ней, когда она была еще девочкой?

— Не может быть! — Мидзута оторопело поглядел на Ханаока.

— Мне нравится эта девочка... И я тайно за ней наблюдаю, — выдавил из себя Ханаока.

— Как это — «наблюдаю»? Что за вздор!

— Нет, не вздор. До сегодняшнего вечера никому об

этом не говорил. Только здесь, именно с тобой я впервые решил поделиться своими сомнениями. Мидзута, как можно разгадать ее тайну?

— Да никакой тайны у нее нет!

— Нет? — Ханаока уставился на него мутными глазами. Потом навалился на Мидзута и стал трясти за плечи. — Значит, будем считать, что нет... Но у меня к тебе, Мидзута, есть просьба, великая просьба: один лишь раз заставь ее открыться.

— Ну?

— Может, дашь ей хорошую роль?.. Вот она разом и распахнет свою душу. И я уверен: тогда-то все и откроется.

Предложение Ханаока показалось Мидзута заманчивым, но он промолчал.

— Так как же? — настаивал Ханаока.

— Может, ты прав, — согласился Мидзута.

— Пойми, у меня серьезные намерения.

По-видимому, Ханаока в самом деле любит Митико и достаточно изучил ее, значит, просто так от его наблюдений не отмахнешься, подумал Мидзута.

Сейчас Митико семнадцать лет, в труппу она вступила, когда ей исполнилось пятнадцать, а что было до этого, чем занималась она, когда жила у матери?

Мидзута с трудом вытащил Ханаока из харчевни. Тот разлегся на самой середине дороги, и, глядя в небо, бормотал:

— Какая луна, ах, какая луна!

Улица была узкая, длинная, с обеих сторон к ней грозно подступали темные горы. Перед глазами Мидзута поплыли прозрачные уши Митико, ее губы, нос, руки, лодыжки... Он ощутил острый приступ тошноты и опустился на землю рядом с Ханаока.

Издали донеслось стройное пение танцовщиц.

— Эй-эй! — натужно закричал Ханаока.

— Эй-эй! — вторил ему Мидзута.

Горы не откликнулись эхом на их голоса. Они молчали. Пение танцовщиц слышалось все ближе, они шли по темной улице, взявшись за руки.

При виде распростертых на дороге мужчин девушки весело закричали:

— Да они же в стельку пьяные! Погодите, сейчас мы вам поможем!

— Господин Мидзута, а вы случайно не встретили Митико? — спросила одна из танцовщиц.

— Митико? Разве ее с вами не было?

— Была, но потом вроде бы вышла на минуту, да так и не вернулась.

— Не вернулась?! — завопил Ханаока. Он поднялся на непослушных ногах и воздел руки к небу.

Похоже, дело ясное, ошибки быть не может, с беспокойством подумал Мидзута.

Но когда они пришли в гостиницу, Митико уже была в постели.

— Почему сбежала?

— Ну и хитрая же ты девица! — Танцовщицы усаелись у изголовья Митико и устало вытянули ноги.

— Добро пожаловать, — с улыбкой приветствовала их Митико.

Так ловко улизнуть от пьяных гостей да еще осмелиться в одиночку идти по ночному городу! Поведение Митико лишь усилило сомнения Мидзута, которые заронил в нем Ханаока.

Дыша на Митико винным перегаром, он сел у ее постели, обхватил голову руками.

— Болит? Должно быть, с похмелья? — насупив брови, участливо спросила она.

— Угу, — Мидзута сунул руку в карман и кинул на постель кости.

Танцовщицы тут же с веселым смехом попросили Митико их бросить.

Низко склонившись к постели, Митико выстроила кости на правой ладони, в ряд. В середине лежала кость единицей кверху, по обе стороны от нее — две кости двойками кверху, а с краев — еще две кости кверху четверками.

Получилось: ☩ ☩ ☩ ☩ ☩

Она протянула ладонь вперед, словно прося божеской милости, и стала медленно вращать ее так, чтобы не нарушить порядок костей.

Лицо Митико казалось настолько сосредоточенным и одновременно отрешенным, что танцовщицы невольно затаили дыхание.

Митико все убыстряла вращение и вдруг кинула кости.

— О-о, вышло, вышло! — первой воскликнула она сама.

Она резко вскинула голову и выпрямилась на постели.

Все, кто был вокруг, замерли, пораженные.

На всех пяти костях выпала единица.

Они упали веером на равных расстояниях друг от друга — будто раскрылся зонтик.

Танцовщицы радостно захлопали в ладоши. Мидзута облегченно вздохнул.

Он глядел на голые коленки Митико, неподвижно сидевшей на своей постели. Из-под гостиничного спального кимоно выглядывала короткая белоснежная рубашка.

Он глядел на коленки Митико и все отчетливей понимал, что подозрения Ханаока — несусветная чепуха.

— Спокойной ночи, — сказал Мидзута, легонько коснувшись ее головы.

— Спасибо, — Митико кивнула и, провожая взглядом Мидзута, добавила: — Позовите, если не перестанет болеть голова. Спать я еще не ложусь.

Мидзута ушел к себе в номер.

Из комнаты Митико доносился стук костей. Но теперь он не раздражал его так, как тогда в гостинице портового города.

Если вдуматься, для того чтобы на всех костях выпала единица, кость, которая лежала на ладони Митико в центре, должна была перевернуться восемь раз, кости по обе стороны от нее — семь раз, а крайние — пять. Значит, Митико не забыла слова, сказанные Мидзута там, на камне. Но сколько же пришлось ей приложить упорства, чтобы добиться этого! Игральные кости, на каждой из которых выпала единица, засверкали перед глазами Мидзута чудесным фейерверком.

«Разом... распахнет душу!..» — пронеслись в его голове слова Ханаока.

То было время, когда образованные юноши, плененные царившей в Асакуса атмосферой, находили себе пристанище в тамошних театрах и наполовину ради собственного удовольствия писали сценарии, ставили ревю, рисовали декорации. Одним из них был и Мидзута.

Но для него, дилетанта, новизна впечатлений уже миновала, и он подумал: не пора ли — пусть и не так, как поступила Норико, — сказать всему этому последнее «прости»?

А может, вместе с Митико уйти навстречу неведомому?.. Эта мысль долго не давала ему уснуть.

Из комнаты Митико все еще доносился стук игровых костей.

I

Когда Кухара исполнилось тридцать шесть лет, он неожиданно женился.

Кухара не был убежденным холостяком и, когда дело дошло до женитьбы, заслал, как положено, к родителям невесты сватов. С этой стороны ничего неожиданного в его женитьбе не было. А вот для его друзей и знакомых это событие в самом деле стало сюрпризом. Тому не последней причиной была необыкновенная красота невесты.

Глядя на нее, некоторые приятели Кухара с сожалением думали, что слишком поспешили связать себя узами брака. Да, парень не промах, с завистью говорили они, и все, как один, переменили к лучшему свое мнение о Кухара. Ходили слухи, что на приданое невесты Кухара вскоре откроет дело. Одни говорили, будто он собирается построить собственную больницу; нет, утверждали другие, он намерен заняться педагогической деятельностью. Так или иначе, благодаря своей женитьбе Кухара странным образом вдруг превратился в важную персону.

Окончив стоматологическое отделение медицинского колледжа, Кухара занял должность ассистента в медицинском институте. Он рассчитывал тем самым утвердить свое имя в медицинских кругах и обрести навыки практической работы, с тем чтобы в дальнейшем, безусловно, получить ученую степень. Но и после успешной защиты диссертации он остался работать в лаборатории, оставил медицинскую практику, а также и мысль открыть новое дело и неожиданно решил посвятить себя исследованиям в области патологии.

Если добавить к этому его затянувшуюся холостяцкую жизнь, то можно понять, почему окружающие считали его человеком со странностями. Постепенно давнишние приятели по медицинскому колледжу начали сторониться его, говоря, что с ним стало трудно общаться, поскольку он слишком уж кичится своей принадлежностью к ученой братии.

И теперь Кухара не переставал удивляться, почему именно женитьба сделала его столь популярной личностью. Даже старые друзья теперь вели себя с ним по-иному. Когда он прогуливался вместе с женой Харуко, прохожие оглядывались на них, и Кухара читал в их глазах некое уважение, словно он вдруг стал важной персоной.

Он не знал еще, какие осязаемые — а может, и не только осязаемые — преимущества даст ему в будущем женитьба, но догадывался: у Харуко, помимо ее красоты, есть, наверно, врожденный дар приносить счастье. И он пришел к выводу, что должен остерегаться каким-либо безнравственным поступком причинить вред ее дарованной свыше добродетели.

Приятели Кухара терялись в догадках, отчего такая красавица, как Харуко, до сих пор оставалась в девушках. На вид ей можно было дать двадцать три — двадцать четыре, на самом деле ей уже исполнилось двадцать семь лет.

— Поньше в этом мире скрываются необыкновенные жемчужины. Пожалуй, есть смысл и нам поискать, — с завистью, к которой примешивалась толика иронии, говорили Кухара приятели, а тот лишь тихо улыбался и пропускал их слова мимо ушей. Его лицо напоминало лицо человека, спокойно дожидавшегося, когда ему улыбнется судьба. И он никому не поведал о причине, из-за которой Харуко столь запоздала с замужеством.

В ту пору он временами вспоминал несколько странный разговор, который произошел со сватом.

— Ей много раз устраивали смотрины, о чем она сама и не подозревала, — рассказывал сват. — Причем не было случая, чтобы отказ исходил со стороны жениха. Вот какая это девушка!

В конце концов, когда родители поняли, что решение Харуко не выходить замуж неколебимо и изменить его не в силах никакие хитро подстраиваемые смотрины, они отказались от дальнейших попыток найти дочери жениха и последние три-четыре года избегали даже говорить об этом в ее присутствии.

— Но с вами, господин Кухара, все получилось по-иному, — заключил сват.

Они как бы случайно встретились в театре, и Кухара был представлен дочери как врач, проявивший к ее матери внимание и заботу, когда та лежала в институтской клинике. Короче говоря, как это уже неоднократно случилось в прошлом, смотрины были подстроены. Но на этот раз Харуко повела себя не столь решительно, не ответила

отказом на сватовство.

Родители были счастливы: будто после нескончаемой ночи забрезжил рассвет.

Харуко передала свату, что хотела бы кое о чем рассказать Кухара.

Речь шла о юноше, который умер из-за безответной любви к ней.

— В общем, чисто ребяческое самоубийство из-за неразделенной любви. — Сват старался представить случившееся в несколько юмористическом свете.

Кухара был поражен: из-за такого происшествия столь безупречная во всех отношениях девушка, как Харуко, понапрасну пожертвовала своей юностью.

Разумеется, он отвечал, что восхищен чистотой ее чувств, что все это еще более укрепляет его в намерении связать себя с ней узами брака. Впрочем, те же слова говорили и другие молодые люди, сватавшиеся за Харуко до него.

— Если вы изволите так все понимать... — Сват склонился в поклоне. — Дело ведь прошлое, и вины девушки в случившемся никакой нет, а она уже чуть было не собралась в женский монастырь...

Тем не менее Кухара хотел услышать из уст самой Харуко рассказ об этом юноше. И не для того, чтобы принять решение: его сердце уже сделало выбор, да и вообще он полагал, что мужчине его возраста не приличествует расспрашивать будущую супругу о прошлом. Просто он предвкушал и некоторое удовольствие в том, что заставит рассказать о себе столь замечательную девушку.

II

Родители Харуко даже разрешили ей свободно встречаться с Кухара до женитьбы. Мало того, они радовались, когда их двадцатисемилетняя дочь выражала согласие повидаться со своим женихом, и вообще проявляли максимум терпимости, опасаясь, как бы Харуко не осталась старой девой, если, не дай бог, расстроится сватовство Кухара.

Что до Кухара, то он с самого начала был покорен тонким благородством ее природы и не решался настаивать на том, чтобы Харуко поведала ему эту печальную историю.

— В общих чертах сват рассказал мне о причине, по

которой вы так долго откладывали замужество... — заговорил он однажды.

Харуко кивнула и сразу посерьезнела, будто давно была готова к этому разговору. Ее щеки порозовели.

Выражение ее лица вдруг показалось Кухара таким милым, что он смешался и закончил фразу совсем не так, как хотел:

— Отчего же в таком случае вы передумали и дали согласие на встречи со мной?

Вопрос прозвучал бестактно.

— Я и сама не знаю. Наверно, потому, что вы врач.

— Потому что врач?!

Кухара несколько озадачил по-детски наивный ответ Харуко. Может, она просто меня дурачит, — подумал он и ответил:

— И верно, с врачом вам будет хорошо. С точки зрения медика, могу сказать, что ваша боязнь замужества коренится в своего рода болезненном душевном состоянии. Но успокойтесь, ваш недуг протекает в чрезвычайно легкой форме и вполне излечим...

Харуко, по-видимому, не уловила в его словах юмора и задумалась о чем-то своем.

Кухара встревожился: а вдруг она страдает моноамнией или даже слабоумием?

Ясно, что многочисленные отказы от замужества, причиной которых послужило самоубийство юноши, не могли не оставить в сердце Харуко глубокую, незаживающую рану, предположил Кухара.

Надо найти повод, чтобы она откровенно рассказала все об этом юноше, тогда он сможет с большей искренностью ее утешить, и болезненный узел развяжется сам собой.

Кухара несколько раз повторил, что абсолютно не испытывает сомнений по поводу прошлого Харуко, но хотел бы начать супружескую жизнь так, чтобы оно никоим образом не тяготело над ними.

— Поделитесь со мной вашим бременем, которое не дает вам покоя, тогда оно станет вдвое легче, и мы вместе уничтожим причину вашей болезни, — сказал он.

— Да. — Харуко согласно кивнула. — Я и сама намеревалась вам рассказать все без утайки. А уж вы решайте...

— Нет-нет, решение мое окончательное. Я только хочу, чтобы вы облегчили душу...

— Понимаю, но... — Харуко было снова о чем-то задумалась, потом остро взглянула на Кухара, внезапно зали-

лась краской и, потупившись, сказала: — Не сочтите это за мой каприз, но я просила бы прежде вас рассказать о своем прошлом.

— Меня?! Прежде?.. — опешил Кухара.

Харуко кивнула. Ее руки слегка подрагивали.

— Что, собственно, я должен рассказать?

— Разве совсем-таки нечего?.. — удивилась Харуко. — Конечно, я понимаю: именно я должна поведать вам о своем прошлом, чтобы заслужить ваше прощение. И все же обидно, если вы промолчите, а говорить придется мне одной.

— Но мне в самом деле нечего вам сказать, — возразил Кухара и тут же понял, что Харуко не верит ему.

Мало того, как ни странно, ему и самому подобное утверждение показалось не слишком убедительным.

— Уверяю вас, нечего, — повторил он и ощутил еще большее замешательство.

— Если вы, господин Кухара, не хотите говорить, то и я не смогу рассказать ничего о себе. Вы действительно поставили меня в затруднительное положение. Такое чувство, словно вы хотите заставить меня страдать в одиночестве. — Кухара почудилось, будто некая дверца в душе Харуко неожиданно захлопнулась.

Они так и расстались в тот день, ничего не поведав друг другу-

Харуко, пожалуй, была права: трудно представить, что неженатый, лишенный заметных недостатков мужчина дожил до тридцати шести лет, не заведя романа с одной-двумя женщинами. Харуко руководил в этом случае исключительно здравый смысл, а воображение, скорее всего, вводило ее и несколько дальше. Ведь существовал же юноша, который из-за нее покончил жизнь самоубийством! Наверно, и в душе Кухара, который столько лет избегал женитьбы, остался некая незаживающий след? Раз они вступают в брак, для чего же им таиться друг от друга?! Так рассуждала Харуко.

И может быть, она и замуж-то решила выйти единственно ради того, чтобы, соединив две похожие судьбы, утешить и простить друг друга.

В любом случае он совершил ошибку, ожидая, что Харуко во всем ему признается, а он не расскажет ей ничего. Поэтому и просьба девушки застала его врасплох.

Кухара навряд ли можно было причислить к чистым, непорочным юношам, но, коль скоро дело шло о женитьбе,

он мог с уверенностью сказать, что в жизни его не было ни одной женщины, расставание с которой принесло бы ему грусть или сожаление.

И вовсе не потому, что у Кухара было врожденное отвращение к женщинам или он их опасался. Скорее, ему еще не довелось повстречаться в своей жизни с той, которая пришлась бы ему по сердцу.

А поскольку в положенный срок он не женился, не исключено, что со временем в его характере появились некие черты, заставлявшие самих женщин его сторониться. Может быть, именно поэтому он все больше замыкался в себе и решил посвятить себя исключительно научной работе.

Наверно, по этой же причине для приятелей, знавших особенности характера Кухара, женитьба его и оказалась полной неожиданностью.

Сам Кухара не так уж страдал от своего одиночества, но если прежде ему с женщинами не везло, то теперь, повстречав Харуко, он наконец вытянул поистине счастливый билет. Тем не менее просьба Харуко застигла его врасплох, и тогда он решил заново оглянуться на свое прошлое.

Он с гордостью и удовлетворением подумал о том, что ему, собственно, не в чем признаться Харуко. Почему же в таком случае он не сумел откровенно сказать ей об этом? Значит, ему не хватает искренности, укорял он себя.

Может быть, он вел неправильный образ жизни? В таком случае, пожалуй, естественно, что Харуко ему не поверила, решил он и улыбнулся этой своей мысли.

Ну что же! Раз Харуко поставила условием, чтобы он признался первым в своих прошлых прегрешениях, Кухара решил придумать для нее по возможности правдоподобную любовную историю.

III

Он погрузился в разнообразные чувственные фантазии, вызывая в памяти образы всех знакомых ему женщин — от подруг юности до медицинских сестер и больных, лежавших на обследовании в клинике, — и все для того, чтобы придумать для Харуко любовную историю.

То было глупое и бессмысленное развлечение. Когда он ставил рядом с этими женщинами свою невесту Харуко, их образы казались ему бесцветными, безжизненными.

В конце концов Кухара так ничего и не удалось придумать, чтобы вызвать Харуко на откровенность.

А ее рассказ — она все же поведала его Кухара — о юноше, который покончил жизнь самоубийством, оказался донельзя обыденным, даже банальным.

Этот юноша был двоюродным братом Харуко — старше ее на два года. Жили она по соседству и вместе росли. Потом его отца отправили из Токио в провинцию, и они стали переписываться. Во время летних и зимних каникул юноша и Харуко ездили вместе к морю купаться и на лыжные прогулки в горы. Они были счастливы тем, что находились вместе. Когда юноша перешел в старший класс средней школы, его письма все заметнее обретали характер чувствительных любовных посланий. Затем он поступил в колледж, переехал в Токио и поселился в доме родителей Харуко. Они встречались с Харуко каждый день. Вскоре он признался ей в любви и предложил руку и сердце. Харуко сразу же отказала ему, сославшись на двоюродное родство. В ту зиму он один отправился на лыжах в горы и во время метели свалился в пропасть. Его удалось спасти, но он повредил грудную клетку и был помещен в больницу. Вскоре юноша покончил жизнь самоубийством, оставив Харуко длинное предсмертное письмо. Выдержки из этого письма были в свое время даже опубликованы в газете. Если бы он умер в больнице, это не вызвало бы осложнений, но он бросился со скалы в море, и больничное начальство, желая в какой-то мере снять с себя ответственность, ознакомило корреспондента газеты с его предсмертным письмом. Так утвердилась версия, будто юноша покончил с собой из-за неразделенной любви.

— Сколько же, Харуко, вам тогда было лет? — затрудняясь найти подходящие слова, спросил Кухара, выслушав ее рассказ.

История была настолько обыкновенной, что он сперва даже не поверил. О похожих случаях ему приходилось не раз читать в газетах.

Но всякая любовная история может показаться более или менее банальной, когда о ней рассказывают другие.

Скорее всего, именно распаленному воображению Кухара представлялось, что только необыкновенные, трагические обстоятельства должны были послужить причиной упорного отказа Харуко от замужества.

Чтобы разбить девичье сердце, бывает достаточно и нескольких строк.

В отличие от мгновенно вспыхивающей, всепожира-

ющей любви, отношения между Харуко и двоюродным братом складывались в ее душе из чудесных воспоминаний — и это длилось многие годы.

— Харуко, вы любили этого человека? — спросил Кухара.

Харуко утвердительно кивнула.

— Теперь мне кажется, что любила... Но мы тогда были сущие дети.

— Несчастье, случившееся с вашим двоюродным братом, наверно, сказалось и на отношениях между его и вашими родителями?

— Дядюшка и тетушка не такие люди, чтобы в чем-то винить меня.

— Поэтому в вас тем сильнее заговорило чувство долга?

— Долга?.. Может быть, и так...

Но это было далеко не все, в чем могла признаться Харуко.

Харуко исполнилось девятнадцать, когда ее двоюродный брат наложил на себя руки, а через два года к ней пришли свататься. Харуко дала согласие, но, когда все уже было решено, родители жениха узнали о самоубийстве, и свадьба расстроилась.

Для Харуко это было ударом — еще более сильным, чем смерть двоюродного брата: она, наверно, искренне полюбила своего жениха Катакири.

Именно тогда Харуко решила, что ей не суждено выйти замуж.

Скорее всего Катакири, а не двоюродный брат был ее первой любовью, и именно любовь к Катакири потом слилась в ее воспоминаниях с образом погибшего брата.

Харуко стала опасаться, что следующее сватовство тоже окончится ничем. Правда, одно время она не теряла надежды на брак с Катакири: вскоре после официального отказа, последовавшего от его семейства, они тайно встретились — один-единственный раз! — и Катакири обещал, что добьется согласия родителей.

Харуко не собиралась скрывать от Кухара историю с Катакири, и если бы тот намекнул, что хотел бы узнать еще кое-что о ее прошлом, она, наверно, призналась бы ему.

Но, судя по выражению лица Кухара, его любопытство было удовлетворено рассказом о двоюродном брате, а остальное его не интересовало, поэтому о Катакири она предпочла не рассказывать.

Да ей было бы и труднее и горше говорить о Катакири: в ту пору, когда Кухара посватался к Харуко, тот давно уже был женат, и Харуко знала об этом и чувствовала себя уязвленной.

IV

Кухара и Харуко поженились. На вторую ночь их свадебного путешествия, когда они остановились в гостинице, Харуко приснился погибший двоюродный брат.

Был ли то его деревенский дом или дом ее родителей — Харуко толком не поняла. Она вошла в комнату, где за столом спиной к ней сидел двоюродный брат. Он неожиданно обернулся. Харуко замерла. И в тот же миг обратила внимание, что она почти раздетая... Она проснулась от собственного крика.

Ее лицо пылало от невыразимого стыда.

Сотрясаясь от охватившего ее озноба, Харуко ухватилась за рукав спального кимоно Кухара.

Мысль о том, что она видела во сне умершего двоюродного брата, привела ее в ужас.

— Прости меня... — прошептала она и, дрожа всем телом, прильнула к мужу.

В ту ночь Харуко думала о том, что, выйдя замуж, она все же предала умершего брата. И еще ей показалось, что сон был крайне неприличным.

Но образы двоюродного брата и Катакири со временем стали, если можно так выразиться, более зыбкими, чем сон, а затем и вовсе исчезли из ее памяти, а поздняя, нерастраченная любовь Харуко расцвела пышным цветом, и она щедро одаривала ею Кухара.

— На тех, кто, как мы с тобой, терпеливо ждет и наконец находит настоящего спутника жизни, нисходит счастье с небес, — говорил он, и в эти минуты Харуко уже не вспоминала о прошлом.

Харуко радостно делилась с Кухара присущей ей добродетелью, и все говорило за то, что их семье суждено испытать огромное счастье.

Однажды Кухара без всякого умысла спросил:

— Ты не замечала, что некоторые места в предсмертном письме твоего двоюродного брата выглядят несколько странно?

— Может быть, раз вы об этом говорите, — голос Харуко звучал непринужденно.

— Так оно и есть! Дело в том, что в больнице, где он

лежал, работает приятель моего друга, и я обратился к нему с просьбой выяснить обстоятельства смерти твоего двоюродного брата. Оказывается, он находился в состоянии крайнего нервного истощения с симптомами психического расстройства. Мне известен и диагноз его заболевания. Судя по всему, самоубийство не было связано с неразделенной любовью к тебе. Просто он потерял надежду на выздоровление — у него ведь были повреждены легкие, — да к этому еще добавилась психическая болезнь, и он не выдержал. Такой уж нестойкий оказался у него характер. И никакой твоей вины в его самоубийстве не было.

— Когда вам все это удалось выяснить?

— Давно.

— Противный, почему же вы так долго молчали? — Харуко ясными глазами поглядела на Кухара и вдруг подумала: знай я об этом раньше, может быть, и не расстроилась бы наша свадьба с Катакири.

Эта мысль так поразила Харуко, что она постаралась скрыть свое замешательство за печальной улыбкой.

— И все же не будем забывать: благодаря этому сумасшедшему мы поженились, — самодовольно сказал Кухара.

— В самом деле!

— Ты, Харуко, воистину настрадалась, и я за это еще больше уважаю тебя...

С той поры Харуко пыталась вновь приукрасить воспоминания об умершем двоюродном брате. Она теперь как бы заново видела море в летнюю пору и снежные горы зимой.

Но то, что можно было назвать ниспосланным ей свыше даром приносить счастье, кажется, пошло на убыль.

ПИСЬМО О РОДИНКЕ *

Минувшей ночью мне приснился занятный сон о родинке.

Надеюсь, Вы сразу поняли, о какой родинке идет речь? О той самой, из-за которой Вы столько раз ругали меня. Она у меня на правом плече, точнее сказать, там, где плечо сходится с шеей.

— Она у тебя побольше, чем черный соевый боб. Гляди, будешь часто трогать — еще росток появится, — поддразнивали Вы меня. И правда, она не только большая, но и, что редкость для родинок, разбухшая.

С детских лет я привыкла, ложась в постель, теревить ее. Какой я испытала стыд, когда Вы впервые заметили у меня эту привычку! Я так расплакалась, что даже перепугала Вас.

— Саёко, ты опять за свое! Будешь трогать — она начнет расти, — бранила меня мать, но то было в пору моего девичества, лет четырнадцать, а то и пятнадцать тому назад. Потом я теребила родинку, лишь когда оставалась одна, и делала это непроизвольно, по привычке, которую и привычкой нельзя было назвать, поскольку я о ней забывала.

Какой же я — в ту пору не столько жена, сколько девушка — испытала стыд, когда Вы заметили мою привычку и упрекнули меня... Мужчинам этого не понять, мне было не просто стыдно — я решила, что случилось непоправимое, и подумала: как ужасно супружество!

Мне показалось, будто мои тайны разом обнажились перед Вами. Из страха, что Вы способны раскрыть и все мои будущие тайны, мне и самой пока еще неизвестные, я не находила себе места.

Когда Вы засыпали — а Вы засыпали сразу, — мне становилось грустно, одиноко, в то же время я испытывала облегчение, и тогда рука моя помимо воли тянулась к родинке.

«Успокойся, больше родинку не трогаю», — хотела я написать матери и сразу почувствовала, как краска стыда заливает щеки.

— Далась тебе эта родинка! — бросили Вы мне однажды в лицо резкие слова. Я согласилась тогда с Вами, даже кивнула радостно, а теперь думаю: если бы Вы проявили хоть чуточку любви к этой моей несчастной привычке! Родинка ведь и не доставляла мне особых хлопот: ну кому придет в голову заглядывать мне за воротник! Правда, есть еще такая поговорка: девушка с тайным изъяном точно комната на замке — заглянуть так и тянет, но разве моя родинка была так велика, что казалась изъяном?!

И все же откуда у меня появилась привычка теревить родинку?

И почему эта привычка так Вас раздражала?

— Опять, опять! — в который раз сердились Вы и спрашивали: — Кстати, почему ты теребишь ее левой рукой?

—левой?.. — недоумевала я, потому что прежде никогда об этом не думала... — В самом деле! — Я невольно поглядела на свою левую руку.

— У тебя родинка на правом плече. Разумнее теревить ее правой рукой.

— Верно, — восклицала я и правой рукой тянулась к родинке. — Нет, как-то неудобно...

— Что же тут неудобного?

— левой получается более естественно.

— Разве правая не ближе?

— Ближе, конечно, но... это не та рука.

— Не та рука?

— Не та. Одно дело, когда хочешь дотронуться до шеи спереди, а другое — когда сзади. — В ту пору я уже перестала безропотно соглашаться со всем, что бы Вы ни говорили. Но, отвечая Вам, я вдруг заметила, что, протягивая левую руку к правому плечу, я словно обнимаю себя и в то же время как бы отстраняюсь от Вас. Как нехорошо, подумала я и ощутила укор совести. — Но почему нельзя дотрагиваться до родинки левой рукой? — как можно мягче спросила я тогда.

— Правой ли, левой — все равно это плохая привычка!

— Да.

— Сколько раз тебе говорил: сходи к врачу, он тебе ее выжжет.

— Нет, это неприлично.

— Говорят, это делается очень просто.
— И есть люди, которые ходят за этим к врачу?
— Сколько угодно!
— Но, наверно, это те, у кого родинка на лице. А если там, где у меня? Ну подумайте, зачем мне к врачу? Я приду, а он сразу догадается и скажет: должно быть, это ваш супруг посоветовал?

— А ты ответишь врачу, что у тебя, мол, привычка теревить родинку.

— Будьте же снисходительны, — досадовала я, — стоит ли раздражаться из-за какой-то родинки! Да и кому она мешает?

— Я ничего против нее не имею. Только не тереби.

— Я не тереблю ее нарочно!

— Ну и упрямая же ты! Сколько ни прошу, никак не избавишься от вредной привычки.

— Я стараюсь. Даже рубашку с тугим воротом надевала.

— Поносила и перестала. Разве не так?

— Но что дурного в том, если я ее трогаю?

— Ничего дурного в этом, видимо, нет. Просто глядеть неприятно — вот я и прошу: перестань!

— Почему же Вам так неприятно?

— Я должен тебе еще объяснять почему? Незачем ее теревить — это плохая привычка, и лучше с ней покончить — вот и все!

— А я и не возражаю!

— Когда ты теребишь родинку, у тебя появляется какое-то отрешенное выражение на лице. И вид у тебя несчастный, жалкий вид!

— Жалкий?.. — И в душе моей отозвалось: может быть, и я согласно кивнула. — Отныне, если я начну трогать родинку, ударьте меня по рукам.

— Договорились. Но тебе должно быть стыдно, что ты сама вот уже два или три года не способна справиться с ничтожной привычкой.

Я промолчала, раздумывая над тем, почему показалась Вам «жалкой». Нет спора — облик женщины, когда она тянется через грудь рукою к родинке на шее, дышит трогательной печалью. Здесь не приличествует великолепное слово «одинокчество», она, наверно, в самом деле выглядит жалкой — и одновременно забывшей обо всем на свете, кроме себя. И должно быть, в те минуты я казалась Вам маленькой гадкой женщиной, упорно старающейся защититься от Вас. Вы справедливо заметили: у меня появля-

лось какое-то отрешенное выражение на лице. Тогда между нами словно разверзлась бездна и я уже была не способна сполна раскрыть перед Вами душу. Привычка эта у меня с детства, и, когда я невольно дотрагиваюсь до родинки, я как бы теряю над собой власть, и по моему лицу сразу можно угадать мое настроение и истинные чувства.

Вы наверняка испытывали ко мне неприязнь, иначе не изволили бы придираться к безобидной женской привычке. Будь Вы мною довольны, Вы бы попросту посмеялись и не принимали ее так близко к сердцу.

Иногда я думала: может, есть на свете мужчина, которому понравилась бы моя привычка, и ужасалась недостойной мысли.

Вначале, обнаружив мою привычку, Вы, по-видимому, заговорили о ней из любви ко мне. Я и теперь не сомневаюсь в этом. Но когда отношения между женой и мужем осложняются, даже такая незначительная мелочь начинает пускать глубокие и зловредные корни. Ведь в настоящем супружестве муж и жена свыкаются с привычками друг друга. Бывает, правда, что они так и не могут к ним приноровиться, и я вовсе не хочу сказать, что те, кому это удастся, непременно любящие супруги, а те, кто вступает в бесконечные споры, — друг друга ненавидят, но теперь мне все-таки кажется: как было бы славно, если бы Вы проявили большее великодушие к привычке Вашей жены.

В конце концов Вы в буквальном смысле слова стали меня поколачивать. Не следовало бы Вам доходить до этого, и я часто проливала слезы: такая жестокость, и всего лишь за то, что неосознанно, не по злему умыслу трогаю свою родинку! Но в глубине души я не так уж сильно обижалась на Вас и прекрасно понимала, что Вы испытывали, когда говорили дрожащим голосом:

— Посоветуй же, что придумать, чтобы освободить тебя от этой привычки!

Расскажи я кому-нибудь, как Вы поступали со мною, всякий, безусловно, возмутился бы: «Какой грубиян ваш супруг!» И все же сколь ни ничтожен повод, когда иного выхода нет, даже побои перенести легче, чем безразличие.

— Мне никогда не избавиться от своей привычки — лучше свяжите мне руки, — сказала я однажды и словно в молитвенной позе протянула к Вашей груди руки, сложенные ладонями вместе. Будто вручала Вам всю себя без остатка.

Вы смутились и с посеревшим лицом распустили мой пояс и обмотали им мои руки.

Вы не представляете, с какой радостью я глядела на Ваши глаза, когда Вы наблюдали, как я пыталась связанными руками поправить растрепавшиеся волосы. Неужели отныне я освобожусь от своей давнишней привычки, подумала я и в тот же миг с ужасом ощутила желание: ах, если бы кто-нибудь дотронулся до моей родинки!

Должно быть, Вы поняли, что я неисправима, и разлюбили меня. Вы отступились и решили: пусть ее! Вы больше не упрекали меня и, когда я трогала родинку, делали вид, будто не замечаете.

И вот что удивительно: привычка, которую не смогли одолеть ни ругань, ни побои, вдруг исчезла. Не потому, что ее пытались исправить насильно, а как-то сама по себе.

Однажды, будто вспомнив, я сказала Вам:

— А ведь я последнее время перестала трогать родинку.

— Угу, — ответили Вы бесстрастно.

Я хотела упрекнуть Вас, сказать: уж раз Вам это было безразлично, почему Вы прежде так ругали меня? И надеялась, что Вы в свою очередь ответите: если столь несложно оказалось освободиться от привычки, почему ты не сделала этого раньше? Как жаль, что мы не сказали этих слов друг другу.

Тереби хоть целый день свою родинку — мне все равно, до того ясно читалось на Вашем лице, что я сразу потеряла к ней интерес. Правда, теперь уже из чистого упрямства решила потрогать ее у Вас на глазах, но, странно, рука не потянулась к родинке.

Мне стало так грустно, так досадно...

Тогда я попробовала незаметно для Вас потереть родинку — рука упорно не желала мне повиноваться.

Я опустила голову и закусила от досады губы.

«Так как же ты собираешься поступить с родинкой?» — хотела я тогда услышать от Вас, но с тех пор в разговорах между собой мы уже никогда о ней не вспоминали.

Должно быть, вместе с этим многое кануло в прошлое.

Отчего я не освободилась от своей привычки в ту пору, когда Вы меня за нее ругали? Поистине я скверная женщина!

Теперь я вернулась в родительский дом. Однажды, когда мы вместе с матерью купались, она вдруг сказала:

— Ты подурнела, Саёко! С годами, видно, не поспоришь!

Я удивленно поглядела на мать. Она-то по-прежнему была полной и белотелой, ее кожа матово светилась.

— Ты, наверно, и родинку свою разлюбила?

Пришлось хлебнуть мне горя с этой родинкой, хотела я пожаловаться матери, но вместо этого сказала:

— Говорят, врач без труда может срезать родинку.

— Вот как? Значит, врач может?.. А если шрам останется?! — воскликнула мать — правда, без особого беспокойства. — А мы, помню, дома часто смеялись: мол, Саёко вышла замуж, а все, верно, теребит свою родинку.

— Теребила.

— Так мы и думали!

— Нехорошая, конечно, привычка. А скажите, матушка, когда появляются родинки?

— В самом деле, с какой поры они появляются? У грудных детей я что-то не замечала.

— У моего ребенка тоже пока нет.

— Вот как! Во всяком случае, с годами их становится больше. А у тебя родинка особая. Она большая и появилась, скорее всего, когда ты была совсем еще малюткой. — Мать поглядела на мою шею и рассмеялась.

А я в те минуты думала: наверно, в детстве родинка на моей шее была всего лишь милой темной точкой, и мать с моими старшими сестрами, забавляясь со мной, часто дотрагивались до нее пальцами. Не от этого ли и у меня появилась эта привычка?..

Здесь, в родительском доме, ложась в постель, я снова стала трогать родинку, надеясь вспомнить детские годы, свое девичество.

Сколько лет я к ней не прикасалась!

Вас нет рядом, и я могу не стесняясь теребить ее. Но никакой радости я не испытываю. Стоит мне коснуться ее, и на глаза наворачиваются холодные слезы.

Надеялась предаться девичьим воспоминаниям, а вспомнила Вас.

Негодная жена, несносная женщина, с которой Вы, должно быть, разведетесь, укладываясь в постель и теребя родинку, думала только о Вас, странно, правда?! Такого я и сама от себя не ожидала!

Переворачивая мокрую от слез подушку, я засыпала, и мне даже снился сон о родинке. Будто в некой комнате — проснувшись, я не могла припомнить где — находимся мы с Вами и еще одна незнакомая женщина. Я пью сакэ и, кажется, сильно опьянела. Я настойчиво прошу Вас о чем-то.

В какой-то миг я даю волю своей жалкой привычке, и моя левая рука тянется через грудь к правому плечу —

туда, где плечо соединяется с шеей. Я касаюсь пальцами родинки, и она вдруг безо всякой боли отрывается. Сжимаю родинку пальцами, я начинаю ее разглядывать. Она словно шкурка сваренного черного боба. Я капризничаю, требую, чтобы Вы вложили ее в свою родинку, что сидит рядышком с Вашим носом.

Потом я сама пытаюсь это сделать, хватаю Вас за рукава кимоно и, обливаясь слезами, припадаю к Вашей груди...

Когда я проснулась, подушка снова была мокрой от слез, которые и наяву продолжали литься из моих глаз.

Я чувствовала себя уставшей до изнеможения, но на душе было легко — будто тяжелый груз свалился с меня.

Может, и в самом деле моя родинка исчезла, думала я со счастливой улыбкой. И все не решалась дотронуться до того места, где она была.

Вот и все, что я хотела сообщить Вам. Мои пальцы и теперь хранят ощущение от сжимаемой ими родинки, похожей на шкурку черного боба.

Ваша родинка около носа меня ни капельки не раздражала, и я никогда о ней не заговаривала, хотя всегда помнила.

Какая интересная получилась бы сказка, если бы Вы вложили мою большую родинку в Вашу маленькую и та начала бы расти!

Как бы я была счастлива, если бы и Вы изволили увидеть мой сон!

Рассказывая Вам о своем сне, я кое-что упустила.

Когда я в постели начинала теребить родинку, Вы говорили:

— Ты выглядишь такой жалкой, несчастной.

Я радовалась, думая, что Ваши слова — признак любви. Я и вправду так думала. К стыду своему, должна признаться, что моя неприкаянность, наверно, как раз и проявлялась в привычке трогать родинку. Единственным оправданием для меня — об этом я уже Вам писала — может служить то, что привычку эту привили мне в детстве забавлявшиеся со мной мать и старшие сестры.

— Прежде вы меня часто ругали, когда я теребила родинку, — выговаривала я матери.

— Да... Правда, не так уж давно это было.

— Почему же вы ругали меня?

— Почему? Да потому, что это плохая привычка.

— Что раздражало вас, когда я теребила родинку?

— Да-а... — мать в раздумье склонила голову. — Должно быть, это выглядело неприлично.

— Может, и так... Но в каком смысле неприлично? Я казалась жалкой или... упрямой, своенравной?

— Так я не думала. Просто было бы лучше, если бы ты не теребила ее с таким отрешенным видом.

— Это создавало неприятное впечатление?

— Да, казалось, будто ты о чем-то не по-детски упорно думаешь.

— Разве вы, мама, и старшие сестры ради забавы не трогали в детстве мою родинку?

— Наверно, трогали.

Если так, то я в задумчивости теребила родинку, должно быть вспоминая о том, как в детстве любовно забавлялись со мной мать и сестры.

Разве нельзя предположить, что я трогала ее, когда думала о тех, кто меня любит?

Вот о чем я еще хотела Вам поведать. Ах, как неверно изволили Вы воспринимать мою привычку!

Как вы думаете: о ком еще были мои мысли, когда я, находясь рядом с Вами, теребила свою родинку?

Теперь я все думаю: мое странное поведение — оно так выводило Вас из себя! — было, наверно, проявлением моей к Вам любви, которую я не могла выразить словами.

Привычка теребить родинку — мелочь, за нее не стоит особо оправдываться, но и многие другие поступки Вашей «плохой жены» тоже проистекали из любви к Вам, однако Вы всякий раз незаслуженно укоряли меня. Вот почему в конце концов я и впрямь стала вести себя как плохая жена.

Я и сама думаю, что во мне говорит своенравная плохая жена, и моею рукой водит чувство обиды. Но все же хочу, чтобы Вы меня услышали.

ОТРАЖЕННАЯ ЛУНА

Однажды Кёко догадалась с помощью ручного зеркала показать свой огород больному мужу, лежавшему в постели на втором этаже. Уже одно это словно бы открыло перед ним новую жизнь. Но случилось и многое другое.

Что это было за зеркало? Оно хранилось в ящике туалетного столика, который она привезла с собой в дом мужа. Это было ее приданое. Туалетный столик и оправа ручного зеркала были из тутового дерева. Первое время после женитьбы она пользовалась им, когда разглядывала, хорошо ли уложены волосы на затылке. Рукав кимоно соскальзывал, обнажая руку до самого локтя, и Кёко помнит, как она стыдливо краснела тогда. То самое ручное зеркало...

Когда Кёко после купанья садилась перед туалетным столиком, муж говорил: «У тебя не получается, дай-ка мне — я подержу». Он отбирал у нее ручное зеркало и под разными углами поворачивал, чтобы она лучше видела свой затылок в зеркале туалетного столика, и сам при этом таял от удовольствия. А у нее не то чтобы не получалось. Ей было просто неловко, когда муж стоял сзади и пристально смотрел на нее.

С той поры прошло не так уж много времени, тутовая оправа ее зеркала еще не успела покоробиться, но была война, эвакуация, тяжелая болезнь мужа, и когда Кёко впервые надумала показать мужу огород, само зеркало уже потускнело, а оправа сделалась грязной от пыли и въевшихся в нее просыпанных белил. Ее это мало заботило, скорее она просто не обращала на это внимания, потому что и в таком зеркале огород виднелся ясно. Но муж, который с тех пор не расставался с зеркалом и держал его у изголовья, от вынужденного ли безделья или из-за свойственной большой раздражительности очистил оправу от грязи и отполировал зеркало. Да и потом Кёко часто замечала, как муж дышит на него и тщательно протирает. Ей нередко приходили мысли, что вот он дышит на

зеркало, и в невидимых глазу трещинах деревянной оправы застревают туберкулезные палочки... Расчесывая ему волосы, Кёко смачивала их маслом камелии, а он проводил ладонями по волосам и принимался полировать оправу, и она сверкала, точно лакированная, а туалетный столик так и стоял потускневший.

Снова выйдя замуж, Кёко захватила столик с собой, в качестве приданого.

Но ручное зеркало она сожгла, когда хоронила мужа. Новому мужу она об этом ничего не сказала. Теперь на туалетном столике красовалось новое ручное зеркало с оправой камакурской резьбы¹.

Скончавшегося мужа положили в гроб, переплетя, как предписано обычаем, на груди пальцы рук. Поэтому вложить в его руки зеркало не представлялось возможным, и Кёко опустила его на грудь покойника.

Потом она переложила зеркало на живот, прошептав:

— У вас всегда болела грудь, как бы зеркало не стало излишней тяжестью.

Она потому сначала положила зеркало на грудь, ближе к сердцу, что зеркало играло важную роль в их совместной супружеской жизни. Она не хотела, чтобы родственники мужа заметили зеркало, и прикрыла его белыми хризантемами. Погребальный огонь расплавил его. Оно выгнулось в толстую неровную трубку, закоптилось и пожелтело.

— Что бы это могло быть? Кажется, стекло! — удивился кто-то из родственников.

Дело в том, что на ручное зеркало Кёко положила еще одно — маленькое зеркальце из своего несессера. Оно было двустороннее, в форме гандзаку².

Кёко мечтала взять его в свадебное путешествие, но была война, и свадебное путешествие не состоялось. При жизни прежнего мужа ей так и не пришлось попользоваться этим зеркальцем.

Новый муж устроил свадебное путешествие. Несессер Кёко поистерся и даже заплесневел, поэтому она приобрела новый. Тоже, конечно, с зеркальцем.

В первый день их поездки, обнимая Кёко, муж прошептал:

— Ты совсем как девушка. Бедненькая!

В его словах не чувствовалось насмешки, скорее неча-

¹ Комбинация резьбы с лакировкой.

² Продолговатый листок бумаги для написания стихотворений танка.

янная радость. Наверно, ему и в самом деле было приятно, что Кёко выглядит так, будто никогда не была замужем. Но слова мужа глубоко ее опечалили. Она разрыдалась, сжалась в комок. А тот объяснил это себе опять-таки ее девичьей застенчивостью.

Кёко не понимала, плачет ли она из жалости к себе или к прежнему мужу. Она не могла отделить одно от другого. И тогда, почувствовав, что несправедлива к нынешнему супругу, что должна быть с ним ласкова, она сказала игриво:

— Разве? Неужели вы так разбираетесь в этом? — Но сразу же поняла, что сказала неловкость, и густо покраснела. Муж, напротив, светился довольством.

— У тебя и детей вроде бы не было, — сказал он и опять разбередил ей душу.

Столкнувшись с иной, чем у прежнего супруга, мужской силой, Кёко испытала унижительное чувство: словно в ней видят лишь игрушку для забавы.

— Но у меня было что-то вроде ребенка, — возразила Кёко и тотчас умолкла.

Даже после смерти она воспринимала своего тяжело хворавшего мужа как ребенка, которого она растила внутри себя.

«Почему я, опасаясь за здоровье мужа, избегала близости, если было ясно, что он все равно умрет?» — подумала Кёко.

— Мори мне довелось видеть только из окна поезда. — Обнимая Кёко, новый муж назвал ее родной город. — Наверно, симпатичный городок, окруженный рощами деревьев. Недаром он назван Мори¹. Ты там до каких лет жила?

— Пока не окончила колледж. А трудовую повинность выполняла на военном заводе в Сандзё.

— Значит, ты родилась поблизости от Сандзё? Вот почему ты так хороша. Недаром говорят: красавицы из Сандзё, что в провинции Этиго.

— Вовсе я не красива. — Кёко прижала руку к груди.

— У тебя красивые руки, красивые ноги. Значит, и все остальное не хуже!

— Нет-нет! — Кёко почувствовала, что рука мешает ей, и отняла ее от груди.

— Если бы у тебя был ребенок, я все равно взял бы тебя в жены, — шептал он ей на ухо, — усыновил бы его и

¹ Роща.

любил, как собственное дитя. Лучше, конечно, если бы это была девочка.

Наверно, потому, что у него уже есть сын, подумала Кёко, но даже если его слова были проявлением любви, ей они показались неуместными. Скорее всего, ради нее он и свадебное путешествие устроил на целых десять дней, стараясь оттянуть ее встречу с сыном.

У мужа имелся добротный дорожный несессер, изготовленный из кожи. Несессер Кёко не шел с ним ни в какое сравнение. Тот был большой, прочный, хотя и не очень новый. Муж часто бывал в поездках, но, по-видимому, тщательно ухаживал за своим несессером, поэтому он обладал особым лоском, присущим лишь старым добротным вещам. Кёко вспомнила свой прежний несессер — заплесневелый, хотя она им ни разу не воспользовалась. Только зеркальце из него она давала мужу и вместе с мужем отправила его в мир иной. То зеркальце, которое она положила в гроб поверх ручного зеркала... Они сплывались друг с другом в огне; никто и не догадался бы, что там их было два. Никому и в голову не пришло, что причудливо спекшийся кусок стекла прежде был зеркалом. Сама Кёко об этом никому не сказала.

У нее было ощущение, словно безжалостно сожжено множество миров, отражавшихся в двух зеркалах. Она не делала различия между этой потерей и тем, что тело ее мужа превратилось в горстку пепла. Вначале Кёко, когда она захотела показать мужу свой огород, дала ему ручное зеркало, и он больше не расставался с ним, но вскоре и ручное зеркало стало трудно удерживать в руках подолгу, и Кёко приходилось всякий раз массировать ему кисти и плечи. Тогда она решила дать ему еще одно зеркальце — маленькое и легкое.

И пока в нем теплилась жизнь, муж с помощью двух зеркал мог видеть не только отражение ее огорода. Он видел в зеркале еще небо и облака, снег, дальние горы и ближний лес. Видел луну, полевые цветы и перелетных птиц. Там, в зеркале, люди переходили дорогу, играли дети в саду.

Кёко сама удивилась обширному и разнообразному миру, открывшемуся в маленьком зеркале. Зеркало — всего лишь предмет туалета, служащий для ухода за внешностью, тем более ручное зеркало, нужное лишь затем, чтобы в другом зеркале увидеть собственный затылок... А больному в нем сызнава открылись природа и человек! Присев у изголовья, Кёко тоже заглядывала в

зеркало и размышляла вместе с мужем о том, что они видят. Со временем она перестала различать настоящий мир от отраженного в зеркале. Они для нее сделались двумя самостоятельными существующими мирами, причем тот, новый, видимый в зеркале, даже начинал ей казаться более истинным.

— В зеркале небо светится серебристым цветом, — говорила она, потом выглядывала из окна и добавляла: — А из окна оно серое.

Небо в зеркале не вызывало гнетущего впечатления. Там оно и в самом деле светилось.

— Может быть, это потому, что вы так тщательно полируете зеркало?

Муж слегка поворачивал голову, чтобы поглядеть через окно на небо.

— Верно, оно сейчас тускло-серое. Кстати, человеческие глаза и, к примеру, глаза собаки или воробья — разве они видят небо одинаково? И кто скажет, какой цвет неба настоящий?

— А цвет неба в зеркале — тот, каким его видят глаза зеркала?.. — Кёко хотела сказать: «каким его видят глаза двух нежно любящих». Отраженная в зеркале зелень деревьев была свежее, чем настоящая, а белизна лилий — ярче.

— Это отпечаток твоего большого пальца. От правой руки. — Муж показал на край зеркала. У нее почему-то екнуло сердце. Она подышала на зеркало и поспешно стерла след своего пальца. — Оставь. А знаешь, когда ты впервые показала мне огород, на зеркале тоже остался отпечаток твоего пальца.

— Я и не заметила.

— Ты не обратила внимания, а я теперь в точности знаю, какие следы оставляют твой большой и указательный пальцы.

Должно быть, только человек, прикованный к постели долгой болезнью, способен запомнить отпечатки пальцев собственной жены.

С тех пор как они поженились, он почти все время болел. Он даже не был на войне.

Собственный их дом сгорел, и они сняли комнату у знакомых Кёко. Муж тогда еще ходил на службу. Месяц с небольшим в собственном доме да два месяца в доме знакомых — вот все время, что муж не хворал при ней.

Когда война уже близилась к концу, его мобилизовали. Всего несколько дней он занимался земляными работами

на одном из аэродромов, сразу же свалился и вернулся домой. В тот самый день окончилась война. Ходить он уже не мог, и Кёко увезла его в деревню, куда эвакуировались ее родители. Большую часть своего имущества, как и вещей мужа, она отправила туда загодя.

Он снял маленький домик в горах и начал лечиться. Кроме них в доме жила семья эвакуированных, но, поскольку война окончилась, они вскоре вернулись в Токио. Кёко в наследство остался небольшой огород — три на три кэна вскопанной в саду земли.

Здесь, в деревне, они могли покупать овощи у крестьян, но не то было время, чтобы отказаться от доставшегося им огорода, и Кёко теперь каждый день копалась в земле, с интересом наблюдая, как зреют выращиваемые ею овощи. Она увлеклась огородом не потому, что ей хотелось иногда побывать вдали от кровати мужа. Просто шитье и вязанье наводили тоску. К тому же работа на огороде вселяла в нее светлые надежды на выздоровление мужа. Она была своего рода непроизвольным проявлением ее любви к нему. А с мужем она и так проводила достаточно времени, читая ему вслух книги. И еще: оттого ли, что Кёко устала ухаживать за больным, у нее появилось ощущение, будто все безвозвратно уходит, и она надеялась этой работой вернуть себе душевное спокойствие.

Они переехали в горы в середине сентября. Когда эти места покинули спасавшиеся здесь от жары столичные жители, зарядили обычные для ранней осени холодные дожди. Но однажды перед наступлением сумерек послышались веселые птичьи голоса и небо очистилось. Кёко вышла в огород, освещаемый яркими лучами солнца, и загляделась на сочную зелень овощей. Потом подняла глаза и залюбовалась розовыми облаками, плывшими над далекими вершинами гор. Она не сразу услышала доносившиеся со второго этажа крики мужа. Даже не отряхнув землю с рук, она помчалась наверх.

— Я ору во всю глотку. Неужели не слышно?

— Простите, я задумалась.

— Брось ты свой огород! Можно помереть, пока тебя дозовешься. И потом: я не знаю, где ты и чем занимаешься.

— На огороде я. Но раз вы требуете, я больше не пойду.

Муж успокоился.

— Слышала, как пела синица? — Он звал ее лишь для того, чтобы спросить об этом. Пока они разговаривали, из ближней рощи вновь донеслось пение. Роща отчетливо

рисовалась на фоне вечернего неба. Кёко запомнила, как поет синица.

— Давайте купим колокольчик — так вам будет легче меня дозваться. А я пока положу какую-нибудь вещь у вашего изголовья. Если я понадобится, бросьте ее в окно.

— Чашки, что ли, прикажешь бросать со второго этажа? Новое дело!

Муж все же не запретил Кёко возиться на огороде. Она догадалась воспользоваться зеркалом, чтобы показать мужу свой огород, лишь после того, как минула бесконечная, суровая в горах зима и наступила весна.

О, как она радовалась, когда простое зеркало возродило для больного мужа мир молодой свежей зелени! Он даже видел теперь, как Кёко снимает с листьев насекомых-вредителей. Но самих насекомых не различал, и Кёко несла их на второй этаж, чтобы показать мужу. Он наблюдал также за тем, как жена вскапывает землю.

— Я видел в зеркале дождевых червей, — говорил он потом Кёко. Нередко к концу дня, когда солнечные лучи падали косо, она вдруг ощущала на лице яркий свет. Кёко поднимала глаза и замечала: муж там, наверху, наводит на нее зайчики. Он приказал ей сшить из дешевой ткани, хранившейся у него еще со студенческих времен, шаровары. Ему доставляло удовольствие глядеть, как жена в этих шароварах, синих в белый горошек, копалась на огороде.

Кёко знала, что муж видит ее в зеркале, но, увлекшись работой, иногда забывала об этом. Как же я перевернулась с тех пор, когда в первые дни замужества смущалась даже из-за обнажившейся по локоть руки, вспоминала Кёко, и теплая волна подступала к сердцу.

В те времена, когда Япония начала терпеть поражение в войне, Кёко вообще не красилась. Потом стеснялась пользоваться белилами и помадой из-за больного мужа и по-настоящему стала употреблять косметику лишь после второго замужества. Она замечала, как преображают ее белила и помада. Буквально на глазах она превращалась в красавицу. И она начинала верить в искренность нового мужа, так восхищавшегося ее красотой в первый день, когда они остались наедине.

Кёко уже не стеснялась, когда разглядывала себя в зеркале после ванны. Она видела свою красоту. Но покойный муж научил ее иному, чем у других людей, восприятию красоты, отраженной в зеркале, и это ощущение она сохранила. И не то чтобы она сомневалась в красоте, види-

мой в зеркале. Просто она уверовала в то, что в зеркале существует другой мир.

Но все же, когда она глядела на себя, а потом разглядывала свое отражение, она не ощущала той разницы, какая была между серым небом за окном и серебристым небом в зеркале. Может быть, это объяснялось не только разницей в расстояниях. Не исключено, что здесь играло роль тоскливое томление прикованного к постели мужа. Сколь прекрасной казалась ему работавшая на огороде жена, когда он разглядывал ее в ручном зеркале! Теперь уже Кёко не суждено об этом знать. А когда он был еще жив, она этого не понимала.

И она сама, какой ее видел в зеркале больной муж, и отраженные в зеркале синева цветов володушки, и белизна лилий, и деревенские дети, играющие на краю поля, и утреннее солнце, поднимающееся над далекими снежными вершинами... Кёко даже не столько пыталась оживить все это в памяти, сколько тосковала, томилась по тому, иному миру, принадлежавшему некогда ей и ее покойному мужу. Она старалась подавить это чувство, готовое в любое мгновение прорваться страстным желанием, так как не хотела тревожить нынешнего мужа; она заставляла себя думать о нем как о чем-то далеком и предназначенном для иного, нездешнего мира.

Однажды майским утром Кёко услышала по радио пение лесных птиц. Передачу вели с гор, недалеко от местности, где скончался ее первый муж. Проводив нового супруга на службу, она достала из туалетного столика ручное зеркало и стала разглядывать в нем ясное в тот момент небо. Потом поглядела в зеркало на свое лицо. И неожиданно сделала странное открытие: оказывается, свое лицо можно увидеть только в зеркале, а без него никак не обойтись. Теперь она каждый день разглядывала и трогала свое лицо, точно и вправду веря, что лицо в зеркале, собственно, и есть ее лицо, видимое без посредства зеркала. Но для чего бог создал человека так, чтобы он сам не мог видеть своего лица?

«А если бы человеку это удалось, он оказался бы в полной растерянности или вовсе свихнулся?» — спрашивала она себя.

Нет, скорее всего человеку с самого начала природой было не дано видеть свое лицо. А вот стрекозы и богомолы, должно быть, видят.

Лицо человеку необходимо, чтобы его видели другие. Что-то вроде побуждения к любви...

Она отложила ручное зеркало и вдруг заметила, что тутовая отделка туалетного столика не сочетается с камакурской резьбой ручного зеркала. То прежнее зеркало стояло вместе с мужем, и туалетный столик будто овдовел. Когда она дала мужу ручное зеркало и потом еще маленькое зеркальце, это принесло ему не только добро, но и зло. Ведь он каждый день видел в них также и свое лицо, разглядывая себя в зеркале, подмечал все новые признаки развития болезни и надвигающейся смерти. Если существует способ психологического убийства с помощью зеркала, то не получается ли, что Кёко совершила его? Она уже давно догадалась о зле, какое таит в себе зеркало, и даже пыталась отобрать его у мужа, но тот отказался наотрез.

— Ты хочешь лишить меня радости видеть, — сказал он тогда, — а я, пока жив, хочу наслаждаться видимым!

Он пожертвовал жизнью, чтобы дать жизнь миру, существующему в зеркале. Он любовался в зеркале луной, отраженной от ее отражения в луже воды, разлившейся во дворе после дождя. И память об отраженной луне — но просто ли отраженной? — до сих пор хранится в ее сердце.

— Здоровая любовь бывает лишь у здоровых людей, — утверждает ее новый муж, и Кёко всякий раз смущенно кивает головой, но где-то в глубине души не соглашается с его словами. Вначале она упрекала себя: к чему было так избегать близости с больным мужем? Ведь это все равно не спасло его от смерти! Но незаметно эти мысли превратились в воспоминания о печальной любви, а потом она уже думала, что и тогда, когда они сделались воспоминаниями, сердце ее по-прежнему переполняла любовь, и она перестала упрекать себя.

А новый муж?.. Не слишком ли просто понимает он женскую любовь?!

— Почему вы, такой добрый человек, расстались со своей прежней женой? — однажды спросила его Кёко. Тот промолчал. Кёко вышла за него, поддавшись настойчивым уговорам старшего брата покойного мужа. Прежде чем пожениться, они встречались четыре месяца. Новый муж был старше ее на пятнадцать лет.

Когда Кёко почувствовала, что ждет ребенка, она страшно перепугалась. «Я боюсь, я боюсь», — повторяла она, прижимаясь к мужу. Из-за мучительных приступов тошноты у нее, казалось, помутился разум. Она босиком выбегала во двор и жевала сосновые иглы. Отправляя в школу неродного сына, она совала ему с собой по две коро-

бочки с завтраком и почему-то обе — с рисом... А то вдруг уставится на ящик туалетного столика, и ей начинает казаться, будто он стал прозрачным и она видит лежащее внутри ручное зеркало с оправой камакурской резьбы. Среди ночи она просыпалась, садилась на матрац и подолгу разглядывала лицо спящего мужа. Со страхом думая о бренности человеческой жизни, развязывала пояс спального кимоно: может быть, хотела задушить мужа. И вдруг раздражалась слезами. Муж просыпался, ласково успокаивал ее и снова завязывал пояс. А Кёко сотрясалась в холодном ознобе, хотя была середина лета и даже ночью было жарко и душно.

— Кёко, не забывай, что у тебя будет ребенок, — уговаривал ее муж, тряся за плечи.

Врач советовал поместить ее в больницу. Кёко отказывалась, но в конце концов ее уговорили.

— Хорошо, я лягу в больницу, но перед этим отпустите меня на несколько дней к родителям, — попросила она.

Муж отвез ее в родительский дом.

А на следующий день она поехала в горы, где последнее время жила с прежним мужем. Был конец сентября — тогда они приехали туда дней на десять позже. В поезде ее снова стали мучить жестокие приступы рвоты и головокружение. Она даже боялась, что придется сойти с поезда раньше. Все же она добралась до места, и, когда вышла на станции и полной грудью вдохнула свежий воздух, ей сразу полегчало. Она пришла в себя — будто мгновенно рассеялось владевшее ею наваждение. Кёко остановилась и со странным чувством поглядела на окрестные горы. Темно-синие горные цепи четко выделялись на фоне неба. Кёко ощутила вокруг себя живой мир. Утирая полные теплой влаги глаза, она направилась к их бывшему дому. И сегодня, как и в тот день, слышалось пение синиц из рощи, темневшей на розовом закате.

В доме кто-то жил — на окне второго этажа висели белые кружевные занавески. Не решаясь подойти ближе, Кёко глядела на дом и неожиданно, сама удивляясь своим словам, прошептала:

— Что будем делать, если ребенок окажется похожим на вас?

И, умиротворенная, пошла обратно к станции.

ПТИЦЫ И ЗВЕРИ*

Птичье щебетание пробудило его от грез. Огромная клетка для птиц уже была погружена на старенький грузовик. Она была в несколько раз больше, чем клетка из бамбука для перевозки опасных преступников, какие теперь можно увидеть на театральной сцене.

По-видимому, такси, на котором он ехал, незаметно вклинилось в вереницу автомашин похоронной процессии. На лобовом стекле автомашины, следовавшей за ним, был наклеен номер «23». Когда он поглядел на обочину дороги, они проезжали мимо дзэнского храма¹, перед которым стоял камень с высеченной на нем надписью: «Исторический памятник. Могила Сундай Дадзай»². На храмовых воротах висело объявление:

«В храме несчастье. Сегодня похороны».

Здесь была как раз середина подъема. Внизу — перекресток, где стоял регулировщик. Там сразу же скопилось не менее тридцати автомашин, и регулировщик никак не мог наладить движение.

Он поглядывал на клетку, предназначенную для выпуска птиц на волю, и все более нервничал.

— Который час? — спросил он у маленькой женщины, которая в почтительной позе сидела рядом, бережно держа на коленях корзину с цветами.

Маленькая служанка, само собой, часов не имела. Вместо нее ответил шофер:

— Без десяти семь. Правда, мои часы отстают на шесть-семь минут.

Июньский вечер был светел. Розы в корзине чересчур сильно пахли. Одурающий запах цветущих деревьев, доносившийся из храмового двора, раздражал.

— Я опаздываю, нельзя ли побыстрее?

¹ Храм буддистской секты «дзэн».

² Сундай Дадзай (1680—1747) — последователь Конфуция, известный японский богослов и знаток китайского языка.

— Сейчас пропускают правый ряд. Не знаю, удастся ли проскочить. А на какое представление вы изволите ехать в зал Хибия? — Шофер, наверно, рассчитывал подхватить пассажиров, возвращающихся домой.

— а танцевальный вечер.

— от оно что! А сколько же времени вам потребуется, чтобы выпустить на волю такое множество птиц?

— роде бы плохая примета — повстречаться в пути с похоронами, — сказал он, пропустив мимо ушей вопрос шофера.

Послышалось беспорядочное хлопанье крыльев. Это подняли суматоху птицы в резко стронувшемся с места грузовике.

— Напротив, все считают это хорошей приметой, самой счастливой.

Как бы в подтверждение его слов машина удачно вильнула вправо и стала быстро обгонять похоронную процессию.

— Странно, казалось бы, наоборот! — Он засмеялся, но нашел естественным, что люди стали считать это хорошей приметой.

Стоит ли вообще тревожиться по такому поводу, ведь он едет всего лишь поглядеть на танцы в исполнении Тикако. Уж если говорить о плохой примете, то ею была не столько встреча с похоронной процессией, сколько бездыханные птицы, брошенные им дома.

— Вернемся домой, не забудь выкинуть корольков — они до сих пор в стенном шкафу на втором этаже, — небрежно сказал он служанке.

Минула уже неделя с тех пор, как испустила дух пара корольков. Он посчитал чересчур обременительным вытаскивать их из клетки и сунул их вместе с клеткой в стенной шкаф. Он и служанка настолько привыкли видеть эту клетку с дохлыми птицами, когда из того же шкафа брали дзабутоны для гостей, что просто забывали их выбросить.

Желтоголовый королек — одна из самых маленьких комнатных птиц, как и черная синица, буроголовая гаичка, крапивник, синий соловей и ласточка. Сверху он оливковый, снизу желтовато-серый. Головка тоже серая. На крыльях два белых пояска, концы перьев на подкрыльях желтые. На самой макушке — толстый черный кружок,

¹ Плоские подушки для сидения на полу.

обведенный желтой линией. Когда королек нахохлится, круглая желтая линия на голове становится особенно заметной, напоминая лепесток желтой хризантемы. У самца желтый цвет более яркий, с оранжевым оттенком. Королек забавно глядит своими глазами-бусинками, бойко летает по клетке. Он очень славный и в то же время не лишен строгой элегантности и благородства.

Торговец птицами принес пару королек вечером, и он сразу поставил клетку в полутемную домашнюю божницу. Постоял рядом, глядя, как умилительно они спят. Тесно прижавшись, королеку уткнулись головками в перья друг друга и так уснули, похожие на один клубок шерсти. Они казались единым целым, которое невозможно разделить.

У сорокалетнего холостяка шевельнулось в душе подетски чистое чувство, и он еще долго с замиранием сердца глядел на клетку, стоявшую в божнице.

Найдется ли среди людей в какой-нибудь стране юная влюбленная пара, которая спала бы так умилительно, так красиво? — подумал он. Ему захотелось, чтобы кто-то еще увидел спящих королек, но служанку он не позвал.

Со следующего дня даже во время еды он ставил клетку на стол и любовался королями. Своих любимых птиц и зверюшек он держал поблизости и тогда, когда его посещали гости. Едва прислушиваясь к их разговору, он поглаживал птенца малиновки, стараясь приучить его брать корм с руки, либо терпеливо выискивал блох в шерсти комнатной собачки.

— Эта комнатная собачка — фаталистка, — говорил он гостям, — и именно это мне в ней нравится. Посади ее вот так к себе на колени либо в углу комнаты — она просидит не шевелясь полдня.

До тех пор, пока гость не начинал прощаться, он частенько даже не достаивал его взглядом.

Летом он ставил на стол в гостиной стеклянный аквариум и, выпуская в него оризии и мальков карпа, говорил очередному гостю:

— Может быть, сказываются годы, но мне становится все более неприятно общаться с мужчинами. Я не люблю мужчин. Быстро устаю от них. Поэтому и когда ем, и когда путешествую, предпочитаю общество женщин.

— Наверно, вам нужно жениться.

— Наверяд ли это что-нибудь даст, поскольку я предпочитаю холодных женщин. Подумаешь: она не способна

проявить преданность, ну и сам тогда имеешь право быть равнодушным. В конце концов так спокойней. Я и служанок предпочитаю по возможности выбирать равнодушных.

— Видимо, поэтому вы и увлеклись животными?

— Нет, животные далеко не равнодушны. Просто мне становится тоскливо, если рядом нет чего-то живого, движущегося.

Рассуждая так, он разглядывал в аквариуме разноцветных маленьких карпиков, следил, как посверкивает их чешуя, и, позабыв о сидящем рядом госте, думал о том, что и в этом ограниченном водном мире существует множество удивительных цветовых оттенков.

Стоило торговцу раздобыть новую птицу, как он сразу же приносил ее к нему, хотя у него в кабинете их и так было свыше тридцати.

— Опять приходил торговец? — сердилась служанка.

— А что в этом дурного? Ты подумай: за такую дешевую цену я на несколько дней обрету хорошее настроение.

— Но вы слишком серьезно относитесь к птицам — только на них и глядите!

— Ты меня не запугивай! Считаешь небось, если так будет продолжаться, то я вообще тронусь умом и в доме все пойдет вверх тормашками?

С появлением каждой новой птицы его жизнь на несколько дней как бы обретала смысл.

На него нисходила благодать этого мира.

Общение с людьми не приносило ему такой радости, хотя в этом, наверное, была и его собственная вина. Не в красоте раковин и цветов, а в наблюдении за жизнью и повадками птиц раскрывалось ему чудо творения. Даже оказавшись в клетке, эти крошечные существа наслаждались радостью бытия.

Такой была и пара веселых, бойких королек. Но спустя месяц, когда он, открыв клетку, насыпал туда корм, один из королек вылетел на волю. Растерянная служанка никак не могла его поймать. Королек вылетел из дома и сел на камфарное дерево, росшее над погребом в саду. Листья дерева были в утренней росе. Птица, которая осталась в клетке, и та, что опустилась на камфарное дерево, громко и тревожно перекликались. Он поспешно вынес клетку и поставил ее на крышу погреба, а рядом положил шест для ловли птиц, обмазанный клеем. Птицы горестно

призывали друг друга, но около полудня королек вспорхнул с камфарного дерева и улетел. Торговец птицами сказал, что эту пару корольков ему доставили с гор Никко.

В клетке осталась самочка. Он упрасивал торговца достать ему самца: пары корольков так умиительно спят! И сам побывал в нескольких лавках, но самца раздобыть не удалось. Наконец торговец птицами принес ему новую пару корольков, присланных из деревни. Он сказал, что ему нужен только самец, на что торговец ответил:

— Это пара — и разъединять ее нельзя. Покупайте самца, а самочку я дарю вам.

— Смогут ли три птицы ужиться вместе?

— Не беспокойтесь. Вы только на несколько дней поставьте клетки рядом — вот они и привыкнут друг к другу.

Но он, словно ребенок, получивший новую игрушку, не стал ждать. Не успел торговец уйти, как он тут же посадил новую пару в клетку, где оставалась прежняя самочка. Поднялся страшный переполох, какого он не ожидал. Новая пара металась по клетке и ни разу не опустилась на жердочку. Одинокая самочка, нахохлившись от страха, сидела на дне клетки и робко наблюдала за бестолковым метанием новой пары корольков. Те все время перекликались, словно попавшие в беду супруги. Ему было видно, как у всех трех корольков бурно колотились сердечки. Он поставил клетку в стеной шкаф, двое новых, попискивая, прижались друг к другу, а старая самочка сидела отдельно и все не могла успокоиться.

Так дело не пойдет, решил он и поместил птиц в отдельные клетки, но ему сразу же стало жаль оставшуюся в одиночестве старую самочку. Тогда он попробовал запустить в ее клетку нового самца. Но тот все время перекликался со своей подругой и никак не хотел подружиться с одинокой самочкой. Спустя некоторое время они все же уснули, прижавшись друг к другу. К вечеру следующего дня он снова посадил всех троих в одну клетку. Корольки вели себя спокойней, чем накануне, и вскоре все вместе уснули — самочки с двух сторон уткнулись головками в перья самца.

Уснул и он, поставив клетку у изголовья.

Но на следующее утро он обнаружил, что два королька спали, соединившись в клубок, а третья птичка, вытянув лапки, лежала с полураспущенными крыльями и открытыми глазами на дне клетки. Она была мертва. Не желая, чтобы дохлую птицу увидели спящие корольки, он поти-

хоньку вытащил ее из клетки и, ничего не сказав служанке, выбросил в мусорный ящик. Совершенно безжалостное убийство, подумал он.

— Какая же из них издохла? — бормотал он, разглядывая в клетке оставшихся корольков. Вопреки его предположениям, он с радостью убедился, что осталась в живых старая самочка. Ему она больше была по душе, чем новая, поскольку он успел к ней привыкнуть. Наверное, он обрадовался из чувства пристрастности. И сразу он, живший в одиночестве, без семьи, возненавидел себя за эту свою пристрастность:

— Коль скоро я пристрастен в любви, зачем было окружать себя животными?! Ведь есть такое превосходное существо, как человек!

Корольки считаются слабыми птицами и легко погибают. Но оставшаяся у него пара оказалась вполне здоровой и выносливой.

Близился сезон, когда он начинал кормить с руки птенцов разных диких птиц, которых доставляли ему с гор, — первым ему принесли незаконно пойманного птенца сорокопута, — и теперь уже у него не оставалось времени даже на то, чтобы выйти из дома на прогулку.

Он вынес на веранду таз с водой и стал купать корольков. В воду упал цветок глицинии.

Прислушиваясь к хлопанью крыльев по воде, он стал вычищать из клетки птичий помет. Как раз в этот момент послышался шум за забором. Похоже, дети горевали из-за какого-то животного. Не его ли жестокошерстный фокс-терьер выскочил со двора, подумал он и поглядел через забор. Но оказалось, что дети гомонили там вокруг птенца жаворонка. Птенец стоял на мусорной куче на еще слабеньких лапках и время от времени взмахивал крылышками. Возьму его к себе, сразу решил он.

— Что случилось? — спросил он у детишек.

— Человек оттуда, — мальчик указал на соседний дом, выкрашенный ядовито-зеленой краской, — выбросил птенца на мусорную кучу. Он здесь умрет.

— Да, — холодно подтвердил он и отошел от забора. Он знал, что в этом доме держат нескольких жаворонков. А птенца, наверное, выкинули, не надеясь, что он станет певчим. Стоит ли подбирать никчемную птицу, подумал он, и охвативший его порыв милосердия тут же угас.

У птенцов некоторых птиц не сразу отличишь, кто самец, а кто самочка. Торговцы птицами нередко привозят с гор целые гнезда и по мере того, как распознают самок,

избавляются от них: не певчих птиц никто покупать не станет. Да, любовь к животным сама собой приводит к тому, что люди требуют самых породистых, и это в свою очередь неизбежно порождает жестокость! Когда он видел у знакомых симпатичную зверюшку, ему хотелось немедленно заполучить ее — таков у него характер. Но по собственному опыту он знал, что подобное легкомыслие сродни жестокости, и, опасаясь, что лишь испортит себе настроение, никогда теперь не брал, как бы его ни уговаривали, выращенных другими птиц или собак — даже самых породистых.

На людей у него, жившего в одиночестве, была своя точка зрения: он не любил их. Не так просто оборвать узы, если они связали тебя с женой, родителями, детьми, братьями или даже с никудышным собеседником. И ты вынужден примириться и жить с ними рядом. И вдобавок у каждого имеется еще так называемое собственное «я»...

Уж лучше, считал он, заниматься животными, поставить целью создание идеальной формы — искусственной, порой невысказанной в природе. В этом есть некая печальная чистота, божественная свежесть первотворения. И он с холодной усмешкой наблюдал садизм любителей животных, прощал им безумные попытки добиться чистоты породы, ибо считал таких людей трагическим символом этого мира и человека в нем.

Ноябрьским вечером прошлого года к нему заглянул торговец собаками. Его лицо, по-видимому из-за хронической болезни почек, напоминало высохший мандарин.

— Только что случилось нечто ужасное, — смущенно заговорил он. — Я пошел в парк и спустил мою суку породы доберман с поводка. В парке было плохо видно из-за тумана. Не успел я и глазом моргнуть, как на нее уже залез бродячий пес. Я кинулся к ним, разъединил и так избил эту скотину, что она едва держалась на ногах. Наверяд ли бродячий пес сделал свое дело, но, знаете, по иронии судьбы, может, и успел.

— Сам виноват, что прошляпил. Ты ведь торговец — не следовало спускать с нее глаз.

— Ах, какой стыд! Рассказать кому — не поверят. Вот скотина, в одну минуту потерял из-за нее четыреста, а то и все пятьсот иен. — Желтые губы торговца жалобно скривились.

Чувственная собака, втянув голову, виновато глядела на страдающего болезнью почек торговца.

Торговец намеревался продать эту суку при его посред-

ничестве. Но он, опасаясь за свой престиж, настойчиво убеждал торговца воздержаться от продажи, поскольку может родиться нечистокровный щенок. Тем не менее торговец, выждав некоторое время, продал добермана — так как нуждался в деньгах. Спустя несколько дней покупатель привел собаку к нему домой, сообщив, что на следующий день после покупки она родила мертвых щенков.

— Слышу, собака жалобно скулит, — рассказывал он. — Служанка отворила ставни и выглянула наружу: собака, должно быть, только что оценилась и пожирала детенышей. Спросонья я никак не мог взять в толк, о чем говорила служанка... Мы даже не знали, сколько щенков было. Служанка видела, как та поедала последнего. Я сразу же вызвал ветеринара. Тот осмотрел добермана и сказал: торговцы обычно без предупреждения не продают покрытых собак; по всей видимости, роды были ненормальные; не исключено, что ее покрыл бродячий пес и ее жестоко потом избили, а может, у этой собаки привычка поедать своих щенков.

Выслушав ветеринара, мои домашние возмутились и потребовали, чтобы я возвратил собаку. Бедняжка, на нее жалко смотреть.

— Ну-ка поглядим, — он бесцеремонно подхватил собаку и потрогал сосцы. — Я думаю, она уже рожала до этого и кормила щенков. На этот раз она их съела лишь потому, что родила мертвыми. — Он говорил бесстрастно, хотя жалел собаку и негодовал про себя на бесчестный поступок торговца.

Случалось, и в его доме появлялись на свет беспородные щенки.

Если во время путешествия в одной комнате с ним оказывался мужчина, он, как правило, изнывал от бессонницы. Он не любил, когда в его доме ночевали мужчины. У себя он держал исключительно сук, хотя это и не было связано с его неприязненным отношением к мужчинам. Мужчины казались ему нудными и всегда чем-то недовольными. К своим собакам для продолжения породы он допускал лишь самых породистых самцов. Но сам их не держал. Породистые самцы стоили больших денег, да еще надо было их рекламировать, а мода на ту или иную породу собак часто менялась, и ему не хотелось втягиваться в конкуренцию и подвергать себя риску. Однажды торговец собаками показал ему японского терьера — знаменитого кобеля-производителя. Этот терьер по целым дням спал на матрасе на втором этаже. Стоило его взять на

руки и принести на первый этаж, как он по привычке уже считал, что привели суку. Не кобель, а старая опытная проститутка. Шерсть у терьера была короткая, и его мужское естество настолько бросалось в глаза, что даже он смущенно отвернулся. Но не это было главной причиной, почему он не держал самцов. Дело в том, что его страстью было принимать роды и растить щенков... Он держал суку из породы бостонтерьеров со странным характером. Она рыла ходы под старой бамбуковой изгородью, во время течки перегрызала ремень, на который ее привязывали, и убегала из дома, поэтому было заранее ясно, что принесет она беспородных щенков. Когда его разбудила служанка и сообщила, что бостонтерьер вот-вот ощенится, он, словно заправский ветеринар, тут же потребовал:

— Принеси ножницы и гигроскопическую вату. И сними с бочонка из-под сакэ соломенную покрывку.

Было начало зимы. На освещенном утренним солнцем дворе лежала собака и, тихонько виляя хвостом, умоляюще глядела на него. Роды уже начались, и он увидел, как на свет появляется похожий на баклажан пузырь. Внезапно на него нахлынуло чувство, похожее на угрызения совести.

Собака щенилась впервые и, по-видимому, не понимала, что с ней на самом деле происходит.

«Не ведаю, что это со мной творится, но кажется, что-то неприятное. Как же мне быть?» — смущенно говорили ее глаза, но в них не было чувства ответственности за то, что она делает, — лишь робкая готовность отдать свою судьбу в руки человеку.

И он вспомнил их отношения с Тикако лет десять тому назад: когда она продавала ему себя, на ее лице было в точности такое выражение, как у этой собаки.

— Правда ли, будто женщины нашей профессии постепенно перестают что-либо чувствовать? — спросила она.

— Бывает и так. Но если ты встречаешься с человеком, которого любишь, или у тебя два или три постоянных друга, тогда это нельзя считать профессией.

— Я вас очень люблю.

— И все же ничего не чувствуешь?

— Чувствую.

— Вот видишь!

— Наверно, пойму, когда выйду замуж.

— Поймешь.

— Как вам больше нравится?

— А тебе?

- А как ваша жена любит вас?
- Н-да...
- Скажите!
- У меня нет жены. — Он с любопытством стал разглядывать ее сразу посерьезневшее лицо...

«Напомнило мои встречи с Тикако, поэтому я и почувствовал угрызения совести», — подумал он, поднял собаку с земли и положил в ящик.

Вскоре на свет появился первый щенок. Он был в «сорочке», и мамаша, видимо, не знала, как с ним поступить. Он рассек ножницами «сорочку» и перерезал пуговину. Следом родились два мертвых щенка. Он поспешно завернул их в газету. Затем появились еще три — все в «сорочках». Последний — тоже в «сорочке». Было видно, что он живой, но движения его были вялые. Несколько мгновений он разглядывал последнего щенка, потом поспешно вместе с «сорочкой» завернул в газету.

— Выбрось, — приказал он служанке, подавая свертки. — На Западе не оставляют всех щенков, слабых убивают. Только так сохраняется порода. Чувствительные же японцы этого не могут... накорми мамашу сырыми яйцами, что ли.

Потом он вымыл руки и снова улегся в постель. Светлая радость оттого, что он был свидетелем появления на свет новой жизни, наполнила его душу, и ему захотелось выйти прогуляться. Он даже не вспомнил, что сейчас собственными руками убил одного щенка.

Однажды утром издох щенок. Он сунул его в бумажный мешок и выбросил во время прогулки. Спустя несколько дней он обнаружил еще одного щенка без признаков жизни. Оказывается, мамаша нагребла соломы, чтобы сделать помягче ложе, и затолкала щенка под солому. У того не хватило сил выбраться наружу, а мамаша не стала его вытаскивать. Мало того, она улеглась сверху на солому, и щенок задохнулся под ее тяжестью. У людей тоже встречаются мамыши, которые по глупости душат во сне младенцев собственной грудью.

Таким же манером задохнулся и третий щенок.

— Еще один испустил дух, — спокойно произнес он и, насвистывая какую-то мелодию, сунул его в бумажный мешок и отправился в ближайший парк. Глядя на радостно вилявшую хвостом мамашу, не ведавшую, что она задушила собственного детеныша, он вдруг снова вспомнил Тикако.

Когда Тикако исполнилось девятнадцать, один авантюрист сманил ее в город Харбин. В Харбине она три года

училась танцам у русского белоэмигранта. Авантюрист вскоре полностью разорился и вынужден был пристроить Тикако в оркестр, совершавший турне по Маньчжурии. В конце концов им удалось вернуться в Токио, где Тикако вскоре оставила авантюриста и вышла замуж за аккомпаниатора, который вместе с ними возвращался из Маньчжурии. Тикако сначала подвизалась в разных театральных ревю, потом организовала собственные танцевальные представления.

В ту пору он считался своим человеком в музыкальном мире — не столько потому, что слыл знатоком музыки, сколько благодаря ежемесячным пожертвованиям в пользу одного музыкального журнала. Он посещал и концерты — но лишь для того, чтобы поболтать со знакомыми. Видел он и танцы в исполнении Тикако. И увлекся их поистине необузданной чувственностью. Сравнивая нынешнюю Тикако с той, какой была она шесть-семь лет назад, он терялся в догадках: откуда в ней это? Он даже начал сожалеть, что тогда на ней не женился.

Однако уже во время четвертого представления стало заметно, насколько она устала. После представления он, долго не рассуждая, помчался в театральную уборную, где она, не сменив еще театральное кимоно, смывала с лица косметику, и потащил ее в темное помещение за сценой.

— Отпустите, вы делаете мне больно! — прошептала она, прикрывая руками набухшую грудь.

— Зачем ты совершила такую глупость? Разве тебе это было нужно?

— Но я с давних пор любила детей и всегда хотела иметь своего ребенка.

— Неужели собираешься его воспитывать? Да и сможешь ли ты посвятить себя искусству, занимаясь таким чисто женским делом? Куда ты денешься с ребенком на руках? Эх, раньше надо было думать.

— Но я ничего не могла с собой поделать.

— Не болтай глупости! Женщине, целиком отдавшей себя искусству, не следует думать всерьез о рождении детей. Как смотрит на это твой супруг?

— Он страшно рад и любит ребенка.

— Так-так.

— Я тоже счастлива, что смогла родить его после всего того, чем прежде занималась.

— Тогда тебе, наверно, лучше бросить танцы?

— Не брошу! — Ответ прозвучал столь резко, что он умолк на полуслове.

Тем не менее Тикако больше не рожала, да и первый ребенок куда-то исчез — по крайней мере никто его у нее не видел. Да и в супружеской жизни у Тикако не все шло гладко. Такие слухи доходили до него.

Тикако оказалась не столь бесчувственна к детям, как тот бостонтерьер к своим щенкам.

Что до щенков, так он, будь у него желание, мог бы их спасти. Достаточно было после гибели первого щенка помельче нарубить солому либо накрыть ее подстилкой. Тогда мамаша не смогла бы запихивать их под солому. Он и сам понимал это, но ничего не предпринял, и последнего щенка постигла участь троих его братьев. Он не желал их гибели, но и не считал нужным сохранить им жизнь: щенки были не чистой породы.

Прежде на улице к нему нередко приставали бродячие собаки. Он приводил их домой, кормил, стелил теплую подстилку. Ему доставляло удовольствие, что собака понимала его доброту. Но с тех пор как у него завелись дома собственные собаки, он и взглядом не удостоивал бродячих беспородных псов. Так же он относился и к людям: презирал всех семейных — и в то же время насмехался над собственным одиночеством.

Так же повел он себя и с птенцом жаворонка. В порыве милосердия он хотел было подобрать его и выходить, но порыв этот быстро угас, и он преспокойно оставил птенца на растерзание детям.

Пока он разглядывал жаворонка, его корольки, по всей вероятности, дольше, чем следовало, пробыли в воде.

Перепугавшись, он поспешно вынул клетку с птицами из таза с водой. Оба королька недвижно лежали на дне клетки, будто мокрые скомканные тряпки. Он взял их в руки. Они слегка задвигали лапками.

— Какое счастье, живы! — воскликнул он и, держа корольков в руках, — глаза их были закрыты, а тельца настолько переохладились, что им навряд ли можно было помочь, — стал их согревать над жаровней, приказав служанке подбросить угля. От перьев пошел пар, и корольки конвульсивно задвигали лапками. Он думал, что обжигающий жар придаст им силы бороться со смертью, но вскоре ему стало жечь руки. Тогда он постелил на дно клетки мокрое полотенце, положил на него птиц и поставил клетку прямо на жаровню. Полотенце сразу пожелтело. Птицы стали легонько хлопать крыльями, безуспешно пытаясь встать на лапки, потом притихли и снова закрыли глаза. Вскоре перья их обсохли, но когда он снял клетку с

жаровни, птицы повалились на бок, не подавая признаков жизни. Служанка отправилась за советом в соседний дом, где держали жаворонков. Там ей посоветовали: если птицы ослабели, надо напоить их чаем и обложить ватой. Он обернул корошков ватой и стал поить чаем, тыча клювами в чашку. Когда птицы напились, он поднес им размельченного корма. Вытянув головки, корошки начали клевать.

— Они ожили! — Радостное волнение охватило его. Он поглядел на часы: потребовалось четыре с половиной часа, чтобы вернуть птиц к жизни.

Однако все попытки корошков удержаться на жердочке окончились неудачей: они падали на дно клетки. Должно быть, не могли расправить лапки. Он взял корошка и потрогал пальцем коготки — они были скрючены и не двигались. Казалось, стоит слегка нажать, и они обломятся, как сухая ветка.

— Это потому, что вы их поднесли близко к огню, — сказала служанка. В самом деле, лапки у корошков стали сухие и шершавые. Это конец, подумал он и, закипая злостью, сказал:

— Я ведь их держал в руках, потом положил на мокрое полотенце. Как же могли у них обгореть лапки? Если до завтра они не поправятся, сходи к торговцу птицами — пусть посоветует, что делать.

Он заперся у себя в кабинете и сунул лапки корошков себе в рот, пытаясь согреть их собственным дыханием. У него даже слезы сострадания выступили на глазах, когда он коснулся языком скрюченных коготков. Крылья корошков намочили от пота, выступившего у него на ладонях. Понимая, что грубое прикосновение может сломать коготки, он осторожно разогнул один и подставил свой мизинец, чтобы королек за него ухватился. Потом опять сунул лапки в рот. Он снял жердочку и бросил на дно клетки корм, но птицы еще не могли держаться на лапках, и им трудно было клевать. На следующий день служанка, вернувшись от торговца птицами, сказала:

— Он тоже считает, что вы опалили им лапки, и посоветовал согреть их теплым чаем, но предупредил, что птицы обычно сами вылечивают лапки, торкая их клювом.

И в самом деле, он обратил внимание, что корошки теряют и поклевывают свои лапки.

«Лапки, что с вами случилось? Держитесь, не падайте

духом», — словно говорили они и торкали их клювами, что твой дятел. Корольки пытались встать на непослушные лапки, и было столько умильного и светлого в этих маленьких живых существах, словно удивлявшихся, отчего это вдруг часть их тельца им не подчиняется, что ему невольно захотелось их подбодрить.

Он пробовал согреть их лапки теплым чаем, но, судя по всему, человеческое тепло, когда он держал их во рту, было более эффективным.

Эта пара корольков еще не привыкла к людям, и, когда он брал птиц в руки, их сердечки тревожно колотились, но через день-другой они настолько к нему привыкли, что не только не пугались, а восторженно щебетали, когда он кормил их с руки. И это вызывало к ним еще большую жалость.

Тем не менее его уход за корольками не приносил им заметного облегчения, и коготки на лапках оставались скрюченными. Тогда он перестал с ними возиться, и на шестой день утром оба королька одновременно испустили дух.

Смерть маленьких комнатных птиц поистине печальна и скоротечна. Утром заглянешь в клетку — и вдруг видишь неподвижное тельце.

Первым в его доме погиб ткачик амандева. Ночью мышь объела у пары ткачиков хвостовые перья. На дне клетки остались капельки крови. Самец испустил дух уже на следующий день, а самочка, как ни странно, еще долго жила со своим ободраным, красным, как у обезьяны, задком, сменив нескольких самцов, которые почему-то один за другим погибали. Потом и она умерла от истощения.

— Похоже, у нас ткачики не выживают. Больше не буду их покупать, — сказал он.

Он и прежде недолюбливал таких комнатных птиц, как ткачик, которые обычно нравились девочкам. Не привлекали его и западные комнатные птицы, которых кормят черном. Ему больше были по душе японские, которым дают растертый, измельченный корм. В них была какая-то изысканная простота — так ему казалось. Среди певчих птиц он не жаловал тех, которые поют особенно залиристо: канареек, соловьев, жаворонков. Ткачика же амандеву и прочих подобных птиц он держал у себя лишь потому, что их приносил торговец. И когда одна из них издыхала, он тут же покупал следующую.

Это и понятно. Взять, к примеру, собак. Если человек

начал держать колли, ему хочется, чтобы дома всегда были именно колли. Разве не то же самое в отношениях между людьми: испытываешь влечение к женщине, похожей на мать; влюбляешься в девушку, напоминающую твою первую возлюбленную; находишь жену, похожую на покойную супругу.

Но жизнь в окружении животных позволяла ему свободнее и полнее наслаждаться высокой печалью, и потому он перестал держать у себя в доме ткачиков.

Затем погибла горная трясогузка. Ее желто-зеленые снизу перья, желтенькое брюшко и эфирная легкость вызвали в памяти образ пронизанной солнцем бамбуковой рощи. Горная трясогузка особенно быстро привыкла к нему. Когда она отказывалась есть из блюдечка, он кормил ее с рук, и она, слегка распутив крылья и радостно щебеча, с удовольствием клевала. Забавляясь, она даже пыталась клюнуть родинку на его лице. Трясогузка была настолько ручной, что он часто выпускал ее из клетки. Однажды она объелась соленого рисового печенья и издохла. Он хотел завести себе новую трясогузку, потом все же раздумал и посадил в опустевшую клетку впервые купленного им дрозда.

Он, безусловно, был повинен в гибели королек, но может, именно поэтому ему не хотелось сознаваться в своей неопытности. Вскоре торговец птицами доставил ему другую пару королек. На этот раз во время купанья он ни на секунду не отходил от таза, но, видимо, снова передержал их в воде, и, когда взял клетку из таза, королеку, закрыв глаза, тряслись, как в ознобе. Но все же они могли стоять, и поэтому их состояние показалось ему не столь безнадежным. К тому же из печального опыта он знал: надо быть внимательным, чтобы не опалить им лапки.

— Опять прозевал! Разведи-ка огонь в жаровне, — с виноватым видом, но спокойно приказал он служанке.

— Может, лучше позволить им умереть собственной смертью? — нерешительно предложила служанка.

— Вспомни прежних королек — ведь им без особого труда можно было помочь, — словно очнувшись, возразил он.

— Сколько ни помогай, долго они не протянут. Вот и в прошлый раз, когда у них скрючились лапки, я подумала: уж лучше побыстрее бы они испустили дух.

— Но ведь можно помочь!

— Проявите милосердие: дайте им умереть!

— Ты так считаешь? — задумчиво произнес он и вдруг

ощутил такую усталость и опустошенность, что, казалось, вот-вот потеряет сознание. Он молча поднялся на второй этаж к себе в кабинет, поставил клетку на освещенный солнцем подоконник и рассеянно наблюдал за агонией корольков.

Про себя он молился, чтобы теплые солнечные лучи вернули их к жизни, но внезапное равнодушие ко всему на свете, в том числе и к себе, охватило его: он уже не чувствовал достаточно сил, чтобы, как прежде, взяться за спасение этих птиц.

Когда корольки испустили дух, он вытащил их еще теплые тельца из клетки, некоторое время подержал на ладони, потом снова сунул в клетку и запер в стеной шкаф. Затем сразу же сошел вниз и как ни в чем не бывало сообщил служанке:

— Издохли.

Корольки — птички маленькие, слабые и легко могут погибнуть, но ведь ласточка, крапивник, черная синица тоже не силачи в птичьем мире, а ведь жили у него в полном здравии.

В доме, где погиб ткачик, трудно, должно быть, жить другим ткачикам. Точно так же и с королками. И в том, что он дважды явился виновником гибели корольков, ему виделся перст судьбы!

— Конец, больше не буду держать корольков, — с усмешкой сказал он служанке, улегся на циновку в чайной комнате и стал возиться со щенками, которые забавно дергали его за волосы. Потом из шестнадцати или семнадцати клеток с птицами, стоявших перед ним, выбрал клетку с ошейниковой совкой и прихватил ее с собой в кабинет.

Стоило этой ошейниковой совке завидеть его, как она злобно округляла глаза, начинала крутить головкой и сердито щелкать клювом. Совка не притрагивалась к корму, если он глядел в ее сторону. Когда он подносил кусочек мяса, она хватала его, но так и держала в клюве, не проглатывая. Однажды он всю ночь напролет пытался ее переупрямить. Пока он находился рядом, совка оставалась неподвижной и даже не глядела на корм. Тем не менее голод давал себя знать, и ближе к рассвету она стала бочком придвигаться по жердочке к корму. Но стоило ему поглядеть на нее, как птица, только что с на диво хитрым и коварным видом — хохолок прижат к голове, глазки сузились! — тянувшаяся к корму, мгновенно поднимала головку, злобно щелкала клювом и как ни в чем не бывало отодвигалась. Он отворачивался и сразу же слышал, как

совка снова придвигалась по жердочке к корму. И так продолжалось всю ночь, пока сорокопут звонким радостным свистом не возвестил наступление утра.

Он не испытывал ненависти к ошейниковой совке. Напротив, она доставляла ему приятное развлечение.

— Мне бы найти такую служанку, — сказал он однажды своему приятелю.

— Не слишком ли скромны ваши запросы? — ехидно возразил тот.

Он недовольно покривился и, отвернувшись от приятеля, стал звать сорокопута:

— Ти-ти, ти-ти.

— Ти-ти-ти-ти, ти-ти-ти-ти! — перекрывая все звуки, громко отозвался сорокопут.

Сорокопут — такая же дикая птица, как ошейниковая совка, но он безмятежно поклевывал корм на глазах у хозяина и ластился к нему, словно кокетливая девица. Достаточно было сорокопугу услышать его шаги, когда он возвращался домой с прогулки, или его покашливание, и птица сразу же начинала радостно щебетать. Когда сорокопуга выпускали из клетки, он садился ему на плечо или на колени и весело хлопал крыльями.

Он ставил клетку с сорокопутом у своего изголовья вместо будильника. Когда начинало светать, сорокопут ликующей песней встречал любое его движение — переворачивался ли он на другой бок, протягивал ли руку, чтобы поправить подушку. Даже когда он глотал слюну, сорокопут и на это откликался. А громкий свист, которым сорокопут будил его, был веселый и пронзительный, как молния в утреннем небе. Перекликнувшись несколько раз с хозяином и убедившись, что тот окончательно проснулся, сорокопут переходил на тихое щебетанье, подражая голосам разных птиц.

«Сегодня тоже будет счастливый, радостный день». Эту мысль первым внушал ему сорокопут, а уж вслед за ним начинали весело щебетать остальные птицы. Он кормил сорокопуга с руки. Проголодавшаяся птица набрасывалась на корм, больно пощипывая клювом его ладонь, но и это казалось ему проявлением любви!

Даже во время недолгого путешествия, если он останавливался на ночь в гостинице, ему снились его птицы и зверюшки, и он в тревоге просыпался среди ночи. Поэтому он предпочитал не выезжать из дома. Должно быть, с годами привычка не покидать дом настолько укоренилась, что, отправляясь в гости или за покупками, он уже в пути начи-

нал скучать и нередко с полдороги возвращался домой. Чтобы скрасить одиночество, он выходил из дома не один — если в тот момент у него не оказывалось спутника, он на худой конец брал с собой служанку.

Вот и сегодня, отправляясь поглядеть на танцы Тикако, он прихватил с собой служанку, нагрузив ее корзиной с цветами, чтобы отрезать себе путь к отступлению. Теперь ему уже неудобно было сказать: «Пожалуй, не стоит идти на представление, вернусь-ка я лучше домой».

Танцевальный вечер устраивала одна газета. Это был своего рода конкурс, в котором должны были принять участие четырнадцать не то пятнадцать танцовщиц. Последний раз он видел, как танцевала Тикако, два года назад. С тех пор она настолько деградировала, что ему не хотелось даже глядеть на сцену. То, что сохранилось в ее танцах от дикой, необузданной страсти, теперь смахивало на вульгарное кокетство. Ее танцевальные позы были невыразительны и лишены привлекательности.

Несмотря на заверения шофера относительно примет, он все же решил сам цветы не преподносить и отправил с ними служанку. Тикако передала, что очень хотела бы с ним повидаться. Но после увиденного на сцене он был совершенно не расположен к продолжительной беседе и решил заглянуть к ней во время антракта. Однако, оказавшись у входа в театральную уборную, он вдруг передумал и спрятался за дверь.

В щелочку он видел, как молодой мужчина накладывает ей на лицо грим.

Тикако сидела, закрыв глаза и слегка вытянув шею, словно отдавая себя целиком в руки гримера. Ее неподвижное белое лицо с еще не подведенными губами, бровями и веками напоминало лицо безжизненной куклы, лицо мертвеца.

Десять лет назад он намеревался вместе с Тикако покончить жизнь самоубийством. В те дни он без конца повторял, что хочет умереть, хотя никаких причин для ухода из жизни у него не было. Его мысль о смерти походила на пузырек пены, на мгновение всплывший на поверхность его жизни закоренелого холостяка, окружившего себя животными. И в Тикако, которая в ту пору лишь витала в туманных грезах ожидания, что кто-то придет и откроет ей радости этого мира, но еще не жила по-настоящему этой мыслью, он почувствовал подходящую напарницу для самоубийства. Тикако с безразличным выражением лица, словно не сознавая смысла происходящего,

наивно кивнула головой в знак согласия.

— Только крепко свяжите мне ноги, чтобы не хлопали полы кимоно, когда мы вместе будем падать со скалы, — это было ее единственной просьбой.

Связывая ей ноги тонким шнурком, он в который раз изумился их красоте и подумал: «Все, наверное, будут говорить: какую красавицу выбрал он в подруги для самоубийства!»

Она легла на край скалы, повернувшись к нему спиной, непроизвольно закрыла глаза, слегка вытянула шею и молитвенно сложила руки ладонями вместе. В этот миг мысль о сладости небытия пронзила его, словно молния...

«Нет, я не умру!» — вопреки этому мысленно воскликнул он.

Он, разумеется, с самого начала не намеревался ни убивать, ни умирать.

Не знал он и о том, всерьез ли Тикако собиралась покончить жизнь самоубийством или просто хотела подшутить над ним. Судя по выражению ее лица — ни то, ни другое.

Была середина лета, и день уже клонился к вечеру.

Он почему-то страшно перепугался и с тех пор даже во сне не помышлял о самоубийстве и, уж конечно, перестал говорить о нем. В тот миг в глубине души он подумал: что бы ни случилось, я должен быть всегда благодарен этой женщине.

Лицо Тикако, которую гримировал молодой мужчина, напомнило ему то давнишнее выражение ее лица, когда она молитвенно сложила руки ладонями вместе. Именно это пригрезилось ему и когда он ехал в машине на танцевальный вечер. Даже ночью, когда он вспоминал ту Тикако, ему начинало казаться, будто вокруг него яркий солнечный летний день.

— Но все же почему, несмотря на это, я теперь прячусь за дверь? — пробормотал он и пошел прочь по коридору. Какой-то человек по-приятельски кивнул ему. В первую минуту он никак не мог припомнить, кто бы это мог быть?

— Хорошо задумано, не правда ли? Когда собрали многих танцовщиц, на их фоне особенно заметно, как хороша Тикако! — воскликнул тот в сильном возбуждении.

«Ага, вот это кто!» — вспомнил наконец он. То был аккомпаниатор — муж Тикако.

— Как дела? — спросил он у аккомпаниатора.

— Да вот хочу зайти к Тикако поздравить ее. По правде

говоря, в конце прошлого года мы развелись. Но я по-прежнему восхищаюсь ее выдающимся талантом. Прелестно, не правда ли?

Надо бы и мне найти какую-то усладу в жизни, подумал он, внезапно ощутив, как что-то стеснило ему грудь. И тогда в его памяти всплыла одна фраза.

У него как раз лежала за пазухой книжка посмертно изданных дневников шестнадцатилетней девушки. Последнее время ему доставляло особое удовольствие читать юношеские или девичьи сочинения. Мать девушки, которая, по-видимому, обряжала ее и накладывала грим на лицо усопшей, приписала одну фразу в конце последней записи в дневнике, сделанной девушкой в день ее смерти. Вот она: «Лицо, которого впервые в жизни коснулись белила и румяна, подобно лицу невесты».

ГОЛОС БАМБУКА, ЦВЕТОК ПЕРСИКА

С какой же поры он стал ощущать в себе голос бамбука, цветы персика?

А теперь ему уже не только слышался голос бамбука — он видел этот голос, и он не только любовался персиковым цветом — в нем зазвучал цветок персика.

Бывает, прислушиваясь к голосу бамбука, слышишь и шепот сосны, хотя она бамбуку не родня. Бывает, глядишь на цветок персика — и видишь цветок сливы, хотя ему еще не время цвести. Такое с человеком случается не так уж редко, но к Хисао Миякава это ощущение пришло уже в преклонные годы.

Позапрошлой весной Миякава увидел на холме, что за домом, сокола, и ему кажется, что он видит его и сейчас.

Невысокая горная гряда обрывается позади дома Миякава холмом, напоминающим бугорок в конце восковой капли. Свинцового цвета скалы у основания холма сплошь покрыты тропическим папоротником. На склоне не видно высоких деревьев, но он настолько густо зарос, что напоминает зеленую ширму. И только на самой вершине одиноко стоит большая высохшая сосна.

Прошло много лет с тех пор, как сосна засохла и потеряла все свои иглы, не стало мелких веток, сохранились лишь толстые, крупные ветви, да и у них пообломались концы. Так и стоит она, словно вонзившись в небо.

Когда Миякава увидел сокола, сидевшего на вершине сосны, он едва не вскрикнул от удивления. Ему бы и в голову никогда не пришло, что сюда может прилететь сокол. Это казалось каким-то чудом. Но сокол сидел на сосне — сильный и смелый.

Огромная сосна словно стала меньше после того, как на ее вершину опустился сокол. Он сидел не шелохнувшись, горделиво выпятив грудь. Миякава любовался птицей и ощущал, как в него вливается соколиная сила.

Был весенний вечер. Высохшая сосна напоминала чер-

ную иглу, вонзившуюся в нежно-розовое, окутанное легким туманом небо. Там, на вершине, казалось, происходило нечто совершенно не связанное с окружающим.

«Нет, сокол вовсе не прилетел сюда по этому туманному вечернему небу. Он возник здесь, на этом месте, ради меня. И никуда не улетит...» — думал Миякава и, удивляясь собственным мыслям, глядел на птицу.

Ему представилось, будто в бушующем пламени распустился огромный цветок белого лотоса. Бледное весеннее небо ничем не напоминало бушующего пламени, а сокол не имел ничего общего с белым лотосом. И все же от сильной птицы, сидевшей на вершине засохшего дерева, веяло спокойствием, спокойствием белого лотоса в бушующем пламени. Белый лотос...

Постепенно удивление и священный трепет, от которых перехватило дух, сменились уверенностью, что прилет сокола — хороший знак, доброе предзнаменование. Миякава охватила беспредельная радость.

Прежде ему не приходилось ни видеть самому, ни слышать от кого-либо о том, чтобы в этот городок, расположенный на морском побережье близ Токио, залетали соколы. И вот сокол был перед ним. Как он попал сюда? Была ли это случайность — просто сбился с пути и опустился передохнуть на вершину сосны? Или, может быть, у него была определенная цель? Наконец, что побудило его сесть на вершину именно этой сосны?

Миякава не считал это игрой случая. Нет, так должно было произойти. Миякава казалось, будто сокол прилетел сюда, чтобы о чем-то поведать ему.

«Хорошо, что я не срубил эту гнилую сосну, — пронеслось у него в голове. — Не потому ли, что на вершине холма стоит большая высохшая сосна, именно сюда опустился сокол? Не будь этой сосны, никогда в жизни, может быть, не довелось бы мне, пусть на короткий миг, увидеть сокола у своего дома».

«Хорошо, что я не срубил сосну, — снова и снова повторял Миякава. — А ведь сколько раз собирался».

Было время, когда Миякава с болью наблюдал за увяданием дерева, возвышавшегося позади его дома, словно некий отличительный знак, словно охранявшее его очаг божество.

Сосна была видна с платформы, перед которой останавливалась электричка. У Миякава, да и у всех его домочадцев, вошло в привычку обращать взор к сосне, когда они садились в вагон или по возвращении в родной город

выходили на платформу. Они и глядели на сосну, и в то же время, казалось, перестали ее замечать.

Но было время, когда это дерево будоражило чувства, задевало нежные струны души. Стоило выйти из вагона на платформу и взглянуть на сосну, как в душе наступало успокоение и сердце сладко замирало от неизъяснимой грусти. Миякава не умел на глаз определять возраст деревьев. Ему было сорок девять лет, когда он поселился в этом доме, а несколько лет назад исполнилось семьдесят, но за эти долгие годы сосна, казалось бы, совсем не изменилась. Сколько же ей лет на самом деле? Уж во всяком случае, не меньше ста пятидесяти.

И дуб, и камфарный лавр, росшие у забора и скрывавшие двор от любопытных глаз, и индийская сирень, раскинувшая ветви посреди сада, были старыми деревьями, но и они не шли ни в какое сравнение с сосной на холме. Отчего же на холме, кроме сосны, не росло ни одного большого дерева? Может быть, ее однолетки давно сгнили и осталась только она?

Наверняка сосна была раза в два — если не больше — старше Миякава. И вначале, когда Миякава только поселился здесь, он считал, что сосна, конечно, переживет его. С юных лет Миякава, бродя по лесам, с благоговением останавливался перед мощными старыми деревьями, видя в них символ долголетия. Они, однако, не вызывали в нем ощущения краткости человеческой жизни, напротив, заставляли забыть об этом, и ему казалось, что сам он сливается с жизнью несокрушимых деревьев, пустивших глубоко в землю свои корни.

Он стал ощущать в себе сосну, росшую на холме. Склоны холма были крутые, и ни одна тропинка не вела к его вершине. Поэтому Миякава не мог подняться к дереву, так же как не мог попросить садовника, чтобы тот присмотрел за ним. Видимо, с самого начала сосна была дикой и за ней не ухаживали, как за деревьями в саду. И все-таки ветви ее не росли как попало, она не казалась запущенной, хотя и была старой. Даже тайфун не мог обломать ее ветви.

Да что там ветви, иглы и те оставались на месте. Миякава не раз наблюдал через высокое оконце в сенях, как сильный ветер и дождь раскачивали деревья. В непогоду все окна в доме закрывались ставнями и только через это оконце можно было видеть, что творилось на холме позади дома. Миякава с беспокойством наблюдал за сосной. Ливень нещадно колотил в стекло, растекаясь по нему

поперечными струями. Сорванные с деревьев широкие зеленые листья устлали задний двор. Только иглы сосны оставались как будто на своем месте. Возможно, они и падали, но из окна этого не было видно, и Миякава казалось, что с веток сосны не слетело ни единой иголки. Гнет ветер ветви деревьев на склоне холма, выворачивает листья, а сосна наверху едва заметно покачивает своей вершиной, и мнится Миякава, будто вокруг нее не бушует тайфун. Стоя у окошка, он протягивает к сосне руки, словно желая заключить ее в объятия...

Вдруг перед его глазами всплыла картина. Беззвучно опадают лепестки белых хризантем. Невеста в белом подвенечном платье с букетом цветов идет по коридору отеля. Должно быть, спешит на свадьбу или на помолвку. Подол платья стелется по полу. Один за другим падают на пол белые лепестки. Сопровождающая невесту женщина то и дело наклоняется к бледно-зеленому ковру, подбирая лепестки...

Все это когда-то видел Миякава, проходя по коридору отеля. Женщина старалась подбирать лепестки так же тихо, как они падали. Замечала ли невеста, что опадают лепестки с цветов, которые она держала в руках? Во всяком случае, она не подавала виду. Пока Миякава думал о бессердечности садовника, составившего для невесты букет из несвежих хризантем, у него возникла мысль о том, что все это могло бы послужить прекрасным сюжетом для трагедии: беззвучно падающие лепестки белой хризантемы — лепестки жизни, срываемые с невесты житейскими бурями...

Когда спускаешься с железнодорожной платформы и выходишь в город, сосна и холм скрываются за домами. Но стоит завернуть за угол, где стоит зеленая лавка, как сосна вновь появляется и уже не исчезает из поля зрения до самого дома Миякава.

Сосна хорошо видна и со стороны моря. Каё, дочь Миякава, рассказывала ему, что, когда они с возлюбленным впервые отправились на его яхте в море, она видела сосну, хотя они уплыли далеко-далеко и холм, на котором она стоит, был едва виден в дымке берега. Увидела сосну — и заплакала.

Миякава вспомнил об этом во время помолвки Каё. Ее женихом был другой юноша — не тот, с кем она плавала на яхте. В ту пору Миякава счел неуместным спросить у дочери, почему она заплакала, увидев сосну. А потом все было недосуг.

Миякава и в голову не приходило, что сосна может засохнуть при его жизни. Так же как он не мог предположить и того, что поселится в доме, позади которого на холме будет расти сосна. Но его не оставляла мысль о том, что дерево, стоявшее здесь уже добрую сотню лет, ожидало встречи с ним, с Миякава. Значит, сосна не должна была погибнуть, не дождавшись его. Ведь она росла ради него.

Сейчас он уже точно не помнит, какие иглы у нее стали рыжеть первыми: те ли, что у вершины, или посередине, а может быть, те, что внизу. Да и домочадцы тоже говорили по-разному.

Когда Миякава заметил на сосне рыжие иглы, он не подумал, что это признак ее скорой гибели. Своего садовника у него не было, и он обратился за помощью к другу. Пришедший садовник хладнокровно заявил, что сосна погибнет. Он добавил также, что дерево, видимо, подтачивают насекомые и, раз иглы начали рыжеть, спасти его уже невозможно. Миякава просил хоть что-нибудь предпринять, но садовник лишь беспомощно разводил руками.

Из дому и со двора, с улицы и с платформы — отовсюду тяжело было глядеть на это гибнущее дерево. Агония продолжалась долго. На сосне не осталось ни одной зеленой иголки, но, порыжев, они не опадали. Бывали дни, когда засохшая сосна казалась Миякава зловещей и безобразной. «Глаза бы мои на нее не глядели», — нередко думал Миякава, но вопреки таким мыслям невольно обращал к ней свой взор. Он думал, что нужно поскорее срубить сосну. И не только ради того, чтобы он перестал ощущать ее в себе, но и для того, чтобы похоронить ее.

Прошло еще несколько лет. Порыжевшие иглы осыпались, мелкие ветки сгнили, пообломались и многие большие ветви.

Миякава стал реже вспоминать о существовании засохшей сосны и о том, что хотел срубить ее. На погибшие ветви ложился снег. Он как бы обновлял дерево. Ветви под снегом были холодными, но временами казалось, будто от них исходит тепло.

И вот он увидел на вершине сосны сокола. Птица опустилась на сосну, потому что Миякава ее не срубил. А сосна не была срублена потому, что добраться до нее было нелегко, а может быть, из-за лени Миякава. Так или иначе, сосна по-прежнему стояла на вершине холма, и на ней сидел сокол.

Сокол сидел неподвижно. Миякава затаив дыхание глядел вверх, и ему казалось, что в него вливается соколиная сила, что эта птица передает свою силу и высохшему дереву.

Миякава хотел было позвать жену, чтобы и она любовалась на сокола. Звать надо было громко, иначе жена бы не услышала, и Миякава раздумал, решив, что его крик вспугнет птицу.

Сокол был недвижим, словно изваяние. Казалось, своими когтями он намертво впился в дерево.

Однако птица — существо живое, когда-нибудь она улетит. А засохшая сосна останется. Но это будет сосна, на которой сидел сокол. Миякава один только раз видел его, но теперь сокол надолго останется в нем.

Какую весть принес сокол для Миякава? Если его появление было хорошим знаком, добрым предзнаменованием, то в чем же счастье, в чем радость, которые должны снизойти на Миякава? Не в том ли, что он увидел сокола?

Это случилось позапрошлой весной. Огромная высохшая сосна, что стоит на вершине холма за домом, с тех пор почти не изменилась. Сокол больше не прилетал. Может быть, и прилетал, но Миякава его не видел.

Миякава стал теперь думать, что сокол внутри его.

Вряд ли поверят люди, расскажи он им, что в их городок — да что там в городок, прямо на холм, рядом с его домом, — прилетал сокол! Он решил никому об этом не рассказывать.

РАССКАЗЫ ВЕЛИЧИНОЙ С ЛАДОНЬ

ЦЕРЕУС

Вот уже третий год, как Комия каждое лето приглашает школьных подруг жены полюбоваться на ночное цветение цереуса.

Первой появилась в гостиной госпожа Мураяма.

— Какая красота! Как чудесно расцвел цереус. Пышнее, чем в прошлом году, — восхищенно воскликнула она. — В прошлом году, помнится, было семь цветков, а сколько же сейчас?

В просторной гостиной построенного в старом европейском стиле деревянного дома были сдвинуты в сторону столы, и в центре на круглой подставке стоял горшок с цереусом. Горшок не достигал колен госпожи Мураяма, но само растение было в рост человека.

— Белоснежные, удивительные цветы... Кажется, будто они попали сюда из сказочной страны. — Мураяма повторила те же слова, что и прошлым летом. Да и в позапрошлом году, когда она любовалась цветами впервые, Мураяма сказала то же самое — только с большим волнением в голосе...

Госпожа Мураяма приблизилась к цереусу и несколько минут любовалась его цветами. Потом повернулась к Комия и произнесла положенные слова благодарности за приглашение.

— Тосико, — сказала она, обращаясь к стоявшей рядом с Комия дочери, — спасибо и тебе за удовольствие, которое вы доставили мне нынешним вечером. Как ты выросла и похорошела!.. Цереус цветет роскошней, чем в прошлом году... и ты, Тосико, под стать ему...

Девочка поглядела на Мураяма, но ничего не ответила. В ее взгляде не было ни смущения, ни насмешки.

— Вы, наверно, с большим усердием ухаживали за ним, и вот ведь как он расцвел, — сказала Мураяма, обернувшись к Комия.

— Нынешней ночью цереус, кажется, будет цвести особенно пышно. — «Поэтому я вас пригласил столь

неожиданно», — хотел было добавить Комия, но промолчал.

Госпожа Мураяма пришла раньше других не только потому, что от морского побережья в Кугэнума, где она жила, до этого дома в Хаяма рукой подать. Комия позвонил ей первой и сказал: «Сегодня вечером будет цвести». Мураяма немедленно сообщила об этом токийским подружкам и передала приглашение. Из пятерых двое под разными предлогами отказались, еще одна ожидала возвращения мужа, поэтому твердо обещали прийти лишь госпожа Имадзато и госпожа Омори.

— Значит, нас будет всего трое? Меньше чем в прошлом году, — сокрушалась госпожа Омори. — В таком случае не пригласить ли нам госпожу Симаги?

— В самом деле! До сих пор мы ее почему-то обходили. Она, кажется, единственная незамужняя среди наших школьных подруг, — сказала Мураяма...

Тосико поднялась со стула и, минуя цереус, направилась к двери.

— Тосико, — остановила ее Мураяма. — Не желаете ли вместе с нами полюбоваться цветами?

— Я уже видела.

— Ах, вы уже любовались? Вдвоем с отцом? Не расскажете ли в таком случае, как они распускались?

Девочка вышла, не удостоив госпожу ответом.

«Когда они распускаются, кажется, будто их колеблет легкий ветерок, а цветы их подобны цветам лотоса» — так объяснял в позапрошлом году Комия, вспомнила Мураяма.

— Кажется, Тосико не желает встречаться с подружками ее матери. Наверно, девочке неприятно, когда вспоминают о Сатико... — обратилась она к Комия. — А мне бы хотелось, чтобы ваша Сатико была здесь и мы вместе любовались цветами. Правда, если бы Сатико от вас не ушла, вы, господин Комия, навряд ли стали бы выращивать цереус.

— ...

Однажды в летний вечер позапрошлого года госпожа Мураяма посетила Комия по его просьбе, чтобы переговорить о возвращении жены. Тогда-то она впервые и увидела, как цветет цереус, и попросила у Комия разрешения зайти еще раз полюбоваться его цветами вместе со школьными подружками Сатико...

Снаружи донесся звук останавливаемой машины. Прибыла госпожа Имадзато. Часы показывали чуть больше

половины десятого. Цветы цереуса — цветы одной ночи. Они распускаются вечером и к двум или трем часам ночи уже увядают. Двадцатью минутами позже приехали госпожа Омори и Сумико Симаги. Мураяма представила Сумико Комия:

— Она молода до неприличия, чересчур красива и не замужем.

— Не замужем, потому что здоровье не позволяет, — сказала Сумико, с восхищением глядя на цветы. Среди присутствующих лишь она одна видела цветущий цереус впервые. Она замерла перед растением, не спеша разглядывая цветы.

Каждый цветок был на толстой цветоножке, выраставшей из кончика длинного листа. Крупные белоснежные цветы слегка колебались на слабом ветерке, доносившемся из открытого настежь окна. Цветы были необыкновенные — не похожие ни на длиннопестиковые белые хризантемы, ни на белые георгины. Казалось, они колеблются на волнах грез. На верху трех стеблей, поддерживаемых бамбуковыми подпорками, среди шапки густозеленых листьев, их было особенно много. Цереус — разновидность кактуса, и новый лист вырастал у него из предыдущего. Из сердцевины каждого цветка тянулся длинный пестик.

Залюбовавшись цветами, Сумико даже не заметила, как Комия поднялся со стула и подошел к ней.

— Теперь и в Японии многие увлекаются разведением цереусов, — сказал Комия, — но тринадцать цветков в одну ночь — это действительно редкость. Наш цереус цветет по шесть-семь раз в году, а нынешней ночью — особенно пышно.

Комия указал на крупный, похожий на распускающуюся лилию бутон и сказал, что он расцветет следующей ночью, потом дотронулся до нескольких бугорков, похожих по форме на красную фасоль, и пояснил, что из этих появятся листья, а из тех — цветы.

— Пройдет месяц, и маленький бугорок превратится в пышный цветок, — сказал Комия.

Сумико втянула в себя воздух и ощутила сладковатый аромат цветов. Он казался более сладким, чем у лилии, но не таким резким и приторным.

Сумико села на стул, по-прежнему не отрывая глаз от цереуса.

— Ах, кажется, скрипка!.. Кто же у вас играет? — спросила она, прислушиваясь.

– Дочь, – ответил Комия.
– Чудесная мелодия... Что это?
– Затрудняюсь ответить!
– Прекрасный аккомпанемент цветущему цереусу, – прошептала госпожа Омори.

Сумико подняла глаза к потолку, потом тихо вышла в сад. Совсем рядом плескалось море.

Вернувшись в гостиную, она сказала:

– Ваша девочка там, на втором этаже, на балконе... Она почему-то играет, отвернувшись от моря. Но, может, так ей больше по душе...

СОЙКА

С самого рассвета верещала сойка.

Когда открыли ставни, она вспорхнула с нижней ветки ближайшей сосны, потом снова вернулась и не давала покоя во время завтрака.

– Какая надоедливая птица, – сказал младший брат и поднялся из-за стола, намереваясь ее прогнать.

– Не трогай ее, – остановила его бабушка. – Она ищет своего птенца. Наверно, он выпал из гнезда. Вчера она летала здесь весь день, пока не стемнело, но так его и не нашла. Вот и сегодня с самого утра она уже здесь. Такая мать заслуживает восхищения.

– Откуда вы все это знаете, бабушка? – спросила Ёсико.

У бабушки было плохо со зрением. Кроме воспаления почек, которое случилось с ней более десяти лет назад, она ничем серьезным не болела. Только вот катаракта ее мучила с самого детства, и она теперь видела одним лишь левым глазом, да и то с трудом. Даже чайную чашку и палочки для еды приходилось вкладывать ей прямо в руки. В доме, где бабушка прожила столько лет и где все ей было знакомо, она еще могла кое-как передвигаться на ощупь, но в сад ее одну не пускали.

Иногда она останавливалась у стеклянной двери, растопыривала пальцы и подолгу разглядывала их в лучах солнца, проникавших через стекло. Казалось, в этот взгляд она вкладывала всю свою жажду жизни. В эти

минуты Ёсико становилось страшно за бабушку, хотелось окликнуть ее, вывести из этого состояния, но Ёсико не решалась и молча пряталась где-нибудь в укромном уголке.

Ёсико удивилась, как могла бабушка, почти лишенная зрения, лишь по крику сойки судить о ней так, будто она ее видела.

В саду позади дома росли каштан и три хурмы. Глядя на них, Ёсико догадалась: идет дождь. Дождик был такой мелкий, что заметить его можно было лишь на фоне густой листвы.

Сойка перелетела на каштан, потом стала облетать сад так низко, что крылья ее почти касались земли. Всякий раз она снова возвращалась на каштан. И беспрерывно кричала.

Она не улетела, и, значит, птенец был где-то поблизости.

Переживая за сойку, Ёсико ушла в свою комнату. Ей предстояло заняться туалетом: после полудня ожидали с визитом ее будущую свекровь.

Ёсико присела перед зеркалом и стала разглядывать белые пятнышки на ногтях. Говорят, будто пятнышки — примета: жди хороших вестей. А в одной газете она, помнится, читала, что они появляются, когда в организме не хватает витамина С. Ёсико привела в порядок лицо, и оно ей понравилось — особенно брови и губы. Облачиться в кимоно удалось сравнительно быстро.

Вначале Ёсико рассчитывала, что ей поможет мать, когда вернется домой. Теперь же она была рада, что удалось обойтись без посторонней помощи.

Отец и мать — вернее, мачеха — жили отдельно. Отец развелся с родной матерью Ёсико, когда ей было четыре года, а младшему брату — два. Мать любила эффектно наряжаться и к тому же была большая транжирка, но Ёсико смутно догадывалась, что не только поэтому отец с ней развелся: причина была более глубокой.

Младший брат, когда был еще совсем маленьким, случайно обнаружил фотографию матери и показал ее отцу. Тот ничего не сказал, но с искаженным лицом схватил фотографию и разорвал на мелкие кусочки.

Ёсико исполнилось тринадцать, когда в доме появилась мачеха. Позже Ёсико часто думала, что отец все же почти десять лет оставался один. Новая мать оказалась покладистой, и жизнь в семье протекала спокойно и безоблачно.

Однако когда младший брат перешел в среднюю школу

второй ступени и поселился в общежитии, его отношение к мачехе стало меняться буквально на глазах.

— Сестра, я встретился с матерью. Она вышла замуж и живет теперь в Адзабу. Она такая красивая. И очень обрадовалась, увидев меня.

Ёсико от неожиданности не нашлась что ответить. Она даже побледнела от страха.

Из соседней комнаты вышла мачеха и села напротив.

— Успокойся, Ёсико, — сказала она. — Он встретился с родной матерью — ничего плохого в том нет. Я давно уже знала, что когда-нибудь это случится. И я нисколько не сержусь.

Ёсико заметила, что мачеха плохо выглядит. Она показала девушке такой похудевшей и маленькой.

Младший брат резко встал и вышел из комнаты. Ёсико готова была его растерзать.

— Оставь его, Ёсико. Чем больше будешь его ругать, тем хуже станет он себя вести, — тихо сказала мачеха.

У Ёсико на глаза навернулись слезы.

Отец забрал младшего брата из общежития домой. Ёсико полагала, что на этом все и кончится, но ошиблась. Отец с мачехой переехали в другой дом и стали жить отдельно.

Ёсико охватил страх. Она была буквально раздавлена силой то ли мужской ярости, то ли обиды. Ей показалось даже, что отец ненавидит и ее с братом, поскольку они напоминают ему о прежней ясене. Она подумала, что и младший брат, когда он так резко встал и вышел, унаследовал от отца эти жестокие черты мужского характера.

В то же время теперь ей стало понятнее, что испытал отец за все эти годы, пока не привел новую жену.

Ёсико удивило, когда отец заговорил с ней о замужестве.

— Извини, я доставил тебе немало неприятностей и забот. Поэтому я рассказал будущей свекрови о твоей нелегкой жизни и попросил позаботиться, чтобы их семья принесла тебе те радости, каких, к сожалению, ты до сих пор была лишена.

От этих слов Ёсико расплакалась.

Они означали также: когда Ёсико выйдет замуж, некому будет ухаживать за бабушкой и младшим братом, и отец с мачехой возьмут их к себе. Именно это в первую очередь тронуло сердце девушки. Зная о том, что отец не был счастлив в первом браке, Ёсико испытывала безотчетный страх перед замужеством, но, когда он сам заговорил

с ней об этом, страх куда-то исчез.

Закончив свой туалет, Ёсико зашла к бабушке.

— Бабушка, видишь красный цвет на кимоно? — спросила она.

— Вроде бы вижу, но не очень ясно. Ну-ка, подойди поближе. — Она притянула к себе девушку и стала разглядывать кимоно и оби. — Я уж позабыла, как ты выглядишь. Хотелось бы увидеть, какой ты стала, Ёсико.

От прикосновений бабушки было щекотно, но Ёсико стерпела и ласково погладила ее по голове.

Ёсико не сиделось на месте, и она вышла в сад, чтобы там встретить родителей и гостью. Она протянула руку ладонью вверх. Дождик моросил еле-еле, и, подоткнув полы кимоно, она стала разглядывать траву среди кустарников и мелкого бамбука. Под кустом хаги Ёсико увидела птенца.

С бьющимся сердцем она подошла поближе. Птенец сидел тихо, нахохлившись, и легко дался ей в руки. Видимо, он был очень слаб. Она огляделась. Сойки нигде не было видно.

Ёсико помчалась в дом.

— Бабушка, я нашла птенца, поймала его. Он такой слабенький! — возбужденно закричала она.

— Слабенький? — спросила бабушка. — А ты напои его.

Ёсико наполнила водой пиалу и ткнула туда птенца клювом. Маленький сойчонок сразу же стал судорожно глотать воду. Видимо, силы вернулись к нему, и он жалобно запищал:

— Ки, ки, кии! Ки, ки, кии!

Мать услышала его. Она прилетела, села на провода и заверещала. Птенец затрепыхался в руках Ёсико и снова запищал:

— Ки, ки, кии!

— Вот и хорошо, — сказала бабушка. — Теперь поскорее отдай его матери.

Ёсико вышла в сад. Сойка перелетела с провода на верхушку вишни и внимательно глядела в сторону девушки. Ёсико приподняла руку, показала сойке птенца на ладони и осторожно опустила его на землю.

Она вернулась в дом и из-за стеклянной двери стала наблюдать. Птенец глядел вверх и жалобно пищал. Мать стала осторожно к нему приближаться. Когда она опустилась на нижнюю ветку сосны совсем рядом с птенцом, он

судорожно замахал крыльями, двинулся вперед, но не удержался, свалился набок и запищал.

И все же сойка, соблюдая осторожность, не сразу опустилась на землю.

Потом, решившись, подлетела к птенцу. Тот радостно закивал головкой, захопал крыльями и стал ластиться к матери. Она, наверно, принесла ему в клюве еду.

И Ёсико захотелось, чтобы отец и мачеха поскорее пришли и увидели это.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Мне привиделось, будто с гор, стоявших в алом осеннем убранстве, падают огоньки.

Они падали в глубокую долину, на дне которой протекала река. Горы вплотную подступали к реке и были очень крутые; надо было запрокинуть голову, чтобы увидеть между их вершинами клочок неба. Небо еще сохраняло яркую голубизну, но уже начало понемногу менять свой цвет, предвещая наступление вечера. Тени на белых камнях, лежавших у реки, и стихающий пожар красок на склонах гор тоже свидетельствовали о близости вечера. Вода в реке была темно-синей. Я с удивлением подумал, почему в этой темной синеве не отражаются красные листья кленов, и в тот же миг увидел, как красные огоньки падают в темно-синюю воду.

Вначале мне показалось, будто не огненный дождь падает вниз, а только множество огоньков сверкает на поверхности воды. Но нет! Они действительно падали и гасли, погружаясь в темно-синюю воду. Просто, пока огоньки летели между гор, их трудно было заметить среди алой осенней листвы. Но если запрокинуть голову и поглядеть на клочок неба над вершинами, становятся видны проносящиеся по нему и с невероятной быстротой падающие вниз бесчисленные сонмы огоньков. Наверное, оттого, что огоньки все время находились в движении, начинало казаться, будто вершины гор, обступивших долину, — это берега, а узкий клочок неба между ними — река.

Такая картина привиделась мне, когда я задремал в

ночном экспрессе, направлявшемся в Киото.

Я ехал туда, чтобы в местном отеле поглядеть на одну из двух девочек — теперь уже девушек, — запавших мне в память, когда лет пятнадцать назад я лежал в больнице, где мне должны были извлечь камни из печени.

Одна в ту пору была еще малюткой. У нее от рождения отсутствовал желчный проток. В таком состоянии она могла протянуть не больше года, поэтому было решено сделать ей операцию и вживить искусственный проток, соединяющий печень и желчный пузырь. После операции я увидел в коридоре ее мать. Она держала девочку на руках. Я подошел к ней и, глядя на ребенка, сказал:

— Очень рад, что все благополучно закончилось. Какая милая у вас дочурка!

— Благодарю вас, но девочка в безнадежном состоянии, жить ей осталось, как сказали врачи, день или два, и я жду, когда за нами приедут из дома, — тихо ответила мать.

Девочка спокойно спала у матери на руках. Кимоно с узором из цветов камелии слегка оттопыривалось спереди от перевязки, наложенной после операции.

Я с горечью ощутил всю неуместность своих слов.

В этом хирургическом госпитале было много детей, ожидавших операции на сердце. Они тихо играли, ходили по коридорам, катались на лифте. Мне нравилось заводить с ними беседы. Считалось, что оперировать врожденные пороки сердца следует в Детском возрасте, иначе смерть может наступить еще в юные годы. Поэтому здесь находились детишки главным образом от пяти до восьми лет. Среди них мое внимание особенно привлекала одна девочка. Всякий раз, когда я садился в лифт, она была тут как тут. Забывалась в угол и сердито выглядывала из-за ног ехавших на лифте взрослых. Ей было от силы лет пять. Ее строгие глазенки вызывающе сверкали, а губы всегда были плотно сжаты. Я спросил о ней у приставленной ко мне медсестры. Она сказала, что девочка каждый день по два, а то и по три часа подряд ездит на лифте. Однажды я увидел ее сидящей на диване. Выражение ее лица по-прежнему было вызывающе строгим. Я попытался с ней заговорить, но она не ответила.

— Упрямый ребенок, — сказал я медсестре.

Потом эта девочка исчезла.

— Ее, наверно, оперировали. Как прошла операция? — спросил я у медсестры.

— Девочка отказалась от операции и выписалась. Она

видела, как умирала ее соседка по койке, и, сколько ее потом ни уговаривали лечь на операционный стол, все твердила: «Не хочу, не хочу! Отпустите меня домой!» Ну, ее и выписали.

— Понятно! Дай бог, чтобы она не умерла молодой, — пробормотал я...

И вот теперь я ехал в Киото, чтобы увидеть ее — теперь уже взрослую девушку.

Капли дождя, застучавшие в окно вагона, пробудили меня ото сна, вернее, от блуждания где-то между грезами и явью. Видения исчезли. Еще не проснувшись окончательно, я услышал шум дождя. Дождь усилился. Ударяясь о стекло, капли дождя, сохраняя свою форму, стекали наискось. Некоторые прочерчивали окно из конца в конец. Иногда они как бы замирали на мгновение, потом снова продолжали свой путь. Верхние нередко обгоняли те, что были пониже, соединяясь и переплетаясь в необыкновенный узор. Мне показалось, будто они соблюдают определенный ритм. И в этом ритме мне почудилась музыка.

Я подумал, что эта музыка ударявших в окно и стекавших по стеклу дождевых капель навеяла на меня видение огненного дождя, хотя сам он падал совершенно беззвучно среди гор в осеннем убранстве.

Через два дня в холле отеля «Киото» открывалась демонстрация новогодних кимоно. Я получил приглашение на нее от знакомого владельца мануфактурного магазина. В списке манекенщиц значилась Рицуко Бэппу. Я не забыл имя той девочки в больнице, но не знал, что она стала манекенщицей. Я приехал в Киото не столько для того, чтобы полюбоваться на осенние красные клены, сколько ради встречи с Рицуко.

Дождь все не прекращался. Во второй половине дня я спустился в холл четвертого этажа посмотреть телевизор. Здесь было нечто вроде зала ожидания для гостей. Невдалеке группками стояли приглашенные на свадебный банкет. Молодожены, уже побывавшие в зале церемоний, остановились позади меня, чтобы сфотографироваться на память. Время от времени я оборачивался и разглядывал их. Подошел знакомый владелец магазина, и мы обменялись приветствиями. Я спросил у него: здесь ли Рицуко Бэппу? Он молча указал мне на девушку. Она стояла у окна, по которому стекали капли дождя, и строго глядела на фотографировавшихся молодоженов. Губы ее были плотно сжаты. Значит, она осталась жива, выросла и

стала настоящей красавицей. Помнит ли она меня? Мне неудержимо захотелось окликнуть ее, подойти, но я не решился.

— Завтра ей предстоит продемонстрировать кимоно для невест... — шепнул мне на ухо владелец магазина.

ЛЮБОВНИЦА БЕДНЯКОВ

Лимон был единственной роскошью, которую она себе позволяла. Благодаря лимону кожа становилась гладкой, белой, источала запах свежести. Она разрезала его на четыре части, из одной готовила туалетную воду, и этого ей хватало на день. Остальные три дольки бережно заворачивала в папиросную бумагу, с тем чтобы воспользоваться ими в последующие дни. Прелесть наступающего утра она ощущала, лишь освежив кожу лимонной водой... Сегодня, тайком от мужчины, она растерла ею также грудь и бедра.

Поцеловав ее, мужчина воскликнул:

— Лимон! Похоже, ты искупалась в лимонной речке. Эй, я лизнул лимон, и мне захотелось апельсина.

— Сейчас, — откликнулась она, достала монетку в пять сен и отправилась за апельсином, хотя этим лишала себя радости ощутить запах лимона на коже после ванны. Кроме монетки и запаха лимона, в ее доме не было ничего.

На стопке старых журналов, служивших столом, мужчина писал бесконечно длинную пьесу, которую никто не хотел у него покупать.

— Первое действие будет происходить на фоне лимонной рощи — специально для тебя! Честно говоря, лимонную рощу я и в глаза не видел, но в Кио однажды любовался мандариновыми деревьями, росшими на холме. В осенние лунные ночи многие приезжают на них поглядеть даже из Осаки. При лунном свете мандарины напоминают блуждающие огоньки — целое море сказочных огоньков! Лимоны светлее мандаринов, их цвет вызывает ощущение теплоты... Теплые, желтые огоньки... Если передать это ощущение на сцене...

— Ага.

— Тебе не интересно? Вряд ли я способен сейчас написать пьесу со светлым, южным колоритом. Надо сначала добиться успеха, стать знаменитым.

— Почему все люди должны обязательно добиваться успеха?

— Потому что иначе не могут жить. У меня, правда, сейчас никакой надежды на успех нет.

— Мне этот успех не нужен. Что он дает?

— Это нечто новое! Ты рассуждаешь, как нынешние студенты. Они ненавидят фундамент, на котором сами же стоят. А если и не ненавидят, то по крайней мере сомневаются в его целесообразности. Они считают, что этот фундамент следует разрушить, и уверены: когда-нибудь он рухнет! А те, кто стремится достичь успеха в жизни, карабкаются по ступеням лестницы, хотя и сознают, что она стоит на фундаменте, который должен рухнуть. Чем выше взбирается карьерист по лестнице, тем большая опасность ему угрожает. И, зная это, человек, мечтающий о карьере, все же карабкается — окружающие обстоятельства да и собственные стремления понуждают его к этому. Нынче карьеризм связывают с отсутствием совести. Карьеризм — это примета времени. И я, живущий сегодня в темноте и бедности, тоже причисляю себя к приверженцам карьеры. Ты же — бедная, но светлая, как плод лимона, — видимо, смотришь на эту проблему по-другому.

— Но я всего лишь любовница бедняков. Пусть все мужчины добиваются успеха в жизни — они ведь только об этом и мечтают. Другое дело — женщины. Их можно разделить на две группы — любовницы бедняков и любовницы богатых.

— Ну, это тыхватила!

— А вы обязательно сделаете карьеру! У меня такой глаз на мужчин — все знаю наперед и никогда не ошибаюсь. Правду говорю: успех вам обеспечен.

— И я тебя брошу?

— Непременно!

— Тогда мне карьера ни к чему.

— Не надо так говорить. Я всегда радовалась успеху каждого мужчины. Мне казалось, будто я — гнездо птицы, которая высидывает яйца карьеры.

— Перестань говорить глупости и вообще учти: мне неприятно выслушивать воспоминания о твоих прежних, сделавших карьеру мужчинах. А твои повадки напоминают о знатных дамах лишь тем, что ты пользуешься лимоном.

— Ну что вы говорите?! При чем тут знатные дамы? Лимон стоит десять сен, а я его делю на четыре части. Так что вся красота обходится мне в две с половиной сены в день.

— Хорошо-хорошо! Когда ты умрешь, на твоей могиле я посажу лимонное дерево.

— Спасибо. Я часто мечтаю: когда умру, на моей могиле не будет памятника, в нее воткнут лишь жалкую надгробную дощечку, но поклониться ей будут приезжать на машинах шикарные мужчины в визитках.

— Перестань болтать о шикарных мужчинах и выбрось из головы свои предсказания о моей карьере.

— Но я знаю: в скором времени вас ожидает успех.

Ее уверенность была непоколебимой, как сама судьба. Она безошибочно определяла, какому из мужчин обеспечена карьера, и себе в любовники выбирала только таких. Ее первым возлюбленным был двоюродный брат. Свою невесту из богатой семьи он бросил и поселился с этой женщиной в жалкой комнатенке на окраине. Оба страшно бедствовали, но, когда он окончил университет и, заняв третье место в конкурсе на дипломатическую должность, получил назначение в Рим, отец его бывшей невесты пришел к нему с поклоном и предложил руку дочери. Любовница не стала препятствовать. Вторым ее возлюбленным оказался бедный студент-медик. В конце концов он ее бросил, женившись на дочери подрядчика, строившего больницу. Третьим был бедный торговец радиоприемниками. Он заявил, что у нее дурной глаз, поэтому он не может разбогатеть. Он оставил ее и перенес свой магазин с окраины на главную улицу, в дом, которым владела его прежняя богатая любовница. Четвертый любовник... Пятый любовник...

Ее очередной возлюбленный — бедный драматург — завершил наконец свою длинную пьесу после того, как в его дом зачастили радикально настроенные ученые-социологи. Он выполнил данное ей обещание и включил в пьесу сцену с лимонной рощей. Правда, в настоящей жизни светлую лимонную рощу ему так и не удалось отыскать. Лимонная роща появляется у него в эпилоге: после того как фундамент, о котором он говорил, был разрушен, мужчина и женщина идеального мира ведут диалог среди лимонных деревьев. Благодаря своей пьесе он познакомился и вступил в связь с примадонной современной театральной труппы. Как случалось и прежде, «лимонная» возлюбленная отошла в сторону. Ее предсказание сбы-

лось: драматург все же сделал карьеру. Вскарabкался по ступенькам лестницы.

Следующим ее возлюбленным стал мастеровой, который бывал в доме драматурга и очень любил ораторствовать. Однако... Воистину однако! — она, должно быть, потеряла ниспосланный ей богом дар угадывать мужчин, добивающихся успеха в жизни: мастеровой не сделал карьеры. Мало того, вскоре его уволили за агитацию. Женщина жила своим даром, а лишившись его, потеряла интерес к жизни. Может быть, она устала предсказывать успех, а может, совершила на этот раз непоправимую ошибку...

В день ее похорон состоялось первое представление пьесы драматурга. В монологе его новой возлюбленной, выступавшей в главной роли, ему слышалось подражание манере «лимонной» женщины. Когда под бурные аплодисменты зрителей окончилось представление, он погрузил в машину лимоны, украшавшие сцену эпилога, и направился к свежей могиле любовницы бедняков. Но кто-то его опередил: у самой могилы перед надгробной дощечкой громоздились одна над другой круглые, как луна в тринадцатую ночь¹, лампы лимонного цвета.

— Значит, и здесь была своя лимонная роща, — пробормотал он.

СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА СЧАСТЛИВЫМ

Дорогая сестрица! Прости, что давно не писал. Надеюсь, тебе живется хорошо. Наверно, у вас в Кисю уже похолодало. Здесь каждый день минус двадцать, а бывает и холоднее, и стекла в домах кажутся матовыми от мороза. Я здоров. Только вот руки потрескались, и на ногах тоже трещины — даже ходить больно. Каждый день встаю в пять часов утра — варю рис, кипячу воду, готовлю суп из мисо². Завтрак в шесть. После завтрака убираю со стола, мою посуду. Холодной водой. Уроки в школе начинаются в

¹ Ночь на 14-е число девятого месяца по лунному календарю, славящаяся особенно красивым полнолунием.

² Бобовая паста.

девять, а до половины девятого я выполняю разную работу по дому. Самое тяжкое — уборка в доме и в уборной. Мыть все приходится холодной водой.

Уроки кончаются в половине третьего, а бывает, и в три. Если через полчаса я не возвращаюсь домой, за ужином мне устраивают выволочку.

Придя домой, я должен сначала сделать уборку и мелко наколоть дрова на завтрашнее утро. Здесь пропасть снега. Когда дует ветер, снег поднимается вверх и ничего не видно вокруг. Руки и ноги коченеют и страшно болят. Холодный снег попадает за шиворот. Из трещин на руках сочится кровь, и я часто плачу — до того больно. Покончив с уборкой и дровами, я готовлю ужин. Ужинаем часов в пять. Потом я убираю со стола, мою посуду, а после этого еще укачиваю Сабуро, пока он не уснет. На уроки совсем не остается времени.

По воскресным дням стираю свою рубашку и брюки. Иногда приходится стирать носки и перчатки родителей — и все в холодной воде! А когда выпадает свободная минутка, снова заставляют нянчить Сабуро. Так я работаю каждый день. А денег мне на школьные принадлежности выдают не больше двадцати сен — и то с руганью. А что на них купишь? Вот и учитель в школе меня всякий раз ругает: того, мол, у тебя нет, этого нет! Последнее время я хуже стал учиться, да и здоровье стало плохое.

В новогодние праздники меня тоже заставляли работать с утра до вечера. Родители ели много вкусных вещей, а мне на все три дня праздников дали один мандарин. А в будни вообще от них не дождешься гостинца. А второго января у меня подгорел рис, и колотили меня за это по голове так, что щипцы для углей погнулись. У меня оттого до сих пор голова болит.

Вот уже десять лет, как наш зверюга отец забрал меня у дедушки и бабушки и привез сюда, в эту холодную Маньчжурию. За что на мою долю выпало столько несчастий? Каждый день меня избивают палкой, как бездомную собаку, хотя я ничего плохого не сделал.

И все по наущению мачехи! Вот я и решил: через месяц окончу школу и убегу из этого страшного дома. Уеду в Осака, буду подрабатывать и учиться в вечерней школе.

Будь здорова, дорогая сестрица Кацуко. Передай от меня привет дедушке и бабушке в Кумано...

Кацуко сидела не шевелясь, пока он читал письмо, которое силой отобрал у нее.

— Неужели его вынуждают все это делать? Никогда не думал, что родители могут заставить ребенка так работать, — повторял он, вкладывая в эти слова все свое негодование. — А тебе-то как жилось в Маньчжурии?

— Мне было еще тяжелее.

Он впервые понял, что заставило Кацуко, когда ей исполнилось всего тринадцать, покинуть Маньчжурию и вернуться в Кисю. Прежде его лишь удивляла решительность этой девушки.

— Что ты собираешься делать?

— Отдать брата в школу. Я его обязательно отдам в школу, чего бы это ни стоило.

— В таком случае надо сразу отправить деньги на билет и вызвать его сюда.

— Сейчас невозможно. Его снимут с поезда на первой же станции. А если нет, то уж на рейсовом пароходе обязательно задержат и вернут родителям. Отец грозился его продать, как только он окончит начальную школу. Мне ведь тоже отец чуть не каждый день угрожал, что продаст меня. Думаю, надо будет послать деньги тем, кому он продаст брата, и выкупить его.

— Вот это глупость! Если твоего брата продадут в Маньчжурии, разве узнаешь, у кого он и что с ним стало?

— Но что же делать? Ведь если его поймают и вернут родителям, отец убьет его! — Кацуко понурила голову.

Он тяжело болел, и Кацуко вот уже год с лишним ему прислуживала. Постепенно он понял, что вообще не сможет с нею расстаться. Он был женат и понимал, что, сблизившись с Кацуко, навлечет на нее несчастье. Но, сознавая это, ничего не мог с собой поделать, потому что искренне полюбил девушку. А тут вдруг пришло письмо от ее младшего брата. Письмо заставило его призадуматься. Он понял, что не имеет права обрекать Кацуко на несчастливое будущее после всех бед — еще больших, чем довелось пережить брату, — какие она испытала в детстве в далекой Маньчжурии, прежде чем нашла в себе силы вырваться оттуда и приехать в Кисю.

И тогда он решил: я уже достаточно окреп, поеду в Маньчжурию, вырву мальчика из рук отца и мачехи, привезу сюда и отдам в школу.

Это решение обрадовало его. Если он поможет брату Кацуко, обретет смысл и ее собственная жизнь, и он будет к этому причастен. К тому же он сам, своими силами выз-

волит мальчика! А разве не счастлив тот, кому за всю жизнь удалось принести счастье хотя бы одному человеку?

ЖЕНЩИНА, ИДУЩАЯ В ОГОНЬ

Вдали слабо поблескивало озеро. Его цвет напоминал цвет воды в запущенном пруду старого сада в лунную ночь. На противоположном берегу озера горели деревья. Пламя распространялось буквально на глазах. Видимо, начинался лесной пожар.

Вдоль берега, словно игрушечная, носилась паровая помпа. Ее отражение было отчетливо видно в озерной глади.

Склон холма казался черным от множества людей, поднимавшихся вверх.

Воздух был тих, сух и прозрачен. Нижняя часть города под холмом была объята пламенем.

Она спускалась по склону холма сквозь поднимающуюся вверх толпу. Она была единственной, кто спускался вниз.

Окружающий мир был странно беззвучен.

Мне стало жутко, когда я глядел на женщину, спускающуюся прямо в море огня.

Мысленно я обратился к ней: «Почему только ты одна идешь вниз? Хочешь погибнуть в огне?» — «Умирать я не хочу, но в западной стороне находится твой дом, поэтому я иду на восток».

Я очнулся, испытывая острую боль, словно взгляд женщины, черной точкой видневшейся среди бушующего пламени, пронзил меня.

Я очнулся в слезах.

Мне стало ясно: ей противно даже идти в направлении моего дома! Что же, пусть поступает как знает. Разумом я понимал: она ко мне охладела. Но хотя внешне я примирился с этим, мне самому все же хотелось надеяться, — неважно, каковы ее настоящие чувства! — что где-то в глубине ее души сохранилась хоть искра любви ко мне. Я насмеялся над своей наивностью, но втайне хотел раздуть эту искру.

В то же время, раздумывая над привидевшимся сном, мог ли я с уверенностью сказать, что и во мне-то самом не сохранилось ни капельки сердечной теплоты к ней?

Сон был отражением моих чувств. Чувства, которые она испытывала в моем сне, были мною придуманы. Это были мои чувства. И еще: во сне чувства не приукрашиваются, они ближе к истинным.

Грустно мне стало от этих мыслей.

БОГ ЕСТЬ

Когда наступил вечер, над вершиной горы зажглась звезда — яркая, словно газовый фонарь. *Он* никогда еще не видел, чтобы звезда так ярко сверкала и казалась столь близкой. От света звезды на него повеяло холодом, и *он* чуть не бегом поспешил прочь по вымощенной белыми камнями дороге.

Подойдя к бассейну, заполненному водой из горячего источника, *он* быстро скинул одежду и погрузился в воду. Приложил к лицу теплое, чуть влажное полотенце и наконец почувствовал, как с его щек исчезает холод, навеванный светом звезды.

— Похолодало... Изволите остаться здесь на новогодние праздники?

Оглянувшись, *он* узнал торговца домашней птицей, который иногда заглядывал в гостиницу.

— Нет, пожалуй, подамся через перевал на юг.

— На юге хорошо. Несколько лет назад мы там жили, и теперь всякий раз, когда наступает зима, нас тянет на юг. — Торговец говорил, почему-то не оборачиваясь к нему. *Он* поглядел в ту сторону бассейна и увидел, что торговец стоит по колено в воде и моет жену, сидевшую на краю, на ступеньках.

Молодая женщина наклонилась вперед, чтобы мужу было удобнее ее мыть, и глядела на его макушку. Маленькие, едва обозначившиеся груди были похожи на белые чашечки для сакэ. Они как бы олицетворяли юную чистоту женщины, видимо из-за болезни сохранившей тонкий, девичий стан. Ее тело, похожее на гибкий стебель, подчеркивало схожесть с цветком прекрасного ее лица.

- Вы впервые отправляетесь через перевал на юг?
- Нет, я побывал там лет пять или шесть тому назад.
- Вот как?

Торговец, обняв одной рукой жену за плечи, смывал с ее груди мыльную пену.

— В чайном домике у перевала жил парализованный старик. Там ли он сейчас? — спросил *он* у торговца. И сразу же понял, что сказал невпопад: по всей видимости, у его жены были парализованы ноги.

— Старик из чайного домика? Что-то не припомню, — ответил торговец.

— Знаю я его, — вступила в разговор женщина. — Вот уж три года, как он умер.

— Вот оно что, — пробормотал *он* и вдруг внимательно поглядел на женщину. В следующее мгновение он отвернулся и быстро прикрыл свое лицо полотенцем. (Она! Та самая девочка! — чуть не закричал *он*.)

Ему сразу же захотелось спрятаться за облачком пара, поднимавшегося из бассейна в вечерних сумерках. Совесть его обнажилась и ощутила стыд перед собственной наготой. В жене торговца *он* узнал девочку, над которой надругался несколько лет назад там, на юге, за перевалом. Все эти годы совесть не давала ему покоя. Однако чувства по-прежнему заставляли его вновь и вновь переживать тот далекий сон. И все же не слишком ли жестока была случайность, которая свела его с ней в этом бассейне? Ему стало трудно дышать, и *он* отнял полотенце от лица.

Не обращая больше на него внимания, торговец вылез из воды и подошел к жене.

— Теперь и ты разок окунись, — предложил он, легко подхватив жену под мышки. Она немного раздвинула острые локти и поджала ноги, словно сообразительная кошка. Волна, поднявшись, коснулась его подбородка.

Торговец прыгнул в бассейн и, пригоршнями зачерпывая воду, стал поливать свою начинающую лысеть голову.

Он исподтишка наблюдал за женой торговца. Должно быть, оттого, что вода была слишком горячей, она насупила брови и зажмурилась. Пышные волосы, которыми *он* восхищался еще в ту пору, когда она была девочкой, рассыпались, разметались по воде, словно были чересчур тяжелым украшением.

Бассейн был настолько большой, что в нем можно было плавать, и женщина, видимо, не узнала его, скрывшегося в дальнем углу. Мысленно *он* молил ее о прощении. Наверно, это я виновен в ее болезни, думал *он*. Казалось, все ее

тело излучало страдание и словно укоряло его: гляди, сколь несчастной ты меня сделал!

Здесь, на источниках, все только и говорили о том, как ласково относится торговец к своей молодой парализованной жене. Было нечто поистине трогательное в том, с какой преданностью этот сорокалетний мужчина каждый день осторожно носил свою больную жену к бассейну. Торговец большей частью пользовался деревенским бассейном, а гостиничный посещал редко, поэтому у *него* до сегодняшнего дня не было случая увидеть эту женщину, а значит, и узнать в ней ту самую девочку.

Вскоре торговец вылез из воды и, словно позабыв, что здесь находится другой мужчина, стал раскладывать одежду жены на ступеньках, ведущих к бассейну. Он аккуратно вдел рукава нижнего белья и кимоно в верхнюю накидку, с тем чтобы было легче все это сразу надеть на жену, потом подошел к краю бассейна и поднял ее на ступеньки. Женщина снова, будто сообразительная кошка, поджала под себя ноги. Ее круглые колени походили на неоправленные опалы. Торговец усадил ее на расстеленную одежду, средним пальцем слегка приподнял подбородок и вытер полотенцем шею. Затем взял гребень, аккуратно расчесал волосы и стал одевать ее, словно укрывал лепестками обнаженный пестик цветка.

Завязав жене поверх кимоно пояс, торговец осторожно взгромоздил ее на спину и пошел вдоль русла реки, освещенного ярким лунным светом. По сравнению с полукругом мускулистых рук торговца, которыми он поддерживал жену на спине, ее бессильно свисавшие белые ноги казались особенно маленькими.

Он проводил взглядом удалявшуюся фигуру торговца, и благостные слезы вдруг полились у него из глаз.

— Бог есть, — искренне прошептал *он*.

Он понял, что ошибался, когда считал, будто эта женщина по его вине стала несчастной. Понял, что человек не способен сделать несчастным себе подобного. Понял свою неправоту, когда мысленно просил ее о прощении. Понял, что желание надругавшегося и потому стоящего выше просить прощения у того, над кем он надругался и потому униженного, — от гордыни! Понял, что человек не в силах надругаться над себе подобным.

— Боже, ты оказался сильнее! — воскликнул *он*, и ему показалось, будто волны журчащей реки подхватили его и уносят в неведомую даль.

ГРАНАТ

В осеннюю ветреную ночь облетели листья с гранатового дерева. Они упали, оставив близ ствола правильный круг чистой земли.

Кимико распахнула ставни и с удивлением глядела на голые ветви гранатового дерева. Станным показалось ей и то, что листья упали ровным кругом, хотя ветер должен был их разметать в разные стороны.

На верхушке она заметила гранат.

— Мамочка, погляди, какой чудесный гранат! — воскликнула Кимико.

— Правда... А я и позабыла про него. — Мать взглянула на дерево и сразу ушла на кухню.

«А я и позабыла про него», — сказала мать, и эти слова напомнили Кимико о том, сколь они одиноки. Какой же стала их жизнь, если они забыли даже о созревшем гранате на дереве, которое росло перед открытой верандой.

Полмесяца назад у них был в гостях сын двоюродной сестры. Он сразу же заметил гранаты и полез на дерево. С радостным чувством глядела Кимико на этого семилетнего мальчугана, отчаянно взбиравшегося по стволу.

— Там, поближе к вершине, есть еще один. Большой! — возбужденно воскликнула она.

— Вижу, — ответил мальчик, — но я не смогу слезть, если сорву его.

В самом деле, как же он спустится вниз, если в каждой руке у него будет по гранату, подумала Кимико и засмеялась. Мальчик был такой славный!

Они совсем забыли про гранаты, пока не пришел этот мальчуган. Потом мать и Кимико о них не вспоминали до нынешнего утра.

Когда приходил сын двоюродной сестры, тот гранат на вершине был еще прикрыт листьями, а сегодня он алым пятном красовался на фоне голубого неба.

Кимико вышла в сад и длинным бамбуковым шестом сняла его с дерева. Плод чуть перезрел и даже треснул: видимо, бродившие в нем силы стремились прорваться наружу. Кимико положила гранат на пол открытой веранды. В том месте, где он треснул, алые зернышки светились в пронизывавших их солнечных лучах.

Кимико ощутила вину перед гранатом за то, что не сорвала его, пока он не треснул.

Она поднялась на второй этаж и поспешно занялась шитьем. Часов около десяти снизу послышался голос Кэнкити. Наверно, калитка была не заперта, и он прямо прошел в сад, откуда теперь доносилась его скороговорка.

— Кимико, Кимико, спускайся вниз! Кэнкити пришел, — громко позвала мать.

Девушка торопливо вытянула иглу из нитки и воткнула ее в подушечку.

— Кимико все меня уговаривала разрешить ей повидаться с вами, Кэнкити, перед тем как вы отправитесь на фронт, но ей к вам идти было неудобно, а вы сами до сих пор не нашли время, чтобы нас навестить. Ну заходите, заходите же в дом, — уговаривала мать.

Ей хотелось задержать Кэнкити подольше, и она предложила вместе пообедать, но Кэнкити, видимо, очень спешил.

— Очень жаль... — расстроилась мать. — Ну, тогда попробуйте хотя бы этот гранат. Он из нашего сада.

Мать снова позвала Кимико.

Пока девушка спускалась по лестнице, Кэнкити не сводил с нее глаз, и столько было в его взгляде нетерпения, что у Кимико подкосились ноги и она с трудом преодолела последние ступеньки.

Глаза Кэнкити засветились теплотой. Его руки дрогнули, и он уронил гранат.

Взгляды их на мгновение встретились, и оба одновременно улыбнулись. Щеки Кимико запылали. Кэнкити поспешно встал.

— Береги себя, Кимико! — сказал он.

— И вы, Кэнкити! — прошептала Кимико, но в это время он уже повернулся к ее матери, произнося прощальные слова.

Кэнкити ушел, а Кимико еще какое-то время продолжала глядеть в сторону калитки.

— Чего он так заторопился, этот Кэнкити? Даже не съел такой чудесный гранат. Как это можно?! — воскликнула мать. Она легла грудью на край веранды и, протянув вниз руку, подняла гранат с земли.

В тот момент, когда Кимико заметила, как у Кэнкити потептели глаза, тот сделал неловкое движение, стараясь разломить гранат надвое, и уронил его. Гранат упал на землю, но не разбился.

Мать обмыла гранат на кухне и принесла на веранду.

— Возьми, Кимико. — Она протянула гранат дочери.

— Но он же грязный, — недовольно возразила Кимико, отстраняясь. Потом вдруг густо покраснела и в замешательстве протянула руку.

В том месте, где гранат треснул, Кэнкити, видимо, успел его надкусить.

Мать стояла рядом, и Кимико посчитала неприличным отказать от граната. С безразличным видом она поднесла его к губам. Кисловатый сок оросил рот. Ей показалось, что он проник в самые глубины ее нутра и придал ее радостному чувству оттенок горечи.

Мать не заметила состояния Кимико и спокойно покинула веранду.

Проходя мимо зеркала, она заглянула в него и ужаснулась.

— Какой же у меня вид! — воскликнула она. — И с такой непричесанной головой я провожала Кэнкити. Ах, как нехорошо!

Она присела у зеркала и стала расчесывать гребнем волосы.

— Когда твой отец скончался, — медленно произнесла мать, — я долгое время боялась расчесывать волосы... Стоило гребню коснуться волос, как я невольно задумывалась и мысли уносились в прошлое. Мне все казалось, будто отец рядом и с нетерпением ждет, когда я окончу расчесывать волосы. И я испуганно вздрагивала.

Кимико вспомнила, что мать имела привычку подъедать за отцом остатки.

Ее вдруг охватило чувство невозвратности происшедшего, и в то же время она ощутила такое счастье, что слезы выступили на глазах.

Мать не выносила, когда что-нибудь пропадало зря. Отсюда и привычка подъедать за отцом. Должно быть, только поэтому она предложила Кимико гранат, которым пренебрег Кэнкити.

Кимико стало неловко перед матерью за тайную радость, какую она неожиданно ощутила.

Но она была счастлива полнотой чувства, которое нахлынуло на нее в момент прощания с ничего не заподозрившим Кэнкити, и подумала: я способна вечно ждать его возвращения.

Кимико исподтишка взглянула в сторону матери и увидела, как солнечные лучи высветили перегородку, за которой стояло зеркало. Потом она поглядела на лежавший у

нее на коленях гранат и подумала, что теперь ей будет страшно коснуться его зубами.

ЛЕТО И ЗИМА

I

Последний день праздника Бон совпал с воскресеньем.

Муж; с самого утра отправился на школьную спортплощадку поглядеть на бейсбольный матч. Днем забежал перекусить — и снова назад.

Пора готовить ужин, подумала Каёко и вдруг, непонятно почему, вспомнила: летнее кимоно, которое на ней сегодня, она купила, увидев его на манекене в магазине близ дома родителей.

Манекен стоял за стеклом витрины, мимо которой она проходила дважды в день — когда шла на службу и на обратном пути домой.

Он все время стоял в одной и той же позе. Менялись лишь наряды на нем — в зависимости от сезона. Каёко с сочувствием думала о манекене, который вынужден был неизменно сохранять одну и ту же позу.

Она ежедневно видела этот манекен и однажды заметила, что у него всякий раз меняется выражение лица. Со временем Каёко уже казалось, будто оно отражает ее собственное настроение. А потом она даже стала осознавать свое настроение по выражению лица манекена. И теперь, проходя мимо, она глядела ему в лицо, словно надеясь прозреть будущее.

Когда Каёко выходила замуж, она купила себе такое же кимоно, какое тогда было на манекене. Хоть какая-то память о том дне.

Она подумала, что в ту пору случались не только плохие, но и радостные дни...

Был уже поздний вечер, когда муж вернулся домой. Полы его кимоно были подвернуты и заткнуты за пояс. Из-под сдвинутой на затылок соломенной шляпы виднелось свекольно-красное лицо.

— Ну и жара! Даже голова кружится, — пожаловался он.

— Ты весь в поту. Пойди-ка поскорее в баню.

— В баню? — с неохотой пробормотал он. Но Каёко уже сунула ему в руки сверток с полотенцем и мылом и буквально вытолкала за дверь.

Вот и прекрасно, что его не будет, подумала Каёко — она как раз собиралась жарить баклажаны. Обычно, когда муж находился дома, он только мешал: то и дело поднимал крышку, сдвигал сетку от мух и к тому же надоедал советами. И даже не замечал, как это раздражало Каёко.

Вернувшись из бани, муж швырнул в угол полотенце и мыло, прошел в гостиную и повалился на циновку. Его лицо было краснее прежнего, и он с трудом дышал. Каёко заметила его состояние, когда передавала ему подушку.

— Может, положить холодное на голову? — спросила она.

— Угу.

Она отжала намоченное в холодной воде полотенце и положила ему на лоб. Потом раздвинула сёдзи, чтобы увеличить приток свежего воздуха, и стала обмахивать мужа большим круглым веером.

— Хватит, хватит! Ну чего ты размахалась?! — Муж скрестил на груди руки и насунился.

Каёко отложила веер и помчалась за льдом.

— Лед? Наверно, слишком холодный, — проворчал муж, когда она положила ему на лоб пузырь со льдом, но оставил его на месте.

Потом он вышел на веранду, где его вырвало. Он снова улегся на циновку и, когда Каёко подала ему чашку с подсоленной водой, даже не повернулся.

— Ты бы поел — в желудке-то пусто, — сказала она.

Кровь отхлынула от лица мужа. Оно стало землисто-серым.

— Возьми ведро с водой, подотри там, на веранде, — приказал он. Постепенно дыхание его стало ровным, и он уснул.

Каёко некоторое время глядела на лицо спящего мужа. Потом в одиночестве стала ужинать, стараясь не греметь посудой, чтобы его не разбудить. По железной крыше застучали капли дождя, который вскоре перешел в ливень.

— Эй, забыла, что ли: на заднем дворе сохнет белье, — напомнил он, проснувшись от шума дождя.

Каёко поспешно бросила палочки для еды на стол и помчалась снимать белье.

— А бутылку с остатками саке пробкой заткнула? — спросил муж, лишь только она возвратилась.

Она и это забыла. Муж скорчил недовольную гримасу и вздохнул. Потом снова задремал.

Плохой выдался день. Каёко с утра преследовали неприятности. Они не оставили ее и ночью. Наверно, она поздно опустила полог от москитов, и один успел пробраться внутрь и изрядно ее искусал. Она проснулась, включила свет и села на постели в ожидании, когда москит приблизится. Но он не появлялся. Каёко схватила веер и начала размахивать по углам, стараясь в то же время не шуметь, чтобы не разбудить мужа. Москита нигде не было. Тогда она погасила свет и стала ждать, надеясь, что в темноте он осмелеет. Наконец москит сел ей на лоб, и она его раздавила.

Уснуть она уже не смогла и вышла на веранду, оставив приоткрытой стеклянную дверь.

Было полнолуние, но небо заволокли тучи.

— Эй, ты чего бродишь? Так ведь утром тебя не добудишься! — недовольно прикрикнул проснувшийся муж.

Каёко вернулась под полог.

— Плакала, что ли?

— Откуда ты взял?

— Уж лучше бы поплакала. Легче бы стало.

— С чего это мне плакать?

Муж не ответил, повернулся к ней спиной и уснул.

II

У Каёко разболелся живот: наверно, накануне за ужином поела несвежих устриц. И все же она поднялась с постели и присела у хибати¹ напротив мужа.

С несколько наигранной настойчивостью она стала упрашивать его рассказать о Митико. Наконец муж сдался и заговорил спокойно и неторопливо:

— Я понял, что нравлюсь Митико, когда однажды завел с ней разговор о замужестве: мол, время уже подошло, пора подыскивать жениха, и ты скажи, какой человек тебе может понравиться. Митико как раз жарила мне омлет и ничего не ответила. «Если будешь отмалчиваться, я не узнаю, какой жених тебе по душе», — сказал я. Тогда она, отвернувшись, прошептала: «Такой, как вы». Я возразил: «Может, и так, но ведь я пью». — «Я бы не против,

¹ Жаровня, служащая средством отопления в японском доме.

если бы он выпивал, как вы», — ответила она и сразу ушла к себе...

Каёко и прежде слышала этот рассказ, но ей нравилось расспрашивать мужа о Митико — его двоюродной сестре.

Вот и сейчас это отвлекло Каёко от боли в желудке.

— Ну и что ты решил насчет Митико?

— Да ничего не решил. Она ведь все же двоюродная сестра.

— Неужели признание такой красавицы не тронуло твоего сердца? Поистине ты холодный человек.

— Я был не вполне здоров и вовсе не помышлял о чем-то эдаком. Да и способна ли тронуть сердце женщина, которую надо уговаривать выйти замуж?

— А что стало с омлетом, который она для тебя готовила?

— С омлетом? Ты это к чему? Съел я этот омлет — и все.

Каёко расхохоталась, представив комичную ситуацию: муж стоит рядом с Митико и поучает, как надо жарить омлет. Той надоели его советы, и она ушла к себе на второй этаж, а мужу пришлось самому дожаривать омлет.

— Чем смеяться, лучше сходила бы за покупками. Уже четыре часа! — рассердился муж.

Каёко сразу услышала, как на улице завывает холодный осенний ветер. Сильнее, чем прежде, заболел живот.

Она подумала о бессердечности мужа, который, зная о ее состоянии, гонит ее на улицу в такой холод. Неужели он не понимает: одно дело — слушать с улыбкой его рассказ, а другое — отпрапляться за покупками, когда она так плохо себя чувствует.

На улице Каёко ощутила сильный озноб и присела на обочине, чтобы передохнуть.

В самом деле он бессердечный, если пренебрег любовью Митико, подумала она. Но даже Митико, которая лишь один-единственный раз столь простодушно открыла свое сердце такому холодному человеку, казалась ей счастливее, чем она сама. Не исключено, что придет время, когда муж решит, будто по-настоящему его любила одна лишь Митико. С него станет!

Когда Каёко вернулась домой, муж отправился в баню. Она пошла на кухню приготовить что-нибудь на ужин, но почувствовала сильные боли в желудке, бросила все и юркнула под одеяло.

— Тяжко? — спросил муж, вернувшись из бани. — Грелку взяла?

Каёко отрицательно помотала головой. Он принес грелку и сунул ее жене. Каёко извиняющимся тоном сказала, что не смогла приготовить ужин.

— Как-нибудь обойдусь, — ответил муж и вышел из спальни, задвинув сёдзи.

По доносившимся из кухни звукам Каёко догадалась, что муж готовит тядзукэ¹. Все необходимое лежало на кухонном столе, но, видимо, любителю давать советы при приготовление пищи особого удовольствия не доставляло.

Судя по фотографии, хранившейся в альбоме, у Каёко было лишь одно преимущество перед красавицей Митико: она была здорова, и, очевидно, только поэтому муж избрал ее спутницей жизни.

Такие мысли вселили в нее беспокойство, и Каёко решила завтра обязательно встать с постели. Но от чавканья, которое доносилось из кухни, где муж грыз соленую редьку, веяло уверенностью и постоянством.

Последнее время муж стал реже к ней придирааться — не то что летом...

КРАСНАЯ СЛИВА

Сидя перед жаровней, отец и мать глядели на старую сливу, на которой было лишь несколько цветков, и спорили.

Отец говорил:

— Уже не один десяток лет красная слива начинает цвести с нижних веток. Это старое дерево нисколько не изменилось с тех пор, как ты вышла за меня замуж.

— Что-то не припомню, каким оно было, — ответила мать.

Возражение матери вызвало его недовольство.

— С тех пор как я стала твоей женой, у меня не было свободной минуты, чтобы разглядывать эту сливу, — добавила мать.

— Просто ты жила, ни о чем не задумываясь, — возразил отец.

¹ Легкая закуска и рис, политый чаем.

На этом, видимо, прервались его размышления о скоротечности человеческой жизни по сравнению с долголетием старой сливы, и разговор незаметно перешел на другое.

Отец заговорил о том, как в новогодние праздники второго января он купил сладостей в кондитерской «Фугэцудо» и принес их домой. Мать же утверждала, что такого не было.

— Но, послушай, я точно помню, что сначала остановил машину у «Мэйдзи сэйка», а потом заехал в «Фугэцудо» и привез сладости из обеих кондитерских.

— Верно, в «Мэйдзи сэйка» ты заходил, но с тех пор, как я пришла в этот дом, не было случая, чтобы ты хоть раз покупал сладости в «Фугэцудо».

— Ну, это уж слишком!

— По крайней мере, мне их ты не приносил.

— Вот те на! Да ты же сама их ела. Я точно помню.

— Хватит! Мне надоело твое вранье.

Дочь была на кухне, где готовила обед, и прислушивалась к перебранке родителей. Она-то знала, как все происходило на самом деле, но не хотела вмешиваться в спор и лишь усмехнулась, продолжая помешивать в кастрюле.

— Ты точно помнишь, что принес их домой? — Слава богу, мать, видимо, готова была признать хотя бы то, что сладости он все же купил в «Фугэцудо». — Но я-то их в глаза не видела.

— Ну да... А может, забыл в машине?

— Вряд ли... Если бы ты оставил их там, шофер обязательно принес бы. Ведь машина принадлежит фирме, и шофер не решился бы их присвоить.

— Пожалуй, ты права.

Дочь почувствовала беспокойство.

Странно, что у матери выпало из памяти, как было дело, но не менее странно, что отец начинает терять уверенность из-за упрямства матери, подумала она.

Дочь прекрасно помнила, как второго января отец отправился на машине и привез из «Фугэцудо» много сладких рисовых лепешек. И мать тоже пробовала их.

На некоторое время воцарилось молчание. Потом мать, должно быть что-то припомнив, как ни в чем не бывало сказала:

— А-а, ты имеешь в виду сладкие рисовые лепешки? Верно — ты их в самом деле приносил.

— Ну вот, наконец вспомнила.
— Ты столько тогда накупил угуисумоти ¹ и дораяки ², что я не знала, куда их девать.
— Конечно, купил и принес домой.
— Неужели эти дешевые сладости были из «Фугэцу-до»?

— Да.
— Ага, теперь припоминаю. Я завернула их в бумагу и кому-то отдала. Кому же?

— Верно, отдала. — У отца словно тяжесть свалилась с плеч. Голос его зазвучал радостно: — Должно быть, ты подарила их Фусаэ.

— Может, и Фусаэ. Я тогда сказала, что не следует показывать их детям, завернула в бумагу и отдала.

— Ну, конечно, ты подарила их Фусаэ.

— Так, наверно, это и было. Да-да, Фусаэ.

Перебранка утихла. Похоже, оба были довольны, что спор закончился к обоюдному удовлетворению.

Но на самом деле все было не так. Сладости отдали не бывшей прислуге Фусаэ, а соседскому мальчику.

Дочь надеялась, что мать припомнит и это. Но в комнате, где родители пили чай, царила тишина, прерываемая лишь звяканьем металлического чайника.

Она внесла обед и расставила еду на доске над жаровней.

— Ёсико, ты слышала, о чем мы сейчас говорили? — спросил отец.

— Да.

— Я просто устал от старческого слабоумия твоей матери. И к тому же упрямится, стоит на своем! Ёсико, ты бы помогла ей, что ли. Напоминай матери, когда она что-нибудь забывает.

— А ты погляди на своего отца. Он тоже хорош. Правда, с кондитерской я опростоволосилась, но... — возразила мать.

Ёсико хотела было сказать, что насчет Фусаэ они оба ошиблись, но промолчала.

Разговор этот происходил за два года до смерти отца. До этого с ним случился легкий удар, после которого он в фирме почти не появлялся.

У старой сливы по-прежнему каждую весну цветы появлялись вначале на нижних ветках. И в пору ее цвете-

¹ Рисовые лепешки с начинкой из фасолевого мармелада, обсыпанные зеленым горошком.

² Оладьи с соевым джемом.

ния дочь нередко вспоминала спор родителей о кондитерской «Фугэцудо». Но она не пыталась напомнить о нем матери. Та, похоже, забыла об этом...

ВОДОПАД

Женитьба старших братьев Наодзи была необычной. Первому позволили взять в жены сиделку после того, как преследователи помешали им броситься в водопад Кэгон и покончить жизнь самоубийством. Второй, натерпевшись неприятностей от жены, убежал из дома с прислугой, на которой женился после пребывания в сумасшедшем доме.

Наодзи был много моложе своих братьев. Он был еще студентом, когда второй старший брат стал жить вместе с прислугой.

Наодзи чувствовал антипатию к братьям, считая, что один инсценировал самоубийство, а второй симулировал сумасшествие.

Я был дальним родственником этой семьи, и Наодзи, когда у него возник интерес к литературе и он поступил в один из токийских университетов, стал моим частым гостем.

Один из его старших братьев тоже уезжал учиться в Токио, но там у него что-то произошло с легкими, и он так и не получил высшего образования. Опасаясь за здоровье второго сына, родители решили не отпускать его в другой город, поэтому после окончания средней школы его оставили в деревне помогать отцу-помещику. Так случилось, что лишь Наодзи удалось окончить университет.

Видимо, Наодзи проникся ко мне особым уважением, потому что принес показать рукопись написанного им романа и просил высказать мое мнение.

Признаться, меня удручало и даже представлялось опасным желание этого моего родственника заняться литературной деятельностью, и тем более не хотелось спешествовать этому.

Тема романа не отличалась оригинальностью. В нем Наодзи подробно описывал свою любовь, но также касался и женитьбы старших братьев. Я сразу обратил

внимание на эту сторону его романа и высказал свои замечания.

— Ты с самого начала безапелляционно утверждаешь, будто оба твои брата — симулянты. Это, на мой взгляд, наносит непоправимый ущерб роману и доказывает твою несостоятельность как писателя, — сказал я.

— Разве? — Наодзи никак не мог уразуметь, почему я так говорю. — Но я ни на минуту не сомневаюсь в их симулянстве. Старший брат, например, утверждает, что не бросился в водопад Кэгон только потому, что водопад замерз. Возможно ли такое?

— А почему бы и нет?

Сам я не бывал у водопада Кэгон во время сильных холодов, но вполне могу вообразить испуг и удивление, испытанные молодыми мужчиной и женщиной, решившими уйти из этого мира, когда они увидели, что водопад замерз.

— Разве не странно само их намерение избрать для самоубийства отдаленную часть Никко в такие холода? — стоял на своем Наодзи. — Те, кто решает вместе уйти из жизни, стараются выбрать для этого живописное место, а также подходящее по сезону время. Вряд ли кто-либо избрал бы для самоубийства водопад Кэгон в середине зимы.

— Может быть, ты прав, но все же...

— И в случае со вторым братом многое вызывает сомнения: способен ли уйти из дома свихнувшийся человек, да еще прихватив с собой прислугу?

— А почему бы и нет? Не исключено, что и прислуга могла по своей воле уйти вместе с ним.

— Вот я и думаю: он заранее с прислугой сговорился, что представится сумасшедшим.

— Короче говоря, ты с самого начала безапелляционно утверждаешь, что твои братья — симулянты, и тем самым обрекаешь роман на неудачу. Заронить сомнение, мол, не исключено, что все это было специально задумано, — еще куда ни шло, — сказал я и добавил: — Уж если ты решил написать об этом роман, тебе потребуется целая жизнь, чтобы узнать, были ли поступки твоих братьев специально задуманы или нет. Иначе ничего путного не выйдет из-под твоего пера.

Нельзя сказать, чтобы Наодзи в этом романе совершенно не выражал сочувствия братьям. Он писал, что оба они необычным путем женились на женщинах низкого происхождения и это явилось своего рода протестом про-

тив феодально-помещичьего семейного уклада в деревне и привело к краху старинной провинциальной семьи. Но затем оба они успокоились и мирно зажили в деревне. Так что в молодые годы им лишь единственный раз довелось проявить смелость.

Я чрезвычайно редко общался со старшими братьями Наодзи, не мог судить ни об их характере, ни об образе жизни, а только по внешним признакам трудно решить: в самом деле поутихли они, как утверждает Наодзи, или нет?

Видимо, ему не нравились жены старших братьев, он даже презирал их за низкое происхождение и плохое воспитание. Правда, открыто он об этом в романе не писал, но это угадывалось из некоторых стилистических различий в описаниях жен старших братьев и его собственной возлюбленной. Кроме того, он откровенно восхищался отцом как главой старинного почтенного семейства и безоговорочно соглашался с ним, когда тот говорил, что разочарован в своих сыновьях.

Но если хоть как-то, пусть с оговорками, можно принять часть романа, посвященную братьям, то описание его собственной любви было поистине банальным. Наверно, потому, что его любовь была самой что ни на есть заурядной. Бесконечные описания радостных свиданий в Токио, прогулок по Гинзе, посещений кинотеатров... О таком написать не просто!

Нелегкая судьба старших братьев способствовала тому, что женитьба самого Наодзи прошла гладко. Ни родители, ни братья в его матримониальные дела не вмешивались, предоставив ему полную свободу действий. Он женился на той самой девушке, которую описывал в своем романе.

Признаться, именно семейная жизнь Наодзи, а не его братьев складывалась довольно странно. Между супругами не прекращались ссоры. Правда, могут сказать, мол, это и есть нормальная супружеская жизнь.

Литература оказалась временным увлечением Наодзи. Окончив университет, он забросил свой роман и поступил на службу в одну компанию. Потом перешел в другую, в третью, но нигде не добился заметного успеха.

При каждой ссоре супруга Наодзи имела привычку убегать к своим родителям. Эта привычка не изменилась и после того, как она родила двоих детей, и даже когда старший поступил в школу. Она по-прежнему уходила к родителям, оставляя детей на попечение мужа. Возникали разговоры и о разводе — хотя и не вполне серьезные.

Однажды, когда жена в очередной раз убежала к роди-

телям, Наодзи открыл платяной шкаф и обнаружил, что там не хватает многих кимоно. Он и раньше замечал, что узел, который жена брала с собой, уходя к родителям, становился наполовину меньше, когда она возвращалась, — вот он и решил проверить.

«Наверно, кое-какие наряды отдает младшей сестре», — подумал Наодзи, но настроение у него испортилось.

Когда жена вернулась домой, он первым делом спросил ее об этом.

— Не могу же я идти в родной дом, не имея даже смены белья, — возразила она.

Такое объяснение не на шутку разозлило Наодзи. Разразилась крупная ссора, и жена снова убежала к родителям.

Ну, с меня хватит, решил Наодзи и отправился ко мне за советом. Я порекомендовал ему поговорить с братьями.

— Я и собираюсь, — возмущенно сказал он.

Спустя несколько дней он снова заявился ко мне. Вид у него был крайне удрученный и даже несколько ошарашенный.

— Ездил в деревню к ее родителям. Детей взял с собой и оставил у них.

— Ну, а каково мнение братьев?

— Оно мне заранее было известно. Один старший брат, когда я все ему рассказал, позвал жену, попросил снять с его ног таби¹ и показал мне рубцы. Это он обморозился у водопада Кэгон, когда они чудом избежали смерти.

— Вот как?!

— Он верит, что выздоровел благодаря самоотверженному уходу его нынешней жены.

— Значит, все было совсем не так, как ты описывал когда-то в своем романе, — сказал я.

— Да. Но если этот брат меня старался успокоить, то другой обескуражил. Он молча выслушал мои жалобы, потом высмеял: «Подумаешь, есть от чего расстраиваться! А знаешь ли ты, что моя прежняя жена прелюбодействовала прямо у меня на глазах?!»

Я оторопело поглядел на него и больше не мог вымолвить ни слова.

Меня тоже поразил рассказ Наодзи.

Оказывается, он не поверил брату. Не исключено, сказал он, что измена первой жены послужила причиной помешательства брата. А может, наоборот, все это фанта-

¹ Японские носки из плотной ткани.

зия, которая привиделась ему уже после того, как он тронулся умом. И он до сих пор не освободился от этой фантазии, другими словами, от помешательства. Или, может быть, он все это придумал, чтобы меня уговорить, сомневался Наодзи. «Мне стало жутко, и я прекратил разговор с братом», — заключил Наодзи.

Потом он сказал, что боялся прямо спросить первого брата о прежней жене второго и решил узнать кое-что о нынешней — бывшей прислуге, чтобы по его тону попытаться определить, действительно ли та, прежняя жена изменяла ему у него на глазах.

Старший брат, кажется, убедил Наодзи, что прислуга не была в предосудительных отношениях со вторым братом. Она лишь ухаживала за ним, когда тот попал в сумасшедший дом, и согласилась выйти за него замуж после того, как он вылезился.

В любой литературе, в том числе японской, при всем ее национальном своеобразии, непременно содержатся качества общечеловеческого значения, которые при известных условиях — одни раньше, другие позже — становятся фактом литератур различных народов, приобретают значимость общемировую. Однако, чтобы национальное искусство одной страны стало общечеловеческим, необходимы несколько условий: глубина, поучительность, масштабность событий и явлений национальной жизни, изображенных в произведении, высокая степень художественного обобщения. Именно этими качествами обладают наиболее зрелые литературные произведения, являющиеся достоянием определенной нации, народа, страны. Ибо, по справедливому замечанию Белинского: *«Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству»*.

Выдающийся японский писатель Ясунари Кавабата, один из крупнейших прозаиков XX века, обладал даром талантливого художника, которому дано умение связывать общие понятия эстетики и философии, своеобразные черты и национальную самобытность культуры японского народа с собственными своими исканиями и творческими устремлениями. И то, что возникало в произведениях Кавабата как индивидуальное, неповторимое, неожиданное, как некое художественное открытие мира, восходит к первоисточкам японского словесного искусства, к глубинным родникам национальной культуры. Именно эти особенности литературного творчества Кавабата нашли высокую оценку при присуждении ему Нобелевской премии в 1968 году — за *«писательское мастерство, которое с большим чувством выражает суть японского*

образа мышления». Но велика заслуга Кавабата и в том, что, показав в своем творчестве японцев, он вызывает и у иностранного читателя глубокий интерес и симпатию к ним, потому что раскрывает то общечеловеческое, которое и является наиболее прочной основой для взаимного уважения между народами Востока и Запада.

Творческая манера может быть традиционной и одновременно выражать новое в жизни народа. Все дело в таланте художника. Именно талант находит для себя наиболее оправданную и естественную форму. Поэтому едва ли оправданно вообще искать какую-либо одну школу, которой только и следует в своих произведениях истинный художник. К тому же никакой школе не принадлежит монополия на мастерство. Трудно, в самом деле, допустить, чтобы Кавабата был глух ко всему, что его окружало с самых ранних лет и оказывало воздействие на эстетические его вкусы. Духовная обстановка, порождавшая множественность идейных и художественных исканий, — вот что обусловило своеобразие его творческого развития.

Одним из бесценных источников вдохновения и эстетического становления служили для Кавабата выдающиеся произведения японской классики, в первую очередь «Гэндзи-моноготари» — «Повесть о Гэндзи», своеобразный нравоописательный роман — первый роман в истории мировой литературы, в котором рассказывается о жизни блистательного принца Гэндзи.

«Гэндзи-моноготари», безраздельно господствующий над всем японским словесным искусством, по признанию самого Кавабата, оказал на него наиболее глубокое воздействие, приобрел основополагающее значение в его эстетическом формировании, воспитании художественного вкуса и культуры

языка. Примечательно, что не на страницах средневековых эпосов с их кровопролитными баталиями, самурайскими битвами, насилием и жестокостями искал свои идеалы Кавабата, но в произведениях, которые утверждают принципы человечности, гуманистические начала, все то, что способствует гармоническому развитию личности и возвеличивает прекрасное в жизни.

Но мог ли настоящий художник быть непричастен к тревогам сегодняшнего дня, оставаться в стороне, не ощущать пульса окружающей его жизни, если творчество его обращено к сознанию и сердцу современника? Литературный труд не отделял Кавабата от жизни, скорее, напротив, сближал с нею, ибо его писательский подвиг был связан со знанием жизни, с осмыслением огромного, бесконечного мира окружавшей его реальности.

«Я пытаюсь понять, — говорил когда-то Кавабата, — является ли наша эпоха, в которую я живу, наиболее благоприятной для художников и писателей, и, думая о том, что время определяет судьбу писателя, размышляю о собственной судьбе».

В условиях милитаристского разгула в Японии, когда страна была охвачена шовинистическим угаром и прославлением военного экспансионизма, Кавабата оставался верен своим убеждениям, творческой индивидуальности, Своему видению мира, испытывая ненависть к варварству и кровожадности. *«Во время войны под тусклым светом лампы я продолжал читать «Гэндзи-моногатари»... Это было моим протестом против духа времени».*

В те годы требовалось немало мужества, чтобы противостоять всеобщему психозу милитаризма в стране, тяжелому угару национализма и сохранить собственное видение реальности. И тем не менее сознание

художника отвергало всякую мысль об услужении силам человеконенавистнического империализма и агрессии во имя «священной миссии» Японии и «великой сферы процветания стран Азии». *«Мне чужда была слепая вера в «божественную Японию», к ней не лежала моя любовь. Во мне жила печаль, и я грустил вместе со своими соотечественниками»*, — вспоминал он впоследствии. Быть может, позицию эту трудно назвать воинственно непримиримой, но мы знаем, что среди японских писателей были и такие, кто дрогнул, склонился в страхе, став на путь приспособленчества и коллаборационизма.

Увлечение Кавабата — сочинения писателей былых веков. Старые книги, отображавшие тревоги и волнения мысли, нравственные идеалы, эстетические взгляды целых поколений. Старые книги о том мире, который и сейчас окружал писателя, о живой реальности, прошлое и сегодняшнее — вот главные источники вдохновения и творческих исканий Кавабата. Направление философского и эстетического мышления писателя — в русле японских духовных традиций. Для него были бесконечно дороги духовные ценности, наследие возраставшего его японского народа.

Кавабата — не первый и, вероятно, не последний среди тех, кто обращался и еще обратится к прошлому японской литературы. К тому литературному наследию, которое обладает только ему присущим обаянием, особой силой художественного воздействия. Но речь, разумеется, идет не о простом стремлении окунуться в «глубокую и милую» старину и ощутить атмосферу минувших веков.

В лучших творениях японской классики писателя привлекали возвышенность мысли, учение о прекрасном как важнейшем факторе культуры и моральных сил, оказывающих огромное воздействие на человеческие

отношения и духовный мир личности. Идеи содержательной красоты, непреходящего ее значения в жизни человека и в искусстве постоянно владели сознанием писателя на протяжении всей его творческой жизни.

Память об истоках. Идеи, придающие его творчеству определенное своеобразие, мысль, что прошлое неистребимо, что оно продолжает существовать, что в давно покинутых местах мы встречаем неутраченное время. Разве прошлое не присутствует в настоящем, а настоящее — в вечности?

Художественное мышление Кавабата исторично: писатель понимает, что связь времен не распалась и что с культурой прошлого нас соединяют неисчислимые нити. Историзм художественного мышления Кавабата — в нерасторжимой связи с традициями многовековой японской культуры и в том, что словесное его творчество выросло из реальных характеров и конфликтов, а не было надумано или вычитано из национальной классики и модных западных книг. Можно говорить о том, что творчество Кавабата имело целью возрождение традиционной системы на новой основе. В этом, очевидно, было для писателя значение японской классической традиции, идущей из прошлого в сегодняшний день, в современность.

Кавабата обладал способностью образными средствами восстанавливать связь времен, выявляя в классическом наследии японского прошлого те неумирающие ценности, которые и сегодня необходимы искусству слова. Это, в частности, обнаруживается в трехмерности изображения: прошлое, настоящее, будущее.

Трехмерность видения имеет свою традицию, уходящую далеко в глубь веков. Традиция эта передавалась по наследству из поколения в поколение. В ее духе воспитывались

сменявшие друг друга генерации поэтов и художников. Но не просто наследовалась и не просто воспитывались — шел процесс развития и обогащения этой традиции как своеобразного мироощущения вопреки раздражению некоторых приверженцев модных течений и веяний.

Отсюда нередко встречающаяся наполненность произведений словесного искусства даже современных, историческими намеками, литературными реминисценциями, поэтическими образами, созданными художниками слова предшествующих эпох.

Одним из центральных моментов эстетики японского искусства является представление о печальном очаровании вещей. Прекрасное, красота в японской, как и в китайской, классической литературе нередко имеет элегическую окрашенность, поэтические образы проникнуты настроением печали, грусти, а порой несут в себе скорбную тональность. В поэзии, как в традиционном саду, нет ничего лишнего, ничего ненужного, но всегда присутствует воображение, намек, некая незавершенность и неожиданность. Деревья, цветы, камни, обращаемые в одухотворенные образы, и мысль, покоряющая своею глубиной и тонкостью наблюдения.

То же самое мы обнаруживаем при чтении книг Кавабата, открывая для себя сложность отношения автора к своим героям: симпатии и сочувствие, милосердие и нежность, горечь, боль. Творчество Кавабата преисполнено традиционной японской созерцательности, юмора, тонкого понимания природы и ее воздействия на человеческую душу. В нем раскрывается внутренний мир человека, стремящегося к счастью. И одна из тем его книг — грусть, одиночество и невозможность любви.

Примечательным в творчестве Кавабата является то, что часто в самом обычном, в

какой-то малой детали скучной каждодневности, обнаруживается нечто существенное, раскрывающее душевное состояние человека. Детали постоянно в фокусе зрения Кавабата. Повторяющиеся, взятые из окружающего бытия. Однако предметный мир у него не подавляет движение характера, повествование содержит психологический анализ и отличается большим художественным вкусом. Писатель всегда чувствует над собой власть точного слова, власть краткости, презрение к длиннотам и, конечно, чувствует образы. В конечном итоге именно образность отличает художника от ремесленника. Он говорит с нами на языке образов и символов.

Особо следует отметить роль природы в произведениях Кавабата. Жизнь природы и человека органически взаимосвязаны не только в представлении художника, но прежде всего в самой реальности. Отсюда возвращение к изначальной природе, которая едина, неделима. Познать свой изначальный дух — и значит узреть первородность природы. С этим связано и ощущение ритма вселенной, глубинное проникновение в законы природы, позволяющее жить с нею в едином дыхании, не переступая естественных закономерностей.

Многие главы произведений Кавабата начинаются строками о природе, что как бы задает тон дальнейшему повествованию. Иногда природа — лишь фон, на котором разворачивается жизнь героев. Но иногда она как бы обретает самостоятельное значение. Автор словно призывает нас учиться у нее, постигать непознанные ее тайны, видя в общении с природой своеобразные пути нравственного, эстетического совершенствования человека.

Для творчества Кавабата характерны ощущение величия природы, утонченность зрительного восприятия, смелая и даже дерзновенная передача эффектов света и тени.

Через образы природы он раскрывает движения человеческой души, и потому многие его произведения многоплановы, имеют скрытый подтекст.

Тонкость наблюдений, одухотворенность, изящество письма — все то, что создает очарование художественного таланта, неотъемлемо от языка писателя, этого всемогущего орудия человеческой мысли. Язык Кавабата — образец японского стиля. Краткий, емкий, глубокий, он обладает образностью и безупречностью метафоры. Произведения Кавабата — свидетельство того, что искусство слова — это волшебство, которое требует от художника величайшей и неустанной сосредоточенности.

Поэтичность прозы, высокое писательское мастерство, гуманистическая мысль о бережном отношении к природе и человеку, к традициям национального искусства — все это делает творчество Кавабата выдающимся явлением в японской литературе и в общемировом искусстве слова.

Ясунари Кавабата родился в Осака, одном из крупнейших городов Японии, в 1899 году, в семье врача, который, помимо своей специальности, увлекался литературой и искусством. Судьба художника складывалась драматично. Будущий писатель очень рано потерял родителей: отец его умер, когда сыну было всего три года, а через год он лишился и матери. Затем Кавабата воспитывался в доме своего деда. Но вскоре умер и дед. Незадолго до этого умерла бабушка. Мальчику пришлось искать приюта у родственников покойной матери, и он познал, как горек бывает чужой хлеб. Скорбные эти события, оставив глубокий след в памяти писателя, не могли не отразиться и на его творческом опыте. В судьбе литературных героев Кавабата чита-

тель найдет немало автобиографического.

В школьные годы Кавабата увлекался живописью, мечтал стать художником, но к пятнадцати годам он начал проявлять особый интерес к литературе и решил испытать судьбу писателя. В его первом произведении — «Дневник шестнадцатилетнего» — с искренним волнением и непосредственностью выражены чувства одинокого ребенка, на глазах которого угасала жизнь деда — единственного близкого ему человека. Мотивам этим суждено было в дальнейшем пройти через многие произведения писателя.

Примечательно, что уже в «Дневнике шестнадцатилетнего», помимо настроений печали и скорби, Кавабата делится своими наблюдениями об окружающих его людях, он рассказывает об их сострадании, бескорыстии, душевной щедрости. И мы знаем, что пережитое в детстве будет играть важную роль и в жизни писателя, и в художественном его творчестве. *«С детских лет мне пришлось жить сиротой, — отмечал позднее Кавабата в «Литературной автобиографии», — но люди окружили меня заботой, и я стал одним из тех, кто не способен обижать или ненавидеть других...»*

В школьные годы Кавабата увлекался чтением книг, преимущественно скандинавских писателей, особенно Стриндберга, и произведений японских авторов, принадлежащих к школе «Сиракаба», которая довольно решительно выступила против упрощенцев натурализма и была занята поисками новых выразительных средств. Из японских писателей Кавабата с большим интересом читал произведения Рюносэ Акутагава и Юрико Миямото.

Рюносэ Акутагава, говоря о влиянии русской литературы в Японии, еще в 20-е годы отмечал в предисловии к неосуществленному

русскому изданию своих новелл: *«Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и читателей большее влияние, чем русская. Даже молодежь, незнакомя с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Из одного этого ясно, насколько нам, японцам, близка Россия... Пишет это японец, который считает ваших Наташу и Соню своими сестрами».*

Не избежал этого влияния и молодой Кавабата. В студенческие годы он запоем читал Чехова, Достоевского, Толстого и даже перевел на японский язык (очевидно, с английского) новеллу Чехова «После театра», опубликованную в 1922 году в журнале «Бунсё курабу». В одном из рассказов Кавабата («Сделать человека счастливым») чувствуется сознательное подражание чеховскому Ваньке Жукову.

В 1920 году Кавабата поступил на английское отделение Токийского университета, но вскоре перешел на отделение японской филологии. В сотрудничестве с другими студентами он уже в следующем году начал издавать литературный журнал «Синтё» («Новое течение»). Во втором выпуске этого журнала был опубликован его рассказ «Картина для поминовения», привлёкший внимание известных японских литераторов, в частности Кикиути Кан и Ёкомицу Риити.

В 1923 году Кавабата вошел в состав редколлегии литературного журнала «Бунгэй сьондзю», для которого он писал обзоры и рецензии на выходящие книги. В 1924 году, окончив Токийский университет, писатель участвовал в создании журнала «Бунгэй дзидай», с выходом в свет которого связано возникновение нового в Японии литературного направления, получившего известность как неосенсуализм. Литература, по утверждению

неосенсуалистов, представляет собой всего лишь плод субъективных ощущений автора, а не отображение объективно существующей действительности. В ранний период своего творчества Кавабата испытал определенное воздействие неосенсуализма, но среди последователей этого направления он занимал обособленное и самостоятельное место, поскольку для его творчества неизменно важной была нерасторжимая связь с японским литературным наследием, эстетическими традициями и национальной культурой. Именно об этом с несомненностью свидетельствуют сами произведения писателя, а также его личные высказывания. В одной из своих работ Кавабата, писал, в частности: *«Увлекаясь современной литературой Запада, я порой пытался подражать ее образцам. Но по сути я — восточный человек и никогда не терял из виду своего собственного пути».*

В 1926 году Кавабата публикует небольшую повесть «Танцовщица из Идзу». Это было первое значительное произведение, в котором писатель предстает перед нами как тонкий и наблюдательный художник. Еще в 1918 году, получив небольшое наследство, Кавабата совершил путешествие по полуострову Идзу, а спустя восемь лет появилась эта повесть, которая привлекла внимание литературной критики и снискала ее автору популярность среди читателей. Рассказывая о лирических переживаниях юноши, писатель не только сумел раскрыть душевные движения, чистоту первой любви молодого человека, но и создал один из самых пленительных в японской литературе девических образов.

Подлинный успех писателю принесла его повесть «Снежная страна», признанная литературными кругами Японии крупнейшим явлением лирической прозы. «Снежная стра-

на» привлекает нас воссозданным в ней неповторимым своеобразием мира людей и природы, изображенных в поэтических красках, столь характерных для Кавабата.

Над этим произведением Кавабата работал на протяжении нескольких лет, с 1934 года. В сущности, оно сложилось из нескольких частей, написанных в разное время. Это были рассказы на взаимосвязанные или взаимоперекликающиеся темы, объединенные общим лейтмотивом — неразделенной человеческой любви и обаяния снежной страны.

Повесть «Снежная страна», впервые опубликованная как цельное произведение в 1937 году, представляет для нас интерес во многих отношениях, но прежде всего потому, что в ней ясно обнаруживается система художественного мышления Кавабата. Мы имеем в виду свойственную писателю самобытную манеру видеть, думать и говорить, благодаря чему при чтении его произведений рождается синтез непосредственных впечатлений писателя с исконным стремлением человека к прекрасному. И тогда вместе с автором нам удается живо почувствовать гармонию, непреложность и тайну окружающего нас мира реальности.

В послевоенные годы творчество Кавабата при всем его своеобразии и индивидуальности продолжало плодотворно развиваться в ключе классических традиций японского словесного искусства. К числу наиболее талантливых произведений этого периода относится повесть «Тысяча журавлей» (1949), романы «Стон горы» (1954) и «Старая столица» (1962), утвердившие за писателем репутацию крупнейшего японского художника нашего времени.

Повесть «Тысяча журавлей» открывается картиной чайной церемонии в храме древнего города Камакура, где писатель прожил дол-

гие годы. Во время этого ритуала читатель встречается с героями повести: Кики и полной обаяния Юкико, судьбы которых составляют главную сюжетную линию.

В этом произведении особенно отчетливо проявилось присущее Кабата умение раскрыть характер персонажа с помощью внутренних монологов, авторских отступлений, специфической японской символики. Известно, что иногда одна тонко подмеченная деталь может выразить больше тщательно выписанного портрета. Искусство, однако, в том и состоит, чтобы обнаружить и передать эту живописную деталь.

Воображением Кики овладевает овеянный романтикой облик Юкико, держащей в руке розовый платок-фуросики с изображением летящих журавлей. В японской символике журавли — олицетворение надежды, благополучия, счастья. Белоснежные очертания летящих журавлей на розовом фоне платка имеют все тот же символический смысл, восходящий к глубинной сути эстетических воззрений японцев. Героине повести тем самым как бы предначертывается счастливая судьба.

И тут же перед глазами невольно встает хрупкая детская фигурка на треножном постаменте, высящаяся на площади в Хиросиме. Ее вдохновенно вскинутые вверх руки несут журавля с распахнутыми крыльями. Монумент этот воздвигнут в эпицентре взрыва американской атомной бомбы в память о девочке Садако, пораженной лучевой болезнью. Движимая надеждой, что журавли способны приносить людям счастье, девочка стремилась сделать тысячу бумажных журавликов, чтобы наступило исцеление от мучившего ее недуга. Фигурка юной японки, жизнь которой оборвала атомная радиация, стала символом надежды, что трагедия

Хиросимы не повторится...

В романе «Стон горы» Кавабата исследует метаморфозы чувств и психологию своих героев, скрывая, хотя и не всегда с достаточной глубиной, социальные корни трагических судеб людей, последствия их разобщенности в условиях буржуазной действительности. При всей «бледности социального фона», особенно рельефно обнаруживаются, однако, нравственные стороны созданных художником образов, на которых он сосредоточивает главное внимание. Писатель неустанно и пытливо всматривается в окружающих его людей, в действительность, пытаясь «познать, понять, выразить». Он постоянно стремится и к более глубокому постижению, и к более точной выразительности. В этом смысле художественный опыт Кавабата скорее можно охарактеризовать как прозу психологическую или, точнее сказать, как творчество, которому присущ психологизм прозы реалистической.

Кавабата постоянно вводит в повествование мотивы самобытных японских традиций, обычаев. С их помощью писатель воссоздает реальную действительность, добиваясь художественной достоверности и убедительности изображения. Он прекрасно понимает, что меняется мир, окружающий нас, меняется сам человек. И жизнь меняется, приобретая новые черты и особенности. Важно, однако, чтобы человек всегда сохранял чувство счастья, чувство прекрасного.

Все эти особенности свойственны лучшим произведениям писателя, в том числе и его роману «Старая столица», опубликованному впервые в крупнейшей газете «Асахи симбун» в конце 1961 – начале 1962 года. Пожалуй, ни в каком другом произведении Кавабата не размышлял с такой прямотой и непосредственностью о судьбах национальной культуры, о ее будущем, а в конечном счете о буду-

щем японцев, как в «Старой столице».

Старая столица — это город Киото, который писатель почитал своей родиной, хотя и родился в Осака. Через восемь лет Киото исполнится ровно двенадцать веков. Он был основан в 794 году и являлся политическим центром Японии до начала XIII века. Потом центр переместился в Камакура, затем, с XV по XVII век, — снова в Киото. Затем — в Эдо (ныне Токио). Но старой столицей Киото сделался уже в конце XII века, когда он еще назывался Хэйан («мир и покой»), как средоточие и символ культуры, главная черта идеала которой — мир, гармония человека и бытия.

Летом 1945 года Киото уцелел случайно. Американские военные стратеги решали, на какой японский город сбросить первую атомную бомбу. Это должен был быть город с достаточной большим населением и не затронутый «обычными» бомбардировками. Среди намеченных объектов бомбометания оказался Киото. Только случай спас Киото от разрушения — в последний момент город был исключен из списка целей, намеченных для атомной бомбардировки. Два других города — Хиросима и Нагасаки, — тогда не столь знаменитых, погибли от взрыва американских атомных бомб.

В «Старой столице» Кавабата скорбит о том, что рушатся устои, основанные на древних традициях. Он старается еще раз напомнить соотечественникам о всем том прекрасном, что сохраняется в них, предостерегая, что вскоре всему этому наступит конец и старинный Киото «превратится в один туристский отель». С болью упоминает писатель о том, как американские оккупационные войска построили для себя коттеджи в прекрасном ботаническом саду и он стал чужим, потерял свой былой облик.

В «Старой столице» все время переплетает-

ются два символа прекрасного, идеального — природы и человека. Это прямые, стройные криптомерии и только с ними сравнимые по душевной и физической красоте сестры-близнецы. Надо сказать, что женщины — любимые персонажи Кавабата. Они и есть у него носительницы красоты, животворящей любви. Мужчины — скуднее сердцем, они жестоки и эгоистичны.

«Старая столица», безусловно, многоплановый роман. Это и роман с романтической тайной. Фабула его — история двух девушек-близнецов — Тизэко и Наэко, — разъединенных вскоре после рождения и находящихся друг друга случайно. Этот известный в мировой литературе мотив уходит в глубины мифа, но имеет свои национальные особенности. Рождение близнецов означало, по народным поверьям, что семья отмечена некоей враждебной потусторонней силой, и, следовательно, могло принести семье несчастье, вызвать настороженность со стороны других людей. Это непременно нужно учитывать для правильного понимания отношений Тизэко и Наэко, в особенности для понимания нарочитой сдержанности Наэко: древнее поверье было еще достаточно живо и в середине нашего столетия, когда происходит действие романа.

Жители Киото в память о Кавабата, избравшем местом действия своего последнего романа старую столицу, назвали его именем одну из улиц города, а в декабре 1972 года — года смерти писателя — в саду Китаяма установили памятник, на котором высечена фраза из «Старой столицы»: *«Сердито зашумели вершины криптомерий, молнии полосовали небо, вонзались в землю, освещая стволы обступивших девушек деревьев. Красивые, стройные криптомерии теперь казались грозными, злобещими. Прямо над го-*

ловой раздался оглушительный удар грома...»

Повесть «Озеро» (1954) с новой стороны открывает для нас творчество Кавабата. Главный герой ее, Гимпэй, — жестокий эгоист с явно нарушенной психикой. Он подвержен различным галлюцинациям, которые своеобразно вкрапливаются автором в реалистическую ткань произведения. Но и в этой повести Кавабата верен себе: через восприятие Гимпэя он раскрывает перед нами целую галерею женских образов — от пленительной девушки Матиэ до падшей женщины, готовой продать себя первому встречному.

Рассказы Кавабата существенно дополняют наше представление о нем как о художнике. Он чрезвычайно ровный мастер. К тому же его творчество, пожалуй, не имеет так называемых периодов. Многие темы разрабатываются последовательно и с разных граней от книги к книге. Темы эти близки к музыкальным. Нечто вроде лейтмотивов. Особенно это заметно в большом цикле «Рассказы величиной с ладонь», начатом писателем в конце 20-х годов и длившемся почти до конца его творческого пути. Целиком принадлежа традициям классической японской прозы, рассказы Кавабата в чем-то близки русскому рассказу Тургенева, Чехова, Бунина, с одной стороны, и жанру стихотворений в прозе, рожденному во Франции, а в России утвержденному талантом Тургенева, — с другой.

Кавабата — противник войны и жестокости, поскольку они калечат человеческую душу. И он не стоял в стороне, в роли бесстрастного наблюдателя. Известно, что в феврале 1968 года он поставил свою подпись под обращением к японским парламентариям, призывающим к борьбе против ядерного вооружения.

Исследуя жизнь своего народа, Кавабата

писал о японцах и для них, для своих современников, хотя творчество его вызвало огромный интерес далеко за пределами Японии.

Современник... Ему адресованы мысли писателя, с ним он говорит о дне нынешнем и минувшем, о сокровенном, личном и общественном. И к старому, известному он обращается, чтобы переосмыслить, найти новое. По-своему Кавабата изобразил духовные боли своего времени. И мы легко узнаем писательское своеобразие его по глубине художественного раскрытия жизни, по богатству красок и оттенков, по точности психологического рисунка.

Благодарен судьбе, что на моем жизненном пути мне посчастливилось встретиться с Кавабата, удивительным человеком и щедро одаренным художником. Произошло это за три месяца до трагической его гибели.

Мы в тот день не только говорили, но и «беседовали кистью», передавая некоторые наши ощущения и мысли иероглифами, которые писали на бумаге.

Энергичным почерком Кавабата написал мне: *«Неприменно нынешним летом приеду в Москву!»* Передо мной и сейчас этот листок с четкими иероглифическими знаками — память о несбывшемся желании...

Давно известно, что истинно великое мы оцениваем по достоинству на расстоянии, иногда исчисляемом столетиями. Или с дистанции: стоя у подножия горы, мы обыкновенно видим лишь склон предгорья, отдельные скалы, ближние деревья, растения. Но, отойдя, иногда на много верст, мы можем охватить всю горную громаду с ее снежными вершинами, взметнувшимися в далекую небесную высь. И только тогда пред нами открывается величественное зрелище.

Нечто сходное случается и с художественными явлениями, которые бывают далеко не

в полной мере ощутимы для современников. Каждый видит какую-то одну сторону или особенность, находящуюся перед глазами или доступную его восприятию. Огромность масштаба, объем целого остается за пределами видимого.

Кавабата работал до самой смерти неустанно, нередко вновь и вновь возвращаясь к избранной теме, полюбившемуся поэтическому сюжету, мысли, возникшей в сознании художника. Он писал постоянно — и когда его произведения встречали одобрение и восторги, и когда замалчивались, а то и осуждались. Таланту ничто не прощается. Ни провал, ни успех. По выражению Достоевского, дело нужно делать так, как будто век собираешься жить, и молиться так, будто сейчас собираешься умереть.

И кажется невероятным, что редкостного этого человека нет больше среди нас. Он отделен. Отделенность и есть смерть. Отделенность отлетевшего от древа листа. Ибо именно в жизни черпал Кавабата проблемы свои, характеры, конфликты. Страницы его новелл говорят нам, что связь с жизнью была для художника незаменимым и неисчерпаемым источником его творчества, убедительности самого словесного искусства.

Всякую новую вещь Кавабата стремился писать как-то иначе, не похоже на то, как писал прежде, точно стремясь дописать, расширить, углубить, наполнить новым содержанием уже, казалось бы, давно созданное произведение.

Не в этом ли бессмертном зове внутренний пафос творчества Кавабата? Нас не покидает ощущение, что кистью Кавабата движут чувства искренние, мысли и побуждения запредельные.

Н. Федоренко

СОДЕРЖАНИЕ

Стон горы. Роман.	7
<i>Перевод В. Гривнина</i>	
Старая столица. Роман.	209
<i>Перевод Б. Раскина</i>	
Танцовщица из Идзу. Повесть.	351
<i>Перевод В. Марковой</i>	
* Озеро. Повесть.	376
<i>Перевод Б. Раскина</i>	

Рассказы

<i>Перевод Б. Раскина</i>	
Ночная игра в кости	469
Сон женщины	484
Письмо о родинке	494
Отраженная луна	502
Птицы и звери	512
* Голос бамбука, цветок персика	532
* Рассказы величиной с ладонь	538
<i>Н. Федоренко. Послесловие</i>	573

Редактор **Е. Г. Руденко**
Художник **В. Н. Власов**
Художественный редактор **Е. А. Кудрявцева**
Технический редактор **Е. Ю. Лунёва**
Корректор **О. В. Куваева**

ИБ № 2984

Слано в набор 04.05.85. Подписано в печать 28.04.86. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Эксельсиор. Печать офсетная. Условн. печ. л. 31,08. Усл. кр.-отт. 63,11. Уч.-изд. л. 35,19. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1944. Цена 4 р. Изд. № 1776. Издательство «Раута» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.